

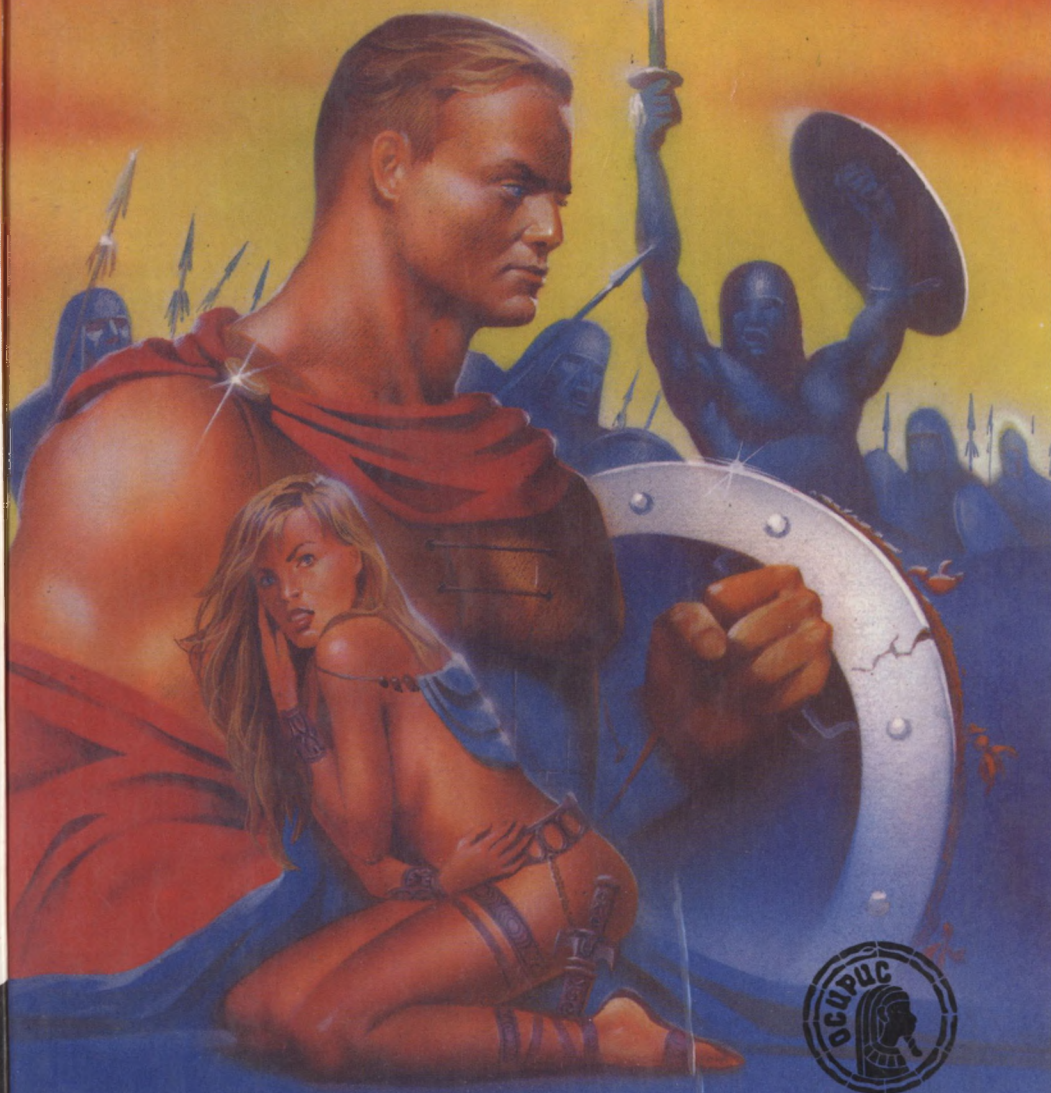
М А Й К Л М У Р К О К

ГОРОД ЗВЕРЯ

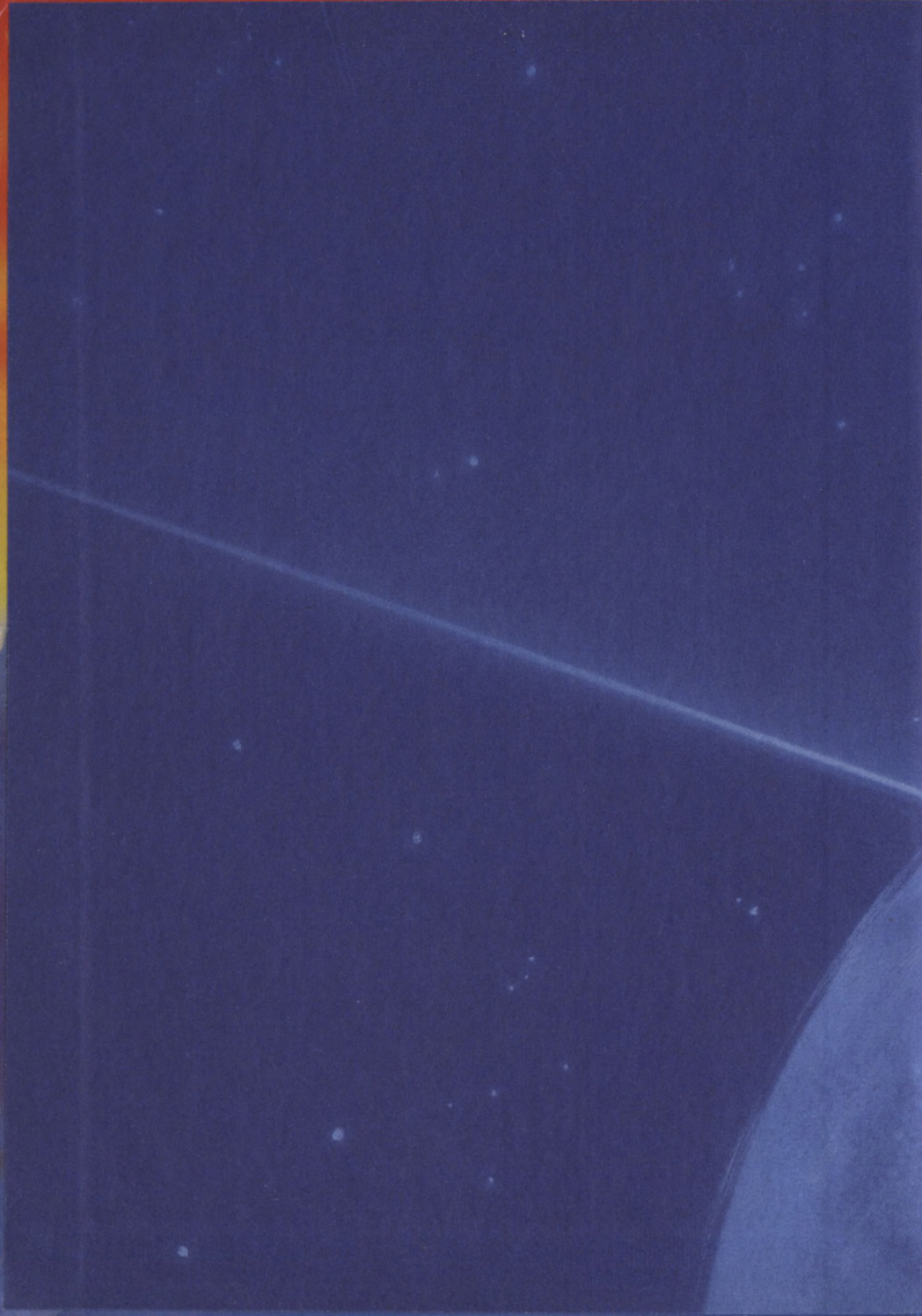
Город Зверя

МАЙКЛ
МУРКОК

30

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Майка Муркок

★ ТРИЛОГИЯ О МАЙКЛЕ КЕЙНЕ ★

- ★ ГОРОД
- ★ ЗВЕРЯ
- ★ ПОВЕЛИТЕЛЬ
- ★ ПАУКОВ
- ★ ХОЗЯЕВА
- ★ ЯМЫ

★ ————— ★

- ★ ЛЕДОВАЯ
- ★ ШХУНА

★ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ ★

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

Москва
1993

**ББК 84.7 (США)
М91**

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

В ы п у с к 30

Художник Е. Ю. Малышенкова

Муркок Майкл
М91 Город Зверя. Фантастические романы. Пер. с англ. «Осирис»,
Вып. 30. — М.: Центрполиграф, 1993.— 446 с.

В сборник фантастических романов писателя Майкла Муркока вошла трилогия о Вечном Герое, путешествующем во Времени Майкле Кейне. Мужественный, честный, благородный землянин попадает на красную планету Марс и обнаруживает там удивительную цивилизацию людей. Любовь, страдания и подвиги Вечного Героя и его возвращение на Землю говорят только о том, сколько еще тайн в Непознанной Вселенной!

Роман «Ледовая шхуна» возвращает читателей к далекому прошлому нашей планеты. Волею судьбы герои романа становятся жертвами интриг и чародейства, но грозный меч Истины разит злобных чудовищ, великанов, черных колдунов.

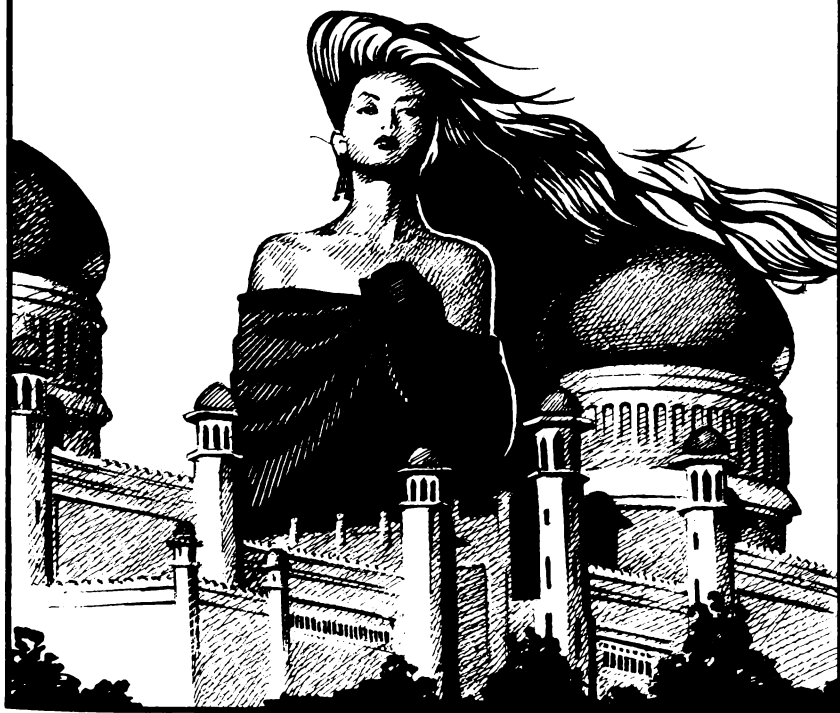
ББК 84.7 (США)

© Состав и художественное оформление.
Торгово-издательское объединение
«Центрполиграф», 1993.

ISBN 5-7001-0077-0

Город Зверя

★ РОМАН ★

ПРОЛОГ

Я проводил летний сезон в Ницце, будучи достаточно счастливым, чтобы обладать небольшим личным доходом...

Это было замечательное лето 1964 года, и толпы были больше обычного — настолько больше, что я считал необходимым предпринимать продолжительные прогулки вдоль побережья и в глубь материка, поскольку желал немного побыть один.

Я теперь благодарен этим толпам — они вынудили меня удалиться от центра скопления народа, — иначе я никогда не повстречал бы Майкла Кейна, этого загадочного человека, в чью жизнь я вскоре был вовлечен.

Лемонтань расположен вдоль побережья примерно в двадцати милях от Ниццы. Маленькая картинная деревня на вершине взгорья. Единственной ее достопримечательностью было кафе с белыми стенами, где варили превосходный кофе. Не испорченный туристами, не затронутый ходом времени Лемонтань с его кафе-террасой стал для меня местом уединения.

Было, помнится, 15 июля — один из наилучших дней в году, теплый, солнечный. Я сидел за своим столиком, потягивая прохладное перно и глядя на голубое море, когда впервые заметил рослого человека. Он вошел и сел за свободный рядом с моим стол, заказав светлого пива; акцент выдал в нем американца.

Высокий, узкобедрый великан, бронзовый и красивый. С внешностью человека, выглядевшего в этом окружении словно молодой бог. И все же в глазах его сквозило выражение, которое бывает у человека, преследуемого неотвязной мыслью, оно, казалось, говорило о страшной трагедии.

Я занимаюсь литературой, нечто вроде писателя-любителя, написавшего один-два томика рассказов о путешествиях и реми-нисценций, и мои литературные инстинкты были немедленно разбужены. Мое любопытство пересилило обычные хорошие манеры, и я решил попробовать завязать с ним разговор.

— Приятный день, сэр, не правда ли? — обратился я к нему.

— Очень приятный. — Тон его был дружелюбный, но отдаленный, а улыбка — полуискренней.

— Вы, я полагаю, американец. Вы остановились в деревне?

Он рассеянно кивнул и отвернулся, уставившись на море. Но если бы я не навязался на разговор, то лишил бы себя невероятного опыта и упустил бы самую странную повесть из всех, что мне когда-либо рассказывали.

Когда официант подошел ко мне за заказом, я велел ему принести американцу еще пива. Когда заказ был выполнен, я взял рюмку, подошел к его столику и спросил, не могу ли присоединиться к нему.

— Извините меня, — сказал он, неожиданно поднимая взгляд и даря мне один из тех дружеских полупечальных улыбок, которые станут для меня скоро близкими, — я замечтался, присаживайтесь. Мне просто необходимо с кем-нибудь поговорить.

— Вы давно здесь? — спросил я.

— Где? На Земле?

Это был поразительный по своей странности вопрос. Я засмеялся.

— Нет, конечно. В деревне?

— Нет, — ответил он, — недавно. Хотя, — он глубоко вздохнул, — чересчур уж давно, к сожалению. Вы англичанин, не так ли?

— На самом деле я родился в Новой Англии, — ответил я, — но меня усыновил выходец из Англии. А вы сами из Америки?

— Да, из Америки. Первоначально из Огайо.

Я был сбит с толку его напряженными ответами и его отвлеченной манерой речи. Почему он интересовался, имею ли я в виду планету, когда я спросил его, как давно он находится в деревне? Этот ответ еще больше разжег мое любопытство.

— Вы работаете в Америке? — продолжал я нажимать на него.

— Раньше работал, да. — Он вдруг посмотрел прямо на меня, его алмазно-голубые глаза буквально сверлили меня. Я почувствовал себя как бы включенным в розетку электрической сети.

Он продолжил:

— Это, полагаю, и было началом всего. Я мог бы рассказать вам повесть, которая заставила бы вас бежать звонить в ближайший сумасшедший дом, чтобы меня туда отправить.

— Вы меня интригуете. Судя по вашему виду, это — трагедия. У вас была неудачная любовь, не так ли? — Тут же я подумал, насколько нахальным сделало меня мое любопытство. Но он, казалось, не обиделся.

— В некотором смысле, можно сказать и так. Меня зовут Майкл Кейн. Это для вас что-нибудь значит?

— Я что-то слышал, — соврал я.

— Профессор Майкл Кейн из Чикагского Института Специальных Исследований. — Он снова вздохнул. Он заговорил о своем прошлом. — Мы занимались секретными исследованиями по передаче материи на расстояние.

— Передаче материи?

— Мне в действительности не следовало бы вам этого говорить, но теперь это, кажется, неважно. Мы пытались построить машину на основе электроники и ядерной физики, которая смогла бы расщепить атомы объекта и преобразовать их в серию волн, передаваемых на расстояние, подобно радиоволнам. Был построен и приемник, который мог теоретически ретранслировать волны обратно в передатчик.

— Вы хотите сказать, что яблоко могло быть разложено на частицы, передано, как, скажем, радиоволны, и снова стать тем же самым яблоком на другом конце, в приемнике. Теперь, когда вы об этом поведали, мне вспоминается, что я где-то читал об этом. Но я думал, что такая машина существует только в теории.

— Так оно и было до сравнительно недавнего времени — в вашем недавнем прошлом.

— В моем прошлом? А разве оно, в сущности, не то же, что и ваше? — Я был удивлен.

— К этому я и подхожу, — сказал он. — Если ее усовершенствовать — такая машина могла принять даже человека, расщепить его на атомы, передать его на любое расстояние и в приемнике на другом конце снова собрать его.

— Поразительно! Как вы сделали такое открытие?

— Построить такую машину стало возможным после завершения некоторых исследований по лазерам и мазерам. Я не стану докучать вам серией непонятных уравнений, но наша работа по световым волнам и радиоволнам оказала в этом большую помощь. Я был физиком, возглавлявшим эту работу. Я помешался на этой идее... — Голос его прервался, и он задумчиво посмотрел на стол, крепко сжав пальцы.

— А что же случилось? — нетерпеливо спросил я.

— Мы добились того, что машина заработала. Мы пропустили сквозь нее несколько крыс и мышей — успешно. А потом нам надо было испытать ее на человеке. Это было опасно — мы не стали искать добровольца.

— Так, значит, вы решили сами испытать ее?

— Совершенно верно, — улыбнулся он. — Понимаете, мне не терпелось доказать, что действительно сработает, хотя я и так был в этом убежден. — Он помолчал, а затем добавил: — Но она не сработала.

— Вы, однако, выжили, — заметил я. — Если только я не разговариваю с призраком.

— Вы ближе к истине, чем думаете, друг мой. Куда, по-вашему, я отправился, вступив в передатчик материи?

— Ну, кажется естественным, что вы отправились в приемник и были снова собраны.

— Как, по-вашему, я нормален? — Снова этот странный человек отклонился от темы.

— Вполне нормален,— заверил я его.

— Вы бы не сказали, что у меня вид и манеры лгуна?

— Я далек от этого,— серьезно сказал я.— И к чему эти вопросы? К чему вы клоните?

— Поверьте мне,— сказал он.— Я В О О Б Щ Е П О К И Н У Л Э Т У П Л А Н Е Т У.

Я разинул рот. На миг я подумал, что моя вера в его нормальность и в его слова была необоснованной. Но затем я увидел, что это не так. Все его рассуждения были здравыми.

— Вы отправились в п р о с т р а н с т в о? — переспросил я.

— Я отправился ч е р е з пространство и время тоже. Я отправился на М а р с, друг мой.

— На Марс...— Теперь я был более недоверчив.— Но как же вы смогли выжить? Марс — безжизненная пустыня, покрытая слоем пыли и лишаиниками.

— Это не тот Марс, друг мой!

— Так есть д р у г о й Марс? — поднял брови я.

— В некотором смысле — да. Планета, которую я посетил, была, по моему убеждению, тем Марсом, который можно наблюдать в телескоп. Но оказался более древним Марсом, на целые геологические эпохи в прошлом, тогда уже древним. По моей теории, наши предки — выходцы с той планеты и явились сюда, когда Марс умирал миллионы лет назад!

— Вы хотите сказать, что встречали на Красной планете людей?

— И людей очень похожих на нас. Более того, встретил странную романтическую цивилизацию, совершенно непохожую на существовавшую у нас, на Земле. Наверное, наши самые древние легенды, которые мы принесли с собой с Марса, когда наша раса бежала оттуда на Землю и выродилась в дикарей, прежде чем снова карабкаться вверх по лестнице цивилизации, намекают на нее. Ах, какое это было прекрасное романтическое место, где человек мог б ы т ь человеком, и выжить, и быть признанным за истинные качества своего характера и доблесть. И потом, там была Шизала...

На этот раз я понял выражение в его глазах.

— Так, значит, там была замешана женщина,— тихо произнес я.

— Да, там была женщина. Девушка — молодая, восхитительно привлекательная, высокая марсианская девушка, аристократка из рода, по сравнению с которым египетские династии показались бы незначительными. Она была принцессой Варналя, города Зеленых Туманов, с его колоннадами, куполами, его сильным стройным народом — лучшими бойцами во всем мире Марса в прямом и переносном смысле...

— Продолжайте,— выдохнул я, замороженный.

— Теперь это кажется похожим на великолепный сон,— печально улыбнулся он.— Сон, который я, может быть, еще смогу увидеть вновь.— Затем его губы сжались, а алмазно-голубые глаза сверкнули решительно:— Д о л ж е н увидеть!

— А я должен услышать всю эту историю,— взволнованно заявил я. Хотя мой рассудок отвергал его фантастическую сказку, мои чувства приняли ее. Он говорил правду — я был почти уверен в этом.

— Не поедете ли вы со мной в отель? У меня там есть магнитофон. Я хотел бы услышать все, что вы можете рассказать, и записать это.

— Вы убеждены, что я не сумасшедший или лжец?

— Достаточно убежден,— сказал я.— Но не совсем уверен. Вы должны позволить мне судить об этом, когда я услышу все.

— Отлично.— Внезапно он встал.

Я не страдал низким ростом, но он оказался на целую голову и плечи выше меня.

— Я хотел бы, чтобы вы мне поверили,— сказал он.— Я...— Он оборвал себя, явно удерживаясь от того, чтобы сказать мне то, что он очень сильно хотел сказать.

— В чем дело? — спросил я его, когда мы заплатили по счету и пошли к ближайшей стоянке такси.

— Я не могу вернуться в свою лабораторию, как вы понимаете,— сказал он.— А построить другой передатчик будет дорого. Так что мне нужна помощь.

— Я человек с приличными средствами,— заверил я его,— и могу каким-нибудь образом помочь.

— Вы, вероятно, мне не поверите,— произнес он со своей характерной полуулыбкой.— Но мне будет легче, если я, по крайней мере, найду сочувствующего слушателя.

Мы достигли моего отеля в Ницце — «Отель де ля Кер». Оказавшись в своем номере, я заказал обед. Как всегда, пища была отменной и оказала на нас размягчающее воздействие. Когда мы закончили есть, я включил магнитофон, и он принялся рассказывать.

Как я уже говорил, сначала было невозможно безоговорочно поверить в его странный рассказ. И все же по мере того, как он продолжал говорить, а магнитофон записывал, я становился все более убежденным в том, что он в своем уме. Он пережил все то, что рассказывал. Когда, наконец, он закончил, было далеко за полночь, я почувствовал, что тоже пережил дикие и замечательные приключения Майкла Кейна — американского физика и воина Марса.

То, что вам предстоит прочесть,— и есть, в сущности, рассказ. Немногочисленные пропуски и разъяснения сделаны мной по при-

чинам читабельности и подгонки под американские и британские законы — законы, по большей части относящиеся к научным секретам.

Вы должны судить Майкла Кейна так, как судил его я. Какими бы ни были ваши чувства, не осуждайте его сразу как лжеца, потому что, если бы вы видели его таким, каким видел его я в номере отеля в Ницце, говорящего сдержанными фразами, с невидящим взглядом, уставившимся в потолок, словно на сам Марс, меняющимся вместе с настроением, испытываемым им, когда он вспоминал ту или иную сцену, вы бы поверили ему столь же безоговорочно, как и я.

Эдвард П.Бредбери.
Честер-сквер,
Лондон, С.В.І.
Апрель 1965 г.

Г л а в а 1

МОЙ ДОЛГ МЕСЬЕ КЛАРКЕ

Передачик материи — злодей и герой этой истории, — начал Кейн, — переправил меня в мир, где я больше чувствовал себя дома, чем здесь. Он перенес меня к чудесной девушке, которую я полюбил, и она полюбила меня, — а затем снова вернулся обратно.

Но мне лучше рассказать все с самого начала.

Я родился, как уже говорил вам, в Огайо, в Биннсвиле — маленьком городке, никогда не менявшемся. Его единственная достопримечательность заключалась в месье Кларке, французе, который поселился там вскоре после Первой мировой войны. Он жил в большом доме на окраине города. Месье Кларке был невысокого роста, с типично по-французски нафабренными усами, военной походкой и выправкой.

Честно говоря, месье Кларке был для нас карикатурой на Францию и французов из грошовых романов и комиксов. И все же я обязан месье Кларке жизнью, хотя понял это спустя много лет, когда этот старый джентльмен отошел в иной мир и когда я вдруг оказался транспортированным на Марс... Но я опять забегаю вперед.

Кларке был загадкой даже для меня, хотя я в детстве и юности знал его лучше, чем кто-нибудь еще. Он был, по его словам, учителем фехтования при царском дворе в России, откуда вынужден был спешно уехать, так как власть взяли большевики.

В то время ему казалось, что весь мир пребывал в хаосе и крутился вверх тормашками. Он нашел маленький городок и

полюбил его. Вероятно, жизнь, какую он у нас вел, радикально отличалась от прежней, но он привык к ней и выглядел довольным.

Впервые мы встретились, когда я попался на «слабо» своих приятелей и влез на его забор, чтобы посмотреть, что он делает. В то время мы были убеждены, что он шпион. Он поймал меня, но вместо ожидаемого расстрела добродушно рассмеялся и отправил меня восвояси. После этого случая он мне сразу понравился.

Вскоре у нас, ребят, наступила пора хождения в кино на Рональда Колмена в «Пленнике Зенды». Мы все стали Рупертами и Рудольфами. С длинными палками, заменявшими нам шпаги, мы до изнеможения фехтовали друг с другом — не очень умело, но с большим энтузиазмом.

Однажды в солнечный полдень раннего лета я и мой товарищ Джонни Балмер сражались за трон Пуритании перед домом месье Кларке. Неожиданно раздался громкий крик, мы удивленно оглянулись.

— Нон! Нон! Нон! — Француз был явно рассержен. — Это неверно! Это не так, как фехтуют джентльмены.

Он выбежал из сада и, выхватив у меня палку и приняв грациозную позу, принялся фехтовать перед лицом пораженного Джонни, который попросту стоял разинув рот.

— Теперь, — обратился он к Джонни, — ты должен то же самое, уи?

Джонни попытался скопировать его позу.

— Теперь ты делать выпад — вот так! — Палка метнулась молниеносным движением вперед и остановилась у груди Джонни.

Мы с Джонни пришли в бешеный восторг. Вот человек, который стал бы достойным соперником Руперта.

Через некоторое время месье Кларке остановился и покачал головой.

— Не хорошо с этими палками. Мы должны взять настоящие рапиры. Нон? Идемте!

Мы последовали за ним в дом. Он был хорош, хотя и не изысканно меблирован. В специальной комнате наверху мы еще раз охнули и разинули рты.

Здесь была выставка клинков, да таких, какие не могли нам даже присниться! Теперь я знаю, что это были рапиры, шпаги и сабли, да еще коллекция прекрасного антикварного оружия: ятаганы, самурайские мечи, двуручные мечи, короткие римские мечи — гладиусы, и многие, многие другие...

Месье Кларке махнул рукой в сторону завораживающей выставки оружия.

— Вот! Моя коллекция. Они милы — эти маленькие мечи, нон? — Он взял маленькую рапиру и протянул ее мне, вручив похожую и Джонни.

Какое непередаваемое завораживающее ощущение — держать в руке хорошо сбалансированную шпагу. Я разминал запястье, не совсем умея добиться этого баланса. Месье Кларке взял меня за руку и показал, как нужно держать ее.

— Не хотелось бы вам обучиться надлежащим образом? — подмигнув, спросил он. — Я мог бы многому научить вас.

Неужели такое возможно? Мы держали в руках эти рапиры и могли сражаться на них, подобно самым лучшим фехтовальщикам. Я был счастлив, пока мне не пришла в голову мысль, заставившая потупитьсья.

— О, у нас нет денег, сэр. Мы не можем заплатить вам, а наши родители вряд ли станут — они достаточно скупы.

— Я не желаю оплаты. Умение, которое вы приобретете у меня, будет достаточной наградой! Но сперва я покажу вам эти простые парирования.

И он принялся обучать нас. Мы не только учились фехтовать современным спортивным оружием — рапирами, шпагами и саблями, но также и древним оружием разных форм, веса, размеров и баланса. Он обучил нас своему чудесному искусству.

Мы с Джонни посещали специальную комнату шпаг месье Кларке каждую свободную минуту. Он, казалось, был благодарен нам за возможность передать умение, также как и мы ему — за шанс научиться.

К пятнадцати годам мы оба были весьма неплохими фехтовальщиками, и мне думается, что я немного превосходил Джонни, хотя это мое личное мнение.

Примерно в то же время родители Джонни переехали в Чикаго, так что я стал единственным учеником месье Кларке. Если я не был занят физикой в школе, а позже в университете, то меня можно было найти у него оттачивающим свое мастерство. И наконец настал день, когда он закричал от радости. Я победил его в долгом и сложном поединке!

— Ты самый лучший, Майкл! Лучше, чем все, кого я знал!

Для меня это была самая высокая похвала, которую я когда-либо получал. В университете я, конечно, занимался фехтованием и был отобран в американскую сборную на Олимпийские Игры, но из-за критического положения в учебе мне пришлось выйти из состава команды.

Вот так я научился фехтовать.

В минуты крайней подавленности я считал этот вид спорта довольно бессмысленным — архаическим и лишь косвенно полезным, в том смысле, что он дал мне превосходную реакцию, укрепил мускулы и оказался полезен в армии. Я был уже физически подготовлен.

Мне повезло. Я хорошо учился и уцелел на военной службе, часть которой прошла в боях с партизанами во вьетнамских джунглях. К тому времени мне исполнилось тридцать, и я был известен в мире физики. Одержимость идеей передачи материи выдвинула меня в начальники отдела, ответственного за изобретение машин.

Я помню, как мы сутками работали над ней, стараясь увеличить ее возможности, дабы она могла переносить на расстояние человека.

Неоновые лампы на потолке лаборатории освещали сверкающий шкаф из стали и пластика, направленный на него большой «транзисторный конус», а также другое оборудование и приборы. Так работала наша пятерка — трое техников и доктор Логан, мой главный помощник.

Я проверял приборы, в то время как Логан и техники работали с оборудованием. Вскоре все датчики показывали то, что им полагалось, и мы были готовы к проведению опыта.

Я повернулся к доктору Логану и молча взглянул на него. Он выразительно посмотрел на меня. Затем мы пожали друг другу руки — это было все.

Я влез в машину. Раньше они пытались отговорить меня от этого сумасшествия. Но ко времени проведения эксперимента — сдались. Логан снял телефонную трубку и связался с бригадой, управляющей «приемником», расположенной в лаборатории на другой стороне здания.

Логан сообщил бригаде, что мы готовы. У них тоже было все в порядке.

Логан подошел к главному рубильнику. Сквозь небольшую стеклянную панель в шкафу я увидел, как он медленно включил его. Мое тело пронзил разряд. Трудно передать то странное ощущение, когда передатчик начал работать и каждый атом моего тела был оторван от соседнего. У меня закружилась голова, затем пришло состояние нарастающего во мне страшного давления. Я почувствовал, что взрываюсь и разлетаюсь в разные стороны.

Все вокруг стало зеленым, и мне показалось, что я мягко распространяюсь во всех направлениях. Затем вокруг расцвели буйные краски — красные, желтые, пурпурные, голубые.

Возникло все нарастающее чувство невесомости — даже скорее бестелесности. Я как бы струился сквозь черноту, и М О Й М О З Г мигом опустел. Меня швырнуло на огромное расстояние, за пределы времени и пространства — и я покрыл его за несколько секунд. Вмиг все исчезло.

Я пришел в себя — если только можно так сказать — под лучами солнца лимонного цвета, посылавшего лучи с почти пурпурного неба. Это был цвет намного более интенсивный, чем какой-либо из виденных мною раньше.

Но когда я огляделся вокруг, то понял, что изменился не только цвет мира. Я лежал в тихо колышущемся сладко пахнущем папоротнике. Но он был не земной. Этот папоротник был невозможного алого оттенка!

Я протер глаза. Передатчик, или скорее приемник, сработал неверно и собрал меня, слегка поднапутав с чувством цвета.

Я встал и посмотрел сквозь море алого папоротника. И разинул рот. На фоне цепи желтоватых холмов пасса зверь, по размерам не уступавший слону, но с пропорциями лошади. На этом сходство со всеми виденными мною зверями кончалось. Это существо было пестрого бледно-лилового и светло-зеленого цвета. На его плоской, почти кошачьей голове ветвились длинные белые рога. У него было несколько хвостов, обычных для рептилий, и один огромный глаз, занимавший почти половину его морды. Глаз сверкал и блестел на солнце.

Зверь не без любопытства посмотрел в мою сторону и, опустив голову, пошел прямо на меня.

С диким криком я бросился бежать, пытаюсь себя уверить, что испытываю кошмарную галлюцинацию, возникшую в результате неисправности в передатчике или приемнике.

Слыша за собой громовой топот зверя, издающего мычащие звуки, я припустил что было сил. Обнаружил, что бежать очень легко, — не стало земного притяжения.

Затем слева от себя я услышал музыкальный смех. Веселый голос окликнул меня на языке, показавшемся мне странным, волнующим и таким прекрасным, что, казалось, он не нуждался в переводе:

— К А К С А А А М А Н Х Е Е Е А В О С У !

Я замедлил бег и посмотрел в сторону источника этого голоса, и увидел девушку, самую прекрасную, какую когда-либо видел за свою жизнь.

Ее незаплетенные в косы волосы были длинными и золотистыми. Лицо было овальным, а белая кожа — чистой и свежей. Она была обнажена, если не считать обвинявшего ее плечи тонкого плаща и широкого кожаного пояса вокруг талии. На поясе был прикреплен короткий меч и кобура, из которой торчала рукоять неизвестного мне пистолета. Девушка была высокой, с прелестной фигурой.

Ее нагота не была явной, и я сразу принял ее за норму. Девушка, кажется, не сознавала и не стеснялась ее. Позабыв о звере, я стоял и смотрел на незнакомку.

Снова она запрокинула голову и весело рассмеялась. Неожиданно я почувствовал, что мне щекочет шею что-то влажное. Думая, что это какое-то насекомое, я поднял руку, чтобы смахнуть его. Но насекомое оказалось слишком крупным. Я обернулся. Этот

странный лилово-зеленый зверь, с глазом, хвостатый и рогатый, нежно лизал меня!

Пробует меня на вкус? Я все еще не мог отвести глаз от девушки, поэтому эта мысль мелькнула и пропала.

Я понял, что где бы я сейчас ни находился — во сне или в затерянном мире, — я в панике убегал от дружелюбного домашнего животного. Я покраснел, затем тоже рассмеялся. Через минуту я решился задать вопрос:

— Если только это вас не обидит, мне хотелось бы знать, где я нахожусь?

Услышав меня, она наморщила свой лоб Юноны и медленно покачала головой:

— У Х О Й М Е Е Е Е А Л И? К И В И Н И И Н О Р Ш А С А?

Я пробовал спросить по-французски — снова неудачно. Испанский был равно не эффективен в создании понимания между нами. Мой латинский и греческий были ограниченными, но я испробовал их тоже, но ничего не добился. Она произнесла еще несколько слов на своем языке, который, когда я внимательно вслушался, показался мне отдаленно схожим с классическим санскритом.

— Мы оба в растерянности, — заметил я, стоя перед все еще облизывающим меня зверем.

Она протянула мне руку. Сердце мое заколотилось, и я едва смог заставить себя двинуться.

— Ф О Р Е Т А, — сказала она и показала на отдаленные холмы. Казалось, она хотела, чтобы я пошел с ней куда-то.

Я взял ее за руку. Вот именно так, рука об руку с самой замечательной девушкой на свете, я и вошел в Варналь. Город Зеленых Туманов — самый великолепный из всех марсианских городов. Это было так давно, о, сколько тысячелетий назад!

Г л а в а 2

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ИСТИНА

Варналь для меня, даже в воспоминаниях, намного реальней, чем когда-либо может стать Чикаго или Нью-Йорк. Он расположен в пологой долине посреди холмов, называемых марсианами Зовущие Холмы. Зеленовато-золотистые, они покрыты стройными деревьями, и когда проходишь мимо них, они звучат словно приятные далекие зовущие голоса.

Город вольно раскинулся в зеленой широкой долине вокруг горячего озера, с поверхности которого поднимаются зеленоватые испарения.

Здания Варналя высоки и белоснежны, некоторые сложены из уникального голубого мрамора. В иных вставлены ажурные узоры

из золота. Город обнесен стенами с башнями из того же голубого мрамора. На башнях развеваются разноцветные вымпелы, а на террасах толпятся нарядные жители, самый заурядный из которых стал бы самым популярным кавалером или дамой в Биннсвиле, а может быть, даже в Чикаго или в любом другом городе нашего мира.

Когда я впервые вошел в город Варналь с прекрасной девушкой, то разинул рот в почтительном восхищении. Она, видимо, восприняла мои восклицания как комплимент, чем они в общем-то и были, и, гордо улыбнувшись, произнесла что-то на своем тогда еще непонятном мне языке.

Но где же я оказался? Тогда я еще не знал. Как я попал туда?

Я ломал голову над вторым вопросом. Очевидно, в передатчике материи возникла неисправность. Вместо того чтобы отправить меня в приемник на другом конце здания лаборатории, он швырнул меня сквозь пространство и время в другой мир. Это не могла быть Земля, или, по крайней мере, не Земля моего собственного века. К тому же это явно не была и любая другая планета нашей Солнечной системы.

Но размеры Солнца и тот факт, что гравитация здесь была меньше, чем на Земле, указывали на Марс.

Вот в таком состоянии головокружительных предположений я позволил девушке провести меня сквозь золотые ворота города, по его обсаженным деревьями улицам, к дворцу из сверкающего белого камня.

Люди, мужчины и женщины, одетые, если только «одетые» подходящее слово, так же, как и девушка, поглядывали с вежливым любопытством на мой белый лабораторный халат и серые брюки.

Мы поднялись по дворцовой лестнице и вступили в большой зал, увешанный знаменами многих цветов, с вышитыми на них странными эмблемами, мифическими зверями и словами, выведенными особым шрифтом.

Вокруг зала поднимались пять галерей, а в центре располагался фонтан. Несколько просто одетых людей весело помахали девушке и бросили на меня те же взгляды вежливого любопытства.

Мы пересекли зал, прошли еще через одни двери и поднялись по винтовой лестнице из белого мрамора. Здесь, на верхней площадке, девушка остановилась и открыла дверь из полированного дерева.

Комната, в которой я оказался, была совсем маленькой. Несколько ковров и несколько шкафов вдоль стен — вот все ее убранство.

Девушка подошла к одному из таких шкафов и достала две металлические диадемы с вделанными в них лучистыми камнями.

Она надела одну из них на голову и показала, что мне то же следует сделать со второй. Я повторил ее движение, и диадема оказалась нахлобученной на мою макушку. Совершенно неожиданно я услышал голос и на секунду был поражен, пока не понял, что это было средство связи, использующее телепатию, о котором мы, физики, еще только мечтали.

— Приветствую тебя, незнакомец, — произнес голос, и я увидел, как двигаются губы девушки, обрамляя эти замечательные, чуждые земному уху слоги. — Откуда ты прибыл?

— Я прибыл из Чикаго, штат Иллинойс, — сказал я больше для того, чтобы понаблюдать работу аппарата, нежели чем сообщить информацию, которая, как я догадывался, ничего для нее не значит.

Она нахмурилась.

— Звуки мягкие и очень приятные, но я не знаю этого места. Где оно находится на Вашу?

— На Вашу? Ваш город находится в стране под названием Вашу?

— Нет. Вашу — это вся планета. Наш город называется Варналь, столица государства Карнала, моего народа.

— У вас есть астрономия? — спросил я. — Вы изучаете звезды?

— Изучаем. А почему ты спрашиваешь?

— Какая по счету эта планета от Солнца?

— Это четвертая планета.

— Марс! Это все-таки Марс! — воскликнул я.

— Я тебя не понимаю.

— Сожалею. Я каким-то образом прибыл сюда с третьей планеты, которую мы называем Земля. На ней-то и находится Чикаго!

— Но ведь на Негалу, третьей планете, нет никаких людей! Только туманные джунгли и чудовищные звери!

— Откуда вы столько знаете об этой планете?

— Наш неболет посетил ее и принес снимки.

— У вас есть космические корабли, но... — Я был в растерянности. Для меня было слишком непостижимым понять все сразу. Я расспросил ее поподробней и вскоре узнал, что планета, известная ее народу под именем Земля, не была ею. Она оказалась планетой, существовавшей миллионы лет назад, в Век Пресмыкающихся. Каким-то образом я умудрился пересечь пространство и время. В этом передатчике материи было больше свойств, чем мы догадывались!

Меня озадачило еще одно. Этот народ, похоже, не имел сильно развитой технологии — и все же у них были космические корабли.

— Как это может быть? — поинтересовался я у нее.

— Неболеты построили не мы. Они подарки шивов, так же как и эти менто-короны. У нас есть своя наука, но она не может сравниться с великой мудростью и знаниями шивов.

— А кто такие шивы?

— Они велики, и их мало осталось в живых. Они держатся уединенно и принадлежат к более древней расе, чем все остальные на Вашу. Знаем мы о них очень мало.

Я решил на время оставить этот разговор и счел, что сейчас самый подходящий момент, чтобы представиться.

— Меня зовут Майкл Кейн, — сказал я.

— Я — Шизала, Брадинака Карнала и правительница, пока нет Бради.

Я узнал, что Бради эквивалентен по значению нашему титулу «король», хотя здесь не предполагалось, что носящий его человек обладает абсолютной властью. Наверное, лучшим словом было бы «проводник» или «протектор». «Брадинака» означало, приблизительно, «принцесса — дочь короля».

— А где Бради? — спросил я.

Ее лицо стало печальным, и она потупила взгляд.

— Мой отец пропал два года назад — в карательной экспедиции против арзгунов, должно быть, он убит ими, если его взяли в плен, или убил себя. Лучше умереть, чем стать пленником Синих Гигантов.

Я выразил свое сочувствие и счел сейчас неуместными расспросы об арзгунах или Синих Гигантах. Шизала очень расстроилась, вспомнив об отце. Мною овладело желание утешить ее, но я подавил его, не зная моральный кодекс и обычаи ее народа, что могло привести к нежелательным последствиям.

Она коснулась своей диадемы.

— Ее необходимо носить еще некоторое время. Шивы дали нам еще одну машину, она сможет научить тебя нашему языку.

Мы побеседовали еще некоторое время, и я вот что узнал о Вашу, или, по-нашему, Марсе.

На Марсе возникло много государств, некоторые дружественные Карналу, некоторые нет. Все они говорили на узнаваемых версиях одного и того же корневого языка. Предположительно, это верно и для Земли — что наш язык первоначально был единым. На Вашу корневая система сохранилась.

Марсианские моря все еще существовали, как рассказала мне Шизала, хотя они явно не были такими огромными, как земные. Варналь, столица страны Карнала, был одним из городов-государств с довольно нечеткими границами, какие в свое время существовали на Земле, примерно в том же географическом положении.

Путешествовали обычно двумя способами. Большинство ездило на д а х а р а х — верховых и тягловых животных большой силы и выносливости. Но многие страны имели по несколько воздушных судов. Насколько я понял, последние работали на атомной

энергии, принцип действия которой не понимал ни один из народов Вашу.

Как я узнал, атомная энергия не была подарком шивов, она некогда принадлежала им. Были также и водные корабли с атомным двигателем, и парусные суда. Они курсировали по немногочисленным рекам Вашу — рекам, которые мелели с каждым годом. В части оружия воины Вашу полагались, главным образом, на меч. Имелись пистолеты — Шизала показала мне свои. Это было длинноствольное, прекрасно выполненное оружие с удобной рукояткой. Я не совсем понял, как оно действовало и чем стреляло, но потом заключил, что пистолет был явно лазерного типа. Какое невероятное количество энергии, потому что мы, ученые, всегда утверждали, что о ручном лазерном пистолете не может быть и речи, поскольку энергия, которая могла произвести лазерный луч — плотно сфокусированный свет, прорезавший даже сталь, вырабатывалась только очень мощными генераторами. Дивясь про себя, я вернул ей пистолет. Эти пистолеты тоже не были подарками шивов, но, вероятно добытые из их ныне заброшенных или полностью разрушенных городов отдаленными предками Шизалы, тоже нечасто использовались.

Их а к а с а р д ы, или неболеты, по косвенным данным, существовали в количестве пяти штук. Три из них принадлежали Карналу, и по одному — дружественным соседним странам. Хотя и существовали пистолеты, которые могли ими управлять, ни один из народов Вашу не имел ни малейшего представления о том, как они работали.

Другие выгоды, которые немногие избранные страны получали от таинственных шивов, включали знакомство с сывороткой долгожительства, которую, приняв однажды, не нужно было принимать вновь. Каждому можно было пользоваться ею, и она давала до двух тысяч лет жизни! Из-за этого рождалось очень мало детей, так что население Вашу оставалось сравнительно небольшим. Не так уж плохо, размышлял я. Я мог бы часами слушать Шизалу, но вскоре она с улыбкой остановила мои вопросы.

— Сначала мы должны поесть. Ужин скоро подадут. Идем.

Я последовал за Шизалой, и она проводила меня из маленькой комнаты в главный зал, меблированный теперь несколькими большими столами, за которыми сидели мужчины и женщины Карнала, все красивые, высокие и весело болтающие между собой.

Все они вежливо, хотя и не подобострастно, поднялись, когда Шизала заняла свое место во главе одного из столов. Она указала на кресло слева от нее, и я сел.

Еда выглядела незнакомой, но пахла приятно. Напротив меня, справа от Шизалы, сидел темноволосый молодой человек с очень

развитыми мускулами. На правом запястье он носил золотой браслет.

Очевидно, он им очень гордился, потому что хотел, чтобы я тоже заметил его.

Шизала представила этого человека как Брадинака — или принца Телема Фас Огдая. Имя не казалось похожим на карнальское, и вскоре обнаружилось, что Брадинак Телем Фас Огдай был из города дружественного государства в каких-нибудь двух тысячах миль к югу. Он оказался остроумным собеседником, хотя я, разумеется, не мог понять того, о чем он говорил. Со мной мог общаться только человек, носящий диадему.

Слева от меня сидел молодой человек с длинными, почти белыми волосами. Он, казалось, прилагал особые усилия, чтобы я чувствовал себя как дома, предлагая еду и питье, задавая вежливые вопросы через Шизалу. Это был Дарнал, младший брат Шизалы. Очевидно наследование трона Варналя определял возраст, а не пол.

Дарнал был главный пукан-нара Брисли. Пукан, как я узнал, значило — воин, а пукан-нара — предводитель воинов. Главный пукан-нара избирался всенародным голосованием равно и штатских и воинов. Из этого я сделал вывод, что пост, занимаемый Дарналом, был, следовательно, не почетным, а заслуженным им благодаря доблести и уму. Народ Варналя судил о человеке по его достоинствам и заслугам.

К тому времени, как ужин закончился, я усвоил несколько слов на языке Вашу, и мы вышли в другой зал выпить напиток, называемый басу, слегка сладковатый на вкус. Впрочем, мне он показался таким же хорошим, как старый добрый кофе. Подобно кофе, он слабый стимулятор.

Несмотря на басу, я почувствовал, что меня сильно клонит в сон, и Шизала это поняла.

— Я подготовила для тебя комнату,— сообщила она.— Наверное, теперь ты хотел бы отдохнуть.

Я признался, что пережитые за день неожиданности отняли у меня немало сил. В приготовленной для меня комнате горела тусклая лампа, дававшая, однако, сносное освещение.

Шизала показала мне шнур звонка. Он находился рядом с постелью и использовался для вызова слуг. Уходя, она оставила диадему, сказав, что каждый слуга знает, как ею пользоваться.

Постель оказалась именно такой, какой я и предполагал,— широким твердым ложем.

Я сразу же заснул, сбросив одежду, и проснулся только раз в середине марсианской ночи, чувствуя сильный холод. Я не представлял себе, как сильно может измениться температура. Закутавшись в ковер, я снова уснул.

Глава 3

ЗАХВАТЧИКИ

Утром вошла служанка, предварительно постучав в дверь. Сначала я смутился своей наготы, но затем понял, что в этом не было нужды, поскольку здесь было нормальным не носить много одежды, которая служила исключительно украшением.

Однако я опять смутился, теперь уже благодаря открыто восхищенному взгляду, брошенному ею на меня, когда она вручала мне поднос с завтраком из фруктов и басу.

После ее ухода я сел за столик и съел фрукт, большой и очень похожий на грейпфрут, и выпил басу.

Когда я закончил, послышался стук в дверь.

— Войдите! — совершенно автоматически отозвался я по-английски. Но, против ожидания, меня поняли, и в двери показалась улыбающаяся Шизала.

Увидев ее, мне сразу вспомнилось, что она снилась мне всю ночь, потому что она была такой же прекрасной, если не прекраснее, какой я ее помнил с прошлого дня.

Ее белокурые волосы были зачесаны назад, на плечах накинут черный газовый плащ, на бедрах — широкий пояс с пистолетом в кобуре и коротким мечом. Это, как я понял, было церемониальное оружие, полагающееся ей по рангу. Ноги ее были обуты в сандалии — это и была вся ее одежда.

Она подняла с ковра диадему, которую оставила вечером, и надела на голову.

— Я подумала, что ты захочешь осмотреть город, — услышал я ее голос.

— А ты хотела бы этого?

— Я обязательно буду сопровождать тебя. — Она подарила мне теплую улыбку.

Я не понимал, привлекал ли я ее так же, как и она меня, или ее поведение продиктовывалось обычной вежливостью. Это было для меня загадкой.

— Для начала, — продолжала она, — будет лучше, если ты проведешь несколько часов с обучающей машиной шивов. После этого ты сможешь разговаривать на нашем языке.

Когда она вела меня по коридорам и лестницам, я спросил ее, зачем на Вашу общий язык, если существует такая машина. Она ответила, что машина была изготовлена для применения на других планетах, но поскольку другие планеты в Солнечной системе были населены, похоже, лишь животными, она никогда не использовалась.

Она проводила меня в подвальный этаж, и, наконец, мы достигли места, освещенного тусклыми лампочками, которые тоже были изготовлены шивами и некогда горели ярче, чем теперь.

Помещение было небольшим, и в нем находился единственный предмет. Он был большим и изготовлен из неизвестного металла, вероятно, сплава. Состоял он из шкафа с нишей, сделанной так, чтобы соответствовать фигуре сидящего человека.

Я не заметил рядом никаких других механизмов, и мне захотелось вскрыть этот шкаф и посмотреть, что у него внутри, но я обуздал свои желания.

— Сядь, пожалуйста,— указала мне на нишу в шкафу Шизала.— Нам рассказали, что машина заработает, как только ты это сделаешь. Может быть, ты почувствуешь, что теряешь сознание, но не беспокойся.

Я сделал все, как она просила. Действительно, как только я уселся, шкаф тихо загудел. Сверху опустился колпак и плотно накрыл мою голову, а затем я почувствовал головокружение и впал в бессознательное состояние.

Не знаю, сколько времени прошло, вдруг обнаружил, что сижу в молчащем шкафу. Голова у меня слегка побаливала.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Прекрасно,— ответил я, вставая.

Но ведь я проговорил другое слово, марсианское слово «в р а ж а», бывшее ближайшим эквивалентом английскому «прекрасно».

Я говорил по-марсиански!

— Действует,— воскликнул я.— Как же машина достигла этого?

— Не знаю. Мы просто довольствуемся тем, что нам досталось от шивов. Нас раньше предупреждали не разбирать их подарки, ибо могло все кончиться трагически! Их могучая цивилизация некогда пострадала от катастрофы, и некоторые наши легенды рассказывают об этом.

Уважая глубоко укоренившийся у марсиан обычай не сомневаться в достижениях шивов, я промолчал, хотя все мое естество желало забраться во внутренность этой машины для обучения языкам.

Головная боль прошла к тому времени, когда мы добрались до верхних уровней дворца и вышли через большой зал в город. У подножия белой лестницы нас ожидали два странных животных.

Они были примерно тех же размеров, что знаменитые английские верховые лошади. Но эти животные не были лошадьми. Они, казалось, брали начало от тех же предков, что и человек. Это были обезьяноподобные создания, с широкими, как у кенгуру, хвостами, а их задние ноги были длиннее передних. Сейчас они стояли на четвереньках с седлами на спинах.

У меня возникли сомнения, смогу ли я влезть на спину этому животному, поскольку он имел некоторое сходство с моей расой, но как только я оказался в седле, это показалось мне вполне естественным.

Спина его была шире, чем у лошади. Седло имело твердую спинку, позволяющую седоку с легкостью откидываться назад. Это было несколько похоже на сиденье в спортивном автомобиле, и было очень удобно.

Справа от меня висела своего рода кобура с несколькими копьями, но я понятия не имел об их назначении.

С Шизалой впереди, показывающей дорогу, мы потрусили через площадь и дальше, по главной улице Варналя.

Город был прелестным, небо было безоблачным, и я расслабился, представив, что можно провести остаток жизни в Варнале.

Люди вокруг двигались лениво, но все же целеустремленно. Рынок поражал деловой атмосферой, но без шума и суеты.

Когда мы проезжали по улицам, Шизала рассказывала о городе. Карнальцы были расой торговцев. Происхождение свое, как и многие другие, они вели от варваров и, в конце концов, обосновались в той части страны, которая им наиболее понравилась. Они не стали заниматься сельским хозяйством, они продолжали устраивать экспедиции, теперь уже как торговцы, а не налетчики. Благодаря смелым походам в дальние земли они стали богатыми, меняя южные изделия на северные драгоценные металлы.

Карнальцы были также неплохими художниками и, что очень ценно, — прекрасными издателями книг для своего мира. Карнальские печатные станки, как я узнал, работали не так быстро, как наши ротационные машины на Земле, но печать была более четкой. Письменность, очень походившую на санскритскую, я еще не мог читать, но когда Шизала проводила меня к небольшому прессу, показывая некоторые изданные книги прекрасной работы, я научился узнавать многие слова.

Эти книги пользовались огромным спросом на всем континенте и были большой ценностью Карнала, как и его художники и писатели.

В Варнале процветали разные промыслы и ремесла. Мечи, выкованные его кузнецами, тоже были знамениты повсеместно. Кузнецы все еще работали старыми методами, используя горн и наковальню, во многом так же, как и кузнецы на Земле.

Теперь развивалось сельское хозяйство, но в государственном масштабе, а не частными землевладельцами. Квадратные поля засеивались и убирались добровольцами, стекающимися со всего Карнала. Излишки сельскохозяйственных продуктов сохранялись на случай неурожая. Карнальцы сознавали, что страна, живущая торговлей и промышленностью, не сможет закупить много продовольствия в неурожайный год и выживет, если только сама будет производить необходимые продукты.

Было заметно отсутствие мест культовых поклонений. Шизала ответила, что никакой официальной религии не существует, но

тем, кто жаждет верить в высшее существо, лучше искать его в своем сердце и душе.

В городе существовали государственные школы, библиотеки, клиники, общественные центры, гостиницы.

Политическая философия карнальцев была, кажется, позицией вооруженного нейтралитета. Это было сильное государство, готовое отразить любое нападение. Кроме того, существовал кодекс чести, по которому агрессор не нападал без объявления войны.

Рассказав мне все это, Шизала добавила:

— За исключением диких племен, а они не являются для нас угрозой. Да, кроме них и Синих Гигантов...

— А кто такие Синие Гиганты? — поинтересовался я.

— Арзгуны. Они свирепы и не признают кодекса чести. Они обитают далеко на севере и покидают свои земли только для того, чтобы совершать набеги. Лишь однажды они умудрились зайти далеко на юг, и армия моего отца прогнала их... — Она опустила голову и крепче сжала поводья.

— И так и пропала? — сочувственно спросил я, ощущая, что должен что-то сказать.

— Именно так.

Она стегнула поводьями, и дахар затрусил быстрее. Я повторил ее жест, и вскоре мы галопировали по широким улицам, направляясь к золотистым холмам — Зовущим Холмам.

Мы выехали из города и поскакали меж странных деревьев, которые, казалось, звали нас, когда мы проезжали мимо.

Через некоторое время Шизала замедлила бег своего рысака, и я сделал то же самое. Она с улыбкой обернулась ко мне.

— Я вела себя своенравно, надеюсь, ты простишь меня?

— Тебе я могу простить все, что угодно, — ответил я, почти не задумываясь.

Она бросила на меня насмешливый взгляд, которого я не понял.

— Наверное, — произнесла она, — мне следовало бы напомнить...

Я снова проговорил, подчиняясь импульсу:

— Давай помолчим, ведь голоса деревьев так слабы. Давай будем просто ехать и слушать.

— Хорошо, — улыбнулась она.

Во время езды по говорящей роще, я вдруг подумал, как я буду жить на Марсе. Я хотел бы остаться в идиллическом городе Варнале — никогда я по доброй воле не покинул бы места, давшего приют такой грациозной красавице, которая скакала рядом, но как я буду зарабатывать на жизнь?

В это время, конечно, я действовал почти интуитивно. Я пока что не задумывался над тем, разрешат ли мне обычаи Карнала сделать Шизале предложение, и, в любом случае, был опреде-

ленный шанс, что Шизала не пожелает иметь со мной ничего общего. С чего бы ей?

В общем, во время скачки мысли у меня были мятущиеся. Скоро она решила, что лучше будет вернуться в город, и я с неохотой согласился.

Прибывший с визитом принц Мишим Тена Телем Фас Огдай ждал нашего прибытия на лестнице. На нем были мягкие сапоги и тяжелый плащ из темного материала. Он выглядел рассерженным и нетерпеливым. Когда я слез с дахара и поднялся к нему, он трогал золотой браслет на запястье.

Он игнорировал меня, но метнул взгляд на Шизалу, а затем повернулся к нам обоим спиной и, чеканя шаг, поднялся по ступенькам во дворец.

Шизала виновато поглядела на меня.

— Сожалею, Майкл Кейн, но мне необходимо поговорить с Брадином. Ты извинишь меня? Обед найдешь в зале.

— Конечно,— поклонился я.— Надеюсь, позже я увижусь с тобой?

Она бросила мне быструю улыбку и торопливо поднялась по лестнице вслед за Брадином.

«Какая-нибудь дипломатическая проблема»,— подумал я, поскольку принц явно выполнял эмиссарское задание и находился здесь из дипломатических соображений.

Наверное, силы Карнала были подорваны в битве и последующей экспедиции, когда пропал король, и государство вынуждено было теперь полагаться на более сильных союзников, пока не соберет достаточно новых сил, и, скорее всего, Мишим Тен был одним из таких союзников.

Рассуждения эти показались мне правильными, и многие из них впоследствии подтвердились.

Я вошел в большой зал. Слуги организовали на столах своего рода буфет с легкими закусками. Холодное мясо, фрукты, неизбежный басу, засахаренные плоды. Я попробовал всего понемногу, и оказалось, что почти все мне понравилось.

Пришлось обменяться несколькими словами с мужчинами и женщинами за столом, которых, очевидно, разбирало любопытство относительно меня.

Когда я прожевывал особенно вкусный кусок мяса, завернутый в зеленый салатообразный лист, я вдруг услышал странный звук. Я не знал, что это такое, но внимательно прислушался.

Придворные смолкли и тоже прислушались.

Звук раздался вновь.

Приглушенный крик.

Сидящие за столом переглянулись в явном ужасе, но не сделали ни малейшего движения к источнику этого звука.

Звук раздался в третий раз, и теперь я был уверен, что узнал голос.

Он принадлежал Шизале!

Хотя по всему залу с промежутками в десяток шагов стояли гвардейцы, ни один из них не шевельнулся и не было отдано никаких приказов об оказании Шизале помощи.

Я отчаянно оглядел придворных.

— Это же голос вашей Брадинаки! Почему вы ей не поможете?

Один из придворных выглядел очень встревоженным и указал на дверь, ведущую из зала.

— Она там, и мы не можем ей помочь, если она нас не призовет. Это очень деликатное дело, тут замешан Брадинак Телем Фас Огдай...

— Вы хотите сказать, что он причиняет ей боль? Я не позволю этого. Я думал, что вы мужественные люди, а вы просто так...

— Я же вам говорю — ситуация деликатная... Мы глубоко растроены. Но этикет...

— К черту этикет! — бросил я по-английски. — Сейчас не время для тонкостей! — Шизала может быть в опасности!

Сказав это, я широким шагом направился к указанной им двери. Она была не заперта, и я распахнул ее.

Телем Фас Огдай держал запястье Шизалы в жестком захвате, и она боролась, но безуспешно. Он говорил ей что-то пониженным настойчивым тоном. Увидев меня, она ахнула:

— Нет, Майкл Кейн, выйди отсюда! Это приведет к новым неприятностям!

— Я не уйду, пока знаю, что этот хам беспокоит тебя, — заявил я.

Он нахмурился, затем нехорошо усмехнулся, блеснув зубами в полумраке.

И он все еще продолжал держать ее запястье.

— Отпусти ее! — предупредил я, шагнув вперед.

— Нет, Майкл Кейн, — взмолилась она. — Телем Фас Огдай не делает мне никакого вреда. У нас возник спор, вот и все.

Но я с усилием положил руку принцу на плечо.

— Отпусти ее! — приказал я.

Не могу сказать, что он не освободил ее — и одновременно нанёс мне удар в голову обоими кулаками, опрокинув меня на пол. Я роет взяла во мне верх над выдержкой, и я бросился на него. Удар в грудь сбил ему дыхание, а следующий удар в челюсть отбросил его назад. Он попытался рыпнуться, но я снова ударил его в челюсть. Он упал и остался лежать на полу.

— О! — воскликнула Шизала. — Что ты наделал, Майкл Кейн?

— Я потолковал с грубияном, причинившим боль самой прекрасной и милой юной миледи, — ответил я, растирая костяшки пальцев. — Сожалею, что это произошло, но он того заслужил.

— У него иногда проскакивает плохое в характере, но он совсем не злой. Теперь ты только ухудшил положение.

— Если он здесь с дипломатической миссией, то ему следует вести себя соответственно достоинству,— напомнил я ей.

— Какая тут может быть дипломатия! Он не эмиссар, а мой нареченный, разве ты не видел браслета у него на запястье?

— Браслет — вот оно что! Твой нареченный! Но он не может им быть! Почему ты согласилась выйти замуж за такого человека? — Я был в ужасе и ошеломлен: не было никаких шансов назвать ее мосй! — Ты же не любишь его!

Теперь она нахмурилась, и мне стало неприятно от того, что я разгневал ее. Она выпрямилась и дернула за шнур звонка.

— Ты ведешь себя не так, как подобает чужестранцу и гостю,— холодно произнесла она.— Ты слишком много себе позволяешь. — Я сожалею, глубоко сожалею...

Тем же лишенным эмоций голосом она сказала:

— Желанием моего отца было, чтобы, когда он умрет, я вышла замуж за сына его старого союзника, обеспечив таким образом безопасность Карнала. Я намерена исполнить волю отца. Ты слишком самонадеян, полагая возможным судить о наших отношениях с Брадинаком Мишим Тена.

Это была Шизала, не виденная мною раньше, царственная Шизала. Я, должно быть, глубоко оскорбил ее, потому что она приняла такую манеру поведения и тон, который, как я догадывался, были для нее неестественными.

— Я очень сожалею.

— Я принимаю твои оправдания. Больше не вмешивайся. А теперь, пожалуйста, оставь меня.

В смущении я повернулся и покинул комнату.

Ошеломленный, я прошел прямо из главного зала дворца по лестнице вниз, куда слуга не раз уводил дахара.

Буркнув пару слов слуге, я влез на зверя и тряхнул поводьями, заставив его галопом промчаться по главной улице к городским воротам.

Я должен был на время уехать подальше из Варналя, туда, где смог бы побыть один, чтобы собраться с мыслями и взять себя в руки.

Шизала обручена! Девушка, которую, как я теперь выяснил, я полюбил с той самой минуты, как только увидел,— обручена! Это было слишком тяжело вынести! Сердце мое отчаянно колотилось, а мысли прыгали, все мое существо кипело от боли и муки. Я скакал по дороге, уводившей меня прочь от города, мимо Зеленого Озера в Зовущие Холмы.

«О Шизала,— подумал я,— я мог бы сделать тебя такой счастливой!»

Думаю, что я тогда был близок к истерике. И это я, Майкл Кейн, который всегда гордился своим умением управлять своими чувствами!

Прошло какое-то время, прежде чем я сбавил скорость и заставил себя мыслить яснее.

Я совершенно не был знаком с местностью и не знал, насколько удалился от города. «На много-много миль», — подумал я. Окружение было незнакомым. Не было никаких ориентиров.

Вот тогда-то я и увидел движение с севера. Сначала я подумал, что смотрю на отдаленное стадо галопирующих в мою сторону животных, но, прищурившись от солнца, понял, что это были всадники верхом на животных, сходных с моим дахаром. И много всадников.

ОРДА!

Плохо зная марсианскую географию и политику, я не знал, были ли эти всадники угрозой городу или нет.

Я сидел на своем животном, следя, как они приближаются с огромной скоростью, и даже в таком отдалении почувствовал, как дрожит земля.

Когда они приблизились, что-то показалось мне в них странным. Я полагал, что они не видели меня, поскольку я был один, но я-то их видел.

Все дело было в масштабе.

Судя о среднем росте человека и животного по отношению к средней высоте деревьев и кустарников, я понял, что эти всадники, как и их рысаки, были гигантскими. Каждый из их дахаров был вдвое больше моего, и ни один из всадников не был ниже восьми футов роста.

Внутренний голос мне услужливо подготовил ответ: это захватчики!

Более того, мне казалось, что я знал их!

Это могли быть только те самые свирепые северные варвары о которых упоминала Шизала. **С И Н И Е Г И Г А Н Т Ы — а р з г у н ы.**

Почему же городу никто не сообщил о приближении орды?

Как они сумели так далеко пробраться незамеченными?

Эти вопросы мелькали у меня в голове, но я отбрасывал их как совершенно бесполезные. Факт был налицо — войско в тысячу воинов скакало в Варналь.

Я быстро повернул своего зверя, начисто забыв о горе, постигшем меня. Сейчас не это было главное! Я должен предупредить город.

Я проверил свое положение относительно солнца и понесся во весь опор путем, противоположным тому, откуда я прибыл. Но я не учел передовых дозоров арзгунов. И как я заметил их главные силы, так и я был замечен их разведчиками!

Когда я пригнулся, чтобы уклониться от нижних веток деревьев, и выехать на широкую поляну, то услышал громкий крик и дикий, утробный смех.

И тут я уставился на гигантского всадника, возвышающегося надо мной, подобно башне на спине огромного животного. В одной руке он держал громадный меч, а в другой — нечто похожее на булаву с овальным набалдашником.

А я был безоружен — если не считать тонких дротиков, все еще находившихся в седельной сумке.

Глава 4 НАПАДЕНИЕ

Я лихорадочно соображал. В какой-то момент почувствовал себя совершенно сокрушенным, уставясь в лицо существа, бывшего для меня таким же непонятным, как единорог или динозавр.

Кожа его была темной, крапчато-синей. Подобно народу Варналя, он не носил того, что мы сочли бы одеждой. Тело его было сплошь покрыто тегляем¹, на кажущейся безволосой голове была жесткая шапка, тоже из подбитой кожи, дополнительно защищенная металлом.

Лицо его было широким, но суживающимся к подбородку, с глазами-шелками и огромной прорезью рта, который смеялся в предвкушении моей скорой кончины. Рот полон зубов, неровных и острых. Уши были заостренными и большими. Руки голые, если не считать поручей, с сильными мускулами фантастических размеров. Пальцы покрывали кольца с грубо обработанными драгоценными камнями.

Его дахар был беспокойным, не таким, на котором сидел я. Он казался таким же свирепым, как и его всадник, и рыл лапой нежный зеленый мох поляны.

Воин-арзгун издал несколько гортанных звуков, которых я не смог понять, хотя они явно были произнесены на том же языке, который я недавно освоил.

Фаталистическое предчувствие своей скорой кончины не сковало, однако, меня, и я потянулся к одному из дротиков в своей седельной сумке. Воин снова глумливо рассмеялся и взмахнул мечом, пришпорив массивными ногами бока своего рысака, приказывая ему двигаться вперед.

На выручку мне пришла моя реакция.

Я быстро выдернул из сумки один из дротиков, уравновесив его в руке, а затем швырнул в лицо противника.

Он зарычал, когда увидел мое движение, и с невероятной для такого существа скоростью отбил его в сторону мечом.

¹ Тегляй — кожаный, с набивкой доспех.

Но к тому времени я держал в руке другой дротик и заставил своего нервничающего скакуна повернуть в сторону от надвигающегося воина.

Увернувшись, я почувствовал, как он просвистел в дюйме от моей головы. Меч пронесся мимо, увлекаемый силой собственной инерции. Я развернул своего зверя и метнул другой дротик, в то время как противник пытался повернуть своего рысака, который был хуже обучен.

Копье попало ему в руку.

Он заревел от боли и ярости, и на этот раз его скорость была больше, чем прежде, когда он набросился на меня.

У меня осталось только два дротика.

Я метнул третий, когда он надвигался, держа перед собой меч, подобно земному кавалеристу во время атаки.

Третье копьё прошло мимо. Поскольку враг был ранен мной в руку, которой он держал булаву, мне предстояло бороться только с мечом. От меча я не мог уклониться. Что же делать? На решение оставались доли секунды.

Схватив оставшееся копьё, я метнулся вбок с седла и упал наземь, как раз в тот момент, когда лезвие разрезало воздух там, где должен был быть я.

Покрытый синяками, я едва успел вскочить на ноги. В руке я все еще сжимал последний дротик.

Это был мой последний шанс в этом поединке.

Я пригнулся, дожидаясь, когда противник повернется, упершись пятками в землю, следя за гигантским пыхтящим варваром, который боролся со своим животным, пытаясь развернуть его кругом.

Затем он остановился, смеясь тем же утробным смехом, откинув назад свою синюю голову.

Это была его ошибка.

Благодаря в душе провидение за доставившуюся мне возможность, я со всем умением и силой швырнул копьё в открывшуюся на миг шею.

Оно вошло на несколько дюймов, и короткий миг смех все еще доносился из его смертельно раненного горла. Затем смех сменился бульканьем, сильный вздох — и мой противник свалился с дахара и уже мертвый лежал на земле.

Как только животное избавилось от своего седока, оно галопом усакало в лес.

Я остался в живых, тяжело дыша и совершенно ошеломленный, но неизмеримо благодарный провидению за оказанную мне возможность жить. По всем законам я уже должен был быть мертвым. Но я был жив и цел.

Я ждал смерти, не рассчитывая на невероятную глупость противника, который был настолько уверен в победе, что подставил под удар жизненно важный орган.

Я стоял над огромным телом. От него исходил тяжелый запах, но не смерти, а общей нечистоты. Глаза-щелки смотрели в небо, прорезь рта улыбалась.

Я осмотрел его меч.

Это было огромное оружие, которым мог пользоваться только трехметровый гигант. И все же по пропорциям это был почти короткий меч — чуть больше полутора метров длиной.

Я взвесил меч в руке, чувствуя себя значительно лучше, благодаря месье Кларке, моего старого учителя фехтования, научившего меня управляться с любым клинком, каким бы странным или грубым он сначала ни показался.

Держа меч за темляк, я влез на своего зверя, пристроив меч на коленях, и поскакал к городу в такой необычной позе. Путь был недалек, и я должен был спешить, чтобы предупредить город о грозящей опасности.

Но когда я ехал вверх по холму и вниз по долине, то снова подвергся нападению еще одного арзгунского гиганта, выскочившего на меня с правого фланга.

Он не смеялся. Он в самом деле не издал ни звука, когда направился ко мне. Очевидно, вблизи города он опасался насторожить кого-нибудь, кто мог оказаться рядом, своим громким голосом.

У него не было булавы — только меч.

Я встретил его первый рубящий удар недавно приобретенным оружием. Он удивленно посмотрел на него, узнав в мече клинок, сработанный его народом.

Его удивление послужило мне службой. Эти арзгуны быстро двигались для своих размеров, но плохо соображали, что стало теперь совершенно ясным.

Пока он пялился на мой меч, я в то же время замахивался своим для удара; я вогнал его туда, где, как я подумал, находится сердце. Я молил, чтобы его доспех не оказался слишком плотным.

Меч пронзил его, хотя и не так быстро, как я надеялся, и когда лезвие прошло сквозь кожу, а затем мясо, кости и сухожилия, его меч опустился в конвульсивном движении и скребанул меня по правой руке. Рана оказалась пустяковой, но в тот миг болезненной.

Меч выпал из его обессиленной руки, болтаясь на темляке, пока он, пьяно качаясь, сидел в седле и ошарашенно смотрел на меня.

Я понял, что он тяжело ранен, хотя и не смертельно.

Когда он пошевелился, я протянул руку и попытался не дать ему упасть. При моей собственной раненой руке это оказалось довольно трудно, но я сумел удержать его так, пока осматривал причиненные мною повреждения.

Слегка скользнув по тегляю, меч вошел как раз под сердце. Я спешился, все еще придерживая его, снял с седла и положил на мох.

Тут он заговорил со мной. Он казался крайне озадаченным.

— Что? — произнес он с невероятно грубым акцентом.

— Я спешу. Я остановил кровь. Похоже, рана не смертельная. Твои соплеменники позаботятся о тебе.

— Ты не убиваешь меня?

— Не в моих обычаях убивать безоружных.

— Но я потерпел поражение — арзгунские воины до смерти замучают меня за это. Добей меня, победитель!

— Это не в моем обычае! — стоял я на своем.

— Тогда... — Он с трудом двинул рукой к ножу на поясе. Я вынудил его огромную руку остановиться, и, истощенный, он откинулся на спину.

— Я помогу тебе укрыться в подлеске, — сказал я и указал на густой кустарник поблизости. — Ты можешь спрятаться там, и они тебя не найдут.

Я понял, что оказываю ему бóльшую милость, чем он ожидал, и, помогая ему, я задерживался. «И все же, человек есть человек, — подумал я. — Он не может делать то, что противоречит его кодексу чести».

Вот почему я помог этому странному существу, которого я победил. Как я сказал ему, таков был мой обычай.

Как только я уволок существо под защиту ветвей кустарника, я отправил гигантского дахара галопом прочь и вскочил на своего.

В несколько минут я достиг городских ворот и с огромной скоростью пронесся под ними, выкрикивая предупреждение:

— Нападение! Нападение! И д у т о р д ы а р з г у н о в!

Люди выглядели пораженными, но, очевидно, они узнали меч в моей руке. Ворота за мной сразу же стали закрываться.

Я проскакал прямо к дворцовой лестнице и спрыгнул с измученного дахара, взбежал наверх, спотыкаясь от боли, от тяжести меча — доказательства того, что я должен был сообщить.

Шизала выбежала в главный зал. Она была растрепанной, и лицо ее все еще носило следы прежнего гнева.

— Что это? Майкл Кейн? Что означает твое прибытие?

— Арзгуны! — выпалил я. — Синие Гиганты — ваши враги, — огромная орда их движется к городу!

— Невозможно! Почему мы до сих пор ничего не знаем? У нас есть зеркальные посты, которые по цепочке передают сигналы с холма на холм. Мы должны были узнать. И все же...

Она задумчиво нахмурилась.

— Что такое? — спросил я.

— Зеркала некоторое время не передавали никаких сообщений. Наверное, посты были уничтожены разведчиками арзгунов.

— Если они и прежде забирались так далеко, то примерно знают, чего им ожидать.

— Но откуда они собрали силы? Мы считали, что они разбиты и успокоились, по крайней мере, на десяток лет. Их почти стерли с лица земли армии отца и его союзников! Мой отец возглавил армию, отправившуюся разгромить уцелевших!

— Мне кажется, что разбитая орда была, скорее всего, лишь малой частью арзгунских сил. Скорее всего этот набег — часть последовательной стратегии внезапности, предназначенной ослабить нас.

— Если таковы их плацы, — вздохнула она, — то они хороши для них, так как мы совершенно не готовы.

— Сейчас не время для самобичевания, — заметил я. — Где твой брат Дарнал? Это ему как главному пукан-наре Варналя следует руководить подготовкой к обороне. Что насчет других воинов Карнала?

— Они патрулируют границы, поддерживают порядок, воюя с бродячими бандитскими шайками. Наша армия рассеяна, но даже если вся она была бы собрана в Варнале, ее явно не хватает, чтобы встретить арзгунскую орду.

— Кажется невозможным, чтобы вы не получили никакого предупреждения — даже гонца из другого города. Как арзгуны сумели забраться так далеко на юг без вашего ведома?

— Не могу понять. Может, они планировали все эти долгие годы, вербовали шпионов из других рас, а сами якобы путешествовали маленькими группами по покровом ночи, а потом собрали в определенном месте целое войско. Теперь ни один из наших союзников не узнает о нашей судьбе.

— Стены выдержат тяжелую осаду, — заметил я. — Ты говорила, что у вас есть несколько воздушных кораблей. Они могут быть использованы, как бомбардировщики, имеющие оружие шивов. Это большое преимущество!

— Три наших воздушных корабля не сыграют существенной роли против такого количества арзгунов.

— Вы должны отправить один из них к ближайшему союзнику. Пошли своего, своего... — Я замолк, так как вспомнил о случившемся. — Пошли Брадинака Мишим Тена позвать на помощь его отца — и поискать по пути у других союзников поддержки.

Она нахмурилась, взглянула на меня со странным, немного озадаченным выражением на лице. Затем поджала губы.

— Я сделаю так, как ты предлагаешь, — промолвила она. — Но даже на предельной скорости нашему воздушному кораблю потребуется несколько дней, чтобы достичь Мишим Тена, а для

того, чтобы армия могла добраться сюда, потребуется еще больше времени... Нам будет трудно так долго сопротивляться врагу.

— Но продержаться мы должны, хотя бы ради самого Варналя и безопасности соседних государств,— сказал я.— Если арзгуны покорят Карнал, то по другим странам они пройдут гуляючи. Их надо остановить в Варнале, или же падет вся цивилизация.

— Ты лучше меня понимаешь, что поставлено на карту, чем я,— чуть улыбнулась она.— А ты был с нами лишь короткое время.

— Военные действия,— сказал я,— кажутся везде одинаковыми, особенно стратегия цели. Кстати,— добавил я,— мне удалось уже познакомиться с двумя Синими, и потому мне ненавистна мысль, что они будут править этим замечательным городом.

Я не добавил, что беспокоился не только за город, но и за Шизалу тоже. Как я ни старался, но не мог побороть чувство, которое испытывал к ней. Я знал, что она обручена с другим и что поправить что-либо невозможно. Очевидно, ее принципы были такими же жесткими, как мои, и не позволили бы отступить, точно так же как и я не намерен был допускать слабость со своей стороны.

Долгий миг мы смотрели друг другу в глаза, и все было в этом взгляде — боль, понимание, решимость.

Или я просто придумал, что в какой-то степени привлекал ее? В любом случае, таких мыслей быть не должно. Надо было защищать Варналь.

— У вас есть для меня более подходящее оружие, чем это? — спросил я, показывая на арзгунский меч.

— Конечно, я вызову караульного, он отведет тебя в оружейную, где ты сможешь выбрать любое оружие.

По ее приказу один из гвардейцев шагнул вперед, и она велела ему сопровождать меня.

Мы прошли вниз по нескольким лестничным пролетам и оказались еще глубже, чем я бывал раньше.

Наконец мой провожатый остановился у двух огромных, обитых металлом дверей и позвал:

— Часовой Десятого Поста, это ино-пукан Хара с гостем Брадинаки! Открой!

Ино-пукан, как я теперь знал, был эквивалентен сержантскому рангу.

Двери медленно отворились, и я оказался в зале больших размеров, освещенном тусклыми лампочками.

Впустивший нас часовой оказался стариком с длинной бородой. На поясе он носил два пистолета, другого оружия у него не имелось.

Он вопросительно посмотрел на меня.

Ино-пукай объяснил:

— Брадинака хочет, чтобы он выбрал себе оружие по собственному усмотрению. Нападение арзгунов.

— Снова? Я думал, что с ними покончено!

— Увы, нет,— печально отвечал ино-пукан.— По словам нашего гостя, они вот-вот заявятся.

— Так, значит, Бради погиб напрасно и мы все будем побеждены.— В голосе старика звучала безнадежность, когда он посторонился, давая мне пройти. На пороге я замер, восхищаясь большой коллекцией оружия.

— Мы еще не разбиты,— напомнил я им, рассматривая ряды подставок с прекрасными мечами. Я взял несколько, примериваясь к длине, весу и балансу. Наконец, выбрал длинный и довольно тонкий меч, скорее похожий на прямую саблю с клинком такой же длины, что и у меча.

Этот меч был превосходно сбалансирован. Рукоять его была выполнена с гардой, которую, как и у мечей на Земле, надо было обхватывать двумя пальцами — указательным и средним.

Я подобрал пояс для меча с кожаной петлей примерно 15 сантиметров шириной. В Варнале по традиции носили мечи обнаженными, а не в ножнах — несомненно обычай, сохранившийся с более ранних времен, когда приходилось много сражаться.

Были тут и пистолеты, действовавшие, как мне показалось, на основе принципов механики и пневматики. Я взял один из них и спросил:

— Какая от него польза?

— Кое-какая есть, уважаемый гость.— Он взял у меня пистолет и показал, как он заряжается. Был продемонстрирован магазин стальных дротиков, которые автоматически подавались в затвор. После каждого выстрела поршень нагнетал воздух вновь. Пистолет, выпуская заряд, давал такую отдачу, что мишень должна была находиться очень близко, если требовалось в нее попасть.

На моем поясе было предусмотрено место и для пистолета — еще одна кожаная петля, и я решил ее использовать. Теперь с пистолетом и мечом я чувствовал себя гораздо более уверенным, и мне не терпелось вновь присоединиться к Шизале и проследить, как идут приготовления.

Я поблагодарил старика и, сопровождаемый ино-пуканом, поднялся на первый этаж дворца. Шизалы в зале не было, но другой караульный проводил меня вверх по лестнице через множество лестничных пролетов, пока мы не оказались перед комнатой, которая находилась в одной из круглых башен.

Гвардеец постучал.

Голос Шизалы предложил мне войти.

Дверь открылась, и я увидел Шизалу с Телемом Фас Огдаем и своим братом Брадинаком Дарналом. Дарнал посмотрел на меня с улыбкой благодарности. Шизала приветствовала меня грациозным движением головы, но улыбка Телема Фас Огдая была натянутой и в ней сквозил холод. Он, очевидно, не забыл нашей недавней встречи. Я не мог винить его, хотя по-прежнему недолюбливал. Перед лицом опасности лучше было попридержать свои чувства, что я и сделал.

Дарнал расстелил карту. Она была немного непривычной для меня методом картирования. Символы для обозначения городов, лесов были не рисованные, какие бывают у нас, а выполненные другим способом. Я получил некоторое представление о том, где мы находимся по отношению к остальным частям этого огромного континента, где находятся Мишим Тен и другие союзники. Я смог также показать, где впервые увидел арзгунов.

— Времени мало, — задумчиво произнес Дарнал. Он казался очень юным — вероятно, немногим старше семнадцати. При первом взгляде его можно было сравнить с мальчиком, играющим в солдатики. Но я подметил, что он держался с большим достоинством.

Он начал быстро говорить, указывая, где находятся самые слабые точки на городской стене, и как их лучше всего защитить.

Имея некоторый опыт военных действий, я был способен сделать несколько предложений, которые он счел полезными. Он посмотрел на меня с выражением почти восхищения, и я принял этот комплимент, потому что во многом стал бы поступать точно так же. Его мужество и ясная голова, объективное отношение к предстоящей битве заставляли меня почувствовать, что он был идеальным вождем, и я знал, что драться рядом с ним будет намного спокойнее, так как он не может подвести.

Шизала повернулась к Телему Фас Огдаю.

— А теперь, Телем, ты знаешь, что мы будем делать, и имеешь некоторое представление о том, какие шансы сдержать агрессора у нас есть. Воздушный корабль ждет тебя в ангаре. К счастью, он готов к путешествию. Лети же скорей и позаботься, чтобы подкрепления из союзных городов были отправлены сразу же. Я знаю, что если падет Варналь, то и их шансы устоять перед арзгунами уменьшатся.

Телем слегка, чисто формально, поклонился, заглянул ей в глаза, метнул на меня взгляд и покинул комнату.

Мы вернулись к изучению карты.

С балкона башни можно было осмотреть этот замечательный город, расположившийся под нами, и, кроме того, была видна окружавшая город местность.

Через некоторое время мы вышли с картой на балкон. Казалось, что в воздухе повисло тревожное ожидание, что было и в самом деле.

Спустя некоторое время Дарнал сказал:

— Телем летит.

Хотя мне и говорили о воздушных кораблях, но я никак не ожидал увидеть такое зрелище.

Воздушный корабль был металлическим, но он поднимался в воздух, как старинный дирижабль, — грациозно и медленно. Он был овальной формы и имел по всей своей длине иллюминаторы. Кроме того, борта его покрывали рисунки странных зверей, символы, которые сверкали на солнце полированным золотом.

Он покачался в воздухе, словно бросая вызов самим законам тяготения, а затем двинулся на юг, не теряя величавого достоинства, с которым не мог соперничать ни один построенный на Земле лайнер.

Он еще не скрылся из виду, когда Дарнал обратил снова наше внимание — на этот раз на северо-восток от города.

— Смотрите!

— Арзгуны! — ахнула Шизала.

Орда приближалась. Мы ясно могли видеть первую волну, выглядевшую с нашей башни армией муравьев, угрозу которой нельзя игнорировать.

— Ты не преувеличил, Майкл Кейн, — произнес Дарнал. Я видел, как его пальцы на рукояти меча побелели.

Воздух был неподвижен, и мы слабо слышали их крики, но, уже имея некоторый опыт, я знал, что они представляют собой.

Дарнал шагнул в комнату, снова вышел на балкон, держа в руке предмет, оказавшийся мегафоном.

Он нагнулся через перила, глядя во двор, где наготове стояла группа гвардейцев.

Он поднес мегафон ко рту и крикнул им:

— Командиры охранников стены — на свои посты! Идут арзгуны!

Затем он отдал распоряжения, которые мы сейчас только что обсудили. Быстро, слишком быстро для нас они подступали к стенам. Мы заметили движение внутри города, увидели воинов, занимающих свои посты. Они стояли неподвижно, ожидая первой атаки.

«Их слишком мало, — подумал я, — чересчур мало».

Г л а в а 5 ОТЧАЯННЫЙ ПЛАН

По крайней мере мы удержали стену от натиска первой волны.

Казалось, город затрясся от их штурма. Воздух распарывали их громкие, рычащие крики, вонь от их зажигательных бомб мешала дышать, как и запах их тел.

Пламя лизало стены в нескольких местах, а женщины и дети Варналя доблестно боролись. Звуки клацающей стали, кличи уми-

рающих или победоносные, свист горящих шаров из похожей на смолу, субстанции, когда они пролетали над головами и падали на крыши.

Мы с Шизалой все время следили с балкона, но я испытывал нетерпение присоединиться к храбрым воинам, защищавшим город. Дарнал ушел собирать бойцов.

Я повернулся к Шизале, чувствуя волнение от ее близости.

— Как насчет оставшихся воздушных судов? Где они?

— Мы держим их в резерве, — ответила она. — Их лучше будет неожиданно использовать позже.

— Понятно, — сказал я. — Что же мне делать? Чем я могу помочь?

— Помочь? Не подобает тебе, гостю, ломать голову над нашими проблемами. Мне следовало отправить тебя с Телемом ФасОгдаем.

— Я не трус, — напомнил я ей, — я умею фехтовать, а ты и твой народ оказали мне гостеприимство. Я посчитаю за честь сражаться за вас.

Она улыбнулась.

— Ты — благородный чужестранец, Майкл Кейн. Я не знаю, как ты попал в Вашу, но чувствую, что ты оказался здесь не зря. Ступай и найди Дарнала, он укажет тебе, где ты можешь быть полезен.

Я коротко поклонился и вышел, сбежав по лестнице, добрался до главного зала, находившегося сейчас в состоянии сумятицы из-за мужчин и женщин, носящихся в разные стороны. Я пробился через них, спросив одного из воинов, где мне найти Брадинака Дарнала.

— Я слышал, что восточная стена укреплена слабее всего. Ты, вероятно, найдешь его там.

Я отправился в указанном направлении. Основным зданиям города, построенным из камня, не нанесли ущерб огненные бомбы, но тут и там загорались кучи мусора и сухие деревья, кусты, и женщины, пользуясь ручными насосами, гасили их.

Густой дым обжигал мне легкие и заставлял слезиться глаза, а уши глохли от воплей и стонов со всех сторон.

А снаружи о стены разбивались орды Синих Гигантов. Были ли они непобедимыми?

Я не позволил своим мыслям задержаться на этом...

Наконец сквозь дым я увидел неподалеку от стены Дарнала. Он совещался с двумя офицерами, указывавшими на стены, очевидно показывая ему слабые точки. Дарнал задумчиво хмурился, рот его был плотно сжат.

— Чем могу быть полезен? — спросил я, дотронувшись до его плеча.

Он устало поднял взгляд.

— Не знаю, Майкл Кейн. Может быть, ты по волшебству можешь нам доставить полмиллиона бойцов?

— Нет,— ответил я,— но я умею пользоваться мечом.

Он задумался. Он явно во мне сомневался, и я не мог его винить в этом, так как мне не приходилось демонстрировать ему свое умение.

В этот момент со стены донесся ликующий крик, который издал не карнальский воин.

Это был один из тех криков, которые я слышал раньше.

Все посмотрели наверх.

Дьяволы прорвали участок нашей обороны.

Мы могли их разглядеть. Лишь немногие из синих воинов добрались до стены, но если их не остановить, то скоро стену пешагнут сотни.

Едва ли раздумывая, я выхватил меч и прыгнул на ближайшую лестницу, ведущую на стену. Я взбежал по ней быстрее, чем бегал когда-либо.

Возвышавшийся надо мной арзгунский воин наклонился, когда я бросил ему вызов.

Он издал глухой маниакальный смех. Я сделал выпад мечом, но он парировал укол быстрым движением собственного широкого меча. Когда его рука пошла в замах, я вогнал свой меч в открывшееся предплечье.

Мой противник выкрикнул ругательство и замахнулся другим своим оружием — боевым топором с коротким топорищем. Снова меня спасла моя реакция: я поднырнул под его руку и рубанул мечом по животу. Меч молниеносно вошел и вышел из его плоти.

Глаза его, казалось, расширились, а затем он с предсмертным рычанием свалился со стены.

На меня двинулся другой, более осторожный, чем его товарищ. Я предпринял атаку и на этого негодяя.

Дважды я делал выпады, и дважды он парировал, а затем сделал выпад он. Я блокировал его удар и увидел, что мой клинок находится всего лишь в дюйме от его лица. Я толкнул лезвие вперед и попал ему в глаз.

Теперь я почувствовал свой меч — чудесное оружие, намного превосходившее всякое, каким я пользовался на Земле.

Мне на помощь пришло подкрепление. Я взглянул вниз со стены на море кожаных доспехов и синей плоти со сверкающей сталью. Была установлена штурмовая осадная лестница, и по ней взбирались новые арзгуны.

Лестницу надо было уничтожить. Я решил сделать это.

Хотя вокруг была такая неразбериха, что было трудно определить, кто где находится, мною овладело особое спокойствие.

Я знал это ощущение. Я испытывал его уже — в джунглях, а также в особенно трудных фехтовальных поединках.

Теперь у меня, по крайней мере, было несколько товарищей. Я споткнулся обо что-то и, посмотрев, увидел боевой топор, потерянный одним из нападающих. Я подобрал его левой рукой и нашел, что он мне вполне подходит, если я буду держать его достаточно близко к топорщику.

Держа оружие наготове и слегка пригнувшись, я двинулся к синему воину.

Он вел своих собратьев по стене к городу. По ширине стена вмещала троих людей, и двое воинов расположились по обе стороны от меня.

В тот момент я почувствовал себя Горацием, держащим мост, но Синие Гиганты не походили на воинов Ларса Парны в том, что никто из них не вопил «Назад!». У них было только одно навязчивое желание — продвинуться вперед любой ценой.

Огромные тела надвинулись на нас. Их глаза-щелки глядели на нас с лютой ненавистью, и я на миг содрогнулся, когда посмотрел в лицо одному. Было в этом взгляде даже не человеческое, а что-то первобытное, столь примитивное, что я почувствовал, что передо мной видения Ада.

А затем они кинулись на нас.

Я помню только ярость боя, рубящие и колющие удары поединка, ощущение необходимости держаться, необходимости победить, если мы хотели оттеснить их от штурмовой лестницы и уничтожить ее.

Сначала показалось, что самое большее, что мы можем сделать, — это удержать стену от этих зверолодей с полными ненависти взглядами и их тяжелым оружием, один вес которого мог с легкостью смести нас со стены.

Помню, что мои руки, спина и ноги страшно болели. Затем боль неожиданно пропала, и я ощутил только странное онемение, когда продолжал биться.

И помню также, как мы убивали.

Мы сражались против их как физического, так и численного превосходства — и мы убивали. Больше полудюжины Синих Гигантов пало под нашими мечами. Нам было за что сражаться, и это давало моральную силу, отсутствующую у арзгунов.

Мы начали наступать, тесня гигантов к штурмовой лестнице. Это придало нам уверенности, и мы удвоили свои усилия, сражаясь плечом к плечу, как старые боевые товарищи, хотя я был чужаком на этой планете, даже из другого времени.

И когда солнце стало склоняться к закату, пятная небо темно-пурпурными полосами, мы добрались до их штурмовой лестницы.

Мы были в состоянии остановить гигантов в их продвижении по ней наверх.

Пока мои соратники сосредоточили свои силы на том, чтобы помешать забраться на стену новым арзгунам, я обрубил лестницу как можно дальше. Вокруг меня о стену с кляцаньем ударялись копья, но я продолжал отчаянно работать.

Вскоре задача моя была выполнена настолько, насколько это было в моих силах. Я выпрямился, игнорируя пролетавшие вокруг меня снаряды, старательно нацелил топор, метя в среднюю секцию лестницы. А затем я бросил сго.

Он попал точно в середину главной распорки и глубоко вошел в дерево. Выше этого места находилось несколько арзгунских воинов. Их тяжесть завершила мою работу — лестница сломалась.

Со страшными воплями арзгуны упали на головы своих толпившихся внизу соплеменников.

К счастью, это была единственная штурмовая лестница, которую они сумели возвести, да и то только потому, что в этом секторе стены не оказалось в наличии оружия типа алебарды, используемого защитниками для того, чтобы отталкивать лестницы.

Этот просчет был исправлен, когда двое алебардистов заняли пост около того места, где была вражеская лестница.

Я чувствовал себя несколько утомленным после таких занятий фехтованием и повернулся, чтобы поблагодарить своих товарищей. Один из них был совсем молодой, гораздо моложе, чем Дарнал, — рыжий мальчик с веснушками и курносым носом.

Я стиснул ему руку и потряс ее, хотя он и не был знаком с таким обычаем, но тем не менее ответил тем же, догадавшись о значении этого жеста.

Я протянул руку, чтобы пожать ее другому воину, но тот, посмотрев на меня остекленевшими глазами, попытался протянуть свою, и затем, как сноп, повалился на меня.

Я опустился рядом с ним на колени и осмотрел его рану. Клинок пронзил его насквозь. По всем правилам, он должен был умереть еще час назад. Склонив голову, я отдал честь храброму воину.

Я поднялся с колен, ища взглядом Дарнала, гадая, как идет битва.

Вскоре наступила ночь, и дарнальцы зажгли факелы.

Кажется, мы получили некоторую передышку, потому что арзгунская орда отступила от стен и принялась разбивать шатры.

Я поплелся по стене к лестнице и спустился в город. От одного из командиров узнал, что Дарнала вызвали на южную стену, но скоро он должен был вернуться во дворец.

И я отправился во дворец, рассчитывая встретить его там.

В приемной перед главным залом я нашел Шизалу. Гвардесц, который привел меня, вышел, и я оказался наедине с ней, чувствуя

себя не в своей тарелке. Даже будучи таким измотанным, не мог не восхищаться ее величественной красотой.

По ее молчаливому указанию я опустил на разложенные на полу подушки.

Она принесла мне флягу с басу. Я благодарно осушил ее до дна. Затем я вернул флягу, чувствуя себя немного лучше.

— Я слышала о том, что ты сделал, — тихо произнесла она. — То было героическое деяние. Твой поступок спас город — или, по меньшей мере, большое число воинов.

— Это было необходимо, вот и все, — ответил я.

— Ты — скромный герой. — Она все еще смотрела в мою сторону, но чуть иронически подняла брови.

— Всего лишь правдивый, — ответил я на тот же манер. — Как обстоят дела с обороной?

— Удовлетворительно, — вздохнула она, — учитывая нашу нехватку в бойцах и размеры арзгунской армии. Эти арзгуны дерутся хорошо и хитро — куда с большим умением, чем они, по моим предположениям, могли бы. У них, должно быть, умный вождь.

— Вот уж не думал, что ум присущ арзгунам, — заметил я, исходя из собственного опыта.

— И я не думала. Если бы мы только могли добраться до их предводителя, то сорвали бы план атаки, и арзгуны, лишенные руководства, повернули бы обратно.

— Ты так думаешь? — усомнился я.

— Я думаю, что такое возможно. Арзгунов практически невозможно заставить сражаться, применяя стратегию такого типа, какую они применяют сейчас. Они гордятся своим индивидуализмом — отказываются сражаться армиями или под началом одного командующего. Они обожают драться, но не любят дисциплину, требующуюся для армии с планируемой стратегией. У них должен быть лидер такой силы убеждения, который смог заставить их сражаться так, как они это делают сейчас.

— А как мы можем добраться до их предводителя? — осведомился я. — Мы не можем замаскироваться под арзгунов. Мы могли бы выкраситься в синий цвет, но не можем прибавить восемь-десять к у л о д (треть фута, примерно 10 см) к нашему росту. Так что пытаться добраться до него — невозможно.

— Да, — устало согласилась она.

— Если только мы не... — Тут меня осенила мысль. — Если только мы не нападём на него с в о з д у х а!

— С воздуха — да... — Глаза ее заблестели. — Но даже в этом случае мы ведь не знаем, где искать их вождя. Я не видела никаких командиров. А ты?

Я отрицательно покачал головой.

— И все же он должен там быть. Сегодня был слишком суматошный день. Давай подождем рассвета, и тогда мы разглядим их лагерь, прежде чем они возобновят атаку.

— Ладно. Тебе будет лучше сейчас пойти в свою комнату и выспаться — ты измотан, тебе необходимо восстановить свои силы.

Я встал, поклонился и покинул ее. Поднявшись в свою комнату, минуту постоял у окна. Свежий запах марсианской ночи, прохладной и ностальгической, был испорчен запахом войны.

Как я ненавидел этих Синих Гигантов!

Кто-то поставил на столик рядом с постелью мясо и фрукты. Я не чувствовал себя голодным, но здравый смысл велел мне поесть, что я и сделал. Я смыл с себя засохшую кровь, грязь и пот дневных боев, залез под тяжелый мех и уснул почти мгновенно.

На следующее утро меня разбудила та же служанка, что и в первый мой день пребывания здесь. Она бросила на меня взгляд, в сравнении с которым ее первый взгляд ничего не значил. Мне показалось, что я стал центром разговоров варнальцев. Я чувствовал себя польщенным, но немного сбитым с толку. В конце концов, я делал только то, что на моем месте сделал бы любой. Я знал, что выполнил поставленную задачу, но не более того. Когда я принялся за принесенную еду, то почувствовал, что слегка краснею от стеснения.

Рассвет еще не наступал, но должен был наступить очень скоро — меньше, чем через два ш а т и, — полагал я. Ш а т и примерно равен одной восьмой земного часа.

Когда я пристегивал меч, раздался стук в дверь, открыв ее, я лицом к лицу оказался с гвардейцем.

— Брадинака ждет тебя в башне, — сообщил он.

Я поблагодарил его и поднялся в башенную комнату, где был вчера.

И Шизала и Дарнал уже находились там на балконе, напряженные и ожидающие восхода солнца.

Когда я присоединился к ним, показался краешек светила. Они ничего мне не сказали, и мы обменялись кивками.

Вскоре солнце залило все вокруг золотистым светом. Оно освещало замечательный город Варналь и окружавший наш город темный лагерь арзгунов. Я говорю «наш» потому, что теперь считал его своим.

Арзгунские шатры были покрыты шкурами, натянутыми на деревянные каркасы — главным образом овальной формы, хотя некоторые были круглой формы, или даже квадратными. Большинство простых воинов, казалось, спали на земле, и начали просыпаться, когда солнце осветило их.

На одном шатре, не большем, чем другие, развевалось знамя. Все были без украшений и располагались вокруг этого овального

шатра. У меня не возникло никаких сомнений в том, что вождь Синих Гигантов был именно там.

— Значит, мы теперь знаем, где находится их предводитель,— сказал я, пристально глядя на трепещущее арзгунское знамя. На нем, как мне показалось, было изображено извивающееся змееподобное существо с глазами, смахивающими на глаза самих арзгунов.

— Зверь Наал,— объяснила мне, содрогнувшись, Шизала, когда я спросил, что это за животное изображено.— Да, это Зверь Наал!

— Смотрите,— воскликнул Дарнал,— они готовятся к атаке!

Он бросился обратно в комнату и вынес оттуда длинную свитую в спираль трубу. Он дунул в нее изо всей силы, и высокая заунывная нота пронеслась по городу эхом. В ответ прозвучали звуки других труб.

Воины Варналя начали готовиться к еще одному напряженному дню, который вполне мог стать для них последним.

Шизала проговорила:

— Хотя Телему Фас Огдаю потребуется еще один день, прежде чем он доберется до Мишим Тена, он остановится по пути в городах, находящихся ближе, и подмога может прийти сегодня. Если бы только мы смогли продержаться до той поры!

— Нам это может и не понадобиться, так как я смогу одолжить один из ваших воздушных кораблей, чтобы совершить нападение на арзгунского командующего.

— Ты очень храбр,— улынулась она.— Но потребуются подготовить моторы воздушного корабля, а на это уйдет больше половины дня. Даже если мы включим их сейчас, они будут готовы к работе не раньше вечера.

— Тогда я предлагаю, чтобы ты велела включить их немедленно,— с досадой проговорил я.— Потому что удобный случай может представиться в любой момент.

— Я сделаю так, как ты говоришь. Но ты можешь погибнуть в таком рискованном предприятии.

— Это стоит моей гибели,— просто ответил я.

И она отвернулась от меня, я гадал, почему. Наверное, она считала меня глупым, не знающим даже, как с толком умереть. В конце концов, я прежде обидел ее бестактным и грубым поведением. Но я снова попридержал свои чувства. Не имеет значения, что она думает обо мне,— сказал я себе.

Я вздохнул. Ничего не зная о науке, создавшей воздушный корабль, я не мог предложить никакого способа завести моторы побыстрее.

«Очевидно,— подумал я,— это система с медленной обратной связью — вероятно, очень безопасная и полезная, но в данный

момент я предпочел бы что-нибудь более быстрое, пусть даже и опасное».

Я почувствовал, что Шизала преднамеренно задерживает меня, словно не хотела, чтобы я привел себя и свой план в действие. Дарнал отложил свою трубу и хлопнул меня по плечу.

— Хочешь пойти со мной?

— Охотно,— согласился я.— Только скажи, где я буду наиболее полезен?

— Вчера я не был уверен в тебе,— с улыбкой признался он,— но сегодня это не так.

— Я рад. Прощай, Шизала.

— Прощай, сестра,— сказал Дарнал.

Она не ответила ни ему, ни мне, и мы вышли. Я гадал, не обидел ли я ее каким-нибудь образом. В конце концов я был не знаком с обычаями Вашу и мог сделать так, сам того не ведая.

Но для этих размышлений не было времени.

Вскоре стены города задрожали от новой атаки арзгунов. Я помогал управляться с осадными машинами, опрокидывающими цилиндры с горящим жиром на головы атакующих, швырял в них камни, отправляя обратно их же собственные дротики.

Но их, казалось, мало интересовала собственная жизнь и еще меньше — жизнь товарищей. Как говорила Шизала, они были воинами-индивидуалистами, — хотя и принимали участие в организованной массовой атаке, но все же было видно, что им приходится обуздывать собственные инстинкты.

К полудню было потеряно или приобретено немного: защитники устали и чуть не валились с ног, а атакующие вводили в бой новые силы. Я узнал, что система резервов была чужда арзгунам, и это было еще одним озадачивающим фактором их атаки.

Хотя они были свирепыми и странными, арзгуны никогда не являлись действительно сильной угрозой, поскольку их нельзя было организовать в единую массу на достаточно долгий срок. А это чудовищное нападение без предупреждения, к тому же настолько далекое от их земель, говорило о продуманном плане. Оно могло также говорить об измене, думал я, союзника, позволившего орде пройти по его земле, и делавшего вид, что он знает об этом не знает.

В полдень я помог членам технической части укрепить специальные барьеры там, где стена была сильно выщерблена арзгунскими таранами и катапультами.

Повернувшись и вытерев пот со лба после особенно трудной работы, я увидел стоявшую прямо надо мной Шизалу.

— Ты, кажется, на все руки мастер,— улыбнулась она.

— Испытание ученого — испытание солдата,— ответил я ей с улыбкой.

- Я тоже так думаю.
- Как дела с воздушным кораблем?
- Он будет готов как раз перед закатом.
- Хорошо.
- Ты уверен, что нужно совершить это нападение?
- Убежден.
- Тебе понадобится специально обученный пилот.
- Тогда, надеюсь, он у меня будет.

Она опустила взгляд.

- Я это устрою.

— В то же время, — сказал я, — тебе не приходило в голову, что арзгунь сумели пробраться так далеко вглубь континента незамеченными благодаря потворству одного из ваших «союзников»?

— Это невозможно. Никто из наших союзников не опустится до такой степени.

— Прости меня, — сказал я, — но хотя на меня и произвел сильное впечатление кодекс чести, который карнальцы чтут, я не уверен, что его придерживаются все расы Вашу, — особенно после того, как я увидел другую расу, столь непохожую на карнальцев.

Она поджала губы.

- Скорее всего, ты не прав.

— Наверное. Но мое объяснение кажется самым невероятным. Что, если Мишим Тен?

Ее глаза вспыхнули гневом.

— Так вот на чем основаны твои подозрения — на ревности к Телему Фас Огдаю! Ну так позволь мне указать, что Бради Мишим Тена — самый преданный друг и союзник моего отца. Они сражались бок о бок во многих битвах. Узы взаимоотношений, взаимопомощи, существовавшие между ними, как и между нашими странами, насчитывают века. То, что ты предполагаешь, просто низко!

- Я только хотел сказать...

— Не говори больше ничего, Майкл Кейн! — Она круто повернулась и ушла.

Не могу не признаться, что в тот момент я не очень-то горел желанием драться.

И все же едва ли три шага спустя я продолжал сражаться в составе маленького отряда воинов, защищавшего брешь, проделанную в стене арзгунами.

Звенела сталь, лилась кровь, повсюду витал дух смерти. Мы стояли на обломках камней и дрались с превосходящими нас вдесятеро по численности Синими Гигантами, и как они ни были сильны и свирепы, им явно не хватало нашего ума и быстроты, а также желания удержать город любой ценой.

Это давало нам силы, и мы каким-то образом умудрялись отбивать атаки врага.

Раз я даже схватился с арзгуном, который был крупнее своих собратьев. На огромной шее его белело ожерелье из человеческих костей, и шлем был сделан из черепов диких животных.

Он держал два больших меча, по одному в каждой руке. Сила его атаки меня остановила, и нога поскользнулась на мокром от крови камне. Я упал, и он готовился меня прикончить.

Он поднял сразу оба меча, чтобы разрубить меня распростертого, но я каким-то чудом умудрился изогнуться и рубануть своим лезвием по его лодыжкам, разрезав мускулы как раз за коленями. Ноги его подогнулись, и он разинул рот в страшном реве от боли.

Я вскочил на ноги и отпрыгнул с того места, куда он мгновением позже рухнул. Обернувшись, я прикончил его ударом меча.

Удача, providение или скорее всего справедливость — вот что было в тот день на нашей стороне. Иначе я просто не могу объяснить, каким образом мы умудрились отстоять город от захватчиков.

Но мы его удержали. А затем ровно за четыре ш а т и до заката солнца я покинул стену и направился к ангарам воздушных кораблей.

Ангары — куполообразные здания — находились неподалеку от центральной площади города. Их было три. Купола были выполнены из незнакомого мне металла.

Входы оказались маленькими, человек моих размеров с трудом мог протиснуться в него. Я недоумевал: как же воздушный корабль выходит из ангара?

Шизала оказалась в первом же ангаре, куда я заглянул. Она наблюдала за слугами, разворачивавшими на шлюп-балках тяжелый воздушный лайнер.

Странный корабль был прекрасен при ближайшем рассмотрении. Он был невероятно древним. Я зачарованно оглядывал машину.

Шизала не поздоровалась со мной, когда я вошел. Я отвесил ей легкий поклон, чувствуя себя очень неловко.

От корабля исходила тихая дрожь. Он был похож на скульптуру из материала, напоминающего бронзу, нежели на машину. Этот механизм свидетельствовал о гениальном уме, превосходившем любой, какой я знал.

К входу в него вела веревочная лестница. Я молча подошел к ней и испробовал ступени. Я бросил вопросительный взгляд на Шизалу.

Она явно не хотела встречаться со мной взглядом, пересилив все-таки себя, она посмотрела на меня и сказала, указав на корабль:

— Поднимайся на борт, пилот через минуту присоединится к тебе.

— У нас мало времени,— напомнил я ей.— Операцию следует провести до наступления ночи.

— Я знаю,— холодно ответила она.

Я начал карабкаться по качающейся лестнице, достиг верха и вступил на борт корабля.

Он был богато меблирован, с пышными ложами из зеленоватого и золотого материала. В противоположном входу конце находился пульт управления, изящно исполненный, с приборами, заключенными в хрустальные футляры.

В шкафчике помещался небольшой экран — видимо, телевизор, дававший широкий обзор местности через маленькие иллюминаторы.

Обследовав интерьер корабля, я присел на одну из кушеток, чтобы выработать план нападения, потому что именно в нем заключался успех предприятия, а также нетерпеливо поджидая, когда пилот присоединится ко мне.

Через некоторое время я услышал, как он взбирается по веревочной лестнице. Сидя спиной к входу, я не видел, как он вошел.

— Поспешите,— сказал я.— У нас мало времени!

— Я это знаю,— послышался голос Шизалы, и она прошла к управлению.

— Шизала! Это же опасно! Это не женское дело!

— Да? Кого ты еще предлагаешь? Существует лишь несколько пилотов кораблей, а я единственный, кто сейчас есть в наличии.

Я не был уверен в том, что она говорит правду, но терять мне было нечего.

— Тогда будь осторожней,— сказал я.— Твой народ нуждается в тебе больше, чем я,— не забывай о своей ответственности перед ним.

— Это я никогда не забываю,— ответила она. По какой-то причине мне показалось, что она говорила с горечью, хотя я не мог определить, почему.

Она дотронулась до рукоятки управления, и корабль начал подниматься достаточно легко вверх. Купол над нами раскрылся, и я понял, как корабли покидали ангары. Над нами темнело синее небо позднего вечера. Моторы корабля интенсивно загудели.

Вскоре мы летели над городом к лагерю арзгунов. Они начали отступать, как было и прошлым вечером.

Наш план был прост. Корабль должен отыскать шатер командующего арзгунской армией, я быстро сброшу веревочную лестницу. У палаток Синих Гигантов наверху были отверстия, надо полагать, для вентиляции. Через такое отверстие можно пролезть

одному человеку. Следующей моей задачей было устранить арзгунского командира так, как это покажется целесообразным.

Простой план, но он требовал быстрой реакции, верного расчета времени и абсолютной точности.

Когда мы начали продвигаться над вражеским лагерем, их большие катапульты принялись нас обстреливать. Мы этого ожидали. Также мы ожидали и последствий этого обстрела — падавшие камни приземлялись точно в лагерь арзгунов, и воины, естественно, роптали, что их крушит собственная артиллерия. Вскоре обстрел прекратился.

Наконец мы достигли цели.

По сигналу Шизалы я подошел к входу и принялся стравливать веревочную лестницу с барабана, расположенного неподалеку от двери.

Я бросил на Шизалу быстрый взгляд, но она не обернулась. Уже видно было знамя Зверя Наала, развевающееся на слабом ветерке.

За мной следили глаза сотен арзгунских воинов, они ожидали от меня атаки. Я надеялся, что они не сообразят, что мы собираемся предпринять.

Глядя на них вниз, я чувствовал себя мухой, падающей в гнездо гигантских пауков. Я собрал всю свою смелость, удостоверился в наличии меча, выхватил его одним движением, крикнул Шизале и шагнул через борт, ухватившись за лестницу, пока не оказался над отверстием шатра предводителя.

Арзгуны что-то кричали и бегали вниз. Мимо меня просвистело несколько копий. В десяти футах над отверстием я решил: «Теперь или никогда».

Я выпустил лестницу и полетел вниз.

Г л а в а 6

СПАСЕНИЕ И КАТАСТРОФА

В моих ушах раздался рев тысяч глоток, а потом я рухнул через отверстие.

Приземлился на ноги, но зашатался, так как задохнулся от скорости падения. Я стремительно обернулся к тем, кто был в шатре. Их было двое — рослый арзгунский воин, поблескивающий браслетами примитивной работы и грубо обработанными драгоценными камнями, и женщина! Она была темноволосой, смуглолицей, с надменной осанкой. Ее укутывал черный плащ из похожего на бархат материала. В удивлении она уставилась на меня. Насколько я мог судить, она была обыкновенной человеческой женщиной! Что же она здесь делала?

Снаружи раздалась крики арзгунских воинов.

Игнорируя женщину, я жестом велел арзгунскому воину с браслетами вынуть меч. Он так и сделал, с острой усмешкой, неожиданно кинувшись на меня.

Он был превосходным фехтовальщиком, и я, еще не придя в себя после падения, вынужден был несколько минут только защищаться.

У меня было мало времени совершить то, что я собирался сделать. Я встречал его выпады быстрыми парированиями, какие я мог только делать, отвечая на его удары собственными ударами и выпадами. Наши мечи скрестились, наверное, десять раз, прежде чем я увидел брешь в его защите и быстро нанес удар, попав ему в сердце и пронзив его насквозь.

В этот момент в шатер ворвались несколько арзгунов, и я повернулся встретить их, но прежде, чем мы успели схватиться, женщина повелительно крикнула:

— Хватит! Не убивайте его пока, я желаю его допросить!

Я оставался настороже, подозревая хитрость, но войны, казалось, привыкли подчиняться приказаниям этой женщины. Они застыли на месте.

Я осторожно повернулся посмотреть на нее. Она была экзотически прекрасной на свой дикий, смуглый лад, и глаза ее сверкали насмешкой.

— Ты не из Карнала? — проговорила она.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя кожа не того оттенка, а также короткие волосы, и что-то непохожее на них есть в развороте плеч. Я никогда не видела подобного человека. Откуда ты?

— Ты мне не поверишь, если я тебе скажу.

— Скажи мне!

Я пожал плечами.

— Я прибыл с Негалу, — сказал я, используя марсианское название Земли.

— Это невозможно. На Негалу нет никаких людей.

— Сейчас нет. Но будут.

Она нахмурилась.

— Ты говоришь правдоподобно, но загадками. Наверное, ты... — Она, казалось, чуть не сказала какое-то слово.

— Что?

— Ты что-нибудь знаешь о Рахарумаре?

— Ничего.

Это, казалось, ее удовлетворило. Она засунула в рот костяшки пальцев и, казалось, начала грызть их. Затем снова внимательно посмотрела на меня.

— Если ты не из Карнала, то почему ты сражаешься за них? Зачем ты прыгнул в этот шатер и убил Ранак Марда? — Она показала на павшего арзгуна.

— А как ты думаешь?

Она покачала головой.

— Зачем рисковать жизнью для того, чтобы убить одного арзгунского капитана?

— Это все, что я сделал?

Она вдруг улыбнулась:

— Ага! Кажется, я понимаю... Да, это все, что ты сделал.

Я пал духом. Так, значит, я ошибался. В шатре не было арзгунского вождя. Скорее всего это была ловушка, а он в это время находился в другом месте.

— А ты кто? — поинтересовался я. — Ты их пленница? Тогда почему у тебя власть над ними?

— Называй меня пленницей, если тебе так нравится. Я — Хоргула из страны Владнияр.

— А где находится Владнияр?

— Разве ты не знаешь? Она находится к северу от Карнала, за Нарвашем. Владниярцы — древние враги Карнала.

— Так, значит, Владнияр заключил союз с арзгунами?

— Думай как тебе угодно. — Она таинственно улыбнулась. — А теперь ты у... — Она оборвала на полуслове, так как снаружи донеслись громкие звуки схватки. — Что это?

Я не знал, что и думать. Было невозможно, чтобы малые силы карнальских воинов в городе атаковали арзгунов — это было бы безрассудством. Но что же это было?

Когда Хоргула и Синие Гиганты повернулись на этот звук, я воспользовался предоставленной мне возможностью, прыгнул вперед и проткнул глотку одному из арзгунских воинов. Прорубив себе дорогу, я вырвался из шатра, всматриваясь в темноту, пока оставшиеся в живых воины выбегали за мной.

Я побежал на звук боя. Бросив взгляд вверх шатра, чтобы узнать, улетела ли Шизала, я изумился, обнаружив, что корабль все еще там.

Почему она не улетела? Я остановился, не зная, что делать, и через секунду мне пришлось драться с несколькими гигантами. Все, что я мог делать, — это защищать собственную жизнь, но когда я сражался, у меня возникло впечатление, что поблизости что-то происходит, и вдруг уголком глаза я увидел группу воинов одного со мною роста в великолепных доспехах, проламывающих сквозь синих меченосцев.

Это были не городские воины — сразу понял я хотя бы по тому, что на них виднелись шлемы с колышущимися перьями ярких цветов. Появившиеся воины держали копья, а некоторые то, что отдаленно напоминало арбалеты, выполненные из металла.

Вскоре их авангард пробился вперед, пока я не оказался бок о бок с несколькими союзниками, помогающими мне расправиться с нападающими арзгунами.

— Привет тебе, друг,— сказал один из них с акцентом, слегка отличающимся от знакомого мне.

— Привет. Ваше неожиданное вмешательство спасло мне жизнь,— с облегчением и благодарностью ответил я.— Кто вы?

— Мы из Ориная.

— Вас направил сюда Телем Фас Огдай?

— Нет.— В голосе воина прозвучало удивление.— Мы еще раньше выступили, чтобы разделаться с двигающимися в Карнал крупными силами бандитов. Вот почему нас так много. Подразделение вашего пограничного дозора собиралось нам помочь, когда прибыл гонец с известием, что арзгуны атакуют Варналь,— так что нам пришлось оставить бандитов и направиться как можно быстрее к Варналю.

— Я рад, что так вышло. Какие, по-вашему, у нас шансы разгромить их?

— Я сомневаюсь, что мы сможем полностью отогнать их от Варналя и дать время подкреплениям прийти к нам на помощь.

Этот разговор происходил под непрерывный звон мечей. Но арзгунов становилось все меньше, и казалось, что на этом участке, по крайней мере, мы побеждали.

Наконец, мы обратили их в бегство, и объединенные силы Ориная и Варналя погнались отступающих арзгунов к Зовущим Холмам, со стороны которых они появились.

Арзгуны держали фронт на первой цепи холмов, и тогда мы отошли, подсчитав свои силы, и разработали новую стратегию.

Скоро стало очевидно, что арзгуны превосходили нас по численности и что оринайцы и карнальцы, атаковавшие их тыл, обладали тем преимуществом, что сумели застать врагов врасплох.

Но я чувствовал себя намного увереннее. Теперь, решил я, мы можем устоять перед следующей атакой и сдерживать арзгунов, пока не придет подмога.

Я вспомнил о корабле и Шизале и вернулся в разрушенный теперь лагерь. Шатер со знаменем все еще стоял, и, выглядя довольно странно, корабль все еще парил над ним. Когда я вгляделся в освещенную лишь лунами темноту, мне показалось, что корабль опустился над шатром, а веревочная лестница задевала верхний полог.

Я окликнул Шизалу по имени, но ответом мне было молчание. С дурным предчувствием в сердце, я вскарабкался по податливым стенкам шатра. Лезть было трудно, но я сделал это быстро, чуть ли не в панике. Так и есть, веревочная лестница была ближе, гораздо ближе, значит, корабль опустился. Я ухватился за лестницу и начал взбираться по ней.

Вскоре я оказался в корабле.

Один взгляд — и стало ясно, что он пуст.

Шизала исчезла!

К а к? К у д а?

Что с ней случилось? Куда она пропала? Почему она покинула корабль?

Эти мысли пронеслись у меня в голове, а затем я опять спустился, ступень за ступенью, по веревочной лестнице, пока не оказался над отверстием в пологе. Пришлось опять, как и в предыдущий раз, прыгать.

Если не считать трупа Ранака Марда, шатер был пуст. И все же там были признаки борьбы, и я заметил, что меч был вырван из мертвой руки и лежал теперь по другую сторону тела.

Рядом с ним лежало еще что-то.

Пистолет!

Пистолет Шизалы!

Это мог быть только ее пистолет.

Таинственная темноволосая женщина Хоргула и арзгунские воины, должно быть, приняли участие в борьбе вскоре после того, как я скрылся.

По причине, известной только ей одной, Шизала решила последовать за мной в шатер и столкнулась с Хоргулой и арзгунами. Вероятно, был бой, и Шизалу одолели и взяли в плен. Но не убили — и это было милостью, — иначе я нашел бы ее тело.

Значит, похитили?

Мой ошибочный план убийства главаря арзгунов оказался бесполезным. Все, чего я добился, — это дал в руки врагов заложницу. Самую лучшую заложницу, о которой они могли только мечтать.

Правительницу Варналя.

Я принялся клясть себя на чем свет стоит, как никогда не клял бы никого другого, даже своего злейшего врага.

Г л а в а 7

ПОГОНЯ

Я выскочил из шатра, ослепнув от гнева и раскаяния, и побежал по заваленному телами полю к Зовущим Холмам, с намерением спасти Шизалу!

Я пробежал мимо удивленных воинов Ориная и Варналя, вопрошающе кричащих мне вслед.

Я побежал по склону холма к месту, где заняли свои позиции арзгуны.

Я услышал позади себя крики, звуки быстро бегущих ног.

Арзгуны приготовились отразить еще одну, как они подумали, атаку.

Но вместо того чтобы держать линию обороны, они принялись по двое и по трое разбегаться в разные стороны.

Я орал, чтобы они остановились и дрались, называл их трусами, но они не останавливались.

Оказалось, что все войско арзгунов обратилось в бегство, преследуемое одним человеком с мечом.

Внезапно я почувствовал, что меня кто-то схватил за ноги. Я обернулся, чтобы встретить противника, недоумевая, откуда он взялся. Подняв меч, я пытался сохранить равновесие.

Но на меня прыгнули несколько воинов. Я зарычал от ярости, пытаясь отбиться от них. Затем в голове у меня прояснилось, и я сообразил, что схвативший меня был не кто иной, как Дарнал — брат Шизалы!

Я не мог понять, с какой стати он вдруг напал на меня. Я закричал:

— Дарнал, это же я, Майкл Ксйн! Шизала, Шизала... они...

Затем меня ударили по голове, и я перестал что-либо чувствовать.

Очнулся я с покалывающей головной болью. Я находился в своей комнате во дворце Варналя — это было единственное, что я сейчас в состоянии был понять.

Но почему? Почему Дарнал напал на меня?

Я попытался мыслить ясно и уселся, потирая голову.

Дверь открылась и вошел человек, который напал на меня. Он выглядел очень обеспокоенным.

— Дарнал, почему ты?

— Как ты себя чувствуешь?

— Хуже, чем если бы чувствовал себя без удара по голове. Неужели ты не понимаешь; что...

— Ты все еще возбужден, как я вижу. Нам пришлось остановить тебя, хотя из-за твоего безумия арзгуны и бежали в беспорядке. Насколько мы можем судить, они теперь рассеялись. Твой план убийства их предводителя, должно быть, сработал, они больше не представляют угрозы для Варналя.

— Но я же убил не того человека. Я...— Я смолк.— Что ты хочешь сказать, что я б е з у м е н?

— Иногда случается, что воин, сражавшийся долго и упорно, как ты, бывает охвачен своего рода боевым бешенством, в котором — каким бы он ни был усталым — он не может остановиться. Мы думали, что с тобой случилось именно это. Меня заботит еще одно обстоятельство. Шизала...

— Неужели ты не понимаешь, что вы наделали,— заговорил я разгневанным голосом.— Ты говоришь о Шизале. Она здесь? Она в безопасности?

— Нет. Мы не можем ее найти. Она пилотировала тебя на корабле в лагерь арзгунов, но, когда мы забрались в него, корабль был пуст. Мы думаем, что...

— Я з н а ю, что с ней случилось!

— Знаешь? Так почему ты нам не сказал, почему?

— Я не был охвачен боевым бешенством, Дарнал. Я обнаружил, что Шизала похищена. Я бросился спасать ее, и тогда вы навалились на меня. Давно это произошло?

— Прошлой ночью — примерно тридцать шесть ш а т и назад.

— Тридцать шесть! — Я вскочил на ноги, издав невольный стон. У меня болела не только голова. Перенапряжение последних двух дней тоже давало о себе знать. Я был покрыт синяками и мелкими ранами. Моя самая тяжелая рана — в руке — болезненно покалывала. Тридцать шесть шати — больше четырех часов назад!

Я сообщил Дарналу все детали того, что узнал. Он был очень удивлен, как и я, узнав о Хоргуле — владниярке.

— Хотел бы я знать, какую роль она играет во всем этом? — сказал он, нахмурившись.

— Понятия не имею. Ее ответы были, мягко говоря, довольно двусмысленными.

— Я сожалею, что допустил такую ошибку, Майкл Кейн, — сказал он. — Я был дураком. Я слышал, как ты что-то кричал. Мне следовало бы прислушаться. При удаче, мы выручили бы Шизалу, и все кончилось бы благополучно. Арзгуны рассеяны. Мы и наши союзники скоро очистим от них страну. Мы сможем допросить пленных и выяснить, как они сумели добраться до Варналы незамеченными.

— Но пока мы это делаем, Шизалу могут увезти куда угодно! В любую сторону света, и как ты узнаешь, куда?

Дарнал опустил голову и устался в пол.

— Ты прав. Но если ты думаешь, что Шизала будет вместе с этой Хоргулой, то мы должны надеяться, что некоторые из наших пленных будут знать, куда они направились. Есть также шанс, что, преследуя Синих Гигантов, мы сможем спасти Шизалу.

— Сейчас не время для самобичевания, — сказал я. — Так что давайте забудем об ошибках, сделанных нами. За это нужно винить горячку боя. Что ты намереваешься теперь делать?

— Я поведу отряд преследовать арзгунов, чтобы специально брать их в плен. Может быть, мы узнаем, куда они увезли Шизалу.

— Тогда я буду сопровождать тебя, — заявил я.

— Я надеялся, что ты так и скажешь. Отдохни, пока делают последние приготовления. Я пошлю за тобой, когда мы будем готовы к выступлению, — до той поры мы ничего не сможем сделать, и тебе будет лучше восстановить силы — они тебе понадобятся, — я пришлю тебе еду.

— Спасибо, — поблагодарил я. Он был прав. Я должен восстановить силы ради Шизалы.

Когда я улегся, то снова подумал, зачем пошел на такой риск, сунувшись в арзгунский шатер. В этом не было никакой необходимости. Во всяком случае, правительнице своего народа нужно было сразу вернуться в город.

Я решил, что чем раньше мы сумеем ее отыскать, тем скорее получим ответы на все свои вопросы.

Я спал, пока не вошла служанка с едой. Я поел, но по получении известия, что Дарнал и его воины готовы, поспешил присоединиться к ним.

Судя по всему, день обещал быть пасмурным, во всяком случае, над городом нависли грозовые облака. Но потом показалось солнце, погода разгулялась.

У подножия дворцовой лестницы стояла рота воинов верхом на дахарах. Во главе их был Дарнал.

Я оседлал зверя, вытянув вдоль его боков ноги. Отряд направился к главным воротам.

По-прежнему оставалось неясным, почему столь стремительно бежали арзгуны — особенно перед лицом столь малых сил. Но мы не особенно задумывались, хотя казалось, что Ранак Мард и впрямь был главарем — во всяком случае, было ясно, что он мертв, а арзгуны пребывали в замешательстве.

И все же почему Хоргула говорила мне иное?.. Я постарался не задавать себе никаких вопросов.

И мы скакали дальше.

Ближе к вечеру мы сумели захватить врасплох группу из десяти усталых арзгунов, разбивших лагерь в неглубокой долине далеко от Зовущих Холмов.

Они поднялись на ноги при нашем приближении, готовые драться. На сей раз мы превосходили их в численности, но сознание этого не доставляло мне удовлетворения. Однако я чувствовал, что в данном случае преимущество над арзгунами создавало приятное разнообразие.

Когда мы их атаковали, они чисто символически сопротивлялись, что привело к гибели половину из них, а остальные сложили оружие.

У арзгунов не было никакого желания и кодекса чести, которым подчинялись мы, и отсутствовало товарищество. Это облегчило их допрос, с одной стороны, и затрудняло, с другой.

Они молчали не из солидарности с товарищами, они молчали из-за упрямства.

Только когда Дарнал положил многозначительно руку на рукоять кинжала и намекнул, что, поскольку они для нас бесполезны, с арзгунами вполне можно разделаться, один из них заговорил.

Нам повезло. Он знал куда больше, чем мы ожидали услышать от простого воина.

Они вовсе не добирались от Арзгуна до Карнала по суше, а год путешествовали по морю и рске. Они проплыли вдоль побережья тысячи миль в сторону от сухопутного пути, потому что Варналь находится во многих милях от моря, а затем проплыли по реке Хаал, самой большой реке на континенте. Далее они собрались в месте под названием Алая Равнина, а оттуда мелкими группами, передвигаясь только ночью, достигли Карнала незамеченными. Мы узнали, что два отряда карнальских воинов обнаружили подразделения арзгунов, но были уничтожены все до одного.

— Мы никогда не допускали у арзгунских воинов такой смелки и терпения,— произнес, услышав это, Дарнал.— Не в их натуре тратить на набег столько времени и усилий. Хорошо, что ты убил Ранака Марда, Майкл Кейн, он был, должно быть, странным арзгуном.

— Теперь,— сказал я,— давай попытаемся выяснить, куда была увезена Шизала.

Но пленный больше ничего не сказал, кроме того, что все арзгуны бежали на север. Это было продиктовано инстинктом — при поражении искать укрытия в родных горах.

— Я думаю, он прав,— сказал Дарнал.— Мы должны начать поиски на севере.

— Север,— заметил я мрачно,— занимает очень большую территорию.

Дарнал вздохнул.

— Верно, но...— Он посмотрел прямо на меня, и в его глазах явно читалась мука.

Я протянул руку и сжал его плечо.

— Все, что мы можем сделать, это продолжить поиск,— закончил я за него фразу.— Мы возьмем новую партию пленных и при удаче получим дальнейшие указания к поискам.

Пленников мы надежно связали и отправили гвардейца сопровождать их в Варналь.

Теперь мы скакали по огромному плато, заросшему коротким колючущимся на ветру папоротником. Это была Алая Равнина, похожая на море яркой крови, и я вдруг отчаялся когда-нибудь еще увидеть Шизалу.

Наступила ночь, и мы разбили лагерь, не разводя костров, из опасения быть замеченными арзгунами или мародерствующими бандитами. Алая Равнина была ничейной землей, неподвластной никаким законам, кроме одного беззакония: «Человек человеку волк».

Спал я мало, все время испытывая почти физическое желание найти новых арзгунов, чтобы допросить их.

Но ни арзгунов, ни бандитов не увидели мы до следующего полудня, когда на нашем пути встали до полусотни Синих Ги-

гантов. Они выглядели так, будто готовы были драться, чтобы отомстить нам за свое поражение.

Нам пришлось остановить их, выхватить копья и мечи.

Начался бой.

Я схватился с синим воином, обернувшим вокруг талии пояса с обрубленными человеческими руками — странной добычей предыдущих поединков.

Я решил предьявить ему счет за эти руки.

Будучи верхом, я находился в более выгодном положении, потому что арзгун был пешим.

Воин нанес мне удар левой рукой, застав меня врасплох. Его оружием был боевой топор, и потребовалось все мое умение, чтобы заблокировать этот удар и избежать одновременно выпада его меча.

Он зажал мне меч своим оружием, и несколько мгновений мы оставались в такой позе, испытывая силу друг друга. Затем он попытался поднять меч, нацелив удар мне в голову, но я вырвал свой клинок из-под его топора, и он на секунду потерял равновесие. Я использовал этот момент, чтобы пронзить ему глотку.

Вокруг меня царила неразбериха. Хотя мы теснили арзгунов, но у нас были большие потери и казалось, что у нас оставалась только половина от первоначального числа людей.

Я увидел, что у Дарнала возникли затруднения с парой синих воинов, и поспешил ему на помощь. Вместе мы быстро отправили на тот свет его противников.

Из пятидесяти сражавшихся с нами арзгунов сдались только двое.

Мы решили применить к ним те же приемы, которые использовали раньше. Наконец они начали угрюмо отвечать на наши вопросы.

— Вы знаете, кто из ваших соплеменников забрал при отступлении женщину из Варналя?

Дарнал дотронулся до своего ножа.

— Да,— сказал арзгун.

— В каком направлении они скрылись? — спросил я.

— На север.

— Но куда они, по-вашему, направились?

— Возможно, к Нарлету.

— Где это? — спросил я Дарнала.

— Примерно в трех милях езды отсюда — неподалеку от границы Алой Равнины городок разбойников.

— Он, наверное, опасен для нас?

— Может быть,— признался Дарнал.— Но мне кажется, если мы не натворим беспорядков, то все пройдет гладко. Они предпочитают не сопротивляться, если знают, что ищут кого-нибудь не из их жителей. Кроме того,— засмеялся Дарнал,— у меня в

Нарлете есть один-два друга. Плуты, но довольно приятные люди, если забыть, что они отпетые воры и убийцы.

Снова мы поручили пленных одному воину, и наш сильно потрепанный отряд двинулся дальше к Нарлету.

По крайней мере теперь мы располагали предельно возможной информацией, и настроение наше улучшилось, когда мы во весь опор скакали к Городу Воров.

Дважды на пути к нему мы были вынуждены останавливаться и вступать в стычки с арзгунами, и взятые нами пленные утверждали, что Шизала, по всей вероятности, находится в Нарлете. Через три дня пути мы заметили вдали цепь холмов, отмечающую конец Алой Равнины.

Затем мы увидели небольшой обнесенный стенами город — стены были выложены из бревен, покрытых слоем глины. Здания были квадратными и казались достаточно крепкими, но в них было мало красоты.

Это был Нарлет, Город Воров.

Но найдем ли мы в нем Шизалу?

Г л а в а 8

ГОРОД ВОРОВ

Было бы несправедливо утверждать, что мы получили в Нарлете радушный прием, но, как сказал Дарнал, жители не атаковали нас, однако посматривали с подозрением и склонны были избегать встреч, когда мы въехали в единственные городские ворота и продвигались по узким улицам.

— Нам не получить никаких сведений от жителей, — сказал мне Дарнал. — Но я знаю, где найти того, кто нам поможет, — если только старый Белет Вор еще жив.

— Белет Вор? — спросил я.

— Это один из моих друзей, о которых я упоминал.

Наш маленький отряд въехал на рыночную площадь, и Дарнал показал на домик, зажатый, подобно колбасе в бутерброде, меж двух высоких зданий.

— Однажды, когда я патрулировал в этом районе, он спас мне жизнь. Мне посчастливилось отплатить ему тем же — и таким образом у нас возникла крепкая дружба.

Мы спешили перед домом, из него вышел старик. Он был беззубым, сморщенным и невероятно уродливым, но все же у него был веселый вид, заставлявший забыть о его нездоровой внешности.

— А, Брадинак Дарнал, — большая честь, большая честь. — Глаза его поблескивали, противореча подобострастным словам. Я понял, почему он нравится Дарналу.

— Привет тебе, старый негодяй! Сколько детей ты сегодня ограбил?

— Всего лишь дюжину с небольшим, Брадинак. Твой друг не хотел бы посмотреть на мою добычу? Сахарные фрукты, только наполовину съеденные. Хе-хе!

— Избавь нас от этого искушения, — сказал я, входя в его лагуну.

Она оказалась удивительно чистой и прибранной, и мы примостились на лавочках, пока он разливал нам басу.

Потягивая сладкий напиток, Дарнал уже серьезно сказал:

— Мы спешим, Белет Вор. Не видел ли ты проезжавших здесь день-два назад арзгунских воинов?

Старый плут склонил голову набок.

— Ну да, два арзгунских воина. Они выглядели так, что будто хорошо получили по зубам, удирая в свое горное логово.

— Только два воина?

Белет Вор засмеялся.

— И двое пленных, судя по их виду. Я не думаю, чтобы они избрали подобное общество по доброй воле.

— Д в о е п л е н н ы х ?

— Да, обе женщины. Одна светлая, другая темная.

— Шизала и Хоргула? — настойчиво спросил Дарнал.

— Я не уверен. Они могли уехать рано утром, но мне кажется, что навряд ли.

— Где они остановились?

— Ага! Вот тут-то тебе не повезло, если ты ищешь именно пленниц. Эти арзгунские воины, кажется, высокого ранга. Они гости нашего Бради.

— Вашего Бради? Уж не Чинода Сая ли?

— Да. Он теперь велит называть себя Бради Чинод Сай. Нарлет становится респектабельным городом. Чинод Сай теперь равен тебе, Брадинак Дарнал, не так ли?

— Вот негодяй!

— Наверное, — задумчиво произнес Белет Вор. — Но я припоминаю, что многие из ныне почтенных стран имели схожее с нашим происхождение.

Дарнал коротко рассмеялся.

— Один ноль в твою пользу. Но мы их потомки. А я знаю Чинода Сая как убийцу женщин и детей.

— Ты несправедлив к нему, — усмехнулся Белет Вор. — Он убил, по крайней мере, одного мужчину в честном бою.

Дарнал повернулся ко мне и проговорил.

— Если эти арзгунцы находятся под защитой Чинода Сая, то нам будет трудно вырвать Шизалу и другую женщину из их лап. Мы в незавидном положении.

— У меня есть предложение, если вы только согласитесь его выслушать,— сказал Белет Вор.

— Я выслушаю любое предложение, было бы оно разумным,— ответил Дарнал.

— Я хочу сообщить, что арзгунцы и их дамы гостят в особых покоях, размещенных отдельно, специально для таких вот неожиданных визитеров.

— Ну и что из этого? — резко спросил я.

— Эти покои располагаются на первом этаже. У них большие окна. Наверное, вы смогли бы помочь своим друзьям, не вызывая особенного беспокойства у нашего царственного Бради.

Я нахмурился.

— Но разве их не охраняют?

— О, если можно считать охраной стражников, редко стоящих вокруг дворца великого Бради. Возможно, он опасается, что в этих краях могут быть грабители — так мало у него веры в своих подданных.

— Как же мы проникнем во дворец, чтобы нас не увидели часовые? — потер я подбородок.

— Вам придется отделаться от них — они очень бдительны. В конце концов, некоторые воры Алой Равнины пытались неоднократно поживиться добычей Чинода Сая, но немногие из них преуспели. Большинство же украсило стены города своими головами.

— Но сможем ли мы заставить часовых замолчать?

— Вот тут-то,— подмигнул Белет Вор,— я и смогу вам помочь. Извините меня.— Он поднялся и выскочил из комнаты.

— По-моему, он симпатичный старый бандит, верно? — обратился ко мне Дарнал.

Я кивнул.

— Но он подвергает себя опасности, помогая нам. Если дело выгорит, то люди Чинода Сая обязательно заподозрят, что он приложил к этому руку.

— Верно. Но сомневаюсь в том, что Чинод Сай что-нибудь предпримет. Белет Вор знает много тайн, и некоторые из них касаются Чинода Сая. Белет Вор популярен в городе. А Бради очень непрочно сидит на своем самодельном троне. Найдется много желающих узурпировать его власть, если они получат общественную поддержку. Если с Белетом Вором что-нибудь случится, это окажется как раз тем поводом, который нужен следующему кандидату в Бради Воров. Чинод Сай достаточно хорошо это знает.

— Ладно,— ответил я.— Но тем не менее думаю, что он рискует ради нас больше, чем ему нужно.

— Я же говорил тебе, Майкл Кейн, что между нами существуют определенные узы.

Это простое заявление, очевидно, много значило для Дарнала, и мне думается, я понимал, что он чувствует. Такие достоинства, как верность, почтительное отношение к женщине, явно вышли из моды в обществах Нью-Йорка, Лондона и Парижа, но на Марсе, на моем Васу, они были все еще в моде. Разве удивительно, что я предпочел Красную планету своей?

Вернулся Белет Вор, неся в руке длинную трубку и небольшую шкатулку красивой работы.

— Вот это заставит умолкнуть ваших часовых; — заявил он, потрясая шкатулкой. — И кроме того, не убьет их.

Он осторожно открыл шкатулку и продемонстрировал ее содержимое. Там лежало примерно два десятка крошечных оперенных стрелок. Я сразу догадался, что трубка была духовым луком, а стрелы — его боеприпасами. Концы стрел, видимо, были смочены ядом, который должен обезвредить часовых.

Мы молча приняли это оружие.

— До наступления ночи еще целых восемь шати, — сказал Белет Вор. — Можно предаться воспоминаниям. А? Сколько с вами людей?

— Осталось всего шесть, — ответил я.

— Тогда здесь для них места хватит. Я приглашаю их на чашку басу.

Дарнал вышел на улицу и передал приглашение своим воинам. Они вошли и с благодарностью приняли чашки, а Белер Вор принес также и еду.

Восемь шати шло с невероятной медленностью, и я провел время, по большей части, в задумчивом молчании. Скоро, если провидение будет на нашей стороне, я снова увижу Шизалу! Я знал, что она никогда не сможет быть моей, но мне достаточно просто быть с ней, знать, что она в безопасности, что я всегда смогу ее защитить.

Когда стемнело, Белет Вор посмотрел на меня.

— Восемь — хорошее число, — произнес он.

Мы поднялись, скрипя доспехами, позванивая вооружением.

— Прощай, Дарнал. — Белет Вор сжал плечи юного Брадинака, а Дарнал — плечо старика. Казалось, в этом расставании было что-то роковое, словно Белет Вор знал, что они никогда больше не встретятся.

— Прощай, Белет Вор, — тихо произнес он. Их глаза на мгновение встретились, затем Дарнал широкими шагами направился к двери.

— Спасибо тебе, Белет Вор, — поблагодарил я старика.

— Желаю удачи, — прошептал он.

Здание, к которому мы наконец вышли, было расположено в центре города. Оно было всего в два этажа высотой, большей частью построено из дерева.

Оно стояло на открытой площади, от которой лучами расходились несколько улиц. Мы держались в тени и наблюдали за часовыми, которые патрулировали на территории вокруг дворца.

Белет Вор описал Дарналу, где находится комната для гостей, и рассказал, когда арзгуны, вероятно, отправятся спать. Мы исходили из того, что Шизала и Хоргула не будут разделять трапезу с Чинодом Саем. Сейчас арзгуны, вероятнее всего, пируют в главном зале здания. Это означало, что мы сумеем выручить двух женщин, не возбуждая подозрений тех, кто находится во дворце.

После того, как мы установили движение и интервалы движения часовых, Дарнал осторожно вложил в трубку первую стрелу и прицелился.

Прицел его был точен. Стрела полетела к часовому, и я увидел, как он схватился за шею, а затем почти беззвучно упал на землю.

Следующий часовой — нам нужно было обезвредить всего четырех — увидел, как упал его товарищ и бросился к нему. Мы услышали, как он нагнулся над ним и произнес:

— Вставай, Акар, а то Бради снимет с твоих плеч голову. Говорил я тебе, не пей так много перед тем, как вступил в караул!

Я затаил дыхание, когда Дарнал нацелил другую стрелу и тихонько пустил ее — и второй часовой тоже упал.

Третий часовой вышел из-за угла и остановился пораженный при виде тел своих товарищей.

— Эй! Что это?

Он так и не узнал, что случилось, потому что третья стрела Дарнала попала ему в голое плечо. Наркотик растворился быстро, и часовой упал. Дарнал ухмыльнулся мне — кажется, мы были близки к успеху. Четвертый часовой получил стрелу прежде, чем увидел своих товарищей.

Затем наша восьмерка двинулась вперед, ступая по-кошачьи тихо к комнатам для гостей.

«Скоро, скоро,— думал я,— все кончится, и мы вернемся к мирной жизни в Варнале. Я смогу изучать науки таинственных шивов, увеличивать число изобретений, которыми смогут воспользоваться варнальцы. Благодаря моей помощи, варнальцам никогда больше не нужно будет страшиться нападений. Они имели основу технологии для построения двигателей внутреннего сгорания, электрогенераторов, радио — всего того, что я мог помочь им сделать».

Такие мысли — неуместные, наверно, в данный момент — вертелись в моем мозгу, когда мы крались под окнами гостевых покоев.

Окна были без стекол, только со ставнями, и одно из них было открыто. Удача, кажется, продолжала сопутствовать нам.

Я осторожно заглянул в комнату. Она была богато меблирована, хотя и несколько вульгарно: полы были завалены мехами, вдоль стен стояли в беспорядке комоды, кресла, шкафы и другая мебель. Комната была пуста.

Я перекинул ногу через подоконник и как можно быстрее забрался в комнату.

Дарнал и другие последовали за мной.

Затем мы некоторое время простояли, глядя друг на друга, внимательно прислушиваясь.

Наконец, мы услышали низкий голос. Единственное, что можно было сказать с полной уверенностью, — что он принадлежал человеку. Этот голос раздался из левой комнаты.

Мы с Дарналом направились к двери, а воины двинулись следом за нами. Дверь, к нашему удивлению, оказалась незапертой. Теперь слышался звук, скорее всего похожий на тихий женский смех. Но почему смех? Я, должно быть, неверно понял, потому что следующим был голос низкого тона, в котором невозможно было разобрать слов.

Дарнал посмотрел на меня, и мы одновременно распахнули двери.

При свете факела я увидел, что внутри находились двое.

Одной была Хоргула, стоявшая около окна. Другой была Шизала — моя Шизала!

Шизала была связана по рукам и ногам. Но Хоргулу не связали. Она стояла, положив руки на бедра, и улыбалась Шизале, отвечавшей ей гневным взглядом.

Улыбка Хоргулы замерла на ее губах, когда она увидела нас. Шизала издала радостный крик:

— Майкл Кейн! О, слава Зару, вы пришли!

Хоргула продолжала стоять с ничего не выражающим лицом, не произнося ни слова.

Я шагнул вперед развязать Шизалу. Во время распутывания узлов я не сводил глаз с владниярской девушки, подозревая, что она играла не последнюю роль во всем этом. Была ли она пленницей или нет?

Теперь это казалось маловероятным. И все же...

Хоргула вдруг рассмеялась мне в лицо.

Я закончил возню с путами Шизалы и поинтересовался:

— Почему ты смеешься?

— Я думала, что тебя убили, — проговорила она, не отвечая на мой вопрос. А потом, запрокинув голову, издала пронзительный крик.

— Молчи! — яростным шепотом произнес Дарнал. — Ты поднимаешь на ноги весь дворец. Мы не собираемся причинять тебе вреда.

— Я в этом уверена, — усмехнулась она, когда Дарнал двинулся к ней. — Но я намерена причинить вред вам, друзья мои! — И она снова завизжала.

Снаружи слышались голоса и топот ног.

Глаза Шизалы блеснули от слез, когда она смотрела мне в лицо.

— О, Майкл Кейн, я почему-то знала, что ты спасешь меня. Я думала, что они убили тебя — и все же...

— У нас нет времени для разговоров, — грубо прервал я ее, пытаюсь скрыть чувства, вызванные ее близостью. — Нам надо спастись.

Дарнал зажал ладонью рот Хоргулы. Он выглядел несчастным, так как не привык таким образом обращаться с женщинами.

— Хоргула не пленница, — сказала Шизала. — Она...

— Теперь я это вижу, — проговорил я. — Пошли, нам надо спешить.

Мы повернулись и покинули комнату. Дарнал отпустил Хоргулу и последовал за нами.

Но прежде чем мы достигли открытого окна, в комнату вошло десяток два стражников, возглавляемых арзгунскими воинами и субъектом, на спутанных жирных волосах которого блестела яркая диадема.

Дарнал, я и шестеро воинов повернулись к ним лицом, возник барьер между нами и Шизалой.

— Уходи скорее, Шизала, — тихо сказал я. — Ступай в дом Белета Вора. — Я рассказал ей, как найти старика.

— Я не могу покинуть вас, не могу!

— Ты должна. Нам будет легче, если мы будем знать, что по крайней мере ты в безопасности. Пожалуйста, делай то, что говорю! — Я пристально следил за арзгунами и остальными, ожидая их нападения. Они осторожно приближались.

Она, кажется, поняла, что от нас хотели, и я с облегчением увидел, как она перелезла через подоконник и исчезла в ночи.

Из соседней комнаты появилась Хоргула, повелительно указывая на нас пальцем. Лицо ее покраснело от гнева.

— Эти люди пытались похитить меня и другую женщину, — заявила она человеку с жирными волосами, стоявшему с мечом в руке.

— Вы что, не знали, — обратился он к нам со злобным взглядом, — что Чинод Сай охраняет безопасность своих гостей и не терпит вторжения чужих, вроде вас?

— Ты — убийца детей! — бросил ему Дарнал. — Я знаю тебя, выскочка. Ты тот, который называет себя Бради сборища головорезов и вора!

Чинод Сай презрительно фыркнул.

— Ты говоришь храбро, но слова твои ничего не значат. Вы все скоро умрете.

Затем он набросился на нас со стражниками и гостями-арзгунами. Завязалась схватка.

Я оказался сражающимся не только с Чином Саем, но и с одним из арзгунов, и все, что мог при этом сделать, — уйти в глухую защиту, хотя я превосходил в умении обращаться с мечом обоих.

Своими несогласованными действиями они мешали друг другу, поэтому у нас были некоторые преимущества.

Я сдерживал своих противников, пока не заметил ошибку в обороне одного из своих. Стремительно перебросив меч из правой руки в левую, что на секунду сбило их с толку, я сделал затем выпад. Арзгун, который был медлительнее Чинода Сая, грудью наткнулся на мой клинок. Он со стоном упал на спину, и передо мной остался лишь самозванный Бради Нарлета.

Увидев, что гигантский синий воин пал, он потерял вкус к бою и, отступая, позволил своим охранникам занять его место.

Настала моя очередь презрительно фыркнуть.

Один за другим пали и наши воины, и вот в живых остались только мы с Дарналом.

Меня не волновала моя смерть. Пока Шизала была в безопасности — а я знал, что старый Белет Вор обеспечит ей укрытие, — я готов был умереть.

Но я не умер. На нас одновременно на село столько воинов, что мы едва могли двинуть руками, в которых были мечи. Через минуту мы были повалены на пол, и второй раз я получил удар по голове — и этот, второй удар, не был предназначен для моего блага, как тот, первый.

Сознание покинуло меня, и я провалился в беспамятство.

Г л а в а 9

ПОХОРОНЕНЫ ЗАЖИВО!

Я открыл глаза, но ничего не увидел. Зато многое рассказал мне запах — мои ноздри свербило от тухлого влажного воздуха, который, казалось, указывал на то, что я нахожусь под землей. Я согнул и разогнул ноги и руки. Они, по крайней мере, не были связаны.

Я попытался встать, но стукнулся головой о потолок. Здесь я мог стоять только на коленях.

Я был в ужасе. Уж не заточили ли меня в склепе? Не придется ли мне умереть от голода или потери разума? Усилием воли я взял себя в руки. Затем услышал слева от себя слабый звук.

Я осторожно провел рукой и коснулся чего-то теплого.

Кто-то застонал, затем голос прошептал:

— Кто тут? Где я?

— Дарнал?

— Да.

— Это Майкл Кейн. Мне кажется, мы в темнице с очень низким потолком.

— Что? — Я услышал, как Дарнал пошевелился и сел.

— Ты знаешь, где мы?

— Мне кажется, я слышал об этом месте.

— Что же это такое?

— Древняя система отопления.

— Звучит вполне мирно. Что это?

— Нарлет построен на древних развалинах одного из городов шивов. От него почти ничего не осталось, кроме фундамента одного специфического здания, ставшего фундаментом для дворца Чинода Сая. Очевидно, плиты, формирующие пол дворца, уложены над древним бассейном, который наполняется горячей водой и обогревает нижний этаж дворца, а скорее всего и весь дворец, через систему труб. Судя по тому, что я слышал, шивы забросили этот город задолго до своего упадка, потому что позже они открыли другие способы отопления.

— И значит, мы похоронены под полом дворца Чинода Сая?

— Я слышал, что ему доставляет удовольствие заточать здесь своих врагов — топтать их, так сказать, постоянно своими ногами. Я не рассмеялся, но восхитился силой духа своего друга, способного шутить в такой момент.

Я поднял руки и пощупал гладкие и влажные плиты над головой, надавливая на них. Но они не поддавались.

— Если он может поднимать эти плиты, то почему не можем мы?

— Белет Вор мне рассказывал, что есть всего несколько незакрепленных плит, и когда заточают пленных, то на них ставят очень тяжелую мебель.

— Значит, мы все-таки похоронены заживо, — проговорил я, скрывая дрожь ужаса в голосе. Мне кажется, что любой человек, каким бы храбрым он ни был, испытал бы точно то же при мысли о подобной участи.

— Да. — Голос Дарнала был едва слышным шепотом.

— По крайней мере, мы спасли Шизалу, — напомнил я ему. — Белет Вор позаботится о том, чтобы она невредимой вернулась в Варналь.

— Да. — Голос его прозвучал менее напряженно.

На некоторое время наступило молчание, потом я принял решение.

— Если ты останешься там, где сейчас находишься, — обратился я к нему, — чтобы у меня был ориентир, то я исследую нашу тюрьму.

— Ладно, — согласился он.

Мне, конечно, пришлось ползти — другого способа передвигаться не было.

Я сосчитал число шагов, когда пересек эту ужасную сырую и вонючую камеру.

Когда я дошел до шестидесяти одного, то достиг стены, а затем пополз вдоль нее, продолжая считать.

Что-то преградило мне дорогу. Сперва я не мог понять, что это такое — тонкие предметы, похожие на палки. Я осторожно ощупал их, а затем резко отдернул руку, так как понял, что это кости одной из прежних жертв Чинода Сая.

По пути вдоль стен я обнаружил еще несколько скелетов.

Оттуда, где я начал, первая стена измерялась в 97 «шагов», вторая только в 54. Третья была длиной в 126. Четвертая стена — один «шаг», два, три...

На седьмом «шаге» вдоль четвертой «стены» моя рука коснулась отверстия.

Ощупав края, я обнаружил, что отверстие имело округлую форму, скорее всего это труба, некогда доставлявшая в камеру воду. Она имела достаточную ширину для того, чтобы мог пролезть человек.

Я сунул в трубу голову и вслед за ней плечи и руки. Труба была сырой и грязной, но меня не могло остановить ничего. Прежде чем обнадеживать Дарнала, мне нужно было выяснить, действительно ли труба давала шанс на спасение.

Я втиснул в нее тело и пополз вперед, извиваясь как змея.

Ничего пока не преграждало мне путь, и я начал было ликовать, извиваясь, полз дальше.

Но затем пришло разочарование.

Мои руки коснулись, и я сразу понял чего. Это был еще один человеческий скелет.

Очевидно, еще один бедняга, скорее всего не один, искал себе путь к спасению и был разочарован, и остался тут, не имея сил к возвращению.

Я глубоко вздохнул и пополз обратно.

На полпути я услышал звуки позади себя и остановился. Это был звук скрежещущего камня. В трубу просочилось немного света, и я услышал смехок.

Я не шевелился. Ждал.

Раздался насмешливый голос Чинода Сая.

— Приветствую тебя, Брадинак, как тебе нравится пребывание здесь?

Дарнал не ответил.

— Брось, брось, выходи — я желаю показать своим людям, как выглядит настоящий Брадинак Варналя. Сожалею, что ты немного пропах, но тут не то место, к которому ты привык.

— Я предпочту остаться здесь, нежели подвергаться твоим оскорблениям, подонок, — ответил ровным голосом Дарнал.

— А что твой друг — тот, странный такой? Наверное, и он хотел бы получить небольшую передышку? Где он?

— Не знаю.

— Не знаешь?! Но ведь его же посадили сюда вместе с тобой. Не лги, парень, где твой спутник?

— Не знаю.

Свет увеличился, вероятно, потому, что Чинод Сай вглядывался в склеп, используя для освещения факел.

Голос его в раздражении поднялся.

— О н д о л ж е н быть тут!

Тон Дарнала казался теперь более веселым.

— Ты же видишь, что его нет, если только один из этих скелетов не принадлежит ему...

— Невозможно! Стража!

Я услышал над собой топот ног.

Чинод Сай распорядился:

— Выньте еще несколько плит и посмотрите, не прячется ли в углу другой пленник. Он должен быть там! И вытащите оттуда этого карнальца!

Раздался шум, и я понял, что Дарнала увели.

Затем я услышал, как стражники снимают плиты, и усмехнулся про себя, надеясь, что они не додумаются заглянуть в трубу. Мне кое-что пришло в голову. Мысль была не из приятных, но она могла спасти меня и дать, в свою очередь, шанс спасти Дарнала.

Я снова пополз вперед по трубе и схватил несколько костей того несчастного, который обследовал ее раньше меня. Ему не повезло, и хотя он умер не один год назад, теперь мог помочь мне выбраться отсюда и помочь отомстить за него, когда появится возможность.

Прижавшись как можно плотнее к стене трубы, я стал проталкивать кости перед собой до тех пор, пока у моих ног не собралась порядочная куча. Я проделывал это, по возможности, беззвучно, и любой шум, который я мог произвести, был заглушен звуками отталкиваемых плит.

— Его здесь нет, — услышал я слова одного из них.

— Ты дурак, — ответил один из них. — Он должен быть тут!

— Ну, а я говорю, что его здесь нет. Иди сам и посмотри.

Другой стражник залез в склеп, и я услышал, как он спотыкается в полутьме.

— Не понимаю, отсюда же нет выхода. Мы поселили их сюда в одно время. Эй, что это?

Стражник обнаружил трубу. Свет увеличился.

— А не мог ли он забраться сюда? Если так, то от этого ему мало проку. Она перегорожена на другом конце.

Затем стражник обнаружил кости.

— Ух! Он-то не залез, но кто-то другой пытался. Эти кости старые.

— Что мы скажем Бради? — нервно проговорил первый стражник. — Это пахнет колдовством.

— Ничего такого нет и в помине!

— Теперь все считают так, но мой дед рассказывал мне...

— Заткни пасть! Колдовство, духи... Чушь... И все же, должен признаться, в нем было что-то странное. Он не принадлежал ни к одному виденному мною народу. А я слышал, что за океаном лежит другая земля. И потом есть шивы...

— Шивы! Вот именно!

— Придержи язык! Чинод Сай вырвет его, если услышит, что в его дворце так выражаются.

— Что же мы ему скажем?

— Только факты. Этот человек был здесь, но его больше здесь нет.

— Но поверит ли он нам?

— Будем надеяться, что повезет.

Я услышал, как стражники вылезают и уходят прочь. В тот момент, когда они покинули помещение, я выскользнул из трубы как можно быстрее. Плиты были вытасканы, и в помещении царила полнейшая неразбериха. Этому, во всяком случае, я был рад.

В помещении никого не было. Оно оказалось своего рода тронным залом, судя по украшенному резьбой позолоченному креслу из драгоценного металла.

Я поднялся в зал, бесшумно подбежал к двери и встал около нее, прислушиваясь.

Она была полуоткрыта, и оттуда доносились гневные голоса.

Снаружи дворца тоже доносились звуки — крики, возгласы. Казалось, и в этих голосах звучали гневные нотки.

Где-то в отдаленную дверь начали барабанить несколько пар кулаков.

Я отпрыгнул от двери, так как она внезапно распахнулась и в зал кто-то вошел.

Это был Чинод Сай.

На миг он в ужасе уставился на меня.

Этот миг был тем, что мне требовалось. Я молниеносно метнулся вперед и выхватил у него из-за пояса меч. Потом я прижал острие к его горлу и сказал с мрачной улыбкой на губах:

— Позови стражников сюда, Чинод Сай,— и ты позовешь сюда смерть!

Он побледнел и что-то пробормотал. Я жестом велел ему пройти в зал и закрыть дверь. Мне повезло. Все были слишком заняты тем, что происходило за стенами дворца, чтобы заметить, что случилось с их Бради.

— Говори тихо,— приказал я.— Скажи, что происходит и где мои товарищи?

— Как, как ты сбежал?

— Вопросы задаю я, друг мой! А теперь отвечай!

Он прошептал:

— Что ты имеешь в виду?

— Отвечай!

— Эти подонки атакуют мой дворец,— сказал он.— Какой-то жалкий дахарокрад хочет занять мое место.

— Надеюсь, он станет лучшим вождем, чем ты.

Он махнул рукой в ту сторону, откуда пришел.

— Т а м...

Неожиданно кто-то вошел. Я ожидал, что стражники постучатся, и намерен был заставить Чинода Сая велеть им не входить.

Но это был не стражник.

Это был арзгун. Он был поражен, увидев меня, потом обернулся и издал рев, предупреждающий стражников.

Они вбежали, и я отступил, оглядываясь по сторонам в поисках средств к побегу, но все окна в зале были забраны решетками.

— Уберите его! — завизжал Чинод Сай, показывая на меня трясущимися руками.— Уберите его!

Возглавляемые синим арзгуном стражники бросились на меня. Я знал, что стою перед лицом смерти,— они не станут второй раз брать меня в плен.

Г л а в а 1 0 В ПЕЩЕРАХ ТЬМЫ

Каким-то образом я сумел сдержать их, до сих пор не могу понять, как. Затем я увидел, как за их спинами появился Дарнал, размахивающий добытым откуда-то мечом.

С обеих сторон мы принялись обрабатывать воинов Чинода Сая, но знали, что в конечном итоге они нас раздавят.

Раздался неожиданный ликующий рев, и в тронный зал вошла толпа, вооруженная мечами, копьями и алебардами.

Этих людей возглавлял красивый на вид молодой человек, и по блеску в его глазах, одновременно расчетливому и торжествующему, я догадался, что это и есть претендент на трон города Воров.

Теперь, когда вновь прибывшие помогли Дарналу раздѣлаться с арзгуном и стражниками, я сосредоточил свое внимание на Чиноде Сае. На этот раз, пообещал я себе, он не отступит ни за чьи спины.

Чинод Сай понял мое намерение и, кажется, болѣе уверенно стал владѣть мечом.

Мы передвигались взад и вперед по разломанному полу тронного зала, сражаясь над костями несчастных, заточенных в подземелье ради извращенного удовольствия тирана.

Удары, парирования, выпады, сталь наших клинков звенела в зале, в то время как в дальней стороне зала сражалась масса дерущихся людей.

А затем мне показалось, что настал мой конец, так как я споткнулся об одну из плит и полетел в яму.

Я увидел, как Чинод Сай поднял руку для удара, который бы меня прикончил.

Когда меч начал путь к моему сердцу, я откатился вбок, под ту часть пола, которая не была раскрыта. Я услышал, как он выругался, и увидел, как он спрыгнул следом за мной. Увидев меня, он сделал выпад. Приподнявшись на левой руке, я ответил ему выпадом и попал прямо в сердце. Я вогнал свой клинок точно в цель, и мой противник со стоном упал.

Я вылез из ямы.

— Подходящее место для погребения, Чинод Сай,— сказал я.— Придется тебе делить могилу с теми, кого ты убил такой страшной смертью. Ты получил болѣе быструю смерть, чем заслуживал!

Я выбрался в тот момент, когда Дарнал разделался с последним арзгуном.

Бой был окончен, и юный предводитель толпы поднял правую руку и крикнул:

— Чинод Сай убит! Тирану конец!

Толпа восторженно ответила:

— Да здравствует Марда Кон, Бради Нарлета!

Марда Кон обернулся и ухмыльнулся мне:

— Враги Чинода Сая — мои друзья. Вы косвенно помогли мне обрести трон. Но где же Чинод Сай?

Я показал на пол.

— Я убил его,— просто сказал я.

— Отлично! Отлично! — рассмеялся Марда Кон.— За эту маленькую услугу ты мне еще болѣеший друг.

— Но это не было услугой тебе,— сказал я.— Я обещал себе совершить это.

— Именно так. Я был истинно опечален смертью твоего друга.

— Моего друга? — переспросил я, когда к нам присоединился Дарнал. У него была неглубокая рана на правом плече, но в остальном он был в порядке.

— Белета Вора, разве ты не знал?

— Что случилось с Белетом Вором? — настороженно спросил Дарнал.

Надо признаться, что я в это время думал не столько о Белете Воре, сколько о девушке, которую я направил к нему, — о Шизале.

— Именно это и дало мне возможность поднять народ против Чинода Сая, — сказал Марда Кон. — Чинод Сай и его синий дружок узнали, что вас видели в доме Белета Вора. Они отправились туда и обезглавили его на месте.

— Белет Вор мертв? Обезглавлен? О нет! — Лицо Дарнала побледнело.

— Боюсь, что так.

— Но девушка, которую мы спасли, — та, что мы отправили к нему? — спросил я с трепетом, почти боясь услышать ответ.

— Девушка? Не знаю, я ничего не слышал о девушке. Наверное, она все еще в его доме, прячется где-нибудь.

Я расслабился. Вероятно, так оно и было.

— Есть еще одна пропавшая, — заметил Дарнал, — владения Хоргула. Где она?

Мы вместе обыскали дворец, но не нашли ее.

Наступила ночь, когда мы одолжили рысаков у нового Бради и помчались к дому Белета Вора.

Домик был начисто разоренным. Мы звали Шизалу по имени, но она не отвечала.

Шизала исчезла — но куда? И как?

Спотыкаясь, мы вышли из дома. Неужели мы так много пережили только для того, чтобы потерять ее теперь?

Мы вернулись во дворец. Не может ли нам чем-нибудь помочь Марда Кон?

Новый Бради наблюдал, как укладывались плиты пола обратно.

— Они будут надежно зацементированы, — заявил он. — Больше никогда подпол не будет служить для такой страшной цели.

— Марда Кон, — в отчаянии проговорил я, — девушки нет в доме Белета Вора. Мы знаем, что она никуда не ушла бы по своей воле. Не осталось ли в живых каких-нибудь стражников Чинода Сая? Если да, то, может быть, они сообщат нам, что случилось с Шизалой.

— По-моему, осталось несколько пленных, — кивнул Марда Кон. — Допросите их, если хотите.

Мы вышли в переднюю. Там сидели трое хмурых пленников, двое из которых были ранены.

— Кто-нибудь из вас знает, где Шизала? — спросил я.

— Шизала? — нахмурившись, поднял взгляд один из них.
— Белокурая девушка, пленница, которая была здесь.
— Ах, эта. По-моему, они уехали вместе.
— О б с?
— Она и темноволосая женщина.
— Куда они уехали?
— Чем ты мне заплатишь за то, что я тебе расскажу? — Стражник хитро посмотрел на меня.
— Я поговорю с Мардой Коном, он должен нам за услугу, я попрошу проявить к тебе милосердие.
— Ты сдержишь свое слово?
— Конечно.
— Я думаю, они отправились к Горам арзгунов.
— А почему? — вмешался Дарнал. — Зачем владения добровольно отправляться к арзгунам? Синие Гиганты не имеют друзей среди людей.
— В связи Хоргулы с арзгунами есть что-то таинственное. И когда мы отыщем ее, то узнаем ответ, — сказал я. — Ты знаешь, где находятся Горы арзгунов, Дарнал?
— Думаю, что да, — кивнул он.
— Тогда идем, давай поспешим за ними следом. Если удача будет сопутствовать нам, то мы их нагоним прежде, чем они доберутся до гор.
— Это будет лучше, — согласился Дарнал.
— Почему?
— Потому что арзгуны живут в горах — в Пещерах Тьмы, которые расположены под горным хребтом. Некоторые утверждают, что на самом деле это мрачный мир мертвых, и судя по тому, что я слышал, такое вполне возможно.
Мы перекинулись парой слов с Мардой Коном, попросив его проявить милосердие к стражнику, а затем вышли на площадь, оседлали своих дахаров и поскакали в ночь, направляясь к Пещерам Тьмы.
Нам не повезло. Сперва животное Дарнала порезало ногу об острый камень и охромело. Нам пришлось целый день передвигаться со скоростью пешехода, пока мы не наткнулись на лагерь людей, где сумели отыскать и обменять рыска Дарнала на довольно жилистого зверя.
Затем мы потеряли свои ориентиры на бесплодной долине, известной под названием Дикий Край Печали. Теперь мы понимали, почему каждый проезжающий здесь чувствовал печаль.
Против ожидания, рысак Дарнала оказался очень крепким — мой зверь устал раньше.
Мы пересекли Дикий Край Печали и выбрались на берег невероятно широкой реки — намного шире, чем Миссисипи.

Еще одна остановка, пока мы разыскивали лодку и дружелюбно настроенного рыбака, который помог нам переправиться. К счастью, Дарна́л носил на пальце драгоценное кольцо, которое мы использовали в качестве валюты.

В городке на берегу мы купили припасы и узнали — к своему облегчению, потому что появился шанс, — стражник не соврал: две женщины проезжали этой дорогой. Мы спросили, была ли Шизала пленницей, но нам сообщили, что она, похоже, не была связана.

Это озадачило меня, и мы не могли понять, почему Шизала путешествовала, как казалось, в страшные владения арзгунов по своей собственной воле.

Но как мы понимали, все должно было выясниться, когда мы их догоним. Они опережали нас на три дня пути.

Мы переправились через реку Карзенкс в рыбацесй лодке, перевезя с собой своих скакунов и провизию. Это оказалось трудной задачей, и течение снесло нас на много миль вниз по реке, прежде чем мы достигли другого берега. Мы вытащили лодку на берег, навьючили на своих животных провиант и оседлали их. Рыбак должен был забрать лодку обратно.

Теперь мы двигались по лесистой местности, но деревья были самыми странными из тех, какие я встречал.

Их стволы состояли из многих сотен стройных стеблей, сплетавшихся друг с другом и создающих стволы 10 — 15 метров в диаметре.

Листва была оттенка, схожего с цветом папоротника Алой Равнины — хотя красный цвет преобладал, но были также оттенки голубого, зеленого, желтого, коричневого и оранжевого. Казалось, что лес пребывал в осеннем состоянии. Как бы странны ни были эти укороченные деревья, они каким-то образом напоминали мне детство.

И если бы не цель, стоявшая перед нами, у меня возникло бы желание побыть здесь подольше.

Но, оказывается, было в этом лесу и такое, что в любом случае заставляло двигаться дальше.

Мы уже два дня двигались по лесу, когда Дарна́л вдруг остановил своего зверя и молча показал сквозь листву.

Дахар Дарнала теперь, казалось, двигался неуверенно, и мой тоже стал вести себя довольно странно.

Дарна́л начал разворачивать своего дахара, направляясь в сторону, откуда мы пришли, мой зверь последовал его примеру, словно рад был повернуть назад.

Затем Дарна́л остановился, и его рука легла на рукоять меча.

— Слишком поздно, — тихо произнес он. — И мне следовало предупредить тебя.

— Я ничего не вижу и ничего не слышу. О чем тебе хотелось предупредить меня?

— О х и л е.

— Хиле? Это что еще за хила?

— Вот,— показал Дарнал.

К нам направлялся кошмарный зверь со шкурой такого же пестрого оттенка, что и листва на деревьях.

У него было восемь лап, и каждая лапа кончалась шестью кривыми когтями. Он имел две головы, и на каждой был широкий зияющий рот, полный острых, как бритва, зубов, пылающие желтые глаза, раздувающиеся ноздри. Из туловища росла одна шея, раздваивающаяся у голов.

Еще у него было два хвоста, чешуйчатых и мощных на вид, и бочкообразное тело с подрагивающими мускулами.

Он не был похож ни на какое другое животное. Он просто не мог существовать — и все же он существовал.

Хила остановился в нескольких футах от нас и хлестнул себя по бокам обоими хвостами, рассматривая нас двумя парами глаз.

Единственным нашим преимуществом, насколько я мог понять, являлось только то, что размером он был лишь в половину обыкновенного дахара. И все же он выглядел опасным и, как теперь понял, мог с легкостью разделаться с нами.

Неожиданно зверь прыгнул. Но не на меня и не на Дарнала, а на шею дахара Дарнала.

Бедное животное завизжало от боли и страха, когда хила вонзил в его плоть свои когти и попросту повис, добираясь зубами до спинного мозга дахара.

Дарнал принялся рубить хилу мечом. Я хотел прийти к нему на помощь, но мое животное отказалось повиноваться.

Тогда я спешился — это было единственное, что я мог сделать,— и остановился за спиной вцепившегося хилы. Я мало разбирался в марсианской биологии, но избрал место на шее хищника, соответствующее месту, которое он закусил у дахара. Я знал, что многие хищники избирают у своих жертв те места, которые соответствуют их собственным жизненно важным центрам.

Я вонзил меч.

Несколько мгновений хила все еще пытался добраться до хребта дахара, затем он ослабил хватку и с воплем боли и ярости, от которых кровь стыла в жилах, упал на мшистую землю. Я отступил, готовый отразить любую его атаку. Но зверь едва поднялся на лапы, постоял, сделал пару шагов прочь от меня, а потом свалился замертво.

Дарнал слез со своего дахара, который стонал от боли и рыл лапой мох.

У бедного животного был вырван изрядный кусок мяса из холки, и единственное, что мы могли сделать,— избавить его от лишних мучений.

Я со страданием посмотрел, как Дарнал приложил меч к голове животного и вогнал его точно в мозг. Дахар и хила лежали бок о бок.

Теперь нам пришлось ехать вдвоем на одном животном, и хотя мой дахар был достаточно силен, чтобы везти нас обоих, мы вынуждены были передвигаться в половину прежней скорости.

Неудачи так и преследовали нас.

Так, вдвоем на одном дахаре, мы оставили позади кишаший хилами лес. Дарнал потом мне сказал, что нам повезло, что мы встретили только одного зверя, потому что обычно они охотятся стаями, и вожак первый нападает на жертву, испытывая ее силу. Если же вожак оказывается убитым, то стая затаивается, считая врага слишком сильным, чтобы рисковать нападая. Им достанется труп вожака, в данном случае и дахара тоже.

Казалось, что, подобно гиенам, хилы были сильными, но трусливыми, и я поблагодарил провидение за эту их черту.

Воздух стал холоднее, так как мы были в дороге уже свыше месяца. Теперь мы пересекали огромную равнину, покрытую черной грязью и осколками обсидиановых скал, чахлыми кустарниками. Наш единственный дахар брел по вязкой грязи, поскользываясь на гладких, как стекло, камнях, или спотыкался на разрушенной каменной кладке.

Я спросил Дарнала, не принадлежат ли эти развалины шивам, он пробурчал, что так не думает.

— Я подозреваю, что в этих развалинах некогда обитали якша,— сказал он.

Дальше нам пришлось ехать под холодным дождем.

— А кто такие якша?

— Говорят, они древние враги шивов, первоначально развивающиеся от одних с ними предков.

— Так это все, что ты знаешь?

— Это единственное, что нам известно. Остальное — суеверия, рассуждения и домыслы.— Он, казалось, внутренне содрогнулся, но не от холода, а от пришедшей ему на ум мысли.

Мы ехали дальше, медленно продвигаясь по темной пустыне, укрываясь на ночь, которая едва отличалась ото дня, под полуобвалившимися стенами строений или выступавшими над землей скалами.

Примерно так обстояло еще две недели, пока неясные контуры арзгунских гор не стали видны сквозь туманный свет Пустыни Рока.

Горы арзгунов были высокими и с зазубренными вершинами.

— Теперь я понимаю, — сказал я Дарналу, — почему они такие, какие есть, — подобные ладшафты не способствуют внушению доброго и светлого.

— Согласен, — ответил он. Затем, чуть погода: — Мы должны пробраться к Воротам Гор Дельпуса до наступления ночи.

— Что представляют собой эти Ворота?

— Входы в Пещеры Тьмы. Их, как мне говорили, не охраняют, потому что немного желающих войти в подземную страну арзгунов — они позволяют нормальному человеку выполнять за них работу охранников.

— Эти пещеры опасны?

— Не знаю, — ответил он. — Никто и никогда не возвращался оттуда, чтобы рассказать...

К ночи можно было различить Ворота, благодаря очень тусклому лунному свету Деймоса. Они были единственным входом в Пещеры, грубо расширенными и сделанными выше. Они казались темными и мрачными, и я мог понять то, что сказал мне Дарнал.

И только моя задача — спасти женщину, которую я люблю и которую никогда не смогу назвать своей, — заставляла меня войти.

Мы оставили верного дахара снаружи заботиться о себе самому, пока мы не вернемся, если мы вообще вернемся.

А потом мы вошли в Пещеры Тьмы.

Г л а в а 1 1

КОРОЛЕВА АРЗГУНОВ

Они были холодными, эти пещеры. Холод, пронизывающий их, превосходил все, что мы испытали в Пустыне Рока.

Мы спускались вниз по гладкой и извилистой дороге, освещенной с большими интервалами факелами. Мы мельком видели огромные гроты и пещеры, сталактиты и сталагмиты, беспорядочно нагроможденные черные скалы и ручейки холодной, как лед, воды, маленьких животных, прыгавших в сторону при нашем приближении.

Стены дороги были украшены военными трофеями — скелет арзгуна в полном боевом доспехе, с мечом, щитом и с топором, несколько человеческих черепов. Эти трофеи иногда, казалось, оживали при колеблющемся свете факелов.

Наконец мы увидели, что дорога резко сворачивает влево. Повернув, мы вдруг оказались в чудовищного размера пещере, стены и потолок которой нельзя было различить из-за обступающего нас мрака.

Дорога резко уходила вниз, петляя, наверное, еще мили две. На дне пещеры горели с промежутками огромные костры. Довольно близко от нас находился построенный из камня город —

сложенный из каменных блоков. Тяжелый город, холодный, сильный и мрачный. Город, соответствующий характеру и нравам арзгунов.

Мы увидели арзгунских мужчин, женщин и детей, идущих по своим делам.

— Как мы проберемся туда? — прошептал я Дарналу. — Они сразу поймут, кто мы такие!

В этот момент позади нас раздался шум, и я увлек его в тень скал.

Спустя несколько минут мимо нас проследовала группа из тридцати арзгунских воинов. Они выглядели так, словно испытали тяжкие лишения. У них были неперевязанные раны, доспехи были иссечены в клочья, и все они выглядели усталыми.

Я понял, что это воины, уцелевшие после операции по очистке от них Карнала, начатой Варналем в день нашего отъезда.

Вот и еще одна причина не попадаться им на глаза. Арзгуны с удовольствием отомстят представителям разгромившей их расы.

Но эти воины были слишком утомлены для того, чтобы заметить нас. Они плелись по извилистой дороге к селениям на дне пещеры, где трещали огромные костры, почти не согревая и не освещая это место.

Мы не могли ждать здесь наступления ночи, потому что в этом мире господствовала вечная ночь! Как же можно добраться до города и выяснить, где заточена Шизала?

Делать было нечего, кроме как следовать вдоль дороги, держась по возможности в тени, и надеяться, что арзгуны будут заняты собственными делами, лечением своих раненых.

Ни разу ни один из нас не подумал о том, чтобы вернуться обратно. Для этого не хватало времени. Мы должны сами спасти Шизалу!

Но затем мне в голову пришла мысль о том, что никто, кроме нас, не смог бы найти место заточения Шизалы, так как у них не было бы сведений, которые имели мы.

Когда мы прошли некоторое расстояние, я обернулся к Дарналу и заявил без обиняков:

— Ты должен вернуться.

— Вернуться? Ты с ума сошел!

— Нет, на сей раз я совершенно нормален. Разве ты не понимаешь, что если мы оба погибнем в этой попытке, то не будет надежды спасти Шизалу?

— Об этом я не подумал, — произнес он. — Но почему я должен вернуться? Возвращайся ты, а я попробую...

— Нет. Ты знаешь географию Вашу лучше меня. Я легко могу заблудиться. Теперь, когда ты привел меня в Горы арзгунов, ты должен вернуться к ближайшему дружественному поселению и

отправить гонцов сообщить, где находимся я и Шизала — в общем, распространить новости как можно быстрее. Тогда сюда могут явиться крупные воинские силы, пока арзгуны все еще истощены и не оправились, и покончить с угрозой Синих Гигантов раз и навсегда.

— Но мне потребуется неделя, чтобы добраться хотя бы до собственной страны. Если ты здесь попадешь в беду, то погибнешь задолго до того, как я смогу привести подмогу.

— Если бы мы в первую очередь заботились о своей собственной безопасности, — напомнил я ему, — то не оказались бы здесь. Ты должен увидеть логику в том, что я говорю. Ступай!

На миг он задумался, затем хлопнул меня по плечу, повернулся и стремительно двинулся в направлении, обратном тому, куда мы шли.

Коль скоро решение Дарналом было принято, оно заставило его действовать быстро.

Я пошел дальше, чувствуя себя меньше и слабее с уходом Дарнала. Каким-то образом я умудрился добраться до нижнего конца дороги незамеченным.

Стремглав я прыгнул от стены пещеры в тень города и прильнул к камню.

А затем совершенно неожиданно стало темнее.

Сперва я не мог понять причины своего везения. Затем увидел, что они заливают большие костры.

Зачем?

Но я понял, что происходило.

Для таких больших костров необходимо много топлива, а его трудно доставлять сюда, и поэтому на период, соответствующий ночному времени, костры гасились. Теперь я находился в почти кромешной тьме и решил: это мой шанс исследовать город и попытаться выяснить, где находится Шизала.

А затем я увидел его!

Одно из зданий было довольно далеко, но хорошо освещено факелами. Но я заметил прежде всего не это, а огромное мрачное знамя, развевающееся на флагштоке центральной башни здания.

Это было знамя Наала, украшавшее шатер Хоргулы на поле боя, но большее по размерам.

Конечно, этого было мало для продолжения поисков — но это было уже кое-что. И я решил пробраться к зданию со знаменем.

Я проверил меч и начал медленный спуск. Когда мне оставалось до самого низа примерно четыре с половиной метра, я увидел, как из-за здания вышли с десятком арзгунов и направились в мою сторону. Я гадал, не увидели ли они меня. Но они прошли подомной, и я находился лишь в полуметре над головой самого высокого

из них. Я цеплялся за стену, словно муха, молясь, чтоб не соскользнуть и не выдать себя.

Как только они скрылись из виду, я быстро проделал остальной путь и стремглав метнулся под прикрытие здания.

Видя, что у арзгунов мало дахаров, я догадался, что немногие вернулись с войны.

Скоро я добрался до здания, к которому направлялся.

Его стены были несколько более гладкими, но я надеялся, что смогу туда залезть. Единственная проблема заключалась в том, что они были довольно хорошо освещены и меня могли заметить, но приходилось рисковать.

Я ухватился за выступающий камень и подтянулся вверх дюйм за дюймом. Подъем был медленным и все более трудным. Окна находились на некоторой высоте над землей, и ни одного ниже, чем в шести метрах, а то, к которому я направился, — вероятно и выше. Я сделал вывод, что причиной такого расположения окон был страх нападения.

Я сумел добраться до окна и заглянул через подоконник, проверить, нет ли там кого-нибудь. Но там никого не было.

Я быстро влез.

Похоже, я попал на склад, потому что там стояли плетеные корзины с сушеными фруктами, мясом, травами и овощами. Я решил воспользоваться кое-какой пищей, явно награбленной арзгунами в прежних экспедициях.

Я выбрал наиболее прилично выглядевшие припасы и съел их. Жажду утолить не удалось, так как здесь не было никакого доступного источника воды.

Чувствуя себя посвежевшим, я исследовал помещение. Оно было довольно большим. Я нашел дверь и попробовал ее открыть. К моему разочарованию, она оказалась запертой на засов снаружи, вероятнее всего от воров.

Я устал, и веки мои слипались. Погоня была долгой и тяжелой, мы отводили себе мало времени на отдых. Я решил, что принесу Шизале больше пользы, отдохнув.

Я перелез через корзины и устроил себе нечто вроде лежанки в центре, удалив несколько корзин и поставив их вокруг себя. Таким образом мне будет теплее, и любой вошедший в помещение не увидит меня. Чувствуя себя в относительной безопасности, я уснул.

Рассветало, наступал новый арзгунский день. Но я сразу понял, что разбудило меня не это.

В помещении кто-то был.

Я осторожно вытянул свои затекшие ноги и привстал, всматриваясь через щель в своей баррикаде.

Я был поражен.

Человек, забиравший из корзины пищу, не был арзгуном. Он походил на меня, только лицо его было бледнее, наверное из-за жизни в лишенном солнца подземелье.

На лице его было странное отсутствующее выражение, глаза были тусклыми, когда он механически перекладывал из корзины мясо и овощи в корзину поменьше, которую держал в руке.

Он был безоружен. Плечи его были согнутыми, а волосы — прямыми и непричесанными.

Не было никаких сомнений относительно его положения в пещерном мире арзгунов.

Человек этот был рабом и, казалось, пребывал в рабстве долгое время. Будучи рабом, он, конечно, не должен был испытывать любви к своим хозяевам. Но насколько сильно они его напугали? Мог ли я открыться в надежде получить от него помощь, а вдруг он перепугается и заорет: «На помощь!»?

Я много раз шел на риск, прежде чем добрался сюда. Но теперь мне необходимо рискнуть еще раз.

Как можно бесшумнее, я вылез из своего укрытия и прокрался к нему. Он стоял вполоборота повернувшись ко мне и, кажется, заметил мое присутствие только тогда, когда я уже был на нем.

Когда он увидел меня, челюсть его отвисла, глаза расширились, но он не издал ни звука.

— Я — друг, — прошептал я.

— Я — друг?.. — тупо повторил он эти слова, словно они для него ничего не значили.

— Враг арзгунов, убийца многих из них, Синих.

— А-о-а! — Он в страхе отпрянул, выронив корзину.

Я спрыгнул на пол и потянулся к двери, закрыв ее. Он повернулся лицом ко мне, было очевидно, что он страшился не столько меня, сколько того, что я представляю собой для него.

— Т-ты д-должен пойти к королеве! Т-ты д-должен сдаться. Сд-делай это, и воз-можно, ты из-збежишь Зверя Наала!

— Королева? Зверь Наал? Я уже слышал о нем. Что это за Зверь?

— О-о, и не спрашивай меня!

— Кто ты? Сколько ты здесь пробыл? — спросил я его.

— Я... мне кажется, что меня звали Орнок Диа... Д-да, именно так, так меня звали... Я н-не зна-аю, как давно... с тех пор, как мы последовали сюда за арзгунами и поп-пали в за-асаду...

После таких воспоминаний он стал больше напоминать человека, потому что плечи его расправились и он стал лучше владеть челюстью.

— Ты был участником похода, возглавляемого Бради Карнала, верно? — спросил я его. Я терялся в догадках на тот счет, какие

же тяжелые испытания должны были превратить воинов в подобных существ за столь небольшой промежуток времени.

— С-совершенно верно.

— Они заманили вас сюда, а здесь дожидались основные их силы, и когда вы добрались до дна пещерного мира, они напали на вас и уничтожили вашу армию — ведь так все случилось? — Разумеется, я догадался о многом происшедшем здесь.

— Д-да, они взяли пленных. Я — один из немногих, оставшихся в живых.

— Сколько пленных?

— Несколько сотен.

Я был в ужасе. Теперь стало ясно, что, как я и предполагал, арзгуны много лет планировали этот ход. Первый отряд потерпел поражение, но он резко ослабил силы южных государств. Затем карательный отряд южан они завлекли в эту ловушку, и уставшие воины стали, должно быть, легкой добычей для поджидавших их в засаде свежих арзгунских воинов... Затем арзгуны выполнили вторую часть своего плана — отправили на юг мелкими группами свою армию, надеясь захватить врасплох южные государства, начиная с Карнала. Вероятно, что-то в их планах нарушилось, и наступление завершилось разгромом.

Но ущерб был нанесен огромный. Югу потребуются годы, чтобы оправиться от удара, и все это время он будет находиться в постоянной опасности, грозящей со стороны других, более сильных врагов, например Владнира.

Теперь я задал рабу наводящий вопрос:

— Скажи мне, были ли сюда доставлены недавно две женщины? Темноволосая и светловолосая?

— Б-была т-тут одна пленница...

Только одна! Я молил, чтобы Шизала не была убита по дороге.

— Как она выглядит?

— Она очень красивая — светловолосая и доставлена она из Карнала, по-моему...

Я облегченно вздохнул. Но как же насчет Хоргулы?

— А Хоргула, темноволосая женщина?

— А! — Голос его стал немым воплем. — Не упоминай этого имени! Не упоминай его!

— Что случилось? — Мне было видно, что теперь он находится даже в худшем состоянии, чем когда я с ним первоначально столкнулся. Глаза его безумно бегали. Он дрожал всем телом.

Я схватил его за плечи, пытаясь заставить его взять себя в руки. Но он упал на пол, продолжая стонать и дрожать.

Я опустил его на колени рядом с ним.

— Скажи мне, кто такая Хоргула и какова ее роль во всем этом?

— А! По-пожалуйста, оставь меня. Я не предам тебя... Но ты должен уйти! Оставь!

Я продолжал трясти его за плечи.

— Скажи мне!

Вдруг из-за моей спины раздался голос. Холодный, насмешливый голос, полный злобного сдержанного смеха...

— Оставь в покое этого несчастного, Майкл Кейн. Я могу ответить на все твои вопросы лучше, чем он. Мои стражники сообщили о шуме на складе, и я сама явилась выяснить, в чем дело. Я ожидала увидеть тебя.

Я резко развернулся, подняв голову, уставился в бездонные злые глаза темноволосой женщины, чья роль во всем этом деле была до сих пор мне непонятной.

— Хоргула! Кто ты?

— Я — королева арзгунов, Майкл Кейн. Именно я командовала разбитой вами армией, а не бедный Ранак Мард. Моя армия рассеялась прежде, чем я смогла собрать ее, потому что эта дахариха Шизала (марсианское оскорбление, эквивалентное земному «сука») напала на меня вскоре после твоего побега. В борьбе она оглушила меня так, что я потеряла сознание надолго, но затем ее взяли в плен несколько моих воинов. Когда я пришла в себя, в моей армии царила полнейшая неразбериха, так что я решила ей отомстить...

— Ты! Все это было твоим делом! Но как ты сделалась королевой этих гигантских дикарей — какую власть может над ними иметь одна женщина?

— А они страшатся моей власти над кое-чем другим, — улыбнулась она.

— Над чем же это?

— Ты это узнаешь достаточно скоро.

Из-за ее спины в комнату влезли несколько Синих Гигантов.

— Схватить его!

Я попытался подняться в полный рост, но споткнулся о расprostертое тело раба. Прежде чем я восстановил равновесие, на меня навалилось с полдюжины арзгунов.

Я отбивался кулаками и ногами, но они связали мне руки за спиной, а Хоргула рассмеялась мне в лицо, ее острые белые зубы блеснули во мраке.

— А теперь, — сказала она мне, — ты узнаешь, какое наказание я предназначаю человеку, ответственному за провал планов королевы арзгунов!

Глава 12

ЯМА ЗВЕРЯ НААЛА

— Отведите его в мои покои,— приказала стражникам Хоргула.— Я сперва его допрошу.

Я был принужден идти за ней через лабиринт холодных и продуваемых сквозняками коридоров, освещенных полусгоревшими факелами, пока мы не подошли к большой двери, сделанной из тяжелого дерева, покрытого серебром.

Эта дверь оказалась открытой, и мы очутились в большой комнате, обогреваемой ревущим в камине костром у одной из стен... Сама комната была богато убрана коврами и тяжелыми тканями. Стены покрывали гобелены, явно добытые в разграбленных городах. Даже окна были закрыты, и оттого в комнате держалось тепло.

Рядом с камином стоял тяжелый сундук, высотой примерно мне по пояс. На нем находились кувшины с вином и чаши с фруктами и мясом. По другую сторону комнаты располагалось широкое, застеленное мехом ложе.

Хотя и не особенно шикарные по стандартам цивилизованного юга, покои королевы были роскошными по сравнению с тем, чему я был свидетелем, увидев простую жизнь арзгунского народа.

Над очагом висел гобелен, он изображал существо, которое я уже видел на знамени королевы,— таинственного Зверя Наала. Он выглядел угрожающе, и я заметил, что стражники старались от него отвернуться, словно боялись его.

Я был по-прежнему крепко связан, и когда Хоргула отпустила стражников, опасность ей с моей стороны не угрожала. Я стоял выпрямившись, глядя поверх ее головы, когда она расхаживала передо мной, бросая на меня странные любопытствующие взгляды. Так продолжалось некоторое время, но я сохранял бесстрастное выражение лица и смотрел в одну точку перед собой.

Вдруг она встала передо мной, размахнулась правой рукой и больно ударила меня по губам. Я сохранил то же выражение лица, что и раньше.

— Кто ты, Майкл Кейн?

Я не ответил.

— В тебе что-то есть, чего я не чувствовала ни в ком другом. Что-то, что мне может со временем понравиться.— Голос ее смягчился, и она сделала шаг ближе ко мне.— Я говорю серьезно,— сказала она,— твоя участь будет не из приятных, если я прикажу наказать тебя. Но ты можешь это отвратить...

Я по-прежнему хранил молчание.

— Майкл Кейн, я — женщина, чувствительная женщина.— Она легко рассмеялась, словно издевалась над собой, как я по-

думал.— Я стала королевой арзгунов из-за обстоятельств, над которыми не была властна. Хочешь услышать, почему?

— Я хотел бы узнать, где Шизала? Это все,— сказал я.— Где она?

— Ей еще не причинили никакого вреда. Наверное, и не причинят. Я придумала для нее более интересное наказание. Оно ее не убьет, но поможет превратить ее в мою добровольную служанку. Я предпочла бы держать правительницу Варналя в качестве своей рабыни-горничной, чем видеть ее мертвой...

В моей голове пронесся вихрь мыслей. Шизала не умрет, пока, во всяком случае. Я почувствовал облегчение, потому что это дает время Дарналу явиться сюда с воинами и попытаться спасти ее. Я, наверное, даже улыбнулся, расслабившись.

— Ты, кажется, в хорошем настроении. Значит, ты ничего не испытываешь к этой женщине? — Хоргула, казалось, почти жаждала утвердительного ответа.

— С чего бы мне? — солгал я.

— Это хорошо,— произнесла она почти про себя. Она походкой пантеры подошла к ложу и вытянулась на нем всем своим прекрасным телом. Я продолжал стоять там, где был, но смотрел прямо в эти горящие огнями глаза. Через некоторое время она опустила взгляд.

Глядя на пол, она принялась рассказывать:

— Я была лишь ребенком одиннадцати лет, когда арзгуны напали на караван, в котором я и мои родители путешествовали через северные границы Владнияра. Они многих убили, включая мою мать и отца, но некоторых взяли в рабство. Я была среди них.

Я знал, что она пытается каким-то образом тронуть меня, и если ее рассказ был правдой, то я испытал жалость к тому ребенку, которым она была. Но я не мог, учитывая ее последующие преступления, оправдать ее.

— В те дни арзгуны были разделены между собой. Пещера часто становилась полем боя между враждующими фракциями. Они не хотели объединяться. Арзгуны были расколоты на десятки семейных кланов, и кровная вражда была нормальным повсеместным явлением.

Единственное, что могло на короткое время объединить их,— это общий страх перед Зверем Наалом, обитавшим в подземных переходах под полом Великой Пещеры. Он кормился арзгунами, которые были его естественной добычей. Он выползал, нападая на них, и снова уползал. Арзгуны верят, что Зверь Наал является воплощением Рахарумары, их главного божества. Они даже не думали попытаться убить его. Когда это было возможно, они приносили ему в жертву рабов.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я была избрана в состав группы, которая должна удовлетворить голод Зверя. Но я уже чувствовала в себе эту силу — способность заставить других выполнять мою волю. Еще не в крупных масштабах — ведь я была еще рабыней, — но в таких, которые позволяли мне облегчить свою жизнь. Странное дело — именно Зверь Наал и придал могущество этой моей силе.

Когда пришло известие, что Наал ползет в Великую Пещеру, множество рабов и арзгунских преступников связали и поместили у него на пути. Вскоре он появился, и я с ужасом смотрела, как он принялся хватать моих товарищей по несчастью и глотать их.

Я стала пристально смотреть ему в глаза, что-то заставило меня запеть песню. Я не знаю, что это было, но он ответил мне. Я мысленно смогла связаться с ним, отдать ему приказ.

Она замолкла и посмотрела на меня. Я не отреагировал.

— Я всрнулась в этот город — Черный Город — со Зверем Наалом, следующим за мной, словно детеныш-мизио (ближайшим земным эквивалентом будет «теленок»), и приказала выдолбить глубокую яму, куда и был заключен этот Зверь. Арзгуны смотрели на меня с суеверным ужасом, и теперь все еще смотрят.

Управляя Зверем Наалом, я управляла ими. Позже я решила отыграть за все годы несчастий и тяжких испытаний и планировала покорить весь этот континент. Благодаря разведчикам и своим способностям, я добыла некоторые сведения о юге и о его обороне. Затем я приступила к выполнению первой части своего плана. Я была готова годами ждать победы, но вместо этого...

— Поражение, — закончил я за нее. — Вполне заслуженное поражение. Годы, проведенные в плену у арзгунов, извратили тебя, Хоргула, исковеркали так, что нет никакой надежды на спасение!

— Дурак! — Она соскочила с ложа и прижалась ко мне всем своим чувственным телом, поглаживая мне грудь. — Дурак! У меня есть другие планы, и я не разгромлена. Я знаю много тайн и располагаю такими силами, которые тебе и не снились. И ты, Майкл Кейн, можешь иметь долю во всем этом. Я уже намекала тебе, что никогда не знала таких мужчин, как ты, — храбрых, красивых, с сильной волей. Но в тебе есть и такое таинственное качество, которое делает тебя столь же отличным от обыкновенных жителей Вашу, как и меня. Стань моим королем, Майкл Кейн!

Она говорила тихо, но ее гипнотические глаза пристально смотрели на меня, и казалось, с моим мозгом что-то происходило. Я испытывал чувство теплоты, эйфории. Я начал находить ее предложение привлекательным.

— Майкл Кейн! Я люблю тебя!

Каким-то образом это заявление спасло меня — хотя мне никогда не узнать почему. Оно вернуло мой ум к действительности. Хотя я и был связан, но тряхнул плечами и сбросил ее цепляющиеся руки.

— Я не люблю тебя, Хоргула, — твердо произнес я. — Я не могу испытывать ничего, кроме ненависти, к тому, кто совершил то, что сделала ты. Теперь я понимаю, как ты столь легко привела сюда Шизалу — этой своей гипнотической силой! Ну а на меня она не подействовала!

Она отошла от меня, и когда снова заговорила, то голос ее был резким и резонирующим.

— Я почему-то знала это. Наверное, именно эти качества и привлекают меня к тебе — тот факт, что ты можешь сопротивляться моей силе. Никто не может — даже этот первобытный Зверь Наал.

Я сделал несколько шагов назад. Я все еще оглядывался кругом в поисках выхода. Она, казалось, поняла это и подняла голову. Ее лицо было теперь маской ненависти.

— Отлично, Майкл Кейн! Отказав мне, ты согласился на уговавшую тебе участь. Стража!

Вошли огромные арзгунские воины.

— Возьмите его! Разошлите гонцов ко всем вернувшимся арзгунам. Пусть их еще немного, но скажите, чтобы явились все. Скажите им, что они станут свидетелями жертвоприношения Рахарумаре!

С этим меня и увели.

Я провел некоторое время со стражниками, когда они остановились в помещении рядом с выходом из замка. Они повели меня по задымленным, дурно пахнущим улицам Черного Города. За нами, сначала по двое, по трое, а затем во все большем числе, следовали арзгуны. Один синий воин, шедший в ногу со мной, бросал на меня странные взгляды, которые я не мог понять. На воине не было доспехов, и я подумал, что он их потерял во время бегства в Черный Город, а на его груди был след от недавней раны. Мы вышли из города, и я забыл о нем.

Сцена за городом походила на средневековую картину, изображающую Ад. Трещали костры, гигантские арзгуны, сопровождавшие меня, выглядели словно демоны, а костры были кострами, на которых жарили грешников. И скоро я должен был встретиться с созданием, очень похожим на изображение Сатаны.

Хоргула уже была там, стоя на помосте, к которому вела лестница примерно в шестьдесят ступеней. Она повернулась к нам спиной и вытянула руки. По другую сторону от меня находились жаровни, которые отбрасывали на нее отблески пламени, освещая

ее фигуру. Арзгуны образовали полукруг у подножия лестницы, растекаясь по краям так называемой ямы.

Мои стражники остановились и терпеливо ждали дальнейших указаний. Все смотрели на Хоргулу, а она что-то так же тихо напевала, ни на кого не глядя. Слова, скорее звуки, потому что я не узнавал их, вызывали у меня дрожь, и я заметил, что на многих арзгунов они влияют схожим образом.

Из ямы раздался специфический шуршащий звук, и я увидел, как над помостом поднялась огромная змеиная голова и принялась покачиваться в ритме песни Хоргулы.

Арзгуны забормотали что-то в суеверном страхе и тоже принялись петь, раскачиваясь в такт с движением головы змеи. Голова эта была болезненно желтоватого цвета, с изгибающимися из-под верхней челюсти длинными клыками. От Зверя исходил нездоровый запах аммиака, и один раз он разинул свои массивные челюсти с длинными клыками и издал страшное шипенье, обнаружив зияющую красную пасть и огромный мясистый раздвоенный язык.

Пение Хоргулы стало затихать, покачивания уменьшили амплитуду, пение зрителей стало почти неслышным, а потом, и это подействовало на меня, как удар, — абсолютная тишина.

Неожиданно эта тишина была нарушена, когда позади меня раздался крик:

— Нет! Нет!

Я повернул голову и увидел, кто это кричал.

— Шизала! — невольно вырвалось у меня. Эти дьяволы привели ее сюда стать свидетельницей моей смерти. Даже с такого расстояния мне было видно, что по щекам ее текли слезы и она тщетно боролась с двумя огромными синими воинами. Я попытался вырваться из лап своих конвоиров и броситься к ней, но силы были неравны.

— Оставайся в живых! — прокричал я ей. — Не бойся! — Я не мог предупредить ее, что Дарнал, может быть, уже ведет за собой подмогу. Но, наверное, мой крик что-нибудь будет для нее означать.

Ее голос слабо ответил:

— О Майкл Кейн, я... я...

— Кончать! — Хоргула повернулась лицом и приказала:

— Отведите пленника к краю ямы!

Меня толкнули вперед, и я посмотрел вниз, туда, где Зверь Наал свернулся кольцом. Его странно разумные глаза пристально взглянули на меня, и я содрогнулся при виде злобного веселья, сверкнувшего в них.

— Зверь Наал сегодня в игривом настроении, — сообщила сверху Хоргула. — Прежде чем сожрать тебя, он немножко позабавится.

Я твердо решил не показывать ни малейших признаков овладевшего мною ужаса.

— Сбросьте его вниз! — приказала Хоргула.

Связанный и беспомощный, я был сброшен в яму Зверя Наала. Я сумел приземлиться на ноги, в нескольких метрах от того места, где лежала, свернувшись, огромная змееподобная тварь, глядевшая на меня этими ужасными глазами.

А затем неожиданно я услышал сверху крик и поднял голову. Скрая ямы на меня глядел арзгунский воин — тот самый, которого я видел раньше и который так странно смотрел на меня.

В одной руке он держал меч, в другой — боевой топор. Что он делал?

Я услышал, как Хоргула визжала своим стражникам: «Остановите его!»

А затем арзгун прыгнул в яму и оказался рядом со мной. Он поднял меч, и вдруг я понял смысл того, что происходит.

Г л а в а 13

НЕОЖИДАННЫЙ СОЮЗНИК

Сначала я подумал, что этот воин сам хочет убить меня. Но это было не так. Он быстро рассек мои путы.

— Я знаю тебя, — произнес я. — Ты воин, с которым я сражался неподалеку от Варналя.

— Да, я воин, чью жизнь ты отказался взять и которого ты избавил от оскорблений и меча его товарищей. Я много думал о том, что ты сделал, Майкл Кейн. Я восхищаюсь тобой. И теперь я могу, по крайней мере, помочь тебе сражаться за свою жизнь против этой твари.

— Но я думал, что твой народ страшится его.

— Верно, но я начинаю сомневаться, что это правда. Бери этот меч, я всегда лучше владею топором, чем мечом.

С этим неожиданным и желанным союзником я повернулся к Зверю Наалу.

Зверь, казалось, был сбит с толку таким поворотом событий. Его взгляд перемещался с одного из нас на другого, как будто в неуверенности, на кого напасть первым, потому что теперь мы разошлись в стороны и, пригнувшись, ждали.

Громадная голова Зверя вдруг метнулась ко мне. Я отступил назад, пока не уперся спиной в стену, отчаянно ударив его по морде большим арзгунским мечом.

Он, очевидно, не привык, чтобы его жертва отвечала ударом на удар, и зашипел в явном гневе, когда мой меч просек глубокую рану на его морде.

Он оттянул голову назад и начал поворачиваться так, что скоро его голова поднялась высоко надо мной, а я оказался в ее тени. Зияющая пасть пошла вниз, и я подумал, что он слопал меня сразу. Я поднял меч острием вверх, и когда пасть почти накрыла меня, а зловонное дыхание стало невыносимым, вогнал острие меча в мягкое небо Зверя.

Он завизжал и отпрянул назад. В то же время арзгунский воин бросился вперед и рубанул Зверя топором по голове. Тот повернулся к нему и, взмахнув головой, опрокинул его навзничь, заставил его потерять равновесие.

Он упал, и Зверь Наал разинул пасть, готовый поглотить его голову.

Тут-то я и решил напасть. Я вспрыгнул на спину Зверя Наала и, взбежав по плоской голове, оседлал его как раз поверх глаз. Все это заняло несколько секунд, пока арзгун внизу пытался отчаянно увернуться от разинутой пасти.

Я обеими руками занес меч над правым глазом твари. И с силой вонзил клинок.

Сталь вошла глубоко. Голова дернулась назад, и я был сброшен, лишившись меча, со своего наседа.

Зверь Наал повернулся ко мне. Меч все еще торчал из его глаза, так что когда он двинулся на меня, то представлял собой еще более ужасное зрелище.

Арзгун с топором снова вскочил на ноги и стал рядом со мной, очевидно, намереваясь защитить меня, так как я теперь был безоружен.

Зверь выпустил холодный вибрирующий визг, и разинутая пасть со стремительно мечущимся языком понеслась на нас.

Всего лишь в нескольких дюймах от нас голова вдруг повернулась и метнулась вверх. Зверь развернулся во всю длину и устремился вверх так, что я подумал, что он вообще покинет яму. Я мельком увидел разбегающихся зрителей, а затем он упал вниз, чуть не задавив нас своим телом.

Мой меч сделал свое дело. Я убил его. Он цеплялся за жизнь дольше, чем полагалось другому зверю. И тогда я наполовину поверил в его сверхъестественное происхождение.

Я нагнулся к громадной голове и выдернул меч из глазницы. Он вышел легко.

Я понял, что по-настоящему я еще не свободен. Я все еще был пленником, и хотя вооружен, но еще во власти толпящихся сверху двухсот арзгунов, готовых нас уничтожить по единому слову Хоргулы.

— Что нам теперь делать? — спросил я своего нового друга.

— Я знаю, — произнес он после некоторого размышления. — Тут есть небольшое отверстие, посмотри вон там.

Я проследил, куда он указывал. Он оказался прав. В той стороне находилось отверстие, достаточно большое, чтобы пропустить человека, но узкое для головы Зверя Наала.

— Что это? — спросил я.

— Туннель, ведущий к загонам для рабов. Иногда рабов вынуждают спускаться к нему с другой стороны, чтобы накормить Зверя. — Мой новый друг мрачно рассмеялся. — Он больше не будет пировать человеческим мясом! Пошли, следуй за мной. Мы убили Зверя Наала — это произведет на них впечатление. Оно только усилится, когда они увидят, что мы исчезли из ямы. При удаче мы сможем убежать в поднявшейся суматохе.

Я последовал за ним в туннель.

Когда мы продвигались по нему, он сообщил мне свое имя — Моват Джард из клана Моват Тик — одного из великих арзгунских кланов в былые дни, до того как Хоргула изменила образ жизни арзгунского народа.

Он рассказал мне, что хотя арзгуны и боялись силы Хоргулы, но роптали против нее. Ее честолюбивые замыслы крупномасштабных завоеваний ни к чему не привели, а арзгуны только понесли большие потери.

Через некоторое время в туннеле стало светлей, и я увидел поперечную решетку. Она была деревянной. Приглядевшись, я различил пещеру, освещенную единственным факелом.

Лежавшие на полу ее в позах предельного уныния люди, голые и грязные, бородатые и бледные, были остатками великой армии, попавшей здесь в засаду. Примерно 150 вечно недоедавших, до крайности павших духом рабов. Я почувствовал к ним жалость.

Моват Джард принялся рубить своим топором деревянную решетку. Вскоре она оказалась сломанной, и несколько рабов в удивлении подняли головы, когда мы вошли. Запах немывших человеческих тел было невозможно перенести, но я знал, что их вины в этом не было.

Один парень, державшийся прямее, чем остальные, и такой же высокий, как я, вышел вперед. У него была окладистая борода, которую он, видно, старался держать в чистоте, и по телу его перекачивались мускулы, словно он намеренно тренировался, чтобы не потерять форму.

Когда он заговорил, голос его казался глухим и мужественным — даже величественным.

— Я — Карнак, — просто представился он. — Что это значит? Кто вы и как сюда явились? Как вы избежали Зверя Наала?

Я обратился только к нему, но подразумевалось, что все слушали наш разговор.

— Зверь Наал мертв! — объяснил я. — Мы убили его. А это Моват Джард, мой друг.

— Арзгун — твой друг? Невозможно!

— Возможно, и моя жизнь — свидетельство тому! — Я улыбнулся Мовату Джарду, который сделал попытку улыбнуться в ответ, хотя, когда он обнажил зубы, они по-прежнему выглядели угрожающе.

— Кто вы? — спросил бородатый Карнак.

— Я здесь чужой, прибыл с другой планеты. Но я здесь для того, чтобы помочь вам. Вы желаете освобождения?

— Конечно, — сказал он. По пещере пробежал ропот волнения.

— Вы должны быть готовы дорого заплатить за вашу свободу, — сказал я им. — Мы должны где-то добыть оружие.

— Но мы не можем сражаться со всем арзгунским народом, — упавшим голосом произнес Карнак.

— Я знаю, — ответил я. — Но здесь нет всего арзгунского народа, тут, наверное, лишь двести воинов — и те деморализованы.

— Это правда? Действительно правда? — Карнак взволнованно улыбался.

— Правда, — подтвердил я. — Но вы численно слабее, и к тому же безоружны. И необходимо как следует подумать, как выбраться отсюда.

— Это будет, пожалуй, нетрудно при нашем нынешнем положении, — ответил Карнак. — В обычное время нас охраняет много стражников, но в данный момент их двое. — Он показал в противоположный конец пещеры, на перегородку из переплетенных стеблей растений. — Обычно пещера по соседству кишит стражниками, и все, кто пытался бежать этим путем, были зарублены или принуждены вернуться, чтобы потом быть принесены в жертву Зверю Наалу. Но теперь...

С Моватом Джардом, идущим по пятам за мной, я направился к двери и немедленно принялся рубить ее мечом.

Моват Джард присоединился ко мне, используя топор. Карнак с рабами в нетерпении столпились позади нас.

С другой стороны мы услышали удивленное хмыканье. Затем один голос крикнул:

— Прекратите или станете пищей для Наала!

— Наал мертв, — ответил я. — Ты обращаешься к тем, кто его убил.

Мы вышибли дверь. Она упала наружу, с треском рухнув на пол, открыв двух сбитых с толку стражников с мечами в руках.

Мы с Моватом Джардом немедленно бросились на них, и отправили их на тот свет такой серией ударов, какие я только был в состоянии нанести.

Карнак нагнулся и забрал один из мечей у павшего стражника. Другой пленник тоже взял меч, а еще двое вооружились соответственно булавой и топором.

— Мы должны направиться в Оружейную Палату арзгунов, — посоветовал Моват Джард. — Оказавшись там, мы сможем как следует экипироваться.

— И где же находится эта Палата? — спросил я.

— В замке Хоргулы. Если мы поспешим, то сможем попасть туда прежде, чем жители вернуться в город. Они, очевидно, пребывают в некотором замешательстве.

— Моват Джард, почему ты помогаешь нам против своего собственного народа? — спросил Карнак.

— Жизнь среди этого народа многому научила меня. Я понял, что и д е и могут иногда подняться выше кровной верности. И, кроме того, я сражаюсь с Хоргулой, а не с арзгунами. Если мы победим ее, то мне снова придется решать, какой будет моя позиция, — но не раньше, чем она перестанет править арзгунами.

Это, кажется, убедило Карнака. Мы побежали по ведущим в темноту пологим склонам и вскоре добрались до железных ворот, охраняемых одним караульным.

Когда он нас увидел и заметил, навсрное, отчаянное выражение в наших глазах, то не выхватил оружие, а вытянул перед собой руки.

— Возьмите ключи и не забирайте у меня жизнь.

— Честная сделка, — сказал я, принимая ключи и отпирая железные ворота. — Мы одолжим также и твое оружие. — Еще двое вооружились мечом и топором, и теперь у нас было восемь вооруженных воинов. Мы связали Синего Гиганта и выбрались на улицу.

За стенами Черного Города мы услышали смятенные восклицания, но арзгуны еще не добрались до ворот. Мы ринулись к замку, направляясь по улицам к Оружейной Палате с Моватом Джардом и Карнаком.

Мы ворвались в замок, зарубив несколько стражников, пытавшихся нас остановить.

Когда мы вломились в Оружейную Палату, вернулись первые арзгуны и подняли тревогу.

Склад арзгунского оружия был на вид менее упорядочен и не похож на оружейную Варналя. Да и оружие здесь было варварское.

Пока пленники вооружались, мы, восемь уже вооруженных, встретили первую волну арзгунских воинов.

Мы, должно быть, представляли собой странное зрелище — синий человек почти трех метров ростом, заросший бородой, почти обнаженный бывший раб с диким взглядом и загорелый фехтовальщик даже не на своей планете. Но у нас у всех была общая черта — мы умели орудовать мечами.

Мы стояли плечом к плечу, отражая удары нападавших, пока вооружались наши товарищи. Казалось, я находился теперь перед стеной мечей, которая опускалась на меня со стороны Синих Гигантов.

Каким-то образом мы сдержали их.

Вдруг из-за наших спин раздался громкий рев.

Все рабы были теперь вооружены и готовы к бою. Они снова стали воинами, жаждавшими отомстить за годы рабства и страха, расквитаться за предательскую засаду, из-за которой они попали в плен.

И мы нажали вперед, гоня перед собой арзгунов.

Бой шел в коридорах замка, залах и комнатах. Мы сражались в пустом тронном зале Хоргулы и в ее мрачных покоях. Я воспользовался случаем и сорвал висевшие там гобелены с изображением Наала.

Бой перекинулся на улицы, по всему Черному Городу раздавались удары скреещающихся мечей и звучали крики.

Численность наша была невелика. Наши бойцы были натренированы и не забыли искусства владеть мечом. Наши сердца были полны ликующей жажды битвы, потому что мы, наконец-то, смогли нанести врагу ответный удар.

К тому времени, когда мы вышли на улицу, арзгуны зарубили больше трети наших воинов, но сами пали в большем количестве!

И чем больше мы сражались, тем скорее вспоминали бывшие рабы свои старые навыки.

Мы воспользовались паузой, чтобы сплотить свои ряды и обсудить стратегию. Мы контролировали большой район вокруг замка, а арзгуны удерживали все еще большую часть города.

Где-то там были Хоргула и Шизала. Я молил, чтобы Хоргула не приказала убить Шизалу в досаде за поражение, чтобы у королевы еще осталась уверенность в способности ее воинов победить.

Когда арзгуны атаквали, мы были к этому готовы.

Какое-то время ни одна из сторон не имела преимуществ. Мы удерживали свои позиции, а арзгуны — свои.

— Они держатся мертвой хваткой, — сказал Моват Джард, когда он, Карнак и я собрались на совет.

— Как мы можем преодолеть их сопротивление? — спросил я.

— Мы должны завести довольно большой отряд воинов им в тыл, — сказал Карнак, — тогда сможем атаковать их с двух сторон и вбить клин в их ряды.

— Хороший план, — согласился я, — но как переправить этот отряд воинов? Мы не умеем летать.

— Верно, — сказал Моват Джард. — Но мы можем пройти под ними. Помните загоны для рабов? Помните, что я говорил о нескольких входах и выходах там?

— Да, — ответил я. — Мы можем пройти через один из них и появиться в тылу врага.

— Если они не готовы к этому ходу, — сказал он, — то сможем. Но если они заблокировали входы, то мы проиграем — поскольку у нас там застрянет отряд хороших воинов и будет не в состоянии помочь удерживать захваченный нами район. Стоит идти на такой риск?

— Да, — решил я. — Потому что если мы в скором времени не обретаем преимущества, то наши бойцы устанут. Они и так ослаблены пребыванием в гостях у арзгунов. Мы не можем позволить себе потерять еще какое-то время.

— Но кто их поведет? — Карнак шагнул вперед, очевидно, обдумывая собственную кандидатуру.

— Я, — опередил его я. — Вы оба нужны здесь для того, чтобы сплотить защитников.

Они поняли необходимость этого.

Не прошло и одного шати, как я вел отряд из тридцати воинов ко входу в загон для рабов, указанный мне Моватом Джардом.

Мы почти бегом спустились по винтовым лестницам. И наткнулись на подразделение арзгунов, направляющееся в нашу сторону.

Ошарашенные этим столкновением, мы теряли людей и время в битве за подземный переход.

Арзгуны, казалось, сражались без особой охоты, и я сам убил двоих и обезоружил еще нескольких прежде, чем остальные сложили оружие, подняли руки вверх в знак капитуляции.

— Почему вы так легко сдались? — спросил я одного из них.

Он ответил с грубым акцентом своего народа.

— Нам надоело сражаться в битвах ради прихоти Хоргулы, ведь она даже не возглавляет нас — она исчезла сразу же после того, как убили Зверя Наала. Мы следовали за ней только потому, что считали, будто в Звере Наале обитает Рахарумара, и она была сильнее, чем Рахарумара. Но теперь мы знаем, что в Звере никто не обитал — иначе вы не смогли бы его убить. Мы не хотим больше жертвовать своей жизнью ради ее замыслов — слишком много наших братьев погибло за эти годы, чтобы удовлетворить ее честолюбие. И к чему это привело — немногочис-

ленные воины сражаются на улицах города, защищаясь от рабов! Мы жёлаем перемирия!

— А другие испытывают ли такие чувства? — спросил я.

— Не знаю, — признался он. — Мы не говорили на эту тему — слишком много всего произошло за столь короткое время.

— Ты знаешь светловолосую девушку, привезенную сюда Хоргулой, которая присутствовала на церемонии жертвоприношения Зверю Наалу? — спросил я у него.

— Да, я видел ее.

— Ты знаешь, где она?

— По-моему, в Башне Бульое.

— Где это?

— Неподалеку от главных ворот — это самая высокая башня в городе.

Мы разоружили их и продолжили свой путь через загон для рабов, выведший нас, наконец, в тыл сражающихся арзгунов.

Мы атаковали их сразу же.

С криками удивления арзгуны обернулись. Затем мы начали прорубать в их рядах дорогу к нашим товарищам.

Я схватился с одним из самых рослых. Он был трех с половиной метров высоты и вооружен длинным копьём и мечом.

Сначала он метнул в меня копьё. Случайно, благодаря удаче, я перехватил копьё в воздухе, повернул его и швырнул ему обратно. Оно попало ему в живот. Осталось прикончить его мечом. Если бы не это удачно пойманное мной копьё, то сомневаюсь, что я пережил бы эту встречу.

Теперь мы почти соединились с нашими соратниками. Уверенный, что тактика оказалась успешной, я оставил своих воинов под началом синекожего воина, показавшего в бою умение и отвагу, и покинул поле боя, прикрепив на пояс меч.

Я пробирался к Башне Бульое. Я надеялся, что, по крайней мере, найду Шизалу и смогу контролировать ее безопасность, если не сумею сделать ничего другого.

Вскоре я увидел Башню.

Но я увидел еще кое-что. Нечто вызвавшее у меня шок удивления.

То, что я увидел, не могло здесь находиться — воздушное судно, казавшееся игрой света, иллюзией. Это был воздушный корабль, похожий на тот, в котором мы летели с Шизалой, когда отправлялись в лагерь арзгунов.

Как он здесь очутился?

Я достиг входа в Башню и вбежал внутрь. Вход, к моему глубокому удивлению, не охранялся. Сразу же за дверью я обнаружил винтовую каменную лестницу, круто ведущую вверх. Кажется,

в нижней части Башни не было никаких помещений. И я побежал вверх по лестнице.

Неподалеку от вершины я обнаружил дверь. Она оказалась незапертой, и я распахнул ее.

Я испытал настоящий шок, когда увидел двоих, находящихся в комнате.

Одной из них была Шизала.

А другой? Другой был Телем Фас Огдай, Брадинак Мишим Тена, нареченный Шизалы.

Одной рукой он обнимал ее, а другой держал меч, и он оглянулся в сторону открывшейся двери, в которую ворвался я.

Г л а в а 14

СЛАДКАЯ РАДОСТЬ И ГОРЬКАЯ ПЕЧАЛЬ

Какой-то миг, признаю, испытываемые мною чувства были лишь огромным разочарованием. Я даже не почувствовал радости, что Шизала в безопасности.

Затем я отбросил настороженность и улыбнулся Телему Фас Огдаю.

— Привет тебе, Брадинак. Рад обнаружить, что ты сумел уберечь Брадинаку от опасности. Но как ты попал сюда? Ты, вероятно, услышал о том, куда мы направились, в Нарлете, верно? Или Дарнал сумел тебя известить быстрее, чем я предполагал?

Телем Фас Огдай улыбнулся и пожал плечами.

— Какая разница? Я здесь, и Шизала в безопасности. Вот что важно!

Я почувствовал, что ответ его был уклончивым без всякой на то надобности, но принял его.

— Майкл Кейн,— сказала Шизала.— Я была уверена, что теперь тебя убили.

— Провидение было, кажется, на моей стороне,— ответил я, пытаясь скрыть волнение.

— Я слышал, ты показал чудеса храбрости,— несколько иронически проговорил Телем Фас Огдай. Моя неприязнь к нему сразу же возросла, несмотря на все мои усилия занять по отношению к нему объективную позицию. Он не способствовал этому.

— Опять Провидение,— сказал я.

— Наверное, ты оставишь нас на минуту,— сказал Телем Фас Огдай.— Я хотел бы сказать Шизале пару слов наедине.

Второй раз я не хотел быть грубияном. Я слегка поклонился и вышел.

Когда дверь закрылась, я услышал внезапный громкий крик Шизалы.

Это было чересчур. Несмотря на воспоминания о моей будущей встрече в варнальском дворце, я не сумел сдержать себя. Я одним прыжком очутился в комнате...

Шизала боролась в руках хмурающегося Телема Фас Огдая. Он пытался подтащить ее к окну, где ждал его воздушный корабль.

— Стой! — резким голосом приказал я.

Она рыдала:

— Майкл Кейн, он...

— Извини, Шизала, неважно, что ты обо мне подумаешь из-за этого внезапного вторжения. Я не буду стоять и смотреть, как хам обращается с дамой!

Телем Фас Огдай рассмеялся. Он оставил Шизалу, чтобы вытащить свой меч. К моему удивлению, она тут же бросилась ко мне.

— Он предатель! — крикнула она. — Телем Фас Огдай был в союзе с Хоргулой — они планировали вместе править континентом!

Я едва мог поверить своим ушам. Пришлось вытащить собственный меч.

— Он угрожал убить тебя, если я не стану молчать, — продолжала она. — А я... я не хотела этого.

Телем Фас Огдай хохотнул:

— Помни про свои узы, Шизала. Ты всё равно должна выйти за меня замуж!

— Когда все узнают, что ты предатель, — сказал я, — она освободится от этого обязательства.

Она покачала головой.

— Нет, узы такого рода, что связывают нас, выше обычного закона. Он прав. Он будет изгнан, и я вместе с ним.

— Но это жестокий закон!

— Это — традиция, — просто сказала она. — Это обычай нашего народа. Если традиции игнорировать, общество распадется, мы это знаем. Значит, индивидуум должен иногда незаслуженно страдать ради Великого Закона.

Мне было трудно противопоставить этому утверждению что-либо свое. Может, я и старомоден, но испытываю большое уважение к традициям и обычаям, считая их основой общества.

Телем Фас Огдай вдруг снова рассмеялся довольно неуравновешенным смехом и бросился на меня.

Я оттолкнул Шизалу, встал между ней и нападавшим Брадином и встретил его выпад быстрым парированием.

Мы сражались, передвигаясь по всей комнате. До того, как я с ним сразился, я не встречал на Марсе столь искусного фехтовальщика. Мы были равными соперниками, если не принимать во внимание, что я и ранее немало потрудился. Я начал чувст-

зовать, что должен победить, иначе Шизала обречена будет провести всю свою жизнь с ненавистным ей предателем!

Вскоре мне пришлось отступить перед сильным натиском, я оказался спиной к окну. Позади меня была пропасть.

Я увидел усмешку Телема Фас Огдая, когда был вынужден отступить от него. Отчаяние накатилось на меня, и мне пришлось собрать все свои силы. В последней попытке бросился я вперед, прямо в эту сеть сверкающей стали.

Я захватил его врасплох. Это спасло жизнь мне и стоило ему жизни.

На миг он оглянулся назад.

Я сделал стремительный выпад вперед. Острие пронзило плоть, и он упал.

Я опустился рядом с ним на колесо, жизнь быстро вытекала из его тела... Я не мог его спасти. Мы оба знали, что ему предстоит умереть.

Подождала Шизала и тоже опустилась рядом с ним на колени.

— Почему, Телем? — произнесла она. — Почему ты совершил такое подлое дело?

Он обратил к ней свой взгляд, говоря с трудом:

— Это была экспедиция, предпринятая мною тайно больше года назад. Я хотел попытаться выяснить, что случилось с твоим отцом. Вместо этого я попал в плен, и меня привели к Хоргуле.

— Ты храбр, если пытался совершить такое, — тихо проговорил я.

— Она каким-то образом соблазнила меня, — продолжал он. — Она сообщила мне тайны — темные тайны, и я оказался полностью в ее власти. Я помог ей спланировать тактику нападения на Варналь. Я намеренно приехал в Варналь ко времени нападения, зная, что меня отправят за помощью в Мишим Тен и к другим нашим союзникам. — Он странно закашлялся, а затем собрался с мыслями. — Я ничего не мог с собой сделать. Я ожидал, что вы будете разгромлены, но вы не потерпели поражения. Ваш народ узнал, что я не передал просьбу о помощи в Мишим Тен, и мой отец спросил меня, почему я так поступила. Я не мог ему ответить. Люди говорили разное, и скоро стало известно, что я предал Варналь, хотя никто не знал, п о ч е м у. Во всем виновата та женщина — это было словно сон. Я оказался предателем и дураком... она... она...

Тут он приподнялся, глаза его уставились в пустоту, ничего не видя.

— Она — зло! — выкрикнул он. — Ее надо найти и убить, пока она жива, все, что мы любим и ценим на Вашу, будет находиться в постоянной опасности. Ее тайны ужасны, они дают ей страшную силу! О н а д о л ж н а у м е р е т ь!

И он упал замертво.

— Где Хоргула? — спросила меня Шизала.

— Не знаю. Я думаю, она сбежала, но куда — неизвестно. Этот пещерный мир полностью неизвестен даже арзгунам.

— Ты думаешь, он преувеличивал — у него было помрачение ума?

— Я не исключаю этой возможности.

А потом, совершенно неожиданно, она очутилась в моих объятиях, рыдая без остановки.

Я прижимал ее к себе, шепча ей на ухо слова утешения. Она прошла через невероятные испытания и ужасы, все их вынесла храбро. Я не винил ее за то, что она плакала сейчас.

— О Майкл Кейн, о мой любимый! — рыдала она.

Я едва мог поверить своим ушам. Я почувствовал, что пережитое за день, возможно, действовало на мой рассудок.

— Что ты сказала? — тихо переспросил я, сбитый с толку.

Она сдержала свои рыдания и посмотрела на меня сквозь слезы, улыбаясь.

— Я сказала: «Любимый мой», — повторила она. — Майкл Кейн, я полюбила тебя с той минуты, когда за тобой погнался мизио, помнишь, как мы впервые встретились? — Я засмеялся, и она присоединилась ко мне.

— Но ведь именно тогда я и влюбился в тебя, — ойкнул я. — А я думал, что ты любишь Телема Фас-Өгдай!

— Я восхищалась им тогда, — сказала она. — Но я не могла любить его, особенно после того, как увидела тебя. Но что я могла поделать? Традиции связывали меня с ним, а я не могла порвать с традициями.

— Я и не ожидал, что ты порвешь, — сказал я. — Но теперь... Она обняла меня, и я привлек ее к себе.

— Теперь, — выдохнула она, — мы сможем пожениться, как только устроим день обручения!

Я нагнулся поцеловать ее, но потом понял, что еще должен узнать, чем кончилась битва.

— Мы должны теперь посмотреть, как наши бойцы разделяются с арзгунами, — сказал я.

Она ничего не знала о том, что произошло, или, по крайней мере, немного. Я быстро рассказал ей. Она снова улыбнулась и взяла меня за руку.

— Я не расстанусь с тобой вновь, — заявила она.

Я знал, что мне следует оставить ее в Башне, еще лучше — в воздушном корабле, где она будет находиться в полной безопасности, но я тоже не мог вынести мысли, что что-то может случиться нас. Воздушный корабль напоминал нам о том времени,

когда мы вместе летели над лагерем арзгунов, и я спросил ее, почему она покинула безопасное убежище корабля.

— Разве ты не понял? — спросила она, когда мы рука об руку спускались по лестнице. — Я хотела помочь тебе — или умереть вместе с тобой, если придется. Но когда я оказалась там, ты уже сделал свое дело и исчез!

Я любовно и с благодарностью сжал ее ладонь.

На улице мы обнаружили, что арзгуны сложили оружие, явно потеряв всякое желание драться теперь, когда узнали, что их королева сбежала.

К нам в возбужденном триумфе приближался отряд воинов во главе с Моватом Джардом и Карнаком, бывшим рабом.

Мы поджидали, когда они приблизятся к нам, и я вдруг почувствовал себя усталым, когда понял, что мы победили и что в этот день мы не будем больше сражаться.

Как ни утомленно я себя чувствовал, сердце мое громко билось от радости. Мы победили — и Шизала обещала быть моей. Я не желал ничего иного.

Затем Карнак вдруг бросился вперед с улыбкой на губах и протянул руки.

— Шизала! — воскликнул он. — Это действительно ты? Что ты здесь делаешь?

Она выглядела озадаченной, не узнавая бородатого мальчика. Я гадал, не был ли он старым другом, и надеялся, что он не окажется каким-нибудь предыдущим женихом или кем-то способным разбить мое счастье.

— Карнак, ты знаешь Шизалу? — удивленно произнес я.

— Карнак! — настала очередь Шизалы рассмеяться. — Тебя ведь так зовут, верно?

— Конечно!

Я смотрел с некоторой ревностью, не боюсь вам в этом признаться, как мужчина заключил в объятия мою Шизалу. А затем все открылось в едином слове.

— Отец! — воскликнула она. — Ах, отец, я думала ты погиб!

— Так оно и случилось бы через самое короткое время, не будь этого молодого человека с его странно звучащим именем, и этого свирепого дикаря, его друга. — Карнак ткнул большим пальцем в сторону Мовата Джарда.

Шизала обернулась ко мне.

— Ты спас жизнь моему отцу? — Она обняла меня. — О Майкл Кейн, Дом Варналя обязан тебе своим существованием.

— Спасибо, — улыбнулся я. — Если бы его не существовало, я был бы самым несчастным человеком.

Карнак хлопнул меня по плечу.

— Каков молодец — за всю свою хизнь я не был знаком ни с кем, подобным ему, а ведь знал немало хороших воинов.

— Вы самый хороший воин, сударь,— сказал я.

— Я не так уж плох, молодой человек, но мне никогда не стать таким хорошим, как вы.— Затем он с сожалением посмотрел на свою дочь и на меня.

— Я вижу, что вы испытываете некоторое чувство друг к другу. Но ведь ты понимаешь, Шизала, что тут ничего не поделаешь?

— Что? — Я был вне себя от ужаса, услышав это. Какой еще фактор возник барьером между мною и моей любимой?

Карнак покачал головой.

— Дело в Брадинаке Телеме Фас Огдае. Он...

— Он мертв,— перебил я, почувствовав облегчение. Ну конечно, Карнак ничего не знал о том, что недавно случилось. Я бы-стро рассказал ему.

Он выслушал, нахмурившись.

— Я знал, что этот парень своеволен и что Хоргула сможет использовать свою власть над людьми, чтобы попытаться его подчинить себе. Но я никогда не мог подумать, что сын моего старого друга может...— Он прочистил горло.— Это было в некотором смысле моей виной, что он отправился посмотреть, жив ли еще я, с намерением меня спасти.— Карнак, или Бради Варналя, каковым он был, покачал головой.— Мы сообщим его отцу, что он погиб с честью,— решил он.— Косвенно так оно и было.

Он посмотрел на нас и улыбнулся.

— Тогда вы сможете объявить о своей помолвке, как только мы вернемся в Варналь, если вы этого желаете.

— Именно этого мы и желаем,— ответили мы хором, улыбаясь друг другу.

Потребовалось короткое время, чтобы устроить облаву на остальных деморализованных арзгунов, и было решено, что мы трое — Карнак, Шизала и я — оставим Черный Город на попечение Мовата Джарда, делая таким образом поражение арзгунов не таким горьким. Мы объявили, что Мовату Джарду будет предложено быть временным правителем арзгунов, пока они не смогут устроить выборы своих правителей.

Понимая, до какой степени арзгуны были доведены во время правления Хоргулы, мы были не столь суровы, сколь могли бы быть.

Вскоре мы взошли на воздушный корабль, попрощавшись на время с Моватом Джардом.

Карнак сам встал к управлению и провел его через трудные изгибы и повороты туннеля, ведущего наружу.

Вскоре мы пролетали над Пустыней Рока, над низкорослыми лесами, широкой рекой, диким красм и Алой Равниной.

Путешествие заняло много дней, но мы провели их, составляя планы на будущее, обсуждая все, что произошло с тех пор, как мы расстались.

А потом мы уже парили над Варналем.

Когда в городе узнали, кто мы такие, то на улицы хлынула толпа обрадованных людей, которые встретили нас пышной церемонией. Помолвка была назначена на следующий день, и в ночь перед ней я отправился в свою старую комнату в состоянии огромного счастья.

Но вслед за этим последовал самый страшный удар из всех, выпавших на мою долю. Все выглядело так, словно судьба решила заставить меня пройти через все эти испытания просто для того, чтобы в последний момент выхватить у меня награду, — потому что ночью я почувствовал, что меня охватывает странное знакомое ощущение.

Мне показалось, что тело мое разрывается на части, будто меня увлекает с фантастической скоростью через пространство и время непонятная сила. Затем неожиданно все кончилось, и я снова оказался лежащим. Я улынулся, думая, что это был сон. Затем почувствовал на своих всках свет и подумал, что, должно быть, уже утро — утро моего обручения.

Я открыл глаза и посмотрел на улыбающееся лицо доктора Логана — моего главного помощника в лаборатории.

— Логан! — ахнул я. — Где я? Что случилось?

— Не знаю, профессор, — ответил он. — На теле у вас масса шрамов, и, кроме того, вы как будто стали гораздо сильнее. Как вы себя чувствуете?

— Что случилось? — громко повторил я.

— Вы имеете в виду этот финал? Ну, это заняло у нас примерно семь часов, но мы, наконец, поймали вас вновь на необычайной длине волны. Мы думали, что совсем потеряли вас. Что-то было не так в передатчике. Наверное, что-то глушило волны — не знаю.

Я вскочил и схватил его за лабораторный халат.

— Вы должны отправить меня обратно! Вы должны отправить меня обратно!

— Эти ваши опыты не пошли вам на пользу, профессор, — сказал один из техников. — Вам повезло, что вы вообще живы. Мы семь часов трудились — вы были ничем не лучше мертвеца.

— Я все еще такой же, — ответил я, и плечи мои опустились. Я выпустил халат Логана и стоял, тупо глядя на оборудование. Оно перенесло меня к приключениям и замечательной женщине; с такой же легкостью я был перенесен и обратно, в этот скучный мир.

Меня вынудили лечь в лазарет и не выпускали неделями, пока врачи и психологи пытались выяснить, что же в «действительности» со мной случилось.

Меня сочли непригодным к работе и никогда больше, разумеется, не позволили мне приблизиться к передатчику, хотя я несколько раз и пытался это сделать.

Наконец они отправили меня в Европу в бессрочный отпуск. И вот я здесь.

ЭПИЛОГ

И это, в сущности, было исповедью профессора Майкла Кейна, физика и фехтовальщика, ученого на Земле, воина на Марсе.

Верьте ей, как поверил я.

Вслушав повесть Майкла Кейна, я попросил его разрешения сделать две вещи.

Он захотел знать, какие именно.

— Позвольте опубликовать эту вашу замечательную повесть, — сказал я. — Чтобы весь мир мог судить о вашей нормальности и правдивости.

Он пожал плечами.

— Я подозреваю, что немногие будут правы.

— Ладно. А другая просьба?

— Я хочу, чтобы вы позволили мне финансировать ч а с т н у ю постройку передатчика материи. Можно его сделать?

— Да, в конце концов, я изобретатель этой машины. Однако это потребует немалых денег.

Я спросил, сколько. Он сказал мне. Такая сумма нанесла бы немалый ущерб моему доходу, гораздо больший, чем я мог себе позволить, но я ему этого не сказал. Я готов был поддержать свою веру этой суммой денег.

Теперь передатчик почти закончен. Кейн утверждает, что, по его мнению, он сможет настроить его на нужную частоту. Мы неделями работали, как проклятые, чтобы завершить его, и я надеюсь, что он окажется прав.

Эта машина в некоторых отношениях более сложная, чем первая, так как она может работать как на прием, так и на передачу, постоянно настроенная на эту особую волну.

Идея Кейна заключалась в том, что если он сможет вернуться на Марс (на сколько бы всков в прошлом он ни находился), то сумеет построить там другую машину и, таким образом, путешествовать туда и обратно по собственному желанию. Эта сторона проекта кажется, наверное, немного амбициозной, но я сильно заужал его ум ученого.

Сработает ли машина?

Я пока не знаю. Когда эта рукопись пойдет в печать, у нас еще будет около недели для испытания машины.

Наверное, в недалеком будущем мне будет что написать о Войнах Марса.

Надеюсь, что это так.

Эдвард Повис Бредбери родился в 1924 году и провел некоторое время на Ближнем Востоке, где у него возник интерес к санскритской литературе.

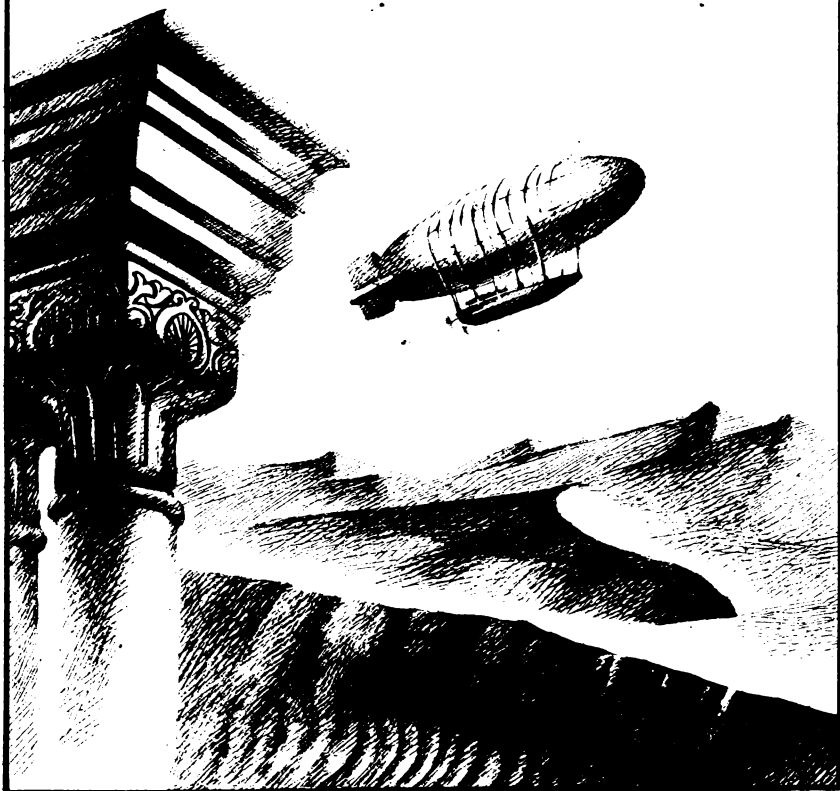
Он вернулся в Англию в 1955 году, когда, по его словам, «кончина двух пожилых родственников оставила меня с потрясающим сознанием того, что я не должен зарабатывать себе на жизнь».

Он начал писать и продолжает путешествовать, на этот раз по Европе, Африке и Америке. Он писал детективные романы, вестерны и мистические триллеры, а также документальные произведения.

Фактически он не может перестать писать, и убежден, что, когда он умрет, его найдут с пером в руке. Его единственная надежда— чтобы то произведение, которое он писал перед смертью, было закончено.

Повелитель Пауков

★ РОМАН ★

ВСТУПЛЕНИЕ

— Мы не должны потерпеть неудачу!

Я резко поднял голову.

Говоривший был красивый великан с горящими алмазно-голубым светом глазами. Он склонился над одним из самых странных устройств, которые я когда-либо видел. Размером примерно с телефонную будку, оно было покрыто датчиками и переключателями. Над ним была подвешена большая спираль, сильно пульсирующая, а справа в темном углу необычная модель динамо питала ее энергией.

Высокий человек сидел в своего рода люльке, подвешенной к потолку самодельной лаборатории, а на самом деле — моего подвала в доме в Белгравии¹. Я стоял под люлькой, считывая ему информацию с датчиков.

Мы много недель работали над этой машиной — или, скорее, он работал. Я лишь вложил деньги в нужное ему оборудование и следовал его инструкции в выполнении простых задач, которые он разрешил мне исполнять.

Мы встретились довольно-таки недавно во Франции, где он рассказал мне странную и дикую историю о своих приключениях на — где бы вы думали? — планете Марс! Там он влюбился в прекрасную принцессу города, называемого Варналь Зеленых Туманов. Он сражался с гигантскими синими людьми, называемыми арзгунами, и спас половину континента от их господства.

В плохом изложении все это походило на бред сумасшедшего или гладкую ложь.

...Все же я ей поверил — по-прежнему верю.

Я писал о нашей встрече и о том, что из нее вышло, — как Майкл Кейн, человек, который сейчас работал в подвешенной над моей головой люльке, был физиком в Чикаго, занимался исследованиями явлений, которые он почему-то называл «передатчиком материи»; как в эксперименте что-то вышло не так и он был переправлен не в другую часть лаборатории, а на Марс.

Это был тот Марс, как рассчитали мы, который существовал эпоху назад. Марс, который процветал, прежде чем человек ког-

¹ Лондонский фешенебельный район. (Примеч. перев.)

да-либо ходил по этой планете. Марс странных обычаев, контрастов, ландшафтов и зверей. Марс воюющих государств, обладавших некогда могучей цивилизацией,— Марс, где Кейн оказался на своем месте. Опытный фехтовальщик, он был достойным соперником мастеров фехтования Красной планеты; романтик, недовольный своей тусклой жизнью, он был восхищен удачей, которую преподнесла ему судьба.

Но судьба — в обличье его собратьев ученых — перенесла его обратно на Землю в современность, как раз тогда, когда он собирался жениться на своей марсианской возлюбленной! Ученые в Чикаго исправили изъян в передатчике и сумели отозвать Кейна. Вмиг он снова перенесся из постели на Марсе в лабораторию на Земле, где его ждали собратья исследователи! Они думали, что оказали ему услугу!

Никто не верил в его историю. Этого блестящего ученого дискредитировали, когда он пытался убедить других, что он действительно был на Марсе, существовавшем миллионы лет назад! Ему не позволили приближаться к собственному изобретению и дали бессрочный «академический» отпуск. Вконец отчаявшись увидеть когда-нибудь вновь свой любимый Марс, Кейн бесцельно пустился бродить по свету, постоянно думая о Вашу (местное название Марса).

А потом мы случайно повстречались с ним в маленьком кафе на берегу французского Средиземноморья. Он рассказал мне всю эту повесть. В конце рассказа я согласился помочь ему собрать в частном порядке передатчик, схожий с тем, что был в Чикаго, чтобы он, если повезет, мог вернуться на планету Марс.

А теперь его устройство было почти готово!

— Мы не должны потерпеть неудачу! — Он повторял эту фразу самому себе все то время, пока работал, сосредоточившись и нахмурившись.

По-видимому, он наложит на себя руки, если с экспериментом что-то не выйдет. В первый раз его случайно могло швырнуть сквозь время и пространство, у него были только самые шаткие доказательства в поддержку его теории пространственно-временного искажения под влиянием особой настройки в передатчике, которая была при первом эксперименте. Я напомнил ему о том, что даже если передатчик сработает, то очень мало вероятности, что он его снова отправит на Марс. А даже если и так, какой был шанс, что это будет тот же Марс, того же времени, когда он его покинул?

Но он держался своей теории, как чувствовал я, основанной больше на его желаниях, чем на действительности,— и ставил свою веру на карту вместе с жизнью. Он думал, что надо правильно

выбрать время года и день и, конечно, географическое местоположение:

Очевидно, местоположение от города Солсбери было идеальным, а завтра в одиннадцать тридцать вечера было превосходное время. Вот почему он работал с такой фантастической спешкой.

В смысле оборудования я был уверен, что все в порядке. Я не притворялся, что понимаю его расчеты, но я доверял его характеристики и репутации физика.

Наконец Кейн оторвался от конуса, с которым он возился, и уставился на меня своим странным меланхолическим и в то же время горящим взглядом, который был мне хорошо знаком.

— Вот так,— сделал заключение он. — Мы больше ничего не можем сделать, кроме как отвезти его на место. Энергофургон готов?

— Готов,— ответил я, подразумевая транспортабельную динамо-машину, используемую нами для снабжения энергией его прибора. — Мне позвонить в агентство?

Он нахмурился, оттопырив губы. Выскочив из люльки, прыгнул на пол. Он поднял взгляд на плод своего творения, а затем его лицо расслабилось. Он казался удовлетворенным.

— Да, лучше позвонить им сегодня вечером, чем утром,— кивнул он.

Я поднялся в агентство и позвонил в бюро по найму, которое обещало «мускульную силу», нужную нам для доставки оборудования к его конечному месту назначения на равнине Солсбери. В агентстве меня заверили, что утром рабочие будут у моей двери.

Вернувшись, я обнаружил Кейна развалившимся в кресле в полусне.

— Идем, старина,— предложил я. — Тебе лучше сейчас отдохнуть, или ты завтра будешь не в лучшем виде.

Он безмолвно кивнул, и я помог ему подняться наверх в спальню. Потом и я отправился спать.

На следующее утро прибыли рабочие с большим фургоном. Под нервозным наблюдением Кейна «передатчик материи» был надежно устроен в фургоне.

Мы поехали в Солсбери, я ехал позади того, что Кейн называл «энергофургоном», на своей легковой машине.

Мы избрали место неподалеку от знаменитого Круга Камней — Стоунхенджа. Огромные примитивные столбы, как многие считали, были остатками одной из древнейших астрономических обсерваторий,— четко выделявшиеся в резком свете раннего утра.

Мы привезли большую палатку, чтобы защитить наше оборудование, как от непогоды, так и от любопытных глаз. Поставили ее с помощью рабочих, которые уехали с обещанием вернуться с фургоном утром.

День был беспокойный, и встер бил в брезент палатки, когда мы с Кейном устанавливали оборудование и устраивали ему тестовые испытания, чтобы убедиться, что оно работает эффективно. Это отняло у нас большую часть дня. Надвигалась ночь, когда я пошел включить динамо-питание передатчика.

Пока тянулись часы, лицо Кейна становилось все мрачней и мрачней. Он был весь в напряжении и без конца напоминал мне о том, что я должен сделать, когда придет время. Я это знал наизусть — простое дело проверки соответствующих приборов и нажатие соответствующих кнопок.

Незадолго до одиннадцати тридцати я вышел из палатки. Луна становилась все более белой, ночь была дикой и бурной. По небу неслись огромные черные тучи. Ночь чуда!

Несколько минут я стоял, закуривая, кутаясь в пальто. Мой разум онемел от сосредоточенности предыдущих недель. Сейчас, когда эксперимент должен был произойти, я почти боялся за Кейна. Вдруг мы потерпим неудачу — он потеряет если не жизнь, то, по крайней мере, надежду. А я чувствовал, что с потерей надежды Кейн перестанет быть человеком, которым я так восхищался.

Он позвал меня из палатки.

— Мы почти готовы, Эдвард, — сказал он.

Я раздавил каблук с сигарету и посмотрел на странную машину. Передатчик материи ожил, гудел от напряжения. Сканер — конус наверху — пылал рубиновым огнем, придавая интерьеру палатки экстравагантный вид. Отражавшее пламя красивое лицо Кейна выглядело словно лик благородного, но не земного полубога.

— Пожелай мне удачи. — Он попытался с легкостью улыбнуться. Мы обменялись рукопожатием.

Он вошел в передатчик, и я закрыл за ним панель, плотно запечатав ее. Взглянув на часы, я увидел, что осталась всего минута до запуска. Я не смел думать — не смел размышлять сейчас о том, что собирался сделать.

Пока шло время, я вспомнил все его инструкции, изучил приборы с дрожжащими стрелками и пылающими датчиками. Я протянул вперед руку и нажал на один из рычажков. Простые действия, но они могли убить человека или отправить его в мир физический или психический.

Сверху донеслась визгливая нота и стрелки-лихорадочно заметались. Я знал, что это значило.

Кейн был в пути.

Но куда? Наверное, я никогда не узнаю.

Но теперь дело было сделано. Я медленно вышел из палатки. Закурил еще одну сигарету и затаился. Я думал о Кейне, о его

рассказах, о захватывающих приключениях и романтике на древней планете. Я гадал, как бывало раньше, был ли я прав, помогая ему. Мне хотелось знать, не был ли я неправ.

Я также испытывал чувство утраты;— словно из моей жизни было удалено что-то сильное и важное. Я потерял друга. Затем неожиданно я услышал голос из палатки!

Я узнал голос Кейна — хотя теперь в нем была иная нота.

Так, значит, мы потерпели неудачу. Наверное, он никуда не отправился. Наверное, расчет был неверен. Наполовину с облегчением, наполовину с трепетом, я поплелся обратно в палатку, чтобы впасть в шок!

Стоявший там человек был почти нагим.

Это был Кейн — но не тот Кейн, которому я пожал руку несколько минут назад.

Пораженный, я уставился на этот призрак. Он был одет в кожаные ремни, украшенные странными, пылающими камнями, в которых я не мог узнать что-либо виденное мною раньше. Широкие мускулистые плечи были задрапированы в легкий плащ голубого цвета. На левом бедре висел длинный меч с чашечным эфесом — продетый в широкую петлю из толстой кожи, он не имел ножен. На ногах у человека были тяжелые сандалии, оплетавшие ремнями лодыжки как раз ниже колен. Волосы его, как я теперь заметил, стали длинней. На теле у него были шрамы, некоторые старые, а некоторые свежие. Он странно улыбнулся мне, словно приветствуя знакомого, с которым он долгое время был в разлуке:

Я узнал снаряжение по прежним рассказам Кейна.

Это было снаряжение п у к а н а — воина Марса!

— Кейн!— ахнул я. — Что случилось? Всего лишь несколько минут назад ты был... — Я оборвал себя на полуслове, не в силах говорить. Я мог только смотреть!

Он подошел ко мне и стиснул мое плечо.

— Подожди,— твердо сказал он,— и я объясню. Но сперва не мог бы ты вернуть меня домой в Лондон? Тебе снова может понадобиться тот магнитофон!

Мы поехали обратно в Белгравию на энергофургоне, и этот странный нагой воин с длинным мечом и чуждым, усыпанным драгоценными камнями военным снаряжением сидел со мной.

К счастью, нас никто не увидел, когда мы вошли в мой дом. Он двигался пружинистой походкой, его мускулы играли — грациозный супермен, герой со страниц Мифа.

Моя домработница при доме не живет, так что я сам приготовил ему ужин, принес немного крепкого черного кофе, который, кажется, пришелся ему по вкусу.

Я включил магнитофон, и он начал рассказывать. Вот повесть, которую он рассказал мне, исключая только мои вопросы и его отступления — и, конечно, кое-что из более секретной научной информации — вот его собственное повествование.

ЭПБ

Честер-сквер
Лондон, С.В.І.
Апрель 1969 г.

Г л а в а 1

БЕСПЛОДНАЯ РАВНИНА

Войдя в передатчик материи, я почувствовал укол страха. В первый раз я полностью осознал, что я мог потерять.

Но было слишком поздно. На одной стороне передатчика ты уже выполнял свою задачу. Я начал испытывать знакомые ощущения, связанные с этой машиной. Разницы никакой не было, за исключением того, что на этот раз я не знал, куда я направляюсь,— как вы помните, в первом путешествии я думал, что всего лишь буду передан в приемник в другую часть лаборатории. Вместо этого меня перенесло на Марс. Куда я попаду теперь? Я молился, чтобы это снова оказался Марс!

Перед моими глазами появились разные цвета. Снова я испытал чувство невесомости. Наступил период, когда я чувствовал себя связанным со всем. Затем пришло ощущение бестелесности, был бросок сквозь темноту с невероятной скоростью. Мой мозг отключился.

На этот раз я очнулся в сравнительной темноте. Я лежал лицом вниз на твердой каменистой поверхности. Я чувствовал себя слегка помаятым, но не так чтобы очень. Я перекатился на спину.

Я был на Марсе!

Я понял это в тот же миг, как увидел две луны — Урну и Гару по-марсиански, Фобос и Деймос по-английски,— освещавшие пустынный ландшафт, холодные камни и скудную растительность. Далеко на горизонте что-то блесело — это могло быть огромное пространство тихих вод.

Я все еще был в той одежде, в которой вошел в передатчик. Сканер разрушал и трансформировал в волновой форме все, что помещали в машину. У меня даже остались деньги и часы.

Но что-то было не так.

Я осторожно переместился в сидячее положение. Я был все еще немного не в себе, но у меня уже начало возникать подозрение, что что-то вышло не так, как надо.

При моем первом путешествии я прибыл как раз к стенам города Варналь на юге Марса. И именно из Варналя я был выхвачен, когда мои «спасители» собратья ученые утащили меня обратно на Землю.

Но эта пустыня была не похожа ни на что, виденное мной на моем Марсе!

Это, конечно, был Марс — луны это доказывали. И все же это, кажется, был Марс не того века, что знал я, — Марс, существовавший тогда, когда на Земле еще бродили динозавры, а Человек еще не стал господствовать на моей родной планете.

Я испытывал чувство отчаянья, беспомощность и невероятное одиночество. Я потерял всякую надежду увидеть когда-нибудь свою нареченную Шизалу или жить в городе Зеленых Туманов.

Марсианские ночи длинные, а эта казалась самой долгой из всех. С первыми проблесками зари я поднялся и огляделся вокруг.

Ничто, кроме моря и камня, не приветствовало моего взгляда, куда бы я ни повернулся.

Я стоял на бесплодной равнине из коричневого и оранжевого камня, тянувшейся вглубь материка от огромного холодного моря, волновавшегося под мрачным серым небом.

Было ли это прошлое или будущее известного мне Марса, меня не интересовало. Я знал только, что если находился, как я подозревал, на точном географическом месте, где некогда стоял или когда-нибудь будет стоять Варналь Зеленых Туманов и Зовущих Холмов, тогда для меня все потеряно! Теперь море раскинулось там, где находились холмы, камень занимал место города.

Я чувствовал себя преданным. Трудно описать, почему я чувствовал это. Я сам был виноват в том, что нахожусь здесь, — а не обнимаю свою милую во дворце предводителей и правителей Варналя.

Я вздохнул, почувствовав вдруг слабость. Не заботясь о том, что выпадет на мою долю, я мрачно зашагал вглубь материка. У меня, казалось, не было никакой цели, кроме как идти, пока не упаду от усталости и голода. Бесплодность ландшафта, казалось, отражала бесплодность эмоций во мне самом.

Все надежды были смыты, все мечты исчезли. Одно отчаянье овладело мной!

* * *

Было, наверное, пять часов — или приблизительно сорок марсианских ш а т и, — когда я увидел зверя. Он, должно быть, подкрадывался ко мне.

Первое, что я заметил, это была его странная сверкающая шкура, ловившая свет и отражающая его всеми цветами радуги. Впечатление было такое, словно зверь был создан из вискозной

кристаллической субстанции, но это было не так. Каким бы странным он ни казался, он явно был из плоти и крови.

Он был примерно восемнадцати-двадцати к у л о д — около метра девяносто — ростом и тридцати к у л о д — длиной. Это был могучий зверь с огромной пастью, полной острых зубов, тоже сверкавших, как кристаллы. У него имелся один многофасеточный глаз и четыре могучие мускулистые лапы, кончавшиеся большими когтями. У него не было хвоста, но своего рода грива из свалывающегося меха изгибалась вдоль всей спины.

Он собирался позавтракать мной — это было ясно.

Теперь, когда мне угрожала опасность, отчаянье покинуло меня. У меня не было оружия, я нагнулся и схватил в каждую руку по камню.

Я повернулся лицом к зверю, когда тот начал медленно подкрадываться ко мне. Желтоватая слюна капала из открытой пасти и единственный глаз внимательно остановился на мне.

Я вдруг заорал и швырнул первый камень, целя в глаз, а вслед за ним — второй. Тварь издала невероятный воющий крик боли и ярости. Она встала на задние лапы и делала секущие движения передними.

Я подобрал еще два камня и швырнул их в его мягкое подбрюшье. Эти не произвели того эффекта, как первые, что я метнул в глаз. Зверь упал на все четыре лапы и удержал свою позицию — как я удержал свою. Он стоял и прожигал меня взглядом.

Мне показалось, что возникла пиковая ситуация.

Я медленно шарил вокруг в поисках боеприпасов. Я нашел всего один камень — больше ничего не было.

Грива зверя теперь дрожала и трепетала, пасть его открылась еще шире, и слюноотделение усилилось. Зверь сделал несколько шагов назад, но я знал, что это было не отступление, а всего лишь подготовка к прыжку.

Я проделал трюк, который срабатывал, когда люди на Земле оказывались в сходном положении, столкнувшись с дикими животными. Я закричал во весь голос и побежал на него, подняв руку с камнем.

* * *

Зверь не сдвинулся ни на дюйм!

Теперь я был в худшем положении, чем раньше!

Решив продать свою жизнь подороже, я швырнул ему в глаз последний камень и бросился мимо, так, чтобы оказаться у него за спиной. Зверь завизжал, завыл и снова встал на дыбы. Я увидел, что по его морде стекает густая кровь. Зверь стремительно повернулся, все еще стоя на задних лапах, рассекая воздух когтями.

Я попал в нижнюю часть глаза. Должно быть, причинил ему вред, так как крови было много, но зверь не ослеп.

Я нагнулся за новым камнем, и тогда с неожиданной для меня скоростью он бросился на меня, разинув пасть!

Я метнулся прочь с его пути как раз вовремя, но он уже разворачивался и снова летел на меня. Я знал, что у меня практически нет шансов.

Я помнил, что лежал на камне, пытаюсь перевернуться и подняться на ноги, со страхом глядя на несущуюся на меня огромную тушу.

И вдруг, в нескольких дюймах от меня, зверь упал наземь, дернулся и застыл.

Что случилось? Сперва я подумал, что мой камень, должно быть, нанес больший вред, чем я предполагал, но когда я поднялся на ноги, то увидел торчащее из бока зверя длинное тяжелое копьё.

Я оглянулся, увидел стоящую там фигуру и мгновенно снова насторожился. Это был Синий Гигант — арзгун. Я прежде испытал их жестокость — знал, что на людей, вроде меня, они нападали, едва завидев.

Арзгун был хорошо вооружен мечом и булавой на левом и правом бедре. Он был мускулистым и почти три метра ростом.

Это подтверждало мои подозрения, что я оказался в иной эре; кроме того, обычный для арзгунов кожаный нагрудник у него был из светлого металла, так же, как его поручи и поножи.

Наверное, он спас меня для того, чтобы со мной поразвлечься. Я попытался выкрутить его копьё из трупа зверя, чтобы мне было чем защищаться.

Я высвободил копьё, когда он приблизился. Он улыбнулся и стал осматривать меня с некоторой озадаченностью, уперев руки в бока и слегка склонив голову.

— Я готов тебя встретить, арзгун,— сказал я по-марсиански.

Тут он рассмеялся — не жестоким, животным смехом арзгунов, а добродушно. Неужели и арзгуны так сильно изменились?

— Я видел твою схватку с р а д а р и. Ты очень храбр...

Я опустил копьё, ничего не говоря. Голос тоже был не похож на известный мне утробный арзгунский.

Он показал мне на себя, снова улыбнувшись.

— Зачем ты закутался в неудобную одежду? Ты болен?

Я покачал головой, чувствуя себя немного смущенным. Меня смущали мой внешний вид, который был по меньшей мере странным на Марсе, и мое предположение, что он был враг.

— Меня зовут Хул Хаджи,— представился он. — А твое имя и племя?

— Майкл Кейн, — ответил я, обретая, наконец, дар речи. — У меня нет родного племени, но я усыновленный член народа Карнала.

— Странное имя, но о Карнале я знаю. По слухам, они такие же храбрые, как и ты.

— Прости меня, но ты мне кажешься не типичным для арзгунского народа.

Он снова добродушно рассмеялся.

— Это потому, что я из Мендишара.

Я, кажется, смутно слышал о Мендишаре, но не мог вспомнить, что мне рассказывали. «Об этом, вероятно, рассказывала Шиза-ла», — подумал я.

— Это Мендишар? — спросил я.

— Я хотел бы, чтобы это было так. Однако мы неподалеку от него.

— А где находится Мендишар по отношению к Арзгуну?

— Мы располагаемся далеко к северу от Пещер Тьмы.

Значит, расхождение во времени могло быть не так уж велико, как я думал. Если Карнал и подземный мир Арзгуна, Пещеры Тьмы, все еще существовали, тогда это место — бесплодная пустыня, на которой я стоял, не было типичным для известной мне планеты.

Хул Хаджи протянул руку.

— Наверное, я могу теперь получить назад свое копье?

Я извинился и отдал ему свое копье.

— Ты выглядишь измотанным, — сказал он. — Идем, у меня лагерь неподалеку — мы поедем немного твоего покойного противника. — Он повернулся к зверю и перекинул его через плечо.

Я шел рядом с ним, и он намеренно укоротил свой шаг, чтобы мне легче было держаться вровень с ним. Он, казалось, не утомлялся под своей ношей.

— Я был невежлив, — сказал я. — Не поблагодарил тебя за спасение моей жизни. Я у тебя в долгу.

— Я думаю, что у тебя будет случай отплатить его, — ответил он, используя форму ответа, которую до сих пор я слышал только на Юге.

Мы достигли лагеря Хула Хаджи — низкой палатки, разбитой рядом с бежавшим по камням ручейком. Горел костер, и его противный дым поднимался в небо. Хул Хаджи объяснил это тем, что единственным топливом в этих местах был о к с е л ь, коричневатое, похожее на папоротник растение, пробивавшееся между камнями.

Хул Хаджи начал снимать шкуру со зверя, и пока он это делал, ловко отделяя ее специальным ножом, который он носил на ремне, он объяснил сходство между своей расой и арзгунами. Мне ин-

интересно было слушать, так как это раскрыло мне раннюю историю Вашу, или Марса, как его называют на Земле.

Кажется, в туманном и отдаленном прошлом, мендишары и арзгуны были одним народом, живущим неподалеку от моря, из которого, как гласили их легенды, они и произошли. Они были рыбаками и лодейниками, пиратами и прибрежными налетчиками, морскими торговцами, ловцами и н р а к а. Инрак был редкой устрицей, расцениваемой всеми как деликатес, кроме самих синих людей.

Они жили в той части планеты, которую я раньше считал отдаленной. Жизнь их была замкнутой, их торговля и набеги ограничивались большей частью близлежащими местами.

Затем пришла Величайшая Война. О причинах этой Войны и главных ее участниках у Хула Хаджи были довольно смутные сведения. Она велась между шивами и якша, рассказал он. О шивах я слышал. Этот таинственный народ принес Карналу много выгод — некогда он обладал великой цивилизацией, понимал ядерную энергию, был более развит, чем земляне моего собственного времени. Иногда то тут, то там находили развалины их городов. Хул Хаджи, похоже, знал немногим больше, чем я. Он сказал, что якша и шивы были родственного происхождения, но якша не были едиными.

Десятки лет бушевала на всей планете Величайшая Война. О ней прослышали даже отдаленные синие люди. Многие умирали от странных болезней, занесенных ветром с запада. Затем якша пришли в поселение синего народа. У них было множество чудесного оружия, но они, казалось, потерпели поражение и отчаялись. Кучка якша предложила синим людям большие возможности пограбить, если они помогут напасть на позиции шивов в глубине материка. Многие согласились и направились к горам, где находились шивы. Они нашли шивов в выжженных скалах, в подземных помещениях и атаковали их. Шивы сдерживали их до тех пор, пока в живых осталось только трое. Тогда они спаслись на летающей лодке. Якша, тоже немногочисленные, последовали за ними, приказав синему народу удерживать позиции, пока они не вернутся.

Они не вернулись. Синий народ поселился в пещерах. Некоторые привезли женщин. Они приспособились к окружающей среде и даже, казалось, процветали в ней. Пещеры были идеальным местом, откуда можно было совершать набеги на меньшие ростом светлокочие расы. Они занимались набегами. Так тысячелетие назад произошли арзгуны.

Мендишары — это те, кто остался. Они не принимали участия в набегах и в Величайшей Войне, но преуспевали, торгуя среди

дальних островов и на континенте, что лежал за морем, на дальнем севере.

— То есть,— поправился Хул Хаджи, вертя мясо на вертеле над костром,— пока приоза не приобрели слишком много власти.

— А кто они такие? — спросил я.

— Первоначально они были королевской гвардией — церемониальным войском, связанным с домом нашего Бради. (Бради был своего рода марсианским королем, власть которого обычно передавалась по наследству, он мог быть смещен всенародным голосованием.) Гвардия состояла из молодых воинов, добившихся почета среди народа. Население изолировало их и начало постепенно придавать им почти мистическое значение. В умах простого народа они были больше чем людьми, почти божествами — они могли делать все, что хотели, абсолютно безнаказанно. Около сорока лет назад, воин, который был пукан-нарой,— это значило, приблизительно воин-вождь,— приоза начал говорить, что он получает приказания от высших существ.

Понимая, что вся система приоза представляет опасность народу Мендишара, Бради и Совет решили распустить их. Но они не учли ту власть, которую теперь имели приоза над простым народом. Когда они объявили о решении распустить войско, народ отказался слушать об этом. Бради был смущен, а пукан-нара — Джевар Бару — был избран Бради. Прежний Бради и его советники умерли при таинственных обстоятельствах. Семья Бради была вынуждена бежать, и новый Бради Джевар Бару начал свое царствование; увы, весьма вредоносное.

— В каком смысле оно вредоносное? — спросил я.

— Они снова ввели в жизнь Мендишара суеверия. Они показывают и говорят, что могут видеть будущее; они «получают» послания от высших существ... Это — религия, скатившаяся до самого низкого уровня.

Картина была мне знакомой, она не намного отличалась от схожих эпизодов в пестрой истории моей собственной планеты.

— Теперь они — каста воинов-жрецов — захватили в стране все богатства,— продолжал Хул Хаджи,— ныне у многих рассеялись иллюзии. Но Джевар Бару и его «больше чем люди» имеют полную власть, и те, кто потерял иллюзии и говорит об этом публично, скоро становятся жертвами в ритуальных обрядах, где у мужчин и женщин вырываются сердца на центральной площади Мендишарлинга — нашей столицы.

Я почувствовал отвращение.

— Но какую роль в этом играешь ты? — спросил я его.

— Важную,— ответил он. — Планируется восстание, мятежники ждут в горных деревнях. Им нужен только лидер, чтобы

объединиться под его началом и отправиться в поход против приоза.

— И этот лидер не появляется?

— Я этот лидер,— сказал он. — Надеюсь, их вера в меня будет оправдана. Я последний в роде старых Бради. Мой отец был убит по приказу Джевара Бару. Моя семья скиталась по пустыням, ища убежища и не находя его, преследуемая отрядами приоза. Те, кто не был убит приоза, умерли от недоедания и болезней, от диких зверей, вроде вот этого. — Он показал на тушу, которая теперь поджаривалась на вертеле.

— Вскоре остался только я, Хул Хаджи. Хотя я рвался в Мендишар, я не мог придумать способа вернуться — пока один посланник не нашел меня, скитавшегося в многих днях пути от этого места, и не рассказал мне о мятежниках. Об их жажде лидера, о том, что я — последний из своего рода — был для них идеален. Я согласился отправиться в горную деревню, о которой он мне сказал,— и сейчас иду туда.

— Поскольку у моего путешествия нет цели,— предложил я,— ты позволишь мне сопровождать тебя?

— Твое присутствие было бы желательно — я человек одинокий.

Мы поели, и я рассказал ему свою историю, которую он не нашел столь невероятной, как думал я.

— Мы на Вашу привыкли к странным происшествиям,— заметил он. — Время от времени тени более древних рас проходят меж нас в форме вновь открытых чудес, странных изобретений, о которых мы мало знаем. Твоя история — необычна, но возможна. Все возможно.

Еще раз я убедился, что марсиане в целом философский народ, и все же у них сильны традиции, и их моральный кодекс спасет их от любого намека на упадок.

Поев, мы легли спать. Вновь была ночь, когда мы направились к горам Мендишара.

Занялась заря, отмечая на горах границу страны Мендишар, и Хул Хаджи должен был удерживать себя, чтобы не шагать быстрее меня.

Когда мы ступили на сине-зеленый дерн, два всадника верхом на огромных, обезьяноподобных дахарах, ездовых животных почти всех марсианских народов, появились на вершине холма, остановились на миг, когда увидели нас, а затем понеслись к нам во весь опор.

Они были крикливо разодеты в яркие лакированные доспехи, с длинными, цветными плюмажами на тесных шлемах. Их мечи сверкали на утреннем солнце.

Они явно настроились отнять у нас жизнь!

Хул Хаджи выкрикнул слово и, швырнув в одного из них длинное копьё, выхватил меч.

Это слово было — п р и о з а!

Они неслись на нас, и я приготовил копьё, когда огромный меч моего противника взлетел вверх, готовясь обрушиться вниз и раскрыть мне череп.

Он рубанул. Я отбил его своим копьём, но сила его удара вышибла из моих рук оружие, и я вынужден был отпрыгнуть с пути воина, и вновь, изготовив копьё, я решил встретить воина, в то время как он развернул своего дахара и усмехнулся, сощулив глаза,— он был уверен в легкой победе.

Г л а в а 2

ОРА ЛИС

Воин — Синий Гигант нацелил на меня меч, словно для того, чтобы проткнуть меня,— я был уверен, что его намерение состояло именно в этом. Мое копьё было слишком слабым оружием против него. Когда острие его меча оказалось почти у моего горла, я откинулся назад, чувствуя металл на волосок от своей кожи. Я схватил копьё и вскочил на ноги.

Он снова поворачивал своего дахара, когда я увидел шанс и метнул в него копьё.

Оно попало ему в лицо и убило. Он упал назад, с копьём, дрожащим в голове. Меч выпал из его руки и повис на темляке. Неуправляемый дахар встал на дыбы, чувствуя, что его хозяин больше не контролирует его, и труп выпал из седла.

Оглядевшись, я понял, что Хулу Хаджи не повезло. Он защищался от града ударов, которые обрушил на него его враг. Он упал на колено.

Выхватив меч у моего мертвого противника, я с криком бросился вперед. Должно быть, я представлял собой необычное зрелище, все еще в пиджаке, рубашке и брюках, вооруженный огромным мечом, бегущий на помощь одному из двух сражающихся Синих Гигантов!

По глупости, соперник Хула Хаджи слегка обернулся на мой крик. Моему синему союзнику нужно было только это мгновение. Он вскочил, отбил в сторону оружие противника и вонзил меч в горло приоза.

Гигант умер, свалившись с седла, прежде чем Хул Хаджи схватил за узду дахара и остановил зверя. С некоторым презрением Хул Хаджи высвободил ноги трупа из стремян и дал ему упасть на землю.

Я сообразил, что было у моего друга на уме, и повернулся к другому дахару, который отошел на небольшое расстояние и нер-

вно оглядывался. Без всадника он выглядел более курьезно, чем когда-либо. Дахар происходил от общего с человеком предка. Если кто-нибудь говорил о нем, как иногда говорили на Земле о собаках и лошадях, что он «почти как человек», то это факт! Их интеллект варьировался согласно породам: интеллект у южной разновидности был бóльшим, чем у этой намного более крупной северной разновидности. Я осторожно приблизился к дахару, успокаивающе разговаривая с ним. Он шарахнулся прочь, но не раньше, чем я успел поймать его за поводья. Он для вида щелкнул на меня зубами. Я никогда не слышал, чтобы самый дикий дахар нападал на человека.

Теперь у нас были и «верховые» лошади и достаточно оружия, чтобы вооружить меня.

С некоторым отвращением мы сняли с трупов все, что нам нужно, но, к сожалению, доспехи не подходили нам, ибо Хул Хаджи был немного великоват, а я чересчур мал, но я сумел сделать португую поперек тела и повесить на нее тяжелое оружие. Я также с радостью избавился от большей части своей обременительной земной одежды.

Чувствуя себя более похожим на воина Марса с пристегнутым оружием на ремнях и сидя на широкой спине дахара, я пустил своего «коня» в галоп, держась рядом с Хулом Хаджи. Мы направились в горы.

Наконец мы прибыли в Мендишар. Деревня, называвшаяся Асде-Трахи, лежала в нескольких милях от нас.

Вскоре мы добрались до нее. Я ожидал увидеть что-то более примитивное, чем яркие, украшенные мозаикой стены низких, полусферических домов. Многие из мозаик представляли собой картины — очень красивые, умело сделанные. Деревня была окружена стеной, хотя, когда мы спускались к ней с холма, мы могли видеть все расположенное внутри. Эта стена была тоже окрашена, но красками резких цветов — оранжевого, синего и желтого, — геометрическими рисунками, состоящими, главным образом, из круга и многоугольника.

Когда мы приблизились к Асде-Трахи, на стенах появились люди. Почти все они были вооружены, и их оружие было обнажено. Это были Синие Гиганты, но их доспехи, если они вообще имелись, были схожи с кожаными теглями, что носили арзгуны, мои старые враги.

Когда мы подъехали ближе, один из Синих Гигантов издал крик и быстро заговорил со своими товарищами.

Прогремело звонкое «ура» на марсианский лад, и воины высоко подняли мечи и топоры. Они принялись экзальтированно прыгать, явно узнали Хула Хаджи и горячо приветствовали его.

С флагштока в центре деревни одно знамя слетело и поднялось другое. Я сообразил, что они в буквальном смысле подняли флаг мятежа. Тяжелый желто-черный квадрат знамени явно был старым штандартом смещенного Бради.

— Такого возвращения домой стоило ждать, — сказал Хул Хаджи.

Мы въехали в деревню, мужчины, женщины и дети Мендишара — некоторые из них были почти с меня ростом — столпились вокруг Хула Хаджи.

Одна из женщин — полагаю, по их стандартам она была прекрасной, — вцепилась в руку Хула Хаджи и глянула ему в лицо большими глазами.

— Я так долго ждала тебя, великий Брадинак, — услышал я ее слова. — Этот день снился мне.

Хул Хаджи казался довольно смущенным — как был бы и я — и с некоторым трудом высвободил руку, когда увидел идущего к нему высокого, полного достоинства молодого воина, приветственно протягивающего руки.

— Морахи Ваджа! — радостно воскликнул изгнанник. — Как видишь, я сдержал свое обещание.

— А я — свое, — улыбнулся молодой воин. — В этих горах все деревни охотно поддержат тебя и наше дело.

Женщина все еще стояла тут, хотя больше не обнимала Хула Хаджи.

Морахи Ваджа шагнул к ней.

— Это моя сестра Ора Лис — она никогда не встречалась с тобой, но уже самая горячая твоя сторонница, — улыбнулся Морахи Ваджа. Затем он обратился к девушке: — Ора Лис, не прикажешь ли ты слугам приготовить постель для друга Хула Хаджи?

Молодой воин, казалось, совсем не удивился появлению чужака, и притом чужака иной расы, в своей деревне.

Тут Хул Хаджи понял, что пришло время представить меня.

— Это Майкл Кейн с Негалу, — сказал он, употребив марсианское название планеты Земля.

На этот раз Морахи Ваджа выказал легкое удивление.

— Я думал, на Негалу обитают только гигантские рептилии, — сказал он.

Хул Хаджи рассмеялся.

— Он не только с Негалу — он из будущего.

Морахи Ваджа чуть улыбнулся.

— Ну тогда приветствую тебя, друг, — надеюсь, ты принесешь удачу нашему предприятию.

Я удержался от замечания, что вряд ли принесу им удачу, поскольку до этого мне самому мало везло.

Когда мы спешили, Хул Хаджи проговорил:

— Майкл Кейн спас мне жизнь сегодня утром, когда на нас напали приоза.

— Ты желанный и почетный гость, — сказал мне Морахи Ваджа.

— Хул Хаджи забыл сказать тебе, что до этого и он спас мне жизнь, — сказал я, когда Морахи Ваджа повел нас к большому дому, украшенному самой роскошной мозаикой, которую я когда-либо видел.

— Значит, было предопределено, чтобы он спас тебя, потому что ты раньше спас его.

На такую логику я не мог придумать никакого возражения. Мы вошли в дом. Там было прохладно, комнаты были большими и просто украшенными.

Ора Лис была уже тут. Она глядела только на Хула Хаджи, который, казалось, был слегка польщен и смущен ее вниманием.

Морахи Ваджа явно был в деревне персоной немаловажной — он был, как выяснилось позже, своего рода мэром — и нам дали все самое лучшее. Еда и напитки были вкусными, хотя кое-что из них производилось явно на Севере, поскольку было мне незнакомо.

Мы досыта наелись и напились и все это время Ора Лис уделяла свое внимание Хулу Хаджи и даже упростила, чтобы мы позволили ей остаться, когда Морахи Ваджа сказал ей, что теперь мы должны поговорить о тактике и стратегии.

Причины для планируемого восстания были двойственными. Во-первых, народ начал понимать, что приоза не были высшими существами — аппетиты многих дочерей и жен были далеки от просвещенных вкусов полубогов. И во-вторых, приоза становились все более избалованными, они все менее склонны были выезжать в дозоры.

Это процесс не был для меня новым, кажется, это что-то вроде закона природы, когда тиран падает жертвой собственной непредусмотрительности. Всегда было так, что мудрый король, каким бы характером он ни обладал, защищает своих подданных и таким образом защищает себя. Часто, конечно, одного тирана сменяет другой и возникает порочный круг. В конечном итоге это означает разрушение государства — его завоевание или упадок, — и раньше или позже появится просвещенный правитель или правительство. На это могут уйти века или несколько недель, и конечно же, трудно относиться к этому философски, когда именно твоя жизнь находится под железной пятой.

Мы беседовали далеко за полночь, и мне было забавно видеть, как Хул Хаджи вынужден отказываться от блюда фруктов или еще одной подушки, предложенной Орой Лис.

Наш план был основан на вере в то, что скоро крупные силы деревенских мендишаров нападут на столицу и горожане присоединятся к ним.

Такая обстановка сложилась не так уж давно, об этом проинформировал нас Морахи Ваджа. Жители деревень и мелких городов поначалу остерегались следовать за Морахи Ваджой, который был, на их взгляд, слишком молодым и неопытным.

Но когда он вступил в союз с Хулом Хаджи, все изменилось. Теперь население было полно энтузиазма.

— Ты очень ценен, Бради,— сказал Морахи Ваджа. — Ты должен оберегать себя, пока не придет время восстания, потому что, если мы потеряем тебя, все наше дело погибнет!

Лицо Морахи Ваджи было очень серьезным. Он явно хотел еще что-то добавить — он знал, что сказанное было правдой!

Каждому из нас дали комнату в доме Морахи Ваджи. Моя постель была без пружин, такие кровати преобладают на всем Марсе.

Я засыпал со смешанными чувствами отчаянья и предвкушения. Не так-то легко было забыть даже на миг, что я отдален от любимой женщины неодолимыми барьерами. С другой стороны, дело угнетенного народа Мендишара было близким моему сердцу. Мы, американцы, всегда сочувствуем угнетенным, кем бы они ни были, покуда они сами дерутся с тиранами. Может, не очень христианская позиция,— но я разделяю ее с большинством моих соотечественников и, вероятно, с большей частью человечества.

Я проснулся в несколько более философском настроении.

Была надежда — слабая надежда. Помните, я рассказывал о чудесных изобретениях шивов? Ну, вот это и была моя надежда — что я смогу вступить в контакт с шивами и попросить у них помощи для нового пересечения времени и пространства — на этот раз не с планеты на планету, но из одного времени на Марсе в другое время на Марсе.

Я твердо решил отыскать шивов или члена этой расы, как только увижу успех Мендишарской революции. Я чувствовал себя завлеченным в нее, главным образом, потому, что ценил Хула Хаджи как близкого друга, и все, что он делал, представляло для меня интерес.

Вскоре после того, как я проснулся, раздался стук в дверь. Сквозь незастекленное окно струился солнечный свет, и в воздухе стоял сладкий свежий запах — знакомый мне дух марсианской деревни.

Я сказал, чтобы вошли. Это была служанка — синие женщины только на фут-другой меньше мужчин — с подносом горячей пищи. Это само по себе было сюрпризом, потому что южномарсианский завтрак обычно состоит из фруктов и соков.

Пока я уничтожал завтрак, вошел Хул Хаджи. Он улыбался. Поздоровавшись, он сел на кровать и разразился смехом. Смех его был заразителен, и я обнаружил, что улыбаюсь в ответ, хотя и не знал причины своего веселья.

— Что такое? — спросил я.

— Эта женщина, — ответил он, улыбаясь. — Сестра Морахи Ваджи — как ее зовут?

— Ора Лис?

— Она принесла мне завтрак утром.

— Это странно?

— Это очень любезно — хотя и редкий обычай среди нашего народа. Дело не столько в поступке, который я воспринял как комплимент, сколько в том, что она сказала.

— А что она сказала? — Тут я почувствовал беспокойство. Как я раньше упоминал, у меня есть какое-то шестое чувство, которое предупреждает меня о беде. Некоторые назвали бы это логикой подсознания, которая аккумулирует и выводит заключение из данных, никогда не достигающих сознательного центра.

— Короче, — провозгласил мой друг, — она сообщила мне, что знает, что наши судьбы взаимосвязаны. Я считаю, что она думает, что мне предстоит на ней жениться.

— А, увлечение, — произнес я, тем не менее все еще несколько встревоженный. — Ты — таинственный изгнанник, вернувшийся притязать на трон, а что может быть романтичнее этого? Какая девушка не ответит на это?

— Да, да, — кивнул он. — Поэтому я и не отнесся к этому объявлению серьезно. Не беспокойся, я был с ней достаточно вежлив.

Я задумчиво провел пальцами по подбородку, и вдруг сообщил, что давно не брился. У меня была порядочная щетина. Скоро мне придется что-нибудь предпринять на этот счет.

— Что ты сказал? — спросил я.

— Я сказал, что все мое внимание поглощает дело восстания и что я заметил, что она прекрасна... Это ведь так, тебе не кажется?

Я не ответил. Знаю, что всякая красота сравнительна, но, честно говоря, я не мог отличить прекрасную синюю великаншу двух с половиной метров от уродливой.

— Я сказал ей, что нам следует подождать, пока мы не узнаем друг друга получше, — посмеиваясь, продолжал мендишар. Я почувствовал некоторое облегчение, узнав, что мой друг вел себя столь тактично.

— Мудро сказано, — кивнул я. — Когда ты сядешь на престол, как Бради, будет время подумать о романах — или о том, как избежать их.

— Именно,— согласился Хул Хаджи. — Я не знаю, поймет ли она меня. Она скорее, мне кажется, воспримет это как объявление о моей собственной страсти, что немного меня беспокоит.

— Не волнуйся,— сказал я. — Каковы твои планы на сегодня?

— Мы должны подготовить послание всем килакам и оркилкам, созывающее их на всеобщую встречу здесь.

Эти два марсианские слова обозначали приблизительно лидера деревни и городка, суффикс «ак» обозначал человека, имеющего власть над своими собратьями, или, строго говоря по-марсиански, того, кто был уполномочен своими собратьями действовать в их интересах. «Кил» — обозначал маленькую общину, «оркил» — означал большую.

— Это необходимо,— продолжал Хул Хаджа,— для того, чтобы они сами увидели, что я именно тот, кем являюсь. А также для того, чтобы решить, когда нанесем удар и как расставим наших воинов.

— Сколько воинов, по твоим подсчетам, имеется в твоём распоряжении? — спросил я, умываясь холодной водой.

— Около десяти тысяч.

— А со сколькими приоза придется бороться?

— Около пяти тысяч, включая воинов не из приоза, но поддерживающих их. Приоза, конечно, намного лучше вооружены и обучены. У моего народа есть привычка сражаться, не подчиняясь командирам. Приоза дисциплинированы, но я не уверен, что мы то же можем сказать о воинах из деревень.

Я понял, что это была черта, которую мendiшары делили со своими арзгунскими кузенами. Арзгуны были объединены под началом архизлодейки Хоргулы — объединены, по большей части, из-за страха перед общим врагом — Зверем Наалом и суеверием.

— Это — еще одна причина, почему нужно мое присутствие,— сказал Хул Хаджи. — Они, как предполагает Морахи Ваджа, будут сражаться под началом наследного Бради, тогда как их пришлось бы обучать дисциплине, чтобы они слушались приказов всего лишь к и л а к а.

— Значит, Морахи Ваджа был прав. Ты незаменим в этом деле.

— Кажется, так, но это большая ответственность.

— Это — ответственность, к которой тебе придется привыкнуть,— уведомил его я. — Как Бради Мendiшара ты всю жизнь будешь нести тяжелую ответственность за свой народ.

Он вздохнул и улыбнулся мне.

— Есть некоторые преимущества в жизни у одинокого скитальца по диким краям, не так ли?

— Есть. Но если ты королевской крови, у тебя нет свободы выбора.

Он снова вздохнул и стиснул рукоять своего большого меча.
— Ты больше чем боевой спутник, Майкл Кейн. Ты друг с сильным характером.

Я схватил его за руку и посмотрел ему в глаза.

— Эти слова применимы и к тебе, Брадинак Хул Хаджи.

— Надеюсь, что так,— ответил он.

Г л а в а 3

ДОЛГ ХУЛА ХАДЖИ

Несколько дней спустя мы получили известие, что всем предводителям городков и деревень было передано указание и тайное собрание было намечено провести через три дня.

В это время мы составляли план действия и очень мало отдыхали. Хул Хаджи проводил много времени с Орой Лис. Как любой мужчина, он был польщен ее обожанием.

Я чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. При иных обстоятельствах все это могло произойти и со мной. Фактически, я не раз сам это делал в прошлом, хотя тогда на кон было поставлено куда меньшее.

Мне казалось, что Оре Лис дали веское основание думать, что на ее страсть ответили взаимностью, но я не мог найти способа предупредить друга.

Однажды я оказался с ней наедине и поговорил с ней.

Несмотря на то, что мне представлялся диковинным ее рост и странным казалось ее лицо, она показалась мне простенькой, бесхитростной и романтической девушкой. Я попытался завести разговор о Хуле Хаджи, сказал ей о его многочисленных обязательствах перед народом, что могут потребоваться годы, прежде чем он подумает о себе — и о том, чтобы взять себе жену.

Ее ответом на это был смех и пожатие плечами.

— Ты — мудрый человек, Майкл Кейн,— мой брат говорит, что твои советы очень им помогли — но я думаю, ты не так мудр в делах любовных.

Это поразило меня глубже, чем следовало бы, потому что мысли о моей собственной любимой Шизале всегда были со мной. Но я не отступил.

— Разве ты не думаешь, что Хул Хаджи может не испытывать к тебе такого сильного чувства, как ты к нему? — мягко спросил я.

Снова улыбка и легкий смех.

— Мы поженимся через два дня.

— Поженитесь! — разинул я рот. — Хул Хаджи мне ничего не говорил!

— Разве? Ну, тем не менее это так!

После этого я ничего не мог возразить, но твердо решил предупредить Хула Хаджи.

Я нашел его на северной стене деревни. Он глядел на прекрасные сине-зеленые холмы, обработанные поля, кормившие жителей деревни, и на большие алые цветы, росшие здесь в изобилии.

— Хул Хаджи, — обратился я без всяких предисловий. — Ты знаешь, что Ора Лис думает, что она через два дня обязательно выйдет замуж?

Он повернулся, улыбаясь.

— Вот как? Боюсь, что она живет в мире фантазии. Она таинственно сказала мне вечером, что если я встречу с ней у дерева вон там, — и он показал на северо-восток, — то исполнится то, что мы оба желаем. Тайный брак даже романтичнее, чем я предполагал.

— Но разве ты не понимаешь, что она искренне верит, что ты намерен пойти на свидание?

Он глубоко вздохнул.

— Да, я полагаю, так оно и есть. Я должен что-то предпринять на этот счет, не так ли?

— Должен — и быстро. Бедная девушка!

— Ты знаешь, Майкл Кейн, события последних дней привели меня в состояние чуть ли не эйфории. Я проводил время в обществе Оры Лис, потому что находил там вдохновение. И все же едва слышал то, что она мне говорила, и вряд ли я могу вспомнить хоть слово из того, что сказал ей. Дело зашло слишком далеко.

Солнце начало садиться, пронизывая синее небо красновато-желто-пурпурными прожилками.

— Ты сейчас пойдешь повидать ее? — Я описал ему, где она была.

Он устало кивнул.

— Нет. Лучше сделать это, когда будет утро.

Мы медленно вернулись в дом нашего хозяина. Мы увидели Ору Лис. Она быстро прошла дальше, задержавшись только, чтобы подарить Хулу Хаджи тайную улыбку.

Я был в ужасе. Я понял затруднительное положение моего друга и мог ему только посочувствовать. Теперь он должен был сделать то, что крайне неприятно каждому мужчине, — ввергнуть девушку в глубочайшее несчастье самым тактичным образом из всех возможных. Имея представление о таких ситуациях, я знал, что каким бы тактичным ни пытался быть мужчина, в результате как-то всегда получается так, что его неправильно поймут и девушка заплачет, отказываясь быть утешенной им. Многие женщины реагируют иначе, и, по правде говоря, ими-то я и восхищаюсь — женщинами вроде Шизалы, которая была женст-

венна настолько, насколько возможно, но с железной волей и силой характера, которым позавидовали бы многие мужчины.

Не то чтоб я не сочувствовал бедной Оре Лис. Очень даже сочувствовал. Она была молода, невинна — деревенская девушка без всякой умудренности моей Шизалы и без той жестокой тренировки, которую получают члены южно-марсианских царствующих домов.

Я сочувствовал им обоим. Но именно Хулу Хаджи приходилось выполнять свой неприятный долг. И я знал, что он его исполнит.

После того как я умылся и побрился специально заточенным ножом, одолженным мной у Морахи Ваджи, — у синих марсиан на теле нет волос, заслуживающих разговоров, — и влез в постель, меня наполнило чувство беспокойства, не покидавшее меня во сне. Я метался и ворочался всю длинную марсианскую ночь и утром чувствовал себя столь же несвежим, как и тогда, когда лег спать.

Поднявшись и ополоснувшись холодной водой, желая избавиться от чувства усталости, я съел принесенный мне служанкой завтрак, пристегнул свое оружие и вышел во двор дома.

Было прекрасное утро, но я не мог оценить его по достоинству.

В тот момент, когда я повернулся, чтобы отыскать взглядом Хула Хаджи, из дома вылетела Ора Лис. Слезы текли ручьем по ее лицу, она рыдала.

Я понял, что Хул Хаджи поговорил с ней и сказал ей правду — неприятную правду. Я попытался остановить ее, сказать ей несколько утешающих слов, но она молнией пронеслась мимо меня и выбежала на улицу.

Я сказал себе, что это к лучшему, что все произошло именно так, как я ожидал, что, будучи молодой, бедная девушка скоро оправится от своего несчастья и найдет другого молодого воина, на которого сможет излить страсть, бывшую столь явной частью ее характера.

Но я был неправ. Последовавшие за этим события показали, что я был крайне неправ.

Из дома вышел Хул Хаджи. Он шел медленно, опустив голову. Когда он поднял глаза и увидел меня, я заметил, что в них были боль и печаль.

— Ты сделал это? — спросил я.

— Да.

— Я видел ее — она пробежала мимо меня и не остановилась, когда я ее окликнул. Так было лучше всего.

— Я полагаю, что да.

— Она скоро найдет себе еще кого-нибудь, — попробовал утешить я его.

— Ты знаешь, Майкл Кейн,— со вздохом произнес он,— сделать то, что сумел сделать я, стоило мне куда больше, чем кажется. При других обстоятельствах я мог бы со временем полюбить Ору Лис.

— Наверное, ты еще сможешь, когда все это будет окончено.

— А не будет ли тогда слишком поздно?

Я вынужден был стать реалистом.

— Возможно,— согласился я.

Он, казалось, сделал усилие, пытаясь выбросить эту мысль из головы.

— Идем,— сказал он. — Мы должны поговорить с Морахи Ваджой. Ему следует узнать твои взгляды на построение развернутого строя солдат с секирами из Сала-Раса.

Если Хул Хаджи был в подавленном настроении, то у меня были самые дурные предчувствия.

Но на самом деле из этого вышло больше, чем мог предвидеть любой из нас.

Происшедшему суждено было изменить весь ход событий и ввергнуть меня в страшные приключения.

Ему было суждено принести многим смерть.

Г л а в а 4

ПРЕДАНЫ!

Наступил день большого собрания, а Ора Лис не вернулась, и поисковые партии, отправившиеся за ней, не обнаружили даже ее следов.

Мы все тревожились, но пришлось отвлечься от поисков из-за собрания.

Прибывали гордые килаки и оркилаки. Они пробирались тайком и в одиночку. Дозоры приоза всегда опасались больших групп людей, которые могли представлять угрозу.

Фермеры, купцы, объездчики дахаров — чем бы они обычно ни занимались, они, прежде всего, были воинами. Даже тирания приоза оказалась не в состоянии заставить сельских жителей сложить оружие. И они были вооружены до зубов.

На холмах были расставлены часовые, чтобы следить за дозорами приоза, хотя именно в этот день их и не ожидалось, по этой причине и было намечено собрание.

Там было более сорока мудрецов деревень и городов, все они выглядели в высшей степени заслуживающими доверия, их честность была высечена на их лицах. Как и независимость — независимость такого рода, которая предпочитает сражаться сама по себе и не полагаться на групповые усилия. Они относились ко всему с их обычной подозрительностью, однако несколько изме-

нили свое отношение к собранию, как только вошли в большую комнату, предоставленную для собрания в доме Морахи Ваджи. Они увидели там Хула Хаджи и сказали:

— Он словно вновь оживший старый Брадинак!

И этого оказалось достаточно. Не было никакого преклонения колен или рабского приветствия — они держались прямо. Но теперь в них была одна решимость.

Убедившись, что все уверились в тождественности Хула Хаджи, Морахи Ваджа достал большую карту Мендишара и повесил ее на стене. Он обрисовал нашу стратегию и предложил тактику при соответствующих условиях. Местные лидеры задали вопросы — очень продуманные и по существу, — и мы ответили им. Когда мы не могли сразу ответить конкретно, мы выносили вопросы на обсуждение.

С подобными людьми, подумал я, выступившими против беспечных приоза, захватить и вырвать у Джевара Бару похищенную им власть будет не так уж трудно.

Но чувство беспокойства не покидало меня. Я не мог избавиться от него. Я постоянно был настороже, опасливо оглядываясь вокруг, положив руки на меч.

В зал принесли обед, и мы послали, беседуя, потому что нельзя было терять времени.

В полдень общий разговор был окончен и обсуждались детали, как лучше всего использовать небольшие группы людей с боевым опытом, как использовать отдельных людей — местных чемпионов по метанию копий и так далее.

К вечеру большинство из нас было уверено, что в день нападения — через три дня — мы победим!

Но мы так и не произвели этого нападения.

Вместо этого на закате они напали на нас.

Они обрушились на деревню со всех сторон, они безнадежно превосходили нас в численности и вооружении.

Они пошли в атаку верхом на дахахах, сверкая доспехами в умирающем свете солнца — с развевающимися плюмажами, с блестящими копьями, щитами, мечами, булавами и топорами.

Шум был ужасающий, его дополнял вой кровожадных людей, наслаждавшихся предвкушением стереть с лица земли деревню, мужчин, женщин и детей.

Это был крик росوماхи, добравшейся до горла человека. Это был крик, предназначенный вселить ужас в сердца женщин и детей. Он вселил страх и в сердца храбрых мужчин. Это был крик безжалостный, злорадный и победоносный.

Это был крик человека-охотника на человека-личь.

Мы увидели их скачущими по улицам и разящими все, что передвигалось. Жестокое веселье было на их лицах, оно не под-

дается описанию. Я видел, как погибла женщина, прижимающая к себе ребенка. Ее голова была отрублена, а ребенок был насажен на пику. Я увидел мужчину, пытавшегося защититься от четырех всадников и павшего с воплем ярости и ненависти.

Это был кошмар.

Как это случилось? Было ясно, что нас предали. Это были приоза, вне всякого сомнений.

Мы выступили на улицы, стоя плечом к плечу, и встретили налетевших на нас диких всадников.

Это был конец всему. С нашей смертью народ останется без лидеров. Даже если некоторые спасутся, их будет недостаточно для того, чтобы поднять восстание сколь-нибудь приличных масштабов.

Кто же нас предал?

Я не мог понять этого. Конечно же, один из этих деревенских вождей, людей гордых и честных, даже сейчас гибнущих в атаке приоза.

Пока мы сражались, наступила ночь — но не было темноты, потому что поле битвы освещали подожженные дома.

Если у меня и были сомнения, что Хул Хаджи преувеличил жестокость тирана и его избранных сторонников, то они быстро рассеялись. Никогда я не видел такого садизма, демонстрируемого одной частью расы по отношению к другой.

Память об этом все еще в глубине моей души. Никогда я не забуду той ужасной ночи — хотя хотел бы забыть.

Мы сражались, пока не устали. Один за другим храбрецы Мендишара пали в лужи собственной крови, но не раньше, чем убив многих отлично экипированных приоза!

Я встречал сталь сталью. Мои движения стали почти механическими — оборона и атака, блокировать выпад или удар, отразить его, нацелить собственный выпад или удар. Я чувствовал себя машиной. События выбили из меня на время всякие другие чувства.

Только позже, когда немногие из нас остались в живых, я осознал, что Хул Хаджи и Морахи Ваджа, стоявшие слева от меня, ведут громкий разговор.

Морахи Ваджа убеждал моего друга бежать. Но Хул Хаджи отказывался спастись бегством.

— Ты должен спастись — это твой долг!

— Долг! Мой долг сражаться вместе с моим народом!

— Твой долг — это снова отправиться в изгнание. Ты — наша единственная надежда. Если тебя сегодня убьют или возьмут в плен — погибло все наше дело. Спасайся, и другие придут, чтобы занять место погибших сегодня.

Я сразу понял логику Морахи Ваджи, и присоединился к его просьбе. Кроме этого, мы должны были сражаться, не прекращая спора. Это была оригинальная сцена.

В конечном итоге Хул Хаджи понял, что мы правы, что он должен уходить.

— Но ты должен отправиться со мной, Майкл Кейн. Мне понадобятся твои утешения и твои советы.

Бедняга, он был не в себе и мог сделать что-нибудь опрометчивое. Я согласился.

Шаг за шагом, мы отступили туда, где двое воинов с мрачными лицами держали для нас одров.

Скоро мы скакали прочь из разоренной деревни, но мы знали, что приоза окружают этот район, они наверняка ожидали от нас чего-нибудь подобного.

Я оглянулся и почувствовал ужас!

Маленькая группа защитников стояла плечом к плечу как раз перед домом Морахи Ваджи. Повсюду вокруг были убитые — убитые обоих полов и всех возрастов. Из некогда прекрасных домов с мозаикой вырывались языки пламени. Это была сцена из Босха или Брейгеля — картина Ада.

Тут я обратил внимание на двух несущихся к нам всадников.

Я не такой человек, чтобы легко прийти к ненависти, но этих приоза я возненавидел.

Я обрадовался возможности убить двух из тех, которые набросились на нас. Теплой окровавленной сталью мы стерли усмешки с их лиц.

С тяжелым сердцем мы поскакали дальше, прочь от этого места жестокости.

Мы скакали, пока могли держать глаза открытыми, до наступления холодного утра.

Вот тогда мы увидели остатки лагеря и лежащую ничком на дерне фигуру.

Приблизившись, мы узнали ее. Это была Ора Лис

С криком удивления Хул Хаджи спешил. Он опустился на колено рядом с женщиной. Когда я присоединился к нему, то увидел, что Ора Лис была ранена. Она была проткнута мечом.

Но почему?

Хул Хаджи поднял на меня взгляд, когда я встал по другую сторону от лежащей девушки.

— Это слишком много, сперва то,— проговорил он пустым голосом,— затем это.

— Это работа приоза? — спокойно спросил я.

Он кивнул, проверяя ее пульс.

— Она умирает,— сказал он. — Просто чудо, что она так долго прожила с такой раной.

Словно в ответ на его голос, веки Оры Лис затрепетали и глаза открылись. Они были остекленевшими, когда она увидела Хула Хаджи.

Из горла девушки вырвались сдавленные рыдания, и она проговорила с трудом, почти шепотом.

— О мой Бради!

Хул Хаджи погладил ей руку, пытаясь понять ее слова. Он винил себя в этой трагедии.

— Мой Бради, я сожалею!

— Сожалеешь? Не тебе, Ора Лис, следует испытывать сожаление, а мне,— проговорил Хул Хаджи.

— Нет! — Ее голос приобрел силу. — Ты не понимаешь, что я наделала. Есть ли у вас время?

— Время? Время для чего? — Хул Хаджи был озадачен, хотя в моей голове начало что-то проясняться.

— Время удержать приоза.

— От чего?

Ора Лис закашлялась, и кровь выступила на ее губах.

— Я сказала им, где ты находишься...

Тут она попыталась приподняться.

— Я сказала им, где ты был, неужели ты не понимаешь? Я рассказала им о собрании. Я была без ума. Это из-за моего горя. О...

Хул Хаджи снова посмотрел на меня глазами, полными несчастья. Теперь он понял: Ора Лис предала нас, отомстила Хулу Хаджи за то, что он отверг ее.

Он посмотрел на нее. То, что он сказал ей тогда, запомнилось мне навсегда. Он показал ей, что был человеком в полном смысле этого слова — человеком, наделенным силой и жалостью.

— Нет,— сказал он. — Они ничего не сделают, мы предупредим деревню сейчас же.

Она умерла, больше ничего не сказав. На ее губах была улыбка облегчения.

Мы похоронили родившуюся под несчастной звездой девушку в глинистой почве холмов. Мы не отметили ее могилы. Что-то в нас, казалось, приказало не делать этого — хороня Ору Лис, мы словно пытались похоронить весь этот трагический эпизод.

Это было, конечно, невозможно.

* * *

В тот же день к нам присоединились еще несколько спасающихся бегством мендишаров. Мы узнали, что приоза охотились за всеми уцелевшими, что они буквально шли по следам спасшихся воинов. Мы также узнали, что был взят несколько пленных,

хотя уцелевшие не могли назвать их, и что деревня была стерта с лица земли.

Один из городских представителей, воин среднего роста, звавшийся Кал Хира, сказал, когда мы скакали:

— Хотел бы я знать, кто нас предал. Я ломал над этим голову, но не могу найти никакого объяснения.

Я быстро взглянул на Хула Хаджи, а он на меня. Наверное, в этот момент — хотя может быть и раньше — мы вступили в молчаливое соглашение: ничего не говорить об Оре Лис. Пусть это останется тайной. Истинными злодеями были приоза. Остальные — жертвами судьбы.

Мы вообще не ответили Калу Хире. А он больше не говорил на эту тему.

Никто из нас не был расположен говорить.

Холмы уступили место равнине, а равнина — пустынной местности. Мы бежали, потерпев поражение от приоза.

Они не поймали нас, но, конечно, стремились к нашей смерти.

Г л а в а 5

БАШНЯ В ПУСТЫНЕ

Губы Кала Хиры были распухшими, но твердо сжатыми, когда он осматривал пустыню.

Это была именно пустыня — не голая пустыня с потрескавшейся землей и камнями, а черный песок, который шевелился под непрекращающимся ветром и двигался, словно живой.

Мы больше не находили луж с солоноватой водой, не знали даже приблизительно, где находимся, кроме того, мы по-прежнему двигались на северо-запад.

Наши крепкие одры ослабели, как и мы. Небо здесь было безоблачным, а солнце — пульсирующим обжигающим врагом.

Пять дней мы бессцельно ехали по пустыне. Наш разум был ошеломлен неожиданным поворотом событий в деревне. Мы все еще были деморализованы, и если мы не сумеем вскоре найти воду, то погибнем. Наши тела покрылись черным песком пустыни, мы качались в седлах от слабости.

Нельзя было ничего делать, кроме как двигаться дальше, продолжая безнадежный поиск воды.

Был шестой день, когда Кал Хира свалился с седла. Он не издал ни звука, когда мы подъехали помочь ему. Мы обнаружили, что он мертв.

На следующий день умерли еще двое. Помимо Хула Хаджи и меня самого, в живых осталось еще трое, если живые — то слово, которое можно употребить в данном случае. Это были Джил Дира, Вас Ула и Бак Пури. Первый был крепким воином, более немного-

словным, чем его собратья, и очень низкорослым для мэндишара. Двое других были высокими молодыми людьми. Бак Пури начал первым показывать признаки недомогания. Я не мог его винить — очень скоро это палящее солнце всех нас должно было свести с ума, даже если оно не убьет нас совсем.

Бак Пури начал что-то бормотать, и глаза его странно вытаращились. Мы делали вид, что не замечаем, частично из-за него, частично из-за самих себя. Его состояние, казалось, пророчило то положение, которого мы все достигнем.

И тогда мы увидели башню.

Я не видел ничего подобного ей на Марсе. Хотя она была разрушена и казалась невероятно древней, на ней не было и следа эрозии. Ее разрушение, казалось, было результатом бомбардировки, в ее верхних секциях были огромные дыры, пробитые на определенном этапе ее истории.

Башня предоставляла убежище, так как не было ничего другого. К тому же свидетельствовала о том, что некогда здесь было поселение, а где было поселение, там могла быть и вода.

Достигнув башни и коснувшись ее, я был поражен: она состояла не из естественного камня — по крайней мере, не из того, что я мог бы узнать. Она, казалось, была сделана из чрезвычайно прочного пластика, такого же крепкого, как сталь, — крепче, наверное, раз она выдержала всякого рода повреждения от способствующего коррозии песка.

Мы вошли, и мои спутники вынуждены были пригнуться. Песок набился в башню, но в ней было прохладно. Мы повалились наземь и, ни слова не говоря, почти сразу же уснули.

Первым проснулся я. Это было, вероятно, потому, что я еще не привык к длинной марсианской ночи.

Заря едва взошла, и я еще чувствовал себя усталым, хотя и посвежевшим.

Даже в том состоянии, в каком я был, я испытывал чувство любопытства относительно башни. Примерно в четырех метрах от моей головы был потолок, но никаких средств добраться до верхнего этажа, который определенно должен находиться там, я не видел.

Оставив спящих спутников, я принялся обследовать окружающую нас пустыню, пытаюсь отыскать признаки находящейся под песком воды.

Я был уверен, что найду воду.

Мои глаза уловили выпуклости в песке. Это не могло быть дюной. Раскопав песок, я увидел, что это стена, сделанная из того же материала, что и башня. Однако когда я разгреб песок, то увидел, что стена окружает поверхность из того же странного материала. Я не мог уразуметь цели этого сооружения. Оно было

выложено в совершенный квадрат около девяти метров в попечнике. Я пошел к противоположной стене.

Я был недостаточно осторожен, или, вернее, слишком измотан, потому что вдруг, ступив одной ногой на песок, потерял равновесие и упал вниз. Я приземлился запыхавшийся и помятый. Перекатившись на спину и посмотрев вверх, я увидел, что надо мной круглая дыра, сквозь которую просачивался дневной свет. Дыра, казалось, проделана тем же оружием, которое изуродовало башню. Была сделана попытка залатать ее, и именно через эту самодельную заплату надудло песок. Через нее-то я и провалился.

Заплата была тонкая, лист легкого пластика. Снова я не смог узнать материал, из которого это было сделано, хотя, не являясь химиком, не могу сказать, получено ли это вещество на Земле или нет. Однако, подобно башне, он говорил о развитой технологии, которой не обладала ни одна из марсианских рас, с которыми я вступал в контакт.

Усталость покинула меня. Меня осенило. Идея, пришедшая мне в голову, признаться, касалась не моих спутников наверху, а меня одного.

Не было ли это обиталищем шивов? Если так, то мог быть шанс, что я сумею вернуться на Марс того века, который мне нужен, в котором живет моя Шизала.

Я выплюнул жесткий песок изо рта и поднялся. Помещение было почти безликим, хотя, когда мои глаза привыкли к мраку, я разглядел маленькую панель на противоположной стене. Исследуя ее, я увидел, что она состояла из полдюжины кнопок. Моя рука потянулась. Что случится, если я нажму одну из них? Случится ли вообще что-нибудь? Может быть, это было маловероятно — все же рука, залатавшая крышу, могла поддерживать жизнь в любых механизмах. Было ли это место заселено? Я был уверен, что из этой комнаты можно было открыть ход в другие. Это было логичным. Если тут были кнопки управления, то были и механизмы.

Я наугад нажал кнопку. Результат был довольно разочаровающим, потому что все, что случилось, — это зажегся тусклый свет, заполнивший камеру, исходящий из самых стен. Этот свет открыл еще кое-что — тонкую прямоугольную линию рядом с панелью, говорящую о двери. Я был прав.

Прежде чем исследовать дальше, я осторожно вернулся к пролому и услышал голоса. Определенно мои спутники проснулись, заинтересовались моим отсутствием и пошли меня искать.

Я откинул их.

Вскоре я увидел надо мной удивленное лицо Хула Хаджи.

— Что ты нашел там, Майкл Кейн?

— Наверное, наше спасение,— ответил я с приличной имитацией улыбки. — Спускайся и приведи других — сами увидите, что я обнаружил.

Вскоре Хул Хаджи прыгнул в камеру, вслед за ним Джил Дира и Вас Ула. Последним вниз махнул Бак Пури, выглядевший очень подозрительно и все еще безумно.

— Вода? — прохрипел Бак Пури. — Ты нашел воду?

Я покачал головой.

— Нет, но, наверное, теперь мы ее найдем.

— Наверное! Наверное! Я умираю!

Хул Хаджи положил руку на плечо Бака Пури.

— Успокойся, друг. Имей терпение.

Бак Пури облизал свои распухшие губы и погрузился в мрачную задумчивость. Только глаза его продолжали бегать из стороны в сторону.

— Что это? — Джил Дира махнул в сторону кнопок.

— Одна из них зажгла свет,— ответил я. — Я предполагаю, что другая откроет эту дверь, но не знаю какая.

— А что находится за дверью? — вставил Вас Ула.

Я покачал головой. Затем протянул руку и нажал другую кнопку. Камера начала слегка вибрировать. Я поспешно выключил эту кнопку, и вибрация прекратилась. Нажатие третьей кнопки не вызвало какого-либо результата. Четвертая взвизгнула, заскрежетала и открыла дверь, которая ушла в стену направо.

В первый момент, вглядываясь в отверстие, мы не увидели ничего, кроме крошечной тьмы, и почувствовали на своих лицах холодный воздух.

— Кто, по-твоему, создал это место? — прошептал я Хулу Хаджи. — Шивы?

— Да, это могли быть шивы. — Он, кажется, был не уверен.

Я протянул руку внутрь и нашел панель, которая, как следовало логике, соответствовала панели в камере, где я стоял.

Я нашел соответствующую кнопку, и свет залил следующее помещение.

Там не было никакого песка. Оно было примерно той же формы, что и то, где мы находились, но на одной стороне в стене были установлены большие сферические объекты. Под ними располагался явно пульт управления.

А на полу лежал скелет.

Увидя останки того, что явно было Синим Гигантом из мэндишар, Бак Пури издал пронзительный крик и показал на кости трясущимся пальцем.

— Знаменит! Он тоже был любопытен. Он был убит. Здесь действует сверхъестественная сила!

Притворяясь безмятежным, я шагнул в камеру и нагнулся к скелету.

— Чепуха,— возразил я, схватив и выпутав из останков копье с коротким древком.

— Он был убит вот этим. — Я протянул копье. Оно было легким и прочным, сделанным целиком из одного куска, опять из этого ненатурального материала.

— Я не видел ничего подобного в своей жизни,— сказал Джил Дира, присоединяясь ко мне и с любопытством разглядывая оружие. — И гляди — эти символы, выгравированные на древке. Они на языке, который я не знаю.

Я тоже не признал в языке основного наречия Марса. Однако в чем-то было слабое сходство — очень слабое — с древним санскритом. Форма письма была та же самая.

— Что это, ты не знаешь? — спросил я, передавая копье Хулу Хаджи.

Он оттопырил губы.

— Я не видел ничего подобного в своих странствиях. Оно похоже на письмо шивов, но не совсем.

Его рука дрожала, когда он вернул мне копье.

— Тогда что же это? — нетерпеливо осведомился я.

— Это...

Тут раздался до озноба пульсирующий звук. Он был высоким и сверхъестественным — своего рода шепот, эхом раскатившийся по камере, где мы стояли,— он шел из глубины подземного комплекса.

Это был один из самых отвратительных звуков, какие я когда-либо слышал в своей жизни. Он, казалось, подтверждал полубезумные предположения Бака Пури о сверхъестественных обитателях данного места. Вдруг из убежища подземная камера превратилась в место, полное страха и ужаса, которые трудно было контролировать.

Моим первым импульсом было бежать, и в самом деле, Бак Пури пробирався потихоньку к двери, через которую мы вошли. Другие были менее решительны, они явно разделяли мои чувства.

Я рассмеялся — или попытался, в результате чего вышел несвеселый хрип,— и сказал:

— Да бросьте, это не древнее место. Звук могло издавать животное, обитающее в этих развалинах; причиной ему могли быть механизмы, или даже проходящий сквозь камеры ветер.

Я не верил ни одному сказанному мной слову, да и они тоже.

Я изменил подход.

— Ну,— бросил я, пожав плечами,— что будем делать? Рискнем подвергнуться опасности, которая может быть вовсе не опасностью, или пойдём в пустыню? Это будет медленная смерть.

Бак Пури остановился. Остатки его прежней силы воли, должно быть, пришли к нему на помощь. Он расправил плечи и вновь присоединился к нам.

Я прошел мимо скелета и нажал кнопку, открывшую следующую дверь.

На этот раз дверь открылась гладко, и я быстро нашел кнопку, чтобы осветить третью комнату. Эта была побольше.

В некотором смысле, она утешила меня, потому что была полна машин. Конечно, я не дознался до функций этих машин, но мысль, что их должен был создать высокий интеллект, была сама по себе утешающей. Как ученый, я мог оценить проделанную работу. Это было работой обыкновенных, умных людей — а не созданием сверхъестественных существ.

Если обитатели все еще жили в этом голландском сыре из комнат, значит они были народом, к логике которого можно взывать. Наверное, они отнесутся к нам с некоторой враждебностью, наверное, они обладают превосходным оружием, но они, по крайней мере, будут осязаемым врагом.

Так я и думал.

Мне следовало бы понять, что был изъян в аргументе, который я столь рационально давал себе, чтоб утихомирить свое беспокойство.

Мне следовало бы понять, что слышимый мной звук был злорадным по содержанию. В нем не было ни искорки истинного разума.

Мы двинулись дальше, из комнаты в комнату, открывая новые машины и большие шкафы с материалами; ткань, похожую на парашютный шелк; контейнеры с газами и химикатами; прочные мотки шнура, схожего с нейлоновым, но даже более прочного; лабораторное оборудование, используемое для экспериментов с химикатами; электронику и тому подобное, части машин, вещи, которые явно были какого-то рода энергонакопителями.

Чем дальше мы углублялись в огромный комплекс камер, тем меньше порядка было в обнаруженных нами вещах. В первых камерах они были аккуратно разложены и расставлены, но после мы видели и развернутые контейнеры, раскрытые шкафы с разнообразным содержанием. Не посетили ли это место грабители, один из которых лежал в первой комнате?

Не знаю, какая это была камера, наверно тринадцатая, открытая мной обычным путем. Я протянул руку, чтобы нажать на кнопку и почувствовал, что к ней прикоснулось что-то мягкое и влажное. Это было ужасающее прикосновение. Ахнув, я вытянул руку и повернулся к своим спутникам, чтобы сказать, что случилось.

Первос, что я увидел, это было лицо Бака Пури, широко раскрытые глаза, полные ужаса.

Он указывал в камеру. Из его горла вырвался приглушенный звук. Он уронил руку и нащупал меч.

Руки других тоже потянулись к мечам.

Я обернулся — и увидел их.

Белые фигуры. Наверное, некогда они были людьми. Больше они людьми не были.

С чувством ужаса и отчаяния я тоже выхватил свой меч, понимая, что никакое обыкновенное оружие не могло защитить меня от призраков, двигавшихся к нам из темноты.

Г л а в а 6

НЕКОГДА БЫВШИЕ ЛЮДЬМИ

На сей раз Бак Пури не побежал.

Его лицо по-особенному исказилось. Он сделал полшага назад, а затем, прежде чем мы смогли его остановить, бросился в темную комнату прямо на трупно-белых созданий.

Они заверещали и на миг отпрянули, ужасный чирикающий звук, словно шум летучих мышей, заполнил воздух и раскатился по комплексу камер.

Меч Бака Пури рубил влево-направо, вверх-вниз, отрубая конечности, протыкая животы, пронзая неестественно мягкие, липкие тела.

А затем он, как по волшебству, покрылся массой подобных. Он взвыл от боли и бешенства, когда дротики, вроде того, что мы видели раньше, впились во все части его тела, так что невозможно было различить самого человека.

Он с грохотом упал.

Видя, что эти твари, во всяком случае, смертны, я решил, что нам следует воспользоваться преимуществом атаки Бака Пури и, размахивая мечом, прыгнул вперед, крикнув:

— Вперед — их можно убить!

Их можно было убить, но сами они уклонялись от ударов, а их вид вызывал физическое отвращение. Я пошел в атаку и скоро оказался в массе мягкой податливой плоти, которая представлялась бесконечной.

А лица! Они были определенно пародиями на человеческие лица, и опять же, они ничего столь сильно не напоминали, как уродливых маленьких летучих мышей — вампиров Земли. Плоские лица с огромными ноздрями прямо в голове, разрез ртов, полный мелких острых клыков, полуслепые глаза, злые и бессмысленные.

Когда я сражался с их когтями, с их острыми зубами и копытами, я заметил, что они постепенно отступают в стороны, беспорядочно вереща и стрекоча.

Я был неправ на их счет, на их лицах не было и следа разумности — только демоническая жажда крови, темное злорадство, ненависть, ненависть, ненависть, но отнюдь не разум.

Мои спутники стояли плечом к плечу, спиной к спине, когда эти твари вновь бросились на нас.

Когда мы увидели, что наши мечи оказали на них должное воздействие и фактически отправили на тот свет дюжины три этих существ, это вызвало у нас подъем духа.

Вскоре вампиры обратились в бегство, оставив только раненых, дергающихся на полу. Мы добились их. Ничего другого мы не могли делать. Мы попытались преследовать остальных через дверь напротив, но она быстро закрылась, и когда мы обнаружили и открыли ее, твари ушли дальше в комплекс.

Кнопка света сработала и осветила нам мертвых тварей.

Бак Пури в своем безумии несомненно помог нам спасти свою жизнь. Атаковав этих тварей, он принял на себя большую часть их дротиков.

Эти обитатели подземного комплекса были немного ниже меня ростом и, казалось, хотя это было маловероятным, едва ли вообще обладали каким-либо скелетом. Наше оружие резало плоть и мускулы, выпускало кровь — если жидкую желтую субстанцию, испачкавшую наши мечи, можно было назвать кровью, — но не встречало сопротивления костей.

Сдерживая себя, я принялся изучать трупы поближе. Я увидел, что своего рода скелет все-таки был, но кости были такими тонкими и хрупкими, что походили на тонкую проволоку из слоновой кости.

От какой странной ветви, отклонившейся от дерева эволюции, произошла эта раса?

Я повернулся к Хулу Хаджи.

— Что это за раса? — спросил я. — Почему ты не говорил о ней раньше?

— Это не шивы, — произнес он с легкой иронической гримасой. — И не якша. Я думал, что это якша, до того, как увидел их. Эти жалкие твари не представляют никакой угрозы для здравого смысла!

— Так значит, ты думал, что они были расой, которая называет себя якша? Почему?

— Потому что язык на копьях и на их инструментах и на шафах — письменный язык якша.

— А кто такие якша? Я, кажется, помню, ты упоминал о них. Кто они такие?

— Они были. Наверное б ы л и лучшее слово, потому что они теперь существуют только в слухах и суеверных преданиях. Они родственники шивам. Разве ты не помнишь, что я тебе рассказывал о них, когда мы впервые встретились?

— Теперь что-то вспоминаю! Конечно же — более древняя раса, та самая, что сманила арзгунов уйти из Мендишара, во время войны, называемой Величайшей Марсианской Войной.

— Я думаю, это, должно быть, потемки якша, однако, — продолжал Хул Хаджи, — потому что, если то, что мне говорили, было правдой, они имеют легкое сходство с этой расой. Они, вероятно, существовали здесь внизу множество веков, помня то, — несомненно в ритуальной форме, — что надо поддерживать механизмы в действии и надо защищать это место от посторонних. Мало-помалу они потеряли всякий разум, и заметьте, кажется, предпочитают свету тьму, хотя свет для них доступен. Это подходящая судьба для остатков дурной расы.

Я содрогнулся. Я мог на свой лад почувствовать сострадание по отношению к созданиям, которые некогда были людьми.

Тут меня осенило.

— Ну, — произнес я, несколько повеселев, — чем бы они ни были биологически, они должны нуждаться в воде. Это значит, что скоро здесь мы найдем то, что нам нужно.

Наша жажда, казалось, несколько уменьшилась с находкой подземных камер, но бой еще больше ослабил нас, и вода стала нам необходимой.

Осторожно, но с большей уверенностью, что можем встретить и нанести поражение любым нападающим на нас белым тварям, мы двинулись дальше, пока не вошли в камеру побольше остальных, в которой было немного естественного света.

Подняв взгляд, я увидел, что свет исходил из купола потолка, намного более высокого, чем потолки большинства пройденных помещений. Сквозь трещины в потолке просочился песок, но на полу его было мало.

И тут я услышал...

Звук капель, звук всплеска. Сперва я подумал, что жажда свела меня с ума, но потом мои глаза привыкли к мраку, я увидел фонтан в центре камеры. Большой бассейн прохладной воды!

Мы двинулись вперед и осторожно попробовали его содержимое, прежде чем пить. Вода была чистой и свежей.

Мы пили, не торопясь, увлажняя все тело и стоя по очереди в карауле, на случай любой возможности атаки местных тварей.

Освежившись и прибодрившись духом, мы наполнили свои поясные фляги. Пробка мой застряла из-за набившейся пыли, и я достал нож для снятия шкур — нож, который носил каждый марсианин. Он наполовину скрыт в украшениях на коже ремней,

так что если владелец его будет захвачен врагом врасплох, враг может не заметить нож и тем самым дать пленному шанс бежать. Я высвободил пробку, а затем вернул нож в потайные ножны на моей портупее.

А теперь что?

У нас не было ни малейшего желания исследовать оставшиеся помещения. На данный момент мы навидались достаточно. Мы, однако, приняли меры предосторожности, сходяв к двери, через которую, несомненно, бежали белые твари и завалили ее, как могли, песком и осыпавшейся кладкой.

Вслед за тем я сошел по лестнице, состоявшую из воткнутых в стену перекладин, ведущую к потолку, где вокруг камеры тянулась узкая галерея, до самого того места, где начинался купол. Она была достаточно большой, чтобы выдержать меня, и определенно была предназначена для использования рабочими, ремонтирующими или украшающими купол.

Кусок материала поддался под моей рукой, он был разъеден коррозией и скоро вообще обвалился бы. Он был прозрачным, чтобы пропускать свет в камеру с фонтаном. Вероятно, это было центральным залом для отдыха, когда якша были нормальными и человекоподобными. Купол был запланирован, скорее всего, для украшения. Поэтому, должно быть, он скоро и обвалится. Когда же это случится, в зал нанесет песок, фонтан будет забит, и я не думаю, что у обитателей подземного города хватит ума выгрести песок или, если уж на то пошло, отремонтировать купол.

Похоже, тут раньше происходил ремонт, но, полагал я, это были более разумные предки нынешних жителей.

Я вернулся на землю, в моей голове медленно формировалась идея.

В основе своей купол был где-то около девяти метров в поперечнике, достаточно пространство, чтобы пройти крупному объекту.

— Почему у тебя такой задумчивый вид, друг мой? — спросил Хул Хаджи.

— По-моему, я нашел выход.

— Из этого места? Мне кажется, нам нужно вернуться по своим следам.

— Или пробить ход сквозь крышу, если уж на то пошло, — добавил я. — Она очень тонкая — изъедена снаружи песком. Но я имел в виду выход из нашего главного затруднительного положения — выход из пустыни.

— Ты нашел где-нибудь карту?

— Нет, но я нашел много других вещей. Все это материальные остатки великой цивилизации — прочная, воздухонепроницаемая

ткань, шнур, контейнеры с газом. Я надеюсь, в них еще есть газ и притом такой, который мне нужен.

Хул Хаджи был совершенно ошарашен.

Я улыбнулся. Другие смотрели на меня, словно я последовал примеру Бака Пури и терял контроль над своим разумом.

— Этот купол по какой-то причине подал мне мысль, — пояснил я. — Мне пришло в голову, что если б у нас был летучий корабль, мы могли бы в два счета пересечь пустыню.

— Летучий корабль! Я слышал о таких вещах — по-моему, у некоторых южных рас имеется несколько таких. — Это вступил в разговор Джил Дира. — Ты нашел его?

— Нет. — Я покачал головой, глубоко задумавшись.

— Тогда зачем говорить о таких вещах? — резко проговорил Вас Ула.

— Потому что я думаю, что мы сможем сделать его, — сказал я.

— Сделать? — улыбнулся Хул Хаджи. — Мы не обладаем знаниями древних рас. Это невозможно.

— У меня есть кое-что из технических знаний, — ответил я, — хотя явно куда меньше, чем некогда имелось у этой исчезнувшей расы. Я и не думаю строить столь сложное воздушное судно, как у них.

— Тогда что же?

— Примитивный воздушный корабль, я думаю, можно построить.

Трое синих людей молча разглядывали меня все еще с подозрением.

Для воздушного судна, которое я рисовал в своем уме, не было в марсианском языке подходящего слова. Я использовал английское слово, заимствованное у французов.

— Он будет называться д и р и ж а б л ь, — сообщил я.

Я принял за чертить на песке, объясняя принцип построения дирижабля.

— Нам нужно будет сделать мешок для газа из найденного нами в камерах материала, — сказал я. — Будут, конечно, трудности, для начала мешок должен быть воздухонепроницаемым. С него мы подвесим канаты, соединенные с гондолой — это будет та штука, в которой мы полетим.

К тому времени, когда я кончил говорить и чертить, люди из Мендишара большей частью поверили мне — что было замечательно, учитывая, что они вышли главным образом из нетехнического общества. Снова я испытал широту марсианского ума, который в самый короткий срок можно было обучить любой концепции, если объяснить ее в достаточно логичных понятиях. Они были древней расой и имели перед собой еще более древний пример

шивов и якша, показывающий им, что то, что часто казалось невозможным, необязательно должно таковым являться.

Мы вернулись в подземные камеры, выбирая нужное нам.

Я не был уверен, что среди контейнеров, занимавших несколько комнат, будет найден н у ж н ы й газ. Решив рискнуть жизнью, я стал нюхать каждый газ. У контейнеров имелись еще превосходно действующие клапаны.

Некоторые из газов были мне неизвестны, но ни один не оказался особенно ядовитым, хотя некоторые вызвали у меня головокружение.

Наконец, я нашел нужный мне набор контейнеров. В них содержался газ с атомным номером 2, символом Н, атомным весом 4.0023, газ, получивший свое название от греческого слова, обозначавшего Солнце, — гелий. Невоспламеняющийся и очень легкий, он был тем, что я искал. Превосходный газ для моего баллона.

Поиск стал интенсивным после того, как я удостоверился, что основные нужные нам вещи тут имелись — легкая ткань, газ, канаты. Вслед за тем я принялся обследовать найденные нами моторы. Я не разбираю их, поскольку догадался, что у них была атомная основа, энергия исходила из крошечного атомного двигателя. Но я выяснил, как они действуют, и увидел, что их будет очень просто присоединить к пропеллерам.

Пропеллеров, однако, никаких не было. Не попадалось ничего, что послужило бы пропеллерами. Их придется изготовить.

Нашим следующим великим открытием было обнаружение машины, которую можно было включить и заставить выдавать секции жесткого легкого синтетического материала, из которого многое было построено в этом комплексе. Машина была большой и определенно связанной с невидимым резервуаром.

Это было благо для нас. Спереди на панели надо было делать чертеж, требовавшийся для пользования. Нужно было сделать план — вид спереди, вид сбоку и вид сверху. Размер требовавшегося предмета был избран, кнопки нажаты — и через несколько минут часть выпала в противень, лежащий под главной машиной.

Мы могли иметь столько пропеллеров, сколько нам требовалось. В самом деле, мы могли и нашу гондолу изготовить на заказ. Я тогда не хотел, чтобы у меня появилось время для прогулки по этому фантастическому городу в поисках того, что же все-таки питало его энергией, какой синтез элементов производил сверхпрочный пластик, как работала машина... Я твердо решил вернуться, как только смогу, привести с собой людей, которых можно будет обучить работать со мной над проектом, конечной целью которого будет извлечение из города всех его секретов, корреляция информации, анализ машин и материалов.

Когда это случится, на Марсе наступит новый век.

Пока же мы упорно работали, принося нужные нам вещи в зал с куполом, где, помимо всего прочего, мы находились поблизости от запасов воды.

Мы также нашли обезвоженные продукты в воздухонепроницаемых контейнерах. Пища была безвкусной, но питательной.

Когда дирижабль начал обретать форму, наш дух поднимался все выше и выше.

В течение всего этого времени мы не забывали заботиться о своей внешности. Я сделал правилом регулярно бриться, хотя единственным зеркалом, что я сумел найти, был огромный рефлектор величиной с меня, который я кое-как приволок в камеру с куполом просто для того, чтобы использовать как зеркало для бритья.

Пока Джил Дира и Вас Ула работали над баллоном, мы обнаружили, что давление теплой человеческой руки на ткань соединяло ее, облегчая создание газового мешка. Мы с Хулом Хаджи забрались на стену и принялись за восстановление разрушенного природой купола.

Для того, чтобы местные обитатели могли продолжить жить — если это было жизнью, — мы соорудили своего рода заплату, крышку, которую можно было подогнать на место купола, чтоб помешать песку набиться внутрь и засыпать фонтан.

Вскоре к клапану газового мешка были присоединены баки с гелием, и наша четверка следила, как медленно наполнялась большая гора ткани.

Мы еще не подогнали приводные ремни к двигателю и оси пропеллера, но за исключением этого дирижабль был готов. Это был во всех аспектах мощный корабль, и хотя медленнее и уязвимее, чем известное мне марсианское воздушное судно, но должен делать свое дело хорошо, думал я.

Вскоре газовый мешок был надут. Баллон начал тянуть свои причальные канаты и выглядел так, словно мог поднять сотню таких, как мы. Мы начали смеяться и хлопать друг друга по спине, хотя мне пришлось немного потянуться, чтобы хлопнуть по спине Хула Хаджи! Мы сделали его!

Гондола была закрытой, подвешенной на прочных канатах, оплетавших снаружи газовый мешок. Она была сделана из секций синтетического материала и имела открытые иллюминаторы. К сожалению, мы не нашли никаких средств получить прозрачные покрытия, так что нам пришлось вместо этого сконструировать ставни. Внутри был запас воды, запасные баки с газом и обезвоженная пища.

Мы очень гордились кораблем. Может, он и был грубым, но крепко сделан, и скоро, когда мы дадим ему немного подняться через крышу и наденем на двигатели приводные ремни, мы будем

готовы отправиться куда только пожелаем. Вероятно, в Мендишар, где, как указал Хул Хаджи, прибытие вожака, считавшегося убитым или изгнанным из страны, на летающем корабле, вероятно, до такой степени воодушевит население, что многое потерянное при атаке на деревню можно будет вновь обрести этим эффектным возвращением!

Хул Хаджи и другие двое Синих Гигантов серьезно говорили об этой возможности, когда противоположная дверь — та самая, которую мы заблокировали против любой попытки белых вампиров, начала плавиться. Материал, который я считал столь неразрушимым, пузырился и тек, словно дешевый пластик на огне. Ужасный запах — резкий и сладкий одновременно — начал исходить от двери.

Я не знал, что происходит, но тем не менее я стал действовать. — Быстро! — крикнул я. — В дирижабль!

Я подталкивал своих спутников, помогая им залезть в гондолу. Я повернулся, когда дверь полностью отвалилась — там было несколько белых обитателей.

В их руках была машина.

Они явно не понимали, что это такое. Все, что они знали, — это держать и нацеливать ее.

Станный парадокс — столь развитая машина в руках этих имбицилов.

Она испускала луч — луч, который ударил теперь в противоположную стену, едва не попав в меня и дирижабль. Тепловой луч, несомненно лазерный луч!

Вот тут-то я понял, что некому перерубить причальные канаты.

Я прыгнул к ним и выхватил меч.

Я знал, что знание портативных лазеров принадлежало древней расе, мне следовало бы подготовиться к чему-то вроде этого.

В своей неразумной ярости эти потомки якша, наверное, нашли проектор и снова привели его в действие для учинения смерти незваным гостям.

Что бы там ни было причиной, мы все скоро станем покойниками, если я не буду действовать быстро. Я перерубил причальные канаты.

Хул Хаджи закричал из гондолы, когда увидел, что я делаю.

Дирижабль начал подниматься, мягко тыкаясь в крышу. Вскоре газ унесет их в безопасность, когда они поднимутся в воздух над крышей. Отверстие в куполе было как раз достаточное, чтобы пропустить их.

Теперь эти вампиры направили лазер на меня. Он обязательно должен был убить меня. Луч прочесывал помещение, расплавляя или разрезая все, к чему прикасался.

И тут меня осенило!

Глава 7

ГОРОД ПАУКА

Когда луч подходил все ближе и ближе, описывая ломаную кривую в руках этих тупоумных вампиров, я вдруг увидел огромный рефлектор, используемый мной как зеркало для бритья.

Это был мощный рефлектор. Он мог сработать.

Я метнулся и встал позади него.

Лазерный луч отрезал часть рефлектора, с всплеском упавшую в воду. Фонтан забил теперь спорадически.

Луч подошел ближе и расплавил секцию стены, открыв за ней следующую камеру. Белые твари притащили поближе, обнимая своими мягкими, почти бесплотными руками мощный проектор.

Затем луч ударил в рефлектор.

Лазерные лучи — это сконцентрированный свет. Зеркало — отражатель.

Оно отразило.

Зеркало искривило луч и рассеяло его в несколько мгновений. На несколько секунд оно обратило луч обратно на тех, кто направлял его.

Большинство белых вампиров испарилось в секунду. Остальные в ужасе закричали, чуть отступили, а затем с криком бросились на меня!

Я метнулся к одному из причальных канатов, как раз когда баллон начал проходить через отверстие.

Я схватился за последние несколько футов каната.

Когда когти скребнули по мне, я начал подтягиваться к гондоле.

Баллон вырвался в воздух, и в этот момент спасение от белых тварей произошло, но я оказался в новой опасности. Я понял, что в спешке мы забыли одну очень важную вещь.

Мы забыли погрузить балласт. Баллон поднимался слишком быстро!

Дважды меня чуть было не стряхнуло, когда я отчаянно цеплялся за канат, пытаясь подтянуться к гондоле.

Я увидел, что Хул Хаджи открыл люк гондолы и, балансируя на узкой подножке снаружи, дотянулся и схватил веревку, на которой я повис.

Земля была далеко внизу, кружащаяся подо мной, черная, сияющая пустыня.

Хул Хаджи сумел забраться в гондолу, все еще стискивая канат. Затем он и другие принялись тягивать меня.

Мои руки болели, кожа на ладонях лопалась от трения. Я был почти готов упасть.

Как раз когда я почувствовал, что не могу больше держаться, я ощутил, как огромные руки схватили меня и втащили в гондолу. Они закрыли люк.

Задыхаясь от усталости и облегчения, я лежал на полу гондолы, пока не восстановил дыхание. Мы все еще поднимались чересчур стремительно и скоро покинули более разреженную марсианскую атмосферу — надо помнить, что в том веке атмосфера была намного гуще, чем сейчас.

Пошатываясь, я поднялся и подошел к управлению. Это было простое и самостоятельное управление, и оно было бы испытано, прежде чем подняться в воздух, если б у нас был подобный шанс. Теперь нам придется узнать, работает оно или нет.

Я потянул за рычаг, контролировавший клапан газового мешка, надо было выпустить газ и надеяться, что этого будет достаточно, чтобы не опрavitь нас на землю!

Наша гондола медленно снизилась, и я понял, что управление действует.

Но мы еще продолжали дрейфовать в воздушных потоках. Нам надо будет приземлиться и подсоединить к двигателю приводные ремни. На энергии мы будем способны вернуться в Мендишар раньше, чем за день.

Я был раздражен этой пустой тратой драгоценного гелия, но тут ничего нельзя было поделать. Очень медленно я начал спускать корабль.

Мы были еще в нескольких метрах над землей, когда дирижабль, казалось, получил пинок здоровенной ногой и закачался, как на волнах, разбрасывая нас по гондоле. Я не мог удержаться на ногах и отлетел от панели управления.

Думаю, я на какое-то время потерял сознание.

Когда я пришел в чувство, было почти темно. Теперь уже не было ощущения, что меня словно пинают в игре куда большие гиганты, чем мои синие спутники, но вместо этого возникло чувство стремительного полета с огромной скоростью.

Я нетвердо встал, подошел к иллюминатору и отодвинул ставню.

Посмотрев вниз, я сперва не мог поверить тому, что увидел.

Мы летели над морем — суровым, волнуемым бурей морем. Мы неслись со скоростью добрых ста миль в час — вероятно, больше.

Но что нас несло?

Эта была какая-то неуправляемая сила. Судя по достигающему моих ушей стонущему и воющему звуку, она была ветром.

Но какой же порыв ветра мог ударить столь стремительно и без упреждения?!

Я повернулся и обнаружил, что Хул Хаджи начал шевелиться. Он тоже был в нокауте.

Я помог ему подняться, и мы вместе вернули к жизни наших товарищей.

— Что такое, Хул Хаджи? Ты не знаешь? — спросил я.

Он потер лицо своей большой ладонью.

— Мне следовало бы повнимательней следить за календарем, — ответил он.

— Почему?

— Я не говорил об этом, потому что чувствовал, что мы либо выберемся из пустыни, либо погибнем — это было до того, как мы нашли башню и подземный город. Я не упомянул об этом, пока мы были под землей, потому что знал, что там мы должны быть в безопасности, ведь под землей не было никаких признаков разрушения города.

— Что ты не упомянул? Что?

— Я сожалею — это моя вина. Вероятно, причина, о которой ничего не было сказано в городе якша, — Ревущая Смерть.

— Что это за Ревущая Смерть?

— Самый сильный ветер, который периодически возникает в пустыне. Некоторые думают, что он и был первопричиной пустыни, что до прихода Ревущей Смерти пустыня была плодородной. Наверно, город якша был построен до того, как пришла Ревущая Смерть. Я не знаю, но Ревущая Смерть веками пересекала пустыню, вызывая сильные песчаные бури, все сравнивая с землей.

— И куда направляется этот ветер? — спросил я.

— На запад, — сказал Хул Хаджи.

— Через море?

— Именно так.

— А потом куда?

— Не знаю.

Я снова подошел к иллюминатору и посмотрел вниз.

Взволнованное море, холодное и темное, все еще находилось под нами, но сквозь сумрак, мне думалось, я мог различить, очень смутно, темную полосу берега.

— Что лежит за западным морем? — спросил я Хула Хаджи.

— Не знаю — страна не исследована, кроме как вдоль берегов. Нехорошая страна, судя по сообщениям.

— Нехорошая? Что заставляет тебя так говорить? — спросил я.

— Легенды, рассказы путешественников, отряды исследователей, которые никогда не возвращались. Западный континент — место джунглей и странных животных. Этот континент был больше всего поражен Величайшей Войной. Когда война была окончена, говорят, в природе имели место странные перемены: люди, животные, растения — все было изменено. Одни говорят, что был

дух, другие — газ, третьи — машина. Но какой бы ни была причина, нормальные люди всегда избегали Западного континента.

— Все это, кажется, указывает на атомную войну, радиацию и мутации,— пробормотал я про себя. — И за тысячи лет с тех пор, как кончилась война, маловероятно, чтоб была какая-то опасная радиация. Этого нам бояться нечего.

Некоторые из употребленных мною слов были английскими, поскольку, хотя имелись, вероятно, слова для описания вещей, о которых я говорил, в прежнем марсианском словаре их не было.

Ревущая Смерть, кажется, начала стихать, потому что наше движение замедлилось.

Я почувствовал, как наша судьба уплывает из наших рук, когда мы неслись все дальше в глубь материка.

Две марсианские луны прочерчивали небо над нами, освещая зрелище странных, колышущихся джунглей непривычной расцветки.

Должен признаться, что эта растительность как-то встревожила меня, но я сказал себе, что с нами не может случиться никакого вреда, пока ветер несет нас на этой высоте.

Когда же мы сможем спокойно приземлиться, наладить двигатели, мы на моторах отправимся куда желаем.

Несколько часов такой возможности не представлялось. Откуда пришел ветер и где он, наконец, умирал, я сказать не могу — если он не кружил постоянно вокруг света, набирая скорость и силу в пути. Я не был метеорологом.

Наконец мы сумели вырваться из воздушного потока и продрейфовали к огромным деревьям, чья густая тень, казалось, создавала под нами твердую массу.

Огромные отсвечивающие листья колыхались на изогнутых сучьях. Цвета оттенков черного, коричневого, темно-зеленого и пестро-красного.

Ощущение зла тяжело нависло над этими джунглями, и нам не улыбалось приземлиться среди них. Но к утру мы нашли достаточно большую поляну и стали садиться.

Мы приземлялись очень аккуратно для таких неумелых аэронавтов. Причалив корабль, мы проверили его повреждения. Строительные материалы якша выстояли перед ветром, который растряс бы на куски почти все другие дирижабли. Повреждений было сравнительно мало, учитывая, какой трепке был подвержен корабль.

Все, что нам было нужно теперь сделать,— это наладить приводные ремни и подыскать что-нибудь, способное послужить балластом. Тогда мы добавим гелия — и без задержки отправимся в Мсндишар.

Скоро двигатели у нас хорошо работали, а пропеллеры — вращались.

Однако, пока мы работали, у нас возникло чувство, что за нами следят. Мы не видели ничего, кроме темных джунглей, с их деревьями, поднимающимися на сто метров в небо и образующих решетку из направленных вверх, вниз и во все стороны искривленных стволов, обвитых другими растениями, пахнущими влагой.

Не знаю, как вообще возникла поляна. Это был вывих природы. Ее поверхность состояла из гладкой, твердой глины, почти скальной плотности. По краю ее росли кусты с темными отсвечивающими листьями, пониже путаница из лиан, походивших, если посмотреть сбоку, на толстых змей, и другие ползучие растения, собравшиеся вокруг разросшихся корней деревьев.

Я никогда не видел в лесу ничего столь гигантского. Лес был многоярусный. Снаружи он выглядел словно гигантский утес, в котором темнели отверстия пещер.

Легко было вообразить, что за тобой следят.

Теперь все, что нам нужно было сделать, — это найти балласт. Джил Ди́ра высказал предложение, что нарубленные из деревьев поленья могут заменить балласт. Хотя они грубые, но послужат хорошо.

Пока Джил Ди́ра и Вас Ула помогали мне делать последние приготовления, Хул Хаджи сказал, что принесет несколько бревен.

Он ушел. Мы закончили свою работу и ждали его возвращения. Нам не терпелось убраться из этих таинственных джунглей и как можно скорее вернуться в Мендишар.

К концу полудня мы охрипли от крика, но Хул Хаджи нам не отвечал.

Ничего не оставалось делать, как войти в лес и посмотреть, не ранен ли он. Возможно, лежит без сознания.

Вас Ула и Джил Ди́ра сказал, что они пойдут искать вместе со мной, но я заявил, что наш дирижабль крайне важен — они должны охранять его. Я сумел их в этом убедить.

Найдя место, где Хул Хаджи вошел в лес, я направился по его следу.

Это было не трудно. Будучи человеком рослым, он оставлял много следов своего продвижения. В некоторых местах он пробирался сквозь подлесок.

Лес был темным и сырым. Мои ноги ступали по податливым гниющим растениям и иногда погружались в трясину. Я продолжал окликать моего друга по имени, но он по-прежнему не отзывался.

А затем я наткнулся на следы боя и понял, что, в конце концов, я не воображал и что за нами следят!

Здесь я нашел меч Хула Хаджи. Он никогда не бросил бы его, если б не был взят в плен — или убит! Я отнес его к дирижаблю.

Затем вернулся и огляделся вокруг, ища следы его пленителей, но не смог найти ни одного!

Это вызвало во мне большое замешательство, потому что я немного горжусь своими способностями следопыта. Все, что я мог заметить, — это следы клейкой субстанции, вроде прядей тонкого шелка, прилипших к окружающим листьям.

Попозже я обнаружил еще немного этого материала и решил, что, раз он был моим единственным ключом к поискам, мне следует искать его в надежде, что пленители — или убийцы Хула Хаджи — оставили его после себя еще где-нибудь.

Я едва понял, что вышел к городу, как наступила ночь.

Город этот, казалось, был одним большим зданием, расположенным в джунглях. Он как бы вырастал из джунглей, сливался с ними, был их частью, построенный из темного древнего обси-диана. В его щели нанесло земли и семян столько, что из стен росли кусты и небольшие деревья. Были там и купола, сливающиеся в полумраке. Можно было поверить, что это вывих природы, что скала просто потекла и затвердела в в и д е города!

И все же то тут, то там виднелись окна и входы, прикрытые растениями.

Когда пришла ночь, город светился очень тускло, лоя немного слабого лунного света, который мог проникнуть сквозь полог леса.

Вот куда, должно быть, принесли моего друга враги. Это было устрашающее место.

Я осторожно вступил в город, перелез через сваленные, гладкие как стекло камни, ища какие-нибудь следы жителей, какое-нибудь указание на то, где спрятали моего друга.

Я карабкался по наклонным стенам здания, по крышам, вниз по стенам и искал, искал, искал. Всюду была густая тень и ощущение гладкого, бугристого камня под руками и ногами.

В этом городе не было никаких улиц, просто углубления в покрывавшей его крыше. Я вступил в одно из этих углублений-ущелей и начал пробираться по нему, чувствуя отчаяние.

Что-то пробежало по стене слева от меня, и я почувствовал тошноту: это был самый большой паук, которого я когда-либо видел в своей жизни.

Теперь я увидел и других. Я крепко стиснул меч, приготовился. Пауки-то были величиной с футбольный мяч!

Я как раз собирался покинуть ущелье и подняться по еще одной наклонной стене из зеленого камня, но вдруг почувствовал, как что-то упало мне на голову и плечи. Я попытался освободиться, отбросить его мечом, но оно прилипло ко мне. Чем больше я двигался, тем больше я запутывался.

Теперь я понял, почему не было трупов на месте пленения Хула Хаджи!

Упавшая на меня штука была сетью из того же тонкого клейкого шедка, увиденного мной в лесу. Она была прочной и прилипала ко всему, к чему прикасалась.

Теперь я упал вниз, все еще пытаюсь выпутаться.

Я почувствовал, как меня потянули когтистые руки.

Я посмотрел на тех, кто поймал меня, и не мог поверить своим глазам. До пояса они были людьми, хотя и существенно ниже меня, с жилистыми телами, бугрившимися крепкими мускулами, с большими глазами и ртом-щелью. Но в них все же угадывались человекоподобные существа — пока не посмотришь ниже пояса, на поддерживающие тело восемь мохнатых ног. Тела людей, а ноги пауков!

Теперь со спутанными руками я делал выпады в сторону предводителя: это было все, на что я оказался способен.

Предводитель нацелил на меня длинный шест. На шесте, казалось, было насажено шилообразное острие длиной около шести дюймов. Он воткнул его в меня, но только чуть-чуть. Я попытался отбиваться, а затем почти сразу все мое тело парализовало.

Я не мог шевельнуть ни одним мускулом. Я не мог даже моргнуть. Мы сделали инъекцию яда. Это было ясно — яда, который мог полностью парализовать.

Г л а в а 8 ВЕЛИКИЙ МИШАССА

Взваленный на спины этих ужасных существ, людей-пауков, я был унесен в глубь этого ненормального города.

Освещенный слабо светящимися камнями, он казался лабиринтом, не имевшим, казалось, ни плана, ни цели.

Мы проходили через коридоры и помещения, иногда немногим шире труб водопровода, в иных случаях выходивших в огромные, с балконами залы.

Я понял, что это не было работой людей-пауков — вообще не создание людей, а какого-то чуждого разума, творившего, наверное, под воздействием ядерной реакции. Этот разум — всегда полубезумный — однажды задумал этот город, а сам, вероятно, давно уже погиб, если только люди-пауки не были его слугами.

Коридоры и залы были заполнены грязью, паутиной — следами векового упадка. Я на время задумался, а как же на свет появились эти люди-пауки — не были ли они кузенами тех огромных пауков, что я видел снаружи. Если они в родстве, то какой же несвятой союз произвел подобные плоды!

Они бежали дальше, неся меня в своих сильных руках. Я не смел гадать, какая судьба была мне уготована. Я был убежден, что они собирались пытать меня, наверное, съесть в каком-то отвратительном обряде, что я должен стать фактически мухой в их пиршестве.

Моя догадка была ближе к истине, чем я сперва предполагал.

Вскоре мы вошли в огромный зал, куда больший, чем все прочие. В нем было совсем темно, он освещался только тусклым свечением самой скалы.

Но теперь я почувствовал, что действие яда начинает ослабевать, и я для тренировки поиграл мускулами — насколько это возможно в липкой паутине, извлеченной, как я теперь догадался, непосредственно из тел людей-пауков и все еще сковывавшей мои движения.

И тут я увидел ее!

Это была протянутая через весь зал гигантская паутина. Она мерцала в слабом свете, и я мог различить распятую на ней фигуру. Я был уверен, что это — Хул Хаджи.

На людей-пауков их собственная паутина не действовала. Некоторые из них потащили меня вверх по прядям этой паутины к той жертве, которую увидел я: это и в самом деле был Хул Хаджи.

Там они и оставили нас подвешенными в пространстве, убежав во мрак на своих мохнатых ногах. Они не издали ни звука с тех пор, как я впервые их встретил.

Мой рот все еще плохо слушался меня из-за яда, но я сумел сказать несколько слов. Я был помещен ниже и сбоку от Хула Хаджи и потому мало что мог видеть, кроме левой стопы и части его лодыжки.

— Хул Хаджи, ты можешь говорить?

— Да. У тебя есть какие-нибудь предположения, что они намерены с нами делать, мой друг?

— Нет.

— Я сожалею, что привел тебя к этому, Майкл Кейн.

— Это не твоя вина.

— Мне следовало бы быть поосторожнее. Тогда мы все были бы далеко отсюда. Воздушный корабль в безопасности?

— Насколько я знаю, да.

Я принялся испытывать паутину. Сеть, в которую я был пойман, становилась хрупкой и ломкой, и я, наконец, сумел высвободить руку. Но моя рука немедленно прилипла к главной паутине.

— Я пробовал то же самое, — сообщил мне сверху Хул Хаджи. — Не могу придумать никаких средств спасения.

Я вынужден был признать, что он, вероятно, прав, но тем не менее ломал голову. У меня начало возникать ощущение, что

нам уготовано нечто ужасное, если я не смогу изобрести средства к побегу.

Я начал пытаться высвободить другую руку.

Тут мы услышали шум — громкий, скребущий шум.

Посмотрев вниз, мы увидели два громадных глаза, диаметром по меньшей мере полтора метра, не моргая глядевших на нас.

Это были глаза паука. Мое сердце екнуло.

Затем раздался голос — мягкий, шелестящий, ироничный, голос, который мог исходить только от владельца глаз.

— Так, лакомый кусочек на сегодняшнее пиршество.

Я был даже больше ошеломлен, услышав исходящий от этого существа голос.

— Кто ты? — спросил я не слишком твердо.

— Я — Мишасса, Великий Мишасса, последний из народа Шаасажин.

— А эти существа — твои протеже?

Раздался звук, который мог быть нечеловеческим смешком.

— Мос потомство, произведенное экспериментами в лабораториях Шаасажина. Кульминация... Но ты знаешь свою судьбу, не так ли?

Я содрогнулся. Мне думалось, что я ее уже знал. Я не ответил.

— Трепещи, малыш, потому что скоро ты будешь моим ужином.

Теперь я мог четче видеть это создание: это был гигантский паук — явно один из многих, произведенных атомной радиацией, воздействовавшей на эту часть страны все эти тысячелетия.

Мишасса принялся медленно карабкаться по паутине. Я почувствовал, как паутина провисла.

Я продолжал высвобождать руку и наконец сумел освободиться от сети, не попавшись в паутину. Я вспомнил о маленьком ноже для снятия шкур в моей портупее и попытался достать его.

Дюйм за дюймом я приближал свою руку к ножу... Дюйм за дюймом...

Наконец, мои пальцы стиснули рукоять, и я достал его из ножен.

Паук-зверь приближался, и я принялся сперва рубить ту часть паутины, которая держала мою другую руку.

Я работал отчаянно, но паутина была прочная. Наконец она поддалась, и я мог, двигаясь осторожно, дотянуться до своего меча.

Я вытянул руку вверх и отрезал всю паутину вокруг Хула Хаджи, до которой я смог дотянуться, а затем повернулся лицом к гигантскому пауку.

Его голос прошептал мне:

— Ты не можешь спастись. Даже если бы ты был абсолютно свободен, ты бы не убежал от меня — я сильнее тебя, быстрее тебя...

Сказанное было правдой, но это не мешало мне попробовать.

Вскоре его ужасные ноги были в нескольких дюймах от меня, и я приготовился защищаться от него как только смогу. Тут я услышал крик Хула Хаджи и увидел, как он пролетел мимо меня и приземлился прямо на спину зверя-паука. Он вцепился в его волосы и велел мне делать то же самое.

Я лишь смутно осознал, что он собирается сделать, но я тоже прыгнул, разорвав последние пряди паутины, и упал на спину зверя-паука. Приземлившись, я вцепился одной рукой в его странный мех. В другой я держал меч.

— Дай мне меч, — крикнул Хул Хаджи. — Я сильнее тебя.

Я передал ему меч и вытащил свой нож.

Зверь в ярости неразборчиво заорал, когда мы начали кромсать его спину своим оружием.

Он, вероятно, привык к более пассивным подношениям в виде своих собственных присных, но два бойца Вашу были готовы дорого продать свои жизни, прежде чем позволить себе стать банкетом для здоровенного болтливого паука!

Он шипел и ругался. Он в ярости метался, падал наземь. Но мы продолжали цепляться за мех, по-прежнему втыкая в него свое оружие, ища уязвимые места.

Он встал на дыбы и чуть не опрокинулся на спину так, что мы готовы были прыгнуть, чтобы не оказаться раздавленными его огромной тушей. Но, наверное, он был наделен инстинктом основных представителей данного вида, многие из которых, оказавшись на спине, не могут встать снова на ноги. Он как раз вовремя восстановил равновесие и принялся бессистемно носиться взад-вперед.

Липкая черная кровь хлестала из дюжины ран, но ни одна, похоже, не была эффективной. Вдруг он побежал по прямой линии, издавая тонкий высокий звук.

Мы лежали, распластавшись, на его спине, когда его скорость увеличилась, озадаченно глядя друг на друга.

Он, должно быть, двигался со скоростью добрых девяносто километров в час, а вероятно, и больше, мчась по туннелям и унося нас все глубже и глубже в город.

Теперь вой стал громче. Зверь-паук взбесился. Было ли это просто обнажением безумия, наследия его безумных предков, только теперь вырвавшегося из-под контроля, наши ли раны довели его до бешенства и боли — нам никогда не узнать.

Вдруг я увидел впереди движение.

Это была стая людей-пауков — были ли они теми, что приволокли нас в зал с паутиной, я догадаться не мог, — они выглядели охваченными паникой, когда мы понеслись на них.

Затем огромный паук остановился в своей безумной гонке и начал падать на них, кусая их насмерть, захватывая головы своими челюстями и откусывая их с плеч или перекусывая торс пополам. Это было страшное зрелище.

Вскоре люди-пауки были уничтожены все до одного, и не осталось ничего, кроме кучи расчлененных трупов.

У меня затекла рука, и я почувствовал, что не смогу долго держаться за мех. В любой момент я мог свалиться и стать добычей зверя-паука. По мрачному выражению лица Хула Хаджи я видел, что он тоже испытывает напряжение и не сможет долго выдержать.

И тут ноги у зверя-паука совершенно неожиданно начали подгибаться в сочленениях. Ноги медленно втягивались под его тело, и он оседал среди трупов служителей.

Он, уничтожив их в своей предсмертной агонии, выкрикнул одно только слово «Конец!» и умер.

Мы, удостоверившись, что сердце его перестало биться, практически упали со спины зверя и стал его разглядывать.

— Я рад, что умер он, а не мы, — сказал я, — но он, должно быть, понимал, что он был последний уцелевший из своего рода. Хотел бы я знать, что на самом деле происходило в этом сумасшедшем, чужеродном мозгу. Я, в каком-то смысле, испытываю сожаление о нем. Его смерть была в некотором роде благородной.

— Ты увидел больше, чем я, — сказал Хул Хаджи. — Я видел только врага, который чуть не уничтожил нас. Но мы уничтожили его — это хорошо.

Это прагматичное заявление моего друга встряхнуло философское состояние моей души, возможно, неуместное при данных обстоятельствах, и заставило меня начать думать, как же мы найдем выход из этого города-лабиринта.

Я гадал также, все ли люди-пауки были убиты в предсмертных судорогах зверя.

Мы пробрались через куски трупов и последовали по туннелю, пока тот не свернул в большой зал.

Дальше мы обнаружили туннель, ведущий из зала, и побрел по нему, попросту надеясь, что в конечном итоге найдем комнату с окном или выходом.

Хулу Хаджи было, по большей части, трудно пробираться туннелями — к примеру, не многие из них были достаточно велики, чтобы пропустить зверя-паука. Это привело меня к выводу, что уничтоженное нами существо было, даже среди своего вида, «шишкой».

Снова что-то во мне опять пробудило сочувствие к этому уродливому существу, которое было столь плохо приспособлено к миру и все же явно обладало блестящим умом. Несмотря на то, что оно угрожало моей жизни, я никак не мог возненавидеть его.

Пока я все еще пребывал в этом философском настроении, мы наткнулись на чаны.

Сначала мы почувствовали запах. Вдыхая эти испарения, мы ощутили легкое онемение мускулов. Затем мы вошли в зал, над которым помещались грубые сходни, ибо пол, все больше понижавшийся, заполнялся зловонной бурлящей жидкостью.

Мы остановились рядом со сходнями, глядя вниз.

— По-моему, я знаю, что это,— сказал Хул Хаджи.

— Яд?

— Именно. Снадобье, которым они смазали игло-шесты, чтобы парализовать нас.

Я нахмурился.

— Это может оказаться полезным,— задумчиво произнес я.

— В каком смысле? — спросил мой друг.

— Я не уверен — у меня такое ощущение, что может так случиться. Не повредит взять с собой образцы,— указал я на противоположную стену.

Там на полке стояло несколько глиняных колб и лежала куча шестов с шестидюймовыми иглами на конце.

Мы осторожно перешли чан по сходням, направляясь к полке. Мы вдыхали как можно реже из страха, что наши мускулы станут полностью парализованными и мы рухнем в чан и потонем либо умрем от сверхдозы этого снадобья.

Наконец, мы добрались до полки, чувствуя себя с каждой минутой коченеющими все больше. Я взял две колбы хорошей выделки и вручил их Хулу Хаджи, который нагнулся и наполнил их. Мы заткнули колбы пробками и покинули зал чанов через ближайший выход.

Теперь пол туннеля поднимался, и это дало нам некоторую надежду.

Я смог разглядеть откуда-то мерцающий свет, хотя и не видел его источника.

Только мы успели свернуть в коридор, как увидели дневной свет, проходящий сквозь неровное отверстие в одной из стен коридора, свет, миготавший загроможденный внезапным появлением в этом месте множества больших пауков.

Я выхватил меч, возвращенный мне моим синим другом, а он воспользовался одним из шестов, чтобы молотить вокруг себя этих отвратительных тварей. Они лишь на короткое время задержались, чтобы напасть на нас, а затем пробежали дальше, исчезая в проходе в глубине города.

То, что я сперва счел прямой атакой, было фактически не больше чем возвращение ночных существ во тьму города.

Мы вылезли в окно и снова встали на то, что я могу назвать «поверхностью» или крышей города,— место неестественных утесов и каньонов все из того же отвсечивающего обсидианового материала, по всей вероятности, сначала расплавленного, а затем отвердевшего.

Наши ноги скользили по гладкой поверхности, мы шли, спотыкаясь на каждом шагу, понимая, что не имеем никакого представления о том, где находился наш корабль.

По моим представлениям, мы могли бродить еще много часов — наверное, дней, если бы вдруг не увидели крепкой фигуры Джил Диры, выделявшейся на фоне джунглей. Мы заорали ему и замахали руками.

Он повернулся, настороженно положив руку на меч. Потом улынулся, узнав нас.

— Где Вас Ула? — спросил я, когда мы подошли.

— Он у воздушного судна, охраняет его, — отвечал воин. — По крайней мере, — он неприязненно огляделся вокруг, — я надеюсь, что это так.

— Почему ты здесь? — спросил Хул Хаджи.

— Когда вы оба не вернулись к ночи, я забеспокоился. Я подумал, что вас захватили в плен, поскольку не слышал никаких звуков, какие мог бы издавать дикий зверь, и как только рассвело, я отправился по вашему следу — и нашел это место. Вы видели созданий, которые здесь обитают? Огромные пауки!

— Ты найдешь останки даже более странных существ под землей, — лаконично ответил Хул Хаджи.

— Надеюсь, ты оставил метки для своего возвращения? — сказал я Джилу Дире, думая, какой же я дурак, что не сделал этого сам.

— Оставил. — Джил Дира показал на джунгли. — Вот этим путем, пошли.

Поскольку невезение преследовало нас, по большей части, с тех пор, как мы покинули обиталище якша, мы испытывали некоторый страх относительно безопасности нашего судна. Мы окажемся в намного худшем положении, застряв в стране, о которой мы не имели абсолютно никаких сведений, если на дирижабль нападут и уничтожат его.

Но он был в полной безопасности, так же как и Вас Ула, который испытал большое облегчение, увидев нас.

Мы остановились нарубить дров для использования под балласт и скоро были на борту.

Мы отдали причальные канаты и начали плавно подниматься в небо.

Как только мы очутились достаточно высоко над огромными джунглями, вытянувшимися, казалось, от горизонта до горизонта, я завел двигатель, установил курс и скоро мы были — или истинно надеялись, что были, — на пути в Мендишар, чтоб выяснить, нельзя ли спасти злополучную революцию.

Г л а в а 9

ПРИГОВОРЕННЫ К СМЕРТИ

Благодарные судьбе, мы без происшествий пересекли океан и вскоре прибыли к границам Мендишара.

Мы приземлились в горах и спрятали наш корабль.

Дважды, когда мы ходили по горам, чтоб получить какую-нибудь информацию, мы натыкались на уничтоженные деревни.

Однажды нам повезло. Мы встретили старую каргу, которая спаслась от гибели. Она рассказала нам, что целые семьи горцев были арестованы: многие, многие деревни разорены и сотни, возможно тысячи семей перебиты.

Она рассказала нам также, что захвачены в плен лидеры революции, они должны умереть на Великом Ритуале, торжественно начатом лично выскочкой Бради Джеваром Бару. Она не знала когда, знала только, что это еще не произошло.

Мы решили вдвоем нанести визит в столицу Мендишара — Мендишарлинг, для того чтобы посмотреть, какова истинная ситуация, разузнать настроение жителей и, если возможно, спасти тех, кто был приговорен к смерти. Два наших друга остались в горах у дирижабля.

С помощью плащей, добытых в одной из разрушенных деревень, Хул Хаджи замаскировался под странствующего торговца, а я — под тюк.

Я, разумеется, в любом обличье привлек бы внимание, так что мне пришлось стать товаром торговца.

Вот таким-то образом, вися через плечо Хула Хаджи, я вступил первый раз в столицу Мендишара. Это было место невысокого духа. Поглядывая сквозь маленькую прореху в укутывавшей меня ткани, я мог видеть, что, за исключением чванливых грубых приоза, не было спины, которая была бы не согнута, лица, которое не носило бы печати несчастья, ребенка, который не был бы истощенным.

Мы прошли через рынок, и там было мало товару на продажу.

Город находился в отчаянии, контрастируя с яркими мундирами «избранных» приоза.

Это была сцена, знакомая мне по книгам, но я никогда не видел ничего подобного в реальной жизни. Город, управляемый

тираном, который так боялся за свою собственную безопасность, что не смел ни на шаг ослаблять своего железного правления.

Что бы ни случилось теперь, размышлял я, путешествуя на горбу моего друга, который, я чувствовал, не собирался приноравливать свой шаг к тому, чтоб мне было удобно ехать на нем,— в конечном итоге, тиран должен пасть, потому что народ можно пригибать до земли лишь какое-то время. В момент, когда тиран или его потомок расслабится, именно в этот момент его подданные решат действовать.

Хул Хаджи снял комнату в таверне, неподалеку от площади, и сразу же прошел в нее. Он поместил меня на жесткую койку и сел, вытирая пот со лба, покуда я выпутывался из ткани.

Сев, я поморщился.

— Я чувствую себя так, словно у меня сместились все кости в теле.

— Извиняюсь,— сказал Хул Хаджи. — Но это выглядело бы подозрительным, если бы обнищавший торговец, вроде меня, обращался со своим товаром так, словно тот был драгоценностью, а не несколькими шкурами и рулонами ткани, как он сказал стражникам в воротах.

— Я полагаю, ты прав,— согласился я, пытаюсь вернуть циркуляцию в затекшие ноги и руки. — Что теперь?

— Жди здесь, пока я хожу по городу и смотрю, собирая информацию,— я узнаю настроение в городе, в народе. Если люди готовы восстать против Джевара Бару, как я подозреваю, они могли бы, дай им только нужный толчок,— тогда, наверное, мы сможем найти средства уничтожить власть Джевара Бару.

Он отправился почти сразу же, оставив меня заниматься всего лишь бездельем. Причина, по которой я пошел с ним, помимо явной, что был его другом и союзником, заключалась в том, что, если его захватят в плен, у меня может быть шанс донести эту новость до наших друзей, и если нам понадобится воздушный корабль, я буду способен управлять им.

Я ждал и ждал, пока после полудня не услышал суматохи на улице.

Я осторожно подошел к окну и выглянул.

Там Хул Хаджа горячо уговаривал пару наглого вида стражников — приоза.

— Я бедный торговец,— говорил он,— ни больше ни меньше, господа.

— Ты приблизительно соответствуешь имеющимся описаниям претендента Хула Хаджи. Он сбежал, трус этакий, из деревни, где мы несколько недель назад вели следствие. Мы ищем этого человека, поскольку он сумел убедить обманутых людей, что его

правление будет лучше для Мендишара, чем правление благородного Бради Джевара Бару.

— Похоже, он — мерзавец, — послушно сказал Хул Хаджи. — Определенно негодяй. Надеюсь, вы поймаете его, доблестные воины. А теперь я должен вернуться...

— Мы считаем, что ты и есть этот х в о к Хул Хаджи, — сказал один из стражников, загораживая Хулу Хаджи дорогу и используя одно из оскорбительных понятий в марсианском словаре. Буквально, «хвок» — это рептилия с особенно отталкивающими привычками.

Хул Хаджи удержал себя в руках, услышав это, но, вероятно, все равно как-то себя выдал.

— Ты пойдешь с нами, — сказал второй стражник. — И если ты не Хул Хаджи, тебя, вероятно, отпустят — хотя Бради не любит такого сброда, как бродячие торговцы.

Не оставалось ничего, кроме как действовать, решил я. В рулоне ткани был запасной меч. Я бросился к койке и вытащил меч, затем вернулся на свою позицию у окна.

Теперь пришло время помочь моему другу, потому что, коли весь город будет поднят на ноги, чтобы помешать бегству Хула Хаджи, у нас будет мало шансов покинуть Мендишарлинг живым.

На мгновение я застыл на подоконнике, а потом с криком бросился на ближайшего стражника.

Огромный воин был поражен, увидев то, что было для него крошечным человеком, прыгающим на него с обнаженным мечом.

Я приземлился на небольшом расстоянии от него и завязал с ним бой.

Понимая, что мое решение было единственно разумным и что секретность больше не нужна и невозможна, Хул Хаджи напал на второго стражника.

Скоро улица очистилась словно по волшебству, и остались только два приоза да мы, бьющиеся насмерть.

Я надеялся, что среди угнетенного народа не было стукачей, которые пошли бы и привели других приоза. Если мы сумеем прикончить этих, нам, может быть, и удастся скрыться из города.

Мой противник все еще был сбит с толку. Он так по-настоящему и не пришел в чувство. Через несколько минут я заколол его в бок, пробив доспехи, и он лежал мертвым на уличной мостовой.

Хул Хаджи тоже прикончил своего противника. Мы обернулись на топот бегущих ног и увидели направляющийся к нам отряд приоза. Верхом на большом сером дахаре сидел высокий, тяжело вооруженный мендишар в позолоченных доспехах.

— Д ж с в а р Б а р у ! — Имя это было ругательством на устах Хула Хаджи.

Явно эти войны не были вызваны, а услышали звук нашего боя.

Хул Хаджи приготовился биться до конца, но я его тронул за руку.

— Не будь дурнем, друг. Нас одолеют в один миг! Уходим, но скоро вернемся, чтобы устроить правосудие тирану.

Хул Хаджи неохотно последовал за мной, когда я нырнул обратно в таверну и запер дверь на засов.

Почти сразу же стражники забарабанили в дверь, а мы побежали на третий, последний этаж здания, а оттуда через люк на крышу.

Дома в этом квартале города теснились рядышком, и было нетрудно перепрыгивать с одной плоской крыши на другую.

Стражники — но не Джевар Бару, несомненно оставшийся в безопасности на улице,— добрались до крыш и последовали за нами, приказывая нам остановиться.

Я не думаю, что они узнали Хула Хаджи, хотя к тому времени было хорошо известно, что он имел боевым товарищем человека вроде меня, и вероятно, старались бы еще больше, если бы сообразили, кем именно был мой друг.

Крыши теперь стали ниже, и, наконец, мы бежали по крышам одноэтажных зданий.

Неподалеку от городской стены мы спрыгнули на улицу. Народ поразился нашему появлению. Вскоре мы увидели двух полупьяных приоза, вышедших из винной лавки и идущих, шатаясь, к своим дахарам.

Мы, опередив их, вскочили на животных прямо под носом у приоза, развернули и дали ходу, направляясь к воротам, оставив кричащих стражников в замешательстве.

Неподалеку от ворот нам повстречались четверо приоза, обладавших более быстрой реакцией, чем их друзья. Завидев нас, они попытались загородить нам дорогу.

Наши мечи быстро взлетели, и мы оставили за собой двух мертвых и двух раненых, мчась через ворота по длинной дороге, ведущей из Мендишарлинга.

Всадники преследовали нас, когда мы галопировали по тропе, а затем мы резко свернули в горы.

Мы скакали через горы, наши враги немного отставали. Но наши животные начали уставать.

Если бы вскорости не наступила ночь, я думаю, нам пришлось бы повернуть и вступить в бой с силами, которые были чересчур велики, чтоб дать нам надежду. Но ночь наступила, и мы сумели ускользнуть от наших преследователей до восхода лун.

В найденной нами пещере Хул Хаджи рассказал мне обо всем, что он узнал в городе.

Народ начинал почти открыто роптать против тирана, но был слишком напуган, чтобы что-то предпринять, и слишком дезорганизован, чтобы сделать это эффективно.

Он узнал, что новости о жестоком разрушении деревень до основания и убийствах невинных просочились в город, хотя приоза делали попытки опровергнуть эти слухи.

Почти двести заключенных всех возрастов томились в тюрьмах Джевара Бару. Их готовили для великого «жертвоприношения».

Все они получили смертный приговор за помощь Хулу Хаджи и его сторонникам. Некоторые из них ничего об этом деле не знали, а дети, конечно, и вовсе никак не участвовали. По мнению диктатора, это должно было стать кровавым уроком. Он мог дать ему возможность держать народ в узде самое большее еще два-три года, не дольше.

— Но суть не в том,— сказал я Хулу Хадже. — Этих людей надо как-то спасти — сейчас...

— Конечно,— согласился он. — И знаешь, как зовут одного из тех, кто в тюрьме Джевара Бару?

— Кто?

— Морахи Ваджа. Его захватили в плен в том бою. Был приказ взять его живым!

— Когда должно произойти это жертвоприношение? — спросил я.

Хул Хаджи обхватил голову руками.

— Завтра в полдень,— простонал он. — О, Майкл Кейн, что мы можем сделать? Как мы можем не дать этому случиться?

— Мы можем сделать только одно,— мрачно ответил я. — Мы должны воспользоваться имеющимися у нас ресурсами. Наша четверка — ты, я, Джил Дира и Вас Ула — должна атаковать Мендишарлинг!

— Как же могут четыре человека атаковать большой город? — недоверчиво спросил он.

— Я скажу тебе, как можно произвести эту атаку,— сказал я ему. — Но существует только малый шанс ее успеха.

— Расскажи мне о своем плане,— попросил он.

Г л а в а 10 ОТЧАЯННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Я стоял за пультом управления воздушного корабля и рассматривал сквозь иллюминатор местность впереди.

Трое Синих Гигантов позади меня не говорили ничего. Говорить было нечего. Свой план, простой план, мы уже полностью обсудили.

Был почти полдень, и мы увеличили скорость. Мы летели к Мендишарлингу. Судьба нашего плана и его выполнения зависела главным образом от своевременности исполнения задуманного. Если мы потерпим неудачу, тогда сможем, во всяком случае, указать путь будущим революционерам.

Теперь были уже видны башни столицы. Город был разукрашен, словно в празднество. На каждой башне и мачте развевались знамена — по случаю веселого праздника, подумал бы посторонний. Нам было это лучше знать...

На городской площади было воткнуто двести кольев. К кольям были привязаны двести заключенных — мужчины, женщины и дети. Рядом с ними, держа наготове жертвенные ножи, стояли двести роскошно одетых приоза.

В центре кругов, образуемых кольями, на платформе, стоял сам Джевар Бару, одетый в позолоченный камзол и доспехи, с золоченым ножом в руке. На этом помосте тоже был кол. К нему был привязан Морахи Ваджа, с неподвижным лицом, с глазами, уставившимися в пространство и не видящими ничего, кроме собственной ужасной судьбы.

Площадь окружало согнанное по приказу выскочки Бради все население Мендишарлинга.

Джевар Бару стоял, воздев руки к солнцу, нервная и жестокая улыбка искажала его губы. Он с предвкушением вампира ждал, когда солнце достигнет зенита.

На площади царило полное молчание за исключением озадаченного шепота малых детей. Их родные шикали на них, но ничего не объясняли. Как они могли объяснить?

Глаза Джевара Бару были все еще прикованы к солнцу, когда он начал говорить.

— О мендишары, вот те среди вас, кто последовал за Великим Темным и пошел против предписанного судьбой Великого Светлого, чьим материнским знаменем является дающее жизнь Солнце. Побуждаемые гнусными мотивами сомнения и зла, они послали за трусом и убийцей Хулом Хаджи, чтобы он возглавил революцию против вашего избранного Бради. Из глубины темных пустынь явился этот дерзкий, из ночи, чтобы сражаться против приоза, Детей Нсба, Сынов Великого Светлого.

Но Великий Светлый послал знак Джевару Бару и сказал ему, что затевалось, и Джевар Бару отправился сражаться против Хула Хаджи, который бежал и никогда не появится снова днем, потому что он — живущий в ночи. Этот трус бежал, и Великий Светлый одержал победу. Последователи Хула Хаджи находятся сегодня здесь. Они будут принесены в жертву Великому Светлому не по соображениям мести, но как дар Тому, кто Бдит — Великому

Свету, чтобы Мендишар мог быть очищен и их смерть смыла их вину.

Джевара Бару повернулся к Морахи Вадже, подняв над сердцем воина золоченый нож, готовый вырезать его.

Атмосфера была напряженной. Жертвоприношение Морахи Ваджи станет сигналом для двухсот ножей вырвать сердца из груди двухсот невинных.

Лишь несколько мгновений отделяли солнце от его зенита, когда Джевар Бару начал свое заклинание.

Он дошел до половины его и был в состоянии полутранса, когда над городом появился воздушный корабль, до сих пор не замеченный. Все глаза были устремлены на Джевара Бару или же закрыты, хотя он издал указ смотреть всем.

Именно на это и рассчитывали мы — почему и выбрали столь точно время прибытия, хотя это давало лишь несколько секунд, чтобы попытаться спасти жертвы на площади.

Мы вырубили двигатели и проплыли над площадью, опускаясь все ниже и ниже.

Наша тень упала на помост Джевара Бару, как раз когда он собирался вонзить нож в тело Морахи Ваджи.

Он обернулся и посмотрел вверх. Все другие последовали за его взглядом.

Глаза Джевара Бару пораженно расширились в изумлении.

Вот тогда-то я и метнул из гондолы то, что держал в руках, в выскочку Бради.

Как я и планировал, острое дротика чуть задело его горло — но этого было достаточно.

Джевар Бару, словно пораженный столбняком, остался в той же позе, в которой он был, когда посмотрел на меня.

На данный момент мы боролись с суеверием, так что вид нашего корабля над площадью выглядел словно карающая десница разгневанного Бога.

Хул Хаджи еще утром смастерил грубый мегафон, и теперь над площадью раздавался искаженный и усиленный эхом его голос.

— Народ Мендишара, твой тиран сражен — срази его присных!

Население начало глухо роптать. Его настроение явно было гневным и озадаченным, хотя гнев был направлен не против нас. Этот ход был рассчитан. Мы полагали, что паралич Джевара Бару заставит его сторонников потерять боевой дух и придаст силы простому народу.

Толпа медленно двинулась к центру площади, в то время как приоза начали оглядываться по сторонам, выхватывая мечи.

Я подвел воздушный корабль поближе к помосту, давая Хулу Хаджи возможность спрыгнуть с корабля на платформу и встать рядом со своими застывшими врагами.

— Хул Хаджи! — ахнул Морахи Ваджа.

— Хул Хаджи! — Это донеслось от приоза, узнавших изгнанного принца.

— Х у л Х а д ж и! — повторили жители Мендишарлинга, которые слышали имя, произнесенное приоза.

— Да. — Хул Хаджи! — крикнул мой друг, высоко поднимая свой меч. — Джевар Бару хотел бы уверить всех, что я трус, который бросает свой народ. Но глядите, я явился в этот город разве что не в одиночку, чтобы спасти своих друзей и призвать вас свергнуть тирана. Сразите приоза, которые столь долго подвергали вас гонениям. Вот ваш шанс отомстить за себя!

Какой-то миг царило абсолютное молчание. Затем поднялся ропот, становившийся все громче и громче, пока не превратился в рев.

А затем население Мендишарлинга двинулось на ужаснувшихся приоза.

Много народа погибло под рубящими мечами солдат, прежде чем приоза рухнули, наконец, под явным численным превосходством. Но погибло меньше, намного меньше, чем погибло бы в жертвоприношении или позже, в тюрьме Джевара Бару.

Я не успел вступить в борьбу, но наш план был всецело основан на суждении о настроении народа, психологическом эффекте, вызванном нашим появлением, и воздействии дротика, смазанного снадобьем, найденным в чанах Города Паука, — на Джевара Бару. Если б наш план провалился, мы были бы уничтожены в столь же короткий срок, что и наши враги.

Я дрожал как от напряжения, так и от облегчения, когда сбросил веревочную лестницу и спустился, став рядом с моими друзьями на помосте. Мы освободили от пут Морахи Ваджу. Внизу на площади, повсюду вокруг нас освобождали другие жертвы.

Грянуло громкое «ура» в честь Хула Хаджи.

Оно продолжалось долго, пока Джил Дира и Вас Ула не спрыгнули с корабля и причалили его к колу.

Я шагнул впереди и обратился к народу Мендишара:

— Приветствуйте своего Бради — Хула Хаджи! Вы принимаете его?

— Да! — грянул ответ толпы.

— Благодарю вас. Я спас вас от правления тирана и помог вам одолеть его и его последователей, хотя истинный спаситель — это Майкл Кейн. Но теперь вы должны отыскать остальных приоза и пленить их, потому что они все должны поплатиться за свои деяния в прошедшие годы. Идите же вооружитесь оружием своих гонителей и обыщите улицы в поисках тех, кто еще уцелел.

Люди подобрали мечи павших приоза. Затем они разбежались по улицам, и скоро звуки сражений раздались в Мендишарлинге.

Когда действие яда стало проходить, мы надежно связали Джевара Бару.

Он что-то бубнил и на губах его выступила пена, он совершенно обезумел.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил я у Хула Хаджи.

— Судить и убить его, — просто ответил мой друг.

* * *

Теперь меня охватило чувство радости. Все было окончено — наша цель была достигнута быстро.

Мы расположились во дворце Джевара Бару — здании, где жили многие поколения предков Хула Хаджи, прежде чем обманутое население пошло за выскочкой.

Морахи Ваджа взял на себя руководство отрядами, разыскивающими избежавших мести приоза. Он отбыл, но вскоре вернулся сообщить нам, что множество приоза были все еще в дозорах или бежали из города. Обнаружить их всех — потребуется немало времени, и многие вполне успеют скрыться.

Это подало мне мысль. Хотя несомненно — непойманные приоза не представляли никакой реальной угрозы для Хула Хаджи, однако им не следовало позволять уйти безнаказанными.

«Это то, в чем я могу помочь», — решил я.

— Я буду вашим разведчиком, — предложил я. — Если я возьму воздушный корабль, то смогу путешествовать намного быстрее приоза и выяснить их точное расположение. Я вернусь и сообщу вам, где примерно найти тех, кто сбежал.

— Хороший план, — кивнул Хул Хаджи. — Я б отправился с тобой, но надеюсь здесь сделать еще много дел. Начни утром — тебе надо немного отдохнуть.

Я понял, что в этом есть смысл. В мое распоряжение была предоставлена спальня, и вскоре я уснул.

На следующее утро я поднялся на свой корабль, махнул на прощание Хулу Хаджи и сказал ему, что буду, вероятно, отсутствовать несколько дней. Большая группа приоза, как сообщили мне, бежала ночью на юг, так что лучше всего будет лететь в этом направлении.

Почти бесшумный двигатель начал пульсировать, пропеллеры принялись вращаться, и скоро я оставил Мендишарлинг и Хула Хаджи внизу.

Тогда я понятия не имел, что судьба, которая, чувствую, проявляла необыкновенный интерес к моим делам, припасла еще кое-что для меня.

Глава 11

ЛЕТУЧЕЕ ЧУДОВИЩЕ

Два дня спустя я был и в самом деле очень далеко на юге. Я видел несколько мелких отрядов приоза и взял на заметку их место пребывания и общее направление движения.

Я пролетел мимо границ Мендишара и увидел вдали цепь высоких горных пиков, показавшихся мне знакомыми.

Обнаружив всех приоза, я решил обследовать горы и посмотреть, не те ли они и в самом деле, как я подозревал.

Горы были те, что я думал. Арзгунские Горы, где прежде — или это еще должно было произойти? — я сражался против слуг злой ренегатки Хоргулы и зверя, которым она гипнотически управляла.

Я почувствовал, как во мне зашевелились эмоции — почти ностальгия, когда я летел над этими голыми горами. Я, конечно, не испытывал никакой любви к самим горам, но они напоминали мне о моих прежних приключениях, и особенно о коротком периоде счастья, которым я наслаждался с этой прекрасной девушкой Шизалой. Трудно было убедить себя в том, что она еще не родилась на свет.

Я раздумывал, не стоит ли снизиться, но рассудил, что арзгуны еще не разгромлены, вероятно, и укоротят меня. Тогда я погибну ни за что.

Я как раз поворачивал корабль, когда увидел появившееся вдруг из темного ущелья и летевшее ко мне навстречу нечто непонятное.

Это было чудовище таких поразительных пропорций, что сперва я счел, что оно не должно существовать. Трудно было понять, как могла лететь столь быстро эта массивная туша, если она только не являлась летательным аппаратом, изобретенным человеком.

Но оно не было сделано человеком.

У него был вид двуглавого хила — маленького хищного зверя, обитавшего в лесу дальше к югу, — с огромными клыками и горящими глазами. Из его плеч вырастали громадные кожистые крылья. Оно определенно приходилось родственником хиле по внешности и по характеру. Хила был достаточно опасен, но это создание во много раз превосходило его размерами.

Оно летело ко мне, вытянув огромные когтистые лапы словно для того, чтобы схватить меня, широко разинув пасти обеих голов.

Я вырубил рычаг скорости на «полный», потянул другой рычаг, чтобы выбросить балласт из люлек, подвешенных под гондолой.

Быстро набирая высоту, я сумел уйти на некоторое расстояние между зверем и мной. Но теперь эта тварь тоже наращивала высоту и скорость.

У меня не было времени поворачивать корабль, и я по-прежнему направлялся почти прямо на юг. Я желал бы иметь какое-нибудь иное оружие, чем мой меч и лежащие в гондоле смоченные в яде копья. Пулемет, заряженный разрывными пулями «дум-дум», мог бы, пожалуй, произвести легкий отпугивающий эффект на этого зверя. Еще лучше большая скорострельная зенитка, или огнемет, или один из лазеропроекторов.

В корабле не было ничего подобного. У меня начало появляться чувство, что на моей стороне не было даже преимуществ скорости, так как чудище начало медленно сокращать расстояние между нами.

Воздушный корабль был не самым маневренным судном, но воздушная акробатика, проделанная мной, поразила бы всякого, знающего о возможности маневрирования судном типа дирижабля!

Ниже меня — намного, намного ниже, — я увидел лес хилы, через который я однажды осмелился пройти с Дарналом, братом Шизалы.

Потом я миновал его и по-прежнему летел дальше на юг.

Я выжимал из мотора всю энергию так, что боялся, что пропеллеры раньше или позже полетят от тряски.

Чудовище подлетало все ближе и ближе. Оно было больше — включая его громадные крылья — чем мой корабль, и я знал, что одна лишь пара ударов его когтей могла уничтожить газовый шар и отправить меня на землю далеко вниз.

«Наверняка, — подумал я, — любое обыкновенное животное, чувствуя, наверное, что до победы и обеда рукой подать, — хотя я мог только чувствовать, что оно будет разочаровано своим обедом, — не откажется от погони».

Я поднялся повыше. Вскоре, если не буду осторожным, я попаду в слишком разреженную для дыхания атмосферу. Тогда мне не нужно будет беспокоиться о летучем хиле — или вообще о чем бы то ни было. Я буду покойником.

Я гадал, не была ли эта тварь, при всей своей свирепости, также труслива, как ее меньшие, привязанные к земле родичи из лесов. Если да, то мог быть способ отпугнуть ее.

Я ломал голову, но ничего не мог придумать. Чт о напугает двуглавое летучее млекопитающее в несколько тонн весом? Представился юмористический ответ — д р у г о е, большее двуглавое млекопитающее! У меня, однако, не было такого союзника.

Теперь хила — или как там оно называлось — был намного ближе, так что я ясно мог разглядеть его.

Больше по наитию, чем по чему-либо иному, я потянулся за одним из смоченных в яде копий и метнул его в чудовище через иллюминатор.

Я думаю, оно, должно быть, вошло в одну из его глоток, потому что рот закрылся, пожевал — и копы не было. Теперь чудовище почти настигло меня, и я решил, что могу с таким же успехом умереть сражаясь, хотя бы и тщетно.

Я метнул еще одно копые, на сей раз промахнувшись. То, что случилось дальше, было поразительно. Зверь потянулся и поймал падающее копые себе в пасть. Снова прожевал и проглотил.

Я испытал большое разочарование. На него не только не воздействовало мое жалкое оружие — оно наслаждалось им, как закуской.

Копья, во всяком случае, несколько отвлекли его, так как зверь замедлил движение, чтобы слопать их. Я швырнул остальные, пытаясь попасть в один из его глаз, но, к несчастью, без успеха.

Последнее, что я запомнил, был зверь, настигающий корабль! Огромная черная тень, казалось, поглотила меня. Я помню треск, скрежет и свою отчаянную мысль, что я обречен либо быть съеденным посреди неба воздушным хищником, казавшимся буквально всеядным, либо рухнуть с тысячеметровой высоты и вребезги разбиться.

Гондола бешено закачалась, я упал, ударился головой о стену панели управления, и когда начал терять сознание, я, подумал, что, по крайней мере, не буду осознавать собственной смерти.

Глава 12 НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Я чувствовал, что все кости в моем теле переломаны. Как оказалось — хотя всем костям следовало поломаться, — ни одна не сломалась! Я сильно ушибся и порезался — вот и все!

Но где я был?

Жив? Только-только. Как? Я не мог угадать.

Я начал выбираться из корпуса гондолы. Насколько я мог судить, она не была сильно повреждена: этот строительный материал якша, должно быть, был невероятно прочен.

Я добрался до люка, который теперь был надо мной, открыл и вылез в относительно темную марсианскую ночь, освещенную, как полагаются, двумя лунами.

Баллон с газом болтался на земле, полупустой. Неужто я падал столь стремительно, выпустив много газа из содержимого воздушного шара, что хила был не в силах последовать за мной?

Я не знал, но мой вариант ответа на то, как я спасся, был не очень-то убедительным.

Я вернулся в гондолу, подавив боль от ушибов, и взял заплату и банку липкой субстанции, найденной нами в городе якша. Гелий все еще улетучивался из баллона, но медленно, поскольку он

сложился, сформировав своего рода карман, из которого газ сочился менее быстро, чем он утекал бы при нормальных условиях.

Я поспешно залатал баллон и, довольный, думал, что есть еще достаточно запасных баков гелия.

Как раз когда я закончил свою работу, я увидел что-то справа от меня. Это был большой предмет.

Я осторожно приблизился к нему и обнаружил чудовище! Как же оно погибло? Я шагнул вперед, чтобы посмотреть, не смогу ли я разобраться в этом, — и тут я понял, что оно еще дышало!

Дышало с трудом, но тем не менее дышало!

Я догадался, что оно проглотило слишком много парализующего яда, чтобы его переварила даже такая невероятная пищеварительная система. Атакуя меня, оно было охвачено параличом и отклонилось, планируя вниз, и приземлилось здесь. Мой поврежденный дирижабль, должно быть, последовал вниз за ним и вскоре приземлился рядом.

Я поблагодарил Провидение за то, что дало хиле его странный аппетит. Затем я побежал к кораблю за своим мечом, который, вероятно, выпал с моего ремня, когда меня швырнуло назад.

Пока зверь спал, — я чувствовал себя в какой-то мере трусом, — это чудовище надо было убить, чтобы оно не напало на какого-нибудь другого путешественника — я пронзил его фасеточные глаза, надеясь добраться до мозга. Он подергался, дважды отшвырнул меня, но я не отставал, пока он не околел.

Затем я вернулся к кораблю и подсоединил контейнеры гелия к клапану баллона.

Скоро я чувствовал себя намного лучше, если не считать ушибов.

Я решил переночевать в гондоле, причалив корабль к земле, а утром сориентироваться.

Все еще оглушенный и утомленный испытанием прошедшего дня, я поднялся в воздух на следующее утро, не зная, что в точности я планирую.

Я увидел под собой петляющую реку, я совершенно не узнавал местности, но решил следовать за рекой, надеясь заметить поселение на ней, где смогу расспросить, где я нахожусь.

Я летел вдоль реки четыре дня, не видя ни единого поселка.

Когда я в конечном итоге кое-что увидел — это было не поселение, а флот!

Там было несколько дюжин прекрасно изготовленных парусных галер грациозной красоты, поднимавшихся вверх по реке. Снизившись, я увидел, что членами экипажей на кораблях были люди вроде меня, только темней кожей.

Я начал спускаться к ведущей галере, которая, судя по размерам и украшению ее единственного, треугольного паруса, была флагманом.

Я вызвал у них некоторое оцепенение, прежде чем нашел свой мегафон и крикнул:

— Я не собираюсь причинять вам никакого вреда. Кто вы?

На общем языке Марса, хотя акцент был едва знакомым, один из моряков крикнул.

— Мы люди Мишим Тена, направляющиеся в Бриллиантовый город! Кто ты?

Мишим Тен! Это был древнейший союзник Шизалы, а Карнал — землей, из которой вышла Шизала. Я чувствовал, что оказался среди друзей!

Я ответил им, что путешествую с севера — человек без племени, который будет рад любому обществу, если ему позволят спустить на борт корабля.

Их любопытство теперь, кажется, было возбуждено, и они также поверили мне, когда я сказал, что не представляю никакой опасности. Так что они позволили мне привязать дирижабль к мачте корабля и спустить на палубу веревочную лестницу — операция трудная, которую я, говоря с гордостью, выполнил не без ловкости.

Молодой капитан, симпатичный воин по имени Бурс Саз Хаджи, рассказал мне, что он много месяцев был в экспедиции на побережье, где маленькому союзнику Мишим Тена досаждали налетчики. Они уничтожили налетчиков и находились теперь на пути домой в Мих-Са-Вох, Бриллиантовый город, столицу Мишим Тена.

Чтобы не усложнять дела, я рассказал ему, что я ученый, изобретатель воздушного корабля, того, что шел теперь у нас на буксире. Я сказал, что путешествовал с Западного континента (что, строго говоря, было правдой).

— Если ты смог изобрести это, — с энтузиазмом заявил Бурс Саз Хаджи, — ты будешь больше чем желанным гостем при дворе нашего Бради, и тебе нечего страшиться голода. Он даст тебе нужные продукты и все остальное.

Я был рад это слышать, и тут же на месте решил сделаться именно тем, за кого себя выдавал, — выносливым ученым!

Я не слишком беспокоился насчет приоза, о которых мне не удалось доложить. Задание было на самом деле только для того, чтобы занять время, а приоза, вероятно, будут выслежены достаточно скоро. Я, конечно, скоро вернусь в Мендишар заверить Худа Хаджи, что я в безопасности. Но в то же время я не мог устоять перед перспективой пожить хоть немного с людьми моего

размера и общей внешности, — людьми, вдобавок имевших сходство в обычаях и традициях с моим приемным народом Карнала.

Спустя несколько дней показались башни Бриллиантового города.

Это было самое великолепное место, которое я видел в своей жизни. Каждая башня и крыша были украшены драгоценными и полудрагоценными камнями, так что издали город выглядел огромной вспышкой мерцающего света.

Его порт был сделан из белого мрамора, в котором сверкали кристаллы, отражающиеся в пляшущих водах реки. С ясного голубого неба сияло яркое солнце, запах кустов и травы был сладким, вид и шум счастливого, разумного и хорошо управляемого народа был радостью для меня.

Приветствовать прибытие кораблей из долгой экспедиции пришло много людей. Они были одеты в яркие плащи, состоявшие в яркости красок с демонстрируемыми флагами на наших мачтах. Многие ахали, видя на буксире воздушный корабль.

В воздухе звучала лёгкая музыка южных марсиан, приветствуя возвращение флота. Солнце было теплым, сцена — мирной. Впервые с тех пор, как я прибыл на Марс вновь, я почувствовал себя близким к счастью.

Хотя Хул Хаджи и мэндишары были культурным благородным народом, все-таки в их цивилизации ощущался налет дикости, слабое эхо связи со своими кузенами арзгунами, чего не было у народов Юга. Больше того, мэндишары, как и арзгуны, были физически настолько мне чуждыми, что ощущение снова пребывать среди людей моей собственной расы было очень приятно.

Мы сошли на причал, и родственники Боруса Саз Хаджи вышли приветствовать его. Он представил меня, и они сказали, что я буду их желанным гостем, пока не найду собственное место.

Борус Саз Хаджи сказал, что наутро он будет добиваться моей аудиенции с Бради.

Оглядываясь док, я увидел, что тут было много воинов — больше, чем я заметил сперва. Также, казалось, были в полном разгаре приготовления. Борус Саз Хаджи тоже заметил это и был озадачен так же, как и я. Он спросил об этом своих родных.

Они нахмурились и ответили, что сперва мы должны вернуться домой, потом они сообщат ему плохие новости.

Только вечером, когда мы сидели за столом, родители Боруса Саз Хаджи начали рассказывать ему, что Мишим Тен готовится к войне.

— Это черный день, и я не могу понять, как это произошло, — сказал отец моего нового друга. — Но...

Как раз в это время вошли мужчина и женщина. Они были примерно того же возраста, что и родители Боруса Саз Хаджи.

Они хотели узнать все о моем дирижабле, услышать о моих приключениях и так далее.

Таким образом разговор ушел от политики, когда я рассказал о своих приключениях и испытаниях на Севере и Западе. К тому времени, когда гости ушли, я был готов уснуть и, не теряя времени, воспользовался комнатой, приготовленной для меня родителями юного воина.

Утром Борус Саз Хаджи отправился во дворец, где Бради должен был поздравить его с победами, а я пошел в порт. Мы договорились, что он поговорит с Бради обо мне, пока я подготовлю дирижабль. Конечно, новости уже дошли до Бради, но он, очевидно, сам захочет посмотреть мой корабль. Я должен подрулить его ко дворцу и причалить там.

Пока я медленно добирался до порта, послонявшись малость, — потому что у меня в запасе было много времени, чтобы заглянуть в лавки и поболтать с теми гражданами Мих-Са-Воха, которые узнали во мне пилота чудесно летающей машины, — я увидел проходящую мимо меня небольшую процессию.

Она состояла из усталого вида воинов на дахарах.

Они явно только что вернулись из экспедиции, потому что были покрыты пылью и мелкими ранами.

У них был пленник — дикого вида человек с длинной густой бородой и очень светлыми длинными спутанными волосами. На нем тоже были шрамы, и руки у него были связаны за спиной, когда он сидел на своем дахаре.

Несмотря на его дикарскую внешность, он держался очень хорошо. Хотя я отбросил эту мысль как какой-то фокус сознания, я был уверен, что что-то в нем было мне очень знакомым. Поскольку это казалось невозможным, я решил не тратить свою энергию на разгадывание и спросил прохожего, не знает ли он, кем был пленник.

Тот покачал головой:

— Несомненно, это один из наших врагов, хотя обычно они не такого вида.

Я направился в порт и нашел свой дирижабль причаленным к одному из железных колец на набережной.

Я залез в гондолу и завел двигатель — этот чудесный маленький мотор не требовал, казалось, никакого горючего.

Затем я вырулил как раз над крышами сверкающего города ко дворцу, большому зданию, которое было великолепней, чем остальные. Оно казалось буквально построенным из драгоценных камней!

Я узнал, что в Мишим Тене добывали много разных ювелирных камней и, хотя они были полезным продуктом товарообмена, население не придавало им никакого значения.

Я достиг дворцовой лестницы и спустился немного туда, где на мой зов подбежали часовые и, взяв мои причальные канаты, надежно закрепили их.

Тут наверху лестницы появился Борус Саз Хаджи и приветствовал меня, когда я поднялся к нему.

— Я рассказал Бради о твоём предложении,— сказал он,— и теперь он побеседует с тобой. Он думает, что ты явился в удачный момент — подобный корабль, может быть, будет полезен в борьбе с нашими врагами.

Присоединившись к нему, я заметил, что он выглядит обеспокоенным.

— Что тебя тревожит? — спросил я.

Он взял меня за руку, когда повел во дворец.

— Не знаю,— сказал он. — Наверное, тут виноваты заботы о войне, которую мы собираемся начать, но Бради, кажется, не похож на самого себя. Происходит что-то странное, и я не могу понять, что это может быть.

Это было все, что он имел возможность сказать, потому что тут открылись огромные, все в бриллиантах, двери в тронный зал, и я увидел громадное помещение, расцвеченное большими знаменами с тянущимися до потолка высоко наверху ярусами галереи, а вдоль стен стояли вельможи, мужчины и женщины, все смотрели на меня с вежливым любопытством.

На возвышении трона находились три фигуры. Посредине был Бради, измученный заботами человек с седыми прядями волос и казавшейся высеченной из камня массивной, впечатляющей головой.

Слева от него со все еще связанными руками стоял увиденный мной ранее дикарь.

Но я узнал именно личность на табурете, рядом с Бради — и ощутил ненависть. И в то же время присутствие этой личности вызвало у меня чувство торжества.

Это была Хоргула, злодейка, которая, прямо или косвенно, была причиной большинства моих неприятностей в моем первом путешествии на Марс.

Хоргула!

Это могло означать только то, что мои расчеты относительно времени были верны, даже если я слегка оплошал в расчетах относительно пространства.

Если Хоргула была здесь, значит где-то была и Шизала!

И Хоргула и дикарь повернулись посмотреть на меня. И они оба заговорили, произнеся те же два слова:

— Майкл Кейн!!!

Почему они оба узнали меня?

Глава 13

ИЗМЕНА ХОРГУЛЫ

Я осознал, что нахожусь в опасности.

А затем вдруг узнал голос дикаря и понял, почему тот казался мне таким знакомым. Это был Дарнал — брат Шизалы, с которым я расстался, казалось, годы назад в арзгунских пещерах.

Если он был пленником, тогда мой долг освободить его, потому что он — мой близкий друг.

Я выхватил меч и, вместо того чтобы бежать из зала, подбежал к Дарналу, прежде чем пораженные придворные смогли отреагировать.

Хоргула завизжала, показывая на меня:

— Вот этот — вон он! Он единственная причина этой войны!

Как я, отсутствуя в этом времени и пространстве, мог вызвать войну? Я не задержался, чтобы это выяснить. Я перерезал пути Дарнала, а затем резко обернулся, когда один придворный бросился на меня с мечом.

Используя финт, которому еще в детстве меня научил мой старый учитель фехтования месье Кларке, я заколол его концом своего меча, выдернул оружие из его руки и отправил завертевшимся штопором к себе.

Потом я бросил его Дарналу, и мы оба были вооружены. Финт этот не сработал бы ни на ком, кроме человека, застигнутого врасплох, — но он сработал, а это-то и было важно.

В тронном зале возникла сумятица. Я был уверен, что произошла ужасная ошибка и что ответственной за нее была Хоргула, и не хотел убивать никого из людей, столь гостеприимно меня принявших.

Мы с Дарналом вели оборонительные действия в углу тронного возвышения, а придворные остерегались атаковать нас, чтобы в случае чего не ранить своего Бради.

Это подало мне идею для блефа, который предотвратил любое кровопролитие, включая нас.

Я прыгнул за спину Бради и схватил его за ремни.

Затем я занес меч над его головой.

— Троньте нас — и я убью вашего Бради, — сказал я громким голосом.

Они остановились и опустили оружие.

— Не слушайте его, — завизжала Хоргула. — Он лжет, он не убьет вашего Бради!

Я заговорил как можно строже — хотя Хоргула, зная меня получше, была совершенно уверена и права в том, что сказала, — и обратился к придворным.

— Я — человек отчаянный,— заявил я. — И не знаю, почему вы держите пленником сына правителя своего древнейшего союзника, почему вы позволяете этой злодейке занимать тронное возвышение вашего Бради. Но поскольку вы это делаете, я должен защищать себя и своего друга. Разве вы не узнаете в нем Дарнала из Карнала, Брадинака и пукан-нару?

— Узнаем! — крикнул один из придворных. — И именно поэтому мы держим его в плену! Мы воюем с Карналом!

— Воюете? — Я едва мог поверить своим ушам. — Воюете со своими друзьями с древних времен? Почему?

— Я скажу тебе, почему,— завизжала Хоргула. — А ведь тебе следовало бы знать, поскольку ты частично причина всего этого. Твоя развратная Брадинака Шизала прокляла и убила сына Бради — Телема Фас Огдая, чтобы она могла выйти замуж за т е б я!

Я был поражен грандиозностью этой лжи. Именно Хоргула была ответственна за то, что Телем Фас Огдай превратился в предателя и, в конечном итоге, был убит в честном бою.

— Наверняка ведь известно, что Телем Фас Огдай предал Карнал? — спросил я, поворачиваясь к придворным. Но они стояли и роптали, не убежденные сказанным мной.

Их представитель сказал:

— Она рассказала нам о подлом заговоре, измышленном тобой. Шизалой Карнальской была оскорблена честь Мишим Тена, уничтожен его любимый сын, а затем должен быть атакован и уничтожен Бради — такое может смыть только кровь!

— Ты говоришь чушь! — вспыхнул я. — Я знаю правду — Хоргула загипнотизировала вас, как гипнотизировала столь многих раньше. Вы поверили в историю, которая не устояла бы перед анализом, если бы ваш ум не притупила ее власть.

Бради рванулся в моем захвате.

— Если бы не она, мы никогда не узнали бы правды,— прозвучал ответ. Он говорил механически, и я был уверен, что он находится в полной власти Хоргулы.

— Ваш Бради загипнотизирован ею,— отчаянно выкрикнул я.

— Ты лжешь! — завизжала Хоргула. — Я всего лишь простая женщина, которая была обманута Майклом Кейном точно так же, как он пытается обмануть вас. Убейте его! Убейте!

— Как же могла одна женщина убедить целую страну в грандиозной лжи? — крикнул я, оборачиваясь к ней. — Что ты сделала, злодейка? Ты заставила два великих народа вцепиться друг другу в горло. Неужели у тебя нет никакого чувства стыда за то, что ты наделала?

Хотя она и продолжала играть свою роль, я увидел отблеск иронии в ее глазах, когда она ответила:

— Неужели у тебя нет никакого чувства стыда? Ты незванный гость, растоптавший все великие обычаи и традиции южных стран для того, чтобы иметь полюбившуюся тебе женщину.

Мне стало ясно, что убедить их будет невозможно.

— Отлично,— бросил я. — Если я такой злодей, как ты говоришь, тогда ты знаешь, что я выполню свою угрозу и убью Бради, если вы попытаетесь напасть на меня.

Я двинулся вперед, и она неохотно отступила, давая мне пройти.

Дарнал приоткрывал мой тыл, когда мы прошли через зал к дверям, а оттуда через приемную к дворцовой лестнице и моему воздушному кораблю.

Я вынудил Бради забраться по веревочной лестнице, и Дарнал последовал за мной. Очутившись в гондоле, я обратился к старику.

— Ты должен верить нам, когда мы отрицаем сказанное Хоргулой,— настойчиво сказал я ему.

— Хоргула всегда говорит правду,— ответил он ровным голосом, глядя на нас стеклянными глазами.

— Неужели ты не понимаешь, что она тебя загипнотизировала? — спросил я его. — Карнал и народ Мишим Тена столь долго были друзьями, что война между ними может уничтожить все, что означает южные страны и южную культуру.

— Она не стала бы лгать.

— Но она же лжет! — Теперь в первый раз заговорил Дарнал. — Я не понимаю всего, о чем вы говорите, но я понимаю, что ни моя сестра, ни Майкл Кейн никогда не совершили того, в чем ты их обвиняешь.

— Хоргула хорошая. Она говорит правду.

Я печально покачал головой. Потом я провел его к люку и показал на веревочную лестницу.

— Ты можешь идти, бедный обманутый человек,— сказал я. — Это ли я вижу — тень некогда великого Бради?

На миг что-то, казалось, заискрилось в его глазах, и я понял, каким человеком он действительно был, когда не находился под гипнотической властью Хоргулы. Горе из-за измены и смерти сына, должно быть, на время подорвало его силы — и в это время Хоргула и сумела добраться до него и обработать его ум, пока не подавила его волю.

Я недооценивал ее. Я думал, что разбил ее в арзгунских пещерах, но вместо этого она немедленно составила план, как достичь своих целей и отомстить за себя всем своим врагам — и одним из этих врагов, хотя тут этого не понимали, был Мишим Тен.

Мы подождали, пока Бради не добрался до земли, а затем, когда хлынули вперед придворные и часовые, вытянули лестницу,

перерубили причальные канаты и поднялись в небо над Бриллиантовым городом.

Теперь, когда я знал правду, что я действительно был в том же временном периоде, из которого меня вытянули раньше, я твердо решил вернуться в Варналь, город Зеленых Туманов, и увидеть мою Шизалу. Мы также должны были разузнать, что же Бради Карнак — отец Шизалы и Дарнала — знал об этом деле и что он готовился предпринять.

Великая битва, имевшая место в Варнале между Карналом и арзгунами, сильно истощила силы Карнала и ослабила. Я не думаю, что у них, карнальцев, может быть шанс выиграть войну с более сильным Мишим Теном.

И я не думаю, что они будут воевать со всей душой, потому что, в то время как мишимтенцы были убеждены, что Хоргула говорила правду, карнальцы знали иное и должны были испытывать больше чем сочувствие к заблуждению своих друзей.

Нам потребуется некоторое время, даже при предельной скорости, чтобы добраться до Варналя, но, по крайней мере, Дарнал сможет служить мне проводником.

Пока мы летели к городу Зеленых Туманов, Дарнал рассказал мне, что выпало на его долю с тех пор, как мы расстались в арзгунских пещерах.

Вы помните, что мы с Дарналом решили, что одному из нас следует вернуться на юг получить помощь для спасения Шизалы, которая была пленницей Хоргулы в арзгунских пещерах, если я не буду иметь успеха в своей попытке.

Он как можно быстрее поскакал, пересекая покрытые нами сотни миль. Но его дахар вскоре охромел, он оказался без овра в кишащих хилами лесах.

Каким-то образом он отбилсЯ от нападавших на него, хотя его дахару не так повезло, — но он потерял ориентировку и наткнулся на деревню дикарей, которые взяли его в плен с намерением съесть.

Он сумел бежать, проделав подкоп, из хижины, куда его заточили, но, безоружный и умирающий от голода, он какое-то время скитался, пока не встретил отряд кочевых пастухов, которые оказали ему помощь.

Последовало еще много всяких приключений, и вскоре он был поработен разбойниками, продавшими его представителю Бради мелкого государства, сумевшего как-то уцелеть на юге, хотя в смысле цивилизации оно было далеко позади большинства южных стран.

Он ухватился за первую же возможность бежать и направился в Мишим Тен, ближайшую дружественную страну, как он думал.

Добравшись до Мишим Тена и рассказав жителям небольшого поселения неподалеку от границы, кто он такой, он был изгнан как враг! Он не мог поверить случившемуся и решил, что произошла ошибка.

Он оказался преследуемым теми, кого считал надежным союзником своей страны. Неделями он избегал разыскивающих его стражников, но в конечном итоге был загнан в угол. Он дрался хорошо, но в конце концов был взят в плен.

Стражники взяли его в Мих-Са-Вох, где я впервые увидел его после нашей разлуки.

Это была повесть не хуже моей, которую я, по его просьбе, рассказал ему.

Скоро мы летели над огромной равниной, которую я сразу узнал по покрывавшему ее необычному алому папоротнику, волновавшемуся на ветру, словно бесконечный океан, — Алая Равнина.

Я приветствовал ее.

Это означало, что мы находились довольно близко от Зовущих Холмов, на которых расположились Варналь, город Зеленых Туманов, Дом карнальских Бради и Шизалы, моей возлюбленной.

Зовущих Гор мы достигли на следующий день утром и в скором времени добрались до Варналя.

У меня екнуло сердце от радости, когда я снова увидел высокие башни Варналя. То тут, то там некоторые здания были странного голубого мрамора, добывавшегося в этих горах. Мрамор пронизывал жилки золотых узоров, заставлявшие здания сверкать на солнце. На башнях развевались вымпелы. По сравнению с Бриллиантовым городом он казался не таким большим, и все же для меня он был несравненно более прекрасным — и несравненно более желанным.

Мы спустились на городскую площадь, и сразу же вперед вышли стражники, крайне настороженные.

Бради Карнак поспешил спуститься по дворцовой лестнице, за ним следовала Шизала.

— Шизала!

Она подняла взгляд и увидела меня. Наши взгляды встретились... Мы стояли так с подступившими к глазам слезами радости, потом я выпрыгнул из гондолы и поспешил заключить ее в свои объятия.

— Что случилось? — спрашивала она. — О, Майкл Кейн, что случилось? Я не знала, что и думать, когда ты исчез в ночь перед церемонией обручения. Я знаю, что ты не покинул бы меня по собственной воле. Что случилось?

— Скоро я расскажу тебе, — пообещал я. — Но сперва надо обсудить другое.

Я повернулся к Бради:

— Вы знаете, что Мишим Тен собирается в поход против Варналя?

Он мрачно кивнул, полный печали:

— Объявление войны прибыло с гонцом вчера, — ответил он. — Я не могу понять, как вышло, что Болит Фас Огдай поверил в ложь. Он обвинил нас — и тебя, Майкл Кейн, — в ужасных преступлениях, известных нашему обществу. Мы много лет были друзьями. Как же это могло случиться?..

— Это я тоже объясню, — обещал я. — А теперь давайте забудем об этих проблемах — мы снова вместе.

— Да, — согласился он, пытаясь улыбнуться. — Это все же день радости — увидеть вас обоих вернувшимися, это больше, чем я смел надеяться. Идемте, идемте — мы пообедаем, поговорим и все узнаем.

Под руку мы с Шизалой последовали за ее отцом и братом во дворец.

Скоро обед был готов, и я начал рассказывать им о своем возвращении на Землю, о путешествии обратно на Марс, и о своих приключениях на Севере. Потом Дарнал говорил о своих приключениях, и мы обсудили происшедшее в Варнале с тех пор, как мы его покинули.

Несмотря на неотступное присутствие черной угрозы войны, которую мы не могли скрыть, разговор продолжался далеко за полночь. Следующий день принесет две вещи — церемонию обручения между Шизалой и мной, необходимую, прежде чем мог иметь место брак, и планы войны.

Г л а в а 1 4

НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

— Так значит, Хоргула обманула Болита Фас Огдая, как обманула и его сына, — сказал Карнак на следующее утро.

— Он в полной ее власти, — подтвердил Дарнал.

Мы завтракали вместе — редкий обычай на Марсе, но нельзя было терять времени.

— Должен быть способ убедить Бради, что она лжет, — сказала Шизала.

— Ты его не видела, — возразил я ей. — Мы пытались убедить его, но он едва сознавал, что мы говорим — он был словно спящий. Эта война — ее дело, не Болита Фас Огдая.

— Вопрос остается прежний, — указал Дарнал. — Как мы можем отвратить эту войну? Я не желаю проливать кровь своих друзей и не желаю видеть Карнал уничтоженным, потому что они несомненно победят.

— Если только я смогу додуматься до одного способа,— тихо проговорил я. — Это нежелательное решение, но другого выхода, кажется, нет. Если откажет все прочее, кто-то должен убить ее. Со смертью Хоргулы придет конец ее власти над Бради и его подданными.

— Убить женщину! — Дарнал был шокирован.

— Мне эта мысль нравится не больше, чем тебе.

— Ты прав, Майкл Кейн,— кивнул Карнак. — Это, должно быть, наш единственный шанс. Но кто же возьмется за такую отвратительную задачу?!

— Поскольку я додумался до этого решения, значит ответственность должна лежать на мне,— пробормотал я.

— Давайте обсудим это позже,— поспешно предложил Бради. — Сейчас почти уж время для обручальной церемонии в тронном зале. Вы с Шизалой должны подготовиться.

Я вернулся в свои покои, а Шизала в свои. Там я нашел разнообразное снаряжение и одежду. В скором времени прибыл Дарнал показать мне, как я должен надеть все это.

Там была португеза, сделанная из золота и серебра, усеянная драгоценностями, камнями, и меч, тоже сверкающий бриллиантами, с соответствующим кинжалом.

Был и толстый синий плащ с богатой алой оторочкой. Плащ этот был украшен тонкой желто-зеленой вышивкой, изображающей символически сцены из истории Карнала.

Была также и пара сандалий из мягкой сверкающей черной кожи, заплетавшейся ремнями как раз ниже колен.

Скоро я облачился во все это, и Дарнал отступил полюбоваться мной.

— У тебя прекрасный вид,— заявил он. — Я горжусь, что стану тебе братом.

В марсианском словаре нет такого понятия как «шурин». Когда человек женится, в семье он автоматически обретает тот же статус, что и кровный родственник. Я стану сыном Карнака и братом Дарнала — их братья и кузены станут моими. Казалось странным, что по этой логике Шизала станет не только моей женой, но и сестрой! Но таков уж обычай Марса, и я его принимаю.

Дарнал провел меня в тронный зал, где нас ждали немногие избранные придворные. Тронный зал отличался от того, что я видел в Бриллиантовом городе, он был попроще и менее претенциозным. На возвышении стоял Бради Карнак в мантии из черного меха, с диадемой на голове.

Подобно большинству важных обычаев Южного Марса, церемония была краткой и все же впечатляющей.

Карнак объявил, что мы должны пожениться, и мы подтвердили, что таково было наше желание. Затем он спросил, нет ли

каких возражений против этого брака. Никаких возражений не было.

— Тогда, — заключил Карнак, — пусть моя дочь Шизала, Бранинака, и мой сын, Майкл Кейн с Негалу, сыграют свадьбу, когда им будет угодно, но после периода в десять дней с этого часа.

Так я обручился с этой чудесной девушкой.

Теперь предстояло готовиться к бессмысленной войне.

С балкона дворцовой башни мы смотрели на площадь внизу, где начала собираться наша до жалости истощенная армия.

Я уже снял с себя церемониальное облачение и был одет в простое снаряжение воина, с мечом, как у работяги, и одним из довольно неточных духовых пистолетов Карнала. На плечах у меня висел плащ из темно-зеленой ткани.

Могу отметить также, что я начал отпускать волосы, по моде южных марсиан. Хотя в нашем обществе в какой-то степени косо смотрели на этот обычай, человек с короткими волосами на Марсе выделяется, и ему склонны задавать вопросы насчет них. Таким образом, чтоб стать как можно более похожим на своих хозяев, которых никто не может назвать не мужественными, я дал своим волосам полную волю. Они удерживались от спадания на глаза, тоже по марсианской моде, посредством простой металлической диадемы. Моя была из золота и являлась обручальным подарком Шизалы. Я стоял, обнимая ее одной рукой, когда мы смотрели на площадь.

Как главный пукан-нара карнальских воинов, Дарнал находился на площади, но Карнак был с нами на балконе.

— Ты был способен судить о силе Мишим Тена? — спросил меня Карнак.

— Да, — ответил я. — Во всяком случае до некоторой степени они, должно быть, превосходят вас в численности: пять-шесть к одному.

— Наш сильнейший союзник — против нас! Эта будет разрушением Юга, каким мы его знали, — слабо произнесла Шизала. — Равновесие сил веками поддерживалось теми, кого мы выбирали и называли «благоволящими странами», среди них главные Мишим Тен и Карнал. Это война до такой степени ослабит нас, что Юг станет добычей всякого рода врагов.

— Несомненно, именно этой анархии и добивается Хоргула, — сказал я. — В последовавшей за войной анархией, — а для нее не может иметь значения, кто выиграет, — она обретет власть, которой жаждет. Она потерпела неудачу в своей попытке разбить нас, использовав арзгунов, — теперь она пробует сделать это по-другому. Она не так-то легко сдается.

— Странная она женщина, — проговорила Шизала задумчиво. — Я провела много времени в ее обществе — против своей

воли, конечно, поскольку была ее пленницей. Иногда у нее такой невинный и недоумевающий вид, в другое время она — чудовище. И эта ее странная сила, эта способность заставлять других делать то, что ей вздумается. Она — нечеловеческая.

— Она не нечеловеческая, — возразил я, — поскольку многие, должно быть, обладают схожей силой, хотя и не столь развитой. А то, как она использует ее, вот что извращение!

— Она, кажется, винит все южные страны в совершенном против нее преступлении, — сказала Шизала. — Почему бы это?

— Кто может объяснить мотивы больного ума? — ответил я вопросом на вопрос. — Она безумна, и если бы безумие легко объяснили логикой, тогда, наверное, не было бы никакого безумия!

— Этот твой план, — сказала Шизала с легким содроганием, — убить ее. Как ты планируешь совершить это покушение?

— Она настолько отвратительна для меня, — ответил я, — что я мало об этом думаю. Сперва мы должны подождать, пока не выступит в поход главная армия Мишим Тена. Я не думаю, что Хоргула станет рисковать собственной жизнью, поехав с армией. Она останется в тылу.

— Я убью ее, конечно, только в крайнем случае, — то есть если не смогу найти никакого другого способа, чтобы убедить Бради, что она лжет. Или, еще лучше, заставить ее признаться, что она говорит неправду!

— А когда армия выступит в поход — что тогда?

— Я тайно прибуду в Мишим Тен.

— Как?

— Я пройду большую часть расстояния на воздушном корабле, потом выкрашу кожу примерно в тот же цвет, что и у людей из Мишим Тена, вступающих в город как наемники. Я считаю, что есть отряды наемников, ищущих работу в Мишим Тене.

— Они джелуза — родичи мишимтенцев.

— Тогда я стану джелуза.

— А что потом?

— Попрошу поговорить с Хоргулой наедине, скажу ей, что знаю тайны...

— Она узнает тебя...

— Разве среди наемников-джелуза нет обычая маскироваться, чтобы никто не знал, кого он нанял?

— Есть.

— Значит я буду в маске.

— А когда, если твоя попытка окажется успешной, ты останешься с ней наедине?

— Я постараюсь похитить ее и заставлю написать правду. Тогда я захвачу ее и доставлю признание Бради Мишим Тена. Если он откажется принять истину, я покажу документ ему и его вель-

можам. Я уверен, что они увидят правду, не находясь под ее чарами. — Мой голос оборвался, когда я увидел выражение лица Шизалы.

— Это смелый план, — сказала она, — но он почти обязательно провалится, любовь моя.

— Это единственный план, что у меня есть, — ответил я, — единственный с малейшей надеждой на успех.

Она нахмурилась.

— Помнится, Телем Фас Огдай однажды рассказывал мне об одном почти забытом предмете, имеющемся у них в Мих-Са-Вохе, в их казне. Это щит с полированной поверхностью, от которого всякий, кто поглядит на него, застывает.

Меня заинтересовал этот рассказ, поскольку он, казалось, имел сходство с земным мифом о Персее и Горгоне, и, наверное, поскольку наша раса произошла от марсианской, отсюда и было происхождение нашей легенды.

— Продолжай, — попросил я мою возлюбленную.

— Ну, у этого щита есть и еще одно качество. Всякий, кто смотрит на него, вынужден говорить истинную правду. Это имеет какое-то отношение к гипнотическому эффекту поверхности. Я не знаю научного объяснения, но он, вероятно, был сделан шивами или якша, а их наука намного опередила мои знания.

— И мои тоже.

— Я думаю, это только легенда — забавная история, рассказанная Телемом Фас Огдаем, чтобы скоротать час.

— Она кажется маловероятной, — согласился я, а затем выкинул эту мысль из головы. Я не мог себе позволить зря тратить время на гадания и предположения.

Шизала вздохнула.

— Неужели нам никогда не знать мира и покоя, Майкл Кейн? — сказала она. — Неужели какая-то сила решила, что столь богатой любовью, как наша, нельзя наслаждаться. Почему мы постоянно расстаемся?

— Если я преуспею, у нас, наверное, будет шанс провести вместе долгие годы в мире, — утешающе сказал я.

Она снова долго смотрела мне в глаза.

— Ты думаешь, что это возможно?

— За это стоит бороться, — просто ответил я.

* * *

На следующий день мы снова стояли на балконе.

— Армия Мишим Тена, должно быть, уже выступила, — говорила она, — и движется к Карналу. Ей потребуется много дней, прежде чем она доберется до нас.

— Это дает мне намного больше времени сделать то, что я должен,— откликнулся я. Я знал, что она намекает на то, что мы могли бы провести вместе еще несколько дней, но я не мог себе позволить рисковать.

— Я полагаю, что так,— неохотно согласилась она.

Тут я поцеловал ее, привлеки к себе.

Снова, глядя на площадь, я следил, как крошечные вооруженные силы, недавно отбившие натиск куда больших сил арзгунов — Синих Гигантов,— делали свои приготовления.

Было решено, что лучше встретить армию Мишим Тена на поле боя, чем дожидаться, когда она осадит город. Если возможно, город и его женщин и детей необходимо сохранить. Солдаты армии Мишим Тена не были варварами, и коль скоро они разобьют армию Карнала, они не станут предпринимать никаких репрессий за любые предполагаемые оскорбления и измену, якобы учиненные им нами.

Видя готовящуюся армию, я решил не терять больше времени и той же ночью отправился в Бриллиантовый город.

Я попрощался с Карнаком и Дарналом. И сказал «до свидания» Шизале.

Я также молча сказал «прощай» этому замечательному городу, когда заходящее солнце покрыло его мрамор красным, словно кровь, пятном.

И тогда, покончив с кратким периодом мира, я направился обратно в Мих-Са-Вох.

Г л а в а 15

МАСКА УБИЙЦЫ

Я стоял у ворот Бриллиантового города и отвечал на оклик стражника.

— Чего тебе надо в городе? Разве ты не знаешь, что Мишим Тен находится в состоянии войны?

— Потому-то я и явился, друг мой. Разве ты не видишь, что я джелуза?

В маске из тонкого филигранного серебра, покрывавшего мое лицо, в кроваво-красном плаще и с мечом в ножнах — странный обычай на Марсе — я выглядел совершенным наемником джелуза. Или так я думал. Теперь, когда стражник давал мне внимательную оценку, я был не так уж уверен.

Затем он, кажется, был удовлетворен.

— Можешь проходить,— разрешил он. После мгновенной задержки ворота распахнулись, я прошел небрежной походкой, с ранцем за спиной.

Стражник спустился со стены и встал предо мной.

— У тебя нет дахара,— заметил он. — Это почему?

— Он захромал по пути сюда.

Он принял это к сведению и указал сквозь вечерний сумрак на улицу.

— Ты найдешь остальных в Доме Голубого Кинжала,— сказал он.

— Остальных? Кого остальных?

— Ну, конечно же, остальных твоих спутников. Разве ты не с отрядом?

Я не посмел рисковать, отрицая это, поэтому направился в указанном направлении к Дому Голубого Кинжала — дому с меблированными комнатами и таверной — и вошел. Внутри сидело несколько наемников джелуза в масках из бронзы, серебра и золота, некоторые из них были сделаны в форме чуждых лиц, а некоторые усыпаны крошечными бриллиантами.

Поскольку они никак не признали меня, я не признал их.

Я спросил владельца таверны, нет ли у него свободной комнаты, но он пожал плечами.

— Ваши ребята заняли все. Вы не разделите комнату с одним из них?

Я покачал головой.

— Не имеет значения. Я найду другую таверну. Не могли бы вы мне порекомендовать?

— Вы можете попробовать в Доме Повешенного Арзгуна, на следующей улице.

Я поблагодарил его и вышел. Было очень темно, и я с трудом находил дорогу на улице. Уличного освещения, кажется, не существовало даже в самых цивилизованных марсианских городах.

Я заблудился и так и не нашел дорогу к таверне с несколько кроважидным названием. Когда я принялся искать другую таверну, у меня появилось чувство, что за мной следят.

Я полуобернулся, пытаюсь увидеть уголком глаза, нет ли кого позади меня, но маска загораживала обзор, а я не хотел рисковать, снимая ее.

Я продолжал идти дальше, а затем свернул в узкий переулок и прижался, сливаясь с деревьями.

Достаточное время я прождал и увидел, как мимо меня, довольно поспешно, прошла фигура. Я шагнул из своего укрытия, доставая меч.

— Разве это вежливо, друг,— осведомился я,— таким вот образом следить за человеком?

Он, ахнув, обернулся и потянулся за щитом.

Лунный свет блеснул на чем-то, и я сообразил, что он носил маску джелуза.

— Что это, — спросил я, как можно безразличнее. — Ты хочешь ограбить товарища?

Голос, исходивший из-под маски, был хладнокровным. Этот человек не потрудился вытащить свой меч.

— Делать что-нибудь подобное — против кодекса джелуза, — сказал он.

— Тогда что же ты хочешь от меня?

— Заглянуть за эту маску, д р у г.

— Это тоже против нашего кодекса, — сказал я.

— Не знаю, какой твой кодекс, друг, но кодекс джелуза я знаю достаточно хорошо. А ты?

Очевидно, я сделал какую-то ошибку, и этот человек заметил ее. Наверное, существовал тайный знак, которым обменивались джелуза, внешне, казалось, не признавая друг друга.

Похоже, что мне придется убить этого человека, раз он угрожал раскрыть мою тайну. Слишком много было поставлено на кон, чтобы рисковать, что он выдаст меня и разрушит таким образом мой план.

— Вынимай свой меч, — мрачно велел я ему.

Он засмеялся.

— Доставай!

— Так значит я был прав, — заключил он. — Ты маскируешься под джелуза.

— Именно так. А теперь доставай свой меч!

— Почему?

— Потому что, — сказал я, — я не могу позволить тебе выдать мою тайну. Я должен постараться заставить тебя замолчать.

— Разве я говорил, что собираюсь рассказывать о том, что знаю?

— Ты же джелуза, а я нет. Ты знаешь, что я только притворяюсь им.

Он снова рассмеялся.

— Но джелуза могут быть польщенными, что ты желаешь быть одним из них. В нашем кодексе нет ничего гласящего, что мы должны выдать человека или убить его просто потому, что он выдает себя за одного из нас.

— Тогда почему ты следишь за мной?

— Из любопытства. Я подумал, что ты вор. Это так?

— Нет.

— Жалко. Понимаешь, — как может тебе известно — союз джелуза в масках — это не только союз наемников, но и воры тоже. Мне пришло в голову, друг мой, что ты мог находиться здесь по тому же делу, что и я.

— А именно?

— Ограбить дворцовую казну. В конце концов, там мало часовых, а это идеальная возможность. Предполагается, знаешь, что ее невозможно ограбить.

— Я не вор.

— Тогда зачем же ты скрываешься за маской джелуза?

— Это мое дело.

— Ты шпион Карнала?

Поскольку я не был шпионом, я покачал головой.

— Это очень таинственно,— насмешливым голосом произнес джелуза.

Тут мне кое-что пришло в голову.

— Как ты собираешься проникнуть во дворец? — спросил я его.

— А, так значит у тебя та же цель, что и у меня!

— Сказано тебе, я не вор, но мне необходимо пробраться во дворец, не приближаясь к часовым.

— Какая же тогда? Убийство?

Я содрогнулся. Лгать не было смысла: в качестве последней возможности я был готов убить Хоргулу, если это помешает двум великим странам уничтожить друг друга.

— Так вот оно что,— пробормотал джелуза.

— Это не то, что ты думаешь. Я не наемный убийца.

— Идеалист! Клянусь лунами, прошу прощения — я должен идти. Идеалист! — Джелуза отвесил насмешливый поклон и притворился, будто пытается поспешно уйти.

— Реалист,— огрызнулся я. — Я здесь для того, чтобы остановить неминуемую войну.

— Идеалист! Войны уходят и приходят, зачем пытаться остановить их?

— Это едва ли объективное суждение, раз оно исходит от того, кто зарабатывает себе на жизнь войной,— заметил я. — Но я устал, ты поклянешься молчать обо мне или достанешь свой меч?

— В данных обстоятельствах я буду хранить молчание,— ответил замаскированный, его позолоченная маска в алмазах вдруг блеснула в луче упавшего на него лунного света. — Однако у меня есть предложение. Я обещаю молчать и не пытаться больше о цели твоего проникновения во дворец — и я думаю, мое предложение послужит нашей взаимной выгоде.

— Какой именно?

— Чтоб мы помогли друг другу проникнуть во дворец, а потом мы пойдем разными путями — ты к жертве, я — к казне.

Это правда, союзник мне мог понадобиться, хотя был ли этот циничный вор именно тем союзником, которого мне следовало бы избрать, я не знал.

Я подумал над его предложением.

Потом кивнул.

— Отлично,— согласился я. — Поскольку ты, вероятно, более опытен в этих делах, я сделаю так, как ты скажешь. Каков твой план?

— Вернемся к Дому Голубых Кинжалов,— предложил он,— в мою комнату. Немного вина, немного отдохнем — и немного поговорим.

Довольно-таки неохотно я последовал за ним через лабиринт улиц, дивясь его чувству направления. Наверное, в конечном счете, этот вор будет больше чем полезен.

Вор не снял маски, когда мы добрались до его комнаты, хотя я снял свою. Он склонил голову набок. Его маска была отлита так, что напоминала странную птицу и придавала ему гротескно комический вид.

— Мое имя по Гильдии Токо,— представился он.

— Мое имя... — Я поколебался. — Майкл Кейн.

— Очень странное имя. Да, как ты и подозреваешь, я его слышал.

— И что ты думаешь об этом имени?

— Как я сказал, я думаю, что оно странное. Если же ты имеешь в виду, что я слышал и что я об этом думаю — ну, что есть истина? Скажу тебе, друг мой, я не верю ничему и всему. Я не хороший член Гильдии — другие, подавшие тебе знак, были более сердиты, чем я.

— А что за знак?

Небрежно, большим пальцем правой руки он прочертил на маске крестик.

— Я не заметил,— признался я.

— Это знак необходим, когда все носят маски,— пояснил он. — Этому мне тоже не следовало бы рассказывать тебе. Многие пытались прикидываться джелуза. Лучше личины просто нет.

— Кто-нибудь еще заметил? — спросил я.

— Я сказал им, что ты подал мне знак, но что тебе может понадобиться помощь, чтобы найти таверну. Это было моим предлогом последовать за тобой.

— Ты отчасти ренегат,— заметил я.

— Чепуха — просто я живу, как могу. Я не верю в эти надутые Гильдии и тому подобное.

— Тогда почему ты не покинешь ее?

— Маска, мой друг,— защита. Я выживаю.

— Разве нет никаких наказаний за разглашение тайн Гильдии?

— Мы более расхлябанны, чем бывало, все мы — лишь немногие фанатики, поддерживающие традиции. Кроме того, я не могу перестать болтать. Я все время должен болтать, поэтому

кое-что из моей болтовни должно выдавать тайны. И все же: что есть тайна? .

Это последнее казалось довольно риторическим вопросом, так что я не потрудился на него отвечать.

— А теперь,— сказал Токо,— что насчет дворца?

— Я бывал только в главном зале,— сказал я. — Я мало знаю его расположение.

Токо сунул руку под одеяло и достал большой свиток жесткой бумаги. Он разгладил его и показал мне. Это был детальный план дворца, показывающий все окна и выходы, все этажи и все на них. Это была превосходная карта.

— Это стоило мне церемониальной маски,— пояснил Токо. — Все равно я ею никогда не пользовался — и я смогу сделать другую, когда разбогатею.

Я не был уверен, морально ли помогать вору ограбить королевскую казну, но подумал, что все драгоценности Мишим Тена будут малой ценой в уплату за предотвращение готового случиться кровопролития.

— Зачем там охраняется ~~казна~~? — недоумевал я. — Зачем, когда бриллианты можно выкопать из городских стен, а жители относятся к ним как к обыкновенным камням?

— Не столько сами по себе бриллианты, которые получают высокую цену в нескольких тысячах миль к северу или востоку отсюда, а отделка предметов, хранящихся в казне,— объяснил Токо.

Он нагнулся вперед, его глаза сверкнули на меня из-под разукрашенной маски.

— Вот самый лучший путь во дворец,— сказал он. — Я отверг это средство, когда думал, что предоставлен самому себе.

— Неужели никто из других джелуза не помог бы тебе?

— Только один, а я давно его знаю как портача и дурня. Нет, в настоящее время я здесь единственный вор, помимо упомянутого мной сапожника. Все остальные просто бойцы. Тебе следовало бы это понять по маскам.

— Я не знал, что в масках есть различия.

— Конечно есть!

— Тогда какая же моя?

— Маска, между прочим, убийцы,— весело сообщил мне Токо.

Я почувствовал, как меня охватило содрогание. Я молил Провидение, чтобы я не был вынужден убить женщину, какой бы злой она ни была.

Глава 16

ЖЕНЩИНА ЗЛА

На улицах Бриллиантового города было тихо, и мы с Токо, оба в масках, держались в тени неподалеку от дворца.

В масках было одно отчетливое неудобство, так как они обе ловили слишком много той малости света, что попадала на улицы.

Токо размотал с талии веревочную петлю. Веревка была тонкая, но очень прочная, заверил он меня. Он молча указал на крышу, где флагшток находился близко к краю. Двое человек требовались по той причине, что веревку надо было закинуть петлей за флагшток так, чтоб оба конца болтались на улице.

Один человек должен был держать веревку, пока другой залезал и закреплял ее, позволяя забраться второму.

По крыше прошел часовой. Был только один обход, занявший двадцать минут. В нормальные времена часовых было трое.

Токо опытной рукой кинул веревку вверх. Она змеей обвила флагшток, и один конец шлепнулся по другую сторону, болтаясь над краем крыши. Теперь Токо стал легко и резко двигать веревкой, и короткий конец, который был утяжелен, начал скользить вниз по стене.

Скоро оба конца были равной длины. Я обвязал один вокруг талии и стал гирей, когда Токо принялся карабкаться. Оставалось еще больше десяти минут, прежде чем должен вернуться часовой, но подъем был медленный.

Наконец после того как прошел, казалось, целый век, Токо добрался до крыши и привязал веревку к флагштоку. Я начал подниматься. У меня было такое чувство, что к тому времени, когда я доберусь до крыши, у меня отвалятся руки.

Мы быстро отвязали веревку и, пригибаясь, побежали в тень небольшого купола на крыше.

Мимо прошел часовой. Он ничего не заметил.

Крыша, хоть и плоская, казалась неровной и скользкой. Коснувшись ее рукой, я понял, что она была инкрустирована отшлифованными алмазами!

Токо безмолвно указал на купол. Это тоже входило в наш план. Он был из стекла — цветного стекла в раме из мягкого металла. Мы должны были добежать до него, бесшумно удалить стекло, чтобы пролезть.

Мы принялись осторожно отковыривать раму и гнуть ее обратно после того, как удалили стекло.

Дважды мимо проходил часовой. Дважды он нас не увидел — его внимание было обращено на улицу!

Наконец мы проделали достаточно большое отверстие, чтоб нам можно было пролезть. Токо пошел первый, повис на руках

на миг, а потом упал вниз. Я услышал тихий звук, когда он приземлился. Затем я протиснулся через отверстие, повис и прыгнул.

Мы находились на карнизе высоко над затемненным помещением, наверное, банкетным залом, потому что это был не тронный зал, где я впервые столкнулся с Хоргулой.

Токо пустился бежать по шаткому карнизу, и только тут я сообразил, что, промахнувшись мимо карниза, я полетел бы к своей смерти!

Теперь мы достигли двери, запертой с нашей стороны на засов. Мы отодвинули засов и прошли через дверь в маленькую комнату, из которой выходила каменная лестница.

Мы ринулись вниз по лестнице, но потом замедлили шаг, когда увидели, что сверху просачивается свет. Тусклое, голубое излучение почти вечных светов шаров шивов. Они есть почти у всех южных марсиан.

Мы глянули вниз в комнату побольше — судя по ее виду, просто меблированную комнату слуги. На постели, разметавшись во сне, лежал толстый мужчина, за ним была дверь.

Наши сердца лихорадочно бились, когда мы прокрались мимо спящего слуги и осторожно приоткрыли дверь. Мы сумели сделать это, не разбудив его.

Теперь мы прошли дальше, в еще большую комнату. Она была лучше меблирована и походила на гостиную больших апартаментов, наверно, жившего во дворце вельможи. Человек, мимо которого мы прошли, был, вероятно, его слуга.

Не успели мы ступить в эту комнату, как дверь открылась — и я увидел вельможу, которого встречал раньше в тронном зале!

Вельможа с ругательством повернулся, — вероятно, позвать на помощь, — но я в один миг пересек комнату, выхватив меч, и захлопнул дверь, отрезая ему выход.

— Кто вы? Вы джелуза, а? Что вы здесь делаете?

Он, казалось, был немного потрясен, но не испуган — очень немногие из южных марсиан трусы. Он потянулся было за мечом, но я схватил его за руку и кивнул Токо.

Пока вельможа гадал, что происходит — может быть, он был храбр, но далеко не умен, — Токо отстегнул от пояса свой меч в ножнах и, подняв за ножны, ударил вельможу рукоятью по голове.

Он рухнул без звука, и мы его связали и заткнули ему рот.

К удивлению Токо, я настоял, чтобы не было никакого кровопролития. Мишимтенцы были введены в заблуждение и находились под влиянием злой умной женщины, но они не заслуживали смерти за веру в ее ложь.

Открыв дверь в комнате вельможи, мы очутились на лестничной площадке. С нас вели несколько других дверей.

Именно тут мы с Токо и решили расстаться. Судя по его карте, которую он купил у бесчестного дворцового слуги, апартаменты Хоргулы находились на этом этаже.

Токо совершенно не интересовала Хоргула, но очень интересовала казна внизу.

Мы молча расстались, Токо направился по лестнице, ведущей с площадки вниз, а я прокрался дальше к двери, которую искал.

Осторожно я повернул дверную ручку, и дверь открылась. Комната была погружена в темноту.

Не совершил ли я ошибку?

Я обычно чувствую, занята комната или нет, даже хотя и не вижу.

Эта комната занята не была. Я прокрался к двери, ведущей из комнаты, и обнаружил, что смежная комната тоже пуста — как и все остальные в этих апартаментах.

Я решил рискнуть и зажечь свет.

Ведь я наверняка не ошибся? Оглянувшись кругом, я был уверен, что нахожусь в апартаментах Хоргулы — и все же ее тут не было, хотя стояла полная ночь.

Неужели они поехали с армией?

Я был уверен, что она такого не сделала бы. Она была достаточно храброй, отдаю ей должное, но это, кажется, не укладывалось в то, что я считал ее замыслом. Она предпочла бы сидеть в тылу и наблюдать, как двое старых друзей бьются друг с другом насмерть.

Тогда где же она?

Во дворце. Я был уверен. Теперь мне придется отыскивать ее.

Я вышел на лестничную площадку. Дворец определенно был по большей части пустынным. Все обычные жители были с армией и остались только немногие — часовые и слуги — со встреченным нами вельможей.

Я решил рискнуть зайти в тронный зал, потому что инстинкт говорил мне, что он был, вероятно, местом пребывания Хоргулы.

Осторожно шагая, я спустился по лестнице несколько пролетов, пока не добрался до первого этажа, выйдя к указанному мной залу — приемной.

Я поспешно нырнул обратно в тень, увидев на посту у дверей в тронный зал часового. Над его головой горела только одна тусклая синяя лампочка. Он, казалось, дремал.

Каким-то образом я должен был отвлечь его внимание, чтобы войти в тронный зал.

На поясе у меня висел нож, который я использовал для того, чтобы отогнуть мягкий металл в куполе на крыше. Я достал его и бросил подальше от себя. При звуке падения часовой дернулся,

приходя в полное сознание, и присмотрелся к другой лестнице. Он медленно начал двигаться к ней.

Это был мой шанс. Я быстро подбежал к дверям в тронный зал, мои ноги не издали ни звука на гладком полу. Я осторожно открыл двери, открывавшиеся, как заметил я раньше, внутрь, и тихо закрыл их за собой, как только прошел.

Я добился своего.

И там на троне Мишим Тена сидела женщина зла, та дикая темноволосая девушка, которая была такой прекрасной и все же столь особенно извращенной умом. Как говорила Шизала, частично невинная девушка, частично женщина сверхъестественной мудрости.

Она едва ль увидела меня. Она развалилась на троне, глядя вверх и бормоча что-то про себя.

У меня было мало времени действовать, прежде чем она позовет часового. А если она позовет, наверняка он явится не один. Я рванулся через зал к трону.

Тут она увидела меня. Она не могла меня узнать. Потому что я еще был в серебряной маске. Но она, конечно, была поражена. И все же любопытство — сильная черта в ней — удерживало ее от немедленного призыва на помощь.

— Кто ты? — спросила она. — Ты в странной маске.

Я не ответил, но пошел к ней размеренными шагами.

Ее большие мудро-невинные глаза расширились.

— Ты что прячешь под маской? — сказала она. — Ты, наверное, уродлив?

Я продолжал наступать, пока не достиг подножия трона.

— Сними свою маску, или я вызову часовых и они снимут ее с тебя. Как ты попал сюда?

Я медленно поднес руку к маске.

— Ты действительно желаешь, чтобы я снял ее? — осведомился я.

— Да кто ты?

Я сорвал маску. Она ахнула. Несколько эмоций промелькнули у нее на лице и, странное дело, ни одна из них не была ненавистью, демонстрируемой ею раньше.

— Твоя Немезида, наверное, — ответил я на ее последний вопрос.

— Майкл Кейн! Ты здесь один?

— Болсс-менее, — ответил я. — Я пришел похитить тебя.

— Зачем?

— А как по-твоему?

Она, казалось, точно не знала. Она склонила голову набок и смотрела мне в лицо, ища признаков не знаю чего.

Рассматривая ее, я оказался не в состоянии поверить, что эта сидевшая на троне, похожая на девочку личность могла быть способна на такую ненависть, что могла сокрушить целые страны. Она же была ответственна и за использование Арзгуна для ослабления сил полудюжины южных стран, и за уничтожение арзгунов в этом процессе. Теперь Карнал и Мишим Тен сходились друг с другом в войне, а она вопросительно уставилась мне в лицо невинным взглядом.

— Похитить меня! — Она, кажется, находила эту идею почти привлекательной. — Интересно...

— Идем, — грубо велел я ей.

Ее глаза расширились, и я отвел свои от ее прямого взгляда. Я знал ее гипнотическую силу.

— Я все же хотела бы знать, почему?

Я едва знал, что сказать. Многого ожидал я от нее, но теперь не этого, почти пассивного настроения.

— Чтобы заставить тебя признаться Бради, что ты солгала о его сыне, о Шизале, обо мне, и чтобы таким образом остановилась война, пока не поздно.

— Что ты имеешь в виду? Ты хочешь какую-то сделку?

— Какую сделку?

— Тебе бы следовало знать, Майкл Кейн. Ты можешь сказать, что именно из-за тебя и ради тебя я и создала эту ситуацию.

Я все еще не понимал.

— Что ты предлагаешь? — спросил я.

Было бы облегчением, если это было бы все, что она хотела.

— Если я скажу Бради, что я солгала, я эчу — т е б я, — сказала она, устремляясь ко мне в руки.

Я был потрясен. Я не мог ответить.

— Я скоро уйду отсюда, — сказала она. — Мне не нужно делать больше, чем я сделала. Ты можешь отправиться со мной — если отправишься, сбудется все, что бы ты ни пожелал.

Выигрывая время, я спросил:

— Куда мы направимся?

— На Запад — на западе есть земли, теплые, темные и таинственные. Земли, где можно будет найти странные тайны — тайны, которые принесут нам великую власть, тебе и мне. Мы сможем править миром!

— Твое честолюбие, боюсь, превосходит мое, — усмехнулся я. — Кроме того, я имел некоторый опыт с Западным континентом и не вернусь никогда туда по доброй воле.

— Ты был там! — Глаза ее зажглись, и она поднялась, сошла с трона и встала рядом со мной, глядя мне в лицо.

Я все еще пребывал в растерянности насчет того, что сказать ей или сделать. Я ожидал визжащей массы ненависти, а нашел

ее в этом странном настроении. Она, наверное, была слишком хитрой для меня.

— Ты был на Западе,— продолжала она. — Что ты там видел?

— Вещи, которые не желал бы увидеть вновь,— отвечал я. Теперь я невольно посмотрел ей в глаза. Они приковали все мое внимание. Я почувствовал, как сильно забилось мое сердце, и она прижалась ко мне всем телом. Я не мог пошевелиться, на ее губах играла чувственная улыбка, и она начала поглаживать мне руки. У меня было чувство головокружительного наслаждения, нереальности, и я слышал ее голос, словно доходящий до меня с далекого расстояния.

— Клянусь,— говорила она,— что я буду верна своей части сделки, если ты будешь верен своей. Будь моим, Майкл Кейн. Твое происхождение столь же таинственно, как и происхождение богов. Наверное, ты и есть бог — юный бог. Наверное, ты можешь дать м н е власть, а не я тебе!

Я все глубже и глубже тонул в ее глазах. Иного пути не было. Мое тело, казалось, стало словно вода. Я едва мог стоять. Она подняла руку и тронула меня пальцами по волосам.

Я пошатнулся и откинулся назад, и это движение помогло мне разбить ее чары. С бранью я оттолкнул ее и выкрикнул:

— Н е т!

Ее лицо тут же изменилось, искаженное ненавистью.

— Отлично — пусть будет так,— прошипела она. — Я с удовольствием сама предам тебя смерти, прежде чем уеду. Стража! Вошел единственный часовой.

Я выхватил меч, обругав себя за глупость. Я позволил Хоргуле провести меня, как она провела Бради! Ее силы даже увеличились с того времени, когда я в последний раз встречался с ней. Если они увеличатся еще больше, одно Небо знает, что случится. Ее надо было остановить каким-то средством — любыми средствами.

Часовой замахнулся на меня мечом, и я легко парировал его. Скажу, не хвастаясь, я мастер фехтования.

Я не хвастаюсь этим, но я могу потягаться с обыкновенным дворцовым часовым. Я мог бы быстро прикончить его, но я все еще не желал быть вынужденным убивать... Я попробовал финтом выбить меч из его руки, но он слишком крепко держал клинок.

Пока я зря терял время, пытаюсь обезоружить его, вбежало еще несколько человек.

Хоргула была у меня за спиной, когда я защищался теперь против шестерых, и я все же сражался целиком в обороне, поскольку не трудился убивать.

Винной было мое бездействие, потому что, пока я возился с часовым, Хоргула подобралась ко мне сзади с каким-то тяжелым

предметом — я так и не узнал, что это было, — и нанесла скользкий удар по голове.

Я упал на спину.

Моим последним воспоминанием было новое проклятие себя за то, какой же я дурак.

Теперь, казалось, все пропало!

Г л а в а 17

ЗЕРКАЛО

Я очнулся в сырой камере, явно находящейся где-то под землей. По назначению своему это была не тюремная камера — Бради Юга не похожи на старых средневековых баронов — разбойников Земли, — а использовалась, вероятно, для складских целей.

Дверь, однако, была прочная, и как я ни пытался снять ее с петель, ничего у меня не получалось. Она была закрыта снаружи на засов.

Мое оружие у меня отобрали.

Я гадал, какую судьбу уготовила для меня Хоргула. Отказав ей в любви, я удвоил ее ненависть ко мне. Я содрогнулся, зная, к какого рода мыслям мог обратиться ее ум, я был не в восторге, думая о перспективах пыток от ее рук.

В двери была маленькая щелка, сквозь которую мне виден был засов. Я был уверен, что будь у меня нож, я смог бы поднять засов, но у меня не было ножа.

Я начал ощупывать кругом свою камеру. То тут, то там попадались кусочки отбросов — кажется, в этой камере хранили ящики с овощами.

Моя рука коснулась деревянной планки. Ощупав ее, я догадался, как ее использовать. Я подобрал ее и отнес к двери, но она была слишком толстой, чтобы пройти через щель.

Дерево было не твердым, а крайне мягким. Это подало мне мысль. Осторожно, ногтем большого пальца я начал пытаться продольно расщепить его.

Мало-помалу я работал над этой планкой, пока не добился успеха. Затем я вернулся к двери, к манящей щели, и мой кусок дерева прошел.

Благодаря Провидение за то, что камера спроектирована без мысли заточать что-либо большее, чем ящики с овощами, я принялся осторожно приподнимать засов, молясь, чтобы тонкая пластинка не сломалась.

После некоторого времени я сумел, наконец, приподнять засов.

Он с глухим стуком упал на пол снаружи, и я толчком распахнул дверь.

Коридор был погружен в темноту. В конце его была еще одна дверь. Я, не ожидая опасности, подошел к этой двери и столкнулся с часовым, только-только очнувшимся от дремоты. Его явно тревожил стук упавшего засова.

Он вскочил, но я бросился на него. Мы принялись бороться на замусоренном полу, но затем я взял его шею в стальной зажим и выжимал воздух, пока он не отключился. Затем я поднялся, взял его меч и кинжал и продолжил свой путь.

Коридоры, следовавшие за первым, были настоящим лабиринтом, но, долго ли коротко ли, один из них расширился в довольно-таки впечатляющий коридор, высокий и просторный, ведущий к паре тяжелых дверей, сделанных, казалось, из твердой бронзы или схожего металла. Наверное, они вели к главной дворцовой лестнице, с надеждой подумал я.

Я открыл двери, и столкнулся с одним из самых странных зрелищ в своей жизни.

Это была казна Мишим Тена — огромный подвал с низким потолком. В нем лежали навалом образцы прекрасной ремесленной работы. В самом деле художественной работы. Тут были осыпанные алмазами мечи и кубки, кресла и огромные столы, картины, сделанные из драгоценных камней, казалось, излучавшие собственный свет. Все было покрыто пылью и свалено в беспорядке. Не заботившиеся о своих сокровищах Бради Мишим Тена хранили их в темноте и только что не позволяли себе забыть о них.

Я охнул, увидев такое чудо, и мог только стоять и пялиться на него.

И тут я увидел Хоргулу. Она была чем-то поглощена, стоя спиной ко мне. Даже когда я шел через кучи художественных сокровищ, она, кажется, не замечала меня. Я достал кинжал и повернул его лезвием вверх, планируя оглушить ее ударом по голове.

Затем моя нога поскользнулась на бриллиантовой мозаике, и я с треском свалился на одну из куч. Она упала — и я упал с ней.

Уголком глаза я увидел, что Хоргула поворачивается и хватается один из мечей.

Я попытался подняться, но снова поскользнулся. Она подняла меч и готова была обрушить его мне на голову, как вдруг остановилась, замерев на месте.

Челюсть ее отвисла. Она не была парализована — так, как был парализован я, получив инъекцию яда от людей-пауков, — но мускулы ее обмякли и меч выпал из ее безвольной руки.

Я повернул голову, гадая, что она увидела, но раздался крик: — Не двигайся!

Я узнал голос. Он принадлежал Токо. Я почувствовал его настойчивый приказ.

Немного позже голос раздался вновь.

— Встань, Майкл Кейн, но не оглядывайся.

Я сделал, как он велел.

Хоргула по-прежнему стояла, застыв на месте.

— Отойди в сторону.

Я так и сделал.

Немного позже я увидел птичью маску и сверкающие из-под носу яркие глазки.

— Я нашел казну.— Токо хлопал по большому мешку у него на плечах. — Но меня потревожила эта молодая женщина. Очевидно, она замышляла схожий проект.

— Так вот, значит, что она планировала,— сообразил я. — Она говорила мне, что, если я отправлюсь с ней, у нас будет все, что пожелаем. Она не только замышляла довести Мишим Тена и Карнал до катастрофы, но к тому же бежать с сокровищами. Но что ты с ней сделал?

— Я? Ничего! Я пытался прийти к тебе на помощь, когда я тоже поскользнулся и вцепился в ближайшую опору. Ухватился я за какую-то ткань — она, должно быть, была очень старой и порвалась в моей руке. Я открыл какое-то зеркало. Я как раз собирался взглянуть, что я наделал, когда заметил, какой эффект произвело это зеркало на молодую женщину, так что подумал, что, в конце концов, мудрее будет не глядеть. Потом я крикнул, предупреждая тебя.

— Зеркало! — ахнул я. — Я слышал о нем — изобретение шивов. Оно каким-то образом так манипулирует светом, что всякий, кто ни глянет в его, становится загипнотизированным. Более того, оно уничтожает их волю так, что любой заданный им вопрос извлекает истину.

Это дало Токо возможность повторить свой любимый риторический вопрос: «А что такое истина?»

— Ты думаешь, зеркало действительно может сделать все это?

— Давай попробуем,— сказал я. — Хоргула, ты лгала Бради Мишим Тена о Майкле Кейне, Шизале и остальных?

Ответивший голос был слабым, но слово прозвучало достаточно отчетливо:

— Да.

Я торжествовал. В голове у меня складывался замысел. Держась спиной к зеркалу и лицом к Хоргуле, мы с Токо связали девушку, заткнули ей рот клепом и, в качестве предосторожности против ее гипнотических сил, завязали ей глаза. В тот же миг, как ее глаза были прикрыты, она принялась бороться, но она была надежно связана, чтобы ее борьба принесла ей свободу!

Для пущей надежности я завернул ее в плащ.

— Нам понадобится и твой плащ, Токо, — решил я. Мы сделали большой крюк, обходя кучи алмазов, пока не оказались позади зеркала. Подобно всем сокровищам Мишим Тена оно тоже было забыто. Сколько веков пролежало это хитроумное изобретение, накапливая пыль? Много, судя по виду сгнившей ткани.

Мы накинули на зеркало плащ Токо и завернули его. Оно было меньше полуметра в диаметре и украшено лишь несколькими бриллиантами, с рукоятью, как у щита. Наверное шивы пользовались им как оружием, но я сомневаюсь. Вероятно, если оно вообще использовалось на войне, оно было задумано, как метод для получения информации от пленников.

Каким-то образом мы сумели вытащить и девушку и зеркало, а также добычу Токо из помещения и пробраться на крышу незамеченными.

Часовой все еще патрулировал, или если это был не тот часовой, то очень похожий на него. Мы ткнули его по голове (у нас не было времени для осторожности) и оставили его спать на крыше, снова используя свою веревку, чтоб спуститься на улицу.

Оказавшись на улице, мы, действуя пока успешно, не попались и теперь. Все зависело от того, доберусь ли я до воздушного корабля. Я рассказал об этом Токо, и он заинтересовался.

— Нам понадобятся одры, чтобы добраться до него, — решил он, когда мы подошли к Дому Голубого Кинжала, к счастью, погруженному в сон. Мы притащили свою добычу в нашу комнату, и Токо вышел. Он отсутствовал с полчасика, и когда вернулся, его глаза сверкали от удовольствия.

Он где-то украл повозку — быструю, судя по ее виду, в которую была запряжена шестерка дахаров.

Токо упаковал Хоргулу и меня вместе со своей добычей позади, прикрыл нас одеялом, натянул на лицо капюшон и хлестнул дахаров.

Я помню только, как трясся на почти невероятной скорости. Помню сердитый крик стражника у ворот, потом мы, подпрыгивая, неслись по открытой местности.

Было утро, когда я высунул голову из-под одеяла. Каким-то образом, несмотря на тряску, я умудрился заснуть. Токо толкал меня локтем.

— Теперь ты должен показать мне дорогу, — сказал он.

Я охотно показал ему, где я спрятал воздушный корабль. Мы раздвинули кусты, и вот он, голубчик, невредимый. Мы принялись грузить все в гондолу, и Токо сказал мне, что он хотел бы высидеть на границе Алой Равнины неподалеку от разбойничьего города Нарлет — города мне хорошо известного, места воров и грабителей, где Токо, несомненно, чувствовал себя дома.

Я согласился, поскольку это было мне по пути. Я надеялся добраться до двух армий прежде, чем они ввяжутся в конфликт.

Скоро мы были в воздухе, и я остановился только раз, чтобы выгрузить Токо и его мешок сокровищ, благодарно махнул рукой вору в маске, а затем снова поднялся.

Несколько стонов со стороны Хоргулы заверили меня, что она жива, это было все, что я хотел знать в данной ситуации.

Поспею ли я вовремя?

Г л а в а 18

НАКОНЕЦ-ТО ИСТИНА!

Вот он! Я не мог подоспеть более своевременно!

Две армии — большая Мишим Тена и меньшая карнальская — стояли друг против друга в Алой Равнине. Это было странное место для битвы, но, несомненно, армия Мишим Тена не ожидала встретить карнальскую, а карнальцы просто маршировали, пока не повстречали мишимтенцев.

Я мог видеть их боевые порядки готовыми к атаке.

Я мог разглядеть Карнака верхом на огромном дахаре и Дарнала рядом с ним во главе своих воинов.

И там был Бради Мишим Тена, со строгим лицом, менее стеклянными глазами, насколько я мог видеть, — очевидно, гипнотические силы Хоргулы длились не бесконечно, — во главе своей большой армии.

Когда мой воздушный корабль начал снижаться, все задрали головы — сразу же узнав его. Из рядов мишимтенцев в него метнулось несколько копий, но Бради поднял руку, останавливая своих воинов. Он, казалось, испытывал любопытство.

Я достал из сундука самодельный мегафон и крикнул Бради. — Бради, я привез тебе доказательство, что Хоргула лгала, что вы готовы ввязаться в бессмысленную войну из-за лжи одной злодейки!

Он провел рукой по лицу. Затем он нахмурился и тряхнул головой, словно чтобы прояснить ее.

— Ты позволишь мне спуститься и доказать это? — спросил я.

После некоторой паузы он безмолвно кивнул. Я снижал корабль, пока гондола не задела верхушки алого папоротника. Затем бесцеремонно я выбросил узел с Хоргулой и, стискивая в руках зеркало, прыгнул следом за ней. Я быстро причалил корабль, а затем поволок связанную, с кляпом во рту и повязкой на глазах девушку и свое зеркало, пока не стал перед рядами мишимтенцев.

Сперва я распаковал Хоргулу и был вознагражден ахахом и ропотом. Бради прочистил горло, словно собираясь заговорить,

но затем переменял свое решение. Мрачно поджав губы, он снова кивнул мне.

Я вынул изо рта девушки клеп и заставил ее стать прямо.

— Ты поверишь истине из собственных уст Хоргулы, Бради? — спросил я.

Снова он прочистил горло.

— Да, — произнес он. Глаза его уже заметно светлели.

Я указал на завернутое зеркало:

— У меня здесь зеркало — легендарное зеркало Истины, избретенное тысячелетие назад шивами. Вы все слышали о его магических свойствах, одно из которых я сейчас вам продемонстрирую.

Стоя спиной к воинам Мишим Тена, я поднял зеркало-щит за рукоять и стянул покрывало. Затем протянул руку и сорвал повязку с глаз Хоргулы.

Зеркало снова приковало ее взгляд, и она застыла, открыв рот.

— Видите, — сказал я, — оно действует.

Они начали подходить поближе, чтобы увидеть, правду ли я говорю.

— Не смотрите в зеркало, — предупредил я их. — Или пострадаете от того же. Вы готовы увидеть: правду или ложь говорила Хоргула Бради и увлекла вас всех на эту ненужную войну, против своих извечных союзников?

— Готовы, — ответил голос Бради у меня из-за спины, теперь удивительно глубокий и твердый.

— Хоргула, — медленно и отчетливо произнес я, — ты лгала Бради?

Низкий, лишенный духа и мысли голос ответил:

— Да.

— Как ты убедила его?

— Посредством моих сил — сил в моих глазах и моей голове. Аханье и ропот ответили на это. Снова я услышал, как Бради прочистил горло.

— А какую же ложь ты сказала ему?

— Что Майкл Кейн и Шизала замыслили убить и обесчестить его сына.

— А кто на самом деле был ответствен за это?

— Я!

Тут поднялся рев, и воины начали двигаться вперед. Я был уверен, что многие из них — никто по-настоящему не хотел сражаться в этой битве против своих древних союзников — готовы были разорвать ее на куски. Но Бради удержал их.

Затем старик проговорил:

— Мне было доказано, что я стал добычей злых сил этой женщины. Сперва я верил, что мой сын стал предателем, но потом я предпочел поверить в нее. Она была ложью. Я поверил в ее первую ложь. Я поверил во все другие вымыслы. Майкл Кейн был прав: она — зло, она чуть было не довела Юг до полной разрухи.

Затем впереди выехали Дарнал и Карнак с Болитом Фас Огдаем, положили руки друг другу на плечи и принялись спокойно и по-дружески беседовать.

В глазах обоих стояли слезы.

Хоргулу связали, сунули в рот кляп и снова закутали и поместили в фургон с припасами, в котором ее, в конечном итоге, отвезут обратно в Бриллиантовый город, чтобы судить там за ее преступления.

Болит Фас Огдай и некоторые из его вельмож вернулись с нами на воздушном корабле в Варналь — и к Шизале.

Осталось мало что рассказать вам, за исключением того, что Бради Мишим Тена был почетным гостем на моей свадьбе с Шизалой. Мы провели благословенный медовый месяц в гостях у Бради, а после вернулись в Варналь, где я начал наблюдать за постройкой новых воздушных кораблей.

Для того чтобы получить запасы гелия, я организовал экспедицию в Мендишар и дальше в пустыню. В Мендишаре началось правление счастья с Хулом Хаджи на троне.

Какой прием он мне устроил! Он же был убежден, что я погиб.

Когда мы прибыли в город якша, то нашли фонтан забитым, а неподалеку от него валялись мертвыми последние из вампиров. У них не хватило ума очистить его.

Это была наша третья экспедиция в пустыню Мендишара, — но на сей раз с полным флотом воздушных кораблей! — когда я решил попробовать более сложный эксперимент, используя машины, найденные мной в забытом городе якша.

Как вы помните, работа над моим передатчиком материи была связана с более ранней работой над лазерными лучами. Исследуя конструкцию лазера якша, я сумел изобрести и построить передатчик материи, который мог отправить меня обратно на Землю почти в тот же миг, когда я отбыл.

Вот как я оказался способен рассказать вам свою историю.

ЭПИЛОГ

— Так вот в чем объяснение! — ахнул я, глядя на Майкла Кейна. — Теперь ты можешь путешествовать по своей воле между Землей нашего века и Марсом твоего!

— Да,— с улыбкой ответил он. — И более того, я усовершенствовал всю технику. Больше не нужно перемещать передатчик — его можно хранить в твоём винном погребе!

— В таком случае мне придется подыскать новое место для хранения вина,— усмехнулся я.

— И что ты теперь намерен делать на Марсе? — поинтересовался я.

— Ну, я, знаешь ли, теперь Брадинак. — Он слегка улыбнулся. — Я — принц Карнала, принц Марса. На мне большая ответственность. Карнал все еще слаб. Поскольку наращивание его людских сил потребует много времени, я сосредоточился на наращивании его воздушных сил!

— И все волнения окончены — больше не будет никаких приключений?

Губы Кейна дрогнули и дернулись.

— О, я не так уж уверен. Я думаю, будет еще много приключений,— и обещаю, что, если их переживу, я снова нанесу вам визит и расскажу о них.

— А я опубликую их,— добавил я. — Люди будут расценивать их как фантазии, но пусть себе. Мы с тобой знаем правду.

— Наверное и другие тоже поймут это в один прекрасный день,— сказал он.

Вскоре после этого он отбыл, но я не могу забыть его последних слов, обращенных ко мне.

— Будет еще много приключений! — пообещал он.

А я с нетерпением жду рассказа о них.

Хозяева Ямы

★ РОМАН ★

...Болезнь — Страх, а лекарство — Вера...

М-ру Чипу Дилэни из Сан-Франциско и сестре Мэри Юджин из монастыря Бон Секурс, штат Пенсильвания.

ПРОЛОГ

Сидя однажды осенним вечером в кабинете перед небольшим огнем, горевшим в камине и согревавшим комнату, наполненную запахом надвигающейся зимы, я услышал внизу, в холле, шаги.

Я — человек не нервный, но воображение у меня может разыграться, и когда я покинул кожаное кресло и открыл дверь, то подумал о привидениях и о взломщиках. В холле было тихо, и свет не горел, но я увидел поднимающуюся ко мне по лестнице темную фигуру.

Было что-то в фигуре этого человека, в издаваемом им при ходьбе звоне такое, что я сразу же его узнал. Когда он приблизился, по моему лицу стала расплзаться улыбка и я протянул к нему руку.

— Майкл Кейн? — Это едва ли было вопросом.

— Он самый,— ответил глухой, вибрирующий голос моего гостя.

Он поднялся до верха лестницы, и я почувствовал свою руку в его крепкой руке. И увидел ответную улыбку великана.

— Как там Марс? — спросил я, проводя его в кабинет.

— Немного изменился с тех пор, как мы разговаривали в последний раз,— сообщил он.

— Вы должны рассказать мне,— с нетерпением сказал я. — Что будете пить?

— Спасибо, ничего спиртного. Я уже отвык от него. Как насчет кофе? Это единственное, чего мне недоставало на Марсе.

— Подождите здесь,— сказал я ему. — Я сегодня дома один. Сейчас схожу и приготовлю.

Я покинул его, упавшего в кресло перед камином и совершенно расслабившего свое великолепное бронзовое тело. Он выглядел странно неуместным в своей марсианской экипировке из перекрещенных ремней, униженных незнакомыми драгоценными камнями, при огромном мече с изукрашенной, с чашкой гарды, рукоятью, острие которого покоилось на полу.

Его алмазно-голубые глаза казались более огромными и намного менее напряженными, чем когда я видел его в последний раз. Манера его заставила и меня тоже расслабиться, несмотря на волнение от новой встречи с другом.

На кухне я приготовил кофе, вспоминая все, что он рассказывал мне о своих прошлых приключениях — о Шизале, принцессе Варналя, жене и ближайшем друге Майкла Кейна, и о Хуле Хаджи, ныне правителе Мендишара. Я вспомнил, как его первое путешествие на Марс, древний Марс, в нашем далеком прошлом, произошло случайно, из-за неисправной работы передатчика материи, изобретенного в ходе лазерных исследований, производившихся им в Чикаго; как он встретил Шизалу и сражался за нее против страшных Синих Гигантов и их предводительницы Хоргулы, женщины его собственной расы, имевшей тайную власть над людьми. Я вспомнил, как он искал моей помощи и как я оказал ее, построив передатчик материи у себя в подвале. Он вернулся на Марс и встретился со многими опасностями, открыв затерянный подземный город якша, помогая свершиться революции и сражаясь со странными паукообразными созданиями, прежде чем он снова нашел Шизалу и женился на ней. Воспользовавшись забытыми научными приборами якша-расы, ныне предположительно вымершей, он построил машину, способную снова перенести его через время и пространство к передатчику у меня в подвале.

Очевидно, он, как и обещал в прошлый раз, прежде чем отбыть, вернулся рассказать мне о своих последних приключениях.

Я возвратился с кофе и поставил его перед ним.

Он налил себе чашку, попробовав его сперва чуть подозрительно, а затем добавил молока и сахара. Он сделал первый глоток и усмехнулся.

— А единственное, к чему я не потерял вкуса,— ответил я с нетерпением,— это желание услышать вашу последнюю историю с начала и до конца.

— Вы уже опубликовали первые два приключения? — спросил он.

К тому времени это не было осуществлено, так что я покачал головой.

— Кто-то да поверит мне в достаточной степени, чтобы опубликовать их,— сказал я ему. — Люди считают, что я сочинил их по какой-то причине, но мы-то знаем, что это не так, что вы вполне реальны, что ваши подвиги действительно имели место. Это поймут в один прекрасный день, когда правительства будут готовы обнародовать информацию, то, что вы мне рассказывали. Тогда все поймут, что я не лжец и не чокнутый, или, что еще хуже,— коммерческий писатель, пытающийся написать научно-фантастический роман.

— Надеюсь, что так, — серьезно сказал он. — Потому что было бы очень жаль, если бы люди оказались не в состоянии прочесть историю о пережитом мною на Марсе.

Когда он выпил первую чашку кофе и протянул руку налить себе еще, я настроил магнитофон так, чтобы тот записывал каждое его слово, а потом снова расположился в своем кресле.

— Ваша чудесная память работает, как обычно, в полную силу? — спросил я.

— Думаю, что да, — улыбнулся он.

— И вы собираетесь рассказать мне о своих недавних приключениях на Марсе?

— Если вы желаете о них услышать.

— Желаю. Как поживает Шизала, ваша жена? Как там Хул Хаджи — ваш друг, Синий Гигант? И Хоргула? Есть какие-нибудь новости о ней?

— О Хоргуле никаких, — ответил он. — И благодарю судьбу за это!

— Тогда что же? Наверняка ведь на Марсе время было не настолько бедно событиями!

— Разумеется, оно щедро на них. Я только-только пришел в себя от того, что случилось. Рассказ обо всем этом поможет мне посмотреть на происшедшее объективно. Но с чего же мне начать?

— В последний раз я слышал от вас, что вы с Шизалой жили счастливо в Варнале, что вы проектировали воздушные корабли для увеличения воздушной армии Варналя, совершили несколько экспедиций в подземный город якша для изучения их машин.

— Совершенно верно, — задумчиво кивнул он. — Ну, я могу начать с нашей шестой экспедиции в город якша. Вот тогда-то все и началось. Вы готовы?

— Готов, — ответил я.

И Кейн начал свой рассказ.

ЭПБ

Честер-сквер

Лондон, С.В.І.

Август 1969 г.

Г л а в а 1

ВОЗДУШНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Я поцеловал на прощанье Шизалу, не представляя себе, что не увижу ее вновь много марсианских месяцев, и прикрепил лентку, ведущую в гондолу моего воздушного корабля, спроектированного по чертежам, выполненным мною.

Шизала выглядела красивее, чем когда-либо, женственной женщиной, являющейся, несомненно, самым прекрасным человеческим существом на всей планете Марс.

Вокруг нас в свете раннего утреннего солнца возвышались стройные башни города, где я теперь был Брадинаком, или принцем. В воздухе стоял терпкий запах душистого зеленого тумана, поднимающегося тонкими зелеными струйками с озера в центре Варналя. Сквозь плотную стену марева этого необычного зеленого тумана проглядывали вымпелы, развевающиеся на поднимающихся с башен мачтах.

Большинство зданий — высокие и белые, из прекрасного голубого мрамора с прожилками золота. Это — изящный, красивый город, наверное прекраснейший на Марсе.

Именно здесь мы жили с момента нашего бракосочетания и были очень счастливы. Но я — беспокойная душа, и мой ум жаждал новой информации о забытых машинах якша в подземельях Марса, все еще нуждавшихся в изучении.

Поэтому когда из лежащего далеко на севере Мендишара прилетел навестить меня Хул Хаджи, прошло немало времени, пока я предложил ему экспедицию в подземелья якша, и частично ради того, чтобы вспомнить старые приключения.

Он с энтузиазмом согласился, и вопрос был решен. Мы предполагали затратить на это время, эквивалентное земной неделе, и Шизала, любящая меня глубокой и преданной любовью, на которую я отвечал полной взаимностью, не возражала против этой вылазки.

Теперь Хул Хаджи, Синий Гигант, ставший моим самым верным другом на Марсе, поджидал наверху, в каюте воздушного корабля, мягко покачивающегося на ветру.

Я еще раз поцеловал Шизалу, не говоря ни слова. В словах не было нужды — мы общались глазами, и этого хватало.

Я начал подниматься по лестнице на корабль.

Корабль был меблирован уютными кушетками из материала, довольно похожего на красный плюш, и изделиями из металла, схожего с бронзой и так же отполированного. В таком убранстве было что-то смутно ностальгическое и викторианское, а я был не против этого. Например, веревки, охватывающие сеть газовый мешок, были из толстых красных шнуров, а металлическая гондола выкрашена в ярко-зеленый и красный цвета, с завитками, оттененными золотом. Управление кораблем осуществлялось впереди, и тут опять был похожий на бронзу металл, покрытый черной эмалью.

Я включил двигатель, взобравшись на кресло рядом с Хулом Хаджи, чье массивное тело с синей кожей заставляло меня чувствовать себя карликом по сравнению с ним.

Мой друг с интересом наблюдал, как я потянул за рычаг, освобождая тросы, державшие корабль у земли. После подъема я направил корабль на север от Варналя — не без сожаления, так как знал, что буду скучать по Шизале и по городу Зеленых Туманов.

Не знал я тогда, что мне придется расстаться с ними на очень короткое для них и очень долгое для меня время, что обстоятельства сложатся так, что я встречу лицом к лицу со смертью, вынесу огромные лишения и испытания, страшные опасности, прежде чем увижу их снова.

Однако и в таком слегка меланхолическом настроении я установил курс на север, чувствуя нарастающее возбуждение от перспективы вновь продолжить изучение машин якша. Путешествие предстояло долгое даже на моем, сравнительно скоростном корабле.

Но уже на второй день путешествие в расположенный в пустыне город якша оказалось прерванным: двигатели начали работать с перебоями. Меня это удивило, так как я доверял своим механикам.

Я повернулся к Хулу Хаджи. Мой друг смотрел на расстилавшуюся внизу местность. Она представляла собой ландшафт желтого цвета: поверхность почвы была покрыта зарослями огромных цветов, похожих на гигантские ирисы, покачивающиеся под нами словно в грациозном, хотя и монотонном танце. Время от времени однообразие моря желтых цветов нарушалось цветными всплесками голубого или зеленого, цветами, напоминавшими бледные ноготки. Даже на таком расстоянии они испускали томные запахи, восторгавшие мое обоняние. Эта красота, казалось, привела Хула Хаджи в состояние транса, и он даже не заметил перемены в работе двигателей.

— Похоже, что нам, возможно, придется приземлиться, — уведомил я его.

Он взглянул на меня.

— Почему, Майкл Кейн? Разве это тебе не нравится?

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

Он показал вниз.

— Цветы.

— Мы можем найти поляну.

— Я хотел сказать не это. Разве ты не слышал о цветах Меднафа? Они привлекательны издали, но крайне опасны, когда к ним приблизишься. Их запах приятен, но когда к ним подойдешь поближе, он вызывает сперва детаргию, а потом безумие. Многие попали в западню этих цветов, и растения выпили из них жизненные соки. Люди становятся безмозглыми существами и в конце концов попадают в зыбучие пески Голаны, где их медленно за-

сасывает, и об этих несчастных больше никто и никогда не услышит.

— Ни одно человеческое существо не заслуживает такой судьбы! — содрогнулся я.

— Но многие пострадали! А те, кто уцелел, представляют собой после этого немногим больше чем ходячих мертвецов.

— Тогда давай направим курс подальше и от Меднафа и от Голаны и будем надеяться, что наши моторы не заглохнут, пока это место не останется далеко позади,— сказал я, принимая решение любой ценой избежать опасности, даже если станет необходимым дрейфовать по воле ветра, пока желтые поля не кончатся.

Пока я разбирался с двигателем, Хул Хаджи рассказывал мне историю о старом отчаянном человеке, возмечтавшем некогда о власти, некоем Блемплаке Безумном, который, как предполагалось, все еще скитался там, внизу. Он впитал в себя столько ароматов, что они больше не действовали на него так, как на других, и сумел выжить в зыбучих песках — потому что именно он и был первоначальным их создателем. Нкогда он явно был человеком благосклонным и полезным, приобретшим откуда-то немного научных знаний и стремившимся к величию. Мало зная о том, что имеет, он попытался использовать свои знания для постройки огромной сверкающей башни, которая вдохновляла бы людей своей красотой и величием. Был заложен фундамент, и долгое время казалось, что он преуспеет. К сожалению, что-то подействовало на его мозг. Его эксперимент вышел из-под контроля, и в результате появились зыбучие пески, имевшие особые и неестественные свойства и нигде больше не встречающиеся.

С чувством огромного облегчения мы пролетели над цветами и зыбучими песками. Я видел их только ночью, при свете мчавшихся по небу лун, но и беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы убедить, что Хул Хаджи не преувеличивал. Снизу раздавались странные крики, безумный бред, казавшийся иногда членораздельной речью, но я не мог разобрать в них никакого смысла, да и не очень-то старался.

К утру мы пролетели над несколькими сверкающими озерами, усыпанными зелеными островами, и иногда по огромным просторам водяной глади скользила лодка.

Я заметил Хулу Хаджи, что это приятный контраст, и он согласился. Пока мы пролетали над предыдущей территорией, он тревожился больше, чем признавался мне в этом. Я спросил его, не будет ли разумным попытаться приземлиться, поскольку двигатель теперь работал с большими перебоями и вскоре обязательно вообще заглохнет. Он сказал мне, что это будет безопасно, так

как на островах живут просвещенные и умные люди, способные развлечь и привести в восторг любого гостя озер. Пока мы пролетали, он указывал названия. Среди всех имелся один пышный остров, стоявший несколько в стороне от остальных.

— Этот остров называется Драллеб,— сообщил Хул Хаджи. — Его народ лишь изредка контактирует с соседями, но хотя он, похоже, и не играет большой роли в деятельности других островов, оказывает на них немалое художественное влияние и очень гостеприимен. Жители его принимали однажды меня, когда я путешествовал по островам, и я наслаждался каждым мгновением пребывания там.

Появился еще один остров. Он выглядел странным контрастом, совмещая в себе черты всех островов. Это был «К кокрум», как уведомил меня Хул Хаджи. Остров всего лишь несколько лет назад поднялся из озера и все еще по большей части не был заселен, хотя жившие там люди казались народом странных обычаев, иногда дружественные к чужакам, иногда — нет.

Мы решили не приземляться там и пролетели еще над несколькими островами, а Хул Хаджи с большой любовью сообщал их названия. Тут имелись С'сидла с нежным ландшафтом высоких сильных деревьев и широких темных прогалин, и Носирра, суровое, здоровое на вид местечко с большими, как сообщил мне Хул Хаджи, пока еще не добытыми сокровищами.

Я горел желанием слышать все это, хотя часть моего внимания сосредоточилась на двигателе, так как все, что я слышал, больше и больше очаровывало меня, я считал, что чем больше я буду знать, тем лучше буду подготовлен к выживанию здесь.

В скором времени мы сумели осторожно провести воздушный корабль над всеми островами и увидели перед собой материк, который, как мы решили, будет лучшим местом для приземления на случай, если двигатель окажется невозможным отремонтировать. Город назывался, как сказал мне Хул Хаджи, Кенд-Амрид. Жители его, сообщил он мне, хорошо известны своим ремесленничеством и умением обращаться с немногими бывшими в ходу на Марсе техническими устройствами. Они могут нам помочь больше, чем островитяне, хотя островитяне были, возможно, дружелюбнее.

Я поманипулировал управлением, и мы начали снижаться над Кенд-Амридом.

Позже мне пришлось пожалеть, что мы не приземлились на одном из островов, ибо Хул Хаджи обнаружил, что Кенд-Амрид изменился с известного ему времени, когда он как изгнанник провел некоторое время в этом городе.

В вечерних сумерках, погруживших темные башни города в густую тень, мы проплыли над ним с легким сердцем.

Место это было безмолвное и огней горело мало, но я отнес это к тому факту, что обитатели его являлись людьми, по словам Хула Хаджи, упорно трудившимися, с простыми удовольствиями и празднества их проходили только при свете солнца.

Мы снизились на окраине города, и я сбросил якорь-«кошку», вонзившую в землю острые лапы и давшую мне возможность спуститься по лесенке и прикрепить канаты к росшим поблизости чахлым деревьям.

Г л а в а 2

ГОРОД ПРОКЛЯТЬЯ

Когда мы приблизились к Кенд-Амриду, рука Хула Хаджи инстинктивно легла на рукоять меча. Хорошо зная его, я заметил этот жест и нашел его тревожным.

— Что-нибудь не так? — спросил я.

— Не уверен, друг мой, — ответил он.

— Мне кажется, ты говорил, что Кенд-Амрид — безопасное место для нас.

— Я так думал, но мне беспокойно. Я не могу объяснить это чувство.

Его настроение передалось и мне, и в мозг стали закрадываться мрачные мысли.

— Я устал, — пожал плечами Хул Хаджи. — Мне кажется, что все дело в этом.

Я принял это объяснение, и мы пошли к воротам города, чувствуя себя немного менее встревоженными.

Ворота были открытыми, и никто не охранял их. Если жители настолько щедры душевно, чтобы позволять себе такое, то не возникает никаких затруднений найти у них помощь.

Хул Хаджи, однако, пробормотал что-то о том, что это необычно.

— Они народ не общительный.

Мы шли по безмолвным улицам. Высокие темные здания казались лишенными признаков жизни, словно декорации, возведенные на сцене для экстравагантной постановки — и сцена в данный момент была пустой.

Когда мы шли, наши шаги вызывали гулкое эхо. Хул Хаджи шел вперед, направляясь к центру города.

Немного позже я услышал еще что-то, кроме эха, и остановился, коснувшись ладонью руки Хула Хаджи.

Мы прислушались.

Тихие шаги, такие, какие издает человек, идущий в суконных шлепанцах или в сапогах из мягкой кожи.

Звуки донесли до нас. Рука Хула Хаджи снова легла на рукоять меча.

Из-за угла появилась фигура, закутанная в черный плащ, закреплённый на голове в виде капюшона. В одной руке он держал букет цветов, в другой — белый плоский ящик.

— Приветствую тебя,— обратился я к нему в марсианском приветствии. — Мы — гости в вашем городе и ищем помощи.

— Какую помощь может оказать Кенд-Амрид человеческому существу? — мрачно пробормотал закутанный в плащ человек, и в голосе его не было ни единой вопросительной ноты.

— Мы знаем, что ваш народ практичен и полезен, когда речь заходит о машинах. Мы думали... — Заявление Хула Хаджи оборвал странный смех закутанного в плащ незнакомца.

— Машина! Не говорите мне о машинах!

— Почему же это?

— Не спрашивайте ни о чем! Покиньте Кенд-Амрид, пока можете!

— Почему нам не следует говорить о машинах? Ввели какое-то табу? Народ теперь ненавидит машины? — Я знал, что в некоторых обществах Земли страшились машин, и общественное мнение отвергало их, поскольку в них видели бесчеловечность, и упор на механизацию заставлял некоторых философов беспокоиться, что человеческие существа могут стать в перспективе слишком искусственными. На Земле, я, как ученый, сталкивался иногда с такой позицией на вечеринках, где меня обвиняли во всех смертных грехах из-за того, что моя работа имела отношение к ядерной физике. Я гадал: не довели ли жители этого города подобные взгляды до воплощения в жизнь и не запретили ли машины, поэтому решил задать такой вопрос.

Но человек в плаще снова засмеялся.

— Нет,— ответил он,— жители города не ненавидят машины, если они не ненавидят друг друга.

— Твой ответ невразумителен,— нетерпеливо бросил я. — Что случилось? — Я начал думать, что первый встреченный нами человек в Кенд-Амриде оказался сумасшедшим.

— Я же вам сказал. — Он быстро огляделся по сторонам, словно нервничал. — Не задерживайтесь здесь, чтобы выяснить, что случилось. Покиньте Кенд-Амрид сейчас же. Не оставайтесь ни на секунду дольше. Этот город проклят!

Наверное, нам следовало бы послушать его совета, но мы не послушались. Мы принялись спорить, и это оказалось в известном смысле ошибкой, о которой нам пришлось потом пожалеть.

— Кто ты? — спросил я. — Почему ты единственный, кто в это время разгуливает по улицам?

— Я врач,— ответил он,— или был им!

— Ты хочешь сказать, что тебя исключили из гильдии врачей? — предположил я. — Тебе не позволяют заниматься практикой?

Снова бесконечно горький смех — смех на грани безумия.

— Меня не исключили из нашей гильдии. Я просто больше не врач. В наше время я известен, как Обслуживатель Типов Третьей Градации. Эти Типы Третьей Градации — человеческие существа! — Слова эти перешли в крик страдания. — Я был доктором — все мое образование побуждало меня сочувствовать своим пациентам. А теперь я, — зарыдал он, — механик. Моя работа — осматривать человеческие машины и решать, можно ли заставить их функционировать с минимальным уроном. Если я решаю, что их нельзя заставить работать таким образом, то должен обозначить их для отправки в лом, а части пойдут в банк для использования в здоровых машинах.

— Но это же чудовищно!

— Это чудовищно без всякого «же», — тихо отозвался он. — А теперь вы должны немедленно покинуть этот проклятый город. Я и так слишком много сказал.

— Но как же возникло такое положение? — настойчиво спросил Хул Хаджи. — Когда я в последний раз был в Кенд-Амриде, жители показались мне обыкновенным, практичным народом — тускловатым, может быть, но это все.

— Есть практичность, — ответил врач, — и есть человеческий фактор в человеке, вместе они означают Человека. Но дайте одному фактору поощрение, а другой зажимайте, и вы получите одну из двух крайностей — с точки зрения человечности.

— И какие же они? — спросил я, заинтересовавшись этим вопросом.

— Вы получите либо Зверя, либо Машину, — просто ответил он.

— Мне кажется, это примитивное представление, — заметил я.

— Так оно и есть. Но мы имеем дело с обществом, ставшим свехупрошенным, — сказал он, понемногу оживляясь, когда разговор зашел на эту тему, бросая, однако, нервные взгляды направо и налево по улице. — Здесь поощряют Машину в Человеке и, если вам угодно, поощряли именно глупость Зверя — ибо Зверь не может предвидеть, а Человек может. Зверь в Человеке приводит его к созданию машин для своего благополучия, а Машина многое добавляет сперва к его удобствам, а потом к знаниям. В здоровой семье все это относительно быстро разрешилось бы само собой. Но народ Кенд-Амрида слишком многого лишил себя. И теперь Кенд-Амрид стал нездоровым местом.

— Но должно быть что-то, вызвавшее это. Должен быть какой-то фактор, который ввел в Кенд-Амрид это безумие, — сказал я.

— В Кенд-Амриде правят Одиннадцать, ни один человек не доминирует. Диктатор, сконцентрировавший в себе всю власть, существовал во все века — если только не верны рассказы о бессмертных шивах.

— Ты говоришь о смерти, — сказал я.

— Да. И смерть в Кенд-Амриде — одна из самых ужасающих.

— Какова же она?

— Болезнь — напасть. Диктатор-Смерть принес страх, а страх привел Одиннадцать к их доктрине.

— Но в чем именно заключается их доктрина? — спросил Хул Хаджи.

Врач собирался было ответить, как вдруг с шипением втянул в себя воздух и кинулся обратно в ту сторону, откуда пришел.

— Бегите, — прошептал он, обернувшись. — Сейчас же бегите!

Его страх так повлиял на нас, что мы были почти готовы последовать его совету, когда впереди на длинной темной улице появилось невероятное зрелище.

Это походило на портшез, огромный ящик с ручками по всем четырем нижним сторонам, несомый на плечах примерно сотни людей, двигавшихся словно один человек. Я видел армии на параде, но даже самое вымуштрованное подразделение солдат никогда не двигалось с такой фантастической четкостью, как эти, несшие на плечах громадный ящик.

В ящике, видимые с двух сторон сквозь незастекленные окна, сидели два человека. Лица их были неподвижны, а тела — застывшие и прямые. Они ни в коем случае не выглядели живыми — точно также, как не выглядели живыми люди, тащившие эти странные носилки.

Подобное зрелище я не ожидал увидеть когда-либо на Марсе, где человека, какие бы ни возникали передраги, уважали, а подобная картина, которую я увидел сейчас, была просто невозможна.

При виде этого все инстинкты во мне встали на дыбы, а в глазах появились слезы гнева. Тогда все это, наверное, произошло инстинктивно; возможно, я уже позже рационализировал свои чувства. Но как бы там ни было, меня оскорбило это зрелище — глубоко эмоционально и психологически — и разум мой тоже был оскорблен. То, что я увидел, являлось примером того безумия, о котором рассказывал врач.

Я чувствовал, что Хул Хаджи так же точно оскорблен этим зрелищем.

К счастью, мы — люди здравомыслящие и, овладев собой, на минуту сдержали свои порывы. Поступать так — дело хорошее, но плохо использовать это умение владеть собой, — которым мы, как разумные существа, обладали, — для убеждения себя, что

действовать вообще не нужно. Мы просто дожидались своего часа, и я решил побольше узнать об этом страшном месте, прежде чем начать бороться против установленных в нем порядков.

Потому что бороться против них я уже намеревался. Я так решил. Даже если ценой будет моя жизнь и все то, что я считаю дорогим,— поклялся я. Я вытравлю появившуюся в Кенд-Амриде порчу не только ради себя самого, но и ради всего Марса.

Пока к нам приближались носилки, я не понимал, до каких пределов вынужден буду дойти, чтобы выполнить этот обет. Я не представлял всего, к чему обязывала меня эта клятва.

Но даже если бы знал, это не свернуло бы меня с моего пути. Решение было принято, клятва дана, и я почувствовал, что Хул Хаджи тоже поклялся себе, потому что он был моим другом и потому что я знал, сколь много у нас общего. Поэтому я стоял, не отступая, дожидаясь, пока носилки доберутся до нас.

Они приблизились к нам, затем остановились.

Один из сидевших нагнулся вперед и произнес холодным, лишенным эмоций голосом:

— Зачем вы явились в Кенд-Амрид?

Меня на миг смутила форма его вопроса. Она так хорошо подходила к его мертвому лицу.

Что-то внутри меня заставило ответить ему в более цветастой манере, чем я обычно выражаюсь:

— Мы явились с открытыми сердцами просить народ Кенд-Амрида об одной услуге. Мы явились, не имея предложить ничего, кроме благодарности, просить вас о помощи.

— Какой помощи?

— У нас есть мотор, и он барахлит. Летающий корабль моей собственной конструкции снабжен мотором, какой вряд ли найдешь на Марсе.

— Какого вида мотор?

— Принцип прост. Я называю его двигателем внутреннего сгорания — но это будет мало что значить для вас.

— Он работать?

— В настоящее время он не работает, вот потому-то мы и здесь,— объяснил я, подавляя свое нетерпение. Поломка двигателя гораздо менее значима, нежели то, что мы увидели в этом месте, так точно названном Городом Проклятья.

— Принципы его работы правильные? — спросил человек с неживым лицом.

— Нормальные,— ответил я.

— Если он работать — он хорош, если не работать, то плох,— раздался лишенный эмоций голос.

— А вы можете работать? — рассердился я, возненавидев подразумеваемое вопросами.

— Кенд-Амрид работать.

— Я хочу сказать, можете ли вы отремонтировать мотор?

— Кенд-Амрид делать все, что угодно.

— Вы отремонтируете мне мотор?

— Кенд-Амрид думать, будет ремонт мотора благом для Кенд-Амрида?

— Это будет благом для нас и, таким образом, в конечном итоге благом для Кенд-Амрида.

— Кенд-Амрид должен обсудить. Вы идете?

— Я думаю, мы предпочли бы остаться за пределами города, провести ночь на своем корабле и узнать решение утром.

— Нет. Не хорошо. Вы не известны.

Я поразился невероятно примитивным рассуждениям говорившего и сразу понял, что врач подразумевал, когда упомянул, что Зверь создал Машину и оставил Человека целиком вне ее. Наверное, оглядываясь назад, это было благом для меня, потому что теперь я точно представлял, что означает для меня Марс. Не подумайте, что проклятье, павшее на Кенд-Амрид, являлось естественным, даже оно было более чуждым любимому мной Марсу, чем если бы подобное произошло на Земле. И, наверное, оттого, что Марс не был подготовлен к опасностям, исходящими от Кенд-Амрида, я чувствовал, что мой долг — как можно скорее вылечить эту болезнь.

— Я думаю, однако, что лучше всего будет, если мы покинем Кенд-Амрид и подождем за стенами, — повторил я. Мое намерение, конечно же, заключалось в том, чтобы отремонтировать мотор самому и как можно быстрее вернуться за подмогой в Варналь.

Впрочем, я был против лишения свободы точно так же, как правитель Кенд-Амрида были против нарушения мною границ города. Решение было принято, и в душе я знал, что прав, поэтому решил, что если возможно будет избежать насилия, то мы не прибегнем к нему, так как вполне понятно, что в конечном итоге насилие не приводит ни к чему, кроме дальнейшего насилия.

Ответ человека с мертвым лицом был фактической иллюстрацией моих умозаключений, когда он проговорил:

— Нет. Лучше всего для Кенд-Амрид всем остаться. Если не остаться, то Кенд-Амрид заставлять остаться.

— Вы воспользуетесь силой, чтобы заставить нас остаться?

— Использовать много людей заставить двух человек остаться.

— Это кажется мне похожим на принуждение, друг мой,— с мрачной улыбкой произнес Хул Хаджи, и его рука легла на меч. Я снова остановил его руку.

— Нет, друг мой,— позже, наверное, но сперва давай посмотрим все что можно в этом месте. Думаю, они не увидят никакой причины отказать нам. Давай на мгновение обуздаем свои эмоции и подыграем им.

Я прошептал это быстро, а за время, пока я говорил, мертволицый и его партнер не шелохнулись и не сказали ни слова.

Хул Хаджи, похоже, услышал.

— На мгновение,— проворчал он.

— Только на мгновение,— заверил я его.

— Вы идти? — спросил человек с неподвижным лицом.

— Мы пойдем,— согласился я.

— Следуйте,— приказал он, а затем велел носильщикам, остававшимся такими же бесстрастными и неподвижными, как и его товарищ: — Носильщики, идти обратно к Центральному Месту.

И тут произошло еще одно неожиданное и ужасающее событие.

Вместо того чтобы повернуться кругом, носильщики побежали задом наперед.

Являлось ли это доказательством эффективности политики правителей Кенд-Амрида? Вид подобного безумства чуть не заставил меня потерять контроль над собой, но, заметив стойку Хул Хаджи и зная, что тот тоже готов сражаться, снова удержал его и таким образом удержался сам.

В настроении ужаса, заставившего меня понять, почему именно врач казался безумцем, мы последовали за носилками.

Г л а в а 3 ОДИННАДЦАТЬ

Центральное Место явно создали путем старательного вычисления точного центра Кенд-Амрида, а затем сноса существовавших зданий. Здесь было воздвигнуто строение, квадратное, неестественно контрастирующее с другими зданиями. Центральное Место являло также признаки того, что построили его лишь недавно, и мне оставалось только гадать, с какой скоростью оно должно было возводиться и какой ценой — поскольку здесь использовали в первую очередь человеческий труд.

Центральное Место было построено на крови людей — людей, подвластных тирании, понять которую намного труднее, чем власть диктатора, существовавшего когда-либо на Земле.

Носилки остановились и опустили на землю перед главным входом, зияющим в стене и совершенно квадратным,— из них

спустились два человека и, шагая словно роботы, первыми направились в здание.

Внутри царил полумрак, скверно освещаемый простыми лампами, похожими на наши обыкновенные масляные лампы. Это удивило меня, поскольку большинство марсианских народов все еще пользуется почти неистощимым искусственным освещением, являющимся одним из благ, оставленным после себя шивами, сверхчеловеком расой, уничтожившей себя согласно легендам в чудовищной войне много веков назад. От них осталось лишь несколько бессмертных, понявших ошибочность своих путей и редко вмешивающихся в дела людей. Они страшились, наверное, что могут повторить свои ошибки.

Я заметил об этом Хулу Хаджи, и тот сказал, что у них некогда имелось такое же освещение, но, пытаясь сделать новые осветительные приборы, синие люди разобрали их на части и не смогли собрать вновь.

Эта информация усилила сложившееся у меня впечатление о жителях Кенд-Амрида и помогла мне понять, почему они стали тем, чем были.

Сочувствие причинам их безумия не изменило ни на йоту моего намерения попытаться, насколько будет в моих силах, вылечить это безумие.

Мы вошли за двумя людьми в помещение, где нашли еще девять человек — все с той же неестественно прямой осанкой и неподвижным выражением лиц, как у первых двух. Они, конечно, различались по внешности.

Первые два заняли свои места за круглым столом, где уже сидели другие девять. В центре стола, имевшего углубление, находилось нечто, значение чего я не мог понять с первого взгляда.

Это был человеческий скелет.

Буквально мemento мори!

Первоначально, наверное, Одиннадцать поместили его туда, чтобы напоминать всем о смерти. Если врач прав, то именно страх перед напастью и заставил их создать эту неестественную государственную систему.

Следующее, что я заметил, — это то, что за столом было лишнее место. И все же, если вокруг стола было двенадцать кресел, то где же двенадцатый? Ведь правители Кенд-Амрида называли себя Одиннадцатью.

Я надеялся, что позже смогу найти ответ.

Все тем же ровным голосом человек, с которым я первоначально разговаривал, в точности сообщил другим, что произошло между нами. Он не сделал по этому поводу никаких личных коммента-

риев и, казалось, не пытался передать ничего, кроме точной информации.

Когда он закончил, другие повернулись рассмотреть нас.

— Мы говорить,— сказал после минутной паузы первый человек.

— Нам выйти, чтобы вы могли решить? — спросил я.

— Нет нужды. Мы обдумываем факторы. Вы здесь не имеет значения.

И тут начался невероятный разговор между одиннадцатью людьми. Никто ни разу не высказал мнения, зависящего от его собственной личности. Некоторым это может показаться привлекательным — разум правит эмоциями,— но пережить такое было ужасно, потому что я вдруг понял, что личная точка зрения является необходимой, если хочешь прийти к сколь-нибудь реалистичному выводу, каким бы несовершенным он ни мог показаться.

Повторение всего разговора наскучит вам, но в сущности обсуждалось, смогут ли они, будучи полезными нам, получить что-то полезное для Кенд-Амрида.

Наконец они пришли к выводу, к которому, по-моему, любой человек пришел бы в течение нескольких минут. Коротко он сводился к следующему: если я объясню, как построить двигатель внутреннего сгорания и принцип его действия, они помогут мне отремонтировать мой.

Я знал, насколько опасным может оказаться дело, если я направлю это нездоровое общество по пути к настоящим техническим достижениям, но притворился, что согласен. При этом я имел в виду, что у них нет достаточного количества инструментов, необходимых для постройки многих двигателей внутреннего сгорания, прежде чем я смогу вернуться с подмогой и исцелить болезнь, явившуюся в Кенд-Амрид.

— Ты показать? — спросил один из Одиннадцати.

— Покажу,— согласился я.

— Когда?

— Утром.

— Утро. Да.

— Можно нам теперь вернуться на наш корабль?

— Нет.

— Почему нет?

— Вы остаться, вы не остаться. Мы не знать. Поэтому вы остаться здесь.

— Ладно,— пожал я плечами. — Тогда, наверное, мы можем где-нибудь поспать до утра. — По крайней мере, подумал я, мы сможем поберечь свою энергию, пока не решим, как действовать.

— Да.

- Тут есть постоянный двор, где мы могли бы остановиться?
- Да, но вы не остановитесь там.
- Почему же? Вы можете охранять его, если не доверяете

нам.

— Да, но вы умереть, вы не умереть. Мы-не знать. Поэтому вы оставаться здесь.

— Почему это мы можем умереть?

— Напасть, чума заставляя умереть.

Я понял. Они не хотели, чтобы мы заразились чумой, все еще удерживавшей власть в городе. Наверное, это место было больше защищено, чем все остальные в городе.

Мы согласились остаться.

Затем первый вывел нас из помещения по короткому коридору, в конце которого лестничный марш вел вниз, в подвалы Центрального Места.

Мы спустились по лестнице и прошли по другому коридору со множеством дверей по обеим сторонам. Они выглядели подозрительно похожими на ряд камер в тюрьме.

Я спросил провожатого, что это такое.

— Здесь хранить испорченные головы,— сообщил он мне.

Я сообразил, что именно здесь содержались в заключении люди, все еще полезные для Кенд-Амрида, по понятиям этого города, но считающиеся безумными.

Надо полагать, нас отнесли к этой категории.

Пока они не отобрали у нас оружие, я готов был позволить им запереть нас на ночь, если, допустив это, мы сможем в конечном итоге отремонтировать мотор и добраться обратно в Варналь, а там уж решить, как мы лучше всего сможем сбросить двойное проклятие, лежащее на Кенд-Амриде,— проклятие физической и психической болезни. Такая комбинация, подумал я, является редкой на Марсе, где болезни вообще редки, но на Земле она встречалась куда чаще. Еще одно обстоятельство, которое я не мог не обдумать,— было бы положение вещей таким же, будь людей на Марсе больше. Я пришел к выводу, что нет. Мне думается, что я прав.

Знаю, я ученый, но не философ, я предпочитаю мысли — действие. Пример Кенд-Амрида глубоко повлиял на меня, и я чувствую, что должен взять на себя труд объяснить, почему именно предпочитаю я общество Марса обществу Земли. Марс, конечно, не совершенен, и, наверное, именно потому-то я и нашел свой истинный дом на Марсе. Ибо там людям преподавался урок слишком упорной попытки добиться совершенства. Там люди уважали прежде всего человеческую индивидуальность. Уважали не только сильного, но и слабого тоже, потому что сила и слабость присут-

ствуют во всех нас. Это обстоятельство больше чем что-либо иное создает того, кого мы называем слабым или сильным.

И это — одна из причин, почему я возненавидел то, кем стали жители Кенд-Амрида.

В конечном итоге это должно было разрешиться в состязании умов и мечей. Но вы должны знать, что мой мозг вступил в поединок раньше руки, державшей меч.

И если Марс — место более предпочтительное для меня, чем Земля, то вы должны понять почему. Причина в следующем: обстоятельства добрее к Марсу, чем к Земле. На этой планете мало болезней, а население достаточно невелико, чтобы позволить каждому человеку стать самим собой.

Итак, человек с неподвижным лицом открыл дверь и посторонился, дав возможность нам пройти.

Я удивился, увидев еще одного обитателя маленькой камеры, снабженной четырьмя нарами. Он не походил на Одиннадцать, но в его глазах было что-то затравленное, заставившее меня вспомнить о враче, встреченном нами.

— Он не хорош для других, — сказал наш провожатый. — Но это единственное место для вас. Не говорить с ним.

Мы ничего не сказали, войдя в камеру и наблюдая, как за нами закрыли дверь. Мы услышали, как упал засов, и поняли, что заточены. Нас утешал только тот факт, что оружие осталось при нас.

— Кто вы? — спросил нас человек, сидевший в камере, когда замерли шаги тюремщика. — Почему Шестой заточил вас и позволил сохранить при себе мечи?

— Так его зовут Шестой? — улыбнулся я. — Нас так и не представили.

Заклученный поднялся и, рассердясь, подошел ко мне.

— Ты смеешься над э т и м? — Он показал на дверь. — Неужели ты не понимаешь, над чем ты смеешься?

— Конечно, — став серьезным, ответил я. — Но мне кажется, если против э т о г о потребуется предпринять какие-то действия, — я кивнул в указанном им направлении, — то мы не должны терять головы и становиться такими же сумасшедшими, как и те, с кем мы намерены бороться.

Он посмотрел мне в лицо ищущим взглядом, а затем опустил глаза к полу и кивнул.

— Наверное ты прав, — признался он. — Наверное, именно в этом-то я, в конечном счете, и оказался неправ.

Я представил сам и представил своего друга:

— Это — Хул Хаджи, принц Мендишара из далеком севере; а я — Майкл Кейн, принц Варналя, лежащего на юге.

— Странные друзья, — сказал он, поднимая взгляд. — Я думал, что народ юга и Синие Гиганты — потомственные враги.

— Теперь дела обстоят совсем не так плохо, — возразил я. — Но кто ты и почему ты здесь?

— Я — Первый, — ответил он. — И здесь я, если угодно, именно из-за этого.

— Ты хочешь сказать, что ты отсутствующий член Совета, правящего Кенд-Амридом?

— Именно так. Более того, именно я сформировал этот Совет. Вы видели, где он заседает?

— Да, в экстравагантном месте.

— Я положил скелет в центр стола. Ему было предназначено служить постоянным напоминанием о том, с чем мы боремся. С этой ужасной чумой, все еще опустошающей город.

— Но в чем причина эпидемии? Я не слышал ни о каких смертельных болезнях на Марсе.

— Причиной ее являемся мы, косвенно. Мы нашли неподалеку от окраины города древнюю канистру. Она оказалась настолько старой, что явно была создана шивами или якша. Нам потребовалось много месяцев, прежде чем мы сумели ее открыть.

— И что же оказалось внутри? — любопытствовал Хул Хаджи. — Ничего, как мы и думали.

— Просто воздух? — недоверчиво переспросил Хул Хаджи.

— Не просто воздух — чума. Она все время находилась там. И по своей глупости мы выпустили ее.

Теперь Хул Хаджи кивнул.

— Да, я помню отрывок истории, — подтвердил он, — что-то о том, как в своей войне шивы и якша применяли болезни, которые им как-то удавалось поймать в ловушку и выпускать на своих врагов. Именно это, должно быть, вы и нашли.

— Мы поняли это, но какой ценой! — Человек, называвшийся Первым, подошел и сел на нары, обхватив руками голову.

— Но что же случилось потом?

— Я был членом Совета, правившего в Кенд-Амриде. Я решил, что для сдерживания чумы нам нужна логичная система управления. Я решил, — и поверьте мне, я пришел к этому решению, не испытывая удовольствия, — что пока чума не будет уничтожена напроць, мы должны расценивать каждого человека просто как машину, иначе чума распространится повсюду. Если чума не сильно действует на личность — а ее воздействие, знаете ли, варьируется, — то его можно считать потенциально функционирующим механизмом. Если чума сильно воздействует на него, то его следует рассматривать как бесполезный механизм и, следовательно, уничтожить, а полезные части хранить в бан-

ке органов на случай, если они могут потребоваться функционирующему организму.

— Но такая концепция предполагает, что у вас имеется более развитая форма хирургии, чем можно подумать о вашем обществе,— заметил я.

— У нас есть оборудование шивов. Руку, кисть, любой важный для жизни орган можно вставить или подсоединить туда, где ему следует находиться в человеческом теле, а потом включается машина шивов. Из машины вытекает особая сила и соединяет части тела. — Человек говорил с удивлением, словно мне следовало бы это знать.

— Я слышал о такой машине,— вмешался Хул Хаджи. — Но я понятия не имел, что одна такая находится в Кенд-Амриде.

— Мы, как это ни печально, держали это в секрете от других народов,— пояснил заключенный. — Мы вообще довольно скрытный народ.

— Я это знаю,— согласился Хул Хаджи. — Но я не представлял, до какой степени вы оберегаете свои секреты.

— Наверное, если бы не были такими скрытными,— проговорил Первый,— то не оказались бы сегодня в таком положении.

— Трудно сказать,— возразил я ему. — Но почему вы теперь в тюрьме?

— Потому что я увидел, что мои выводы произвели нечто столь же опасное, как и чума,— ответил он. — Я попытался повернуть вспять с курса, по которому пустился в путь. Но прозрение наступило слишком поздно.

Я посочувствовал ему.

— Но они не убили тебя. Почему?

— Полагаю, из-за моего мозга. Они на свой странный манер уважают ум, или по крайней мере то, что они считают умом. Но я думаю, что так будет продолжаться не так уж долго.

Я испытал ненависть и в то же время сочувствие к этому человеку с трагически сложившейся судьбой, сидевшему передо мной на нарах. Но сочувствие одержало верх, хотя про себя я обругал его дураком. Подобно другим до него на Земле и на Марсе, он стал жертвой созданного им монстра.

— А разве вам не приходило в голову,— сказал я,— что если древние — шивы или якша — могли изобрести эту чумную канистру, то у них, возможно, имелось также и другое изобретение, способное исцелить от чумы?

— Естественно, приходило,— ответил, обиженно подняв голову, Первый. — Но существует ли оно еще? И если да, то где оно? Как вступить в контакт с шивами?

— Никто не знает,— сказал Хул Хаджи. — Они приходят и уходят.

— Наверняка необходимо попытаться обнаружить это устройство, если оно еще существует,— произнес я, быстро взглянув на Хула Хаджи, гадая, пришла ли ему в голову та же мысль.

Хул Хаджи поднял загоревшиеся глаза.

— Ты думаешь о месте, куда мы первоначально отправлялись? Не так ли?

— Так,— подтвердил я.

— Конечно. Исцели чуму и тогда исцелишь безумие!

— Именно.

Первый недоуменно глядел на нас, явно не понимая, о чем мы говорим. Я подумал, что на данном этапе будет нецелесообразным рассказывать ему о сокровищнице машин, спрятанной в подземельях якша. В самом деле, ранее мы с Хулом Хаджи согласились, что это место следует хранить в тайне и что рассказывать, где оно расположено, нужно только минимальному количеству доверенных людей. В этом мы разделяли явное беспокойство шивов, чувствуя, что обнаружение таких знаний сразу становилось слишком опасным. Если шивы проявляли благодетельный интерес к человечеству, то я считал верным то, что они, очевидно, ждали, пока общество на Марсе достигнет основательной зрелости, прежде чем предоставлять им блага предыдущего общества, уничтожившего самого себя.

— Вы говорите,— спросил Первый,— что есть шанс найти исцеление от чумы?

— Именно так.

— Где? И как?

— Мы не можем сказать,— ответил я ему. — Но если мы сумеем убраться из Кенд-Амрида и если мы найдем такую машину, то заверяю тебя — мы вернемся.

— Отлично,— обрадовался он,— я принимаю это. По крайней мере, вы предлагаете надежду, тогда как я думал, что всякая надежда пропала.

— Скажи нам свое настоящее имя,— попросил я. — И восстанови надежды на самого себя.

— Барани Даса,— ответил он намного более ровным голосом, снова поднимаясь. — Барани Даса, мастер-кузнец Кенд-Амрида.

— Тогда пожелай нам удачи, Барани Даса,— сказал я. — Мы надеемся, что Одиннадцать смогут помочь нам отремонтировать двигатель.

— Мы в Кенд-Амриде понимаем в машинах. — В глазах его появилось что-то похожее на прежнюю гордость. — Его отремонтируют.

— Наверное, вы понимали в них недостаточно,— напомнил я ему.

Он поджал губы.

— Наверное, мы не делали различия между машинами, которые мы любили, и людьми, которых мы тоже любили.

— Такое отличие всегда следует иметь в виду,— сказал я ему. — Но это не значит, что нам следует вообще отвергать машины.

— Я подумаю над этим. — Губы его тронула слабая улыбка. — Но я буду думать долго, прежде чем решу, согласиться с тобой или нет.

— Это все, что нам следует просить,— улыбнулся я в ответ.

Затем мы легли спать, и Хул Хаджи вытянулся на полу камеры, поскольку нары не были рассчитаны на Синих Гигантов трехметрового роста.

Г л а в а 4

БЕГСТВО ИЗ КЕНД-АМРИДА

Вскоре после восхода солнца мы отправились осматривать двигатель — Хул Хаджи, я и Одиннадцать. Я узнал от Барани Дасы, что каждый член Совета был лучшим в своем ремесле, и понимал, что они — самые подходящие люди для ремонта двигателя, если это вообще кому-нибудь под силу.

Я опустил воздушный корабль на землю и снял листы, закрывавшие кожух двигателя. Почти сразу же я заметил, что неисправность была проста, и обругал себя дураком. Бензопровод состоял из нескольких секций, и одна из них отошла. Каким-то образом кусок ветоши, наверное по недосмотру механика, попал в бензопровод и забил его.

Чаше всего простое объяснение и оставляют без внимания. Я исходил из того, и это вполне законно, что обученные мною в Варнале механики обычно заслуживали всяческого доверия и отличались щепетильностью, чтобы допустить неисправность.

И все же из-за этой ошибки я нашел Кенд-Амрид, и это было, вероятно, столь же неплохо, поскольку я теперь имел шанс кое-что сделать для него. Я радел не только о благе Кенд-Амрида, но и о благе всего Марса. Я знал, что и болезнь и вероучение могли распространяться во многом так же, как в средние века на Земле смерть и черная магия, и желал любой ценой воспрепятствовать этому.

Я счел целесообразным притвориться, что с двигателем что-то не в порядке, и позволил Одиннадцати посмотреть его, как всегда с бесстрастными лицами, пока сам чертил обещанные им схемы. Я был достаточно уверен, что технологически они не смогут подготовить выпуск подобного двигателя к тому времени, как я вернусь, поскольку даже энергию пара они поняли только в самых элементарных категориях. Это, конечно, делало их очень непо-

хожими на остальных жителей Марса, никогда не утруждавших себя физикой, кроме как в теории, поскольку машины шивов были слишком сложны для их понимания.

Лишний раз я смог посимпатизировать жителям Кенд-Амрида, но по-прежнему считал, что ситуация, сложившаяся на большей части Марса, гораздо лучше той, что мы обнаружили здесь.

Зная, что могу теперь покинуть Кенд-Амрид без затруднений, я почувствовал себя лучше и попытался заметить теперь признаки озадаченности на лицах Одиннадцати, когда они рассматривали мои чертежи.

Но такое выражение отсутствовало. Единственное, что я понял, — это то, что они уверены в себе.

Они неизбежно дошли до расспросов о горючем, и я показал им немного очищенного мною в Варнале бензина. Мне следует предупредить, что варнальцы по-настоящему ничего не понимали в принципах действия двигателей, применяемых мною для воздушных кораблей. Точно так же, как не понимали более сложных принципов действия двигателей, построенных шивами, один из которых был применен мною для полета на первом воздушном корабле. И это опять же, как я почувствовал, к лучшему.

Один из Одиннадцати — он назвал себя Девятым — спросил меня о бензине и о том, где его можно найти.

— Он не бывает таким в естественном состоянии, — уведомил я его.

— Каким он бывает в естественном состоянии? — раздался лишенный эмоций вопрос.

— Трудно сказать.

— Ты возвращаться в Кенд-Амрид и показывать. У нас есть много жидкостей, которые мы хранить из старых находок.

Он, несомненно, подразумевал, что они отыскиали и другие вещи, оставленные шивами, и сохранили их.

Теперь уже меня разобрало любопытство, и я не желал упустить шанс посмотреть упомянутые Девятым «жидкости». Я согласился вернуться.

Оставив на корабле Хула Хаджи, я возвратился со всеми Одиннадцатью в их лаборатории, расположенные как раз позади Центрального Места. При дневном свете следы чумы виднелись повсюду. По улицам скрипели телеги, нагруженные трупами. Я ожидал увидеть признаки горя на лицах оставшихся в живых, но их почти не было. Тирания Одиннадцати не позволяла никаких неэффективных эмоций, будь то горе или радость. Я понял, что признаки эмоций рассматривались как указания на то, что человек безумен, либо что чума заразила еще одну жертву.

От подобных мыслей я содрогнулся больше, нежели от всего, услышанного и увиденного раньше.

Одиннадцать показали мне все химикаты, открытые ими в развалинах шивских городов, но я сказал им, что ни один не имел ничего общего с бензином, хотя и солгал.

Они попросили меня оставить им немного бензина, и я согласился. Однако я собирался сделать так, что он не сработает, когда они испробуют его.

Я отказался возвращаться на их страшных носилках, поэтому мы вернулись так же, как пришли.

Хотя Одиннадцать и не подали виду, что это им неприятно, потом я понял почему. В конце улицы, по которой мы шли, из дома вышел человек и направился, спотыкаясь, к нам.

На губах у него выступила кровавая пена, а от шеи до носа расплзалась по лицу зеленоватая клякса. Одна рука казалась парализованной и бесполезной, другая болталась так, словно он пытался сохранить равновесие. Он увидел нас, и из его рта вырвался неразборчивый крик. Глаза его были лихорадочно-яркими и блестели ненавистью.

Приблизившись к Одиннадцати, он закричал:

— Что вы наделали! Что вы наделали!

Одиннадцать, все как один, повернулись, оставив одного меня лицом к лицу с несчастным, пораженным чумой.

Но он проигнорировал меня и кинулся за ними.

— Ч т о в ы н а д е л а л и! — снова пронзительно крикнул он.

— Слова ничего не значить. Нельзя отвечать, — сказал Девятый.

— Вы виноваты! Вы выпустили чуму! Вы навязали нам это нечестивое правительство! Почему столь немногие понимают это?

— Неэффективный, — раздался холодный, мертвый голос Шестого.

Затем из тех же дверей выбежала девушка. Она была хорошенькая, лет восемнадцати, одетая в нормальную марсианскую одежду — коротенькую тогу. Ее каштановые волосы растрепались, а по лицу текли слезы.

— Отец! — закричала она, бросаясь к несчастному.

— Уйди, Ала Мара! — крикнул он. — Уйди, мне предстоит умереть. Дай мне воспользоваться оставшейся во мне малостью жизни, чтобы выступить против этих тиранов. Дай мне попросить заставить их почувствовать что-то человеческое — даже если это будет всего лишь ненависть!

— Нет, отец! — Девушка потянула его за руку.

Я заговорил с ней:

— Я сочувствую вам обоим,— сказал я. — Но подождите еще немного. Может быть, я сумею вам помочь.

Один из Одиннадцати — по-моему, он называл себя Третьим — повернулся. В руке у него было оружие шивов. Не моргнув глазом он нажал курок. Оружие это действует только на коротком расстоянии, а тут стреляли почти в упор. Человек со стоном упал.

Девушка издала громкий вскрик и принялась молотить Третьего по груди кулачками.

— Вы убили его. Вы могли, по крайней мере, оставить ему ту малость жизни, что в нем тлела! — с ненавистью рыдала она.

— Неэффективный,— произнес Третий. — Ты тоже неэффективный. — И он начал поднимать пистолет.

Я не смог этого вытерпеть.

С криком я прыгнул на него, вышиб из руки пистолет и обхватил девушку за талию.

Я ничего не сказал.

Он ничего не сказал.

Мы просто стояли молча, рассматривая друг друга, когда повернулись десять других членов Совета.

Я выхватил свободной рукой меч.

— Мертвый человек — самый неэффективный,— высказался я. — И я могу сделать такими нескольких из вас, если вы делаете хоть один шаг.

Девушка теперь плакала от реакции на случившееся, и я от всего сердца жалел ее теперь даже больше, чем раньше.

— Не беспокойся, Ала Мара,— сказал я, вспомнив имя, названное ее покойным отцом. — Они не причинят тебе вреда.

Один из Одиннадцати, находившийся дальше всех от меня, поднес к губам свисток, игнорируя мою угрозу. Звук свистка пронзил воздух, и я понял, что свисток предназначен для вызова стражи.

Закинув девушку на плечо, я кинулся по улице. Я знал, что ворота — за следующим поворотом и что если я смогу достаточно быстро создать дистанцию между собой и Одиннадцатью, то их стража не причинит мне вреда.

Задышавшись, я свернул за угол и бросился к открытым воротам.

Когда я пробежал через ворота, за мной бросились стражники, и я молился, чтобы мне удалось добраться до поджидавшего корабля прежде, чем все будет потеряно.

Хул Хаджи, должно быть, увидел, что меня преследуют стражники, потому что он вдруг появился у входа в гондолу воздушного корабля. Я швырнул ему девушку и повернулся, чтобы отбить удары мечей двух первых нападавших.

С оружием они обращались неумело, и сперва я защищался легко. Но вскоре в бой вступили другие, и мне пришлось бы туго, не оказись рядом со мной массивного Хула Хаджи.

Вместе мы удерживали их, пока несколько из них не оказались на земле убитыми или ранеными.

— Поднимайся на борт, — бросил мне вполголоса Хул Хаджи. — Я тотчас же присоединюсь к тебе.

Я сумел взобраться в гондолу.

Хул Хаджи сделал последний выпад; убивший стражника, и в возникшем в эту секунду затишье прыгнул в гондолу.

Я стоял наготове у двери и тут же захлопнул ее. Преставив Хулу Хаджи запирать ее, я проскочил мимо все еще испуганной девушки и уселся за пульт управления кораблем.

Прошло несколько мгновений, и моторы мощно взревели, оживая. Я освободил якорные канаты, и вскоре мы поднялись в воздух.

— Что теперь? — спросил Хул Хаджи, мельком взглянув на девушку и усевшись в специально изготовленное для него кресло.

— У меня есть сильное искушение сейчас же вернуться в Варналь, — сказал я. — Но, вероятно, будет лучше всего сразу же отправиться к подземельям якша и посмотреть, не сможем ли мы найти машину для исцеления от чумы. Еще лучше было бы, если бы нам удалось вступить в контакт с шивами.

— Шивы редко вступают в контакт с нами, — напомнил мне Хул Хаджи.

— Но если бы они узнали!

— Наверное они знают.

— Ладно, — сказал я. — Мы летим к подземельям якша. Наверное там мы найдем средство вступить в контакт с шивами.

— А что насчет девушки? — спросил Хул Хаджи.

— Ничего не остается, кроме как взять ее с собой, — решил я. — В конце концов, помогая ей в первый раз, я возложил на себя ответственность за ее дальнейшую судьбу.

— И на меня, друг мой, — улыбнулся Хул Хаджи.

Позади нас Ала Мара слабо проговорила:

— Спасибо вам, незнакомцы. Если я буду вам чем-то мешать, высадите меня, где хотите. Вы сделали достаточно.

— Чепуха! — ответил я, устанавливая курс на север к подземельям якша. — Мне хочется в конце этого приключения вернуть тебя обратно в Кенд-Амрид. Кроме того, у нас есть основания надеяться, что мы получим средства для уничтожения царящих там бед.

Наверно, тронутая этим и явно вспомнив смерть отца, девушка снова принялась рыдать. Я обнаружил, что мне трудно не обращать внимания на ее эмоции, и прошло долгое время, прежде чем я смог подумать о способе, с помощью которого я смог бы

разыскать машину, способную исцелить чуму, исходя из предположения, что она существовала в подземельях якша.

Пройдет еще несколько дней, прежде чем мы доберемся до своей цели. За это время я должен научить себя действовать и мыслить хладнокровно.

Я, конечно, не знал тогда, что ждало меня впереди. Если бы знал, то, скорее всего, вернулся в Варналь.

Как оказалось, события скоро развернулись таким образом, что мы все оказались в отчаянном положении!

Г л а в а 5

ВАРВАРЫ

Мы полетели над пустыней, решив навестить Мендишар — отечество Хула Хаджи — на обратном пути. Частично это было решение моего друга, поскольку он объяснил, что лишь недавно улетел оттуда и уверен, что там у него в настоящее время все в порядке.

Мы опустились перед очищенным нами раньше входом и, причалив воздушный корабль, оставили Алу Мару сторожить его.

У входа, накрытого нами в предыдущее путешествие листом сплава, не подверженного коррозии, мы заметили, что лист кто-то сдвинул.

Хул Хаджи указал на землю.

— С тех пор, как мы его оставили, здесь побывали люди, — сказал он. — Вот отпечатки ног. А вон следы, как будто по земле волокли что-то тяжелое. Что ты об этом скажешь, Майкл Кейн?

— На данный момент у меня не больше мыслей, чем у тебя, — нахмурился я. — Нам лучше вести себя осторожно. Наверное, внутри мы обнаружим следы, по которым сумеем распознать чужаков. Кто же мог залезть сюда?

Хул Хаджи покачал головой.

— Отпечатки ног показывают, что это люди не моей расы, а твоей, но, с другой стороны, никаких низкорослых людей в этих краях нет. Должно быть, они явились издалека.

Мы подняли крышку и прошли в прохладное помещение. Оно освещалось казавшимися неиссякаемыми огнями, изобретенными древней расой.

В свой последний визит мы соорудили деревянную лестницу, и ступеньки ее были теперь расщеплены и побиты, опять-таки доказывая, что по ним волокли тяжелые предметы.

Когда мы пробрались дальше в катакомбы якша, то ахнули от гнева, увидев учиненные разрушения. Машины валялись перевернутые и разбитые, сосуды с химическими веществами — сломаны и разнесены вдребезги, артефакты — частично уничтожены.

Мы шли дальше через помещения подземного города, находя дальнейшие доказательства бесчувственного вандализма, пока не вошли в одно достаточно большое помещение и не нашли его почти пустым. Я вспомнил, что в этом месте хранили многие из наиболее интересных машин, которые дали бы нам множество важных знаний, если бы дело дошло до их исследования.

Но они исчезли!

Где они?

Я не мог догадаться.

Вот тут-то мои уши уловили звук движения, и я выхватил меч. Хул Хаджи последовал моему примеру.

Как только мы сделали это, из двери напротив той, которой воспользовались мы, вбежали, размахивая мечами, множество людей с круглыми щитами из грубо кованного металла.

Однако больше всего меня поразило в них то, что все они оказались бородатыми. Люди, которых я встречал на Марсе раньше, были лишены волосяного покрова на лице.

Эти приземистые мускулистые люди носили тяжелые кожаные нагрудники, начисто лишенные драгоценных камней. Единственными их украшениями были воротники и ножные браслеты из кованного металла, похожего на железо, хотя у некоторых они, казалось, были сделаны из бронзы или золота.

Они приостановились, так как мы встретили их с мечами наготове.

Один из них, косоглазый человек, даже более волосатый, чем другие, чуть склонил голову набок и обратился к нам резким наглым тоном:

— Кто вы? Что вы здесь делаете? Это наша область грабежа. Мы первые нашли ее.

— Да ну, неужели?

— Да, мы. Странно такой паре, как вы, оказаться здесь вместе. Я думал, что вы, Синие Гиганты, всегда деретесь с людьми вроде нас.

— С людьми вроде вас обязательно нужно драться, судя по тому, что вы сделали с этим местом,— ответил с отвращением в голосе Хул Хаджи.

— Я хочу сказать — и с людьми вроде не г о тоже,— уточнил бородатый, махнув мечом в направлении меня.

— Этот вопрос не имеет значения,— нетерпеливо бросил я. — Так что перейдем к делу. Кто в ы?

— Не твое дело.

— Может оказаться, что это наше дело! — проворчал Хул Хаджи.

Бородатый резко и надменно рассмеялся.

— Ах вот как? Ну, можете попробовать, если хотите. Мы — багарады. И наш вождь — Рокин Золотой. Мы самые свирепые бойцы по обе стороны Западного моря.

— Так значит, вы прибыли из-за Западного моря,— догадался я.

— Неужели ты слышал о нас?

Я покачал головой, но Хул Хаджи сказал:

— Багарады. Я слышал о вас от своего отца. Варвары, грабители, налетчики из страны за Западным морем.

Я только однажды посетил Западный континент, да и то случайно, когда пережил приключения в странном Городе Паука, откуда мы с Хулом Хаджи едва сбежали, спасая свои жизни. Так значит, они тоже с того таинственного континента, не исследованного до сих пор марсианскими путешественниками...

— Варвары! — Бородатый снова издал утробный смех. — Может быть. Но скоро мы будем покорителями мира!

— Как так? — спросил я с подозрением.

— Потому что у нас есть оружие, не снисшееся человеческим существам. Оружие некогда обитавших здесь богов!

— Они не были богами,— поправил я его. — Скорее всего, жалкими демонами.

— Что ты знаешь о богах? — нахмурился варвар.

— Я же сказал тебе: построившие этот подземный город не были богами. Они были простыми людьми.

— Ты говоришь ересь, гладкокожий! — прорычал варвар. — Поосторожней со словами! И все же, кто ты?

— Я — Майкл Кейн, Брадинак Варналя.

— Брадинак, да? Х-м-м, за тебя можно получить хороший выкуп, а?

— Несомненно,— холодно ответил я. — Но это будет выкуп за труп. Так как я скорее умру сражаясь, чем позволю прикоснуться рукам таких, как вы.

Варвар ухмыльнулся, наслаждаясь оскорблением, полученным им.

— А кто другой?

— Я — Бради Хул Хаджи из Мендишара. Мне нет нужды повторять слова моего друга, поскольку я думаю точно так же. — Хул Хаджи слегка переменял стойку.

Варвар задумчиво опустил свой косой взгляд.

— Отлично, отлично. Два хороших приза, если мы сможем взять вас живыми, не так ли? Я — Зонор Растерзай, имя мое вполне заслуженное. В свое время я любил отрывать у людей конечность за конечностью.

— Полезное занятие,— насмешливо заметил я.

Его лицо стало серьезным.

— Да, это так там, где правят багарады. Никто не может плюнуть в глаза Зонору, кроме единственного человека, более сильного, чем я.

— Судя по тому, как ты говоришь, такого вообще нет,— заметил я.

— Я говорю о нашем собственном Бради — Рокине Золотом. Ты можешь оскорблять меня, и я оценю оскорбление по достоинству. Жаловаться я буду только, если оно окажется слабым. Но скажи мне хоть слово против Рокина, истинного военного Бради, и я разрежу тебя на части. Мне не нужен меч или щит, когда я имею дело с человеком.

— Так значит, вы по приказу Рокина украли машины? Это так?

— Приблизительно так.

— А где теперь эти машины? Все еще по эту сторону Западного моря?

— Некоторые — да, некоторые — нет.

— Вы дураки, если имели смелость копаться в них. Они также легко могут уничтожить вас, как и тех, против кого вы планировали направить их.

— Не пытайся озаботить меня подобной болтовей,— проворчал Зонор. — Мы знаем, что делаем. Никогда не называй дураком человека из Багарада, пока не отрастишь свою бороду. — Он разразился хохотом, явно наслаждаясь обычной шуткой своего народа.

— У меня нет бороды,— напомнил я ему. — А вы будете мудрецами, если вернете украденное. Вы не можете понять смысла того, что сделали, даже если бы я объяснил вам его.

— Мы тебя не боимся,— пробормотал он. — И не боимся твоего здоровенного друга. Нас много, и мы — лучшие бойцы по любую сторону океана.

— Тогда мы заключим сделку.

— Какую сделку?

— Если мы побьем вас в честном бою, вы привезете оборудование обратно. — Я подумал, что это может показаться привлекательным для простых варварских обычаев.

— Нельзя,— отказался он, качая головой, словно разочарованный. — По такому делу должен принять решение сам Рокин.

— Тогда что же нам делать?

— Я честный человек,— задумчиво проговорил он. — И у нас в настоящее время маловато сил. Я позволю вам уйти. Как насчет этого?

— Вы боитесь с нами драться, не правда ли? — рассмеялся, перебирая меч, Хул Хаджи.

Этого говорить не следовало.

Если бы Зонор отпустил нас восвояси, мы смогли бы вернуться с силами Мендишара и остановить их прежде, чем они погрузятся на свои корабли и отплывут к Западному континенту.

Но Хул Хаджи задел варварскую гордость Зонора.

Теперь решить дело могла только кровь.

Заревев от гнева, Зонор бросился на Хула Хаджи.

Его люди тоже кинулись на нас.

Вскоре мы дрались с несколькими варварами, окружившими нас. Варвары оказались крепкими, сильными бойцами, но в их фехтовании отсутствовало искусство.

Защищаться было довольно легко, даже против столь многих, но мы уже знали, что скоро будем убиты, если только нам не повезет.

Мы дрались, стоя спиной к стене, и наши клинки скоро окрасились — от острия до рукоятки — кровью противников.

Я уклонился от неловкого выпада и ударил над краем щита, попав нападавшему в горло. И только когда я убил его и схватился с другим противником, я понял, что убил самого Зонора.

Через некоторое время моя рука, державшая меч, стала побаливать, но я продолжал отчаянно драться, зная, что в этом бою ставка была больше, чем наши собственные жизни.

На чаше весов лежала судьба Кенд-Амрида. Наверное, даже судьбы всего Марса.

Мы должны найти нужную машину, либо в подземельях, либо в имуществе необразованного варвара, называвшего себя Рокин Золотой. Я блокировал удар сверху и обернулся, когда нападающий уперся мне щитом в грудь.

Я скользнул лезвием меча по его оружию до рукоятки, внезапно расцепился, а затем вновь сделал выпад вперед, метя ему в сердце.

И все же казалось, что как бы быстро мы ни убивали их, находились другие, занимавшие их места, и как обычно я вскоре потерял представление обо всем, кроме боя. Я сам стал боевой машиной и ненавидел это, сфокусировав внимание на сохранении своей жизни, даже если это стоило многих других жизней.

При всех своих прекрасных идеалах, когда доходило дело до этого, я был таким же убийцей, как и другие.

Я говорю только для того, чтобы показать, что я не наслаждаюсь убийством и избегаю его, когда могу, даже на Марсе — планете, на которой войны часты.

Мы дрались и дрались до тех пор, пока не утратили всякое ощущение времени, и снова и снова казалось, что мы на волосок от смерти.

Но наконец, кажется, наши противники тоже стали уставать. Я увидел брешь и решил, что в данном случае мы лучше всего послужим своей цели, если попытаемся бежать.

Прокричав Хулу Хаджи, я нырнул через разрыв в рядах врагов, видя уголком глаза, что он последовал за мной.

Я заметил, что из темноты вынырнул еще один человек и сбоку бросился на Хула Хаджи. Инстинктивно я понял, что мой друг не заметит его вовремя.

С предупреждающим криком я повернулся идти к нему на помощь. Повернулся я слишком резко и поскользнулся на крови.

Последнее, что я запомнил,— ухмыляющееся бородатое лицо и щит, которым меня бьют по лицу.

Я попытался не потерять сознания, попробовал подняться. Я увидел, как Хул Хаджи схватился за бок с гримасой боли на лице. Затем сознание покинуло меня.

Я упал лицом вперед, уверенный, что никогда больше не очнусь.

Г л а в а 6 РОКИН ЗОЛОТОЙ.

Я очнулся, но пробуждение было не из приятных. Меня подбрасывало на спине животного.

Открыв глаза и зажмурившись от яркого солнечного света, я увидел, что связан по рукам и ногам и приторочен ремнями к спине большого дахара, универсального ездового и вьючного животного всех когда-либо встреченных мною марсиан.

Солнце светило мне прямо в глаза, у меня болела голова и все мускулы тела. Но в общем я, кажется, был цел.

Я гадал, что стало с Хулом Хаджи.

А потом я подумал, что стало с Алой Марой, оставленной нами сторожить воздушный корабль.

Я молился, чтобы эти варвары не обнаружили ее!

Потом я закрыл глаза от солнца, раздумывая о способах бегства от пленителей, способах найти машину, если она только существовала, для исцеления чумы в Кенд-Амриде. Я так устал, что мне трудно было мыслить логично.

Когда я открыл глаза в следующий раз, то увидел хитрое лицо варвара.

— Так значит, ты жив,— ухмыльнулся он. — Я думал, что южане слабые, но там, в подземельях, мы убедились в обратном.

— Дай мне меч и развяжи мне руки, и ты усвоишь этот урок лично,— проговорил я, еле ворочая языком.

Он в удивлении покачал головой.

— Если бы у тебя была борода, ты мог бы быть багарадом. Думаю, ты понравишься Рокину Золотому.

— Куда мы едем?

— На встречу с Рокином.

— Что случилось с моим другом? — Я намеренно не упомянул о девушке.

— Он тоже жив, хотя и получил легкую рану. — Пока варвар говорил, мы по-прежнему двигались. Оказалось, что он ехал на дахаре.

Словно камень упал у меня с плеч, когда я узнал, что Хул Хаджи жив.

— Мы не смогли найти ваших дахаров, — сказал варвар. — Как вы сюда попали?

Услышав этот вопрос, я испытал еще большее облегчение, так как это означало, что они не обнаружили Алу Мару. Но где же она? Почему они не заметили воздушного корабля? Я попытался ответить таким образом, чтобы прояснить для себя эти вопросы, по крайней мере частично.

— У нас было воздушное судно, — сказал я. — Мы прилетели сюда.

Варвар засмеялся.

— Наглости у тебя хватает, — одобрил он. — Ты можешь врать, как и драться, не хуже, чем багарад.

— Разве ты не видел воздушного корабля?

— Мы не видели никакого корабля. Ты называешь нас варварами, друг мой, но даже мы просвещены достаточно, чтобы не верить в детские сказки. Все знают, что людям не летать, — следовательно, они не могут этого делать.

Я слабо улыбнулся в ответ. Я не мог ему сказать, что улыбаюсь его наивности и потому что это наверняка означало, что они не видели ни моего воздушного корабля, ни Алу Мару. Я по-прежнему недоумевал, что же случилось с девушкой.

Наверное, воздушный корабль каким-то образом унесло ветром. Я не знал, что случилось, и мог только надеяться, что они в безопасности.

Через некоторое время упадок сил заставил меня заснуть, несмотря на сильную тряску, которой я подвергался.

Когда я очнулся в следующий раз, было темно, и дахары двигались медленнее.

Сквозь разговор варваров я услышал другой звук — прибой моря.

С упавшим сердцем я понял, что мы приехали к лагерю варваров, и мне вскоре придется встретиться с их вождем — Рокином Золотым.

Через некоторое время дахар остановился, и тяжелые руки отвязали меня и сбросили на землю. Один из варваров, наверное тот, с кем я разговаривал прежде, поднес к моим губам бурдюк с теплой водой, и я жадно принялся пить.

— Скоро и еда,— пообещал он. — После этого на тебя посмотрит Рокин.

Он ушел, а я лежал на твердой гальке, прислушиваясь к близкому шуму моря. Я все еще находился в ошеломленном состоянии.

Позже я услышал голоса, и раздался глухой стук. Я повернул голову и увидел лежащего рядом со мной Хула Хаджи. Я посмотрел на него и заметил, что у варваров хватило порядочности по крайней мере на то, чтобы перевязать его рану, хотя и грубо.

Он повернул голову и мрачно улыбнулся.

— По крайней мере мы живы,— философски заметил он.

— Но надолго ли? — отозвался я. — И стоит ли жизнь этого? Мы должны бежать как можно скорее, Хул Хаджи. Ты знаешь почему?

— Знаю,— ровным тоном ответил он. — Мысль о побеге не выходит у меня из головы. Но в настоящее время мы можем только ожидать своего часа. Что насчет девушки, спасенной в Кенд-Амриде? Где она?

— Насколько я знаю, в безопасности,— сообщил я ему. — Во всяком случае не захвачена в плен варварами.

— Хорошо. Как ты это выяснил?

Я немного рассказал ему о том, что узнал.

— Наверное, она заметила, что что-то случилось, и отправилась за подмогой,— предположил он, явно не убежденный в этом.

— Она не могла управлять кораблем, если только не наблюдала за моими действиями очень внимательно. Я не нахожу никакого объяснения. Я просто надеюсь, что с нею все будет в порядке.

— Ты заметил,— спросил внезапно Хул Хаджи,— единственный, имеющийся у нас настоящий шанс?

— Какой именно?

— Спрятанный нож.

Вот это уже кое-что! Все синие марсиане носят спрятанные в их разукрашенной боевой поклаже маленькие ножи. Для того, кто не знает об этом, он кажется частью общего украшения. Я однажды уже имел возможность поблагодарить изощренные военные умы тех, кто придумал эту одежду. К несчастью, на мне теперь был поклажу южного стиля, без ножа. И все же один лучше, чем ничего. Если я смогу дотянуться до него зубами, то, может быть, сумею перерезать пути Хула Хаджи.

Я перекатился для этого поближе к нему, как вдруг сверху раздался звук. Оказавшись на спине, я посмотрел вверх.

Я увидел очерченную на фоне освещенного только Фобосом неба гигантскую фигуру, облаченную в яркий металл. То были грубо обработанные золотые доспехи, с большими выделявшимися гнутыми заклепками, державшими все части в соединении. Это была картина грандиозной варварской показухи, и человек носил их с определенным достоинством.

У него была изящно расчесанная желтая борода и волосы ей под стать, длинные, ниспадающие и явно чище, чем у его собратьев. На бедре у него висел огромный меч, рукоять которого он сжимал, глядя на меня. На лице его расплзлась усмешка.

— Ты кто? — спросил он глухим веселым голосом. — Бради или Брадинак?

— А ты кто? — ответил я вопросом на вопрос, хотя и угадал очевидное.

— Бради, мой друг, как тебе хорошо известно, если ты говорил с моими людьми настолько долго, как они утверждают. Бради Рокин Золотой, вожак этих псов-багаратов. А теперь будь любезен ответить мне.

— Я — Брадинак Майкл Кейн из Варналя, города Зеленых Туманов, самого прекрасного города на всем Вашу, — ответил я, столь же гордо употребив марсианское название их планеты.

Он снова усмехнулся.

— А вот этот, другой, должно быть, Бради? А?

— Бради из длинного ряда Бради, — гордо ответил Хул Хаджи. — Бради Мендишара. Для меня не существует более гордого имени.

— Ты так думаешь? Да?

Хул Хаджи не ответил, а посмотрел на Рокина долгим взглядом. Рокин, казалось, не возражал.

— Мне сказали, что вы перебили всех моих людей, включая моего лучшего помощника Зонора Растерзая. Я считал его бессмертным, по крайней мере не способным умереть от клинка врага.

— Это было легко, — ответил я. — И это произошло случайно. Я и не понял, что он был одним из тех, кого я убил, пока не схватился с другим.

Рокин громко рассмеялся.

— Вот это бахвальство. Лучше, чем у багаратов!

— Некоторые, как мне говорили, лучше, — согласился я. — В это нетрудно поверить, если все они такие, как Зонор.

Он чуть нахмурился, хотя по-прежнему усмехнулся, поблескивая сочленениями золотых доспехов.

— Ты так думаешь? Ты обнаружил, что немногие способны побить багаратов?

- Кто эти немногие?
- Э? Что ты имеешь в виду?
- Кого я имею в виду? Детей!

— Нет, мужчин, друг мой! — Лицо его просветлело. Подобно многим первобытным людям, он, кажется, ценил оскорбление само по себе, независимо от того, унижало оно его или нет. Я, однако, знал, что есть область, в которой легко перегнуть палку, даже не заметив. Я об этом даже не беспокоился.

— Что ты теперь собираешься с нами делать? — спросил я его.

— Еще не знаю. Говорят, что вы казались озабоченными оружием, увезенным мною из найденного нами места. Что вы о нем знаете?

— Ничего.

— Судя по тому, что мне рассказывали мои люди, вы знаете о нем немало.

— Значит ошиблись.

— Скажи ему, чтобы он отдал оружие, — буркнул Хул Хаджи. — Скажи то, что мы говорили Зонору — что они будут дураками, если станут шутить с такой мощью!

— Так значит, вы кое-что знаете, — задумчиво протянул Рокин. — Много ли?

— Мы знаем только, что копаться в нем означает самое малое — смерть для всех вас. А также может означать разрушение половины Марса!

— Не пытайтесь напугать меня такими угрозами, — улыбнулся Рокин. — Я не мальчик, чтобы мне объяснять, что хорошо, а что — плохо.

— В данном случае, — настойчиво повторил я, — ты все равно что самое малое дитя. И это тебе не игрушки!

— Я это знаю, друг мой. Это — оружие. Оружие, которое завоюет мне половину Марса, если я хорошо им воспользуюсь.

— Забудь о нем!

— Чушь! С чего бы это?

— Хотя бы с того, — сообщил я ему, — что в городе неподалеку отсюда чума. Одна из имеющихся у тебя машин, возможно, способна остановить ее. Если ее не остановить, она скоро вырвется за городские ворота и стены и начнет распространяться. Ты знаешь, что такое чума? Болезнь?

— Ну, я сам однажды болел одной-двумя, также как и другие, кого я знаю. Когда я был мальчишкой, то кашлял пару дней после того, как потерялся, заплыв в море. Ты это имеешь в виду?

— Нет. — Я описал ему симптомы зеленой чумы, уничтожавшей народ Кенд-Амрида.

Когда я закончил, он и сам выглядел довольно-таки неважно.

— Ты уверен, что дело обстоит так плохо?

— Да,— подтвердил я. — Что бы ты подумал, если она прокатится по всему этому континенту и распространится в конечном итоге и на твой?

— Как она может распространиться? — недоверчиво произнес он.

Я попытался объяснить ему насчет вирусов и микробов, но эти объяснения для него ничего не значили. Я оставил его в сомнении качать головой.

— Какой лжец! Какой лжец! — повторял он. — Маленькие существа у нас в крови! Хо! Хо! Хо! Ты, должно быть, багарад! Должно быть, тебя похитили младенцем!

— Верь или не верь тому, что я тебе рассказал о чуме,— в отчаянии воззвал я. — Но знай, по крайней мере, ее действие,— даже Рокин Золотой не в безопасности от нее!

Он постучал себя по панцирю.

— Это золото защитит меня от чего угодно — человека или машины!

— Ты, кажется, уважаешь нас,— сменил я тему. — Значит, ты отпустишь нас?

Он покачал головой.

— Нет,— усмехнулся он. — Я думаю, вы окажетесь полезными, хотя бы для выкупа.

До этого варвара нельзя было достучаться, взывая к его разуму. Оставалось только надеяться, что мы вскоре сумеем убежать, посмотрев предварительно, какие именно машины он украл, и, если возможно, гарантировать, что он никогда не сможет ими воспользоваться. Это навело на новую мысль.

— Что, если я помогу тебе с машинами? — предложил я. — Тогда ты отпустишь нас?

— Наверное,— задумчиво кивнул он. — Если решу, что вам можно доверять.

— Я — ученый,— уведомил я его. — Я мог бы связать свою судьбу с твоей, если ты сделаешь что-то для меня.

Это направление атаки, кажется, дало лучшие результаты, так как он потерял подбородок и снова кивнул.

— Я подумаю об этом,— пообещал он,— и поговорю с тобой утром.

Он повернулся и зашагал дальше по берегу.

— Я пришел вам поесть,— крикнул он напоследок.

Пищу принесли, и она оказалась неплохой: обыкновенное мясо, травы и овощи. Нас кормили двое ухмыляющихся варваров, чьи неумелые шутки нам пришлось терпеть, пока мы ели.

Когда они ушли и лагерь варваров, казалось, стих, я опять перекатился к Хулу Хаджи, вознамсрившись добраться до ножа на его покапу.

Было трудно убедиться, будучи столь крепко связанным, мог нас кто-нибудь видеть или нет. Я решил рискнуть.

Дюйм за дюймом я подбирался ближе и ближе к другу, и наконец мои зубы сомкнулись на рукоятке тайного ножа.

Медленно я вытащил его из потайного места, пока он не оказался полностью зажатым у меня в зубах.

Руки Хула Хаджи были связаны за спиной, так что теперь ему пришлось перекатиться, пока я пытался перерезать его путы.

Спустя некоторое время, показавшееся веком, поддался первый канат, затем второй. Очень скоро его руки окажутся свободными!

Я принялся за последний кусок каната, стягивавшего руки Хула Хаджи, когда надо мной раздался грубоватый смех и я заметил блеск золота, когда из моих зубов вырвали нож.

— Вы, ребята, смельчаки! — раздался голос Рокина, полный грубого юмора. — Но вы слишком ценны, чтобы пропасть. Лучше мы снова отправим вас спать.

Мы с Хулом Хаджи сделали отчаянную попытку подняться на ноги и напасть на него, но наши путы остановили кровообращение на конечностях.

Взлетела рукоять меча.

Опустилась.

И я отключился.

Г л а в а 7

ПЛАВАНИЕ В БАГАРАД

Мы были в море, когда я очнулся в затхлом трюме корабля, чьи борта казались сделанными не из дерева, как я ожидал, а из чего-то другого.

Веревки на мне разрезали, и если не считать слегка затекших мускулов, физически я себя чувствовал лучше. А также намного яснее мыслил.

Пережитое недавно в стычках с варварами, казалось, высосало из меня прежние эмоции, и хотя я знал, что со временем они вернутся, чувствовал себя отстраненно и в некоторых отношениях находящимся в более здоровом состоянии духа. Наверное, дело было в корабле. Пространство замкнуто, возможности ограничены и, таким образом, лучше владеешь окружающей обстановкой, особенно по сравнению с кажущимися безграничными горизонтами Марса.

Какими бы ни были причины, а они, вероятно, являлись квинт-эссенцией всего, что во мне произошло, я пришел к выводу, что

мне лучше всего сделать. Первой целью должна быть инспекция всех награбленных Рокином машин и проверка, не обладает ли какая-нибудь из них способностью действовать против чумы. Если окажется, что одна из них для этого предназначена, то мне надо будет подумать о способах убрать ее из поля зрения Рокина. И хотя эта мысль и шокировала меня,— обязательно уничтожить остальные. Если ни одна из машин не снабдит меня тем, что нужно, то я уничтожу их все до одной. Последнее, конечно, будет задачей более легкой.

Корабль качало, и я был вынужден упереться в стенки трюма. Корпус казался сделанным из одного цельного куска прочного пластика, который я раньше обнаружил в городе якша. Кругом была темнота, но когда мои глаза привыкли к ней, я сумел различить предметы, бывшие некогда опорами двигателя. Теперь двигатель отсутствовал. Снова, вот уже который раз, мне встречалось напоминание о том, что марсиане называли Величайшей Войной — войной, почти совершенно истребившей и якша и шивов и практически уничтожившей саму планету. Я услышал из противоположного угла подавленный стон. Мне показалось, что я узнал голос.

— Хул Хаджи! — крикнул я. — Это ты?

— Я, мой друг. Или то, что осталось от меня. Подожди минуту, пока я не удостоверюсь, что цел. Где мы?

Я увидел в полумраке, как огромная фигура моего друга поднялась с места, где он лежал. Затем он зашатался и упал к переборке.

Я по мере сил подобрался к нему, пока корабль страшно мотало. Хотя в трюм проникало мало звуков, у меня сложилось впечатление, что мы попали в шторм. Я слышал, что Западное море считалось очень опасным местом для мореплавателей, и поэтому-то его, вероятно, столь нечасто пересекали.

— Ох,— простонал Хул Хаджи.— Мендишары никогда не были созданы для путешествия по морю, Майкл Кейн.

Он перекатился, когда по кораблю ударила очередная волна.

Внезапно в трюм хлынул свет вместе с морской волной, мгновенно вымочившей нас с головы до ног. В отверстии наверху обрисовался бородатый варвар.

— На палубу,— кратко приказал он едва слышным сквозь завывание ветра голосом.

— В такую бурю! — воскликнул я. — Мы не моряки!

— Тогда сейчас вам самое время стать моряками, Рокин хочет вас видеть.

Я пожал плечами и пробрался к лесенке, обнаружившейся при свете из открытого люка.

Хул Хаджи последовал за мной.

Мы вместе вскарабкались на мокрую палубу, цепляясь за шедшую вдоль центра палубы веревку, натянутую между двумя мачтами, так как паруса были зарифлены.

В воздухе проносились брызги, по палубе перекачивалась вода, огромные серые волны швыряли корабль вверх и вниз. Небо и море были серыми, казалось, что все двигалось над нами и вокруг нас. Никогда я не испытывал такого страшного шторма.

Если Синий Гигант может позеленеть, то лицо Хула Хаджи стало зеленым, а глаза выдавали муку от душевного беспокойства и чувства дискомфорта.

Осторожно ступая, мы добрались до корабельного мостика, где Рокин, по-прежнему в золотых доспехах, цеплялся за поручни и оглядывался кругом, словно дивясь происходящему.

Каким-то образом мы сумели взобраться к нему на мостик.

Он повернулся к нам, сказав что-то, чего я не разобрал, тоном, соответствовавшим удивлению в его глазах. Я показал, что не слышу.

— Никогда не видел ничего подобного! — прокричал он. — Нам повезет, если мы останемся на плаву!

— Зачем ты хотел нас видеть? — спросил я.

— Помогите! — крикнул он.

— Что мы можем сделать? Мы ничего не понимаем в кораблях, также как и в мореплавании.

— В трюме, в передней части, есть машины. Они могучи. Не могут ли они утихомирить шторм?

— Сомневаюсь, — проорал я в ответ.

Он кивнул, словно сообразив что-то, а потом посмотрел мне в лицо. Похоже, он признал истинность сказанного мною.

— Какие у нас шансы? — спросил я.

— Мало шансов.

Он по-прежнему, казалось, не проявлял особого страха. Он, наверное, не понимал, насколько шторм опасен.

Как раз в этот момент и ударила по кораблю огромная волна, и вода с грохотом обрушилась на меня. Затем, влекомое водой, на меня рухнуло тяжелое тело Рокина.

Я услышал крик.

А потом я понял, что меня швырнуло с корабля и я оказался в распоряжении морских волн.

Я отчаянно боролся, пытаюсь остаться на плаву, держа, по возможности, закрытыми рот и ноздри.

Меня швыряло на гребни волн, бросало в ущелья со стенами из воды, пока я не заметил веревку. Я не знал, была ли она присоединена к чему-нибудь, но вцепился в нее. На другом конце ее мне показалось утешающее натяжение.

Не знаю, как долго я цеплялся за веревку, но то, к чему она была привязана с другого конца, поддерживало меня на плаву, пока шторм постепенно не стих. Только на рассвете я смог открыть воспаленные от соли глаза.

Я увидел перед собой плавающую в воде мачту. Моя веревка была привязана к ней.

Я подтянулся на руках, устало волоча себя сквозь воду. А затем, когда оказался достаточно близок к ней, заметил, что за мачту цепляются несколько других человек.

Когда я, наконец, схватился за мачту с чувством облегчения, которое было сравнимо лишь со спасением, которое давала мачта, то увидел, что одним из выживших был Хул Хаджи; его голова болталась от усталости.

Я протянул руку и коснулся его, чтобы утешить и дать знать, что я все еще жив.

Вдруг я услышал отдаленный крик слева от меня и, посмотрев в этом направлении, увидел корпус корабля, каким-то чудом все еще оставшийся на плаву.

Сверкнуло на солнце золотом, и я понял, что Рокин тоже уцелел. Зажав веревку в зубах, я поплыл к кораблю. Вскоре веревка кончилась, а до корабля все еще было далеко, но его, к счастью, несло в моем направлении.

Меня втащили на борт через некоторое время, и несколько варваров сообщая подтянули веревку, а за ней и мачту.

В скором времени Хулу Хаджи тоже помогли подняться, и мы, предельно усталые, лежали рядом на палубе. Рокин, казавшийся столь же уставшим, привалился к поручням, которые сломались во время шторма. Он посмотрел на нас.

Нам принесли горячий напиток, и мы почувствовали себя достаточно оправившимися, чтобы сесть и рассмотреть корабль.

С палубы практически все было сорвано штормом. Уцелел только корпус, оставшийся относительно невредимым. Обе мачты, казалось, были выдраны с корнем, а большую часть фальшборта и всю палубную гарнитуру, включая крышку люка, смыло за борт.

Рокин подошел к нам.

— Вам повезло,— заметил он.

— И вам,— ответил я.— Где мы?

— Где-то в Западном море. Наверное, судя по направлению шторма, ближе к нашей земле, чем к вашей. Мы можем только надеяться, что течения будут благоприятствовать нам и мы достигнем суши... Большая часть нашего провианта пропала, когда вода залила трюм.— Он показал на люк с содранной крышкой.— Машины тоже находятся там, также ползато пленные, но я полагаю, что они в достаточной безопасности.

— Они никогда не будут безопасными для вас,— предупредил я его.

— Ничто не может повредить Рокину,— усмехнулся он,— даже этот шторм.

— Если я прав относительно мощи этих машин,— сказал я ему,— то они грозят куда большей опасностью, чем этот шторм.

— Врагам Рокина, наверное,— отпарировал варвар.

— Рокину тоже.

— Какой вред они могут мне причинить? Я их хозяин!

— Я тебя предостерег,— покачал головой я.

— От чего ты меня предостерегаешь?

— От твоего собственного невежества!

Он пожал плечами.

— Чтобы пользоваться этими машинами, требуется не так уж много знаний.

— Разумеется,— согласился я.— Но чтобы понять их, знания нужны. Если ты их не понимаешь, то достаточно скоро узнаешь, что они опасны.

— Не поспеваю за твоими рассуждениями, Брадинак. Ты мне наскучил.

Я перестал пытаться спорить с варваром, хотя знал, что в данном случае, как и во всем, недостаточно знать, как и что действует. Нужно понимать, как оно устроено, прежде чем его использовать для своей выгоды и без особой опасности.

Г л а в а 8

ХРУСТАЛЬНАЯ ЯМА

Корабль достиг суши на следующий день — материка или Западного континента, или острова — я тогда не знал.

Мы спрыгнули с корабля на мелководье, радостно направляясь к суше, пока Рокин заставлял своих людей вытаскивать корабль на берег.

Когда они это сделали и мы расположились в тени корпуса, отдыхая от пережитого за последние два дня, Рокин повернулся ко мне со своей усмешкой.

— Так значит, все мы далеко от своего дома и от славы!

— Благодаря тебе! — уточнил Хул Хаджи, откликаясь на мои собственные мысли.

— Ну,— проговорил Рокин, пересбирая свою золотистую бороду, забитую теперь солью.— Я полагаю, что это верно.

— Ты не имеешь никакого представления о том, где мы находимся?

— Никакого.

— Тогда нам лучше всего идти вдоль берега в надежде найти дружественное поселение,— предложил я.

— Я полагаю, что так,— кивнул он.— Но кто-то должен остаться охранять сокровища на корабле.

— Ты имеешь в виду машины? — уточнил Хул Хаджи.

— Машины,— согласился Рокин.

— Мы могли бы посторожить их,— сказал я.— С помощью твоих людей.

Рокин откровенно засмеялся.

— Я может и варвар, друг мой, но не дурак. Нет, вы пойдете со мной. А стеречь корабль я оставлю нескольких своих людей.

И вот мы отправились вдоль берега. Это был широкий гладкий пляж, с выступающими иногда из песка скалами, а вдалеке, слегка колыхая листвою на слабом теплом ветерке, поднимался тропический лес.

Место это казалось достаточно мирным.

Но я ошибался.

К полудню берег сузился, и мы шли намного ближе к лесу, чем раньше. Небо заволокли тучи, и воздух стал холодным. Мы с Хулом Хаджи остались без плащей и дрожали в этой прохладе.

...Нападение произошло внезапно.

Они напали воющей стаей, вырвавшись из леса и направляясь на нас, выглядя почти пародией на человеческие существа. Они размахивали дубинами и грубо выкованными мечами, покрытые волосами и совершенно голые.

Сперва я не мог поверить своим глазам, но, недолго думая, выхватил меч¹ и приготовился встретить их.

Хотя они передвигались прямо, у них были получеловеческие морды собак — самое подходящее сравнение, которое пришло мне на ум.

Что любопытно, издаваемые ими звуки были отличны от собачьего лая.

Внешность их казалась такой экстравагантной, что я чуть было не оказался захваченным врасплох, когда первый собако-человек подбежал, размахивая дубиной.

Я блокировал удар мечом и перерезал пальцы этой твари, прикончив его выпадом в сердце.

Его место занял другой, а потом появился еще один рядом с ним. Я увидел, что мы полностью окружены стаей. Кроме Хула Хаджи, Рокина и меня, в нашем отряде было еще только двое варваров, а собако-людей, вероятно, не меньше пятидесяти.

¹ И Рокин еще говорит, что он не дурак, возвращая пленным оружие при двух конвоирах!

Я прочертил мечом широкую дугу, и он врезался в шею сразу двух существ.

Морды собак покрылись пеной, а в больших глазах засветилась маниакальная ненависть, которую я прежде видел только в глазах бешеных псов. У меня сложилось впечатление, что если бы они покусали меня, то я скорее всего заразился бы бешенством.

Еще трое пали под моим клинком, и я стал вспоминать прежние уроки месье Кларке, моего французского учителя фехтования в детстве.

И опять превратился не более чем в боевую машину, сосредоточившись целиком на защите от этой бешеной атаки.

Мы сдерживали их немного дольше, чем я ожидал, пока давление их не стало таким интенсивным, что мечом невозможно было двинуть.

Бой перешел в рукопашный, я бил и ногами, но по меньшей мере дюжина насевших на меня тварей свалила меня на землю.

Я почувствовал, как меня схватили за руки, но я все еще пытался бороться с ними. Они же вскоре связали меня.

Я опять стал пленником.

Выживу ли я, чтобы спасти Кенд-Амрид?

Теперь я начал сомневаться в этом. Я был уверен, что меня преследовали неудачи, и я чувствовал, что встречу свою смерть на этом таинственном Западном континенте.

Собако-люди перенесли нас в лес, разговаривая между собой на резком лающем диалекте общего марсианского языка. Мне было трудно понять их.

Один раз я мельком увидел Хула Хаджи, которого несли несколько тварей, а также блеск золотых доспехов Рокина, и решил поэтому, что он тоже жив. Но я больше не видел остальных варваров, и сделал вывод, что их убили.

Лес вдруг кончился, и открылась поляна и деревня на ней. Дома представляли собой всего лишь грубо сделанные укрытия, но они оказались построенными на развалинах куда более древних зданий, не представлявших, казалось, ничего общего со строениями шивов или якша. Некогда здания, должно быть, были массивными и прочными, но воздвигла их более примитивная раса, чем те народы, которые уничтожили себя в Величайшей Войне.

Когда нас втащили в одно из укрытий и свалили на дурно пахнущий пол — наполовину из камня, наполовину из затвердевшей глины, — я ломал голову над вопросом о расе, забросившей это поселение, прежде чем его обнаружили люди-собаки.

Прежде чем я успел что-нибудь сказать об этом Хулу Хаджи или Рокину, под крышу вошел собако-человек покрупнее, чем остальные, и посмотрел на нас своеобразными песьими глазами.

— Кто вы? — спросил он со странным акцентом.

— Путешественники, — ответил я. — Мы не причинили вам никакого вреда. Почему вы напали на нас?

— Ради Первых Хозяев, — ответил он.

— Кто такие Первые Хозяева? — спросил лежавший рядом со мной Хул Хаджи.

— Первые Хозяева — это те, кто освободил нас из Хрустальной Ямы.

— Мы с ними не знакомы, — заявил я. — Почему они велели вам напасть на нас?

— Они нам не велели.

— Они отдают вам приказы? — спросил Рокин. — Если так, то скажите им, что они взяли в плен Рокина Золотого, и если он умрет, его воины покарают их.

Тяжелый рот собако-человека растянулся в некоем подобии улыбки.

— Первых Хозяев нельзя покарать — они карают.

— Мы можем с ними поговорить?

— Они не разговаривают.

— Мы можем увидеть их? — спросил Хул Хаджи.

— Вы увидите их, а они увидят вас.

— Ну, по крайней мере, мы, может быть, сумеем вразумить этих Первых Хозяев, — сказал Хул Хаджи и обратил свое внимание на собако-человека, который, как казалось, был вожаком стаи.

— Эти Первые Хозяева похожи на вас? — спросил я. — Или они похожи на нас?

Вожак стаи пожал плечами.

— Ни то, ни другое, — ответил он. — Больше похожи на этого. — Он показал на Хула Хаджи.

— Они — народ моей расы. — Хул Хаджи немного приободрился. — Тогда они, наверное, поверят, что мы не желали им никакого вреда.

— Только похожи на тебя, — поправил его собако-человек. — Но не такие же, как ты. Вы увидите их в Хрустальной Яме.

— Что это за Хрустальная Яма? — проворчал Рокин. — Почему мы не можем увидеться с ними сейчас?

Собако-человек снова, казалось, улыбнулся.

— Они еще не явились, — ответил он.

— А когда они явятся?

— Завтра, когда солнце поднимется выше всего.

Сообщив это, собако-человек покинул жилище.

Каким-то образом нам удалось немного поспать, надеясь, что таинственные Первые Хозяева окажутся более разумными и более понятливыми, чем люди-собаки, которые явно прислуживали им.

На следующий день, как раз перед полуднем, в помещение вошли несколько собако-людей и, подняв нас, вытащили на солнце.

Вожак стаи ждал, стоя на куске обвалившейся кладки, с мечом в одной руке и палкой в другой. На конце палки сверкал невероятных размеров камень, похожий на рубин. Я не понял его значения, за исключением того, что он, наверное, служил знаком превосходства этого существа над другими.

Нас унесли с поляны в лес, но в скором времени мы очутились на другой поляне, на противоположном конце которой находился лес. Здесь колыхалась сонная трава, поднимавшаяся до пояса и щекавшая мне лицо, когда меня несли.

Трава вскоре стала скуднее, открывая участок отвердевшей глины, в центре которого находилось большое пространство из материала, сверкающего так, что у меня заболели глаза.

Он мерцал и сиял на солнце, словно огромный алмаз.

Только когда нас поднесли ближе, я понял, что это, должно быть, и есть Хрустальная Яма.

Это была яма. Стенки ее были образованы чистым фасеточным хрусталем, отражавшим свет под столькими углами, что сперва было почти невозможно угадать, что это такое.

Но где же Первые Хозяева, похожие на Хула Хаджи? Я не видел никого, кроме своих спутников и принесших нас сюда собако-людей.

Нас отнесли к краю сверкающей ямы и перерезали пути. Мы огляделись, недоумевая, что же должно случиться, и никто из нас не подготовился к полученным нами неожиданным толчкам. К счастью, стенки ямы оказались не особенно крутыми. Мы проскользили на дно, не в состоянии затормозить спуск.

Когда мы поднялись на ноги, то увидели, что люди-собаки отступают от края ямы.

Мы не могли догадаться, с какой целью нас сюда заточили, но встревожились, подозревая, что все не просто так.

Примерно через час, на протяжении которого мы по большей части вынуждены были держать глаза закрытыми, нам пришлось оставить попытки вскарабкаться по стенкам, и мы принялись разрабатывать другие способы спасения.

Казалось, что таковых не существовало.

Вдруг мы услышали сверху звук и увидели смотрящее на нас лицо.

Сперва мы подумали, что оно, должно быть, принадлежит одному из Первых Хозяев, но лицо не совпадало с описанием.

Потом мы поняли, что оно принадлежит девушке.

Но, наверное, девушка — неподходящее определение, так как это лицо, хотя и умное и приятное на вид, было мутировавшей мордочкой кошки.

Только глаза и заостренные уши служили свидетельством того, что предками ее были не обезьяны, однако увидеть это существо было таким же сюрпризом, как и встретиться ранее с собако-людьми.

— Вы враги ищеек Хага? — долетел до нас шепот девушки.

— Кажется, они считают нас таковыми, — ответил я. — А ты тоже их враг?

— Весь мой народ, а он ныне малочисленный, ненавидит собачий народ Хага, — с неистовой страстью ответила она. — Многих из нас принесли сюда на встречу с Первыми Хозяевами.

— Они также и ваши хозяева? — спросил Хул Хаджи.

— Были ими, но мы отвергли их.

— Ты пришла спасти нас, девушка? — вмешался практичный и нетерпеливый голос Рокина.

— Я пришла попробовать это сделать, но времени мало. Вот. — Она протянула руку за край ямы, и вниз скользнуло несколько предметов. Я увидел три меча, не похожие на те, что мы видели в руках собако-людей, и все же не такие, какие были у нас. Они были покорооче мечей, к которым я привык, но великолепно сделанные. Подобрал один и вручив другие своим спутникам, я осмотрел его.

Он был легким и прекрасно закаленным. Немного чересчур легкий, на мой взгляд, но это лучше, чем ничего. Я почувствовал себя более уверенным.

Я поднял голову и увидел, что лицо девушки-кошки приобрело встревоженное выражение.

— Слишком поздно помогать вам выбраться из Ямы, — сказала она. — Прибыли Первые Хозяева. Я желаю вам всего хорошего. Она исчезла.

Мы напряженно с мечами в руках ждали, откуда появятся Первые Хозяева.

Г л а в а 9

ПЕРВЫЕ ХОЗЯЕВА

Они появились сверху, шумно хлопая огромными крыльями в неподвижном воздухе.

Они оказались несколько меньше, чем Хул Хаджи, но в основном внешне очень похожими на него, хотя кожа их была гораздо более синей, странной, нездоровой голубизны, необыкновенно контрастировавшей с их красными разинутыми

ртами и длинными белыми клыками. Крылья их росли частично из плеч, а частично из бедер.

Они были больше похожими на зверей, чем на людей.

Наверное, так же, как звери кошки и собаки стали людьми, эти люди превратились в зверей. Глаза их светились странным неразумным огнем, отражавшим, казалось, не безумие людей, а безумие зверей.

Они парили над нами, их огромные крылья били в воздухе, вызывая ерошивший нам волосы холодный ветер.

— Джихаду! — недоверчиво ахнул Хул Хаджи.

— Что такое? — спросил я, не сводя глаз со странных созданий над нами.

— Они — легенда в Мендишаре. Древняя раса, схожая с моим народом, изгнанная из наших земель, из-за их таинственных магических экспериментов.

— Магических? Я думал, в Мендишаре никто не верит в такую чушь!

— Конечно, не верит. Я же говорю тебе, джихаду были просто легендой. Но теперь я больше ни в чем не уверен.

— Как бы там они не назывались, у них по отношению к нам дурные намерения, — проворчал Рокин Золотой, жмуря глаза от слепящего блеска Хрустальной Ямы.

Один за другим Первые Хозяева, или, как их называл Хул Хаджи, джихаду, начали спускаться в яму.

Ужаснувшись, я приготовился защищаться.

Первый кинулся, издавая пронзительный крик, разинув красный рот, обнажив клыки, вытянув руки, пытаясь схватить меня когтями.

Я рубанул его по руке мечом. По крайней мере, джихаду оказались смертными, так как из раны пошла кровь, когда он завертелся в воздухе и атаковал меня с другого направления. Теперь к первому присоединились и другие, и мои товарищи стали защищаться так же, как и я.

Я ткнул тонким мечом в лицо первого нападающего и получил почти наслаждение, убив его.

Первые Хозяева оказались явно неподготовленными к вооруженному сопротивлению, и поэтому атаку мы отбили сравнительно легко.

На меня налетел еще один, открыв для идеального удара грудь.

Нам на руку было то, что дно ямы было довольно узко, и не слишком много джихаду могли одновременно добраться до нас, но теперь мы были вынуждены влезть на трупы уже убитых нами. В некотором смысле это дало нам опору для ног.

Кругом царила сплошная неразбериха: бьющие крылья, оскаленные морды, горящие глаза и царапающие когтистые лапы. Я от-

сек голову еще одному и отшатнулся, когда в лицо мне фонтаном брызнула липкая дурно пахнущая кровь.

Затем, когда я схватился с новым чудовищем, то почувствовал, как мои плечи схватили будто в болезненные тиски.

Я попытался повернуться, рубануть напавшего на меня, но даже когда я сделал это, меня подняли в воздух, и я на мгновение потерял равновесие.

Меня уносил вверх один из джихаду.

Очутившись высоко над лесом, я все равно пытался уничтожить своего пленителя, хоть это и означало бы мою собственную гибель, — настолько отвратительным он мне казался.

Я заметил, что Хул Хаджи и Рокин оказались в ситуации, сходной с моей, но малое число последовавших за нами Первых Хозяев заставило меня осознать с мрачным удовлетворением, сколь многих из них мы убили.

Изворачиваясь, я попытался ткнуть мечом по рукам и торсу пленителя.

Я увидел, как справа от меня Рокин попытался сделать то же самое. Благодаря панцирю он изловчился вывернуть плечо от хватки джихаду.

Он принялся рубить по центру груди врага.

Тварь отпустила Рокина.

Я в ужасе увидел, как варвар заорал и полетел к каменистой земле, сменившей лес под нами.

Золотой панцирь закрутился в воздухе, быстро приземляясь.

Я увидел, как от удара он раскололся, и окровавленный труп с минуту катился под уклон, а потом стал совершенно неподвижным.

От этого зрелища мне сделалось дурно.

Хотя я знал, что Рокин был варваром и врагом, но на свой лад он был добрым малым — человеком в полном смысле этого слова.

И с гибелью Рокина мы не могли обнаружить украденные им из подземелий якша машины, допуская, конечно, что мы переживем теперешнее приключение.

Я откинулся назад, обвив ногами одну из ног джихаду. Этого, кажется, он не предвидел. Как и я. На меня нашло внезапное вдохновение, и теперь я был хоть немного гарантирован в случае, если меня точно также кинут на землю.

Затем я переменял позу, чтобы удобно было колоть мечом, и ударил.

Раны, которые я смог нанести, не были серьезными, но их было достаточно, чтобы заставить его визжать и шипеть.

Я почувствовал, что его хватка начинает слабеть, и приготовился к тому, что должно было случиться дальше.

Я кохнул его несколько раз.

Он завизжал громче. Одна лапа выпустила мое плечо, и мне пришлось изворачиваться, когда он принялся молотить ею по мне.

Я рубанул по когтистой руке, и отсек ее.

Этого оказалось для него достаточно. Он разжал вторую лапу, и я по инерции упал вперед.

Мои ноги, обвивавшие его ногу, помешали мне присоединиться к Рокину.

Я изловчился и сумел покрепче схватиться за его ногу, на сей раз рукой.

Он затряс ногой, теряя равновесие в воздухе, а затем начал снижаться, хотя крылья его били сильнее и чаще.

Мало-помалу, к моему глубочайшему удовлетворению, мы начали спускаться ниже и ниже, пока он пытался освободиться от меня. Но я по-прежнему цеплялся за него, ударяя легким мечом.

Он истекал кровью и с каждой минутой становился все слабее и слабее.

Затем вдруг последними конвульсиями он сумел освободиться от меня.

С мыслью о том, что все было напрасно, я летел к земле в свободном падении.

Падал я, к счастью, недолго, потому что скалистую землю опять сменил лес, и я упал на ветви дерева. Гибкие ветки задержали меня, словно мягкий гамак, и через минуту я принялся спускаться на землю.

Я тревожился, как там дела у Хула Хаджи.

Я молился, чтобы он смог, подобно мне, спастись из когтей своего пленителя.

Лес на минуту стих, и я услышал справа от себя громкий треск.

Я побежал на звук и обнаружил труп убитого мною джихаду. Похоже, он умер от ран.

Я содрогнулся, посмотрев на отвратительного полузверя, и решил, что лучше всего будет снова влезть на дерево и попытаться разглядеть Хула Хаджи.

Я приступил к осуществлению своего замысла.

Вдалеке я увидел пятнышко, затем заметил другое — летящие твари, но так далеко, что не мог разглядеть: несли ли кого-нибудь джихаду, или нет.

С тяжелым сердцем я вернулся на землю. Мне нужно каким-то образом отыскать логово джихаду и попытаться спасти моего друга, надеясь, что твари не убьют его сразу.

Но как спасти?

На этот вопрос никто не смог бы ответить.

Я гадал, не сможет ли девушка-кошка, которая помогла в первый раз, снова помочь нам, если мне удастся установить с нею связь. Я решил, что отыскать ее — это самое лучшее, что я могу сделать, и отправился, стараясь придерживаться примерного направления Хрустальной Ямы.

Даже если я не найду девушку-кошку, то, может быть, сумею захватить в плен собако-человека и получить от него нужные сведения.

Г л а в а 10 НАРОД ПУРХИ

Я, должно быть, прошел много шати — основная марсианская мера времени, — пересекая каменистую равнину, где разбился насмерть Рокин, и пробираясь по другому лесу, прежде чем услышал признаки жизни.

В подлеске раздался треск.

Звук был такой, словно ломился крупный зверь.

Решив быть осторожным, я выхватил меч и отступил в тень.

Внезапно в лесу явилось зрелище, снова почти невероятное, на этот раз из-за того, что существо имело поразительное сходство с земным животным.

Животное, с которым я столкнулся и чьи сверкающие глаза заметили меня, несмотря на все попытки укрыться, было почти идентичным земной полевой мыши.

Но эта полевка была большой. Очень большой. Она была размером со среднего слона. И к тому же голодная и, несомненно, всеядная.

Она стояла сгорбившись, рассматривая меня, дергая носом и сверкая глазами, готовясь к прыжку.

Я так устал от всего пережитого после Кенд-Амрида, а также от проделанного мною пешего перехода, что надеялся на чудо, так как шансов отбить ее нападение у меня не было.

Внезапно с пронзительным визгом тварь бросилась на меня. Я нырнул за дерево, и это, кажется, сбило ее с толку.

Она не отличалась особым умом, что вызвало у меня некоторое облегчение. Но размеры этого зверя будут большим преимуществом передо мной, если дело дойдет до схватки.

Она на мгновение остановилась, а затем стала осторожно оги-
бать дерево.

Я тоже двигался осторожно, равномерно с нею, огибая ствол.

Вдругмышь сделала резкое движение, отчего часть ее тела легла на ствол дерева и оно закачалось, а меня кинуло назад, и я беспомощно распластался на земле.

Я совсем было встал, когда полевка кинулась ко мне, раскрыв свои относительно маленькие челюсти, способные, однако, откусить любую часть моего тела.

Едва двигаясь от усталости, я рубанул мечом по морде, в глазах у меня плавали цветные пятна, и я старался сберечь те малые силы, которые у меня еще оставались.

Зубы промахнулись. Я не имел возможности спастись бегством, так как массивная тварь бегала быстрее меня, и я знал, что не смогу долго сдерживать ее.

Я знал, что мне предстоит умереть.

Наверное, эта уверенность и помогла мне вызвать последние резервы сил, и я снова рубанул по морде, пустив кровь. Тварь казалась озадаченной, но не отступила, просто осталась на месте, пока решала, как лучше всего напасть на меня.

Я снова зашатался от предельного утомления, пытаюсь изо всех сил остаться на ногах и умереть сражаясь.

Вдруг сверху и сзади по телу твари застучал дождь тонких стрел, заставив ее завизжать и скорчиться в конвульсиях мучительной боли. Несколько стрел хлестнуло по ее глазам, когда она повернулась к новым врагам.

Я подумал, что, должно быть, сплю, что мое невезение не могло так быстро смениться удачей.

Полевка завизжала и беспорядочно закружилась. Меня сшиб ее хлеставший хвост, который извивался в предсмертной агонии.

Я лежал на пружинящей траве, с широко раскрытыми глазами, благодаря Провидение за свое спасение и молясь, чтобы не попасть в руки еще одного варварского племени.

Словно издали я услышал тихие переговаривающиеся голоса и увидел пляшущие вокруг полевки грациозные фигуры. Они были похожи на кошек, и прежде чем потерять сознание, я, помнится, размышлял о парадоксе множества кошек, атакующих огромную мышь.

Затем навалилась желанная тьма. Наверное, я вырубился, а может быть, всего лишь уснул.

Я пришел в себя от прикосновения теплой нежной руки к моей голове и, открыв глаза, увидел лицо девушки-кошки, которую в первую очередь мне нужно было благодарить за мое спасение.

— Что случилось? — спросил я, с трудом ворочая языком.

— Мы охотились на рети и нашли свою дичь, — мягко ответила она. — А наша дичь охотилась на тебя — и мы смогли одновременно убить рети и спасти тебя. Где твои друзья?

Я покачал головой.

— Одного убили Первые Хозяева, — ответил я. — А другой, я думаю, унесен ими. Я не знаю, как он там.

— Ты дрался с Первыми Хозяевами и выжил! — Глаза ее сияли восхищением.— Это великий день! Все, на что мы надеялись, когда я принесла вам мечи — это что вы сумеете умереть сражаясь. Ты будешь героем среди нашего народа!

— У меня нет желания быть героем,— сказал я ей.— Всего лишь выжить и иметь шанс найти своего исчезнувшего друга.

— Которого унесли? — спросила она.

— Синего Гиганта, Хула Хаджи, моего самого близкого друга.

— У него мало шансов,— сказала она.

— Но какой-то ведь есть?

— Теперь — нет. Первые Хозяева наверняка попиrowали прошлой ночью.

— Прошлой ночью! — Я сел.— Сколько же я спал?

— Почти два дня,— просто сказала она.— Ты был очень усталым, когда мы принесли тебя сюда.

— Два дня! Так долго!

— Это не так уж и долго, учитывая то, что ты совершил.

— Но слишком долго,— возразил я.— Так как нет больше возможности спасти Хула Хаджи.

— Как бы там ни поступили, ты наверняка не добрался бы до обиталища Первых Хозяев,— утешала она.— Воздай честь своему другу, как доблестному герою. Помни, как он умер и что это значит для тех, кто все эти века страдал от тирании Первых Хозяев!

— Я знаю, что на самом деле не могу винить себя за смерть Хула Хаджи,— сказал я, справляясь с чувством, испытанным мною при известии о гибели моего друга.— о это не мешает мне скорбеть по нему.

— Скорби по нему, если хочешь, но также и чти его. Он убил много Первых Хозяев. Никогда в Хрустальной Яме не бушевало такой битвы. Даже сейчас дно ее завалено трупами Первых Хозяев. Там полегла, по меньшей мере, половина их. Расскажи мне о бое.

Я, как можно короче, рассказал ей о том, что случилось.

Глаза ее засияли еще ярче, и она стиснула руки.

— Какая великая повесть для наших поэтов! — ахнула она.— О, как твое имя, герой? И как имена твоих друзей?

— Моих друзей звали Бради Хул Хаджи из Мендишара за океаном и...— Я замолк, так как Рокин не был мне настоящим другом, хотя и являлся доблестным товарищем по оружию в наших боях.— Бради Рокин Золотой из Багарара.

— Бради! — воскликнула она.— А ты? Ты что — Бради всех Бради? Ты не можешь быть кем-то меньшим по званию.

Я улыбнулся ее энтузиазму.

— Нет,— сказал я.— Меня зовут Майкл Кейн, Брадинак по браку с королевским Домом Варналя, лежащего далеко на юге за морем.

— С юга, из-за моря. Я слышала сказки об этих мифических землях, странах богов. Здесь никаких богов нет. Они покинули нас. Они возвращаются спасти нас от Первых Хозяев.

— Я не бог,— заверил я ее.— И мы на юге не верим в богов. Мы верим в Человека.

— Но разве Человек не бог в своем роде? — невинно спросила она.

Я снова улыбнулся.

— Он иногда так думает. Но люди в моей стране — не сверхъестественные существа. Они, подобно вам, из плоти и крови. Вы ничем не отличаетесь, хотя предки у нас разные.

— Первые Хозяева говорили нам совсем иное.

— Первые Хозяева умеют разговаривать? — поразился я.— А я считал их неразумными зверьми!

— Теперь они не говорят с нами. Но они оставили свои записи, именно их мы читаем и в былые времена чтили. Народ Хага все еще поклоняется Первым Хозяевам, но мы — нет.

— Почему они поклоняются Первым Хозяевам? Я мог бы предположить, что они будут драться с такими тварями,— заметил я.

— Первые Хозяева создали нас,— просто объяснила она.

— Создали вас? Но как?

— Мы не знаем как — за исключением нескольких обычных рассказов, повествующих о Первых Хозяевах как о слугах еще более ранних хозяев, расе великих магов, ныне исчезнувших с Вашу.

Я догадался, что она говорит о шивах и якша, правивших некогда всем Марсом, или Вашу, как они его называли. Наверное, крылатые синие люди, бежавшие в древние времена из Мендишара, отыскиали остатки более древней расы и научились кое-чему из ее науки.

— О чем говорится в ваших повестях о Первых Хозяевах? — спросил я.

— Они рассказывают, что Первые Хозяева создали наших предков, налагая заклинания на их мозги и формируя их тела так, что они могли думать и ходить, как люди. Некоторое время наше племя — народ Пурхи и другое племя — народ Хага жили вместе в городе Первых Хозяев, служа им и принося себя в жертву.

Это показалось мне наиболее ужасной формой вивисекции. Я перевел рассказ девушки на более научный язык. Первые Хозяева усвоили науку от еще более древней расы. Они применили ее, наверное, путем какого-то тонкого хирургического вмешатель-

ства для создания человекообразных существ из кошек и собак. Потом эти создания использовались в качестве рабов и подопытных животных.

— А что случилось потом? — спросил я. — Как эти три народа разделились?

— Это трудно понять. — Она наморщила лоб. — Но мысли Первых Хозяев все больше и больше замыкались в себе. Магия, которую они открыли, принося нас в жертву, была применена к их собственным телам и мозгам. И они стали как... как... животные. Ими овладело безумие. Они покинули свой город и улетели в пещеры в горах. Но каждые пятьсот шати они возвращаются к Хрустальной Яме, созданной ими самими либо древними, которым они служили, — за питанием.

— Что является их обычной пищей? — спросил я.

— Мы, — мрачно ответила она.

Я почувствовал отвращение. Я мог частично понять психологию, позволяющую человеко-собакам Хага приносить чужаков в жертву своим хозяевам, но можно было только ненавидеть психологию, позволяющую им отдать в пищу своих кузенов.

— Они едят народ Пурхи! — содрогнулся я.

— Не только Пурхи, — покачала головой она. — Лишь когда нас захватывают в плен. Когда у них нет пленников, они отбирают среди своих самых слабых, чтобы обеспечить пищей Первых Хозяев.

— Но что же побуждает их совершать такие страшные преступления? — ахнул я.

Ответ девушки опять был прост и показался мне очень глубоким:

— Страх.

Я кивнул, гадая, не являлось ли это чувство существенной причиной большинства зол. Разве не были все политические системы, все искусство, все человеческие действия направлены к созданию ценного чувства безопасности? Именно страх порождал безумие, порождал войны. Страх на самом деле порождал то, чего мы больше всего боялись. Не потому ли восхваляли бесстрашного человека — потому что он не представлял угрозы для других? Наверное, существует много видов бесстрашия, и полное бесстрашие порождало цельного человека — человека, не нуждающегося в демонстрации своего бесстрашия. Фактически оказывается, что истинный герой — это невоспетый герой.

— Но вас в одном из племен гораздо больше, чем Первых Хозяев, — сказал я. — Почему вы не соберетесь все вместе и не разобьете их?

— Страх, вызываемый Первыми Хозяевами, порожден не их численностью,— ответила она.— И не их физическими особенностями. Хотя это и может иметь какое-то отношение. Страх лежит глубже, я не могу это объяснить.

Я подумал, что скорее всего понял, что она имеет в виду. На Земле мы это называем простым термином. Мы называем это страхом перед неизвестным. Иногда это страх мужчины перед женщиной, которую он не может понять; иногда это страх человека перед чужаком — человеком иного расового типа, или даже из другой части его собственной страны. Иногда это страх перед машинами, которыми он манипулирует. Отсутствие понимания либо на личном уровне, либо на более общем создает подозрение и страх.

Я высказал кое-что из этих размышлений девушке, и она понимающе кивнула.

— Я думаю, ты прав,— сказала она.— Наверное, именно поэтому мы выжили и развиваемся, а люди-собаки катятся все дальше и дальше вниз, становясь все более похожими на своих предков.

Я поразился ее сообразительности. Хотя я и колебался выносить такие суждения о животных, мне казалось, что трусливая сущность собак и смелая сущность кошек могут отразиться на развившихся из них видах. Таким образом, я не мог так уж сильно винить собако-людей за их жестокость, хотя это и не приглушало мою глубокую ненависть к тому, чем они стали. Потому что, думал я, точно так же, как могут быть и смелые собаки на Земле, есть много рассказов про них — так и эти люди могли однажды обрести смелость.

Я оптимист, и мне пришло в голову, что точно так же, как я могу найти, в конце концов, средство исцелять чуму, заразившую Кенд-Амрид, я, может, также смогу помочь собако-людям уничтожить причину их страха, ибо для Первых Хозяев, разумеется, не существовало никакой надежды. Они были злом. Зло — всего-навсего еще одно слово для обозначения того, чего мы боимся. Обратитесь к Библии, если желаете убедиться в страхе перед женщинами, побудившими древних пророков называть их злом. А зло порождает зло. Уничтожьте первоисточник, и будет надежда для остального.

Я опять пересказал кое-что из этих умозаключений кошко-девушке. Она нахмурилась и кивнула.

— Трудно вообще существовать жителям Хага,— сказала она.— Ибо то, что они сделали с нами в прошлом,— было ужасным. Но я постараюсь тебя, Майкл Кейн, понять.

Она встала с места, где сидела передо мной, скрестив ноги.

— Мое имя — Фаса,— представилась она.— Пойдем, посмотришь, где мы живем.

Она вывела меня из здания, где я лежал в полутьме и был не в состоянии четко рассмотреть построенный среди леса миниатюрный город. Ни одно дерево не было срублено при постройке этого города кошачьим народом. Он сливался с лесом, предлагая таким образом куда более хитрую защиту, чем общепринятые изгороди и частоколы, применяемые большинством живущих в джунглях племен.

Жилища были только одно-двухэтажные, сделанные из глины, но глина была обработана очень красиво. Крошечные шпили и минареты, разрисованные бледными красками, их приятные формы и цвета казались выдумкой природы.

У меня будто просветлело в голове, когда я увидел это зрелище, и Фаса, посмотрев на меня, пришла в восторг, видя, что я заворожен красотой поселения.

— Тебе нравится?

— Очень нравится! — с энтузиазмом ответил я. Этот поселок больше, чем все, увиденное мною на Марсе, напоминал мне Варналь. Город Зеленых Туманов. Он обладал тем же ароматом покоя — полного жизни покоя, если угодно, который заставлял чувствовать себя в Варнале так уютно и непринужденно.

— Вы — народ с художественным вкусом, — сказал я, дотронувшись до все еще висевшего у меня на боку меча. — Я сразу решил это, когда ты принесла нам мечи.

— Стараемся, — ответила она. — Иногда я думаю, что, если сделать приятным окружение, оно поможет душе.

Снова я поразился простой глубине — здравому смыслу, если хотите, — исходившей от этой простой девушки. Да и что есть глубочайшая мудрость, как не сам вид здравого смысла, истина здравого смысла? Живя в изолированных условиях, теснимые врагами со всех сторон, эти люди-кошки, казалось, имели что-то более ценное, чем большинство народов даже на Марсе и, разумеется, на Земле.

— Пошли, — сказала она, взяв меня за руку. — Ты должен познакомиться с моим старым дядюшкой Слуррой. Я думаю, он тебе понравится, Майкл Кейн. Он уже восхищается тобой, но восхищение не всегда порождает приязнь, не правда ли?

— Согласен, — с чувством ответил я и позволил ей провести себя к одному из прекрасных зданий.

Чтобы войти, мне пришлось нагнуть голову, и я увидел в помещении старого человека, сидевшего расслабившись и непринужденно в покрытом искусной резьбой кресле. Он не поднялся, когда я вошел, но выражение его лица и наклон головы показали мне, что он относится ко мне с большим уважением — это не было пустым жестом вежливости, какой я встречал иногда на Земле.

— Мы не знали, какое благо принесете вы народу Пурхи, когда посылали к вам Фасу с мечами,— проговорил он.

— Благо? — переспросил я.

— Неизмеримые блага,— ответил он, предлагая мне жестом сесть в кресло рядом с ним.— Увидеть Первых Хозяев разбитыми,— а они были разбиты в более глубоком смысле, чем ты можешь понять,— воочию убедиться, что их можно убить,— вот в чем больше всего нуждался мой народ.

— Наверное,— кивнул я, соглашаясь и чтобы дать понять, что я понимаю его слова.— Это поможет также и народу Хага. Он миг размышлял над этим, прежде чем ответить.

— Да, это возможно, если только они не зашли слишком далеко. Это заставит их усомниться в силе Первых Хозяев, точно так же, как усомнились много лет назад мы — задолго до времени моего деда, в век Миснаша Основателя.

— Мудреца вашего народа? — уточнил я.

— Основателя нашего народа,— ответил старейшина.— Он научил нас одной великой истине, и он был мудрейшим из пророков.

— И что это за истина?

— Никогда не ищите пророков,— улыбнулся Слурра.— Хватит одного — и он мудр.

Я пораился тому, насколько это соответствовало истине и как хорошо подходили слова Слурры к ситуации на Земле, где очень скоро забывали старых пророков и искали новых, вместо того, чтобы изучать уже открытые истины. Не зная, что им нужно, целые нации (на ум сразу приходит пример Адольфа Гитлера) позволяли искусственным пророкам делать попытки исцелить их болезни. Такие пророки только ввергали народ в еще более худшее положение, чем оно было прежде.

Я довольно долго беседовал со старейшиной и нашел разговор очень содержательным.

Затем он проговорил:

— Все это достаточно хорошо. Но мы должны что-то сделать, чтобы помочь тебе.

— Спасибо,— поблагодарил я.

Я вспомнил о машинах, оставленных на берегу в корабле. Вот что будет моей первой целью, решил я. Если люди-кошки смогут помочь мне, это намного облегчит дело. Я рассказал старому Слурре о причинах моего пребывания здесь.

Он степенно выслушал меня, и когда я закончил, сказал:

— У тебя благородная миссия, Майкл Кейн. Нам следует гордиться, что мы будем помогать тебе в ней. Как только ты подготовишься, отряд моих воинов отправится с тобой к этому кораблю, и машины можно будет перенести сюда.

— Вы уверены, что хотите, чтобы машины находились здесь? — спросил я его.

— Машины опасны, как мне думается, только в руках опасных людей. Именно таких-то людей мы и должны остерегаться, а не их орудий, — ответил Слурра, которому я уже объяснил принципы работы машин.

На том и порешили. В скором времени возглавляемая мною экспедиция отправилась к побережью.

Я не собирался ввязывать туземцев в схватку с варварами — да и вообще не собирался причинять вреда варварам, попавшим из-за Рокина в опасную ситуацию. Я надеялся, что демонстрация силы и несколько разумных слов в совокупности с информацией, что Рокин теперь мертв, помогут мне убедить их уступить нам.

Событиям суждено было обернуться совсем не так, как я предполагал.

Г л а в а 11

«МАШИНЫ ИСЧЕЗЛИ!»

Нам потребовалось некоторое время, чтобы добраться до побережья и еще немного дальше, по нашим следам, до того места, где остался корабль.

Когда мы приблизились к кораблю, я заметил, что там, кажется, что-то не так. Не было признаков жизни, все тихо, как в могиле.

Я припустился бегом, а люди-кошки — следом за мной. Их было около двадцати, хорошо вооруженных луками и мечами, и они едва ли понимали, чем являлись для меня на этом Западном континенте.

Когда я добрался до корабля, то увидел признаки боя, происшедшего совсем недавно.

Вслед за этим были обнаружены два мертвых варвара, жестоко забитые до смерти.

Зафа, командир отряда, обследовал оставленные следы.

Затем его умное кошачье лицо обратилось ко мне.

— Если я не ошибаюсь, Майкл Кейн, — новые жертвы для Первых Хозяев, — сказал он. — Здесь побывали жители Хага. Они взяли пленных. Жители Хага, должно быть, гадали, откуда вы взялись, и проследили ваш путь. Это случилось два дня назад. Первые Хозяева еще не вернутся к Яме, но вас спасло только то, что ваше появление случайно совпало с последним визитом Первых Хозяев.

— Их надо спасти, — мрачно сказал я.

Он покачал головой.

— Их невозможно спасти. Их, наверное, подвергли особым пыткам. Я не думаю, что ты найдешь своих друзей не потерявшими рассудка, хотя они и доживут до следующего визита Первых Хозяев.

Я ощутил ужас, а потом подавленность.

— И все-таки мы должны будем сделать все, что сможем,— твердо сказал я.

Я влез на борт корабля и пошел по наклонной палубе к трюму, где, как я знал, хранились машины.

Я заглянул туда.

И не увидел ничего, кроме соленой воды.

— Машины исчезли! — закричал я, побежав обратно к сломанным поручням и подзывая отряд.— Машины исчезли!

Зафа поднял голову и посмотрел на меня с удивлением в глазах.

— Они забрали их? Не похоже на них.

— Тем не менее машины исчезли,— подтвердил я, сходя с борта корабля.

— Тогда мы должны поспешить вернуться к деревне Хага и посмотреть, не сможем ли мы отбить их! — храбро сказал Зафа.

Мы возвратились тем же путем, каким пришли.

— Прежде чем мы сделаем это, нам нужно подкрепление,— сказал я.

— Наверное,— задумчиво согласился Зафа.— Но в прошлом и такого числа воинов бывало достаточно.

— Вы прежде нападали на Хага?

— Когда это было необходимо. Обычно, когда надо было спасти своих.

— Я не могу втягивать вас в бой,— сказал я.

— Не беспокойся, этот бой и наш, и твой — это связано, потому что у нас общее дело,— сказал Зафа.

Я с уважением отнесся к его словам и понял его чувства.

Таким образом, мы спешно направились к поселению Хага.

Когда мы подошли, Зафа и его воины начали проявлять больше осторожности, и командир сделал мне знак следовать за ним.

Я не мог двигаться с грацией кошачьего народа, продвигавшегося теперь совершенно бесшумно в лесу, но делал все, что было в моих силах.

Вскоре мы лежали в подлеске, глядя на убогую деревню Хага, построенную, как я узнал, на развалинах покинутого города Первых Хозяев.

Мы слышали бессмысленные мучительные крики, и я понял, что они означали.

На этот раз Зафа удержал мою руку, когда я импульсивно сделал попытку подняться.

— Пока нет,— едва слышно произнес он.

Я вспомнил схожее предупреждение, данное мне Хулом Хаджи, и понял, что Зафа прав. Мы будем действовать, но только в нужный момент.

Оглядывая лагерь, я вдруг увидел машины. Их окружила группа человеко-собак, которые явно были озадачены.

Что же послужило причиной того, что они притащили сюда машины? Атавистическая память? Какая-то ассоциация с Первыми Хозяевами, которых они пытались такой жалкой и нечеловеческой ценой ублажать?

Наверное, это не было полным ответом. Не знаю.

Факт оставался фактом — варвары были здесь, и мы должны каким-то образом освободить их. А также спасти машины.

Внезапно в воздухе над ними возникло движение, и я был поражен, увидев спускающихся в деревню Первых Хозяев.

Зафа был поражен ничуть не меньше меня.

— Почему они здесь? — прошептал я. — Они же прилетают только к Хрустальной Яме кормиться каждые пятьсот шати?!

— Не могу представить, — ответил Зафа. — Я думаю, Майкл Кейн, мы стали свидетелями чего-то важного, хотя я и не могу понять сейчас, что это значит!

С громким шумом бьющихся кожаных крыльев Первые Хозяева приземлились поблизости от машин, а собако-люди подобострастно отступили.

Снова у меня возникло впечатление, что Первые Хозяева — не более чем животные, когда они важно вышагивали среди машин, словно глупые хищные птицы.

Вдруг один из них протянул руку и коснулся части машины, казавшейся мне всего лишь украшением. Воздух сразу же наполнил странное гудение, а заработавшая машина задрожала.

Собако-люди съежились от страха, и тогда Первый Хозяин, коснувшийся кнопки, которая заставила машину заработать, прикоснулся к ней вновь. Гудение прекратилось.

Встревоженные этим, Первые Хозяева снова поднялись в воздух, исчезнув столь же стремительно и таинственно, как и появились.

Мы следили, как собако-люди постепенно приблизились к машинам и стали их обнюхивать.

Вожак стаи пролаял приказ. Его подчиненные снова разобрали лианы, используемые для перетаскивания машин, и потащили свою добычу в лес.

— Куда они их тянут? — прошептал я Зафе.

— Я слышал лишь немного из сказанного вожаком, — ответил Зафа. — По-моему, они двигаются к Хрустальной Яме.

— Они тащат туда машины? Интересно зачем?

— В данный момент, Майкл Кейн, это не имеет значения. Важно, что они оставляют деревню почти беззащитной. Это даст нам шанс сперва спасти твоих друзей.

Я не стал спорить. Бедняги не были моими друзьями, но я чувствовал себя в некотором долгу перед ними, как перед людьми, проявившими к своим пленникам уважение.

Когда собако-люди с машинами исчезли, мы храбро вошли в деревню. Те, кто остались, увидели, что мы превосходим их по численности, и позволили своим женщинам и детям увлечь себя в убежище.

Несчастные! Трусость стала образом их жизни!

Воины не обратили на них внимания, а отправились прямо к навесу, откуда раньше доносились стоны. Теперь оттуда не было слышно никаких звуков, и я предположил, что варвары потеряли сознание.

Но я ошибался.

Они покончили с собой.

С балки дома свисала веревка, и на ее обоих концах было сделано по петле.

В этих петлях висели два варвара.

Я прыгнул вперед, думая, что, срезав их, я еще смогу им помочь, но Зафа покачал головой.

— Они мертвы, — определил он. — Наверное, это и к лучшему.

— У меня сильное искушение отомстить за них здесь и сейчас, — резко сказал я, поворачиваясь к входу.

Но я сдержал свои чувства и покинул место трагедии.

Зафа вышел за мной.

— Давай теперь последуем к Хрустальной Яме, — предложил он. — Мы сможем что-нибудь узнать. Наверное, туда отправились и Первые Хозяева.

Я согласился с ним, и мы оставили деревню.

Г л а в а 12

ТАНЕЦ ПЕРВЫХ ХОЗЯЕВ

Высокая трава скрыла наш подход к Хрустальной Яме, и мы лежали, наблюдая за странным зрелищем, открывшемся перед нами.

Собачий народ к этому времени уже почти доволоч машины к краю сверкающей ямы.

Я смотрел, не зная, что делать, когда они столкнули их вниз. Я услышал, как некоторые из них, словно протестуя, визжали, цепляясь краями за грани хрусталя.

И так же, как в случае с нами, собако-люди отступили от края, как только последняя машина оказалась внизу. Я знал, что машины якша достаточно прочны.

Затем я увидел Первых Хозяев, подлетающих и спускавшихся в яму, словно стервятники на труп.

На мгновение всех их скрыли от наших взоров стены ямы, затем они снова взлетели, хлопая крыльями, в обратном порядке, воспарив в воздухе над Хрустальной Ямой, пока не образовали круг.

Они принялись исполнять странный воздушный танец, ритма и смысла которого я не мог уловить.

Танец продолжался, становясь все более иступленным, но Первые Хозяева сохранили свой порядок даже в воздухе.

В этом танце было что-то почти жалкое, и не в первый раз я опять испытал сочувствие к давно потерянной ими способности размышлять.

Танец Первых Хозяев продолжался, становясь все более и более иступленным, и все же, как бы быстро ни летали его участники, они сохраняли свой порядок. Все быстрее и быстрее кружились в воздухе Первые Хозяева. Было ли это ритуальное поклонение машинам, или танец ненависти — мне уже никогда не узнать.

Я трепетно следил за разворачивающимся действием.

Наконец один из танцующих спикировал в яму. Последовал второй, затем еще один, и так до тех пор, пока все они не скрылись от наших взоров.

Я полагаю, что они включили машины.

Внезапно в Хрустальной Яме произошло извержение, огненный столб поднялся на сотни футов в воздух.

Атмосферу разорвал пронзительный рев. У собако-людей не нашлось времени отступить на достаточное расстояние. Всех их поглотила вспышка энергии из ямы.

Несколько мгновений огненный столб продолжал подниматься все выше и выше, а затем он опал.

Воздух снова был неподвижен.

Ничто не двигалось.

Зафа и люди-кошки ничего не сказали. Мы просто обменялись взглядами, показывавшими наше глубокое замешательство, вызванное тем, чему мы только что стали свидетелями.

Больше не существовало возможности выяснить, возможно ли хоть одной из тех машин вылечить людей от чумы. Приходилось просто надеяться, что нужная мне, если она еще существует, находится где-то в другом месте.

Первые Хозяева погибли, прихватив с собой большинство своих слуг.

Вернувшись в деревню людей-кошек, мы рассказали народу Пурхи об увиденном нами.

В деревне воцарилась атмосфера тихого торжества, но кошки-люди оказались достаточно умными, чтобы поразмыслить о значительности того, что мы им рассказали,— хотя до истинного значения этого им было трудно докопаться.

В Первых Хозяевах вырвалась наружу жажда смерти, древний инстинкт, приведший их к самоуничтожению.

Круг, казалось, замкнулся. Я чувствовал, что лучше всего будет забыть про это.

Моей последующей целью стало отыскание Багарата.

Там должны были быть украденные ранее машины. Там я, возможно, найду то, что ищу.

Я обсудил это с людьми-кошками, и они сказали, что считают своим долгом отправиться со мной в Багарат. Я был рад их обществу, особенно потому, что я все еще скорбел о гибели Хула Хаджи. Однако мне не хотелось втравливать своих друзей в схватки.

— Позволь уж нам решать, следует ли ввязываться в бой, или нет,— ответил со спокойной улыбкой Зафа.

Тут заговорила Фаса.

— Я отправилась бы с тобой, Майкл Кейн, но в данный момент мне трудно уехать. Возьми, однако, вот это, и будем надеяться, что удача не покинет тебя.

Она вручила мне тонкий, как игла, кинжал, который можно было заколоть за покапу. В некоторых отношениях он напоминал тайный нож для снятия шкур у мендишаров.

Я принял его с благодарностью, отметив изящную отделку оружия.

— Немного отдыха,— сказал я,— если можно, и мы отправимся в Багарат.

Старый мудрый Слурра принес мне несколько табличек, о которых рассказывал ранее.

— Вот единственная карта, которая у нас есть,— сказал он.— Она, вероятно, неточная, но все равно подскажет тебе, какое взять направление, чтобы добраться до страны варваров.

Я принял ее с тем же чувством благодарности, но он поднял руку.

— Не благодари нас, позволь нам отблагодарить тебя, чтобы мы могли расплатиться за все, что ты для нас сделал,— сказал он.— Я только надеюсь, что ты вернешься к нам, когда все успокоится.

— Это будет одним из первых моих дел,— пообещал я,— если я когда-нибудь достигну своей цели и останусь в живых.

— Если это возможно, Майкл Кейн, то ты это сделаешь и выживешь,— улыбнулся он.

На следующее утро я, Зафа и отряд людей-кошек отправились в Багарад, лежавший к югу от страны кошко-людей.

Наше путешествие оказалось долгим, так как мы преодолевали горный хребет, где, к нашей печали, мы потеряли одного члена отряда.

На другой стороне перевала мы вступили в страну дружественных, занимающихся фермерством людей, добровольно давших нам дахаров в обмен на кое-какие изделия кошко-людей, прихваченных ими с собой для этой цели.

Люди-кошки не привыкли ездить верхом, но их быстрый ум и чувство равновесия помогли, и вскоре мы скакали, как заправские кавалеристы.

Несколько дней прошло для нас без приключений, пока мы не добрались до страны болот и низких облаков. Здесь у нас возникли трудности в выборе пути.

В этой стране постоянно моросил дождь и было холоднее.

Я все ждал, когда мы покинем этот район и вступим в более приятные земли.

Пока мы ехали, мы мало разговаривали, сосредоточившись на выборе дороги для дахаров через болота.

К вечеру третьего дня нашего путешествия в этой низменной местности мы обнаружили, что за нами следят.

Зафа, со своим острым кошачьим зрением, заметил это первым и подъехал предупредить меня.

— Я их видел только мельком,— сказал он.— Но там в болотах прячется множество людей. Нам лучше подготовиться к возможному нападению.

Тогда и я заметил их и почувствовал себя неуютно.

Лишь когда наступила ночь, они появились и двинулись к нам. Это были высокие люди, хорошо сложенные, за исключением голов, которым следовало быть больше по сравнению с пропорциями тела.

Они держали в зубах мечи — тяжелые клинки с широкими лезвиями, которые нам пришлось отражать своим, более легким оружием.

Мы сумели защитить себя достаточно хорошо, но в темноте у них было преимущество в хорошем знании болотистой местности.

Я разил вокруг себя, держа их на расстоянии, а мой дахар вставал на дыбы и делался трудноуправляемым. Местными дахарами вообще управлять было труднее, чем теми, которых я знал на юге Марса, поэтому часть моего внимания приходилось отдавать скакуну.

Я почувствовал, как клинком царапнуло мою руку, но не обратил на рану особого внимания.

Я видел мельком, сквозь сумрак, своих сражающихся товарищей, и время от времени один из них падал мертвым или раненым. Поэтому я решил, что лучше всего будет попытаться прорваться, надеясь, что чутье животных выведет нас на твердую почву.

Я крикнул об этом Зафе, и он согласился со мной. Мы подстегнули своих дахаров и поскакали галопом.

Мы скакали всю ночь, молясь, чтобы не попасть в трясины. Напавшие на нас люди, похоже, скоро прекратили погоню, и мы смогли замедлить скачку. Мы решили, что, поскольку луны взошли, мы должны продолжать свой путь, а не останавливаться на привал и не рисковать снова.

К утру мы были в безопасности, хотя раза два чуть не заехали в топь и очень устали.

Рана моя немного побаливала, но я перевязал ее и старался забыть о ней. Мы теперь находились неподалеку от края болот и уже видели перед собой твердую почву.

Увидели мы также нечто другое, похожее на строения, но было трудно решить: город это или нет.

Зафа предложил приблизиться к этому месту осторожно, и если оно окажется необитаемо, то можно будет разбить лагерь в безопасности.

Приблизившись, мы заметили, что на самом деле это разрушенные дома. На улицах росла трава. Все выглядело так, словно город давным-давно уничтожил пожар.

Но когда мы оказались совсем рядом, то заметили на западе отряд всадников. Те скакали к этому месту во всю прыть с обнаженным оружием — главным образом с мечами и топорами. Это были желтокожие люди, одетые в яркие плащи и сильно разукрашенные покапу. Цвет их кожи не походил на цвет кожи народов Востока и был более яркий, что-то вроде цвета лимона.

Из развалин до нас донесся крик, голос одного человека, и мы сообразили, что это его атаковали всадники.

Мы не знали, что делать, какая сложилась ситуация, и решили подъехать ближе, чтобы рассмотреть, что происходит.

Я увидел человека, которого с такой яростью атаковали воины. Я не мог поверить своим глазам.

Это был не кто иной, как Хул Хаджи!

Синий Гигант выглядел усталым и измотанным. На плече у него виднелась незажившая рана, но он держал большой широкий меч того же типа, который я заметил у желтокожих воинов.

Когда всадники устремились к Хулу Хаджи, я издал громкий крик и пустил в галоп своего дахара.

Зафа и его люди последовали за мной, и мы оказались лицом к лицу с желтыми воинами.

Наше внезапное появление, казалось, напугало их. Они ожидали, что им придется драться с одним человеком, а теперь обнаружили, что на выручку к нему скачут почти двадцать всадников.

Мы убили и ранили лишь нескольких, прежде чем остальные повернули своих скакунов и удрали. Они взлетели на холм и быстро пропали из поля зрения на другом его склоне.

Я прыгнул с широкой спины дахара и подошел к Хулу Хаджи. Он, казалось, был так же поражен, увидев меня, как и я.

— Хул Хаджи! — воскликнул я. — Ты жив! Как ты здесь очутился?

— Когда я расскажу тебе, ты сочтешь меня лжецом, — рассмеялся он. — Но я должен тебе рассказать. Я тоже считал тебя покойником, Майкл Кейн. У вас есть какая-нибудь еда? Мы должны отпраздновать нашу встречу!

Мы расставили часовых, разожгли костер и разогрели кое-что из провизии.

Пока мы ели, Хул Хаджи рассказывал свою историю.

Как я и подозревал, его унесли в горное логово. Это была темная анфилада пещер на самых высоких горных пиках, и Первые Хозяева гнездились там, подобно странным птицам.

Сперва ему не причинили вреда, но положили поблизости от центрального гнезда, где обитала молодая особь того же вида.

По тому, как они обхаживали этого юнца, Хул Хаджи заключил, что он был последним из вида, поскольку в гнездах не было ни одной самки.

Первые Хозяева оставили его в качестве пищи для юнца, и он ожидал, что они убьют его, но их что-то встревожило. Им вдруг взбрело в голову улететь.

Оставшись наедине с юнцом, который на самом деле был по размерам не меньше его самого, Хул Хаджи задумал обучить его и, таким образом, убежать из этих высокогорных пещер.

Воспользовавшись своим мечом, отобрать который у него Первым Хозяевам не хватило ума, он подогнал молодую особь легкими уколами меча к выходу из пещеры и влез на его спину, научив теми же уколами подчиняться ему.

Он собирался вернуться к Хрустальной Яме и посмотреть, можно ли найти следы моего пребывания, но юный джихаду, как называл его Хул Хаджи, оправившись от первоначального замешательства, проявил собственную волю и выказал неповиновение.

Он полетел очень быстро и вскоре утомился.

Он опускался все ниже и ниже, так что скоро стал почти задевать верхушки деревьев.

Затем усталость заставила его перевернуться в воздухе и начать царапать Хула Хаджи. Завязалась схватка. Хулу Хаджи пришлось убить его, чтобы защитить себя, и они вместе упали на землю, где Хул Хаджи отделался несколькими синяками. Но джихаду погиб.

Хул Хаджи оказался в только что пройденном нами болоте, но сумел выбраться на твердую почву, пробираясь по краю этой низинной местности.

Потом на него напали люди с маленькими головами. Хул Хаджи называл их пероди.

После отчаянной схватки они одолели его и поволокли в город, находившийся во многих шати к западу.

Здесь люди с маленькими головами продали его в рабство желтокожим, жившим в городе кинивикам, как они себя называли.

Хул Хаджи отказался от рабского труда на кинивиков, и вскоре оказался закованным в цепи в одной из тюрем, которых было множество.

Его выставляли на обозрение из-за физических способностей, словно диковинное животное, но он ждал своего часа, пока не восстановил былую силу.

Тогда он умудрился вырвать цепи из стены, удушить тюремщика и, забрав его меч, сбежать из города, сражаясь с желтокожими.

Удача распорядилась так, что единственный маршрут его бегства вел в болота. Было несколько столкновений с пероди, но он сумел побить их. В этих стычках он добыл несколько мечей, и сломал два из них, пока сбивал цепи с рук.

За него, по всей видимости, давали награду, и пероди сообщили кинивикам о его местонахождении. Укрытием он решил использовать эти развалины. В погоню за ним отправили небольшой отряд воинов, но он убил нескольких из них и отбился от остальных.

Его убили бы, если бы захватили в плен. Если бы не появился я, вторая экспедиция сделала бы это.

— Это вкратце все мои приключения до сегодняшнего дня,— сказал он.— Извини, если я тебе наскучил.

— Ничуть,— заверил я его.— А теперь позволь мне рассказать мою историю. Я думаю, она тебе понравится.

Я рассказал Хулу Хаджи обо всем, что случилось после нашего вынужденного расставания, и он внимательно выслушал.

Когда я закончил, он заметил:

— На твою долю выпало больше всего происшествий. Значит, ты теперь на пути в Багарад, не так ли? Я буду рад присоединиться к тебе и помочь, чем смогу.

— То, что ты жив,— самое лучшее, что пока случилось.

Той ночью я спал хорошо и глубоко.

А наутро мы поехали дальше по направлению к Багараду, до которого оставалось несколько дней пути.

Местность стала более пологой, и путешествие проходило без осложнений. Отряд ехал не спеша, болтая и перекидываясь шутками, а вокруг простиралась широкая равнина, родившая в нас чувство безопасности, поскольку никакие враги не могли приблизиться к нам без предупреждения.

Но здесь не было никаких врагов, только паслись стада странных на вид животных, которые были, как уведомил нас Зафа, совершенно безопасными.

Вскоре равнина уступила место холмистой местности, которая казалась не менее приятной, поскольку холмы были покрыты яркой оранжевой травой, в которой в изобилии росли красные и желтые цветы.

Вообще странно, что на Марсе бывают ландшафты, очень сходные с земными, а потом вдруг натыкаешься на такой, какого даже нельзя себе представить.

Скоро, если карта точна, мы должны добраться до Багарада и тех машин, которые были туда переправлены ранее.

Г л а в а 13

ОСТАТКИ

К полудню следующего дня мы проехали холмистую местность и пересекли степь, перемежающуюся маленькими скалами и жестким дерном. В редких трещинах, где было хоть немного земли, росли кривые деревья.

Здесь и находился Багарад.

Прежде чем углубиться в сторону, мы повстречали отряд варваров, в котором я узнал соратников Рокина.

Это были мужчины, женщины и дети с угрюмыми глазами, и они лишь остановились, ожидая, когда мы проедем, не пытаясь задержать нас.

Я остановил дахара и заговорил с одним из них.

— Вы не знаете, как добраться до Багарада? — спросил я.

Мужчина пробормотал что-то, но я не понял.

— Я не расслышал тебя.

— Лучше всего не ищите Багарад, — ответил он. — Если хотите увидеть, где находится Багарад, езжайте в ту сторону. — Он махнул рукой.

Сказанное им встревожило меня, но я направил дахара в указанном направлении. Хул Хаджи, Зафа и отряд людей-кошек последовали за мной.

К тому времени, когда мы прибыли на место, был уже вечер.

От Багарада остались только развалины, и они были покинуты. Над тем, что еще оставалось, висела пелена пыли и дыма.

Я стал гадать, что случилось. Мы прибыли слишком поздно. Варвары пытались разобраться с машинами и уничтожили себя.

Тех, которых мы встретили, должно быть, гибель миновала.

Я слез с дахара и стал пробираться между нагромождениями камней.

Встречались разные обломки, куски металла, части змеевиков. Стало очевидным, что машины якша уничтожены.

Я заметил небольшую металлическую трубку и поднял ее. Должно быть, она являлась частью одной из машин. Я засунул ее в сумку на поясе — она оказалась единственной оставшейся целой частью.

Я обернулся к Хулу Хаджи.

— Ну, друг мой,— сказал я.— Наш поиск закончился. Теперь мы должны каким-то образом вернуться к подземельям якша и проверить, не осталось ли чего там.

Хул Хаджи стиснул мне плечо.

— Не беспокойся, Майкл Кейн. Наверное, к лучшему то, что машины уничтожены.

— Если ни одна из них не содержала средство уничтожить чуму,— заметил я.— Подумай о безумии и несчастье Кенд-Амрида. Как нам с этим бороться?

— Мы должны передать дело в руки наших врачей и надеяться на то, что они смогут найти лекарство.

Но я покачал головой.

— Марсианские врачи не привыкли анализировать болезни. Для Зеленой Смерти не подобрать лекарства, по крайней мере, еще много лет.

— Я полагаю, ты прав,— признал он.— Тогда наш единственный шанс — подземелья якша.

— Это верно.

— Но как же мы вернемся на свой континент? — задал он следующий вопрос.

— Мы должны найти корабль.— Я показал на восток, где виделось море.

— Отыскать корабль будет нелегко,— заметил Хул Хаджи.

— У багарадов были корабли,— возразил я ему.— У них должен быть порт.— Я вытащил карту.— Смотри, неподалеку отсюда есть река. Наверное, корабли причаливали там.

— Тогда давай отправимся туда,— предложил он.— Мне не терпится снова ступить на родную землю.

Мы поехали к реке и через некоторое время отыскили место, где были причалены несколько багарадских кораблей. Они были пусты.

— Что побудило уцелевших уйти вглубь материка? — гадал я.— Почему они не сели на корабли? Наверное, у них возникли ассоциации кораблей с машинами, уничтожившими их город.— Никакого другого объяснения я не мог придумать.

Мы выбрали небольшой корабль с одной мачтой, которым кое-как могли управлять два человека.

Зафа обратился ко мне после того, как Хул Хаджи выбрал судно, и мы обсудили возможность плавания на нем.

— Майкл Кейн,— сказал он мне.— Для нас была бы большая честь сопровождать тебя дальше.

Я покачал головой.

— Вы уже достаточно помогли, Зафа. Вы нужны своему народу, а путь назад долг. В определенном смысле ваше путешествие оказалось напрасным, но я рад, что вы потеряли так мало людей.

— Для меня это тоже облегчение,— согласился он.— Но... мы хотели последовать за тобой, Майкл Кейн. Мы все еще чувствуем себя в долгу перед тобой.

— Не благодари меня,— отмахнулся я.— Это обстоятельства. На моем месте мог оказаться любой другой человек.

— Я думаю иначе.

— Поосторожнее, Зафа. Вспомни вашего пророка. Если что-то во мне тебя восхищает, то ты ищи это в себе, и ты найдешь.

— Понимаю, что ты имеешь в виду,— усмехнулся он.— Да, наверное, ты прав.

Вскоре после этого разговора мы расстались, и я мог только надеяться, что когда-нибудь вернусь к народу Пурхи, снова встречу с людьми-кошками.

Мы с Хулом Хаджи проверили наше судно и обнаружили на нем хороший запас провизии, словно его готовили к плаванию как раз перед взрывом.

С дурными предчувствиями Хул Хаджи позволил мне отчалить, и мы направились вниз по реке, к открытому морю.

Море вскоре открылось перед нами, и суша осталась за кормой.

К счастью, шторма не было. Хул Хаджи сказал, что, по его мнению, сейчас спокойный сезон на Западном море, и я возблагодарил за это Провидение.

Мы установили курс к ближайшей от подземелий якша части побережья.

Было ли у нас еще время, чтобы спасти Кенд-Амрид?

Я не знал.

Прошло несколько дней, и наше плавание проходило без происшествий. Мы только-только подумали, что удача теперь на нашей стороне, когда Хул Хаджи издал крик удивления и показал на море впереди.

Из глубины океана поднималось чудовище огромных размеров.

Вода стекала с его спины и головы, огромной и зеленой головы. С тела его свисали ленты кожи, как будто под водой произошла битва, в которой чудовище пострадало.

Оно выглядело не как млекопитающее или рыба — наверное рептилия, хотя тело его походило на туловище гиппопотама, а голова несколько напоминала голову утконоса.

Поразительнее, чем его внешность, были его размеры. Оно возвышалось над нашим маленьким судном и, если бы пожелало, могло проглотить его.

Скорее всего оно обитало в глубинах, но сейчас было изгнано оттуда победителем битвы.

Во всяком случае, нас сейчас волновало то, что оно явно на нас направлялось к нам.

Мы не могли ничего сделать, кроме как глядеть, разинув рты и надеяться, что оно не нападет на нас.

Огромная голова повернулась, и большие глаза взглянули на нас и, несмотря на мои страхи, у меня сложилось впечатление, что это не жестокий зверь.

В самом деле, он казался более нежным, чем множество куда меньших существ, виденных мною на Марсе.

Взглянув на нас, оно снова подняло голову и оглядело океан кругом.

Затем оно нырнуло, оставив позади пенистый след, наверное просто обеспокоенное увиденным.

Мы с Хулом Хаджи испустили вздох облегчения.

— Что это было? — спросил я его. — Ты не знаешь?

— Я только слышал о нем. В Мендишаре его называют Морская мать — наверное, из-за доброй природы этого зверя. Не было случая, чтобы он когда-нибудь причинил вред кораблям. По крайней мере, он никогда намеренно не нападал ни на одно судно, хотя случалось, что топил по недосмотру команды.

— Тогда я рад, что оно увидело нас первым, — улыбнулся я.

Немного позже мы увидели стаю крупных существ, намного меньших, чем Морская мать, но тем не менее устрашающих. И Ху Хаджи поспешил предупредить меня.

— Надеюсь, они не проплывут слишком близко, — сказал он. — Они не такие безобидные, как Морская мать.

Я успел заметить в воде их змееподобные тела и острые головы, похожие скорее на рыбу-меч.

— Что это? — спросил я.

— Н'хир, — сообщил он мне. — Они рыщут стаями по морям, нападая на все, что увидят. — Он мрачно улыбнулся. — К счастью видят они плохо. Это крайне близорукие твари.

Мы направили корабль как можно дальше от стаи н'хир, но, к несчастью для нас, им взбрело в голову направиться в нашу сторону.

Хул Хаджи вынул меч.

— Приготовься! — тихо проговорил он. — Думаю, через минуту они увидят нас.

И само собой, они увидели.

Они двигались довольно лениво, но как только заметили нас, быстро понеслись в воде, вытянув змеиные шеи, нацелив на корабль заостренные головы.

Они напали на корабль, но древний корпус устоял, и с минуту они стремительно плавали вокруг, как будто в замешательстве.

Затем их головы высунулись из воды, и они стали тыкать ими в нас.

Мы рубили по заостренным головам мечами, а они шипели и пытались вцепиться.

Стоя плечом к плечу, мы отбивали их атаки, когда убитых сменяли новые. Мечи протыкали их относительно мягкие тела, но, кажется, не производили на них существенного воздействия.

Некоторые полностью выскакивали из воды и падали на палубу.

Они, извиваясь, ползли к нам.

Одна из них сумела кольнуть меня в ногу, прежде чем я вогнал меч ей в глаз.

Другая чуть не откусила мне руку, но я раскроил ей голову.

Вскоре палуба стала скользкой от их крови, и я обнаружил, что мне трудно удержаться на ногах.

Как раз в тот момент, когда мне стало казаться, что мы станем пищей н'хир, я услышал над собой гудение мотора.

Это был невозможный звук.

Я рискнул посмотреть вверх.

Там летело несколько воздушных кораблей моей модели. На их гондолах развевались флаги цветов Варналя.

Какой зигзаг удачи привел их сюда?

Тогда у меня не было времени раздумывать над этим, так как пришлось сосредоточиться на битве с н'хир.

Но с воздушных кораблей пришла помощь. На скользких тварей градом посыпались стрелы, и многие из них погибли прежде, чем остальные уплыли.

С одного из кораблей опустили канат. Я схватил его и полез на воздушный корабль.

Вскоре я мог обняться с моим братом по браку Дарналом из Варналя. Его юношеское лицо улыбалось от восторга и облегчения, и он тепло сжал мне плечо.

— Майкл Кейн, брат мой! — воскликнул он. — По крайней мере, мы нашли тебя!

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Расскажу позже. Давай сперва поможем подняться на борт Хулу Хаджи. Удача тебя не покинула!

Когда мы помогли Хулу Хаджи подняться на борт, я поневоле иронически улыбнулся ему.

— Удача меня не покинула? До этой минуты я думал иначе!

Г л а в а 14

ЗЕЛЕНАЯ СМЕРТЬ

Дарнал сел за управление воздушным кораблем (искусство, которому обучил его я), а несколько варнальских воинов уселись вокруг на кушетках, улыбаясь от радости, что видят нас снова.

— Я хотел бы узнать, как случилось, что вы оказались в этой части Западного моря, и главное, в это время? — немедленно поспешил осведомиться я.— Такос совпадение кажется невероятным.

— Это и в самом деле не совпадение,— подтвердил он,— счастливое стечение обстоятельств.

— Тогда расскажи мне о них.

— Ты помнишь девушку из Кенд-Амрида? Ее зовут Ала Мара.

— Конечно. Но откуда ты ее знаешь?

— Вы оставили ее в своем корабле, когда отправились обследовать подземелья якша, не так ли?

— Так.

— Девушка, очевидно, немного заскучала и стала баловаться пультом управления корабля. Она, естественно, не собиралась причинить никакого вреда, но случайно высвободила причальные канаты, и судно начало уносить ветром.

— Так вот, значит, что случилось. И, думается, к счастью для нас.

— Почему это?

— Потому что иначе ее обнаружили бы те, кто захватил нас в плен.

— А кто они такие?

— Я тебе расскажу, когда услышу твой рассказ до конца.

— Отлично. Воздушный корабль носило ветрами много дней, прежде чем обнаружило одно из наших патрульных судов, отправленных к тебе с сообщением от Шизалы.

— Сообщение?

— Да, через минуту я расскажу тебе и о нем.

Девушка рассказала о положении в Кенд-Амриде и о том, почему вы отправились в подземелья якша. Корабль сперва вернулся в Варналь с девушкой и новостями. Затем я возглавил эту экспедицию в подземелья, чтобы помочь вам, поскольку мы полагали,

что вы застрянете там без транспортных средств. Хотя мы думали, что вы сможете отправиться в Мендишар.

Когда мы прибыли в Мендишар, то там не было никаких новостей о вас, и мы полетели в подземелья якша.

— И обнаружили, что мы исчезли?

— Именно.

— Что же вы сделали тогда?

— Ну, мы поняли, что многие машины увезены оттуда. А также нашли много трупов неопознанных нами воинов. Мы сделали вывод, что на вас напали и вы победили. Потом мы догадались, что вас могли захватить в плен. Мы сумели пройти по следу через пустыню до побережья, где нашли доказательства того, что оттуда недавно уплыл корабль.

— Что же вы сделали, когда обнаружили, что корабль, вероятно, увез нас за море?

— Мы мало могли сделать, кроме как попробовать найти этот корабль, и мы так и не нашли его. Все, что мы могли сделать после,— это прочесывать море и побережье в надежде найти какой-нибудь след. Мы в пятый раз возвращались обратно, когда заметили ваше судно и сумели помочь вам.

— Как раз вовремя,— добавил за него я.— Я очень благодарен, Дарнал.

— Пустяки. Но что произошло с вами? Вы нашли машины, способные исцелить чуму?

— К сожалению, должен признаться, нет.

Затем я рассказал Дарналу обо всем, что с нами случилось. Он жадно слушал.

— Рад, что вы оба выжили,— сказал он.— И надеюсь, что мы все когда-нибудь сможем встретиться с людьми-кошками.

— Итак,— улыбнулся я,— я проявил достаточно терпения. Что за сообщение везли вы мне от Шизалы?

— Радостное! — заверил меня Дарнал.— Ты скоро станешь отцом!

Эта новость воодушевила меня больше, чем все прочие. Я едва мог сдержать свой энтузиазм, и все принялись дружно поздравлять меня.

Стоило пройти через все лишения, чтобы услышать, что Шизала собирается подарить мне ребенка. Я не мог теперь дожидаться возвращения домой и встречи с ней.

Но сперва я должен был выполнить свой долг. Мне требовалось наведаться в подземелья якша и отыскать средство, которым должны были владеть якша для противодействия Зеленой Смерти.

Теперь мы летели над сушей и должны были вскоре добраться до города якша в пустыне.

Мы прибыли на место, и Дарнал опустил воздушные корабли ближе к земле.

Корабли причалили, и, оставив в карауле нескольких человек, мы снова ступили в подземелья.

На этот раз было большое количество народа, и мы смогли провести основательный поиск требовавшегося нам предмета. Основываясь на всем, что я знал, это могли быть и таблетки, и жидкость, но, зная фантастически изощренную науку якша, я думал, что это может оказаться и машина, способная испускать лучи, воздействующие прямо на болезнетворные вирусы.

Мы искали несколько дней. Подземелья были огромны, и требовалось время для проверки всего, найденного нами. Варвары оставили много чего. Фактически они взяли только машины, которые казались изготовленными для войны. Другие машины они оставили, а боевые исчезли навсегда, и, наверное, это к лучшему, хотя я и сожалел об утерянной возможности проанализировать принципы их действия.

Хотя мы облазили все помещения, но не нашли ничего, что бы походило на нужный нам предмет. В скором времени нам пришлось отказаться от поисков и вернуться на корабли.

Теперь я управлял кораблем, а Дарнал отдыхал.

Я установил курс на Варналь.

— Что будем теперь делать? — мрачно спросил Дарнал. — Неужели мы должны забыть про Кенд-Амрид?

— Если бы ты видел, что там происходит, ты так не говорил бы. Нужно теперь попытаться найти способ лечения, хотя времени на это потребуется достаточно много. И нам должно повезти.

На обратном пути мы пролетели над Кенд-Амридом, и я испытывал сильное облегчение, так как думал, что не смогу вынести вида этого места даже с такой высоты.

Но вот когда мы приблизились к Алой Равнине, расположенной неподалеку от Варналя, я заметил внизу огромную людскую процессию.

Сперва я подумал, что это армия на марше, но строй ее был слишком неровный.

Я опустился пониже рассмотреть и заметил, что она состояла из мужчин, женщин и детей всех возрастов.

Я был загипнотизирован этим зрелищем и не мог понять, почему столько людей отправились в поход.

Я направил корабль еще ниже и тогда с ужасом увидел то, чего боялся с тех пор, как покинул Кенд-Амрид.

Все они были отмечены печатью Зеленой Смерти.

Какой-то путешественник все-таки сумел побывать в Кенд-Амриде и вернулся оттуда зараженный.

Наверное, он заразил свой родной город. Но почему они двинулись в поход?

Я взял мегафон и подошел к двери гондолы.

Толпа смотрела на нас, разинув рты.

— Кто вы? — проревел я через мегафон. — Откуда вы?

Один из них крикнул в ответ:

— Мы — нефункционирующие! Мы ищем пристанища!

— Что значит «нефункционирующие»? Вы пришли из Кенд-Амрида?

— Некоторые оттуда. Но многие из нас также из Опкуеля, Фиолы и Ишхала.

— Кто вам сказал, что вы нефункционирующие? — прокричал я. — Люди из Кенд-Амрида?

— С нами есть механик. Он тоже нефункционирующий. Он — наша голова, а мы — его руки, его мотор и его ноги.

Тут я понял, что не только чума пришла из Кенд-Амрида, — пришла и часть главенствующего там вероучения.

— Если он нефункционирующий, то почему он ведет вас?

— Мы — великие нефункционирующие, наш долг — создать нефункционирующий мир!

Я столкнулся с еще одним извращением логики, когда кто-то убедил этих больных чумой, что болеть хорошо, а не болеть — плохо.

Это могло означать только, что Зеленая Смерть может распространиться по всему Марсу со сверхъестественной скоростью. И, наверное, по всей планете, если ее никто не остановит.

— Куда вы направляетесь? — спросил я.

— В Варналь! — раздался ответ.

От ужаса я чуть не выронил мегафон.

Зеленая Смерть не должна достичь Варналя!

Теперь мне нужно было защищаться, спасая свое личное. Не потеряю ли я головы?

Я молился, чтобы этого не случилось.

— Не ходите в Варналь! — закричал я почти умоляющим голосом. — Оставайтесь там, где находитесь! Мы найдем способ исцелить вас! Не бойтесь!

— Исцелить нас! — закричал тот же человек. — Зачем вам это? Мы принесем радость Зеленой Смерти всем людям!

— Но Зеленая Смерть означает ужас и муки! — воскликнул я. — Как вы можете считать ее благом?

— Потому что она — Смерть! — ответил человек снизу.

— Но вы же не можете искать смерти! Вы не можете желать умереть — это противно человеческому естеству!

— Смерть приносит прекращение функционирования, — монотонно произнесла жертва чумы. — Прекращение функциони-

рования — это благо. Злой человек — человек функционирующий.

Я закрыл дверь гондолы, чтобы не видеть и не слышать его и прислонился к стенке, покрывшись потом.

— Их надо остановить! — прокричал Хул Хаджи, слышавший большую часть разговора.

— Как? — простонал я.

— Если дошло до этого, то их надо уничтожить, — мрачно произнес он.

— Нет, — закричал я.

Но я знал, что едва ли правильно то, что я говорю. Я становился жертвой страха.

Я должен был бороться с этим страхом. Но что мне делать?

Г л а в а 15

УГРОЗА ВАРНАЛЮ

Мы, как можно быстрее, полетели к Варналю, и, наконец, в поле зрения появились его стройные башни.

Как только мы приземлились, я бросился во дворец, и там, дожидаясь, на лестнице стояла Шизала, чтобы приветствовать меня, — прекрасная Брадинака Карнала, чудесный цветок Дома Варналя.

Я кинулся и обнял ее, не заботясь, что нас может кто-нибудь увидеть.

— Ах, Майкл Кейн, наконец-то ты вернулся! Я боялась, что ты погиб, мой Брадинак!

— Я не могу умереть, пока жива ты, — пошутил я. — Это было бы с моей стороны большой глупостью!

Тогда она улыбнулась мне.

— Ты слышал мою новость? — поинтересовалась она.

Я сделал вид, что ничего не знаю.

Я хотел услышать ее из собственных уст Шизалы.

— Тогда пройдем в наши покои, — предложила она мне, — и там я тебе сообщу.

У нас в комнатах она просто сообщила мне, что у нас будет ребенок. Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать во мне взрыв радости, такой же сильный, как и тогда, когда я впервые услышал эту новость. Я поднял Шизалу и столь же быстро опустил, когда вспомнил, что в ее состоянии ей нельзя волноваться.

— Мы, карнальцы, не из слабых, — улыбнулась она. — Моя мать каталась на дахаре, когда я подавала первые признаки появления на свет.

— Тем не менее, — усмехнулся в ответ я. — Отныне мне придется удостовериться, что ты будешь находиться под защитой.

— Если будешь обращаться со мной, как с младенцем, я сбегу и выйду замуж за арзуна,— пошутила она.

Мое ликование омрачилось, когда я вспомнил о неустанно двигающихся к Варналю разносчиках Зеленой Смерти.

Шизала заметила, что меня что-то гнетет, и спросила, в чем дело.

Я рассказал ей, стараясь не драматизировать ситуацию, хотя она и так была достаточно безотрадной.

Когда я закончил, она задумчиво кивнула.

— Но что мы можем предпринять? — сказала она.— Мы не можем уничтожить их. Они больные и ненормальные и едва ли знают, что угрожают нам.

— В том-то и беда,— согласился я.— Как нам помешать им добраться до Варналя?

— Возможно, есть способ,— предложила она.

— Какой именно?

— Мы можем устроить пожар на Алой Равнине. Это наверняка остановит их!

— Уничтожить Алую Равнину было бы преступлением. И кроме того пострадают находящиеся на ней городки и деревни.

— Ты прав,— согласилась она.

— Более того,— добавил я.— Они, вероятно, теперь уже добрались до Алой Равнины. В скором времени они достигнут цели своего похода.

— Ты имеешь в виду Варналь?

— Варналь — это город, о котором они говорили.

Шизала вздохнула.

Я сел в кресло и облокотился на стол, стоявший рядом с ним, расстегнув столь долго носимый мною плащ. В сумке что-то лязгнуло, и я вытащил предмет, издавший этот звук.

Это была маленькая трубка — уцелевшая часть одной из уничтоженных машин, подобранная мною в развалинах Багарата.

Я положил ее на стол, кивнув в ответ на вздох Шизалы.

— Через несколько дней Зеленая Смерть прибудет в Варналь,— задумчиво произнесла она.— Если ничего нельзя будет сделать...

— Я искал средство противодействовать чуме,— сказал я.— Я искал его очень долго — на двух континентах. И не думаю, что оно существует.

— Надежда все-таки есть,— сказала она, пытаясь поднять мой дух.

Я встал и крепко обнял ее.

— Спасибо,— поблагодарил я ее.— Да, все-таки еще есть маленькая надежда.

На следующее утро я сидел в центральном зале, совещаясь со своим отцом по браку, Бради Карнаком, с его сыном, Брадинаком

Дарналом, своей женой, Брадинакой Шизалой, и со своим другом, Бради Хулом Хаджи.

Наши умы оказались неспособными конструктивно мыслить, когда мы столкнулись с проблемой Зеленой Смерти.

Я цеплялся за свои принципы, хотя это и было трудно, когда угрозе подвергались моя жена и неродившийся еще ребенок.

— Мы не можем перебить их, — повторял я, — это не их вина. Если мы убьем их, то убьем и что-то в самих себе.

— Я понимаю тебя, Майкл Кейн, — согласился старый Карнак, кивая массивной головой. — Но что еще мы можем сделать? Ведь потребуется обезопасить Варналь от Зеленой Смерти.

— Я думаю, Майкл Кейн, что мы в конце концов должны решиться, — серьезно проговорил Хул Хаджи. — Я не вижу никакой альтернативы.

— Должна быть альтернатива. .

— Пять умов пытаются придумать ее, — подытожил Дарнал, — и ни один не выдал конструктивной идеи. Мы можем попытаться взять их в плен, или что-то вроде этого.

— Но это будет означать вступление с ними в физический контакт, — возразил Хул Хаджи. — Таким образом, мы не добьемся своей цели.

— Мы могли бы поймать их большой сетью, — предложила Шизала. — Хотя, я думаю, это идея непрактична.

— Да, вероятно, это и в самом деле так, — нахмурился Карнак. — Но это все-таки идея, дорогая.

Все они посмотрели на меня. Я пожал плечами.

— Моя голова также пуста, как и у всех вас.

Дарнал вздохнул.

— Остается только одно, Майкл Кейн.

— Что именно? Я буду сопротивляться решению перебить их, как только смогу.

— Мы должны вылететь на нашем воздушном корабле и попытаться убедить их повернуть назад, — сказал он.

Я согласился. Это было единственное разумное, что мы могли предпринять.

Поэтому после совещания мы снова поднялись в воздух.

Летели Хул Хаджи, Дарнал и я.

В скором времени мы увидели толпу, вливающуюся неровной лентой на Алую Равнину. Казалось, что она увеличилась по численности, наверное, за счет жителей встреченных на ее пути деревень.

Покрытые зеленым налетом лица посмотрели вверх, когда мы стали снижаться к ним. Они перестали двигаться и ждали.

Я снова воспользовался мегафоном для разговора с ними.

— Народ Зеленой Смерти! — крикнул я. — Почему бы вам не остаться там, где вы находитесь? Вам не приходило в голову, что вы можете быть неправы?

— Ты — тот, кто говорил с нами вчера, — донесся до меня голос. — Ты должен теперь поговорить с механиком. Именно он ведет нас к конечному нефункционированию.

Толпа отступила от человека с изуродованным зеленью лицом и большими безумными глазами. Он в некоторых отношениях напоминал врача, встреченного нами впервые в Кенд-Амриде.

— Ты вождь? — спросил я.

— Я — мозг, они — руки, мотор — все части движущейся машины.

— Почему ты ведешь их?

— Потому что мое дело вести.

— Тогда почему ты ведешь их к другим поселениям, городкам и городам, когда знаешь, что куда бы вы ни пришли, будете там распространять чуму?

— Вот эти-то блага я и несу им — блага смерти, освобождение от жизни, блага конечного нефункционирования.

— Разве ты не думаешь о тех, кого вы заражаете?

— Мы несем им мир, — ответил он.

— Пожалуйста, не ходите в Варналь, — пытался убедить я. — Там не хотят вашего мира — там хотят только своего.

— Наш мир — единственный мир — конечное нефункционирование.

— Вы понимаете, что в Варнале есть люди, говорящие о том, что вас надо уничтожить из-за угрозы, которую вы несете? — спросил я.

— Уничтожьте нас, и мы не будем функционировать. Это хорошо.

Этот человек совершенно обезумел.

Мы с тяжелыми сердцами вернулись в Варналь.

В городе Зеленых Туманов, который, как я подозревал, скоро переименуют в город Зеленой Смерти, мы сидели у Зеленого Озера и снова пытались разрешить нашу проблему.

Дарнал хмурил лоб, словно искал то, что знал, но забыл.

Вдруг он поднял голову.

— Я слышал об одном человеке, который обладает способностью найти лекарство от Зеленой Смерти, — сказал он. — Хотя считается, что это — легенда. Возможно, он даже не существует.

— Кто он? — спросил я.

— Его зовут Мас Рава. Некогда он был врачом при мишим-тенском дворе, но стал увлекаться философскими идеями и отправился в горы куда-то на юг. Мас Рава изучил все тексты шивов,

которые только смог отыскать. Но что-то заставило его стать созерцателем, и больше никто и никогда его не видел.

— Когда он был при дворе Мишим-Тена? — спросил я.

— Больше ста лет назад.

— Тогда он мог умереть.

— Не думаю. Я никогда не слушал особенно внимательно рассказы о нем в Мишим-Тене. Но я помню одно — говорили, что он добился бессмертия.

— Есть скромный шанс на то, что он все еще существует, — сказал я.

— Да, лишь скромный шанс.

— Но шансы найти его в имеющееся в нашем распоряжении время и того скромнее, — напомнил Карнак.

— Что бы ни случилось, вовремя нам никогда не найти его, — решительно заявил Хул Хаджи.

Шизала ничего не сказала. Она просто склонила голову и смотрела на воды Зеленого Озера.

Внезапно позади нас раздался крик, и пукан-нара, как назывались на Вашу командиры отряда войнов, стремглав подбежал к нам.

— В чем дело? — спросил я его.

— Вернулся один из наших воздушных кораблей-разведчиков, — сообщил он.

— Ну? — спросил Карнак.

— Толпа движется с неестественной быстротой. Через день они будут у стен Варналя.

Дарнал взглянул на меня.

— Так скоро? — спросил он. — Никогда бы этого не заподозрил. Поговорив с ними, мы, кажется, оказали себе плохую услугу.

— Они передвигаются бегом, — сказал пукан-нара. — Судя по тому, что говорит разведчик, многие падают от истощения или замертво, но остальные бегут. Бегут! Что-то заставляет их мчаться к Варналю. Мы должны остановить их!

— Мы рассмотрели все способы остановить их, — уведомил я его.

— Мы будем драться с ними!

Я все еще цеплялся за остатки рациональности.

— Мы не должны этого делать, — устало сказал я.

Но у меня возникло сильное искушение согласиться.

— Что же нам тогда делать? — в отчаянии спросил пукан-нара.

И тут я придумал.

— Я знаю, что это значит для вас. — сказал я. — Но для меня это значит гораздо больше.

— Что ты этим хочешь сказать, Майкл Кейн? — спросила моя прекрасная жена.

— Мы должны эвакуировать Варналь. Мы позволим Зеленой Смерти захватить его, а сами убежим в горы.

— Никогда! — воскликнул Дарнал.

Но Карнак положил руку на плечо сына.

— Майкл Кейн дал нам нечто большее, чем жизнь, или даже понятие «родина», — задумчиво проговорил он. — Он дал нам понять ответственность перед самими собой и, таким образом, перед всеми людьми на Вашу. Логика его неопровержима, а причины ясны. Мы должны поступить так, как он говорит.

— Я не уйду! — повернулся ко мне Дарнал. — Майкл Кейн! — крикнул он. — Ты — мой брат, и я люблю тебя как брата и как великого бойца, большого друга. Ты не мог всерьез предложить этого! Позволить этой толпе захватить Варналь — этим больным людям! Ты, должно быть, обезумел!

— Напротив, — спокойно возразил я. — Именно с безумием я и сражаюсь. Я борюсь за то, чтобы остаться нормальным. Пусть тебе скажет отец. Он знает, что я имею в виду.

— Сейчас отчаянные времена, Дарнал, — сказала Шизала. — Сложные времена. И поэтому трудно решить, что нужно предпринять, когда требуется действовать. Народ Зеленой Смерти, подобно народу Кенд-Амрида, безумен. Применить против них насилие означало бы поощрить безумие такого рода в самих себе. Я думаю, это и хочет сказать Майкл Кейн.

— Я хотел сказать почти что это, — кивнул я. — Если мы сейчас предадимся страху, то чем станет Карнал?

— Страху! Разве бегство не трусость?

— Трусость бывает разная, сын мой, — сказал Карнак, вставая. — Я думаю, что бегство из Варналя — хотя мы достаточно сильны, чтобы разбить эту наступающую на нас толпу — не столь уж большая трусость. Это ответственность.

Дарнал покачал головой.

— Я все равно не понимаю. Наверняка нет ничего плохого в защите нашего города от агрессоров.

— Есть разные виды агрессии, — заметил я. — Вскоре после моего прибытия на Вашу против Варналя выступили Синие Гиганты Арзгуна. Этот народ был вполне в здравом уме. Отбиться от них было делом простым. И мы это сделали. Но, применяя насилие в данном случае, мы потеряем связь со всем нашим делом, если тебе угодно. Хотя я думал, что оно у всех нас общее. Нам ведь надо исцелить болезнь в ее источнике, исцелить болезнь тела и духа, заразившую Кенд-Амрид.

Дарнал посмотрел на Хула Хаджи, который ответил ему таким же взглядом, а затем отвел глаза. Он взглянул на отца и сестру. Те ничего не сказали.

Он посмотрел на меня.

— Я не понимаю тебя, Майкл Кейн, но постараюсь,— сказал, наконец, он.— Я доверяю тебе. Если мы должны покинуть Варналь, значит, мы должны покинуть его.

А затем Дарнал не смог больше сдерживать слез, покотившихся по его щекам.

Глава 16

ИСХОД

И поэтому, я надеюсь, вы поймете, как великий город, здоровый и сильный, был оставлен своим населением.

Воины, ремесленники, женщины и дети покинули Варналь длинной организованной процессией, унося с собой свое имущество. А воздушные корабли — и те, что остались от шивов, и моей конструкции — плыли над ними. Некоторые уходили, как Дарнал, молча. Другие недоумевали, некоторые задумывались, но знали в душе, что поступают правильно.

Они оставили Варналь больным и обманутым людям делать с ним все, что угодно.

Это был единственный выход из создавшегося положения.

Как я уже говорил вам, обычно я не мыслитель, но стараюсь придерживаться определенных принципов, какой бы отчаянной ни была ситуация или ужасной — угроза. Не из-за догматизма, а, если угодно, из страха перед страхом — страха перед действиями, которые производят из страха, перед мыслями, которые рождены страхом!

Я ехал на дахаре бок о бок с Шизалой справа от меня и Хулом Хаджи слева. Рядом с ним ехал Карнак, Бради Карналы. Справа от Шизалы — Дарнал со строгим лицом и недоумевающим взглядом.

Позади нас ехали и шли гордые жители Варнала, грандиозного города Зеленых Туманов, остававшегося все дальше и дальше у меня за спиной.

Впереди лежали лишенные растительности мрачные горы, которые мы сделаем своим домом, пока не будет найдено лекарство против Зеленой Смерти.

Когда мы решили уйти из города, на кон была поставлена не только физическая судьба населения Марса. Речь шла о судьбе психологии! Мы покинули Варналь, чтобы Марс по-прежнему мог оставаться планетой, которую я любил, а сам Варналь — городом, в котором я больше всего чувствовал себя как дома.

Мы сражались против страха, против истерии и против ужасающего безумного насилия, вызванного этими эмоциями.

Мы покинули Варналь не для того, чтобы подать пример другим. Мы покинули его, чтобы подать пример самим себе.

Еще это может показаться грандиозным. Я только прошу, чтобы вы подумали о том, что мы сделали, и постарались понять цель этого.

Наше путешествие в горы оказалось долгим, ибо скорость передвижения устанавливалась самыми тихоходными гражданами.

Наконец мы добрались до холодных гор и нашли долину, где смогли построить грубые дома для себя, так как склоны долины густо поросли лесом.

Сделав это, мы послали свои воздушные корабли обследовать горы в надежде отыскать почти легендарного врача, являвшегося единственным человеком на Марсе, способным спасти наш мир от Зеленой Смерти.

Нашел, в конечном итоге, Маса Раву не я, а тот, кто первым упомянул о нем, — Дарнал.

Дарнал вернулся однажды вечером в лагерь на воздушном корабле. Он отправился путешествовать в одиночку, и мы сочувственно отнеслись к этой потребности в уединении.

— Майкл Кейн, — заявил он, входя в хижину, где жили теперь мы с Шизалой. — Я видел Маса Раву.

— Он может помочь нам? — был мой первый вопрос.

— Не знаю. Я не разговаривал с ним, только спросил, как его зовут.

— И это все, что он сказал тебе?

— Да. Я спросил его, кто он, и он ответил: «Мас Рава».

— Где он?

— Он живет в пещере во многих шатах отсюда. Ты хочешь, чтобы я показал дорогу?

— Да. Ты думаешь, он стал законченным отшельником? Тронет ли его наше бедственное положение?

— Не могу сказать. Утром я отвезу тебя туда.

Поэтому утром мы улетели на воздушном корабле Дарнала отыскивать Маса Раву. Точно так же, как раньше я разыскивал машины в надежде, что они спасут нас, так теперь я искал человека. Окажется ли человек более полезным, чем машины? Я не был уверен.

Следует ли мне так сильно доверять машинам? Или другому человеку? Я снова сомневался.

Но я отправился с Дарналом, лавируя на корабле среди скал, пока мы не прибыли к месту, где естественная тропа поднималась по горе к пещере.

Я сбросил лесенку на широкий карниз перед пещерой и начал спускаться, пока не оказался перед темным входом.

Я зашел внутрь.

Там, прислонившись спиной к стене пещеры, сидел человек, согнув одну ногу и выпрямив другую. Он окинул меня веселым

вопросительным взглядом. Он был гладко выбрит и молод на вид. Пещера оказалась чистой и хорошо меблированной.

Это не вязалось с моим представлением об отшельнике, да и пещера его не походила на логово отшельника. В этом человеке было что-то изысканное.

— Мас Рава? — осведомился я.

— Он самый. Садитесь. У меня вчера был один гость, и боюсь, я обошелся с ним довольно грубо. Он был первым. Ко второму я подготавился лучше. Как вас зовут?

— Майкл Кейн, — ответил я. — Это долгая история, но я прибыл с планеты Негалу. — Я стал рассказывать ему, употребляя марсианское название Земли. — И из времени, которое у вас в будущем.

— В таком случае, вы интересный человек для моего первого настоящего гостя, — не без юмора заметил Мас Рава.

Я уселся рядом с ним.

— Вы прилетели искать у меня какие-нибудь сведения? — был его следующий вопрос.

— В некотором смысле, — ответил я, — но сперва вам лучше выслушать всю историю.

— Пусть будет вся, — согласился Мас Рава. — Такому человеку, как я, нелегко наскучить. Рассказывайте.

Я поведал ему обо всем, что рассказывал вам, обо всем, что я думал и говорил, обо всем, что думали и говорили мне. На это мне потребовалось несколько часов. Но Мас Рава все время слушал, не перебивая.

Когда я закончил, он кивнул.

— Ты и усыновивший тебя народ попали в интересное и затруднительное положение, — сказал он. — Мои врачебные знания немного устарели, хотя в одном ты прав. Лекарство против чумы существовало, согласно тому, что я читал. Оно существовало не в форме машин — тут ты дал маху, — а в форме бактерий, способных побороть воздействие Зеленой Смерти всего за несколько минут.

— Тебе известно какое-нибудь место, где можно найти контейнер с этими бактериями? — спросил я его.

— На Вашу есть несколько хранилищ, схожих с открытыми тобой подземельями якша. Он может находиться в любом из них, хотя то, что оказалось ненужным для шивов и якша, вполне могло погибнуть навсегда.

— Значит, по-твоему, существует мало шансов найти противоядие? — в отчаянии спросил я.

— По-моему, так, — ответил он. — Но вы можете попробовать.

— А что насчет тебя? Мог бы изготовить противоядие?

— Со временем, возможно,— сказал он.— Но не думаю, что стал бы пытаться.

— Даже пытаться?

— Да.

— Почему?

— Потому что, друг мой, я по убеждениям — фаталист,— засмеялся он.— Я уверен, что Зеленая Смерть пройдет, и ее присутствие оставит след на Вашу. И я думаю, что такой след необходим обществу — обществу, не знающему опасностей. Это предотвратит его стагнацию.

— Я нахожу, что тебя трудно понять,— признался он.

— Тогда позволь мне быть честным и изложить тебе это по-другому. Я — человек ленивый, лодырь. Я люблю сидеть в своей пещере и думать. Думаю я, между прочим, на очень высоком уровне. Я также человек, мало нуждающийся в обществе. У меня тоже, если угодно, есть свой страх, но это страх быть вовлеченным в дела человеческие и, таким образом, потерять себя. Я ценю свою индивидуальность. Поэтому я рационализировал все свои выводы и стал фаталистом. Меня не заботят дела обитателей этой планеты или любой другой планеты. Меня интересуют планеты, а не какая-то одна планета.

— Мне кажется, Мас Рава, что ты по-своему потерял чувство перспективы, точно также, как правители Кенд-Амрида.

Он подумал над этим заявлением, а затем с улыбкой посмотрел мне в лицо.

— Ты прав,— согласился он.

— Значит, ты pomoжешь нам?

— Нет, Майкл Кейн, не стану. Ты преподавал мне урок, и будет интересно поразмыслить над тем, что ты мне сказал. Но я не помогу вам. Видишь ли,— снова улыбнулся он мне,— я только что понял, без горечи и отчаяния, что я, в сущности, глупый человек. Наверное, Зеленая Смерть минует меня, а?

— Наверное,— разочаровано проговорил я.— Я сожалею, что ты не pomoжешь нам, Мас Рава.

— Я тоже сожалею. Но подумай вот о чем, Майкл Кейн, если для тебя что-то значат слова глупого человека...

— Что же?

— Иногда достаточно желания,— сказал Мас Рава.— Продолжай желать, чтобы исчезла Зеленая Смерть, при условии, что ты будешь действовать, даже если не понимаешь собственных действий.

Я покинул пещеру.

Терпеливый Дарнал по-прежнему находился тут, веревочная лестница касалась карниза.

С чувством скорее озабоченного любопытства, чем разочарования, я влез в гондолу.

— Он поможет нам? — нетерпеливо спросил Дарнал.

— Нет, — ответил я ему.

— Почему нет? Он должен!

— Он говорит, что не будет. Он сообщил мне, что лекарство от чумы существовало, возможно, существует и сейчас — и оно не является машиной.

— Тогда что же оно?

— Контейнеры с бактериями, — задумчиво проговорил я. — Брось, давай возвращаться в лагерь.

На следующий день я принял решение вернуться в Варналь и посмотреть, что произошло с городом.

Я улетел на воздушном корабле, не сказав никому, куда направляюсь.

Варналь, казалось, не изменился, стал даже более прекрасным, и когда я приземлился на городской площади, то не ощутил никакого ожидаемого запаха смерти, ни малейшего, более тонкого, запаха страха.

Я, однако, ради безопасности, оставался в гондоле и звал людей.

Через некоторое время я услышал шаги, и из-за угла вышла женщина с маленьким ребенком. Женщина была подтянутой, а ребенок выглядел здоровым.

— Кто вы? — пораженно спросил я.

— Существеннее узнать, кто вы? — нахально ответила она. — Что вы делаете в Варнале?

— Это город, в котором я живу, — ответил я.

— Это город, где я живу, — решительно заявила она. — Вы — один из тех, кто ушел?

— Если вы хотите спросить, не был ли я одним из многих тысяч, покинувших город, когда прибыл народ Зеленой Смерти, — поправил я, — то ответ будет утвердительный.

— Теперь с этим все кончено, — сообщила она.

— С чем кончено?

— С Зеленой Смертью. Я, знаете, некоторое время страдала от нее.

— Не хотите же вы сказать, что исцелились! Как? Почему?

— Не знаю. Это сделал приход в Варналь. Может быть, именно поэтому мы и пришли сюда. Я не слишком хорошо помню путешествие.

— Вы все пришли в Варналь, и это он исцелил вас от чумы? Что это могло сделать? Вода? Воздух? Что-то иное? Клянусь шивами, мои поиски не были напрасными! Наверняка ответ был у нас под носом!

— Ты мне кажешься немного сумасшедшим,— заметила женщина.

— Я не знаю, в чем тут дело, знаю только, что я исцелилась, так же, как и все прочие. Многие из них вернулись домой, но я осталась.

— Откуда же вы пришли? — спросил я.

— Из Кенд-Амрида,— ответила она.— Я довольно сильно скучаю по нему.

Я засмеялся все громче и громче.

— Все время под носом! — хохотал я.— Все время под носом!

Глава 17

В КЕНД-АМРИД

Благодаря странному стечению обстоятельств мы могли теперь вернуться в Варналь.

Это было радостное событие, и путешествие обратно прошло быстрее, чем уход из Варналя.

Мы, конечно, чувствовали себя весело не только из-за этого.

Мы нашли лекарство от чумы — или, по крайней мере, мы знали, что чуму можно исцелить.

Обосновавшись в Варнале, к удивлению немногих людей, сделавших город своим домом, мы сразу же начали осматривать повреждения, и не обнаружили ничего серьезного, за исключением того, что все, что относилось к механике, было вышвырнуто в Зеленое Озеро.

Это должно было объясняться безумным стремлением толпы уничтожить все «функционирующее».

Теперь мне в голову пришла мысль, что в озеро могли кинуть нечто, заставившее воду превратиться в лекарство против чумы.

Я пытался догадаться, что это могло быть.

Но не смог. Единственное, что мне пришло в голову,— что бактерии содержала та трубка, привезенная мною из Багарата и не найденная теперь.

Важно, что вода Озера Зеленых Туманов была способна бороться с Зеленой Смертью, и все, что нам требовалось сделать,— залить ее в контейнеры и доставить к жертвам.

Это стало нашей задачей.

Мы соорудили баки для зеленой воды и присоединили их к нашим воздушным кораблям.

А потом отправились к центру эпидемии — безумному городу Кенд-Амриду.

С собой мы взяли Алу Мару, которую я редко видел с тех пор, как она спасла нас, но умолявшую нас разрешить ей вернуться вместе с нами.

Флот воздушных кораблей — все, что мы могли собрать, — отправился в путешествие. Мы оставили Варналь с гордо развещающимися опять на башнях флагами, направляясь к ужасам чумы.

На одном из воздушных кораблей летели я, Хул Хаджи и Ала Мара, а позади следовали корабли под началом храбрейших пукан-нар Варналя.

В некоторых местах мы обнаружили городки и деревеньки, где свирепствовала чума, и смогли распределить небольшое количество воды, необходимое для исцеления.

Находя столь много зараженных мест, мы сперва сосредоточились на помощи им, и поэтому прошло время, прежде чем мы увидели перед собой Кенд-Амрид. Это он был источником чумы, и теперь, благодаря зеленой воде, он остался последним местом, где еще свирепствовала чума.

Мы осторожно подлетели к городу и воспарили над его домами.

Мы летели до тех пор, пока не оказались над Центральным Местом, приземистым уродливым зданием, где обитали Одиннадцать.

Деревянным шагом и гораздо медленнее, чем тогда, когда я видел стражников в последний раз, на крышу вышел один из них.

С каменным выражением лица он спросил:

— Кто вы? Что хотите?

— Мы привозить лекарство от Зеленой Смерти, — сказал я, подражая ему.

— Лекарство нет.

— Скажи Одиннадцати, что мы привезли лекарство. Скажи Одиннадцати подняться к нам.

— Я сказать.

Все тем же деревянным шагом стражник ушел. Трудно было поверить, что под внешностью робота продолжал жить человек, но я был уверен, что это так.

Вскоре на крышу поднялись Одиннадцать, хотя я поразился, насчитав их двенадцать.

Пристально разглядывая их ничего не выражающие лица, я увидел, что один из них был Барани Даса, человек, с которым мы встретились в тюрьме.

— Барани Даса! — воскликнул я. — Что ты делаешь, вернувшись к этим людям?

Он не ответил.

— Ты! — показал я на него. — Барани Даса! Отвечай мне!

Пустое лицо оставалось без выражения.

— Я — Первый, — раздался пустой голос.

— Но они же сочли тебя безумцем!

— Мозг отремонтировали.

Я содрогнулся при мысли о том, что могла означать эта фраза. Выражение «мозг отремонтирован» предполагало грубую церебральную хирургию.

— Что хотите Кенд-Амрид? — спросил другой член Совета.

— Мы привезли лекарство от Зеленой Смерти.

— Лекарство нет.

— Но оно есть у нас, мы доказали это!

— Логика доказывать — лекарство нет.

— Но я могу доказать, что у нас именно лекарство, — в отчаянии воскликнул я.

— Лекарство нет.

Я скинул лесенку. Я собирался поговорить с этими связанными страхом созданиями лицом к лицу, надеясь, что можно будет достучаться до остатков человечности.

— Спусти бак с водой! — велел я Хулу Хаджи. — Навернос, это убедит их.

— Будь осторожен, друг мой, — предупредил он.

— Буду, — заверил его я. — Но не думаю, что они применят силу.

Вскоре я стоял на плоской крыше, обращаясь к одиннадцати:

— Почему вы по-прежнему называете себя Одиннадцать? — спросил я. — Вас же двенадцать?

— Мы Одиннадцать, — ответили они, и я не мог их переубедить. Очевидно, они еще больше ушли в безумие, чем тогда, когда я виделся с ними в последний раз.

Я уставился в холодные пустые лица, ища в них хоть какие-то признаки реальной жизни, но не мог найти.

Вдруг один из Одиннадцати показал вверх.

— Что это?

— Вы видели это раньше. Это воздушный корабль.

— Нет.

— Но вы же видели его, когда я в прошлый раз прилетал в Кенд-Амрид?

— Что это?

— Воздушный корабль, они летают по воздуху. Я показывал вам, как работает мотор.

— Нет.

— Но я показывал вам! — раздраженно воскликнул я.

— Нет. Воздушный корабль невозможен.

— Ну, конечно же, он возможен. Вот он перед вами, перед вашими глазами.

— Воздушный корабль не работать. Идея воздушный корабль — нефункциональная идея.

— Вы дураки! Вы видите его перед глазами, перед собой в действии. Что вы сделали со своими мозгами?

Один из Одиннадцати поднес к губам свисток и выдул пронзительную трель.

На крышу выбежали стражники с мечами в руках.

— Что это все значит? — спросил я. — Вы должны понять, что мы находимся здесь для того, чтобы помочь вам.

— Вы делать кенд-амридская машина нефункциональной. Вы уничтожать принцип, вы уничтожать мотор, вы уничтожать машина.

— Какой принцип?

— Первая Идея.

— Идея, доведшая вас до того, что вы стали такими? Какой мотор?

— Болезнь.

— Вы не мотор, вы — индивидуальные человеческие существа. Какая машина?

— Кенд-Амрид.

— Кенд-Амрид — не машина, это город, созданный и населенный людьми.

— Ты делать нефактический заявления. Ты быть сделан нефункционирующий.

Я неохотно вытащил меч, но это все, что я мог сделать. Сверху я услышал громкий крик Хула Хаджи, затем последовал глухой стук, когда тот прыгнул с воздушного корабля и приземлился рядом со мной.

Одиннадцать велели своим стражникам напасть на нас.

На нас двинулись тесные ряды людей-автоматов, поднявшие мечи единым движением.

На мгновение мне показалось, что нас просто снесут с крыши одной человеческой массой.

Затем, выкрикивая древний клич Карнала, ко мне присоединился Дарнал и другие варнальские воины, которые прыгнули со своих воздушных кораблей, пока не образовался ряд бойцов против массы бездушных существ, надвигавшейся на нас, медленно, одинаковым шагом, словно множественное странное существо.

Начался бой.

Храбрость карнальцев легендарна по всему южному Марсу, но они никогда не бывали столь храбры, как в этом бою, когда они сражались с чуждым им принципом.

Каждого павшего стражника сменял другой. Каждый выбитый из руки меч находил замену. За спинами у нас не было ничего, кроме воздуха, и поэтому мы не могли отступить.

Каким-то образом, я думаю, своей силой воли, мы стали теснить стражников.

Мы толкали их назад, наши мечи мелькали и сверкали на солнце, наш боевой клич звучал редко, когда мы отвлекались, чтобы поддержать боевой дух.

Многие из людей-автоматов пали.

Никто из наших воинов не получил серьезных ран, если не считать пустяковых царапин. Мы уцелели против мощи Людей, Превратившихся в Машины.

Но мало-помалу они окружили нас и придавили друг к другу, так что не осталось места для боя.

А затем они взяли нас в плен, но не убили, как я ожидал, а разоружили.

Что же собирались теперь с нами делать?

Я поднял взгляд на наши корабли. Что они сделают с ними? С привезенной нами исцеляющей чуму водой?

Я гадал, неужели в Кенд-Амриде никогда не воцарится мир и спокойствие?

Г л а в а 18

НАДЕЖДА ДЛЯ БУДУЩЕГО

Нас заточили в такой же камере, где мы уже были ранее.

Здесь нас было много, а камера тесная. Я никак не мог понять, почему нас не убили на месте, но решил принять это без объяснений и попытаться продумать возможности побега.

Я обследовал камеру. Она была сделана добротно и спроектирована специально для заточения людей — редкий случай на Марсе, где обычно эта мысль вызывает отвращение.

Затем я вспомнил про тонкий кинжал, подаренный мне Фасой, девушкой-кошкой.

Я вытащил его из-за ремней и подумал, как его можно использовать для нашего спасения.

Существует ограниченное число способов бежать из тюрьмы, если она спроектирована с таким расчетом, чтобы позволить входить и выходить только через одну дверь. Я перебрал все эти способы.

Особенно внимательно я размышлял над самым простым — через дверь.

Ее слабым звеном являлись петли. Я начал ковырять дверной косяк поблизости от петель, думая втащить дверь внутрь.

Должно быть, я работал несколько шати, поглощенный тем, что делал.

Наконец, у меня кое-что получилось. Затем Хул Хаджи, Дарнал и я потянули дверь на себя. Она застонала, поддаваясь. Засов на другой стороне с лязгом упал.

Нас, казалось, никто не услышал.

Мы стали молча продвигаться к лестнице, ведущей на первый этаж Центрального Места.

Как только мы добрались до коридора, надеясь, что сможем как-нибудь проникнуть на крышу и воздушные корабли, если они еще там, я услышал звук слева от меня.

Я стремительно обернулся с кинжалом в руке, пригнувшись и готовый действовать.

Там стояла фигура с пустым лицом и деревянным телом.

— Первый! — воскликнул я. — Барани Даса!

— Я шел к камерам, — раздался холодный голос. — Теперь в этом нет необходимости. Вы идти.

— Куда? — спросил я.

— К главный водохранилище Кенд-Амрида. Ваши баки там.

Удивившись, мы последовали за ним, все еще в неуверенности, считая, что это может быть ловушкой.

Мы последовали за ним по коридорам и переходам, приведшим, наконец, к помещению с высокими потолками, где царил полумрак. Здесь сверкала вода большого резервуара. На пересекающем водоем своеобразном молу стояли баки, в которых мы привезли зеленую воду из Озера Зеленых Туманов.

Должно быть, Барани Даса каким-то образом сам перетаскил их сюда.

— Почему ты выступаешь против Одиннадцати? — спросил я его, проверяя, не испорчены ли баки.

— Это необходимо.

— Но когда я видел тебя в последний раз, ты был довольно нормальным человеком. Что случилось?

Губы его на мгновение дрогнули, а в глазах появился слабый иронический блеск.

— Чтобы помочь им, мы не должны нападать на них, — сказал он. — По-моему, ты научил меня этому, Майкл Кейн.

Я был поражен.

Этот человек притворялся, чтобы его реабилитировали, чтобы изменить придуманное им самим вероучение. Мне оставалось только восхищаться им. Я думал, что он может справиться с этой задачей, коль скоро чума будет уничтожена.

— Но я все еще не могу понять полностью, зачем ты привел нас сюда, — сказал я.

— По нескольким причинам. Ты спас жизнь моей племяннице Але Маре, пока был здесь. Это просто благодарность. Но ты также

показал мне, как лучше всего я могу воздействовать на преступление, которому сам положил начало.

Я протянул руку и пожал ему плечо.

— Ты — человек, Барани Даса. Ты обязательно справишься с этим.

— Надеюсь, что да. Теперь мы все должны заняться приготовлением противоядия в водохранилище. Все машины нуждаются в горючем, — усмехнулся он. — А машины в Кенд-Амриде должны пить.

Рассуждения его были здравыми. Нам предстояло сделать добро, так же как он, в свое время, пытался сделать это сам, один.

Вскоре мы вылили в резервуар всю зеленую воду, и наша работа была закончена.

Теперь Барани Даса предложил:

— Вы идти. — Это он вернулся к своей первоначальной роли.

Мы последовали за ним по извилистым переходам.

Постепенно мы поднимались все выше и выше, пока, к моему удивлению, так как я потерял ориентацию, не оказались на крыше Центрального Места.

А там все еще парили наши корабли.

Они находились там же, где мы их оставили.

Из гондолы моего воздушного корабля выглядывала Ала Мара с улыбкой облегчения на лице.

— Дядя! — взволнованно прошептала она, увидев Барани Дасу. Но тот и не взглянул на нее, сохраняя неподвижное выражение лица и прямое положение тела. Он не сделал ей даже жеста.

— Дядя... — Голос ее упал. — Нсужели ты не узнаешь меня, Алу Мару, свою племянницу?

Барани Даса оставался безмолвным.

Я сделал ей знак — жест, предназначавшийся для утешения, но она зарыдала и отступила в гондолу.

— Почему они ничего не сделали с нашими воздушными кораблями? — тихо спросил я Барани Дасу.

— Воздушных кораблей не существует, — так же тихо объяснил он.

— Так значит, они не могут увидеть их, или обманывают себя, думая, что не видят их?

— Да.

— Для одного человека у тебя тяжелый бой впереди, — посоветовал я ему.

— Чума исчезнет, бороться будет легче, — ответил он. — Чума исчезнет быстро, а остальное потребует немного больше времени.

— И ты победишь, если на это вообще способен один человек, — сказал я то, что думал и прежде.

Я еще раз хлопнул его по плечу и полез по лестнице в гондолу. Мне теперь нужно было утешить Алу Мару, рассказав то немногое, что я сам знал.

Вскоре мы все влезли в гондолы кораблей.

Наша задача была успешно выполнена, и прежнее приподнятое настроение вернулось к нам.

Корабли поднялись в воздух и направились к Варналю.

Мы стремительно пронеслись над озерами, краем цветов и зыбучими песками.

Мы летели домой. В некотором смысле мы уже были там, ибо на сердцах наших было легко, а в головах воцарился покой.

Мы вернулись в Варналь мирным утром, полным мягкого солнечного света. Зеленые туманы струились по городу, сверкали и блестили мраморные башни, и весь город мерцал светом, словно драгоценный камень.

Издалека доносился слабый звук, похожий на детское пение, и мы знали, что слышим песни Зовущих Холмов.

Весь Марс казался мирным. Мы долго и упорно боролись за этот мир, но героями мы стали не из-за этого. Все, что мы сделали,— это сделали героев из тех, кто сражался вместе с нами.

И этого было достаточно.

Шизала ждала на центральной площади неподалеку от дворца. Она сидела на широкой спине смиренного дахара и держала рядом с собой другого оседланного и готового к поездке скакуна.

Я не устал и знал, что она догадается об этом.

Я быстро слетел по веревочной лестнице и прыгнул с последней ступеньки на спину поджидавшего меня скакуна.

Я нагнулся и поцеловал жену, крепко прижав ее к себе.

— Все в порядке? — спросила она.

— В основном,— сообщил я.— Со временем не останется ничего, кроме памяти о печали и тревоге. И это хорошо, что на Вашу будут такие воспоминания.

— Да,— кивнула она,— это хорошо. Поехали, давай прогуляемся к Зовущим Холмам, как мы сделали это, когда впервые встретились.

Мы пустили своих дахаров вперед в тихое утро, проскакав по прекрасным улицам к Зовущим Холмам.

Со скачущей рядом моей прекрасной женой и вызванным стремительной скачкой хорошим настроением, я знал, что нашел нечто бесконечно ценное — нечто такое, что никогда бы не имел, если бы не прибыл на Марс.

Я вдыхал прохладные запахи марсианской осени и предался радости истинного и простого счастья.

ЭПИЛОГ

Я с острым интересом выслушал рассказ Майкла Кейна, и он тронул меня куда более глубоко, чем все, что я испытывал ранее.

Теперь я понял, почему он казался более расслабленным, чем был когда-нибудь прежде. Он нашел нечто, что редко встречается на Земле.

В этот момент у меня возникло сильное искушение просить его взять меня на Марс с собой, но он улыбнулся.

— Вы действительно хотели бы этого? — спросил он.

— Я... я думаю, что да.

Он покачал головой.

— Найди Марс в себе самом, — сказал он. А потом усмехнулся: — Хотя бы по той причине, что это потребует меньшего напряжения сил.

Я подумал над этим, а затем пожал плечами.

— Наверное, вы правы, — сказал я. — Но, по крайней мере, я буду иметь удовольствие изложить ваш рассказ на бумаге. Чтобы и другие могли разделить с вами радость найденного на Марсе.

— Надеюсь, что так, — согласился он. Потом помолчал. — Я полагаю, что вы считаете меня немного сентиментальным.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, попытки описать вам все свои чувства — тот рассказ о нашей поездке к Зовущим Холмам.

— Существует очень большая разница между сентиментальностью и искренними чувствами, — возразил я ему. — Беда в том, что люди иногда склонны путать одно с другим, и поэтому отвергают и то, и другое. Все, к чему мы стремимся, — это к искренности.

— И отсутствию страха, — улыбнулся он.

— Это приходит, когда появляется искренность, — предположил я.

— Частично, — согласился он.

— Какой же недоверчивый народ мы, земляне, — сказал я. — Мы так слепы, что не доверяем красоте, даже когда видим ее, чувствуем, что она не может быть тем, чем кажется.

— Чувство довольно здоровое, — заметил Кейн. — Но оно может, как вы подметили, зайти слишком далеко. Наверное, старый средневековый идеал не так уж и плох — умеренность во всем. Эта фраза очень часто принималась по отношению только к физической стороне людей, но она, по-моему, столь же важна и для их духовного развития.

Я кивнул.

— Ну, — сказал он, — опасаясь еще больше наскучить вам, я вернусь в подвал к передатчику материи. Каждый раз, когда я

возвращаюсь, нахожу Землю лучше, чем раньше. Но с Марсом то же самое. Вообще, я — везучий человек.

— Вы исключительно удачливы,— согласился я.— Когда вы вернетесь? Должно быть, предстоят новые приключения.

— Разве этого было недостаточно? — усмехнулся он.

— На данный момент,— возразил я ему.— Но скоро захочу услышать еще.

— Помните,— пошутил он, грозя притворно пальцем.— Умеренность во всем.

— Это будет утешать меня, пока я жду вашего следующего визита,— улыбнулся я.

— Я вернусь,— заверил он меня.

А затем он покинул комнату, оставив меня сидящим у гаснущего камина, все еще погруженным в воспоминания о Марсе.

Скоро они должны пополниться.

Я был в этом уверен.

Ледовая шхуна

★ РОМАН ★

Г л а в а 1

КОНРАД АРФЛЕЙН

Оставшись без ледового корабля, Конрад Арфлейн покинул Брершилл и на лыжах отправился через большое ледовое плато. Он шел с твердым намерением решить для себя: умереть или дальше жить.

Он взял с собой лишь небольшое количество еды и снаряжения, полагая, что если в ближайшие восемь дней выбор не будет сделан, то он умрет с голоду и от изнеможения.

Для такого шага у него были веские причины. Хотя ему исполнилось всего тридцать пять и он был одним из лучших шкиперов на плато, в Брершилле капитанской должности ему не получить, а служить первым или вторым офицером под чьим-то командованием он не хотел. Всего пятнадцать лет назад Брершилл имел флот численностью свыше пятидесяти кораблей. Теперь их осталось двадцать три. И хотя Арфлейн не обладал болезненной впечатлительностью юнца, единственной альтернативой службы в чужом городе оставалась смерть. Он шел через плато по направлению к югу.

Арфлейн был высоким, крепким мужчиной с густой рыжей бородой, блестящей инеем. От мороза его укрывал комбинезон из черного тюленьего и белого медвежьего меха с капюшоном из кожи медведя. Для защиты глаз от блеска отраженного солнца Арфлейн надел козырек из тонкой ткани, натянутый на каркас из кости тюленя. На бедре в ножнах висел короткий клинок, в каждой руке он держал по восьмифутовому гарпуну, которые являлись одновременно и оружием, и лыжными палками. Его лыжи представляли собой длинные полозья, вырезанные из кости большого кита. На них он мог развить приличную скорость и скоро оказался за пределами обычных корабельных курсов.

В то время как его предки были моряками, Конрад Арфлейн стал ледовым шкипером. Если им иногда приходилось перебираться с моря на сушу, то он никогда не покидал льда. У него были такие же привычки, независимый характер и серые глаза, что и у всех мужчин в роде Арфлейнов.

Повсюду, на тысячи миль вокруг, был лед — ледяные горы, ледяные долины, и даже ледяные города. Лед постоянно менял свою окраску в соответствии с цветом неба, он был бледно-голубым, лиловым, изумрудно-зеленым, фиолетовым, желтым. Летние глубокие тени придавали глетчерам и гротам сказочное очарование. Зимой же сверкающие ледяные горы и долины великолепны под хмурым северным небом. В любое время года пейзаж оставался неизменным: лед различной формы и цвета. Арфлейн был уверен, что он будет таким вечно, как вечен лед.

Большое ледовое плато, хорошо знакомое Арфлейну, полностью покрывало часть мира, известную под названием Матто Гроссо. Ее горы и долины уже давно поглотил лед. Арфлейн знал плато лучше любого другого, впервые он проехал по нему с отцом еще в двухлетнем возрасте. Его отца звали Конрад Арфлейн, как, впрочем, и всех мужчин его рода на протяжении вот уже нескольких сотен лет, и все они были судовладельцами, а хозяином стапсельной шхуны он стал в двадцать один год. Всего несколько поколений назад семья Арфлейна обладала многими кораблями.

Ледовые корабли — большей частью торговые и охотничьи суда — представляли собой парусники, закрепленные на полозьях, подобных гигантским лыжам. Давным-давно корабли стали главным средством связи, существования и торговли для обитателей Восьми Городов плато. Эти поселения, расположенные в расклинах ниже уровня льда, обладали собственным флотом, а их власть напрямую зависела от количества парусников.

Родной город Арфлейна, Брершилл, когда-то был самым могущественным из восьмерки, но его флот быстро рассеялся, и теперь капитанов стало больше, чем самих кораблей. Фризгальт, извечный соперник Брершилла, стал ведущим городом плато. Он диктовал свои торговые цены, монополизировал охотничьи земли и скупал, как в случае с баркентиной Арфлейна, корабли других городов, не способных к конкуренции.

Спустя шесть дней после выхода из Брершилла, все еще не придя к решению, Конрад Арфлейн увидел темный предмет, медленно движущийся в его направлении. Он остановился, пытаясь определить природу предмета. Оценить его размеры было невозможно. Предмет мог быть чем угодно, начиная от раненого сухопутного кита,двигающегося на огромных мускулистых плавниках, до дикой собаки, отбившейся от теплых водоемов, где она охотилась за тюленями. Обычным состоянием Арфлейна было уединение и молчаливость, но на этот раз в его глазах промелькнуло некоторое подобие любопытства.

Угрюмое небо, огромное, серое, тяжелое от снега, вращалось над его головой, закрывая собой солнце. Подняв козырек, он смотрел на предмет, гадая, приблизиться к нему или идти дальше.

Арфлейн шел по плато не ради охоты, но если это был кит, то, добив его, можно сделать свое будущее относительно безбедным.

Нахмурившись, он ткнул гарпуны в лед и, оттолкнувшись, устремился вперед. Мускулы перекачивались под его меховой курткой, за спиной подпрыгивал увесистый мешочек. Его движения были экономными.

На мгновение красное солнце пробилось сквозь завесу холодных туч, и лед засверкал, подобно бриллианту, до самого горизонта. Арфлейн понял, что на снегу лежит человек. Затем солнце скрылось.

Арфлейн почувствовал себя обманутым. Кит, даже тюлень, могли принести ему хороший доход, от человека же не было никакой пользы. Еще больше возмутило Конрада то, что здесь, по его расчетам, такая встреча не могла состояться.

Хотя он продолжал двигаться по безмолвному льду по направлению к человеку, он все еще хотел проехать мимо него. Этика ледовых полей позволяла ему не оказывать помощи другим. Если человек умрет, совесть его будет чиста. Трудно было вызвать чувство любопытства у Арфлейна, но коль скоро оно появилось, его нужно было удовлетворить. Присутствие человека в этом районе являлось крайне редким. Подъехав достаточно близко, чтобы получше рассмотреть фигуру на льду, он остановился.

Человек был едва жив. Изможденное лицо, руки и ноги, лиловые от холода и страшно опухшие. На голове и руках замерзли подтеки крови. Одна нога повреждена. Остатки некогда богатых мехов обмотаны вокруг тела полосками кожи, седые волосы на непокрытой голове искрились от мороза. Это был истощенный, но еще крепкий широкоплечий старик. Он продолжал ползти с необычным, животным упорством. Красные, полуослепшие глаза смотрели вдаль. Большой высохший череп с синими от мороза губами, застывшими наподобие усмешки, поворачивался при каждом движении. Арфлейна он не видел. Мгновение Конрад постоял задумчиво над человеком, затем повернул было в сторону. Он чувствовал невольное восхищение этим живым мертвецом, хотя и не считал нужным вмешиваться в его борьбу. Он поднял гарпуны, готовый отправиться в путь, но, услышав за собой шум, обернулся. Старик рухнул на белый лед и затих. До его смерти оставались считанные минуты. Повинуясь внезапному импульсу, Арфлейн вернулся к неподвижному телу. Положив один гарпун и упершись в другой, он потряс человека за плечо.

— С тобой все кончено, старик, — прошептал он.

Большая голова повернулась... Арфлейн увидел обмороженное лицо под прихваченной льдом гривой волос. Медленно открылись глаза, полные внутреннего безумия. Синие опухшие губы раздвинулись, и из гортань вырвался хрип. Арфлейн задумчиво смотрел

в безумные глаза, затем, сняв и открыв мешок, он достал флягу со спиртом. Ловко отвернув колпачок, он поднес горлышко фляги к искривленному рту и влил туда спирт. Старик сделал глоток, закашлявшись, задохнулся. Отдышавшись, он тихо произнес:

— Такое впечатление, что я горю, хотя это и невозможно. Перед тем как вы уйдете, сэр, скажите, далеко ли до Фризгальта...

Глаза закрылись, и голова старика поникла. Судя по остаткам одежды и его акценту, умирающий был фризгальтийским аристократом. Но как он оказался здесь, один, без слуг? Может, на самом деле оставить его умирать в одиночестве? Арфлейн ничего не добьется, пытаясь спасти ему жизнь.

Старик почти уже мертв. К великим лордам Фризгальта, чьи ледовые шхуны почти полностью захватили плато, Арфлейн испытывал лишь презрение и ненависть. По сравнению с жителями других городов фризгальтийская знать жила в роскоши, забыв о Боге. Она открыто смеялась над учением о Ледовой Матери, сверх всякой меры обогревала свои дома, часто была расточительна. Она отказывалась занимать своих женщин простой работой и даже дала им одинаковые с мужчинами права.

Арфлейн вздохнул и, вновь нахмурившись, взглянул на старого аристократа. Предубеждение к знати и чувство самосохранения уступало место восхищению упрямством и смелостью человека. Если старик потерпел кораблекрушение, то, само собой, он прополз не одну милю, прежде чем добраться сюда. Кораблекрушение — вот единственное объяснение его пребывания здесь. Арфлейн пришел к решению. Достав из баула отороченный мехом спальник, он расстелил его на льду. Неловко переступая на лыжах, он зашел человеку в ноги и, ухватившись за них, втянул старика в мешок. Крепко завязав тесемки спальника, Конрад взвалил его на спину и закрепил полосками кожи. С видимым усилием он навалился всем телом на гарпуны и начал долгий путь к Фризгальту.

За спиной поднялся ветер. Высоко в небе он рвал в клочья тучи, открывая на время солнце. Лед казался живым, подобно рвущемуся к берегу прибою. Черный в тени и красный в проблесках солнца, он сверкал и переливался. Плато казалось чем-то не имеющим границ, без видимого горизонта. Казалось, что тучи переходят прямо в лед. Солнце уже садилось, до наступления темноты оставалось около двух часов, вряд ли было разумно продолжать путь ночью.

Арфлейн шел на запад, к Фризгальту, по пятам за скрывающимся красным диском солнца. Легкий снег и крошечные кусочки льда кружились над плато, подгоняемые холодным ветром. Мощные руки Арфлейна методично поднимали и опускали гарпуны, ноги развезжались на грубых лыжах.

Сумерки перешли в ночь, а луна и звезды начали изредка показываться из-за разрывов туч. Замедлив движение, он остановился. Ветер стихал, его шум стал похожим на отдаленные вздохи. Когда Арфлейн поставил палатку, ветер и вовсе прекратился.

Затащив старика в укрытие, он занялся обогревательным устройством. Оно работало на небольших солнечных батареях. Арфлейн, как, впрочем, и любой другой, не понимал принципа его работы. Даже объяснение в старых книгах ничего не говорило ему. Предполагалось, что срок службы батарей беспределен, но даже лучшие из них со временем портились.

Приготовив суп на двоих, он с помощью спирта привел старика в чувство.

Просвечивая сквозь износившуюся ткань палатки, луна освещала его ровным мягким светом.

Фризгальтиец закашлялся и застонал. Арфлейн почувствовал, что тот дрожит.

— Хотите немного супу? — спросил он.

— Да, если вы можете поделиться.

Арфлейн приложил чашку к слабым губам. Поев, фризгальтиец поблагодарил его.

— Благодарю вас, достаточно.

Вновь поставив чашку на обогреватель, Арфлейн молча присел рядом. Первым заговорил фризгальтиец.

— Как далеко мы от Фризгальта?

— В десяти часах ходу на лыжах. Мы могли бы продолжить путь при луне, но у меня нет карты. Нет смысла пускаться на риск, выходя до рассвета.

— Конечно. Я думал, мы ближе, но... — Старик снова закашлялся, на этот раз слабее, затем едва слышно вздохнул. — Так ошибиться в расстоянии. Мне повезло, вы спасли меня. Благодарю. Судя по вашему акценту, вы из Брершилла. Почему?

— Не знаю, — отрезал Арфлейн.

В наступившей тишине он приготовился лечь на пол палатки. В его спальном мешке лежал старик, но если он не выключит, как обычно, обогреватель, вряд ли будет слишком холодно.

— Так необычно идти одному без карты по незнакомому льду, — вновь произнес слабый голос.

— Верно, — ответил Арфлейн.

После небольшой паузы фризгальтиец хрипло, явно собрав последние силы, произнес:

— Я — лорд Петр Рорсейн. Многие оставили бы меня умирать на льду, даже из числа моих сограждан.

— Вы — благородный человек, — добавил он. Спустя мгновение, Главный корабельный лорд Фризгальта заснул.

— Возможно, всего лишь дурак, — произнес, покачав головой, Арфлейн. Он лег на пол, положив руки под голову, слегка нахмурился. Затем иронично улыбнулся. Как только он уснул, улыбка исчезла с его лица.

Глава 2

ЖЕНА УЛЬСЕННА

Спустя восемь часов после восхода солнца, Конрад Арфлейн увидел Фризгальт. Как и все Восемь Городов, он располагался ниже уровня льда, врезанный в подножке широкой природной расселины глубиной около мили. Его главные здания были сложены из кусков скал, начинавшихся несколькими футами ниже, хотя многие из складских помещений и верхних построек были сделаны из льда. Отчетливо просматривалась стена из ледяных блоков, окружавшая расселину и защищавшая вход в город от стихии и неприятеля.

Точное расположение города указывал частокол высоких корабельных мачт. Казалось, что прямо из льда протянулся лес с симметрично расположенными дерсвьями, каждая ветка которых шла параллельно земле: густой, тихий, даже пугающий лес. Бросающая вызов самой природе, воплощенная в жизнь мечта древнего геометра об идеально спланированном пейзаже.

Подойдя ближе, Арфлейн увидел пятьдесят или шестьдесят ледовых кораблей, бросивших на лед свои якоря. Их потрепанные непогодой фибергласовые корпуса несли на себе следы многовековых плаваний. Многие детали заменены на изготовленные из природного материала. Оси якорей были из моржового крыла, леера — из китового уса, такелаж представлял собой смесь нейлона, кишок животных и полос тюленьей кожи. Многие полозья также были сделаны из китового уса, как, впрочем, и рангоут, соединяющий их с корпусом.

На паруса шел подлинный синтетический материал, немалые запасы которого были в каждом городе. И все же его расход был жестко ограничен. Все корабли, кроме одного, что был готов к выходу, полностью убрали паруса.

Фризгальтийский док впечатлял: двадцать кораблей в длину и три в ширину. Новых кораблей в нем не было. В мире Арфлейна их попросту не из чего было строить. Все корабли были основательно потрепаны внешне, хотя и оставались еще крепкими мощными судами.

Благодаря различным украшениям, сделанным многими поколениями матросов, каждый парусник имел свой неповторимый облик.

Мачты, такелаж, палубы, лед вокруг кораблей были усыпаны одетыми в меха моряками. Они нагружали и разгружали суда, производили ремонт и несли вахту. Тюки перевязанной кожи, бочки и ящики были штабелями сложены около кораблей.

Под низким небом, сыплющим мелким снежком, лаяли собаки, кричали люди, разносился неповторимый запах кораблей, смешанный с запахом машинного и животного масла.

В отдалении выстроились в линию китобои. Они всегда держались отдельно от остальных кораблей, матросы чурались компаний торговцев, что, впрочем, радовало экипажи торговых судов: китобои Северного и Южного льда выбирали весьма буйные способы развлечений. Все они были довольно крупными и, проходя с десятифутовыми гарпунами на плечах, не замечали ничего вокруг себя. У них были густые окладистые бороды, заплетенные косичками и смазанные китовым салом, что придавало им довольно свирепый вид. Их меха стоили немало, под стать тем, что носила знать. Но обычно их вид не отвечал цене. Большую часть своей карьеры Арфлейн провел шкипером на китобое, и сейчас испытывал чувство товарищества по отношению к этим грубым людям.

В стороне от китобоев, большей частью трехмачтовых барков и баркентин, на покрытом маслом льду, стояли суда всех типов и размеров. Большинство торговых судов представляло собой трехмачтовые корабли с прямым парусным вооружением, но были среди них и двухмачтовые бриги и шхуны. По большей части они были окрашены в коричневые, черные и зеленые цвета.

Все охотничьи суда имели черные корпуса с пятнами засохшей крови на них, свидетельствовавшими о многочисленных китовых бойнях.

Арфлейн смог различить названия ближайших к нему судов. Ближе всех к нему стоял тяжелый трехмачтовый «Сухопутный кит» из Диобхабна, самого южного города Восьмерки, похожий на некогда обитавшее в море млекопитающее, много веков назад покинувшее постепенно захваченные льдом океаны. У него был широкий нос и постепенно сужавшийся к корме корпус. Он как будто присел на лед на коротких полозьях.

Рядом с ним стоял двухмачтовый бриг «Хейрфраст», названный именем мифического сына Ледовой Матери. С него сгружали тюленьи и медвежьи шкуры, видно, он только что вернулся из удачной экспедиции. Другой двухмачтовый бриг принимал бочки с китовым жиром, готовясь, как предположил Арфлейн, к торговому вояжу в надежде на удачу. Арфлейн знал бриг как ненадежный корабль, прошедший через руки многих владельцев. Тут же стояли и другие двухмачтовые бриги и трехмачтовые шхуны, каждая из которых была знакома Арфлейну. Он увидел баркентину «Ката-

рина Ульсенн» и ее сестру — «Настасию Ульсенн», принадлежащих могущественной фризгальтийской семье Ульсенн и названных так в честь ее матрон. Был здесь и брершилльский «Попрыгунчик», и еще один брершилльский изящный барк — охотник «Медвежья ищейка». Два торговых брига из Чаддергальта, ближайшего соседа Брершилла, корабли из Диобхабна, Аберсгальта, Фиоргсена и Кельтшилла, остальных городов Восьмерки.

Китобойным судам по традиции давали странные имена: Арфлейн узнал «Милашку», «Верную любовь», «Улыбающуюся леди», «Нежное прикосновение», «Мягкое сердце», «Доброту», «Удачу», «Счастливое копьё» и других. От кораблей исходил острый запах крови и мяса.

Так же вместе, но с другой стороны от китобоев, стояли ледовые клипперы, всем своим видом выражающие крайнее высокомерие. Это были быстроходные суда на изящных полозьях, фактические короли плато, превосходящие остальные суда по скорости более чем вдвое.

Наиболее высоким и изящным из всех этих четырехмачтовых клипперов был флагман фризгальтского флота «Ледовый дух». Его паруса были аккуратно свернуты. Каждый дюйм корабля блистал вычищенной костью, фибергласом, золотом, серебром, медью и даже железом. Элегантный парусник с четкими линиями немало удивил бы своего древнего создателя обилием украшений.

Его нос, бушприт и бак были украшены огромными продолговатыми черепами кашалотов. Клювоподобная пасть их ощерилась громадными зубами, свидетельствуя о мастерстве, храбрости и мощи их владельца, семьи Рорсейн. И хотя он был известен как шхуна, это был барк с прямыми парусами, по старой морской терминологии. Вначале все большие клипперы несли косое парусное вооружение, но для ледовой навигации оно оказалось малоприменимым и уступило место прямым парусам. Старое же название шхуны осталось. На каждой из четырех мачт развевался большой флаг Рорсейнов. Окрашенный полуязыческим художником в черный, белый, золотой и красный цвета, он олицетворял собой руки Ледовой Матери, окаймленные цветом медведя и кита, символом храбрости и жизни. Претенциозный флаг, подумал Арфлейн, приподняв на спине свою полумертвую ношу, и зашагал по направлению к кораблям.

Едва он подошел к доку, как один из кораблей отдал швартовку, и его огромный парус наполнился ветром. Развернувшись по ветру, судно грациозно заскользило на больших полозьях. Остановившись, Арфлейн приветствовал пронесшийся мимо него корабль. Это была «Снежинка» из Брершилла. Полозья скрипели на гладком льду при каждом повороте рулевого колеса, осуществляемого вахтенным рулевым. Несколько моряков узнали Арфлейна и, по-

виснув на тросе, ответили на его приветствие, остальные были заняты парусами. В чистом, морозном воздухе он услышал голос шкипера, отдающего команду в мегафон.

Проводив глазами уходящее на восток судно, Арфлейн испытал чувство горечи. Хороший корабль, один из тех, которые он с удовольствием принял бы под свое командование. Ветер наполнил его паруса, и «Снежинка» неожиданно подпрыгнула. Испуганные этим прыжком, черные и белые коршуны, до этого спокойно кружившие над судном, дико закричали и взмыли вверх.

Арфлейн воткнул гарпуны в лед и заскользил на лыжах между кораблями, избегая провожавших его удивленных взглядов моряков и направляясь к высокой ледяной стене, защищающей вход в город.

У главных ворот, по размеру достаточных, чтобы пропустить грузовые суда, стоял охранник, держа в руках костяной лук со стрелами наготове. Это был светловолосый юноша с беспокойным лицом. Откинутый на плечи меховой капюшон явно выдавал в нем новичка.

— Ты не фризгальтиец и не торговец с корабля,— произнес юноша.— Что ты хочешь?

— У меня на спине лорд Рорсейн,— ответил Арфлейн.— Куда отнести его?

— Лорд Рорсейн? — Охранник шагнул вперед и, опустив лук, заглянул в спальный мешок на спине Арфлейна.— А где остальные? Он мертв?

— Почти.

— Они ушли несколько месяцев назад, секретная экспедиция. Где ты нашел его?

— День пути на восток отсюда.— Ослабив ремни, Арфлейн опустил старика на лед.— Я оставляю его тебе.

Подумав, молодой человек произнес:

— Нет, оставайся здесь до прихода моего сменщика. Ты должен рассказать нам все, что тебе известно. Может, нам придется посылать спасательную партию.

— Но мне нечем помочь вам,— возразил Арфлейн.

— Пожалуйста, останься хотя бы для того, чтобы точно рассказать, как ты нашел его. Так будет лучше.

Арфлейн пожал плечами.

— Мне нечего рассказывать.— Нагнувшись, он потащил тело через ворота.— Но я подожду, если хочешь. Мне нужен мой спальник.

За воротами стояла вторая стена, сложенная из ледяных блоков, по высоте доходящая до груди человека. Заглянув через нее, Арфлейн увидел крутую тропинку, ведущую к первому уровню города. За ним, насколько хватало глаз, располагались другие

уровни. На противоположной стороне расселины Арфлейн увидел двери и окна домов жилого яруса. Многие из них были украшены затейливым орнаментом, вырезанным из кусков скалы. Более украшенные, чем жилые пещеры тысячелетие назад, эти допотопные дома весьма походили на первые постоянные укрытия далеких предков нынешних обитателей города. Возврат к такой форме существования был осуществлен несколько веков назад, когда стало невозможным строить дома на поверхности в связи с понижением температуры воздуха и повышением уровня льда. Первые обитатели расселин показали предвидение грядущих перемен, строя свои дома как можно ниже уровня льда, сохраняя таким образом тепло. Они же построили и ледовые корабли, зная, что при невозможности пополнения запасов топлива парусники будут наиболее практичным видом транспорта.

В узком переходе от второго уровня к первому Арфлейн увидел другого охранника, одетого в белую медвежью шкуру и вооруженного луком со стрелами. Он с трудом передвигался на шипованных сапогах, хотя они облегчали подъем и спуск по обледеневшим переходам, оснащенным лишь кожаной полоской ограждения.

Вновь прибывшему охраннику, старику с бесстрастным выражением лица, объяснили ситуацию, и он, молча кивнув, занял пост у ворот.

Присев на корточки, Арфлейн отстегнул лыжи и надел протянутые ему шипованные сапоги. Покончив с экипировкой, они подняли тело в мешке и начали осторожный спуск.

По мере их движения, свет с поверхности льда становился все слабее. Они шли мимо мужчин и женщин, переносивших товары для торговли наверх, а запасы пищи и шкуры вниз. Кое-кто из жителей узнали лорда Рорсейна. Арфлейн и его спутник игнорировали вопросы встречных и продолжали путь во все сгущающейся темноте.

Немало времени прошло, прежде чем они доставили тело лорда Рорсейна к уровню, находящемуся посредине расселины. Он туго освещался лампами, работающими на том же источнике энергии, который обогревал и жилые кварталы города. Источник этот располагался на самом дне расселины и был окутан религиозными слухами и догадками даже в среде фризгальтийской знати, обычно открыто высмеивающей мифы. Для ледовых жителей холод был естественным условием обитания, тепло же являлось неизбежным злом, служащим для поддержания жизни.

На Земле Ледовой Матери тепла не было вовсе, оно не нужно тем, кто пришел туда после смерти. Тепло может уничтожить лед, что с уверенностью доказывало его зло. По слухам, температура на дне расселины достигала огромных значений. Именно

здесь те, кто оскорблял при жизни Ледовую Мать, после своей смерти обращались в облачко пара.

Семья лорда Рорсейна занимала целый ярус города, по обеим сторонам расселины. Через пропасть был перекинут легкий мостик, сделанный из шкур и раскачивающийся и прогибающийся при переходе по нему. На другой стороне моста их ждал средних лет мужчина с квадратным лицом, одетый в желтую ливрею прилуги Рорсейнов.

— Что это у вас? — угрюмо спросил он, полагая, что Арфлейн и охранник принесли товары на продажу.

— Твой хозяин, — слегка улыбнувшись, ответил Арфлейн.

Он испытал чувство удовлетворения, увидев, как при этой новости изменилось лицо привратника.

Засуетившись, он пропустил их в низкую дверь, с вырезанным на ней гербом Рорсейнов. Прежде чем достигнуть приемного зала, им пришлось пройти еще две двери.

Большой зал был ярко освещен трубчатыми лампами, вделанными в стену. Здесь было жарко натоплено, и Арфлейн вспотел, ощущая физическое и моральное неудобство. Откинув капюшон, он развязал ремни плаща. Зал был богато обставлен: раскрашенные драпировки из тончайшей кожи на стенах, деревянные кресла, некоторые с матерчатой обивкой. Лишь однажды в жизни видел Арфлейн такое кресло. Кожа, как бы тонко она ни была выделана, никогда бы не выглядела так утонченно, как увиденные им сейчас шелк и лен. Без сомнения, они на протяжении многих веков хранились где-то на складе. Их соткали его предки, когда на суше еще была растительность. Арфлейн знал, что весь мир, включая звезды и луну, почти полностью состоял из льда. Однажды, следуя воле Ледовой Матери, даже теплые водоемы и скалистые пещеры, поддерживающие жизнь человека и животных, превратятся в лед — естественное состояние любой материи.

Привратник в желтой форме ушел, но тут же вернулся в сопровождении высокого мужчины, ростом почти с Арфлейна. У него было тонкое лицо с поджатыми губами и голубыми глазами, белая кожа, как если бы он ни разу не выходил на поверхность. На нем была красная куртка с крепкими черными брюками из мягкой кожи.

Остановившись рядом с бесчувственным телом Рорсейна, он задумчиво оглядел его. Затем, подняв глаза, неприязненно осмотрел Арфлейна. Потом посмотрел и на охранника.

— Очень хорошо, — произнес он. — Можете идти.

Тон его возмутил Арфлейна. Он повернулся к выходу, ожидая, хотя и не желая этого, хотя бы формальных слов благодарности.

— Останься, незнакомец, — произнес высокий. — Я имел в виду только охранника.

Охранник ушел, а Арфлейн смотрел, как уносят тело старика.

— Мне бы хотелось получить назад мой спальник...

— Что с лордом Рорсейном? — перебил его мужчина.

— Вероятно, умирает. Другой бы умер. Но он, возможно, выживет. В крайнем случае, потеряет несколько пальцев на руках и ногах.

Собеседник Арфлейна кивнул.

— Я — Янек Ульсенн, — сказал он, — зять лорда Рорсейна. Мы благодарим вас. Как вы нашли лорда?

Арфлейн кратко объяснил.

Ульсенн нахмурился.

— Больше ничего он не говорил?

— Чудо, что он нашел в себе силы сказать то, что сказал.

Возможно, Арфлейну мог бы понравиться старик, но никогда, и он знал это, ему не будет нравиться Ульсенн.

— В самом деле? — Ульсенн на мгновение задумался. — Хорошо, я прикажу, чтобы вы получили награду. Тысяча хороших медвежьих шкур устроит вас?

— Я помог старику из уважения к его смелости, — резко произнес Арфлейн. — Мне не нужна награда.

Ульсенн, казалось, на мгновение удивился:

— Что же вы хотите? Я вижу, что вы из другого города. Вы не аристократ, что же... — Он явно смутился. — Невиданно, чтобы человек, не ведающий кодекса чести, совершил то, что выпало на вашу долю. Даже любой из нас подумал бы, прежде чем спасти незнакомца.

В его последних словах прозвучал вызов. Казалось, его возмущала сама идея спасения аристократа простолюдином.

Арфлейн пожал плечами.

— Мне понравилась его храбрость.

Он повернулся было к выходу, но в этот момент справа от него открылась дверь, и в зал вошла черноволосая женщина в тяжелом платье синего и желтого цветов. У нее было вытянутое бледное лицо, голубые глаза, в походке чувствовалось природное изящество. Вопросительно нахмурившись, она бросила взгляд на Ульсенна.

Коротко кивнув, Арфлейн взялся за дверную ручку. У женщины оказался нежный, слегка взволнованный голос.

— Вы человек, спасший жизнь моему отцу?

Неохотно остановившись, Арфлейн обернулся к ней:

— Да, мадам, если он выживет, — бросил он.

— Это моя жена, — произнес Ульсенн.

Она приятно улыбнулась:

— Он хочет, чтобы я поблагодарила вас. Сам он выразит свою признательность, как только почувствует себя лучше. Он хотел бы, чтобы вы остались на это время здесь в качестве нашего гостя.

До этого момента Арфлейн не смотрел ей в лицо. Но сейчас, когда их глаза встретились, казалось, что она едва вздрогнула, но, впрочем, тут же овладела собой.

— Благодарю вас,— ответил он,— но, возможно, ваш муж считает излишним это гостеприимство.

Жена Ульсенна бросила на мужа взгляд, полный сердитого удивления.

Ульсенн вздохнул:

— Ерунда, он должен остаться, если так хочет ваш отец. Кроме этого, лорд Рорсейн — глава дома. Я прикажу Освальду принести ему все необходимое.

— Может быть, наш гость предпочтет отобедать с нами,— резко произнесла она.

Арфлейн понял, что женщина хочет смутить своего мужа в присутствии незнакомца-простолюдина. В отношениях супругов четко проглядывала враждебность.

— Ах, да,— едва слышно пробормотал Ульсенн.

Устав от их перепалки, Арфлейн любезно сказал:

— С вашего разрешения, я поем в отеле для торговцев, и там же отдохну. Я слышал, что на шестнадцатом уровне хорошие отели.

Об этом ему сообщил охранник, когда они проходили мимо.

Женщина тихо произнесла:

— Пожалуйста, останьтесь у нас. После всего...

Арфлейн кивнул и вновь посмотрел прямо на нее, пытаясь определить причину ее настойчивости. Эта женщина — не чета своему мужу, решил он. Внешне она до некоторой степени напоминала своего отца. Арфлейн заметил в ней качества, которые восхитили его в старике, но сейчас он не хотел оставаться здесь. Она избегала его взгляда.

— Что ж, кого спрашивать в отеле?

— Капитан Конрад Арфлейн,— грубо ответил он,— из Брершилла. Да хранит вас Ледовая Мать.

Затем, коротко кивнув им обоим, он вышел из зала и прошел через все три двери, громко хлопнув последней.

Г л а в а 3 «ЛЕДОВЫЙ ДУХ»

Вопреки своим привычкам Конрад Арфлейн решил дожждаться разговора со стариком, прежде чем покинуть Фризгальт. Он не знал, почему пришел к такому решению, но если бы его спросили

об этом, причиной он назвал бы нежелание потерять хороший спальник. Ни за что на свете он не признался бы, что истинной причиной его задержки была Ульрика Ульсенн.

Большую часть времени он бродил среди кораблей. Будучи слишком упрямым, он не давал о себе знать, ожидая, что Рорсейны сами найдут его.

Несмотря на сильную неприязнь к Янеку Ульсенну, Арфлейн думал, что понимает его лучше, чем любого другого фризгальтийца. Ульсенн не был типичным представителем фризгальтийской знати, забывающей суровый и надменный кодекс чести своих предков. В других, более бедных городах старые традиции были еще сильны, хотя тамошние торговые короли и не обладали могуществом Рорсейнов и Ульсеннов. Арфлейн мог бы уважать Ульсенна хотя бы за нежелание смягчить, хоть и внешне, свою точку зрения. В этом у них было что-то общее. Арфлейн ненавидел следы постепенного изменения нравов, полусознательно подмечаемые им.

Смягчение суровых, но разумных законов выживания в стране льда иллюстрировалось даже его собственным поступком, когда он оказал помощь умирающему старику. На этом пути постепенной деградации их ждала катастрофа. Только люди типа Ульсенна могли бы предотвратить отказ от традиционных форм и норм поведения, традиционной религии и сложившихся веками представлений. И не было другого пути сохранить возможность жить в среде, абсолютно не подходящей для жизни. Как только общество начнет гнить, подумал Арфлейн, Ледовая Мать безжалостно сметет последних представителей человеческой расы.

То, что Арфлейн стал героем Фризгальта, было признаком сегодняшней обстановки. За сто лет до этого над его слабостью лишь посмеялись бы. Теперь же они поздравляют его, покровительствуют ему, как покровительствовали бы храброму животному, презирая его за силу и крайнюю бедность. Он ходил в одиночестве, избегая встреч, понимая, что лишь укрепляет их мнение о себе, как о грубом варваре.

На третий день он с завистливым восхищением осматривал «Ледовый дух». Когда он, нагнувшись, пролез под его швартовочные концы, кто-то окликнул его.

— Капитан Арфлейн.

Недовольно посмотрев вверх, он увидел перегнувшегося к нему через бортовое ограждение человека с бородой.

— Не хотите ли подняться на борт и осмотреть корабль, сэр?

Арфлейн покачал головой, но в это мгновение перед ним на лед упала кожаная лестница. Он нахмурился, не желая связываться с фризгальтийцами, но в то же время испытал жгучее

желание подняться на палубу почти мифического в стране льда судна.

Быстро сообразив, он ухватился за лестницу и поднялся на борт. Там его с улыбкой приветствовал бородатый мужчина, одетый в богатую куртку из меха белого медведя и прочные, тюленьей кожи брюки — полуофициальную форму всех корабельных офицеров Фризгальта.

— Я подумал, что вы бы не отказались осмотреть корабль, сэр. — Его улыбка была открытой, без малейшего намека на снисходительность. — Моя фамилия Потчнефф, я второй офицер «Ледового духа».

У него было сравнительно молодое лицо, мягкие светлые волосы, но сильный и твердый голос.

— Благодарю, — ответил Арфлейн. — Но, может быть, сначала надо спросить разрешения у капитана?

Командуя собственным кораблем, он строго придерживался такого порядка.

Потчнефф улыбнулся:

— На «Ледовом Духе» нет капитана как такового. Обычно им командует лорд Рорсейн, а когда его нет на борту, кто-либо назначенный им. В данном случае, думаю, он был бы не против.

Арфлейн слышал о таком порядке и был недоволен им. По его мнению, у корабля должен быть постоянный капитан, человек, проводящий большую часть жизни на борту. Только так можно получить полное представление о корабле, понимая, что можно ждать от него.

На корабле было три палубы, главная, средняя и полуют, все довольно небольшие, сделанные из фибергласа. Прибитые к нему костяные рейки обеспечивали хорошее сцепление ног с палубой. Большинство надстроек корабля было также из фибергласа, изношенного бесчисленными переходами на протяжении необозримого числа лет. Некоторые корабельные двери и люки были заменены дубликатами из склеенных друг с другом больших пластин моржовых клыков с затейливой резьбой на них. Местами кость пожелтела и выглядела такой же старой, как и фиберглас. От ограждений к вантам тянулись линии, сделанные из нейлона, кишок и кожи.

Арфлейн посмотрел вверх, пытаясь лучше определить размеры корабля. Мачты были такими высокими, что, казалось, исчезали где-то наверху. Он отметил, что корабль неплохо ухожен, каждый дюйм троса был настолько ровен, что он не удивился бы, увидев на вантах матросов, замеряющих углы гафеля. Паруса туго свернуты, равномерно по всей длине. Это был прогулочный корабль, и Арфлейн почувствовал обиду, вспомнив, что слишком

часто ходил на рабочих судах. Рядом с ним, также задрав голову, молча стоял Потчнефф.

— Скоро пойдет снег,— произнес второй офицер. Арфлейн кивнул. Ему больше нравилась снежная буря.

— Корабль содержится очень аккуратно,— сказал он.

Заметив тон сказанного, Потчнефф ухмыльнулся:

— Вы хотите сказать, слишком аккуратно. Возможно, вы правы. Мы должны занять экипаж. У нас было немного возможностей выйти на нем со времени отбытия лорда Рорсейна.— Через дверь из моржовой кости он провел Арфлейна на среднюю палубу.— Я покажу вам нижние помещения.

Каюта, куда они вошли, была обставлена намного роскошней, чем все каюты, виденные Арфлейном прежде. Тут стояли тяжелые сундуки, стол из китового уса и кресла с костяным каркасом, обтянутые тканью. Следующая дверь вывела их в узкий коридор.

— Это каюты капитана и его гостей,— объяснил Потчнефф, показывая на различные двери.— Каюту, через которую мы прошли, занимаю я и третий офицер, Кристоф Хансен. Сейчас он на вахте, но хотел бы встретиться с вами.

Казалось, они идут вечно. Арфлейн начал думать, что он потерялся в громадном, размером с город, лабиринте — так велик был корабль. Помещения для экипажа чистые и просторные. Сейчас они были полупустыми, поскольку лишь небольшая часть команды находилась на борту. Большинство иллюминаторов из натурального, толстого небьющегося стекла. Проходя мимо одного из них, Арфлейн заметил, как темно стало на улице. Большими хлопьями на лед падал снег, снизив видимость до нескольких ярдов.

Как он завидовал Потчнеффу! Будь у Брершилла хоть одно такое судно, думал Арфлейн, город вскоре вернул бы себе утерянное ныне положение. Возможно, он должен был благодарить Фризгальта, что тот не использует «Ледовый дух», иначе вся торговля была бы в его руках.

Они поднялись на верхнюю палубу. Там стоял пожилой мужчина, казалось, не замечивший их появления. Он внимательно смотрел на расположенное на средней палубе рулевое колесо, но его вид показывал, что он целиком отдался своим мыслям. Наконец он обернулся к ним. Его борода заиндевела, меховой капюшон почти закрывал глаза. Куртку он застегнул на все ремни, а на руки надел рукавицы. На его плечах лежал снег.

— Это наш третий офицер, Кристоф Хансен,— похлопав человека по плечу, произнес Потчнефф.— Встречай спасителя лорда Рорсейна, Кристоф.

Кристоф задумчиво кивнул Арфлейну. У него было коршуноподобное лицо с круглыми глазами и изогнутым носом.

— Вы капитан Арфлейн. Вы командовали «Северным ветром»?

— Удивлен, что вам известно об этом,— ответил Арфлейн.— Я ушел с него пять лет назад.

— Да. Помните корабль «Таня Ульсенн», который вы спихнули прямо на ледяные заторы к югу отсюда?

Арфлейн рассмеялся:

— Помню. Мы гнались за сотней китов. Остальные выбыли из игры, остались только мы и «Таня». Поскольку «Таня», уткнувшись в заторы, это путешествие оказалось довольно прибыльным для нас. А вы были на ее борту?

— Я был капитаном. Из-за вашего фокуса я потерял место.

Тогда Арфлейн действовал согласно кодексу ледовых моряков, но сейчас он искал следы возмущения на лице Кристофа. Их не было.

— Это были лучшие времена для меня,— сказал Арфлейн.

— И для меня тоже,— хихикнул в ответ Кристоф.— Наши победы, поражения в конечном счете привели к одинаковому результату. Вы лишились корабля, а я — третий офицер на борту этой весь день не встающей с постели потаскушки.

— Она должна ходить,— оглянувшись, произнес Арфлейн.— Ее стоимость раз в десять больше любого другого корабля.

— День, когда эта шлюха выйдет в море, будет днем конца света! — Кристоф с отвращением топнул ногой по палубе.— Знаете ли, однажды я попытался повторить ваш трюк. Я был вторым офицером на «Хейрфрасте». Капитана захлестнул лень от гарпуна, и я занял его место. Вы знаете старого охотника «Хейрфраста»?

Арфлейн кивнул.

— Так вот, пока вы не почувствовали его — он тяжел в управлении, затем с ним чувствуешь себя легко и надежно. Через год или около того мы соревновались с двумя бригадами из Аберсгальта. Один перевернулся прямо перед нами, и пока мы обходили его, второй вырвался вперед. Каким-то образом мы смогли достать его, и тут впереди по курсу я увидел заторы. Я решил попробовать загнать на них нашего соперника.

— И что же произошло? — улыбаясь, спросил Арфлейн.

— Мы оба влетели на них, у меня нет вашего чувства времени. За это меня списали на эту окаменевшую корову. Теперь я понимаю, что ваш трюк был намного сложнее, чем показалось вначале.

— Мне просто повезло,— сказал Арфлейн.

— Но вы успешно использовали эту тактику и раньше. Вы были хорошим капитаном. Обычно мы, фризгальтийцы, не признаем, что существуют моряки лучше, чем мы сами.

— Благодарю,— произнес Арфлейн, не в силах устоять перед похвалой старика. Он начинал чувствовать себя в компании этих людей все свободнее.— Насколько я помню, вы почти вырвались из ловушки.

— Почти,— вздохнул Хансен.— Сейчас плавание под парусами уже не то, что было раньше, капитан Арфлейн.

Арфлейн согласно кивнул.

Потчнефф улыбнулся и поднял капюшон. Снег шел такой густой, что было почти невозможно различить силуэты ближайших кораблей. Стоя в наступившей тишине, Арфлейн подумал, что во всем мире остались лишь они одни, настолько снег заглушал остальные звуки.

— Со временем мы все реже будем видеть такую погоду,— задумчиво произнес Потчнефф.— Теперь снег идет лишь раз в десять-пятнадцать дней. Мой отец помнит, раньше снег шел так часто, что это длилось почти все лето. А зимой ветры были намного жестче.

Хансен стряхнул снег с куртки.

— Ты прав, парень. С тех пор как я был молодым, мир стал теплее. Через несколько веков, поколений мы будем ходить на кораблях почти по голой земле.

Они рассмеялись шутке.

— Не говорите того, что не должна слышать Ледовая Мать, друзья. Кроме того, то, что вы говорите,— неверно. Так или иначе, климат меняется из года в год, но на протяжении многих лет становится все холоднее. Это неизбежно. Мир умирает,— возразил Арфлейн.

— Так думали наши предки и выразили свои идеи в образе Ледовой Матери,— улыбаясь, сказал Потчнефф.— Но что, если Ледовой Матери вовсе нет? Предположим, что солнце разогревается все больше и мир возвращается к своему прежнему состоянию. Что, если это всего лишь один период оледенения Земли? Об этом говорится в некоторых старых книгах, капитан.

— Я назвал бы это богохульством и чепухой,— резко ответил Арфлейн.— Вы сами знаете, что эти книги содержат многое такое, что заведомо неверно. Единственная книга, которой я верю,— книга Ледовой Матери. Она пришла из центра Вселенной, принесла с собой очистительный лед. Читайте что хотите, говорите, что Ледовой Матери не существует, но вы должны признать — даже старые книги говорят о том, что тепло должно исчезнуть.

Хансен бросил на него иронический взгляд.

— Последователи Ледовой Матери говорят: все должно замерзнуть, но знаете, у нас во Фризгальте ученые наблюдают за погодой. Именно благодаря им мы обрели свое могущество. Они утверждают, что за последние два-три года уровень льда снизился

на несколько единиц, в один прекрасный день солнце разгорится с новой силой и растопит лед. Они говорят, что солнце уже начало нагреваться, что жизнь, которую мы находим в теплых разводах, должна появиться, что она уже появилась, возможно, на островах в море.

— Но морей нет!

— Ученые полагают, что мы бы не выжили, если бы где-то не было морей и этих растений на островах.

— Нет! — Арфлейн отвернулся от Хансена.

— Вы говорите — нет? Но разум подсказывает, что это правда.

— Разум? — фыркнул Арфлейн. — В том, что вы говорите, нет логики. Вы всего лишь лепечете жалкое подобие идеи, в которую хотели бы верить. Ваш образ мыслей принесет вам несчастье.

Хансен покачал головой.

— Я понимаю это как непреложный факт, капитан Арфлейн. Мы становимся мягче, а вместе с нами и лед. Мы чувствуем приближение новой жизни, именно поэтому меняются наши представления. Я не хочу перемен, потому что никогда бы не смог полюбить иной мир, нежели тот, который я знаю. Я умру в моем мире, но что потеряют наши потомки? Ветер, снег и лед, вид уносящейся прочь стаи китов, полет гарпуна, упоение битвы под красным солнцем, вмороженным в голубое небо? Где все это будет, когда ледовая страна превратится в грязную землю с хрупкой зеленью на ее поверхности? Что будет с людьми? Все, что мы любим, будет забыто в этом грязном, горячем, нездоровом мире. Каким беспорядочным будет мир. Но он будет именно таким!

Арфлейн хлопнул по поручню ограждения, сбив с него снег.

— Вы безумец! Как этот мир может измениться?

— Может быть, вы и правы, — мягко ответил Хансен. — Но то, что я вижу, — безумец я или нет, — неизбежно.

— Вы отрицаете законы природы? — насмешливо произнес Арфлейн. — Даже глупец признает, что ничто, однажды остывнув, нагреться само по себе уже не может. Я понимаю ваши доводы. Но они обманчивы. Смерть, Кристоф Хансен, лишь одна смерть неизбежна. Однажды уже были грязь, зелень, жизнь, — я признаю это. Но они исчезли. Неужели, умерев и остывнув, человек вновь оживает со словами: «Я умер, но я вновь жив!» Неужели вы не видите, как логика обманывает вас? Существует ли Ледовая Мать, или она всего лишь символ существующей реальности, ее следует почитать в любом случае. Иначе мы погибнем раньше, чем следует. Вы думаете, я — одержимый религией варвар, но в том, что я говорю, — истина.

— Я завидую вашему умению оставаться при своих убеждениях, — спокойно произнес Хансен.

— А я сожалею о вашем ненужном пессимизме.
Потчнефф смущенно тронул Арфлейна за руку.
— Может, мы продолжим осмотр корабля, капитан?
— Благодарю вас,— резко ответил Арфлейн.— Но я увидел уже все, что меня интересовало. Это хороший корабль. Не дайте ему сгнить.

Не обращая внимания на озабоченного Хансена, Арфлейн перешел на нижнюю палубу, перелез через ограждение и, спустившись по лестнице, пошел к подземному городу, утопая в снегу.

Г л а в а 4

ГОСТИНИЦА «РАЗРУШИТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ»

После посещения ледовой шхуны Конрад Арфлейн стал еще более нетерпимым в своем ожидании. До сих пор он еще не получил сообщения от Ульсеннов о состоянии лорда Рорсейна. Он же не пришел к окончательному решению относительно своих собственных дел, но все более склонялся к мысли поступить на ближайший корабль из Брершилла, пусть даже младшим офицером.

Каждый день он приходил на причал гигантского дока, избегая контакта с экипажами всех кораблей, включая «Ледовый дух».

На четвертое утро на горизонте показался трехмачтовый бриг. Под всеми парусами он мчался к доку, на его мачте развевался флаг Брершилла. Арфлейн улыбнулся, узнав «Нежную девчушку», китобой под командованием его старого друга, капитана Яраха Бренна. Казалось, что парусник ворвется в ту часть дока, где стояло большинство кораблей. Работавшие там люди в панике бросились прочь, полагая, что судно вышло из-под контроля. Однако, когда до дока осталось совсем немного, «Нежная девчушка» быстро и точно повернула по широкой дуге и, подняв рифы, скользнула в дальний конец строя кораблей, где уже стояли пришвартованные китобои. Арфлейн пошел по льду.

Тяжело дыша, он добрался до «Нежной девчушки» как раз в ту минуту, когда с нее сбросили швартовочные концы.

Ухмыльнувшись, Арфлейн выхватил у удивленного швартовщика костяной костыль и тяжелый железный молоток и начал загонять костыль в лед. Дотянувшись до ближайшего линя, он натянул его и крепко привязал к костылю.

С палубы судна Арфлейн услышал чей-то смех. Подняв голову, он увидел стоящего на краю палубы капитана Яраха Бренна.

— Арфлейн! Неужели ты опустился до швартовщика? Где твой корабль?

Пожав плечами, Арфлейн иронично развел руками, затем, схватившись за швартовы, начал раскачиваться на нем, ухватился

за леер ограждения и перебрался через него, встав рядом со старым другом.

— Корабля нет,— ответил он.— Отдан за долги фризгальтийскому торговцу.

Бренн соболезнующе кивнул:

— Полагаю, что ты не последний. Тебе следовало бы остаться китобоем. Что бы ни случилось, для них всегда найдется работа. А ты до сих пор не женился? — затараторил он.

Бренн намекал на эпизод, случившийся шесть лет назад. Арфлейн, желая угодить девушке, на которой он хотел жениться, нанял торговую команду. Только после этого необдуманного шага он понял, что не хочет связывать свою жизнь с женщинами, предъявляющими такие требования.

Грустно улыбнувшись, он вновь пожал плечами.

— Мне не везет, Бренн, сомневаюсь, что я смог бы теперь выследить хотя бы одного кита.

Его друг, невысокий коренастый мужчина с круглым румяным лицом и пушистой бородой, был одет в тяжелый черный мех. Его седеющие волосы были подстрижены слишком коротко для китобоя, но мозоли на руках мог оставить только гарпун. Бренн был известным шкипером в полях как Северного, так и Южного льдов. Сейчас, судя по такелажу, он охотился в Северных льдах.

— Не везет не только тебе,— с отвращением сплюнул Бренн.— Наши трюмы почти пусты. Два бычка и старая корова — весь наш улов. У нас кончилось продовольствие, я хотел продать груз и, пополнив запасы, попытать счастья в Южных льдах. Все труднее искать китов на севере.

Бренн был один из немногих, кто охотился как на севере, так и на юге. Большинство китобоев предпочитали охотиться в одном регионе, поскольку специфика охоты была различной в разных местах. Но Бренн никогда не обращал на это внимания.

— Неужели везде так плохо? — спросил Арфлейн.— Я слышал, что даже тюленей и медведей стало меньше, а моржей не видели уже два сезона.

Бренн поджал губы.

— С помощью Ледовой Матери невезение кончится.

Похлопав Арфлейна по плечу, он отправился на нижнюю палубу, чтобы проследить за разгрузкой нижнего трюма. По кораблю разносился запах китовой крови и воровани.

— Взгляни на нашу добычу,— сказал он последовавшему за ним Арфлейну.— Мы даже не свежесвали их. Затащили на корабль и загрузили трюм целыми тушами.

Свежевание на жаргоне китобоев означало разделение туши кита на части. Как правило, кита разделывали на льду, а затем

куски туши при помощи лебедки загружали в трюм. Коль это не понадобилось, улов действительно был мизерным.

Ухватившись за трос, Арфлейн заглянул внутрь трюма и смог различить там замороженные туши трех китов. Он покачал головой. Трех вряд ли хватило бы, чтобы вновь обеспечить корабль продовольствием на длительный рейс к Южным льдам.

Бренн кричал что-то матросам, и они начали спускаться в трюм. Китобои были явно чем-то подавлены и работали чрезвычайно медленно. После каждого рейса доход от улова делился между членами экипажа, доля каждого зависела от количества и размеров пойманных китов. Обычно китобои возвращались в док, имея кучу денег в кармане, тратя их напропалую. При безденежье они становились мрачными и задиристыми. Арфлейн понимал, что Бренн должен приложить немало усилий, чтобы держать команду в подчинении во время стоянки во Фризгальте.

— Где ты остановился? — спокойно спросил он, наблюдая за поднимаемым из трюма первым бычком. На его туловище виднелись следы четырех или пяти гарпунов. Четыре больших плавника приходили в движение при каждом покачивании талей. Как и у всех молодых сухопутных китов, на его теле вырос лишь небольшой волосяной покров. Обычно киты обрастали жесткой шерстью к моменту созревания, в возрасте трех лет. В данном случае бычок длиной двенадцать футов весил всего несколько тонн.

Бренн вздохнул.

— У меня хороший кредит в «Разрушителе кораблей». Каждый раз я выплачивал хозяину небольшую сумму от полученной прибыли. Так что, по крайней мере, несколько дней мои люди будут неплохо устроены, пока мы вновь выйдем в рейс. Все зависит от того, какую сделку предложат мне торговцы и как скоро она состоится. Уже завтра я начну искать наилучшее предложение.

«Разрушитель кораблей», как и большинство гостиниц для китобоев, был назван в честь знаменитого кита. Эта далеко не лучшая гостиница города была сложена не из камня, а из льда. Арфлейн понимал, что выбрал для своего вопроса довольно неподходящий момент. Бренн, вероятно, пустил в дело все свои сбережения, чтобы пополнить запасы продовольствия для охоты в Южных морях.

Стрелы пронзительно закрипели, переноса тушу бычка через борт.

— Возможно, кто-то захочет их взять прямо сейчас. Чем скорее, тем лучше.

— Принимай командование, Олаф, — крикнул Бренн своему первому офицеру, высокому худому мужчине по имени Олаф Бер-

гсенн.— Я иду в «Разрушитель кораблей». По окончании приведи команду туда. Ты сам знаешь, кого оставить на вахте.

Не изменяя выражения на мрачном лице, Бергсенн кивнул и по залитой кровью палубе отправился к месту разгрузки.

Под взглядами мрачных гарпунщиков Бренн с Арфлейном спустились по трапу на лед. По традиции только капитаны могли покидать судно до окончания разгрузки.

При входе в город охранник, узнав Арфлейна, пропустил их без вопросов. Они спустились по тропинке, которую густо усеивали мелкие осколки, вмерзшие в лед. Веребочное ограждение над обрывом изрядно вытерлось. На другой стороне расселины, чуть ниже, Арфлейн разглядел спящих вверх и вниз людей. На каждом уровне через пропасть пролегал веребочный мостик.

Во время спуска Бренн несколько раз молча улыбался Арфлейну. Поразмыслив, Арфлейн решил было покинуть своего друга в гостинице, но тот возразил.

— Мне не хотелось бы упускать случая поговорить с тобой, Арфлейн. Я переговорю с Флетчем, затем мы закажем пиво, и я расскажу тебе о своих передрягах и выслушаю твой рассказ.

На третьем уровне было три гостиницы для китобоев. Пройдя мимо первых двух — «Короля Хердара» и «Убийцы Переа», — они подошли к «Разрушителю кораблей». Как и в остальных гостиницах, дверной проем представлял собой огромную китовую челюсть.

Открыв обшарпанную дверь, они вошли в холл гостиницы. Стены были задрапированы грубо выделанными китовыми шкурами. В воздухе стоял густой аромат эля, китового мяса и человеческого пота. Рядом с картинами, изображающими китов и китобоев на кораблях, на стенах висели копыя, китовый череп, гарпуны, трехфутовые клинки с широкими лезвиями, используемые для разделки китов. Некоторые гарпуны были изогнуты самым причудливым образом, что напоминало о смертельной схватке человека с животным.

За тесно расставленными столами сидели китобои. Перед ними стояли кружки с пивом из растений, найденных в теплых водоемах. Пиво было чрезвычайно горьким, и лишь китобои могли пить его, не выражая признаков отвращения.

Арфлейн с Бренном протиснулись к маленькой стойке, у которой расположился Флетч, хозяин «Разрушителя». Долгие годы он промыслял китов. Ростом выше Арфлейна, он невероятно разжирел. У него был один глаз, одно ухо, одна рука и одна нога, как если бы однажды гигантский нож отсек целиком его бок. Эти увечья были результатом схватки с китом, прозванным «Разрушитель кораблей», в которого он первым вонзил свой гарпун. Кита все-таки забили, но Флетч навсегда выбыл из игры и на

свою долю купил гостиницу. В память о своей добыче он назвал гостиницу его именем.

Он сделал из китовой кости протезы, треугольник китовой скуры закрывал его пустую глазницу.

Взглянув уцелевшим глазом на посетителей, он поднял руку, приветствуя их.

— Капитан Арфлейн, капитан Бренн.

Его высокий неприятный голос как будто с трудом пробивался через жир, окружавший глотку человека. Многочисленные подбородки слегка двигались, но различить, с каким чувством он их приветствовал, было невозможно.

— Доброе утро, Флетч,— сердечно произнес Бренн.— Ты помнишь пиво и жратву, которыми я снабжал тебя все время?

— Помню, капитан Бренн.

— Мне нужен кредит на несколько дней. Моим людям требуется еда, спиртное и шлюхи до тех пор, пока я буду готов отправиться к Южным льдам. Мне не повезло на севере. Я прошу тебя вернуть мне лишь то, что ты должен, не более.

Разжав толстые губы, Флетч подвигал челюстью.

— Ты получишь это, капитан Бренн. Ты не раз выручал меня в трудное время. У твоих людей будет все, что ты просишь.

Бренн облегченно улыбнулся. Казалось, что он ждал отказа.

— Мне нужна комната для себя,— сказал он и повернулся к Арфлейну.— Где ты остановился?

— У меня комната в гостинице несколькими уровнями ниже,— ответил Арфлейн.

— Сколько человек в твоей команде, капитан? — спросил Флетч.

Бренн ответил на этот и другие вопросы хозяина. Расслабившись, он окинул гостиницу взглядом, остановившись на нескольких картинах.

В это время из-за соседнего стола поднялся мужчина и, сделав несколько шагов, остановился рядом с ними.

В одной руке он держал тяжелый массивный гарпун, другую положил на бедро. Даже при столь слабом освещении было заметно, как сильно потрепали его лицо ветер, солнце и мороз. Кожа плотно обтянула кости черепа, выдававшиеся подобно шпангоутам корабля. У него был длинный узкий нос, под правым глазом проходил глубокий шрам, еще один шрам был на левой щеке. Черные волосы уложены наподобие усеченной пирамиды. Его странная прическа была смазана свернувшейся ворванью, распространявшей вокруг себя сильный запах.

— Я слышал, вы собираетесь идти к Южным льдам, шкипер? — произнес он глухим грубым голосом.

— Да.— Бренн оглядел мужчину с ног до головы.— Но моя команда укомплектована, по крайней мере настолько, насколько позволяют мои финансы.

Мужчина кивнул и сплюнул жвачку в плевательницу рядом со стойкой.

— Я не прошу места, шкипер. Напротив, капитаны сами просят меня идти с ними. Я — Уркварт.

Выражение лица Бренна резко изменилось.

— Уркварт Длиннос Копье. Я рад встрече с вами.

Уркварт был величайшим гарпунщиком за всю историю ледовой страны. Поговаривали, что он самолично убил более двадцати китов.

Как бы принимая комплимент, Уркварт слегка наклонил голову. Снова сплюнув, он задумчиво оглядел китовый череп.

— Я человек Южных льдов. Слышал, что вы в основном охотитесь на севере?

— Как правило,— согласился Бренн.— Но я знаю, что на юге не хуже.

В его тоне слышались нотки изумления, хотя из вежливости либо по другим причинам, он не спросил, почему Уркварт обратился именно к нему.

Обхватив гарпун большими костистыми руками, Уркварт закусил губу. Длина гарпуна достигала десяти футов, на его конце висело большое металлическое кольцо, к которому привязывался линь.

— В этом году многие северяне отправились на юг,— сказал Уркварт.— Но рыбы оказалось не так много, капитан.

Китобои, в особенности гарпунщики, часто называли китов «рыбой», выражая тем самым пренебрежение к гигантским животным.

— Вы хотите сказать, что и там плохо с охотой? — помрачнел Бренн.

— Не так плохо, как на севере,— медленно произнес Уркварт.— Говорю это вам, потому что вы, похоже, собрались идти на риск. Я видел многих шкиперов, и часто неплохих, поступавших так же. Говорю вам по-дружески, капитан Бренн, удачи нет ни на севере, ни на юге. За весь сезон ни одного приличного стада. Рыба уходит дальше на юг, за пределы нашей досягаемости. Корабли преследуют ее все дальше и дальше, так что скоро запасов продовольствия уже не будет хватать.— Помолчав, Уркварт добавил: — Рыба уходит.

— Почему вы мне говорите об этом?

— Потому что вы друг Конрада Арфлейна,— ответил Уркварт, не глядя на Арфлейна.

Арфлейн был поражен.

— Вы не знаете меня...

— Зато я знаком с вашими поступками,— пробормотал Уркварт, глубоко вздохнув. Пружинящим шагом он направился к дверям и, нырнув в них, исчез.

Бренн фыркнул и переступил с ноги на ногу. Нахмурившись, он посмотрел на друга.

— О чем он говорил?

Арфлейн откинулся на стойку.

— Не знаю, Бренн. Но если Уркварт предупреждает, что на юге дела идут плохо, к этому стоит прислушаться.

Бренн невесело рассмеялся.

— Я не могу себе позволить прислушиваться к этому, Арфлейн. Всю ночь я буду молить Ледовую Мать подарить мне удачу. Это все, что в моих силах.

Его голос перешел на крик.

Флетч поднялся за стойкой, наблюдая за ними единственным глазом. Бренн потребовал китовый бифштекс с семенами сека и бочонок пива к нему.

Позже, когда пришли люди Бренна, Арфлейн уже сидел за столом напротив Бренна. Время от времени они наполняли кружки из стоящего рядом бочонка с пивом.

Вопреки ожиданиям пиво не улучшало настроения, хотя Бренн пытался держаться бодро.

Облокотившись на стол, он произнес:

— Уркварт — паникер, если не сумасшедший. Ему мерещится неудача. Я здесь уже несколько дней, и я видел, как разгружают улов. Конечно, он меньше, чем раньше, но ненамного. У нас бывало так. Случалось, что так продолжалось несколько сезонов, но затем к нам снова приходила удача. Владельцы волновались, но...

Бренн оторвался от кружки.

— Послушай, Арфлейн, теперь я сам себе хозяин. «Нежная девчушка» принадлежит мне. Я купил ее два сезона назад.— Он вновь грустно рассмеялся.— Я думал, что, поступив так, действую разумно. У меня нет выбора. К тому же команда согласна рискнуть вместе со мной. А что теперь? У них, как и у меня, жены и дети. Передать им слова Уркварта?

— Не стоит,— тихо произнес Арфлейн.

— Куда уходит рыба? — произнес Бренн, поставив кружку.— Что происходит?

— Уркварт сказал, что она идет на юг. Возможно, что выигрывает тот, кто поймет, как выжить, носясь за нею, обходясь лишь тем, что найдет во льдах... Там, на юге,— темные, теплые водоемы...

— Могут ли они помочь нам в этом сезоне?

— Не знаю.— Арфлейн вспомнил о разговоре на борту «Ледового духа» и помрачнел.

В зале появились шлюхи Флетча. Он никогда ничего не делал наполовину. Для каждого, включая Арфлейна с Бренном, была девушка. К ним подошла восемнадцатилетняя Катарина, младшая дочь Флетча. За руку она держала симпатичную темноволосую Маджи.

— Вот кто растормошит тебя,— веселым голосом произнес Арфлейн.

Прижав к себе Маджи, Бренн оглушительно захохотал над грубоватой репликой друга. Опытная Маджи без труда вернула Бренну радостное мироощущение. Усадив ее к себе на колени, он начисто забыл о неприятностях.

Катарина тесно прижалась к Арфлейну, который перебирал пальцами ее волосы и улыбался ей.

Час был поздний. В спертom и жарком воздухе гремели голоса пьяных китобоев. Кроме людей Бренна в «Разрушителе кораблей» веселились матросы двух кораблей из Фризгальта. Окажись среди них хотя бы пара южан — быть потасовке, но эти северяне, казалось, ладили с парнями Бренна.

Внезапно открылась входная дверь, впустив поток холодного воздуха, что заставило Арфлейна поежиться. В зале воцарилась тишина. Дверь с шумом захлопнулась, и между столами прошел мужчина среднего роста, закутанный в тяжелый плащ из тюленьей шкуры.

Он не был китобоем. Это было видно по покрою плаща, по качеству одежды, по манере ходить. Его черные короткие волосы были подстрижены челкой над самыми глазами. На правой руке красовался браслет и серебряное кольцо. Он шел небрежно, хотя и с некоторой долей осторожности, иронично улыбаясь уголком рта. Он был красив и довольно молод. Наконец он приветственно кивнул наблюдавшим за ним матросам.

Один из гарпунщиков, коренастый детина, рассмеялся в лицо юноше, засмеялись еще несколько матросов. Подняв брови и наклонив голову, юноша холодно посмотрел на них.

— Я ищу капитана Арфлейна.— В интонации юноши явно слышалось высокомерие фризгальтийского аристократа.— Я слышал, что он здесь.

— Арфлейн — это я. Что вы хотите? — Арфлейн враждебно оглядел юношу.

— Я — Манфред Рорсейн. Могу я присоединиться к вам?

Арфлейн пожал плечами, и Рорсейн сел на скамью рядом с Катариной Флетч.

— Выпейте.— Арфлейн подвинул свою кружку. При этом понял, что уже сильно пьян. Рорсейн покачал головой.

— Нет, благодарю вас, капитан, я не в настроении. Если можно, мне хотелось бы поговорить с вами наедине.

Почувствовав внезапное раздражение, Арфлейн произнес:

— Нет, мне нравится компания моих друзей. А что делает Рорсейн в такой забегаловке?

— Очевидно, ждет вас,— театрально вздохнул Манфред Рорсейн.— Причем, ищу вас даже в такой поздний час, настолько это важно. Я вернусь сюда утром. Извиняюсь за вторжение, капитан.

Он бросил циничный взгляд на Катарину.

Идя к двери, он споткнулся о выставленный кем-то гарпун. Он попытался удержаться на ногах, но другой гарпун ударил его в спину. Под хриплый смех китобоев он упал на пол.

Громадный гарпунщик, тот, что первым рассмеялся над ним, поднявшись из-за стола, схватил его за воротник. Плащ соскользнул с плеч юноши, и гарпунщик, пьяно смеясь, отшатнулся. Еще один, высокий, рыжий парень, потянулся к куртке. В это время Рорсейн перевернулся и, по-прежнему иронически улыбаясь, попытался подняться на ноги.

Подавшись вперед, Бренн попытался разглядеть, что происходит. Наконец он бросил взгляд на Арфлейна.

— Может, нужно остановить их?

Арфлейн покачал головой.

— Он сам виноват. Довольно глупо с его стороны приходить сюда.

— Я тоже никогда не слышал о таких посещениях,— согласился Бренн.

Рорсейн был уже на ногах и протянул руку за плащом.

— Благодарю вас за плащ,— весело произнес он.

— Плата за развлечение,— ухмыльнулся гарпунщик.— Можешь идти.

Сложив руки на груди, Рорсейн прищурился. Арфлейн восхитился его выдержкой.

— Кажется,— тихо произнес Рорсейн,— я доставил вам большее развлечение, чем вы мне.

Порывисто встав, Арфлейн протиснулся к гарпунщику.

— Отдай ему плащ, приятель,— произнес он заплетающимся языком.— Продолжим нашу выпивку. Парень не стоит такого внимания.

Не обращая внимания на Арфлейна, гарпунщик продолжал ухмыляться. Подавшись вперед, Арфлейн выхватил плащ него из рук. Гарпунщик замычал и нанес Арфлейну удар в лицо. Бренн закричал что-то и бросился к Арфлейну. Возможно ободренный вмешательством Арфлейна, Рорсейн потянулся за плащом. Рыжий парень ударил юношу, и тот упал.

Мгновенно протрезвев от полученного удара, Арфлейн схватил гарпунщика за плечо и нанес ему сильный удар в челюсть. Бессвязно крича, Бренн пытался остановить потасовку, пока она не зашла слишком далеко.

Фризгальтийские китобои сердито закричали, вероятно, заняв сторону Рорсейна. Разгорелась общая драка. Подхватив юбки, девушки с криком кинулись прочь. По телам дерущихся гуляли древки гарпунов.

Увидев, что Бренн упал, Арфлейн бросился на выручку. Оказавшись в гуще фризгальтийцев, Арфлейн наносил и получал удары, его повалили на пол. Внезапно он почувствовал порыв холодного ветра из открытой двери.

Руки китобоев отпустили его. Поднявшись, он вытер кровь с лица. В ушах стоял неприятный звон.

— Рыба! Идиоты! Рыба, говорю я вам! Рыба, охотники за собаками! Рыба, пожиратели пива! Рыба, чтобы очистить ржавчину с ваших копий! Стадо в сто голов, не далее как в пятидесяти милях на юго-запад!

Арфлейн узнал голос Уркварта. Держа в одной руке гарпун и положив другую на плечо стоявшего рядом с ним мальчишки, вероятно, юнга, Уркварт сказал:

— Давай, Стефан.

Запинаясь, мальчишка заговорил:

— Наш корабль встретился с ними в сумерках. Мы были загружены до предела и не смогли остановиться, поскольку еще до ночи должны были попасть во Фризгальт. Но мы видели их. Они шли с севера на юг. Приблизительно двадцать градусов к западу. Большое стадо. Мой отец, наш шкипер, говорит, что такого большого стада не было уже двадцать лет.

Арфлейн наклонился к Бренну, помогая ему встать на ноги.

— Ты слышал, Бренн?

— Да,— улыбнулся Бренн распухшим ртом.— Ледовая Мать добра ко мне.

— Хватит любому судну в доке,— продолжал Уркварт,— даже с лихвой. Они идут быстро, судя по словам отца этого парня, но хороший парусник сможет настичь их.

Оглядев комнату, Арфлейн поискал глазами Манфреда Рорсейна. Тот стоял около стены, сжимая в руке нож и по-прежнему иронично улыбаясь.

Перехватив взгляд Арфлейна, Уркварт с удивлением посмотрел на юношу. Мгновенно оценив ситуацию, он с мрачным видом шагнул к Рорсейну и отобрал у него нож.

— Благодарю,— ухмыльнулся Рорсейн.— Мне пришлось довольно туго.

— Ты что здесь делаешь? — угрюмо спросил Уркварт, поразив Арфлейна фамильярностью обращения к юноше.

Рорсейн кивнул в сторону Арфлейна.

— Я пришел с сообщением к капитану Арфлейну, но он был занят с друзьями. Другие же решили, что я неплохой объект для развлечения. Я и капитан сочли, что они зашли слишком далеко.

Узкие голубые глаза Уркварта уставились на Арфлейна.

— Вы помогли ему, капитан?

Арфлейн с нарочитой небрежностью проговорил:

— Это было глупо с его стороны — прийти сюда. Если вы знакомы, то ответите его домой, Уркварт.

Гостиница начала пустеть. Надвинув на лоб капюшоны, с гарпунами на плечах, моряки расходились по кораблям с намерением отправиться в путь с первыми проблесками дня.

Бренн похлопал Арфлейна по плечу:

— Я должен идти. На такой короткий рейс провизии должно хватить. Рад был повидать тебя, Арфлейн.

В гостинице оставались лишь Уркварт, Арфлейн и Рорсейн.

Переваливаясь с ноги на ногу, между столов бродил Флетч. Три его дочери наводили порядок. Казалось, что к такому ходу событий они уже давно привыкли. Наблюдая за их работой, Флетч не приближался к мужчинам.

Странная прическа Уркварта отбрасывала на стену причудливую тень. Только сейчас Арфлейн заметил, как ловко она копирует форму китового хвоста.

— Итак, вы помогли еще одному Рорсейну, — пробормотал Уркварт, — хотя на этот раз этого не требовалось.

Арфлейн потер засохшую корку крови на лбу.

— Я был пьян и вмешался вовсе не из-за него.

— Однако это была хорошая драка, — весело произнес Рорсейн. — Я и не думал, что могу так драться.

— Они ведь только играли. — В голосе Арфлейна чувствовалась усталость и пренебрежение.

Уркварт мрачно кивнул в знак согласия. Опершись на гарпун, он смерил Рорсейна снисходительным взглядом.

— Они лишь играли с тобой, — проговорил он.

— В таком случае, это была хорошая игра, кузен, — произнес Рорсейн, отвечая на взгляд Уркварта.

Арфлейн терялся в догадках, почему Рорсейн называет Уркварта кузеном, поскольку вряд ли могло быть прямое родство между аристократом и свирепым гарпунщиком.

— Я провожу тебя к нижним уровням, — медленно произнес Уркварт.

— Какая может быть опасность? — спросил Манфред Рорсейн. — Никакой. Я хочу передать сообщение капитану Арфлейну.

Пожав плечами, Уркварт повернулся и, не говоря ни слова, вышел из гостиницы.

Манфред улыбнулся Арфлейну.

— Мой кузен — мрачный человек. Может быть, вы теперь выслушаете меня, капитан?

— Это не принесет мне вреда, — сказал Арфлейн.

Они встали из-за стола и вышли из «Разрушителя кораблей». Во время спуска на нижние уровни, они избегали пьяных китобоев, которые в радостном настроении спешили на свои корабли. Арфлейн видел, как, оказавшись слишком близко к краю уровня, они ловко пользовались веревочными ограждениями.

По мере того, как проходило опьянение, Арфлейн начал чувствовать боль от ушибов, полученных в схватке.

Наконец Рорсейн заговорил:

— Мой дядя чувствует себя лучше. Он хочет вас видеть.

— Ваш дядя?

— Петр Рорсейн. Ему уже лучше.

— Когда он хочет меня видеть?

— Прямо сейчас, если можно.

— Я слишком устал. Эта драка...

— Сожалею, но я не хотел вашего вмешательства...

— Вы не должны были приходить в эту гостиницу.

— Верно. Это была ошибка, капитан. В самом деле, если бы кузен Длинное Копье не принес хорошие новости, ваша смерть была бы на моей совести.

— Не говорите глупостей, — с отвращением произнес Арфлейн. — Почему вы называете Уркварта кузеном?

— Это наша фамильная тайна, которую я не должен был вам раскрывать. Уркварт — родной сын моего дяди. Вы пойдете к нам? Если вы сильно устали, то могли бы поспать у нас и встретиться с дядей утром.

Пожав плечами, Арфлейн последовал за юношей. Воспоминания возвращали его к дочери Петра Рорсейна.

Г л а в а 5 СЕМЬЯ РОРСЕЙН

Проснувшись в слишком мягкой постели, Конрад Арфлейн с изумлением осмотрел небольшую комнату. Ее стены были богато украшены расписанными полотнами, изображавшими знаменитые корабли Рорсейнов во время походов или на охоте. На одной четырехмачтовую шхуну атаковали гигантские сухопутные киты, и капитан убивал кита отравленным гарпуном. На другой корабли проридались сквозь ледяные заторы или входили в город. Старые воины и старые победы, но в любом случае на переднем плане

красовался доблестный отпрыск Рорсейнов — с фамильным стягом в руках. Везде — подвиги и насилие.

При взгляде на картины губы Арфлейна тронули улыбка. Он отбросил меха с обнаженного тела. Его одежда лежала тут же, на скамейке. Опустив ноги на пол, он встал и по меховому ковру подошел к тазу с водой для умывания. Арфлейн понял, что он очень смутно помнит, как попал в эту комнату. Должно быть, он был сильно пьян вчера вечером, коль согласился на предложение Манфреда Рорсейна провести ночь в их доме. Надев куртку и брюки, он подумал, увидит ли сегодня Ульрику Ульсенн.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Манфред Рорсейн с меховым халатом в руках. Он хитро улыбнулся Арфлейну:

— Все в порядке, капитан? Как вы себя чувствуете?

— Полагаю, что вчера я здорово набрался, — неохотно ответил Арфлейн, как бы ставя это на вид юноше. — Мы встретимся с лордом Рорсейном прямо сейчас?

— Думаю, что сначала — завтрак.

Манфред вывел его в широкий коридор, также увешанный картинами. Из коридора они попали в большую комнату, в центре которой стоял квадратный стол из китовой кости, украшенный изумительной резьбой. На нем лежали хлебцы из растений, обитающих в теплых водах, блюда с китовым, тюленьим и медвежьим мясом, супница, полная жаркого, и большой кувшин с хессом, напитком, вкусом напоминающим чай.

За столом в платье из черной кожи уже сидела Ульрика Ульсенн. Бросив взгляд на Арфлейна, она улыбнулась и опустила глаза.

— Доброе утро, — резко бросил Арфлейн.

— Доброе утро, — едва слышно произнесла она.

Манфред Рорсейн сел в соседнее кресло, предложив кресло напротив Арфлейну.

— Присаживайтесь, капитан.

Арфлейн неохотно занял предложенное место. Подвинув кресло к столу, он случайно коснулся коленей Ульрики. Тут же они оба резко отодвинулись в разные стороны. Манфред тем временем накладывал себе тюленье мясо и хлеб. При этом он бросал на свою кузину веселые взгляды. В комнату вошли две горничные в длинных коричневых платьях с вензелем Рорсейнов на рукавах. Одна из них остановилась у дверей, другая, подойдя к столу, присела в реверансе, Ульрика Ульсенн улыбнулась ей:

— Еще немного хесса, Мирейн.

Девушка взяла со стола наполовину пустой кувшин.

— Что еще прикажете, миледи?

— Благодарю; ничего. — Ульрика бросила взгляд на Арфлейна. — Вам что-то предложить, капитан?

Арфлейн покачал головой.

В комнату вошел Янек Ульсенн. Увидев рядом с женой Арфлейна, он нехотя кивнул, сел за стол и приступил к еде.

Воцарилась напряженная тишина. Арфлейн избегал взгляда Ульрики. Янек Ульсенн хмурился, но не поднимал глаз от тарелки. Манфред Рорсейн, усмехаясь, разглядывал присутствующих, умышленно подогревая возникший дискомфорт.

— Я слышал, что кто-то заметил большое стадо,— наконец произнес Янек, обращаясь к Манфреду.

— Я был первым, кто услышал эту новость,— улыбнулся Манфред.— Не так ли, капитан Арфлейн?

Промычав себе что-то под нос, Арфлейн продолжал есть.

— Мы пошлем туда корабль? — спросил Манфред, обращаясь к Янеку Ульсенну.— Мы просто обязаны сделать это. Судя по разговорам, рыбы хватит на всех. Мы отправимся на двухмачтовой яхте.

Казалось, что Ульрика поддерживает предложение.

— Прекрасная идея, Манфред. Отцу уже лучше, и я ему больше не нужна. Я тоже отправлюсь с вами.— Ее глаза заблестели.— Я не была на охоте уже три сезона.

Потерев нос, Янек нахмурился:

— У меня нет времени на такое безрассудное путешествие.

— Мы сможем вернуться в тот же день,— увлеченно подхватил Манфред.— Мы пойдем вместе, Ульрика, даже если Янек не расположен к охоте. Командовать кораблем может капитан Арфлейн.

Арфлейн сидел с мрачным видом.

— Лорд Ульсенн выбрал верное слово — безрассудство. Яхта — женщина на борту — китовая охота. Я не возьму на себя такую ответственность. Советую вам забыть эту идею. Достаточно одному быку свернуть в сторону, и наш корабль будет разбит в считанные секунды!

— Не будьте таким пессимистом, капитан,— усмехнулся Манфред.— Так или иначе, но Ульрика пойдет с нами. Верно, Ульрика?

Женщина быстро кивнула.

— Если только Янек не возражает.

— Я возражаю,— ответил Ульсенн.

— Вы правы, отговаривая ее от этого предприятия,— произнес Арфлейн.

Ему не хотелось выступать на стороне Ульсенна, но в данном случае это был его долг.

Сверкнув глазами, Ульсенн выпрямился.

— Но если ты хочешь отправиться на охоту, Ульрика,— произнес он, сурово глядя на Арфлейна,— можешь сделать это.

Арфлейн посмотрел Ульсенну в глаза.

— В таком случае я чувствую, что кораблем должен командовать достаточно опытный человек. Я сам поведу его.

— Ты можешь пойти с нами, кузен Янек,— шутливо вставил Манфред.— Это твой долг перед нашими людьми. Они будут уважать тебя еще больше, увидев, что ты смело смотришь в лицо опасности.

— Меня не волнует, что ты думаешь,— произнес Ульсенн, бросая взгляд на юношу.— Я не боюсь опасностей, но сейчас я занят. Кто-то должен заниматься делами твоего дяди, пока он болен!

— Ты потеряешь всего один день,— уже открыто усмехался Манфред.

Ульсенн замер, мучительно отыскивая решение. Наконец он встал, так и не закончив завтрак.

— Я обдумаю это,— произнес он, выходя из комнаты.

Поднялась и Ульрика Ульсенн.

— Ты умышленно расстроил его, Манфред. Ты оскорбил его и поставил в неловкое положение капитана Арфлейна. Ты должен извиниться.

Манфред дурашливо поклонился капитану Арфлейну.

— Извините меня, капитан.

Арфлейн задумчиво смотрел на прекрасное лицо Ульрики Ульсенн. Покраснев, она вышла из комнаты вслед за мужем.

Как только за ней закрылась дверь, Манфред расхохотался.

— Простите меня, капитан. Янек такой напыщенный тип, что Ульрика ненавидит его не меньше, чем я. Но она так верна ему!

— Редкое качество,— сухо обронил Арфлейн.

— О, да! — Манфред поднялся из-за стола.— А сейчас мы встретимся с одним из тех, кто умеет ценить верность.

Головы медведя, моржа, кита и волка украшали стены большой спальни, обтянутой шкурами. В ее дальнем конце стояла высокая и широкая кровать, на которой, закрытый мехами, лежал Петр Рорсейн. Лишь перевязанная рука и несколько шрамов на лице напоминали, насколько он был близок к смерти. Теперь его лицо раздумянилось, глаза блестели, движения были резкими и уверенными. Грива седых волос, тщательно расчесанных, падала на плечи. Он отпустил белоснежные усы и бороду. Его тело, насколько мог видеть Арфлейн, наполнилось жизненными соками. О таком быстром и полном воскрешении вряд ли можно было мечтать. Арфлейн приписывал это чудо природному жизнелюбию старика, а не лечению.

— Привет, Арфлейн. Как видите, я узнал вас! — В его богатом звучном голосе не было и следа слабости.— Простите, что встречаю вас таким образом, но эти слюнтяи думают, что я не могу

удерживать равновесие. Я потерял ноги, все остальное осталось при мне.

Арфлейн кивнул, отвечая на дружелюбное приветствие старца. Из угла комнаты Манфред принес ему кресло.

— Садитесь,— пригласил Рорсейн.— Оставь нас, Манфред.

Арфлейн сел рядом с кроватью, а Манфред с видимой неохотой вышел из комнаты.

— Мы с вами расстроили планы Ледовой Матери,— улыбнулся Рорсейн, глядя Арфлейну в глаза.— Что вы думаете насчет этого, капитан?

— Человек имеет право пытаться спасти свою жизнь, пока это возможно,— ответил Арфлейн.— Несомненно, Ледовая Мать не будет возражать, чтобы подождать еще немного.

— Раньше думали, что человек не должен вмешиваться в судьбу другого человека. Раньше говорили, что если Ледовая Мать собирается забрать человека в свои владения, никто не имеет права мешать ей. Такова старая философия.

— Я знаю. Возможно, я такой же мягкотелый, как и те, кого я обвинял, когда бывал здесь раньше.

— Вы обвиняли нас?

— Я вижу, что вы отвернулись от Ледовой Матери. Я вижу несчастья, постигшие нас в результате этого, сэр.

— Вы придерживаетесь старых взглядов. Вы ведь не верите, что лед тает?

— Нет, сэр.

Рядом с кроватью стоял небольшой столик. На нем находилась большая коробка с картами, письменный прибор, кувшин с хессом и бокал. Рорсейн потянулся к бокалу. Опередив его, Арфлейн наполнил бокал хессом и протянул старику. Поблагодарив, Рорсейн задумчиво посмотрел на Арфлейна.

Арфлейн ответил ему смелым взглядом. Он верил, что может понять этого человека. В отличие от остальных членов этой семьи, старик не вызывал в Арфлейне чувства беспокойства.

— Мне принадлежит много кораблей,— прошептал Рорсейн.

— Я знаю. Гораздо больше, чем ходит под парусами.

— Еще один факт, вызывающий ваше неодобрение, капитан? Большие клиппера на приколе. И все же, я уверен, вы сознаете, что если я задействую их в охоте и торговле, то в течение десяти лет остальные города впадут в нищету.

— Вы великодушны.

Арфлейн удивился такой заботе о благополучии других городов. Казалось, это не вязалось с характером старика.

— Я мудр.— Рорсейн сделал движение неперевязанной рукой.— Фризгальту, как и вашему городу, нужна конкуренция.

Мы тоже слишком жирные, слишком мягкотелые, слишком слабовольные. Полагаю, вы согласны со мной?

Арфлейн кивнул.

— Так обстоит дело,— вздохнул Рорсейн.— Как только город забирает власть над остальными, он начинает приходить в упадок. Ему не хватает стимула для действий. Мы достигли цели, здесь, на плато Восьми Городов, ничто не угрожает нам. Я предвижу, что в скором времени всех нас ждет смерть, Арфлейн.

Арфлейн пожал плечами.

— Такова воля Ледовой Матери. Рано или поздно это должно случиться. Я не уверен, что во всем разделяю ваши взгляды, но я знаю, что чем нежнее становится человек, тем меньше у него шансов выжить...

— Если природные условия меняются, меняются и люди,— тихо проговорил Рорсейн.— Наши ученые утверждают, что уровень льда понижается, климат становится все мягче год от года.

— Однажды я увидел на горизонте большую цепь ледяных гор,— перебил его Арфлейн.— Я был поражен. До этого никогда раньше их не было на этом месте. Кроме того, вершины их упирались в лед, а основания уходили в облака. Я начал сомневаться в своем знании мира. Вернувшись домой, я рассказал об этом. Мне сказали, что я видел мираж — игру света, что если я вернусь туда на следующий день, эти горы исчезнут. На следующий день я поехал туда. Горы исчезли. Тогда я понял, что не всегда можно доверять собственным чувствам, но можно верить тому, что верно во мне самом. Я знаю, что лед не тает. Я знаю, что ваши ученые были, как и я, обмануты миражом.

Рорсейн вздохнул.

— Хотел бы я согласиться с вами, Арфлейн...

— Но вы не согласны. Я не раз встречался с этим доводом.

— Нет, просто мне нужны доказательства либо того, либо другого.

— Доказательства вокруг нас. Природа движется к холоду и смерти. Солнце должно умереть, и ветер унесет нас в ночь.

— Я читал, что уже были периоды, когда лед покрывал землю, но после исчезал.— Выпрямившись, Рорсейн подался вперед.— Что вы скажете насчет этого?

— Это было только начало. Два или три раза Ледовая Мать отступала. Но теперь она намного сильнее и терпеливее. Вы знаете мой ответ, он в вере в нее.

— Ученые говорят, что ее власть уходит.

— Это невероятно. Ее власть непреходяща над всем сущим.

— Вы цитируете ее книгу, и у вас нет сомнений.

Арфлейн поднялся.

— Никаких.

— Завидую вам.

— Это уже мне говорили. Здесь нечему завидовать. Возможно, лучше верить в мираж.

— Я не могу верить, Арфлейн.— Забинтованной рукой Рорсейн дотронулся до его руки.— Подождите. Я сказал вам, что мне нужны доказательства. Я знаю, где их можно найти.

— Где?

— Там, где побывали я и мой экипаж. Город — много месяцев пути отсюда к далекому северу. Нью-Йорк — слышали вы о нем? Арфлейн рассмеялся.

— Миф. Я говорил о мираже...

— Я видел его, правда, издали. Но у меня нет сомнений в его существовании. Мои люди видели его. У нас кончалось продовольствие, на нас напали варвары. Нам пришлось повернуть, не дойдя до него. Я планировал вернуться туда всем флотом. Я видел Нью-Йорк, место, где расположена резиденция Ледовых Духов. Город Ледовой Матери, город чудес. Я видел его здания, поднявшиеся в небо.

— Я знаю историю. Город был затоплен водой, а впоследствии заморожен, полностью сохранившись подо льдом. Невозможная легенда. Я могу верить в учение Ледовой Матери, милорд, но я не настолько суеверен...

— Это правда. Я видел Нью-Йорк, его башни надо льдом. Никто не знает, как глубоко они уходят вниз. Возможно, именно здесь находятся апартаменты Ледовой Матери. Возможно, это миф... Но если город сохранился, то сохранилось и его знание. Так или иначе, Арфлейн, доказательства, о которых я говорил вам, находятся в Нью-Йорке.

Арфлейн был сбит с толку. Возможно, лихорадка еще не оставила старика.

Казалось, Рорсейн угадал его мысли. Засмеявшись, он взял в руку коробку с картами.

— Я в своем уме, капитан. Все находится здесь. На хорошем корабле — лучшем, чем тот, на котором шел я,— можно достичь Нью-Йорка и открыть правду.

Арфлейн снова сел.

— Как разбился первый корабль?

Рорсейн вздохнул.

— Серия неудач — ледяные заторы, дрейфующие горы, падение кита и варваров. В конце концов, поднявшись на плато Великого Северного Пути, корабль развалился на куски, погубив большинство команды. Остальные отправились пешком к Фризгальту, надеясь встретить на пути корабль. Но мы не встретили его. Вскоре в живых остался лишь я один.

— Таким образом, причиной крушения была неудача?

— Несомненно. Лучшему кораблю повезло бы больше.
— Вы знаете местоположение города?
— Больше того, я знаю дорогу туда.
— Откуда?
— Это было нетрудно. Я читал старые книги, сравнивая приведенные там данные.

— И теперь вы хотите привести туда флот?

— Нет.— Рорсейн откинулся на меха.

— В таком путешествии я был бы только обузой. В первый раз я ушел тайком, поскольку не хотел распространения слухов, будоражащих народ. Такие новости могут нарушить стабильность общества. Я думаю держать это в секрете, пока один из кораблей не побывает в Нью-Йорке, открыв хранящиеся там знания. Я собираюсь послать туда «Ледовый дух».

— Это лучший корабль Восьми Городов.

— Говорят, корабль хорошо настолько, насколько хорош его хозяин,— прошептал Рорсейн. Силы начали покидать его.— Я не знаю лучшего мастера, чем вы, капитан Арфлейн. Я верю вам, и у вас неплохая репутация.— Вопреки собственным ожиданиям, Арфлейн не стал отказываться. Он ожидал этого предложения, но не был полностью уверен в ясности рассудка Рорсейна.

Возможно, он видел мираж или цепь гор, выглядевших на расстоянии, как город, и все же мысли о Нью-Йорке, о посещении дворца мифической Ледовой Матери и возможность подтвердить его собственные убеждения о нерушимости ледовых законов взволновали его воображение. Кроме того, этот поиск казался благороднее, чем китовая охота. Он представлялся Арфлейну почти святой миссией. Отправляться на север, к дому Ледовой Матери, идти под парусами долгие месяцы, подобно древним мореплавателям, в поисках знаний, могущих изменить мир,— это отвечало его романтической натуре... К тому же под его командованием будет прекраснейший корабль в мире. Он пойдет по неведомым морям изо льда, откроет новые человеческие племена, если рассказы Рорсейна о варварах отвечают действительности. Нью-Йорк — легендарный город, его башни возвышаются среди ледовой равнины, но что, если всего этого нет?! Надо будет идти дальше и дальше на север, в то время, как остальной мир двинется на юг.

Глаза Рорсейна закрылись. Его здоровый вид оказался обманчивым. Он обессилел.

Арфлейн вторично поднялся на ноги.

— Я согласен, вопреки здравому смыслу, принять под командование яхту, на которой ваша семья собирается отправиться на охоту.

Рорсейн слегка улыбнулся:

— Идся Ульрики?

— Манфреда. Каким-то образом он подбил лорда Янека Ульсенна, вашу дочь и меня на эту авантюру. Ваша дочь поддержала Манфреда. Как глава семьи, вы должны...

— Это не ваше дело, капитан. Я знаю, вы говорите так из лучших побуждений, но Манфред и Ульрика знают, что хорошо, что плохо.— Рорсейн замолчал, вновь изучая лицо Арфлейна.— Я не думаю, что в ваших привычках давать непрошенные советы, капитан...

— Как правило.— Арфлейн был обескуражен.— Не знаю, почему я заговорил об этом. Прошу прощения.

Он понял, что действует вопреки собственным убеждениям. Но что толкнуло его на это?

На мгновение он увидел перед собой всю семью Рорсейнов, семью, несущую ему неясную пока опасность. Почувствовал, что начинает паниковать. Он быстро потер подбородок, заросший густой бородой. Взглянув на Рорсейна, он увидел, что тот улыбается ему с оттенком жалости.

— Вы говорите, что Янек тоже идет с вами? — прерывая возникшую паузу, внезапно спросил Рорсейн.

— Похоже на то.

Рорсейн тихо рассмеялся.

— Удивляюсь, как он решился. Впрочем, неважно. Если повезет, он погибнет, и она найдет себе нового мужа, хотя мужчин становится все меньше. Вы будете командовать яхтой?

— Я согласился, хотя не знаю, почему. Я делаю многое, чего не делал раньше никогда. Я в затруднении, лорд Рорсейн.

— Не беспокойтесь,— захихикал старик.— Просто вы не привыкли к нашему образу жизни.

— Ваш племянник удивляет меня. Каким-то образом он убедил меня согласиться с ним, хотя внутренне я протестую. Он хитрый молодой человек.

— Он по-своему силен,— с воодушевлением произнес Рорсейн.— Нельзя его недооценивать, капитан. Он кажется слабым как телом, так и душой, но ему нравится создавать о себе такое представление.

— Вы описали его довольно таинственным юношей,— полусуто сказал Арфлейн.

— Я думаю, что он более сложен, чем мы,— ответил Рорсейн.— Он представляет собой нечто новое, возможно, новое поколение. Я вижу, он не нравится вам. Но, может быть, он понравится вам так же, как и моя дочь.

— Теперь вы сами таинственны, сэр. Я не выражал своей неприязни или неприязни к отдельным лицам.

Рорсейн не отреагировал на замечание.

— Зайдите ко мне после охоты,— произнес он слабым голосом.— Я покажу вам карты. Тогда вы скажете, принимаете ли вы мое предложение.

— Отлично. Всего доброго, сэр.

Выйдя из комнаты, Арфлейн понял, что бесповоротно связал себя с этой семьей, с тех пор как спас жизнь старому лорду. Каким-то образом они обольстили его, привязали к себе. Он знал, что примет командование, предложенное Петром Рорсейном, точно так же, как принял командование, предложенное Манфредом Рорсейном. Без каких-либо особых проявлений потери целостности своей натуры он перестал быть хозяином собственной судьбы. Сила характера Петра Рорсейна, красота и изысканность Ульрики, хитрость Манфреда Рорсейна, даже неприязнь Янека Ульсенна увлекли его в ловушку. Обеспокоенный, Арфлейн пошел по направлению к гостиной.

Г л а в а 6

КИТОВАЯ ОХОТА

Отделенная от остального флота невысокой стеной, сложенной из ледяных блоков, изящная яхта стояла на якоре в частном доке Рорсейнов.

Утро выдалось холодным. Под дымчато-желтым небом, разрезанным отдельными оранжевыми и темно-розовыми полосками, Арфлейн молча шел за Манфредом Рорсейном. За ними в небольших, богато украшенных санях, ехали Янек и Ульрика Ульсенн.

Весь экипаж был уже на борту, готовый отправиться в рейс. На носу, подобно гигантскому луку, возвышалась громоздкая гарпунная пушка, приводимая в действие пружиной. Более половины заостренных зубцов огромного гарпуна выдавалось за бушприт таким свирепым фаллосом.

При взгляде на гарпун, Арфлейн улыбнулся. Тот был слишком большим для такой изящной яхты. Узконосая шхуна с косым парусным вооружением сама казалась огромным гарпуном.

Подойдя, Арфлейн был удивлен, увидев на борту Уркварта, наблюдавшего за ними. Как обычно, в левой руке он держал гарпун. Внезапно повернувшись, он молча направился к штурвалу.

Поджав губы, с едва скрываемым беспокойством на лице, Янек Ульсенн помог жене подняться на борт. Арфлейну подумалось, что скорее ей следовало бы помочь мужу.

По палубе навстречу прибывшим поспешил корабельный офицер, одетый в белые и серые меха. Хотя протокол требовал от него обратиться к старшему представителю семьи Рорсейнов, то есть к Янску Ульсенну, он заговорил с Манфредом.

— Мы готовы к отходу, сэр. Вы примете командование?

Улыбнувшись, Манфред медленно покачал головой и шагнул в сторону, пропуская вперед Арфлейна.

— Это капитан Арфлейн. В этом рейсе он будет командовать кораблем, обладая полной властью капитана.

Офицер, коренастый мужчина лет тридцати с черной пышной бородой, приветственно кивнул Арфлейну.

— Слышал о вас, сэр, и горжусь, что мне выпала честь служить под вашим командованием. Может быть, вы сначала познакомитесь с кораблем?

— Благодарю.— Покинув попутчиков, Арфлейн в сопровождении офицера направился к штурвалу.— Как вас зовут?

— Хебер, сэр. Первый офицер. У нас есть еще второй офицер, Босун, и небольшой экипаж, вполне неплохой, сэр.

— Участвовали в китовой охоте?

Лицо Хебера омрачилось. Он тихо произнес:

— Нет, сэр.

— А экипаж?

— Очень многие, сэр. У нас на борту господин Уркварт. Он гарпунщик.

— В таком случае вам придется учиться на ходу, не так ли?

— Полагаю, что так, сэр,— уклончиво ответил Хебер.

— Если, как вы говорите, экипаж хорош, мистер Хебер, у нас не будет затруднений. Я знаю китов. Четко выполняйте мои приказания — и все будет в порядке.

— Да, сэр.— В голосе Хебера появилась уверенность.

Небольшая изящная яхта прекрасной представительницей этого класса судов, но Арфлейн тотчас же понял, что она мало подходит для китовой охоты. Яхта маневреннее и быстрходнее обычных китобойных судов,— но в ней не было силы. Это суденышко стало хрупким. Полозья яхты слишком тонки для тяжелой работы, а корпус, вне всякого сомнения, треснет при первом же контакте с ледовым затором, взрослым китом либо другим кораблем.

Опробовав рулевое колесо, Арфлейн взял протянутый Хебером мегафон и поднялся по трапу на мостик над рулевой рубкой.

Шхуны китобоев давно уже вышли из Фризгальта и под полными парусами направлялись к Южным льдам. Профессиональные китобои ушли далеко. Арфлейн был рад, что по крайней мере яхта не встанет на их пути к началу охоты, когда китовая стая рассыпается на льду. Обычно в это время начиналась такая сумятица, что немудрено было столкнуться с каким-то из кораблей, преследующих свою жертву. Яхта вступит в игру, после того как китобои рассредоточатся, и поведет охоту на небольшого бычка.— Арфлейн вздохнул, рассерженный своим участием в охоте, предпринятая лишь для развлечения аристократов.

Он поднял мегафон.

— По местам стоять!

Все члены команды уже стояли на своих местах и ждали приказаний.

— Поднять якорь!

Заработал механизм подъема якоря.

— Поднять главный парус!

Парус с шумом раскрылся, и яхта заскользила по льду, изредка вздрагивая на его неровностях. Холодный воздух бил Арфлейну в лицо. Глубоко дыша, он наполнял им легкие, вытесняя оттуда затхлый воздух города.

Тусклое, темно-красное солнце почти достигло зенита. Над ними плыли облака, меняя свой цвет от бледно-желтого до белого на фоне чистого голубого неба. Арфлейн чувствовал рядом с собой присутствие трех членов одной из правящих семей Фризгальта. Не оборачиваясь к ним, он с любопытством смотрел на расположившегося на носу, рядом с гарпунной пушкой, человека. Пальцы мужчины сжимали линь, его причудливые, странно уложенные волосы развевались на ветру.

— Мы догоняем китобоев, капитан? — по своему обыкновению тихо спросил Манфред Рорсейн. Почти в осязаемой тишине ледовой страны любой шепот был прекрасно слышен.

Арфлейн покачал головой.

Зная, что они легко могут догнать китобоев, он не испытывал никакого желания делать это. При первом же удобном случае он найдет предлог спустить паруса и замедлить ход.

Такой случай представился спустя час. Ровный лед уступил место разбросанным тут и там ледяным грядам, которым ветер придавал подчас довольно странные очертания. Умышленно проведя судно в непосредственной близости от гряды, Арфлейн ненавязчиво продемонстрировал возможность крушения. Повернувшись к стоящему рядом с ним Рорсейну, он произнес:

— Пока мы выйдем отсюда, необходимо уменьшить скорость. Потерпев крушение, мы не увидим стаю.

Скептически улыбаясь, Рорсейн дал понять, что понимает истинную причину маневра, но от комментариев воздержался.

По приказу Арфлейна часть парусов опустили, и скорость снизилась почти вдвое. Напряжение на судне несколько упало. По-прежнему стоявший на носу яхты Уркварт обернулся к мостику. Затем, будто найдя объяснение своим мыслям, слегка пожал плечами и вновь устремил взгляд к горизонту.

На скамье под навесом, неподалеку от Арфлейна, расположились Ульсенны. Облокотившись на поручни ограждения, Манфред провожал взглядом снежное облако, клубившееся за кораблем.

Ледовые гряды, между которыми проходило судно, природа наделила невероятными формами. Некоторые из них были похожи на недостроенные мосты с оборванными посередине пролетами, другие представляли собой сочетания плавных поверхностей и острых углов, третьи были высокими и изящными, подобно гигантским гарпунам, затянутым в лед.

Проходы между грядами были достаточно широкие, так что Хеберу, стоявшему за штурвалом, почти не приходилось делать резкие повороты. Лед под полозьями стал менее ровным по сравнению с укатанными районами, окружающими город.

Видя, что все идет нормально, Арфлейн согласился с предложением Рорсейна спуститься вниз и перекусить. На мостике он оставил Хебера и Босуна.

К его удивлению, каюты внизу оказались довольно просторными, поскольку в них находилось лишь самое необходимое для такого путешествия. Кают-компания была обставлена с роскошью, не уступающей каютам «Ледового духа»: мягкие кресла, стол из моржовых клыков, напольный ковер из рыжевато-коричневых шкур волка. Большие иллюминаторы пропускали в каюту мягкий дневной свет.

Четверо вошедших сели за стол, повар расставил перед ними суп из мяса снежного коршуна, тюлений бифштекс и блюдо из лишайников, произрастающих в некоторых частях плато. Во время ужина за столом царило молчание, что вполне устраивало Арфлейна. Время от времени поднимая глаза, он встречался взглядом с Ульрикой Ульсенн, сидящей напротив. Для него это был еще один довольно неуютный ужин.

Наконец судно вошло в район, где видели китов. Арфлейн сменил у штурвала Босуна.

В отдалении уже показались мачты китобоев. К этому времени флот еще не разделился, корабли шли одним курсом. Это значило, что киты пока еще не обнаружены.

Прошло еще полчаса, и Арфлейн увидел, что корабли стали отходить друг от друга.

Началась охота, и каждый корабль погнался за выбранной жертвой. Арфлейн дунул в переговорную трубу на мостике. Ему ответил Манфред Рорсейн.

— Мы настигаем стадо, — рапортовал Арфлейн. — Оно разделилось, за большими китами гонятся китобои, мы же выберем себе небольшого бычка.

— Сколько еще осталось идти? — В голосе Рорсейна послышались нотки возбуждения.

— Около часа, — коротко бросил в ответ Арфлейн и отошел от трубы.

На горизонте, справа по борту, на сотни футов вздымались в темно-пурпурное небо огромные ледяные скалы. Слева по борту параллельно ей шли небольшие острые гряды льда. Между ними двигалась яхта Рорсейнов по направлению к месту бойни, где уже ясно были видны корабли, преследующие гигантских животных.

Стоя на мостике, Арфлейн увидел добычу, прекрасно подходящую для их яхты, — несколько бычков впереди по курсу сбились в кучу. Рорсейн и Ульсенны пытались, перегнувшись через перила, разглядеть, что происходит впереди.

Крепко сжав обеими руками штурвал, Арфлейн уверенно вел яхту, огибая китобоев по широкой дуге.

Началась охота. Парусники гонялись за гигантскими млекопитающими. Догнав жертву, китобои старались вонзить свои гарпуны в те места на теле кита, поражение которых приводило к быстрой его смерти.

Как правило, загарпуненный кит не нападал на парусник, хотя мог бы запросто раздавить любой из них своей тушей. Раненое животное тащило за собой шхуну-обидчика, пока у него хватало сил.

В непосредственной близости от яхты проехало небольшое судно, влекомое обезумевшей от боли гигантской коровой. Она отталкивалась ото льда передними и задними плавниками и судорожно раскрывала огромную пасть, полную зубов. Красная дорожка крови тянулась по льду за смертельно раненным зверем.

Члены экипажа израсходовали весь запас гарпунов и уже не могли повлиять на исход схватки. Через минуту корова и буксируемая ею шхуна были уже далеко от яхты.

В другом месте перевернутый на спину бык в предсмертных судорогах беспомощно хлопал массивными плавниками. К нему с копытами и ножами для разделки туш осторожно приближались матросы с нескольких кораблей. Они казались карликами рядом с издыхающим на льду монстром.

Внимание Арфлейна привлекло какое-то движение с правого борта. Наперерез яхте двигался огромный бык, волоча за собой барк. Столкновение казалось неминуемым.

В отчаянии Арфлейн круто повернул штурвал. Полозья яхты затрещали на повороте, и она стала выходить на параллельный барку курс. Теперь он ясно видел, что на носу судна, зажав в поднятой руке гарпун, стоял капитан Бренн. Его лицо было перекослено ненавистью. Животное, обескураженное внезапным появлением яхты, закрутилось на льду. Спустя мгновение оно бросилось на судно Бренна. Раздались неистовые крики захваченных врасплох китобоев. Арфлейн видел, что его друга выбро-

сило на лед. Бренн, оказавшись на льду, попытался уползти в сторону, но кит рванулся к капитану и навалился на него.

Арфлейн в ужасе отвел взгляд и увидел, что на месте Уркварта уже стоит Манфред Рорсейн, наведя на животное гарпунную пушку.

Схватив мегафон, Арфлейн закричал:

— Рорсейн! Глупец! Не стреляйте в него!

Юноша махнул рукой и вновь склонился над пушкой.

Арфлейн бросился на нос яхты, но было поздно. Массивный гарпун вылетел из ствола, и корабль тряхануло. Гарпун с линем вонзился в жертву. Чудовище поднялось на задних плавниках, испустив оглушительный рев, его тень полностью накрыла яхту.

Линь гарпуна натянулся, и передние полозья яхты повисли в воздухе. Внезапно натяжение ослабло: Рорсейн закрепил линь недостаточно надежно, и тот отвязался от кольца на гарпуне.

Наклонив голову ко льду, бык устремился к яхте. Арфлейн сумел повернуть яхту, и туловище кита врезалось в правый борт. Яхта закачалась. Полозья правого борта, не выдержав обрушившегося на них удара, затрещали и с оглушительным треском лопнули. Яхта завесилась на правый борт, палуба накренилась. Арфлейна перебросило через ограждение мостика. Приподнявшись, он сумел ухватиться за поручни трапа и с трудом, думая лишь об Ульрике Ульсенн, начал подниматься на мостик.

На лестнице он столкнулся с Янском, лицо которого искажил страх. Посторонившись, Арфлейн пропустил его. Взобравшись на конец наверх, он увидел там лежащую прямо на палубе Ульрику Ульсенн.

Скользнув по наклонившейся палубе, он нагнулся к женщине. Она была жива, но на лбу горела багровая ссадина. Арфлейн замер, разглядывая прекрасное лицо. Затем, перекинув ее через плечо, он стал пробираться к трапу. Кит заревел и начал новую атаку.

Члены команды в беспорядке бросились к левому борту и через ограждение посыпались на лед, спасая свои жизни. Арфлейн застыл, как двое матросов несли Янеска в сторону от потерпевшего крушение судна.

Цепляясь за нависшее над палубой переплетение такелажа, Арфлейн почти добрался до спасительного ограждения, когда кит обрушился на носовую часть яхты. Отлетев к штурвалу, Арфлейн увидел всего в нескольких футах от себя гигантскую голову чудовища.

От неожиданности он выпустил Ульрику, и она покатилась по палубе к носовой части корабля. Арфлейн пополз к ней, пытаясь схватить за развевающуюся материю ее длинной юбки. Судно вновь дало крен, на этот раз к носу. Арфлейн едва не угодил в

раскрытую пасть, в последний момент успев ухватиться за ванты грот-мачты. Поддерживая женщину одной рукой, он взглядом искал возможности спасения.

Оценив ситуацию, Арфлейн перевалился через ограждение и прыгнул за борт, не выпуская женщину из рук.

Они тяжело рухнули в снег. Поднявшись, он вновь взвалил Ульрику на плечи, утопая по колено в снегу, пошел прочь от кита-убийцы. Но разбушевавшееся чудовище оставило шхуну и, хрипло дыша, стало преследовать Арфлейна. Оглянувшись, он увидел, что зверь настигает их.

Оставив Ульрику на снегу, Арфлейн бросился к киту и, изловчившись, выдернул из его бока копье какого-то гарпунщика с «Нежной девчушки».

Единственной надеждой на спасение было попасть гарпуном в глаз киту и поразить его мозг раньше, чем кит убьет его. Тогда он мог бы спасти Ульрику.

Арфлейн прицелился и метнул гарпун. Кит остановился и закрутился на месте, пытаясь избавиться от копья, попавшего в глаз. Зубцы легко вонзились в ткань, но мозга не достигли.

Справа от себя Арфлейн заметил какое-то движение.

К зверю, зажав в руке гарпун, бежал Уркварт. Он с ходу запрыгнул на хвост зверя и, хватаясь пальцами свободной руки за густую шерсть кита, стал продвигаться по его спине.

Кит заревел, поднялся на дыбы и встряхнулся, но сбросить маленькое упрямое существо, взобравшееся к нему на спину, не сумел.

Вновь увидев Арфлейна, кит захрипел; забыв о своем седоке, он подался вперед. Арфлейн замер, во все глаза смотря на Уркварта, который, встав во весь рост, поднял двумя руками гарпун.

Как бы чувствуя приближение смерти, кит задрожал. Со всей силой Уркварт вонзил мощный гарпун в позвоночник зверя.

Фонтан крови вырвался из китовой раны и обрушился на Арфлейна. В этот момент за спиной Арфлейна раздался стон Ульрики. Горячая китовая кровь обдала ее с ног до головы. С трудом поднявшись, она протянула руки к Арфлейну и оказалась в его объятиях.

Позади них ревел истекавший кровью кит, но они не замечали его.

Ее руки обхватили его плечи, она дрожала и всхлипывала. Они простояли так несколько минут, прежде чем он понял, что они не одни.

Он оглянулся.

Рядом с ними стояли Уркварт и Манфред Рорсейн. Левая рука юноши безвольно повисла вдоль тела, его лицо побелело от боли, но он обратился к ним с обычной веселостью в голосе:

— Прошу прощения, капитан, я, думаю, что нам пора встретиться с благородным лордом Янском.

Арфлейн неохотно отпустил Ульрику.

Вытерев кровь с лица, она огляделась. Всего в нескольких футах от них лежала огромная туша мертвого чудовища. Огибая ее, к ним спешили два матроса, которые несли Янека Ульсенна.

— Хебер мертв, — произнес Манфред. — И еще половина команды.

— Мы все заслуживаем смерти, — ответил Арфлейн. — Я знал, что яхта слишком ненадежна, а вы необдуманно пустили в ход гарпунную пушку.

— Но тогда бы мы не получили такого развлечения, — воскликнул Манфред. — Не будьте неблагодарным, капитан.

Внимательно посмотрев на жену, Янек нахмурился. В этот момент Манфред шутливо приветствовал его.

— Твоя жена цела, Янек, если это тебя интересует. Несомненно, тебе важно узнать, что случилось с нею после того, как ты оставил ее одну на мостике.

Арфлейн взглянул на Рорсейна:

— Как вы узнали об этом?

Манфред улыбнулся.

— Я забрался на снасти, капитан. Оттуда открывался чудесный вид, я заметил все, но никто не видел меня. — Он вновь повернулся к Янеку: — Капитан Арфлейн спас жизнь Ульрике, так же, как и кузен Уркварт, убивший кита. Может быть, вы поблагодарите их, милорд?

— У меня сломаны ноги, — произнес Ульсенн.

— Благодарю вас, капитан Арфлейн, — впервые заговорила Ульрика. Ее голос слегка дрожал, видно, она еще не совсем оправилась от шока. — Кажется, у вас вошло в привычку спасать Рорсейнов.

Слабо улыбнувшись, она повернулась к Уркварту.

— Благодарю вас, Длинное Копье, вы — храбрый человек. Вы оба — храбрые люди.

Ее взгляд, обращенный к мужу, был преисполнен презрения. Янек резко бросил:

— Нас ждет корабль, который отправляется домой. — Он кивнул головой. — Пойдем, Ульрика.

Она послушно шагнула за мужем. Арфлейн шагнул к ней, но Манфред Рорсейн сжал его плечо.

— Она его жена, — мягко, с полной серьезностью в голосе произнес он.

Арфлейн попытался освободиться, но юноша добавил:

— Вне всякого сомнения, вы больше всех уважаете древние законы, капитан Арфлейн?

Арфлейн сплюнул на лед.

Глава 7

ПОХОРОНЫ НА ЛЬДУ

Лорд Рорсейн умер в их отсутствие, его похороны состоялись двумя днями позже.

В этот же день хоронили Бренна, хозяина «Нежной девчушки», и Хебера, первого офицера ледовой яхты. По городу двигалось сразу три похоронных процессии. Арфлейн принял участие в похоронах Рорсейна, которые представляли собой красочный и торжественный ритуал. Впереди процессии ехали черные сани, запряженные волками в траурных пополах. На корме саней стоял богато разукрашенный гроб с телом лорда Рорсейна. За гробом следовали Манфред Рорсейн и Ульрика в санях, также запряженных волками. Чуть поодаль шли остальные члены семей Рорсейнов и Ульсеннов. Янек Ульсенн был еще слишком слаб, чтобы принять участие в похоронах.

Арфлейн, подавленный смертью Бренна и Рорсейна, с мрачным видом сидел в санях в конце процессии. На нем был траурный плащ из черной тюленьей кожи с пришитым к нему гербом Рорсейнов.

Траурная процессия медленно двигалась по льду. Высоко в небе плыли белые облака, закрыв собой солнце. Шел легкий снег.

Наконец показалась и сама могила. Она была высечена во льду. Рядом с ней сверкали на дневном свете сложенные друг на друга ледяные блоки. Большой подъемный ворот, с помощью которого эти блоки извлекали на поверхность, своими распорками и качающейся петлей напоминал виселицу. Тишина нарушалась лишь легким стоном ветра.

Рядом с могилой неподвижно стоял человек. Это был Уркварт, пришедший на похороны своего отца с гарпуном в руке. На его голове и плечах лежал снег, еще больше увеличивая его сходство с подданным Ледовой Матери.

Лицо Уркварта выражало какую-то особую смесь скорби и гнева.

Снег покрывал гроб, холодный ветер развеивал плащи и рвал капюшон с головы Ульрики. Манфред, чья сломанная рука висела на перевязи под плащом, с помощью мальчишки лет пятнадцати перерезал упряжь и передал волков стоящим наготове слугам. Затем он, Арфлейн и еще четверо мужчин столкнули тяжелые сани в могилу.

Мгновение, словно нехотя, сани покачались на краю могилы и, соскользнув, рухнули вниз. Четверо мужчин подошли к ледяным блокам и молча стали закидывать ими могилу. Их опередил Уркварт, впервые оставивший свой гарпун и сбросивший первый

блок. Он стоял сжав губы, с горящими глазами. Подождав какое-то время, он поднял гарпун и пошел прочь от могилы.

Почти час потребовался, чтобы насыпать ледяной холм и водрузить над ним флаг Рорсейнов. Собравшиеся вокруг склонили головы, когда Манфред Рорсейн, помогая себе здоровой рукой, взобрался на вершину погребального холма.

— Сын Ледовой Матери возвращается в ее лоно, — начал он. — Она дала ему жизнь, она же и забрала ее. Но он будет вечно жить в ледовых залах ее покоев. Ибо вечны те, кто приходит к ней. Вечная, она объединяет мир, где не будет ни времени, ни движения, ни желаний, ни разочарований, ни гнева, ни радости. Да присоединимся все мы к ней! — В его чистом, ясном голосе слышалось воодушевление. Склонившись на одно колено, Арфлейн повторил за ним последнюю фразу. Его примеру, правда, с меньшей страстью в голосе, последовали и остальные мужчины.

Г л а в а 8

ЗАВЕЩАНИЕ РОРСЕЙНА

Арфлейн, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой ощущал чувство вины, возникшее у Ульрики Ульсенн в связи со смертью ее отца. Именно благодаря ее с Манфредом настойчивости злосчастная экспедиция состоялась в тот самый день, когда умер Рорсейн.

Арфлейн понимал, что невозможно винить ее в том, что она так быстро уверилась в скором выздоровлении отца. Действительно, не существовало никакого логического объяснения, почему он сдал так быстро.

Возможно, что сердце, на которое он никогда не жаловался, отказало сразу же после того, как он продиктовал свое завещание. Его должны были вскоре огласить в присутствии Арфлейна и близких родственников покойного. Петр Рорсейн умер в тот момент, когда кит атаковал их яхту, спустя несколько часов после разговора с Арфлейном.

В приемной, примыкающей к кабинету отца, сжав губы и обхватив руками подлокотники кресла, ждала Ульрика Ульсенн. Рядом с ней сидели Арфлейн и Манфред Рорсейн. Тут же, на приподнятых в изголовье носилках, лежал муж Ульрики. Стены маленькой комнаты покрывали охотничьи трофеи Петра Рорсейна. Затхлый запах, исходивший от голов животных, был неприятен Арфлейну.

Дверь в кабинет открылась, и Стром, маленький сморщенный человечек, исполняющий обязанности душеприказчика покойного, молча пригласил их пройти в соседнюю комнату.

Наклонившись, Арфлейн и Манфред подняли носилки с Янеком и последовали за Ульрикой Ульсенн.

Кабинет напоминал каюту корабля, хотя свет исходил не из иллюминаторов, а от тусклых ламп на потолке. Стены от пола до потолка были заняты шкафами. В центре стоял большой стол желтой кости, с куском тонкого пластика на нем. Пластик был покрыт коричневыми, словно нанесенными кровью, надписями. Концы его загибались, свидетельствуя, что свиток развернули буквально несколько минут назад.

Когда Манфред Рорсейн сел за стол, старик покинул комнату.

Вздыхнув, Манфред принялся читать завещание, нервно постукивая пальцами по столу. Оглашением должен был заняться Янек Ульсенн, но лихорадка, последовавшая за несчастным случаем, еще не отпускала его. Он лишь сейчас смог приподняться с носилок, наблюдая за кузеном взглядом, исполненным злобы и беспокойства.

— Что там? — нетерпеливо спросил он.

— Немного не то, что мы ожидали, — не отрываясь от чтения, ответил Манфред. На его губах играла легкая улыбка.

— Почему этот человек находится здесь? — указав на Арфлейна, спросил Янек.

— О нем упомянуто в завещании, кузен.

— Читай, Манфред, — откинувшись на спину, произнес Ульсенн.

— Завещание Петра Рорсейна, Главного корабельного лорда Фризгальта, — начал Манфред. — Рорсейн мертв. Ульсенны правят.

При этом Манфред бросил схищенный взгляд на жалкую фигуру Янека.

— «Да буду спасен я, мое имущество и корабли, которые настоящим завещанием должны быть разделены поровну между моей дочерью и моим племянником. Сим я дарую командование шхуной «Ледовый дух» капитану Арфлейну из Брершилла, дабы он повел ее к Нью-Йорку, курсом, обозначенным на картах, которые я тоже оставляю ему. В случае, если капитан Арфлейн найдет город Нью-Йорк и живым возвратится во Фризгальт, он станет полновластным обладателем «Ледового духа» и всего груза, привезенного на нем. При этом моей дочери Ульрике и племяннику Манфреду следует сопровождать капитана Арфлейна в его путешествии. Капитан Арфлейн будет иметь власть над каждым, кто пойдет с ним. Петр Рорсейн из Фризгальта».

Вновь приподнявшись, Ульсенн посмотрел на Рорсейна.

— Старика скрутила лихорадка. Он был безумен. Забудьте об этом условии. Отошлите Арфлейна — разделите имущество согласно завещанию. Неужели вы решитесь на еще одно безумное плавание сразу же после неудачи, постигшей нас? Несчастье несет новую беду.

— Клянусь Ледовой Матерью, каким ты стал суеверным, кузен! — усмехнулся Манфред. — Ты прекрасно знаешь, что, отступив хотя бы от одного пункта завещания, мы не сможем вступить во владение. Подумай, как выгодна наша смерть. Моя доля плюс доля твоей жены сделают тебя влиятельнейшим правителем Восьми Городов.

— Я пекусь не о своем состоянии. Я сам достаточно богат. Я хочу сохранить жизнь своей жене!

Вспомнив, как Ульсенн оставил в страхе свою жену во время охоты, Манфред вновь улыбнулся.

Смерив юношу злобным взглядом, Ульсенн, задыхаясь, откинулся на подушки.

Поднявшись, Ульрика произнесла с ничего не выражающим лицом:

— Лучше отнести его в постель.

Подняв носилки, Арфлейн и Манфред пошли за Ульрикой по темному коридору к спальне Ульсенна, где того приняли слуги и уложили в кровать. С белым от боли лицом, почти теряя сознание, он продолжал бормотать о безумном завещании старого Рорсейна.

— Интересно, решится ли он сопровождать нас? — улыбнулся Манфред, выйдя из комнаты. — Вероятнее всего, он скажет, что здоровье и обязанности лорда вынуждают его остаться.

Они вместе вернулись в одну из комнат жилой части дома. Стены ее были украшены яркими картинами, кругом стояли кресла и кушетки, представляющие собой деревянные и фибергласовые рамы с натянутыми на них шкурами животных. Арфлейн сел на одну из кушеток, напротив него села Ульрика, опустив глаза вниз.

Манфред остался стоять.

— Я должен идти, чтобы объявить завещание дяди, по крайней мере, большую его часть, — сказал он. — Для этого мне придется подняться в верхнюю часть города и прокричать слова завещания в мегафон. Фризгалът почтил смерть Петра Рорсейна трехдневным трауром.

После ухода Манфреда Ульрика не изъявила желания, как ожидал Арфлейн, остаться в одиночестве. Напротив, она приказала слугам принести горячий хесс.

— Выпьете немного, капитан? — тихо спросила она.

Кивнув, Арфлейн с любопытством посмотрел на нее. Она поднялась и прошла по комнате, как бы разглядывая картины на стене, которые были ей знакомы до мельчайших подробностей.

Наконец Арфлейн не выдержал.

— Не следует думать, что вы поступили плохо, леди Ульсенн. Повернувшись, она изумленно подняла брови.

— Что вы имете в виду?

— Вы не бросили своего отца. Мы все думали, что он уже полностью оправился. Он сам говорил нам об этом. Вы не виноваты.

— Благодарю,— с легкой иронией в голосе произнесла она, наклонив голову.— Не уверена, что я чувствую себя виноватой.

— Прощу прощения, я подумал так,— ответил он. Подняв голову, она посмотрела ему в глаза. Отчаяние и страх наполнили ее взгляд.

Поднявшись, он шагнул ей навстречу и крепко взял ее за руки.

— Вы сильный человек, капитан Арфлейн,— прошептала она.— Я слабая.

— Вовсе нет,— с трудом произнес он.

Мягко высвободив руки, она села на кушетку. Вернувшийся слуга поставил на небольшой столик бокалы и кувшин с хессом и удалился. Налив напиток в бокал, она протянула его Арфлейну. Он стоял рядом с ней, держа в руках бокал, и смотрел на нее с нежностью во взгляде.

— Я подумал, что у вас много общего с отцом,— произнес он.— Сила, например.

— Вы совсем не знали моего отца,— напомнила она тихо.

— Думаю, что достаточно хорошо узнал его. Вы забыли, что я видел его, когда он умирал в одиночестве. Именно силу, такую же силу, какую я вижу в вас, я заметил в нем. Иначе я просто бы не стал его спасать.

Она вздохнула. Ее золотые глаза наполнились слезами.

— Возможно, вы ошибаетесь,— сказала она.

Сев рядом с ней, он покачал головой.

— Вся сила вашей семьи досталась вам. Впрочем, как и ее слабость.

— Какая слабость?

— Богатое воображение. Оно влекло его в Нью-Йорк, а вас на китовую охоту.

Ульрика благодарно улыбнулась.

— Если это попытка успокоить меня, капитан, то она имела успех.

— Я успокоил бы вас еще больше, если бы...

Он не хотел говорить этого, не хотел брать ее руки в свои, но все-таки сделал и то и другое. Однако она не сопротивлялась, и хотя лицо ее оставалось задумчивым и серьезным, она не казалась оскорбленной.

Теперь уже Арфлейн заволновался, вспомнив, как обнимал ее на льду. Она залилась румянцем, но по-прежнему позволяла держать себя за руки.

— Я люблю тебя,— почти несчастно произнес Арфлейн.

Разразившись слезами, она прижалась к нему. Он крепко обнял ее, перебирая ее прекрасные волосы, целуя ее в лоб, глядя в глаза. Смутно сознавая, что делает, Арфлейн поднял ее на руки и понес из комнаты. Коридор был пуст, когда он прошел в ее спальню, где он предполагал положить ее в постель и оставить.

Комната находилась как раз напротив спальни Ульсенна. Она была уставлена креслами, шкафчиками, тут же находился небольшой столик. Кровать покрывали белые меха, такие же меха драпировали стены.

Он вдруг понял, что, несмотря на испытываемое чувство вины, он уже не может контролировать себя. Он поцеловал ее в губы. В ответ она обвила его шею руками, и он навалился на нее всей тяжестью своего массивного тела. Арфлейн ощущал тепло ее тела через ткань платья, чувствовал, как она дрожит под ним, как испуганная птица. Одной рукой он стал поднимать подол ее платья. Схватившись за руку, она попыталась остановить его. Но он с упорством продирался сквозь складки одежды, пока не добрался до ее голого тела.

Вздрогнув от его прикосновения, она прошептала ему, что она девственница, что никогда не позволяла Янеку исполнить свои брачные обязанности. Арфлейн овладел ею, окрасив белый мех кровью. Затем они лежали, тяжело дыша, отдыхая, чтобы затем вновь раствориться друг в друге.

Г л а в а 9

СОВЕСТЬ УЛЬРИКИ УЛЬСЕНН

Рано утром, глядя на спящую Ульрику, Арфлейн понял, что раскаивается в содеянном. Никакие угрызения совести не смогут теперь разлучить их, но он нарушил закон, который чтит до этого, закон, который, как он считал, единственно необходим в этом мире. Этим утром Арфлейн понял, что он лицемер, обманщик и вор. Факт этот поверг его в глубокое отчаяние. Еще больше угнетало его, что он воспользовался ранимостью женской души в момент, когда ее собственные силы были подавлены чувством вины и скорбью.

И все же он считал раскаяние бесполезным занятием. Что сделано, то сделано, теперь же нужно решить, как жить дальше.

Он вздохнул, осознав, что сделает с ней закон, если ее уличат в супружеской неверности. В худшем случае ее выпроводят из города и оставят умирать на льду. По крайней мере, их обоих подвергнут остракизму во всех Восьми Городах, что само по себе является смертью.

Открыв глаза, она нежно улыбнулась ему. Внезапно улыбка ее померкла.

— Я ухожу,— прошептал он.— Поговорим позже.

Она села на кровати, меха соскользнули с нее, обнажив грудь. Наклонившись, он поцеловал ее и осторожно снял ее руки со своих плеч, когда она попыталась обнять его.

— Что ты собираешься сделать? — спросила она.

— Не знаю, я подумывал о возвращении в Брершилл.

— Янек сравняет твой город с землей, чтобы отыскать нас. Многие погибнут при этом.

— Я знаю. Даст ли он тебе развод?

— Он владеет мной, поскольку я наиболее знатная женщина Фризгальта, поскольку я красива, образованна и богата.— Она поехала.— Он не заинтересован в требовании своих прав. Он даст мне развод, потому что я отказалась лечь с ним в постель.

— Что же нам делать? Я смогу обманывать его, только пока я буду защищать тебя. Но в любом случае сомневаюсь, что выдержу это долго.

Она кивнула.

— Я тоже сомневаюсь,— вновь улыбнулась Ульрика.— Но если ты заберешь меня, куда мы отправимся?

— Не знаю. Может быть, в Нью-Йорк. Ты помнишь завещание?

— Да. Нью-Йорк.

— Мы поговорим позже, при первом же удобном случае,— произнес он.— Я должен идти, пока не появились слуги.

Ульрика взяла его за руку и пылко произнесла:

— Я твоя, несмотря на брачные обязательства. Помни об этом.

Что-то пробормотав, он шагнул к двери и осторожно выскользнул в коридор.

Проходя мимо комнаты Ульсенна, он услышал стон. Новый лорд Фризгальта повернулся в своей постели.

За завтраком Арфлейн и Ульрика не решались, как и раньше, смотреть друг на друга. Они расположились на противоположных концах стола, усадив между собой Манфреда Рорсейна. Его рука все еще висела на перевязи, но казалось, что он, как обычно, в веселом настроении.

— Полагаю, что дядя еще раньше предлагал вам командовать «Ледовым духом» в экспедиции к Нью-Йорку?

Арфлейн молча кивнул.

— И вы согласны?

— Почти,— ответил Арфлейн, недовольный присутствием Манфреда.

— А что же вы скажете теперь?

— Я поведу корабль,— сказал Арфлейн.— Необходимо некоторое время, чтобы набрать команду и запастись продовольствием. Возможно, потребует ремонт. Я хотел бы изучить карты.

— Я принесу их,— сказал Манфред, косясь на Ульрику.— Как вы относитесь к предстоящему путешествию, кузина?

Она покраснела.

— Это желание моего отца,— просто ответила она.

— Отлично.— Манфред откинулся в кресле, не собираясь уходить. Арфлейн подавил в себе желание поторопить его.

Он попробовал растянуть трапезу, в надежде, что Манфред потеряет терпение и оставит их одних. Но Манфред поддерживал легкий разговор, очевидно, не замечая нежелания Арфлейна беседовать. Кончилось тем, что Ульрика, не в силах больше терпеть, поднялась из-за стола и вышла из комнаты. Арфлейн едва удержался, чтобы не последовать за ней.

Тотчас же после ее ухода Манфред поднялся с кресла.

— Подождите здесь, капитан, я принесу карты.

Интересно, думал Арфлейн, догадывается ли Манфред, что произошло сегодня ночью. Он был почти уверен, что даже если юноша и догадался, он ничего не расскажет Янеку, которого просто презирал. Но все же, тремя днями раньше, на льду, Манфред удержал его, когда он шагнул за Ульрикой. Видимо, юноша решил воспрепятствовать сближению Ульрики и Арфлейна. Манфред был загадкой для Арфлейна. Иногда он насмехался и пренебрегал традициями, а иногда старался твердо придерживаться их.

Зажав карты здоровой рукой, в комнату вошел Рорсейн. Арфлейн разложил их на столе.

Наибольшая карта, вычерченная в мельчайшем масштабе, показывала район в несколько тысяч миль. В поперечнике Арфлейн без труда узнал погребенные континенты Северной и Южной Америки. Должно быть, старый Рорсейн немало потрудился, вычерчивая ее. Тут же было четко указано обитаемое плато, когда-то бывшее змлей Матто Гроссо, а теперь занятое Восемью Городами. На восточном побережье северного континента был четко обозначен Нью-Йорк. От Матто Гроссо к Нью-Йорку вела линия. Над нею рукой Рорсейна было написано: «Прямой курс (невозможно)». Пунктирной линией был обозначен другой маршрут, идущий по древним участкам суши. Над ним стояло: «Вероятный курс». Местами он был исправлен чернилами разных цветов. Очевидно, эти изменения вносились уже во время путешествия. Лишь несколько отрывочных фраз указывали на препятствия, встреченные кораблем. Ссылаясь на ледяные заторы, огненные горы и города варваров, Рорсейн не давал, однако, точного указания их положения.

— Эти карты чертились по памяти,— сказал Манфред.— Длинные карты и корабельный журнал были утеряны во время крушения.

— Можно ли отыскать место крушения? — спросил Арфлейн.

— Вероятно, но игра не стоит свеч. Корабль разбит, журнал и карты безвозвратно утеряны при крушении.

Арфлейн развернул другие карты. На них был показан район, расположенный в нескольких сотнях миль от плато.

— Единственное, что мы знаем,— раздраженно пробурчал Арфлейн,— это куда смотреть, когда доберемся. И еще мы знаем, что добраться туда невозможно. Мы можем следовать лишь этим курсом и надеяться на лучшее, но я ожидал более точной информации. Сомневаюсь, что старик действительно нашел Нью-Йорк.

— Немного удачи, и мы узнаем об этом через несколько месяцев,— улыбнулся Манфред.

— И все же я недоволен картами,— сворачивая большую карту, произнес Арфлейн.

— У нас будет лучший корабль, лучший экипаж и лучший капитан,— убеждал его Манфред.

Арфлейн убрал остальные карты.

— Я сам подберу команду, проверю каждый дюйм троса, каждую унцию продовольствия и все, что мы возьмем на борт. На все приготовления уйдет, по крайней мере, две недели.

В этот момент открылась дверь. Четверо слуг внесли в комнату носилки с Янеком Ульсенном. Состояние нового правителя Фризгальта, похоже, улучшилось. Сев на носилках, он произнес:

— Вот ты где, Манфред. Видел ли ты Строма сегодня утром? Манфред покачал головой.

— Нет, я был в комнатах дяди.

По знаку Ульсенна слуги осторожно опустили носилки на пол.

— Зачем ты ходил туда? Ведь ты знаешь, они принадлежат теперь мне,— повысил голос Ульсенн.

Манфред показал на свернутые карты, лежащие на столе.

— Я ходил за картами, чтобы показать их капитану Арфлейну. Они необходимы, чтобы проложить курс «Ледового духа».

— Таким образом, ты собираешься выполнить этот пункт завещания? — ледяным тоном произнес Янек.— Это безрассудно. Петр Рорсейн был безумен, когда сделал иностранца своим наследником. Лучше бы он оставил наследство Уркварту, как-никак, он все-таки родня. Я мог бы объявить завещание недействительным...

Сжав губы, Манфред медленно покачал головой.

— Не смог бы, кузен. Все, что угодно, только не завещание старого лорда. Я уже огласил его. Все узнают, что ты отказываешься следовать его воле.

Внезапно Арфлейна осенило:

— Вы рассказали всему городу о Нью-Йорке? Старик не хотел предавать это огласке.

— Я не называл конкретно Нью-Йорк, упомянул лишь о городе, лежащем под плато,— сказал Манфред.

Ульсенн улыбнулся:

— Вот ты и попался. Просто ты упомянул об одном из отдаленных городов Восьмерки...

— Лежащем под плато? Кроме того, если бы в завещании был назван один из Восьми Городов, это было бы равносильно объявлению войны. Боль затуманила твой разум, кузен.

Закашлявшись, Ульсенн кинул взгляд на Манфреда.

— Ты дерзок, Манфред. Я теперь лорд. Я могу приказать убить вас обоих...

— Без суда? Это пустые угрозы, кузен. Поймут ли тебя люди?

Несмотря на большой авторитет Главного корабельного лорда, фактически власть оставалась в руках граждан города, которые уже не раз в прошлом свержали нежелательного им или деспотичного обладателя титула. Ульсенн никогда не решится на крутые меры по отношению к членам такой уважаемой семьи, как Рорсейны. Напротив, его собственное положение в городе было довольно непрочным. Он стал обладателем титула благодаря женитьбе. Посади он Манфреда или кого-то другого, находящегося под покровительством Рорсейна, в тюрьму — быть гражданской войне. Результат этой войны было легко предсказать.

— Вернемся к завещанию, кузен,— напомнил ему Манфред.— Как бы тебе это было ни неприятно, но капитан Арфлейн примет командование «Ледовым духом». Не беспокойся, представлять нашу семью будем мы с Ульрикой.

Ульсенн загадочно посмотрел на Арфлейна. Приказав слугам поднять носилки, он произнес:

— Если идет Ульрика, пойду и я!

Слуги вынесли его из комнаты.

Манфред с интересом вглядывался в лицо Арфлейна, пытаясь понять, какое впечатление произвело на него заявление Ульсенна. Капитан не был готов к этому, полагая, что Ульсенн будет слишком занят своими новыми обязанностями, слишком болен и труслив, чтобы присоединиться к экспедиции. Он полагал, что в предстоящем путешествии его ждет компания Ульрики. Теперь его ничто не интересовало.

Манфред рассмеялся:

— Выше голову, капитан. Янек не помешает нам. Он бухгалтер, домашний торговец, ничего не знающий о хождении под парусами. Он не может помешать нам, даже если бы захотел. Помочь нам найти убежище Ледовой Матери он не сможет, но и помехой не будет.

И хотя уверенность Манфреда была искренней, Арфлейн не был убежден, что юноша не понимает истинной причины его бес-

покойства. Интересно, думал он, догадывается ли Янек Ульсенн, что произошло сегодня ночью в спальне его жены. Взгляд, которым он смотрел на Арфлейна, подсказывал, что Ульсенн подозревает что-то.

Арфлейн был обеспокоен ходом событий. Ему хотелось тотчас же повидаться с Ульрикой и переговорить с нею.

— Когда вы начнете подбирать команду, капитан? — спросил Манфред.

— Завтра, — бросил Арфлейн. — Я увижу вас, прежде чем отправлюсь на корабль.

Махнув рукой на прощание, он вышел из комнаты и отправился по коридорам в поисках Ульрики. Он нашел ее в центральном зале нижней части дома, там, где сегодня ночью он впервые ласкал ее. При его появлении она быстро поднялась. Ее волосы были зачесаны назад, открывая бледное лицо. Как и в день похорон, на ней было черное платье, сшитое из тюленьей шкуры. Арфлейн закрыл дверь, но она попыталась пройти мимо него. Загородив одной рукой проход, Арфлейн взглянул ей в глаза, но она отвернулась.

— В чем дело, Ульрика? — В нем усилилось чувство беспокойства. — Ты слышала, что твой муж собирается присоединиться к нашей экспедиции?

Холодно посмотрев на Арфлейна, она отвела его руку.

— Извините, капитан Арфлейн, — официально сказала она. — Но будет лучше, если вы забудете о том, что произошло сегодня ночью. Мы оба были не в себе. Теперь я понимаю, что мой долг остаться верной мужу.

Она держалась подчеркнуто вежливо.

— Ульрика! — Он крепко сжал ее плечи. — Это он приказал тебе сказать это? Он угрожал тебе?

Она покачала головой:

— Разрешите пройти, капитан.

— Ульрика... — Его голос дрогнул. Опустив руки с ее плеч, он тихо произнес: — Почему?

— Помнится мне, вы с пылом защищали старые традиции, — ответила она. — Не сдиножды я слышала, как вы доказывали, что, предав веру, мы погибнем. Вы восхищались силой ума моего отца и видели эту силу во мне. Возможно, это и так, капитан. Впредь я буду верной моему супругу.

— Ты говоришь не то, что думаешь. Ты любишь меня. Твое сегодняшнее настроение естественно — все стало так сложно. Ты говорила, что ты моя, и это именно то, что лежит в твоём сердце.

Он не смог подавить отчаяния, явственно прозвучавшего в его голосе.

— Я думаю то, что говорю, капитан, и если вы уважаете старые традиции, вы будете уважать мое требование видаться как можно реже.

— Нет! — яростно прорычал он, подавшись к Ульрике. Она отшатнулась от него с ледяным выражением на лице. Арфлейн сделал шаг назад, пропуская ее.

Теперь он понял, что истинной причиной такой резкой смены отношений между ними была ее совесть. Оспаривать ее решение он не мог — это было ее право. Надежды на лучшее растаяли, как дым. Она медленно вышла. С перекошенным лицом он так хлопнул дверью, что сломал при этом замок.

Поспешно вернувшись в свою комнату, Арфлейн принялся собирать вещи. Он был уверен, что выполнит ее требование. Он не увидит ее до тех пор, пока корабль не будет готов к выходу.

Закинув за плечи мешок, он быстрым шагом направился по извилистым коридорам к выходу из дома, надеясь, что свежий воздух выветрит из его головы сумрачные мысли.

В зале он встретил удивленного Рорсейна.

— Куда вы, капитан? Неужели на корабль? Я думал, что вы отправитесь туда завтра...

— Сегодня, — прорычал Арфлейн, постепенно обретая утерянное самообладание. — И прямо сейчас. До выхода на лед я буду спать на борту. Так будет лучше.

— Возможно, — согласился Рорсейн, обращаясь больше к себе, чем к Арфлейну.

Г л а в а 10

НАСТРОЕНИЕ КОНРАДА АРФЛЕЙНА

Из всех вновь открытых для себя черт своего характера больше всего Арфлейна поражала способность отказаться от своих принципов ради обладания чужой женой. Столь же неожиданным было для него то, что он не мог спокойно воспринимать разлуку с этой женщиной.

Он скверно спал, постоянно возвращаясь в мыслях к Ульрике Ульсенн. Он ждал, уже без всякой надежды, что она вернется к нему, когда же этого не произошло, Арфлейн был вне себя от гнева. Он ходил по кораблю, по любым пустякам кричал на команду, рассчитывал матросов, нанятых им днем раньше, распекал почему зря офицеров в присутствии экипажа, при этом требуя, чтобы ему докладывали обо всем, что происходит на судне, приходя, однако, в ярость, когда его беспокоили по пустякам.

У Арфлейна была репутация хорошего шкипера, сурового, непоколебимого и честного. Китобои, составлявшие костяк команды, стремились попасть на «Ледовый дух», несмотря на таинственную

цель предстоящего путешествия. Теперь же кое-кто из них раскаивался в этом.

Арфлейн подписал контракты с тремя офицерами, вернее, оставил на борту двух имеющихся, а в качестве третьего пригласил Уркварта Длинное Копье. Казалось, что Уркварт не замечает странного состояния Арфлейна, но Потчнефф и старый Кристоф Хансен были удивлены и расстроены происшедшей в нем переменой. В отсутствии Уркварта, что случалось довольно часто, они, пользуясь случаем, обсуждали эту проблему со всех сторон. Арфлейн понравился им с самой первой встречи: Потчнефф высоко ценил в нем честность и силу духа, Хансен ощущал с ним тесную связь, основанную на воспоминаниях о днях их соперничества. Ни тот ни другой не понимали причины возникшей в Арфлейне перемены, и все же, веря своему первоначальному впечатлению, они надеялись, что вскоре все станет на свои места. Однако день ото дня терпение Потчнеффа таяло, так что Хансен едва уговорил его повременить с уходом.

Огромное судно почти полностью заменило паруса и тросы. Арфлейн проверял каждый штифт, каждый узел и каждый линь. Он осматривал корабль дюйм за дюймом, контролируя прилегание крышек люков, натяжение троса, правильность положения рей. Время от времени он испытывал рулевое колесо, поворачивая полость корабля.

Сначала, встречаясь с Арфлейном, экипаж радостно приветствовал его, но вскоре команда стала избегать этих встреч, а суеверные китобои начали поговаривать о проклятье и обреченности экспедиции. Однако очень немногие поспешили расторгнуть контракт.

Арфлейн молча наблюдал с мостика, как тюк за тюком, бочка за бочкой загружался трюм корабля провиантом. С каждой новой тонной груза он вновь проверял работоспособность штурвала и полость.

Однажды, заметив Потчнеффа, проверяющего, как один из матросов закреплял лини на грот-мачте, подошел к ним и повис на вантах, оценивая крепость узлов. К несчастью, один из них развязался.

— Вы называете это узлом, мистер Потчнефф? — оскорбительным тоном произнес он. — Я думал, в ваши обязанности входит проверять качество выполняемых работ.

— Так точно, сэр.

— Мне хотелось бы доверять своим офицерам, — усмехнулся Арфлейн. — Учтите это на будущее.

Вечером Хансен едва убедил своего товарища остаться на работе.

Шло время. Были назначены четыре порки за незначительные проступки. Казалось, что Арфлейн умышленно провоцирует экипаж убраться с корабля еще до выхода на лед. И все же многим он импонировал, а тот факт, что на корабле вместе с ним находился Уркварт, служил дополнительным стимулом для дальнейшего пребывания под командованием Арфлейна.

Изредка на борт поднимался Манфред Рорсейн. Обычно Арфлейн докладывал, что до выхода корабля осталось еще две недели, но с каждым разом, под тем или иным предлогом, он все дальше переносил дату, мотивируя это своей неудовлетворенностью оснащением корабля и ссылаясь на опасность предстоящего путешествия.

— Все верно, но с такими темпами мы упустим лето,— мягко напоминал ему Рорсейн.

Нахмурившись, Арфлейн отвечал, что может вывести корабль в любую погоду. Его осторожность, с одной стороны, и явная беспечность, с другой, мало убеждали Рорсейна, но он молчал.

Наконец ледовая шхуна была полностью готова. На ее борту царил идеальный порядок, на шлюпбалках, выполненных из китовых челюстей, слегка покачиваясь на ветру, висели небольшие шлюпы. Китовый череп на носу шхуны, ухмыляясь, смотрел на север, как бы бросая вызов поджидающим их опасностям. «Ледовый дух» был готов к выходу.

Все еще не решаясь послать за пассажирами, Арфлейн молча стоял на мостике, оглядывая корабль. На мгновение его охватило искушение выйти в рейс без Ульрики и Манфреда Рорсейна. Лед впереди корабля закрывали тучи снега, поднятые ветром, серое небо спустилось до самых мачт. Ухватившись за поручни, Арфлейн думал, что отправиться к открытому льду в такую погоду не составит труда.

Вздохнув, он повернулся к стоящему рядом Кристофу Хансену.

— Пошлите человека к Рорсейнам, мистер Хансен. Пусть передаст, что, если ветер продержится до завтра, утром мы отправляемся.

— Да, сэр.— В голосе Хансена прозвучало сомнение.— Завтра утром, сэр?

Арфлейн понимал причину его беспокойства. Погода явно портилась. К утру, вероятно, разразится снежная буря, видимость упадет почти до нуля, паруса можно будет поставить с большим трудом.

Но уже решив для себя, Арфлейн отвернулся от него.

Спустя два часа он заметил крытые сани, запряженные шестеркой бурых волков.

Внезапно налетел сильный порыв ветра с запада, накренив корабль на левый борт. Арфлейну не понадобилось отдавать ко-

манду проверить швартовочные канаты. Мгновенно несколько человек бросились к борту. Экипаж «Ледового духа» намного превосходил по своей численности все корабли, бывшие под командованием Арфлейна, но даже в минуты раздражения он сознавал, что дисциплина на корабле безукоризненная.

Сани, запряженные волками, остановились под самым бортом корабля.

Выругавшись, Арфлейн спустился с мостика и перегнулся через бортовое ограждение.

— Назад! — прокричал он вознице.— Какого черта ты подошел так близко к борту при таком ветре? Достаточно порваться одному канату, и вас раздавит как орех!

Из окна экипажа выглянула закутанная голова:

— Мы здесь, капитан Арфлейн. Манфред Рорсейн и Ульсенны.

— Прикажете вознице отъехать подальше. Он должен.

Новый порыв ветра подвинул корабль еще на несколько футов. Испуганный возница круто развернул волков, нахлестывая их плетью.

Арфлейн горько улыбнулся. При таком ветре не все капитаны рискнули бы сняться с якоря, однако он выведет корабль в любом случае. Может быть, это опасно, но тем хуже для Ульсенна и его родственников.

Выйдя из экипажа, Манфред Рорсейн и Ульсенны растерянно стояли на льду, ища глазами капитана Арфлейна. Отвернувшись, Арфлейн направился к мостику.

Файдур, корабельный боцман, встретил его у трапа.

— Послать кого-нибудь помочь пассажирам подняться на борт, сэр?

Арфлейн покачал головой.

— Пусть добираются сами,— ответил он.— Можешь опустить сходни, если тебе хочется.

Чуть позднее он увидел карабкающегося по трапу Янека Ульсенна. Рядом с мужем, закутанная в меха с ног до головы, шла Ульрика. Он перехватил ее взгляд из-под капюшона. За ними следовал Манфред, приветственно помахав рукой Арфлейну. Он вынужден был ухватиться за поручни трапа при первом порыве ветра, вновь сдвинувшем корабль.

Через четверть часа юноша появился на мостике.

— Кузина с мужем прошли в отведенные для них каюты, капитан,— сказал он.— Наконец мы готовы?

Кивнув, Арфлейн отошел к правому борту, избегая юноши. Казалось, не замечая этого, Манфред последовал за ним.

— Бесспорно, вы знаете свое дело, капитан. Уверен, что во время путешествия мы не будем испытывать больших трудностей.

Арфлейн окинул Рорсейна взглядом:

— Их вообще не будет,— сухо ответил он.— Надеюсь, вы помните своим родственникам, что я лично командую кораблем с момента его выхода на лед. В моей власти принимать любые решения, дабы обеспечить спокойное продвижение к цели.

— В этом нет нужды, капитан,— улыбнулся Рорсейн.— Безусловно, мы понимаем это. Это закон льдов. Вы — капитан, мы подчиняемся вашим решениям.

Арфлейн нахмурился:

— Вы уверены, что Ульсенны понимают это?

— Уверен, Янек не сделает ничего, что оскорбило бы вас. Возможно немного похмурится, только и всего. Сомневаюсь, что он вообще поднимется на палубу в ближайшее время.— Манфред замолчал и шагнул к Арфлейну.— Капитан, кажется, вы чувствуете себя не в своей тарелке, с тех пор как приняли командование. Что-нибудь случилось? Вас тревожит предстоящее путешествие? Мне показалось, что вы усмотрели в этом... святотатство.

Покачав головой, Арфлейн взглянул на Рорсейна.

— Вы знаете, что это не так.

На мгновение юноша смутился.

— Я не хочу вмешиваться в ваши личные дела...

— Благодарю вас.

— Мне кажется, что безопасность корабля полностью зависит от вас. Если вы не в настроении, капитан, может, имеет смысл отложить поход?

— Со мной все в порядке! — перекрывая шум ветра, прокричал Арфлейн.

— Я подумал, что мог бы помочь...

Поднеся мегафон ко рту, Арфлейн крикнул Хансену, идущему по спардеку:

— Мистер Хансен, отправьте несколько человек подтянуть провисшие паруса!

Не говоря ни слова, Манфред Рорсейн покинул мостик. Сложив руки на груди, Арфлейн проводил его хмурым взглядом.

Г л а в а 11

ПОД ПАРУСАМИ

На следующее утро буран покрыл город и корабли белой скатертью. Небо слилось с землей, на белом фоне снежной стены проглядывали лишь мачты кораблей. Температура опустилась ниже нуля. Лед покрыл такелаж и свернутые на реях паруса. В воздухе, подобно пулям, проносились частицы льда. Пройти даже несколько шагов против давящей волны бурана было почти невозможно. Провисшие паруса хлопали на ветру подобно тюленьим плавникам.

Едва только вахтенный пробил две склянки, Конрад Арфлейн с опущенным на глаза козырьком и повязкой на лице, вышел из своей каюты. Добравшись сквозь снежную пелену до носа корабля, он вглядывался в даль. Перед ним стояла белая стена снега. Не говоря ни слова, он прошел мимо стоявшего на вахте Поттнеффа обратно.

Поттнефф проводил его обиженным взглядом.

К половине седьмого утра снегопад прекратился, и сквозь завесу туч на землю пробился слабый солнечный свет. На мостике, рядом с Арфлейном, уже стоял Хансен с мегафоном в руке. По вантам медленно двигались одетые в теплую одежду матросы. На палубе, рядом с грот-мачтой, стоял Уркварт, наблюдая за работой экипажа. Арфлейн посмотрел на Хансена.

— Все готово, мистер Хансен?

Получив утвердительный ответ и понимая, что Рорсейн и Ульсенны еще спят, он скомандовал:

— Отдать швартовы!

— Отдать швартовы! — прогремел по кораблю голос Хансена, и матросы бросились к швартовочным канатам. Освободившись от канатов, шхуна подалась с места.

— Поднять стаксель!

Команда была тут же выполнена.

— Поднять топсель!

Наполненные ветром паруса изогнулись подобно крыльям гигантской птицы, медленно увлекая корабль вперед. Из-под скользящих по льду полозьев фонтанами полетел снег. Мимо стоящих на приколе судов шхуна вышла из порта, покачиваясь на неровностях льда. Коршуны, оглушительно крича, закружили над развесающимся на ветру огромным штандартом Рорсейнов. Огромное грациозное судно все дальше уходило от порта. Налипший на тросы лед падал вниз, подобно драгоценному дождю. «Ледовый дух», оставив позади Фризгальт, двигался на север.

— Поднять паруса, мистер Хансен.

Одно за другим, полотнища затрепетали на ветру, и судно пошло по льду на полных парусах.

Хансен вопросительно взглянул на Арфлейна: никто еще не выходил из порта, подняв все паруса. Но тут же он заметил, как меняется выражение лица Арфлейна по мере увеличения скорости судна. Оно смягчилось, на губах появилась улыбка, в глазах разгорался огонь.

Арфлейн глубоко вздохнул, наслаждаясь бьющим в лицо ветром и качанием палубы под ногами.

Впервые с тех пор, как Ульрика Ульсенн отвергла его, он почувствовал облегчение. Улыбнувшись Хансену, он сказал:

— Это настоящий корабль, мистер Хансен!

Старый Кристоф, донельзя обрадованный перемной, происшедшей в Арфлейне, широко улыбнулся:

— Да, сэр. Он умеет ходить.

Под мостиком на палубе и наверху, по вантам, двигались под неустанным наблюдением Уркварта моряки, подобно черным призракам на фоне белого снега. Изредка Длинное Копье забирался на ванты, помогая морякам управляться с такелажом. Холод и снег, в сочетании с необходимостью надевать теплые рукавицы, сильно затрудняли работу китобоев, хотя они и привыкли к таким условиям больше, чем торговые моряки.

Арфлейн ни разу еще толком не говорил с Урквартом. Он был рад заполучить гарпунщика, предложив ему место третьего офицера. Арфлейн не понимал, почему Уркварт согласился принять его, поскольку ему не было сказано ни слова о цели их путешествия. Перехватив взгляд капитана, Уркварт холодно кивнул ему.

Арфлейн верил в способности Уркварта командовать экипажем, зная о его высоком престиже среди китобоев. Он не сомневался в правильности своего решения, но сейчас вновь удивился согласию Уркварта.

Было бы понятно, если бы он согласился принять участие в китовой охоте, но не было никакого объяснения, почему профессиональный гарпунщик отправился в таинственную исследовательскую экспедицию. Возможно, Уркварт, чувствуя ответственность за дочь и племянника своего покойного отца, решил сопровождать их. Внезапно перед глазами Арфлейна возник образ Уркварта у могилы старого Рорсейна. Хотя, возможно, гарпунщик просто чувствовал дружеское расположение к Арфлейну. В конце концов именно Уркварт, оценив состояние Арфлейна в эти дни, понял необходимость оставить его в покое. Из всех обитателей корабля Арфлейн ощущал привязанность лишь к гарпунщику, хотя тот и оставался для него чужим. Он уважал Хансена, но после их размолвки на борту «Ледового духа», два месяца назад, теплота их отношений несколько поубавилась.

Откинувшись на поручни, Арфлейн наблюдал за работой команды. Пока корабль не начнет спускаться с плато, ему ничего не грозит, а до края плато, даже если идти полным ходом, было несколько дней пути. Он позволил себе забыть обо всем, кроме движения корабля, вида снега, вылетающего из-под полозьев, и отраженных во льду вспышек бледно-красно-желтого неба.

Среди моряков бытовала присказка, что корабль под мужчиной так же хорош, как и женщина. Теперь Арфлейн согласился с этим. Едва только шхуна вышла на курс, как его настроение резко поднялось. Он все еще думал об Ульрике, но теперь не ощущал в себе такого отчаяния, такой ненависти ко всему человечеству, что владели им во время подготовки корабля.

Оглядываясь назад, он почувствовал себя виноватым за свое хамское поведение с офицерами и экипажем. Манфреда Рорсейна беспокоило, что его состояние продлится долго, но сам Арфлейн отвергал мысль об этом. Теперь же он понимал юношу. Нельзя нормально командовать кораблем, оставаясь в таком состоянии. Его удивляло, что простое ощущение движения корабля по льду может так изменить его за какой-то час. Он признавал, что и раньше, сходя с корабля, ощущал какое-то беспокойство, но еще никогда его плохое настроение не доходило до таких пределов. Он гордился своим самообладанием. На время он потерял его, теперь обрел вновь.

Возможно, он сам еще не понимал, что стоит Ульрике Ульсенн пару раз попасться ему на глаза, как от его самообладания не останется следа. Даже когда он увидел поднимающегося на борт Янека, которому помогал Потчнефф, даже это не омрачило его настроения. Саркастически улыбнувшись Ульсенну, он произнес:

— Мы уже в пути, лорд Ульсенн, надеюсь, мы не разбудили вас?

Потчнефф буквально открыл рот от изумления. Он уже настолько привык к хмурому виду своего капитана, что любое проявление веселости Арфлейна казалось ему чем-то из ряда вон выходящим.

— Вы разбудили нас,— начал было Ульсенн, но Арфлейн перебил его, обратившись к первому офицеру:

— Полагаю, что вы стояли на вахте всю ночь, да еще прихватили половину утренней вахты, мистер Потчнефф?

— Да, сэр.

— Я думаю, что вам следует пойти отоспаться в свою каюту.— Арфлейн вложил в голос всю вежливость, на которую был способен.

Потчнефф пожал плечами:

— Я хотел отдохнуть, но встретил лорда Ульсенна...

Арфлейн махнул рукой.

— Я вижу. Отправляйтесь к себе, мистер Потчнефф.

— Слушаю, сэр.—

Оставив Ульсенна, первый офицер спустился по трапу. Арфлейн умышленно игнорировал Ульсенна, и тот сознавал это. Он злобно смотрел на Арфлейна.

— Вы можете полностью командовать кораблем, капитан, но мне кажется, что вы могли бы быть вежливее с пассажирами и офицерами. Потчнефф рассказал мне, что вы тут вытворяли, приняв командование. Ваша невоспитанность на устах всего Фризгальта. Предоставленная вам возможность возвыситься над вашими приятелями не дает вам права...

Арфлейн вздохнул.

— Я убедился, что корабль содержится в образцовом порядке, если именно это Потчнефф имел в виду, — ответил он.

Его удивила неверность Потчнеффа. Вероятно, первый офицер был более привязан к правящим кругам Фризгальта, нежели к иноземному капитану. Должно быть, его собственное поведение подтолкнуло первого офицера к этому. Арфлейн пожал плечами. Если первый офицер чувствовал себя обиженным — что поделаешь, лишь бы хорошо выполнял свои обязанности.

Заметив жест Арфлейна, Ульсенн неверно истолковал его.

— Вам известно, как отзываются о вас ваши люди?

Небрежно откинувшись к ограждению, Арфлейн сделал вид, что его страшно интересует стремительно убегающий лед.

— Команда всегда ворчит на капитана. Так было всегда, важно лишь, как это отражается на ее работе. На это путешествие я нанял китобоев. Я ожидал, что они будут недовольны.

— Они говорят, что вы несете на себе проклятье, — пробормотал Ульсенн, хитро поглядывая на Арфлейна.

Арфлейн расхохотался:

— Они слишком суеверны. Веря в проклятия, они испытывают удовлетворение. Успокойтесь, лорд Ульсенн, — сказал Арфлейн. — Возвращайтесь в каюту и дайте отдых своим ногам.

Гнев перекошил тощее лицо Ульсенна.

— Вы невозможный грубиян, капитан.

— К тому же, я непреклонен, лорд Ульсенн. Командование экспедицией полностью в моих руках, любая попытка подменить меня в этом будет встречена соответственно. — Арфлейн решил воспользоваться возможностью припугнуть Ульсенна. — Извольте сойти с мостика!

— Экипаж и офицеры недовольны вашим поведением. Что, если они чувствуют вашу некомпетентность?

Голос Ульсенна перешел в визг.

Лишь недавно обретя утраченное самообладание, Арфлейн испытал чувство радости, видя как выходит из себя его собеседник.

— Спокойствие, милорд. Если они недовольны, существует обычный в таких случаях порядок. Можно поднять мятеж, что было бы неразумно. Во-вторых, можно выбрать временного капитана, отстранив меня от должности. В любом случае экспедиция будет сорвана, мы заходим в первый же дружественный нам город и составляем обычный рапорт. — Арфлейн сделал нетерпеливый жест. — Сэр, вам следует раз и навсегда смириться с моим командованием. Наше путешествие будет долгим, лучше избегать подобных конфликтов.

— Вы сами порождаете эти конфликты, капитан.

Презрительно пожав плечами, Арфлейн не удостоил его ответом.

— Я оставляю за собой право отменять ваши приказы, если они не отвечают интересам экспедиции,— продолжал Ульсенн.

— А я оставляю за собой право, сэр, вздернуть вас при первой же попытке к неповиновению. То же ожидает и любого члена команды.

Ульсенн фыркнул.

— Вне всякого сомнения, вам известно, что большинство членов экипажа, включая офицеров,— фризгальтийцы! Поэтому они будут слушать меня, а не чужеземца...

— Возможно,— ответил Арфлейн.— В любом случае, мое капитанство дает мне право, как я уже сказал, пресекать любую попытку мятежа, пресекать словом, либо делом.

— Вы знаете свои права, капитан,— в ответе Ульсенна слышался сарказм,— но они искусственны. Мое право, право крови,— командовать жителями Фризгальта.

Стоявший рядом с Арфлейном Хансен неожиданно хихикнул. При этом он демонстративно прикрыл рот одетой в рукавицу рукой.

Это возымело действие. Ульсенн был полностью разбит. Взяв его за руку, Арфлейн проводил лорда до трапа.

— Возможно, все наши права искусственны, лорд Ульсенн, но мои права призваны поддерживать на корабле дисциплину.

Ульсенн начал спускаться на палубу. Он оттолкнул руку пытавшегося ему помочь Хансена, и, преодолевая боль, поковылял по палубе. Хансен усмехнулся, капитан осуждающе сжал губы. Остатки туч исчезли, и небо окрасилось в нежно-голубой цвет. Ровно идущий корабль четко вырисовывался на фоне сливающихся вдалеке неба и льда.

Оглянувшись, Арфлейн отметил про себя, что люди собираются небольшими группами на верхней палубе. От них к мостику направились Уркварт.

Г л а в а 1 2

НА КРАЮ

Арфлейн с удивлением наблюдал за поднимающимся на мостик гарпунщиком. Возможно, Уркварт почувствовал, что настроение капитана изменилось к лучшему и он готов увидеться с ним. Коротко кивнув Хансену, гарпунщик остановился перед Арфлейном, воткнул гарпун в палубу и задумчиво оперся о него. Откинув капюшон, он открыл спутанную гриву черных волос. Его чистые голубые глаза внимательно разглядывали Арфлейна, тогда как худое красное лицо оставалось, как всегда, неподвижным. От него исходил слабый запах китовой крови и ворвани.

— Итак, сэр,— произнес он грубым, но тихим голосом,— мы в пути.

Казалось, он чего-то ждал от Арфлейна.

— Вы хотите знать цель нашего путешествия, мистер Уркварт? — спросил Арфлейн.— Мы направляемся искать Нью-Йорк.

Стоявший рядом с Урквартом Хансен выпучил глаза от удивления.

— Но это строго между нами,— предупредил Арфлейн.— Я хочу, чтобы об этом знали только офицеры.

На угрюмом лице Уркварта появилась улыбка. Она быстро исчезла, но голубые глаза гарпунщика засветились.

— Итак, мы идем к Ледовой Матери, капитан!

Он не ставил под сомнение само существование мифического города, будучи твердо уверенным в его реальности. Однако старое морщинистое лицо Хансена несло на себе печать скепсиса.

— Для чего мы идем туда, сэр? Может, цель нашего путешествия — подтвердить сам факт его существования?

Арфлейн, поглощенный изучением реакции Уркварта, ответил довольно неопределенно.

— Лорд Петр Рорсейн обнаружил город, но был вынужден вернуться, так и не исследовав его. У нас есть карта, думаю, что город действительно существует.

— А Ледовая Мать ждет нас в своем дворце? — Хансен не смог удержаться, чтобы не сыронизировать.

— Узнаем, когда доберемся туда, мистер Хансен.

На мгновение Арфлейн переключился на второго офицера.

— Она будет там,— убежденно произнес Уркварт.

С удивлением взглянув на гарпунщика, Арфлейн обратился к Хансену.

— Помните, мистер Хансен,— это строго секретно!

— Так точно, сэр.— Помолчав, Хансен тактично добавил: — Если мистер Уркварт хочет поговорить с вами, я сделаю обход корабля, сэр. Всегда хорошо, чтобы кто-то наблюдал за командой.

— Совершенно верно, мистер Хансен. Благодарю вас.

После того как Хансен покинул мостик, мужчины некоторое время стояли молча, не зная, как начать разговор. Вытащив из палубы гарпун, Уркварт подошел к ограждению. За ним последовал и Арфлейн.

— Довольны, что приняли приглашение, мистер Уркварт? — наконец спросил он.

— Да, сэр.

— Вы действительно думаете, что мы найдем Ледовую Мать?

— А вы, капитан?

Арфлейн сделал неопределенный жест.

— Три месяца назад, мистер Уркварт, я бы сказал — да, существование Нью-Йорка поддерживало бы мою веру. Теперь же... Ученые утверждают, что Ледовая Мать умирает.

Уркварт переступил с ноги на ногу.

— В таком случае ей понадобится наша помощь, сэр. Может быть, поэтому мы и отправились в путь. Вероятно, это судьба, и она зовет нас.

— Может быть.— В голосе Арфлейна прозвучало сомнение.

— Думаю, что так, капитан. Петр Рорсейн был ее посланником, поэтому вы и нашли его на льду. Передав вам сообщение, он умер. Неужели вы не понимаете, сэр?

— Может, так и есть,— согласился Арфлейн.

Мистицизм Уркварта смущал даже Арфлейна. Взглянув в его глаза, он увидел фанатизм и абсолютную уверенность в своих словах.

— Я уже не тот, что был раньше, мистер Уркварт,— печально сказал он.

— Да, сэр.— Казалось, что Уркварт разделяет его печаль.— Но вы найдете себя в этом путешествии и восстановите свою веру, сэр.

Арфлейн был поражен вмешательством Уркварта в его личные дела.

— Возможно, эта вера не нужна мне теперь, мистер Уркварт.

— Возможно, вам нужна она больше, чем кому-либо из нас, капитан.

Арфлейн успокоился:

— Я удивляюсь тому, что произошло со мной. Три месяца назад...

— Три месяца назад вы не были знакомы с семьей Рорсейнов, капитан.— В голосе Уркварта прозвучала жалость.— Они заразили вас своей слабостью.

— Я понял, что вы чувствовали себя ответственным за безопасность этой семьи,— произнес Арфлейн.

— Я хочу сохранить вам жизнь, если именно это вы имеете в виду,— уклончиво ответил Уркварт.

— Не уверен, что понимаю вас,— начал было Арфлейн, но Уркварт уже отвернулся от него, устремив взгляд к горизонту.

Молчание затянулось. Арфлейн чувствовал, что доверительность в их разговоре исчезла. Гарпунщик вновь повернулся к нему, черты его лица несколько смягчились.

— Это воля Ледовой Матери,— сказал он.— Вам нужна была помощь семьи, чтобы заполучить корабль. Теперь же всеми силами избегайте наших пассажиров, капитан. Они слабы. Даже старик был слишком снисходителен, а он был лучше оставшихся в живых...

— Вы утверждаете, что это дело рук Ледовой Матери, — хмуро произнес Арфлейн. — Я не думаю, что другая сила толкнула меня на встречу с этой семьей...

— Думайте что вам угодно, — нетерпеливо ответил Уркварт. — Я же доподлинно знаю вашу судьбу. Избегайте семьи Рорсейнов.

— А как с лордом Ульсенном?

— Лорд Ульсенн — ничто, — усмехнулся Уркварт.

Обеспокоенный замечанием Уркварта, Арфлейн промолчал. Теперь он и сам понял, насколько крепко связала его судьба с этими тремя людьми. И все же, думал он, в каждом из них есть своя сила. Они не настолько уж нежны, как полагает Уркварт. Даже Ульсенн, несмотря на свою природную трусость, был по-своему честен, пусть даже в вере на свое абсолютное право управлять людьми. В том, что Арфлейн отступил от своих убеждений, проявилась его слабость, не их. Уркварт объяснял это их влиянием. Может, он и прав.

Вздохнув, Арфлейн смахнул снег с ограждения.

— Надеюсь, мы найдем Ледовую Мать, — наконец сказал он. — Я должен быть уверен, мистер Уркварт.

— Она будет там, капитан. Вскоре вы сами убедитесь в этом.

Протянув руку, Уркварт взял Арфлейна за плечо. В его глазах светилась вера. Рука потрясла громадный гарпун.

— Это верно, — указав на лед, пламенно произнес он. — Соберитесь с силами, капитан. Они вам понадобятся.

Спустившись с мостика, гарпунщик удалился, оставив Арфлейна с беспокоеством на душе. Но в то же время он, Арфлейн, был настроен куда более оптимистически, чем раньше.

С того времени Уркварт стал частенько заглядывать на мостик. Обычно он молчал, прислонившись к рулевой рубке или облокотившись на поручни ограждения, как будто пытался своим присутствием передать свою силу духа. Он был одновременно и наставником и опорой капитана, а их корабль быстро продвигался к краю плато.

Спустя несколько дней Манфред и Арфлейн стояли над разложенными в каюте капитана картами.

— Завтра мы подойдем к краю. — Рорсейн указал на карту плато, единственную из всех имеющихся у них. — Спуск будет трудным, капитан?

Арфлейн покачал головой.

— Не знаю. Посмотрите, в этом месте свободный путь. — Он положил руку на карту. — Ваш дядя назвал его Великим Северным Путем.

— Здесь он потерпел крушение. — Лицо Рорсейна изменилось.

— Да, — кивнул Арфлейн. — Следуя курсом норд-ост-норд, на три четверти к норду, мы подойдем к месту, где спуск довольно

полог и нет холмов. Неровности начнутся в самом низу. Думаю, что смогу справиться с этим.

Рорсейн улыбнулся:

— Похоже, что вы вновь обрели уверенность, капитан.

Арфлейн никак не отреагировал на это.

— Проложим курс,— холодно сказал он.

Выйдя из каюты на палубу, они едва не столкнулись с Янском и Ульрикой Ульсенн. Поклонившись, Рорсейн улыбнулся им. Арфлейн же нахмурился. Впервые с начала путешествия он так близко подошел к женщине. Проходя мимо них, она едва слышно поздоровалась, пряча глаза. Ульсенн же смерил их злобным взглядом.

Чувствуя слабость в ногах, Арфлейн поднялся на мостик, где уже стоял Уркварт с неизменным гарпуном в руке. Пройдя мимо него в рубку, Арфлейн и Рорсейн приветственно кивнули. При их появлении рулевой отдал честь.

Арфлейн подошел к большому грубому компасу. Лежащий рядом с ним хронометр насчитывал уже несколько веков и ходил весьма неточно. Однако даже этого оборудования хватало, чтобы довольно точно проложить курс. Развернув карту, Арфлейн разложил ее на столе, произвел вычисления и, убедившись в своей правоте, удовлетворенно кивнул.

— Следует приставить к штурвалу еще одного человека,— решил он и, высунувшись из дверей, обратился к Уркварту:

— Мистер Уркварт, пришлите сюда помощника для рулевого. Уркварт направился к трапу.

— И направьте еще двоих людей наверх,— крикнул ему вслед Арфлейн.— Нам нужно много дозорных. Край плато уже близко.

Вернувшись к штурвалу, он оттеснил рулевого. Схватившись обеими руками за ручки колеса, он взглянул на компас и повернул «Ледовый дух» на несколько румбов право руля.

Удостоверившись, что корабль лег на новый курс, он вернул управление рулевому.

— Твоя задача довольно проста,— обратился Арфлейн к вошедшему в рубку второму матросу.— Будешь стоять наготове, чтобы при необходимости помочь рулевому справиться со штурвалом.

Арфлейн с Рорсейном вновь вышли на мостик.

Взглянув на юг, они увидели Уркварта, разговаривающего с группой моряков.

— Похоже, Уркварт причислил вас к нашей семье, капитан.

В голосе Уркварта не было и намека на усмешку, но Арфлейн с подозрением посмотрел на него.

— Не уверен в этом.

Юноша рассмеялся.

— Уж Янек точно не сделал бы этого. Вы видели, как он смотрел на вас? Не знаю, почему он ввязался в это предприятие. Он ненавидит корабли. У него свои дела во Фризгалте. Может быть, он хочет защитить Ульрику от внимания диких моряков?

Арфлейн почувствовал беспокойство, не зная, как расценить слова Рорсейна.

— Она здесь в полной безопасности,— проворчал он.

— Я знаю,— согласился Манфред.— Но Янек не уверен в этом. Он ревнует. И ценит ее не меньше чем склад, полный парусов. Арфлсйн пожал плечами.

Облокотившись о перила, Манфред рассеянно смотрел на ваны, по которым уже карабкались к вороньему гнезду на бомбрам-стенге фок-мачты дозорные, посланные Урквартом.

— Полагаю, что это наш последний день на безопасном льду,— сказал он.— Пока путешествие складывается для меня неинтересно. Возможно, на краю нас ждут приключения.

Арфлейн улыбнулся:

— Не сомневаюсь, что так и будет.

Небо было по-прежнему голубым и безоблачным. Лед сверкал под солнцем, а белые, туго натянутые паруса переливались светом. Едва слышно потрескивали полозья, подпрыгивая на небольших неровностях льда, да изредка скрипели рей.

Рорсейн усмехнулся:

— Надеюсь, мне подумалось, что вам небольшое приключение тоже доставит радость.

На следующий день появился край плато. Казалось, что горизонт резко приблизился. Арфлейн, бывший до этого рядом с краем всего однажды, содрогнулся, глядя вперед.

В действительности спуск был достаточно пологим, но с корабля казалось, что земля оборвалась и корабль идет к неминуемой гибели. Ощущение такое, будто он подошел к краю земли. Мир, лежащий за краем был полностью незнакомым. Едва только корабль начал спуск, им овладел страх.

Стоя на мостике, Арфлейн поднес мегафон к губам.

— Абордажные крючья за борт, мистер Потчнефф! — закричал он первому офицеру.— И пошевеливайтесь!

Заостренные крючья замедлят ход, подумал он.

Внезапно шхуна опасно закачалась с борта на борт.

— Сэр! — закричал из рубки Хансен.

Арфлейн подбежал к нему.

— В чем дело, мистер Хансен?

Двое матросов, уцепившись за штурвал, пытались удержать корабль на курсе.

— Полозья разворачиваются, сэр,— с тревогой произнес Хансен.— Совсем немного, но нам трудно удерживать их. Они попали

в каналы во льду, сэр. При такой скорости мы можем перевернуться.

Встав между двумя матросами, Арфлейн ухватился за штурвал. Он тотчас же понял, что имел в виду Хансен. Полозья скользили по неглубоким, но прочным канавкам во льду, образовавшимся в результате постоянного, на протяжении многих веков, передвижения льда. Перед ними стояла реальная угроза перевернуться.

— Сюда необходимо еще двоих, — сказал Арфлейн. — Найдите двух лучших рулевых из тех, что мы имеем, и убедитесь, что они крепкие ребята.

Хансен выбежал из рубки. Арфлейн с двумя матросами повис на штурвале, корабль начал заметно вибрировать.

Вместе с Хансеном в рубку вошли два матроса. Но даже несмотря на их помощь корабль продолжал опасно разворачиваться на спуске, угрожая выйти из-под контроля. Арфлейн взглянул на нос судна. Конца спуска не было видно. Казалось, он будет продолжаться вечно.

— Оставайтесь здесь, мистер Хансен, — сказал он. — Пойду взгляну, что нас ждет впереди.

Сойдя с мостика, Арфлейн по дрожащей палубе добрался до бака. Лед впереди корабля ничем не отличался от того, что был за кормой. Подпрыгивая, корабль разворачивался, а затем вновь возвращался на курс. Крутизна спуска заметно возрастала. Возвращаясь назад, Арфлейн заметил Ульрику Ульсенн. Рядом с ней, вцепившись руками в ограждение и широко раскрыв глаза, стоял Янек.

— Причин для беспокойства нет, мэм, — подойдя к ней, произнес Арфлейн.

Взглянув на него, Янек подозвал жену к себе. С болью в глазах она повернулась и отошла от Арфлейна.

Впервые, с тех пор как они расстались, он увидел на ее лице следы эмоций. Он был удивлен. Беспокойство за безопасность корабля заставило его забыть свои чувства. Он заговорил с ней, как заговорил бы с любым другим пассажиром.

Им овладело желание последовать за Ульрикой, но в это время корабль сошел с курса и, казалось, стал скользить боком.

Припустив бегом, Арфлейн одним махом поднялся на мостик и влетел в рубку. Хансен и четверо матросов боролись со штурвалом. По их лицам катился пот. Ухватившись за ручку колеса, Арфлейн пытался помочь им вернуть корабль на курс.

— Мы идем чертовски медленно, — проворчал он. — Если мы увеличим скорость, то вполне возможно, что проскочим эти канавки по воздуху.

Корабль снова толкнуло в бок. Сжав зубы, Арфлейн попытался повернуть штурвал.

— Выбивайте штифт, сэр! — взмолился Хансен. — Бросайте якорь!

Арфлейн бросил на него хмурый взгляд. Никогда капитан не бросит якорь, если есть еще надежда найти другой выход.

— Какой смысл замедлять ход, мистер Хансен? — ледяным тоном спросил он. — Наоборот, нам нужно прибавить скорость!

— Остановите корабль, сэр, выбейте аварийный штифт. Это наш единственный шанс. Должно быть, именно это и привело лорда Рорсейна к крушению.

Арфлейн сплюнул на пол.

— Якоря, аварийные штифты, скорее! Нет, мистер Хансен, мы пойдем под всеми парусами!

В своем удивлении Хансен почти забыл о штурвале. Он уставился на капитана.

— Под всеми парусами.

Полозья резко завизжали, и корабль понесло боком. Несколько мгновений они молча бились с колесом, прежде чем сумели вернуть корабль на курс.

— Еще два-три таких спуска, и мы потеряем шхуну, — убежденно произнес ближайший к Арфлейну матрос.

— Да, — проворчал Арфлейн, глядя на Хансена. — Поставить все паруса!

Видя нерешительность помощника, Арфлейн снял со стены мегафон и вышел на мостик.

На баке он увидел испуганного Потчнеффа. На корабле царила атмосфера молчаливой паники.

— Мистер Потчнефф, — проревел в мегафон Арфлейн. — Отправьте людей на реи! Полные паруса!

Потчнефф недоверчиво посмотрел на него.

— Что вы сказали, сэр?

— Полные паруса. Чтобы управлять кораблем, нам нужна скорость!

Угрожающе задрожав, корабль начал новый разворот.

— Все на ванты! — закричал Арфлейн и, бросив мегафон, кинулся обратно в рубку. Хансен старательно избегал его взгляда, несомненно полагая, что капитан сошел с ума.

Через иллюминатор Арфлейн посмотрел на карабкающихся по вантам матросам. И вновь они успешно вернули корабль на прежний курс. Захлопали наполняющиеся ветром паруса. Корабль еще быстрее помчался по крутому спуску.

Убедившись, что штурвал начал слушаться его, Арфлейн испытал чувство удовлетворения. Он по-прежнему требовал к себе внимания, но держать корабль по курсу стало намного легче.

Однако появилась опасность, что при неожиданном появлении на пути любого препятствия они врежутся в него.

— Идите на палубу, мистер Хансен,— приказал он насмерть перепуганному офицеру.— Передайте Уркварту, чтобы он с мегафоном забрался на мачту и осуществлял дозор!

С увеличением скорости корабля лед по его бортам как бы размазался в одно большое пятно.

Подпрыгнув на льду, огромный корабль вновь опустился на поверхность, скрипя полозьями. Управлять им стало неизмеримо легче.

Лицо Уркварта, бросившего взгляд на рубку, оставалось спокойным, экипаж не выглядел испуганным. Арфлейн обрадовался ощущению, что дискомфорт исчез.

Примерно час шхуна продолжала свой стремительный спуск. Казалось, она несется по горе, не имеющей ни начала, ни конца, поскольку и то и другое было вне пределов видимости. Корабль легко реагировал на каждый поворот штурвала, полозья, казалось, парят над льдом. Арфлейн подумал, что, пожалуй, можно передать штурвал Хансену, что явно тому пришлось по душе.

Арфлейн забрался на трос и повис на лине рядом с Урквартом. Гарпунщик слегка улыбнулся.

— Вы в диком настроении, капитан,— одобрительно произнес он.

Прямо над ними лед резко уходил вниз, простираясь до самого горизонта. Мелкие осколки льда, вылетая из-под полозьев, падали на палубу. Один из них попал Арфлейну в губу, разрезав ее до крови, но тот даже не заметил этого.

Вскоре спуск стал более пологим, лед — более неровным, но скорость корабля от этого не уменьшилась. Напротив, шхуна прыгала по льду, взлетая и падая на ледовых волнах.

Ощущение полета еще больше подняло настроение Арфлейна. Опасность была так же хороша, как хорошо было его прошлое. Качаясь на вантах, он затянул какую-то мелодию, чувствуя, как падает напряжение на корабле.

Спустя некоторое время Уркварт тихо позвал его:

— Капитан!

Бросив взгляд на гарпунщика, он увидел, что его глаза широко раскрылись, указывая на что-то впереди.

Взглянув на низкие гряды льда, Арфлейн увидел нечто напоминающее зелено-черную полосу, перерезавшую их путь. Он не поверил своим глазам, но Уркварт произнес роковое слово:

— Расселина, капитан, и, похоже, довольно широкая. Нам не пройти ее!

Должно быть, трещина появилась уже после путешествия Петра Рорсейна. Арфлейн выругал себя: он обязан был предусмотреть

это, поскольку новые трещины были обычным делом, особенно здесь.

— К тому же при такой скорости нам не хватит времени остановиться.— Арфлейн начал спускаться по вантам на палубу, пытаясь успокоить себя в надежде, что команда не заметит трещины.— Даже якорь не остановит нас, мы просто-напросто перевернемся и упадем в трещину днищем вверх.

Достигнув палубы, Арфлейн попытался предпринять хоть что-то, хотя и понимал, что все бесполезно.

К этому времени команда уже заметила трещину. Раздались отчаянные крики испуганных людей.

— Что случилось, капитан? — прокричал Манфред.

Арфлейн горько усмехнулся:

— Посмотрите вперед!

Пройдя через мостик к рубке, он забрал штурвал у Хансена, чье лицо приобрело пепельный оттенок.

— Вы можете повернуть корабль, сэр?

Арфлейн покачал головой.

Шхуна уже почти достигла трещины, так что Арфлейн даже не пытался изменить ее курс.

Хансен чуть не плакал от страха.

— Пожалуйста, сэр, попробуйте повернуть!

Огромная, разверзшаяся пасть пропасти стремительно надвигалась на них, темно-зеленый лед ее стен сверкал на солнце.

Арфлейн почувствовал, как свободно подалось колесо в его руках: передние полозья оторвались и повисли над пропастью.

Сейчас он испытывал какое-то странное чувство, чуть ли не облегчение, в ожидании падения корабля в бездну. Внезапно он улыбнулся. Шхуна мчалась с такой скоростью, что вполне могла по воздуху достичь противоположного края трещины. К тому же он лежал несколько ниже по склону.

Шхуна пролетела по воздуху и, перелетев через пропасть, рухнула на лед, закрутившись и грозя перевернуться. Арфлейн зашатался, но каким-то образом умудрился ухватиться за колесо, с усилием повернув его. От удара шхуна несколько снизила скорость, ее полозья, подпрыгивая, царапали лед.

— Отлично, сэр! — Хансен широко улыбался.— Мы проскочили. Вы вывели нас, капитан!

— Что-то вывело, мистер Хансен. Возьмите штурвал.

Передав управление, Арфлейн медленно вышел на мостик.

Упавшие на палубу матросы поднялись на ноги. Один из них остался лежать. Сойдя с мостика, Арфлейн решил подойти к нему и, наклонившись, перевернул человека. Из рта матроса сочилась кровь. Открыв глаза, он слабо улыбнулся Арфлейну.

— Думаю, на сей раз со мной покончено, сэр,— сказал он. Его глаза закрылись, улыбка исчезла — он умер.

Вздыхнув, Арфлейн поднялся и потер лоб. От борьбы со штурвалом все тело пронизывала боль. Шаркая ногами, матросы молча подошли к ограждению, чтобы взглянуть на трещину.

По-прежнему сидевший на мачте Уркварт разразился хохотом, разорвав тишину. Многие из команды с криками отошли от борта, радостно указывая на Арфлейна. С каменным лицом под приветствия команды он вернулся на мостик. Затем, подняв с палубы мегафон, он приложил его к губам.

— Все наверх! Убрать паруса! Пошевеливайтесь!

Несмотря на охватившее их возбуждение, матросы с готовностью подчинились приказу.

На баке появился Потчнефф, смерив Арфлейна странным тяжелым взглядом. Утерев лоб рукавом, он пошел по направлению к нижней палубе.

— Уберите абордажные крючья, мистер Потчнефф,— закричал ему Арфлейн.— Теперь мы вне опасности.

Оглянувшись на исчезающую позади трещину, он поздравил себя со счастливой судьбой. Если бы он не решился продолжать спуск на полной скорости, трещина поглотила бы их. Корабль перелетел по воздуху сорок футов.

Вернувшись в рубку, он проверил работоспособность полозьев и штурвала. На первый взгляд, они действовали исправно, но ему захотелось убедиться, что с ними не случилось какой-нибудь незаметной поломки.

К тому времени, как корабль, убрав паруса, медленно оставался, Арфлейн уже был готов спуститься за борт. Он сбросил на лед веревочную лестницу. Большие полозья местами дали трещины, но в целом оставались неповрежденными. С восхищением взглянув на корабль, он погладил рукой один из шпангоутов, понимая, что никакое другое судно не выдержало бы такого приземления.

Поднявшись на палубу, он столкнулся с Янеком Ульсенном. Мрачное лицо Янека потемнело от гнева. Рядом с ним, с пылающим взглядом, стояла Ульрика. Рядом с ними, как всегда, безмятежно улыбался Манфред.

— Поздравляю, капитан,— произнес он.— Великое предвидение!

— Вы беспечный глупец! — напал на Арфлейна Ульсенн.— Мы едва все не погибли! Команда может подумать, что вы предвидели трещину, но я знаю, что это не так. Мы потеряли их доверие!

Заявление было явно фальшивым. Рассмеявшись, Арфлейн осмотрел корабль.

— Кажется, команда расположена ко мне.

— Естественная реакция, когда опасность позади. Подождите, когда они поймут, что вы проделали с ними!

— Я склонен думать, кузен,— произнес Манфред,— что это происшествие вернет их веру в капитана и его удачу.

Арфлейн взглянул на Ульрику. Поначалу она пыталась избежать его взгляда. Но затем посмотрела на него, и он прочитал восхищение в ее глазах.

Внезапно ее взгляд стал холодным, как лед. Взяв Ульрику за руку, Манфред отвел ее в каюту, но Ульсенн не отступал от Арфлейна.

— Вы убьете всех нас, брершиллец! — Казалось, что он не сознает, что Арфлейн не обращает на него никакого внимания. Страх заставил его забыть недавнее предупреждение.

Арфлейн спокойно смотрел на Ульсенна.

— Я несомненно убью кого-нибудь однажды! — Улыбнувшись, он пошел к фордеку под восхищенными взглядами экипажа.

Оставив плато позади, корабль набрал неплохую скорость. Но широкая, во весь горизонт, стена льда за кормой была хорошо видна еще несколько дней. Воздух потеплел, снега стало меньше. Арфлейн чувствовал себя не в своей тарелке, видя, как дрожит теплый воздух, создавая подчас довольно странные воздушные образы из ничего. Впереди, насколько хватало глаз, тянулись глетчеры. Ощущая все возрастающее тепло, Арфлейн начал опасаться, что они могут влететь прямо в пролом во льду. Ледовые проломы образовывались там, где слой льда уменьшался, благодаря течению подземной реки. Корабль, не рассчитанный на плавание по воде, попав в пролом, имел немного шансов выбраться на сушу и чаще всего тонул.

Двигаясь по курсу норд-вест-норд, шхуна приближалась к экватору. Жизнь на ней шла обычным порядком. Прошрое состояние Арфлейна было забыто, его удача оценена по достоинству всем экипажем.

Лишь Потчнефф удивлял Арфлейна, отказывая ему в прощении за прошлые обиды. Большую часть времени он проводил с Янеком Ульсенном, и часто их можно было видеть гуляющими по палубе. Эта дружба весьма раздражала Арфлейна. Он понимал, что Потчнефф предал его, но он не мог приказать офицеру избрать другую компанию. Он даже чувствовал некоторую жалость к Ульсенну: должен же быть у человека хоть один товарищ в путешествии.

Уркварт по старой привычке много времени проводил с Арфлейном на мостике. Они редко разговаривали, но чувство товарищества между ними сильно окрепло. Арфлейн даже мог видеться с Ульрикой, не пытаясь вызвать у нее ответную реакцию. К тому же он стал более терпимым к беззаботной веселости Манфреда.

Единственное, что его беспокоило, — это тепло. Температура воздуха поднялась на несколько градусов выше нуля, и экипаж работал раздетым до пояса. Арфлейн, вопреки своей воле, также был вынужден снять тяжелую меховую куртку. Уркварт, однако, отказался снять с себя хоть какую-то часть одежды и стойко переносил этот дискомфорт.

Арфлейн постоянно держал на вахте двух дозорных, выискивающих тонкий лед, лежащий на курсе. Ночью он убирал все паруса и, выбросив за борт абордажные крючья, дрейфовал малой скоростью.

Ветер был слабый, и за день они проходили совсем немного. Изредка перед ними возникали миражи, обычно в форме перевернутых глетчеров. Арфлейну стоило немалого труда объяснить это явление суеверным матросам, расценивающим миражи как некое предзнаменование.

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день ветер не стих окончательно и они остановились посреди льдов.

Г л а в а 13

ГАРПУН

Они стояли на месте всю следующую неделю. Лед ослепительно блестел под солнцем. Члены экипажа, разбившись на отдельные группы, угрюмо занимались простыми играми, изредка бросая отдельные фразы.

Благодаря одинаковым солнцезащитным козырькам, матросы походили на диковинных птиц, усевшихся на палубе для отдыха.

Офицеры старались занять их чем возможно, но работы на корабле было совсем мало. Теперь они подчинялись приказам Арфлейна уже не с такой готовностью. Настроение команды ухудшалось с каждым днем.

Арфлейн был расстроен и становился все более раздражительным, в его голосе появились резкие нервные нотки.

Однажды к нему подошел Файдур — корабельный боцман, обросшее волосатое существо с густыми бровями.

— Прошу прощения, сэр, за то, что тревожу вас, но как долго мы...

— Спроси Ледовую Мать, не меня, — отрезал Арфлейн.

На чистом небе не было ни единого облачка. С угрюмым видом Арфлейн бродил по кораблю, возвращаясь мыслями к Ульрике Ульсенн.

Как-то, стоя на мостике, он увидел, что Янек Ульсенн и Потчнефф о чем-то оживленно беседуют с группой матросов, среди которых был и Файдур. По взглядам, которые они бросали на мостик, он мог представить себе, о ком шел разговор. Он вопро-

сительно посмотрел на прислонившегося к рубке Уркварта, гарпунщик пожал плечами.

— Нужно занять их хоть чем-нибудь, — пробурчал Арфлейн. — Либо поднять их настроение. В этой части команды зарождается дух мятежа.

— Да, сэр, — угрюмо ответил Уркварт.

Арфлейн нахмурился в поисках решения. Затем он обратился ко второму офицеру, несущему вахту на баке.

— Соберите людей, мистер Хансен, я хочу поговорить с ними.

— Построиться на мостике, — закричал офицер в мегафон. — Капитан будет говорить.

Команда потянулась к мостику. Среди них группа матросов, сопровождаемая Ульсенном и Потчнеффом.

— Мистер Потчнефф, поднимитесь сюда! — Арфлейн бросил быстрый взгляд на первого офицера. — Вы тоже, мистер Хансен. Боцман, на пост!

Собрав офицеров на мостике, Арфлейн откашлялся и, ухватившись за ограждение, обратился к экипажу.

— Я вижу, что вы в плохом настроении, ребята. Солнце печет, а ветра нет. Я ни черта не могу сделать, чтобы избавиться от первого и поймать второе. Мы стоим на месте, и этим все сказано. Но так или иначе, ветер будет.

— Когда же, сэр? — спросил матрос, беседовавший с Ульсенном.

Арфлейн хмуро посмотрел на Файдур. Боцман одернул говорившего:

— Попридержи язык!

Помолчав, Арфлейн продолжал:

— Возможно, ветер придет, когда мы укрепим дисциплину на корабле. Но я не могу предсказать погоду. Если некоторые из вас, черт побери, хотят двигаться вперед, то пусть сойдут на лед и руками толкают эту лохань к цели.

Еще один матрос невнятно пробурчал что-то, но замолчал, остановленный Файдуром.

— В чем дело? — подался вперед Арфлейн.

— Он хочет знать цель нашего путешествия, сэр, — сказал Файдур. — Думаю, многие из нас...

— Поэтому я и собрал вас, — продолжал Арфлейн. — Мы идем к Нью-Йорку.

Несколько человек засмеялись. Идти туда метафорически означало умереть.

— Нью-Йорк, — повторил Арфлейн, глядя на них. — У нас есть карты, где проложен маршрут. Мы идем на север, к Нью-Йорку. Вопросы?

— Да, сэр. Говорят, что Нью-Йорк вообще не существует. Говорят, что Нью-Йорк на небесах, а может, и еще где-то...— заговорил один из китобоев.

— Нью-Йорк так же реален, как и ты,— сказал Арфлейн.— Лорд Петр Рорсейн видел его. Когда я нашел старика на льду, он шел как раз оттуда. Помнишь его завещание? Оно было оглашено сразу после смерти лорда.

Матросы перешептывались и согласно кивали.

— Значит ли это, что мы увидим дворец Ледовой Матери? — спросил другой матрос.

— Возможно,— мрачно бросил Арфлейн.

Шепот экипажа становился все громче. Арфлейн решил дать им выговориться. Сначала они восприняли новость довольно скептически, но некоторые из них возбужденно улыбнулись, увлекаемые полетом фантазии.

Выдав, Арфлейн дал знак офицерам успокоить команду. Едва только затих шум голосов, над головами раздался высокий голос Янека. Облокотившись на мачту, он вертел в руках обрывок веревки.

— Может быть, именно поэтому мы и стоим на месте, капитан?

— Что вы хотите сказать, лорд Ульсенн? — нахмурился Арфлейн.

— Мне кажется, что это Ледовая Мать не посылает нам ветра. Ей не хочется, чтобы мы шли к Нью-Йорку.

Ульсенн явно рассчитывал на суеверие команды. Новая мысль вновь вызвала оживление в их рядах.

Арфлейн посмотрел на Ульсенна, не в силах дать ответ, удовлетворивший бы экипаж.

В этот момент вперед вышел Уркварт и прислонил гарпун к ограждению мостика. Он по-прежнему был одет в свои потертые меха. Его голубые глаза были холодны и непреклонны. Воцарилось молчание.

— От чего мы страдаем,— резко спросил он.— От невыносимого холода? Нет! Мы страдаем от тепла. Но неужели это оружие Ледовой Матери? Неужели она хочет остановить нас при помощи своего врага? Нет! Вы просто болваны, если думаете, что она против нас. Когда Ледовая Мать объявила, что люди не должны идти в Нью-Йорк? Этого не было! Я знаю ее учение лучше любого из вас. Я верный слуга Ледовой Матери. Моя вера в нее сильнее, чем вы можете себе представить. Я знаю, что Ледовая Мать хочет видеть нас у себя в Нью-Йорке, чтобы, возвратившись домой, мы заставили бы замолчать всех, кто сомневается в ее существовании. Капитан Арфлейн — исполнитель ее воли, именно поэтому я иду с ним. Именно поэтому мы все идем с ним! Это наша судьба!

Взволнованный голос Уркварта, заставив экипаж замолчать, не произвел никакого впечатления на Ульсенна.

— Вы слушаете сумасшедшего,— закричал он.— Еще один псих командует кораблем. В случае, если мы пойдем на зиму, нас ждет смерть на льду.

Вслед за этим последовало неуловимое движение и глухой удар. Гигантский гарпун Уркварта, перелетев через палубу над головами матросов, вонзился в мачту всего в дюйме от головы Ульсенна. Побелев и выпучив глаза, Янек отшатнулся в сторону. Он начал было что-то бормотать, но Уркварт, перепрыгнув через ограждение мостика на палубу и расталкивая толпу, пробрался к аристократу.

— Вы бойко говорите о смерти, лорд Ульсенн,— яростно произнес Уркварт.— Но лучше говорите потише, иначе Ледовая Мать заберет вас к себе быстрее, чем вы думаете.

Вытащив гарпун из мачты, он продолжал:

— Мы идем туда ради нашей же пользы. Лучше выпустить немного вашей крови сегодня, мой кроткий лорд, чтобы задобрить Ледовую Мать, нежели выпустить ее всю еще до конца путешествия.

Со слезами гнева на глазах Янек бросился на гарпунщика. Улыбаясь, Уркварт поднял его над собой и бросил на палубу. Ульсенн упал лицом вниз, из его носа пошла кровь. Перекатившись, он начал отползать от гиганта. Команда облегченно рассмеялась. Губы Арфлейна тоже растянула улыбка, но она исчезла, едва только он увидел Ульрику, подбежавшую к истекающему кровью мужу. Наклонившись, она вытерла кровь с его лица.

На мостик поднялся Манфред Рорсейн.

— Не следует ли вам успокоить своих офицеров, капитан? — спросил он вежливо.

— Уркварт знает, что делает,— повернувшись к нему, ответил Арфлейн.

Внезапно Хансен показал на юг.

Через час наполнивший паруса ветер принес холодный дождь со снегом, что заставило обитателей корабля вновь надеть меховую одежду.

Вскоре корабль продолжил путь. Команда вновь полностью подчинялась Арфлейну.

Ульсенн с женой спустились вниз, за ними последовал и Манфред. Однако офицерам Арфлейн предложил задержаться на мостике. Хансен и Потчнефф молча ждали, когда он отдавал приказы поднять все паруса и выставить дозорных. Наконец повернувшись к ним, Арфлейн угрюмо посмотрел на Потчнеффа. Напряжение достигло предела, когда Арфлейн, пожав плечами, произнес:

— Что ж, вы свободны.

Оставшись вдвоем с Урквартом, они рассмеялись.

Спустя две ночи, Арфлейн ворочался в постели не в силах уснуть. Он прислушивался к легким ударам полозьев о неровности льда, шуму ветра и поскрипыванию рей. Все было как обычно, и все же шестое чувство подсказывало ему: что-то не так. Наконец он соскочил с постели, оделся, прицепил нож к поясу и вышел на палубу.

С тех пор как он увидел, что Потчнефф, Ульсенн и Файдур нашли общий язык, он был готов к любым неприятностям. Слова Уркварта, без сомнения, не произвели на них большого впечатления. Может, Файдур и изменил свое мнение, но Ульсенн наверняка остался при старых убеждениях. В его нечастых появлениях на палубе рядом с ним бессменно шагал Потчнефф.

Арфлейн посмотрел на небо. Оно было по-прежнему затянуто тучами, через которые проглядывали редкие звезды.

Палубу освещала луна да тусклые огни в рубке. Он различил лишь силуэты дозорных на носу и корме. Потчнефф должен быть на вахте, но на мостике не было никого, кроме рулевого.

Поднявшись по трапу, он прошел в рубку. Рулевой приветствовал его коротким кивком головы.

— Где вахтенный офицер, рулевой?

— Полагаю, он прошел вперед, сэр.

Арфлейн сжал губы. Впереди, кроме дозорного, не было ни души. Он рассеянно взглянул на компас, сверяя его с картой.

Они отклонились от курса на три градуса. Арфлейн смерил рулевого убийственным взглядом.

— Три градуса от курса? Ты спал?

— Никак нет, сэр. Мистер Потчнефф сказал, что мы на верном курсе, сэр!

— В самом деле? — Лицо Арфлейна потемнело. — Три градуса право руля!

Сойдя с мостика, он направился на поиски Потчнеффа. Они оказались безрезультатными. Арфлейн спустился в кубрик, где в гамаках спали свободные от вахты матросы. Он хлопнул по плечу ближайшего из них. Тот выругался.

— В чем дело?

— Это капитан. Отправляйся на палубу к рулевому. Знаешь навигацию?

— Немного, сэр,— пробормотал матрос, вылезая из гамака.

— В таком случае ступай на мостик. Рулевой скажет тебе, что делать.

Пройдя по темному коридору, Арфлейн подошел к пассажирским каютам. Каюта Янека Ульсенна была как раз напротив каюты его жены. Помедлив, Арфлейн громко постучал в дверь Ульсенна. Ответа не было. Он повернул ручку. Дверь оказалась открытой.

Он вошел. Каюта была пуста, хотя Арфлейн ожидал найти здесь Потчнеффа.

В гнев Арфлейн вернулся на бак, тщательно прислушиваясь к каждому шороху.

— Что случилось, сэр? — позвал его с мостика Потчнефф.

— Почему вы ушли с вахты, сэр? — закричал Арфлейн.— Спускайтесь сюда!

Через несколько мгновений офицер был рядом с ним.

— Извините, сэр, я...

— Как давно вы ушли с поста?

— Совсем недавно, сэр. Мне нужно было облегчиться.

— Идите за мной, мистер Потчнефф.

Поднявшись по трапу, Арфлейн вошел в рубку и остановился у компаса. Матросы у штурвала с любопытством посмотрели на вошедшего следом первого офицера.

— Почему вы сказали рулевому, что мы на курсе, когда мы отклонились от него на три градуса? — набросился на него Арфлейн.

— Три градуса, сэр? — обиженно спросил Потчнефф.— Мы шли точно по курсу, сэр.

— В самом деле? Не хотите ли свериться с картой?

Подойдя к столу, офицер развернул одну из лежащих на столе карт.

— В чем дело, сэр? Мы идем точно по курсу, — победно сказал он спустя минуту.

Нахмурившись, Арфлейн склонился над картой. Внимательно приглядевшись, он заметил, что на одном участке линия курса была подтерта и перенесена чуть в сторону. Для чего кому-то понадобилось подделывать карты? И почему такое незначительное отклонение, которое к тому же легко обнаружить? Возможно, это дело рук Ульсенна, подумал Арфлейн. А может быть, даже и Потчнеффа...

— Можете ли вы объяснить, каким образом курс на карте был исправлен?

— Нет, сэр. Я не знал этого. Кто бы мог...

— Был здесь кто-нибудь сегодняшней ночью, может быть, пассажир? Или член экипажа, зашедший сюда не по долгу службы?

— Только Манфред Рорсейн, сэр. Больше никого.

— Вы были здесь все время?

— Нет, сэр. Я ходил проверить вахтенных.

Потчнефф легко мог солгать. Легче всего изменить курс было именно ему. С другой стороны, рулевого мог подкупить Манфред Рорсейн. Уверенности не было ни в том ни в другом.

Арфлейн постучал пальцем по столу.

— Разберемся с этим утром, мистер Потчнефф.

— Да, сэр.

Выйдя из рубки, Арфлейн услышал крики дозорного. Голос его едва был слышен за шумом ветра, но понять, о чем он кричит, не составило труда:

— Полюнья! Полюнья!

Подбежав к борту, Арфлейн посмотрел вперед. Полюнья, встреченная ночью, была намного опаснее полюньи дневной. Корабль шел вперед довольно медленно, еще оставалось время, чтобы выбросить за борт abordажные крючья.

— Все на палубу, мистер Потчнефф,— закричал он.

Голос офицера, многократно усиленный мегафоном, повторил его команду.

Вокруг в темноте беспорядочно забегали люди. Внезапно корабль накренился на борт, и Арфлейна сбило с ног. Заскользив по палубе, он ухватился за ограждение и встал на ноги. Вокруг раздавались панические крики.

Перекрывая шум голосов, в воздухе раздался треск льда, проседающего под кораблем. Судно еще больше накренилось на левый борт.

Выругавшись, Арфлейн, шатаясь, добрался до рубки. Бросать тяжелые якоря было уже поздно, они могли легко проломить лед под кораблем.

Вокруг высоко в воздух взлетали куски льда и падали на палубу. Послышалось бульканье воды, затем снова раздался треск ломающегося льда.

Ворвавшись в рубку, Арфлейн схватил мегафон и вновь побежал на мостик.

— Все к канатам! Все на правый борт! Полюнья!

Где-то в темноте Потчнефф отдавал приказы взявшимся за швартовочные канаты матросам. Они знали свое дело. Их задачей было перебраться по канатам через борт и попытаться вручную вытянуть корабль по тонкому льду. Это казалось единственным шансом на спасение.

Вновь раздался треск льда. На палубу хлынула вода.

Полозья правого борта повисли в воздухе. «Ледовый дух» грозил вот-вот перевернуться. Рядом с Арфлейном появился наполовину одетый Хансен.

— Плохо дело, сэр. Мы ушли слишком далеко. Если лед под нами не выдержит, у нас нет шансов...

Арфлейн коротко кивнул:

— Прыгайте за борт и помогайте тащить канаты. Кто-нибудь присматривает за пассажирами?

— Думаю, да, сэр.

— Я проверю. Сделайте все возможное, мистер Хансен.

Открыв дверь под мостиком, Арфлейн по коридору помчался к каютам пассажиров.

Мимо кают Манфреда и Ульсенна он пробежал, не останавливаясь. Застыв на мгновение у каюты Ульрики, он распахнул дверь.

В комнате никого не было.

Может быть, мрачно подумал Арфлейн, пассажиры покинули корабль еще до подхода к полынье.

Г л а в а 14

ПОЛЫНЯ

Огромный корабль вновь тряхнуло.

Дверь в каюту Рорсейна открылась, за ней стоял Манфред. Юноша был встрепан и тяжело дышал, из раны на голове шла кровь, стекая по лицу. Он попытался улыбнуться Арфлейну и, выйдя в коридор, вцепился в стену.

— Где остальные? — перекрывая треск льда, прокричал Арфлейн. Рорсейн покачал головой.

Подойдя к каюте Ульсенна, Арфлейн взялся за ручку двери. Открыв каюту, он увидел у дальней переборки лежащего на полу Янека. Над ним склонилась Ульрика. Ульсенн жалобно хныкал, а женщина пыталась поднять его на ноги.

— Мне не сдвинуть его, — сказала она. — Что случилось?

— Полынья во льду, — коротко ответил Арфлейн. — Корабль уже наполовину в воде. Вам нужно немедленно перебраться за борт. Объясните это ему.

Затем он нетерпеливо схватил Ульсенна за отворот куртки и закинул его к себе на плечо, указав на коридор.

— Не поможете ли вы своему кузену, Ульрика, он ранен.

Она поднялась на ноги и пошла вслед за ним из каюты.

При их появлении Манфред попытался было улыбнуться, но его лицо посерело от боли, к тому же он вряд ли мог стоять на ногах. Ульрика взяла его за руку.

На палубе к ним присоединился Уркварт. Закинув гарпун на плечо, он поспешил на помощь Манфреду, который, казалось, вот-вот потеряет сознание.

Вокруг них в воздух по-прежнему взлетали куски льда и с оглушительным шумом падали на палубу. Однако корабль стоял на месте. Подведя их к ограждению, Арфлейн схватился за свисающий канат и вместе со своей ношей спустился по нему на лед. Вокруг двигались неясные фигуры людей, над его головой от борта уходили швартовочные канаты, теряясь где-то в темноте. Подождав, пока Уркварт с Ульрикой опустили Рорсейна на лед, Арфлейн сбросил с плеча дрожащего Ульсенна.

— Поднимайтесь,— холодно сказал он.— И если хотите жить, помогите команде. Если корабль сдвинется с места, считайте, что мы все погибли.

Поднявшись на ноги, Янек бросил на Арфлейна ненавидящий взгляд и сердито огляделся, пока не увидел стоящую рядом с Урквартом Ульрику.

— Этот человек,— сказал он, указывая на Арфлейна,— вновь подверг нашу жизнь опасностям.

— Делай что тебе сказано, Янек,— нетерпеливо оборвала его Ульрика.— Идем, мы оба поможем держать корабль.

Она шагнула в темноту. Взбешенный Ульсенн последовал за ней.

Покачнувшись, Манфред произнес извиняющимся тоном:

— Сожалею, капитан, но кажется, что я...

— Отойдите подальше, пока мы не сделаем все, что в наших силах,— произнес Арфлейн.— Уркварт, пошли.

В сопровождении гарпунщика он пробрался сквозь ряд матросов, повисших на канатах, пока не обнаружил Хансена, забивающего в лед швартовочный костыль.

— Какие у нас шансы? — спросил он.

— Мы остановили корабль, сэр. Под нами крепкий лед, так что мы загнали в него несколько костылей. Возможно, что и справимся.— Выпрямившись, Хансен указал на стоящую рядом с ним группу матросов, пытавшихся удержать канат.— Прошу прощения, сэр, я должен быть там.

Пройдя вдоль корабля, Арфлейн видел, что люди скользили по льду, увлекаемые натянутыми канатами. Однако угол наклона корабля был уже меньше сорока пяти градусов, а это значило, что «Ледовый дух» можно было спасти. Остановившись, Арфлейн схватился за канат, то же сделал и Уркварт.

Медленно корабль выпрямился. Раздались крики, но они тут же смолкли. «Ледовый дух» по инерции продолжал двигаться на них.

— Назад! — закричал Арфлейн.— Отходите назад!

Люди в панике бросились бежать, скользя и падая на льду. Арфлейн услышал истошный крик матроса, попавшего под полозья. Прсжде чем корабль успел остановиться, погибли еще несколько человек.

Направившись к кораблю, Арфлейн бросил через плечо.

— Мистер Уркварт, распорядитесь о похоронах.

— Слушаюсь, сэр,— сказал Уркварт из темноты.

Подойдя к левому борту, Арфлейн осмотрел повреждения. Они оказались не такими страшными. Один из полозьев был немного погнут, исправить его не составляло особого труда. Корабль легко может продолжать путешествие.

— Отлично! — закричал он. — Все, кроме похоронных команд, на борт. Необходимо выправить полозья. Мистер Хансен, займитесь этим!

Забравшись по канату на борт, он вернулся на мостик. Сняв со стены мегафон, он закричал:

— Мистер Потчнефф, поднимитесь в рубку!

Через несколько минут офицер был на месте. Вопросительно глупое выражение его лица усилилось. Вполне возможно, что именно он изменил курс на карте, желая досадить своему капитану, которого недолюбливал.

— Мистер Потчнефф, проследите, чтобы корабль был надежно пришвартован во время ремонта.

— Есть, сэр.

— Когда все будет сделано, я хочу, чтобы все офицеры и пассажиры собрались у меня в каюте.

Потчнефф вновь вопросительно посмотрел на него.

— Выполняйте!

— Есть, сэр! — ответил Потчнефф, выходя из рубки.

Перед самым рассветом в каюте Арфлейна собрались все три офицера — Потчнефф, Хансен и Уркварт, а также Ульсенны и Манфред Рорсейн. Сам капитан, сидя за столом, изучал принесенные им из рубки карты.

Рана Рорсейна оказалась не такой серьезной, как думали вначале. Голова была перевязана, на лице вновь играл румянец. В стороне от прислонившегося к переборке мужа стояла Ульрика Ульсенн. Чуть поодаль, скрестив руки на груди, в терпеливом молчании стояли три офицера. Умышленно затянув паузу, Арфлейн, наконец, поднял глаза и мрачно огляделся.

— Вы знаете, почему я принес сюда эти карты, мистер Потчнефф? — спросил он. — Мы уже обсуждали этот вопрос. Но остальные еще не в курсе. Сегодня ночью одна из этих карт была подделана. Не подозревая об этом, рулевой изменил курс корабля на три градуса. В результате чего мы угодили в полынью и едва не погибли. Я не верю, что тот, кто сделал это, знал, что мы идем к пролому. Вероятно, это было вызвано желанием вывести меня из себя или же задержать наше продвижение по другим, не зависящим от меня причинам. В рубке видели Манфреда Рорсейна, и...

— В самом деле, капитан, — перебил его шутливо обиженным тоном Манфред, — я был в рубке, но вряд ли что понимаю в компасе. Поэтому я не мог быть злоумышленником.

— Я не сказал, что подозреваю вас. Однако, нет сомнений, что изменение курса произвел кто-то из присутствующих здесь. Никто другой в рубку войти не мог. Поэтому я прошу сделавшего это сознаться. При этом я не применю к нему никаких дисципли-

линарных мер. Я накажу лишь рулевого, если он был подкуплен. В интересах нашей же безопасности я должен найти этого человека.

На мгновение воцарилась тишина, затем один из них заговорил.

— Это был я. Я не подкупал рулевого. А карту я изменил еще несколько дней назад, когда она лежала в вашей каюте.

— Я так и думал,— тихо произнес Арфлейн.— Никак не пойму... какая глупость. Вероятно, вы проделали это, когда пытались убедить нас повернуть назад.

— Я и сейчас думаю, что мы должны вернуться,— сказал Ульсенн.— Точно так же, как я изменил карту, я сделаю все, что в моих силах, дабы убедить вас и команду в глупости этой авантюры.

Арфлейн вскочил на ноги со свирепым выражением лица. Затем, успокоившись, он снова сел за стол.

— Еще одно такое происшествие, лорд Ульсенн,— холодно произнес он,— и я не буду производить расследования. Однако я не оставляю это без последствий. Просто я закую вас в железо до конца путешествия.

Ульсенн пожал плечами.

— Отлично,— продолжал Арфлейн.— Все свободны. Я прошу офицеров впредь обращать вниманис на любые подозрительные действия лорда Ульсенна. И докладывать об этом мне. К тому же я жду содействия других пассажиров. В будущем я буду обращаться с Ульсенном как с безответственным глупцом, но он может оставаться свободным до тех пор, пока не выкинет что-нибудь еще в этом духе.

Ульсенн в ярости выскочил из каюты, хлопнув дверью перед шедшими за ним Ульрикой и Манфредом Рорсейном.

Выходя из каюты, Хансен улыбался, однако лица Потчнеффа и Уркварта были лишены всякого выражения.

Г л а в а 1 5

СТРАЖ УРКВАРТА

Шхуна шла вперед на всех парусах, команда опять поверила в удачу своего капитана. Погода стояла прекрасная, ветер — сильный, что позволило развить превосходную скорость.

Точно следуя указаниям старого Рорсейна, они шли по чистому льду и таким образом могли двигаться вперед как днем, так и ночью.

Как-то, стоя на мостике, Арфлейн и Уркварт заметили на горизонте какое-то свечение, напоминающее первые отблески рассвета. Арфлейн сверился с большим хронометром, установленным в рубке,— три часа утра.

Вернувшись на мостик, он посмотрел на Уркварта. Обеспокоенный гарпунщик нюхал воздух, вертя головой в разные стороны. Сergyа в ухе покачивалась при каждом повороте головы. Арфлейн не чувствовал никакого запаха.

— Знаете, что это значит? — спросил он Уркварта.

Тот почесал подбородок. Чем ближе корабль подходил к источнику красноватого сияния, тем явственнее Арфлейн ощущал запах. Однако определить, что это, он не мог.

Молча спустившись с мостика, Уркварт отправился на нос, он казался необычайно взволнованным. Примерно через час сияние на горизонте заполнило добрую половину небосвода, окрасив лед в кроваво-красный цвет. Это был странный вид. Запах namного усилился, приобретя резкий кислый привкус, незнакомый Арфлейну. Теперь и он забеспокоился. Температура воздуха поднялась, палубу заливал странный свет. Моржовая кость, стальные болты, крышки люков и китовые черепа на носу — все отражало этот свет. Лицо рулевого в рубке приобрело пурпурный оттенок. Ночь превратилась в день, хотя небо над головой оставалось черным, namного чернее, чем обычно.

Выйдя на палубу, Хансен поднялся по трапу и встал рядом с Арфлейном.

— Что это, сэр? — Его била нервная дрожь.

Игнорируя вопрос, Арфлейн всрнулся в рубку и сверился с картой Рорсейна. До этого он не пользовался оригиналом, довольствуясь снятой с него копией. Теперь же он развернул оригинал и стал разглядывать его при красном мерцающем свете. Из-за его плеча выглядывал Хансен.

— Проклятье, — пробормотал Арфлейн, — вот оно, как только мы не заметили этого раньше? Такой непонятный почерк! Посмотрите, что здесь написано, мистер Хансен!

Шевеля губами, Хансен попробовал разобрать мелкую надпись, сделанную Рорсейном перед самой смертью. Покачав головой, он извиняюще улыбнулся.

— Сожалею, сэр.

Арфлейн постучал пальцем по карте.

— Нам нужен ученый.

— Манфред Рорсейн, сэр? Думаю, он достаточно образован.

— Позовите его, мистер Хансен.

Кивнув, офицер вышел из рубки. В воздухе стоял запах, в происхождении которого теперь ошибиться было невозможно. Из-за пыли, забившей рот и глотку, дышать становилось все тяжелее.

Свет, освещавший шхуну, постоянно менялся, мерцая надо льдом. Иногда в тени оставалась часть корабля, иногда он весь был залит светом. Это напомнило Арфлейну что-то испугавшее его много лет назад. Он начал понимать смысл написанного старым

лордом еще до того, как в рубке, протирая глаза, появился Манфред.

— Похоже на гигантское пламя,— сказал он, глядя на протянутую ему карту. Арфлейн показал надпись.

— Можете разобрать? Наверное, вы лучше нас знаете почерк своего дяди?

На мгновение Манфред сосредоточился, затем лицо его прояснилось.

— Огненные горы,— с беспокойством глядя на Арфлейна, произнес он. Беззаботность в его голосе исчезла.

— Огненные...— попытался спрятать Арфлейн охвативший его ужас. Огонь в мифологии ледовой страны был первейшим врагом Ледовой Матери. Огонь был злом, разрушителем, расплавляющим лед. Он нагревал то, что по своей природе должно было быть холодным.

— Сбрасывайте абордажные крючья,— глухо произнес Хансен.

Однако, сверившись с картой, Арфлейн покачал головой.

— Надеюсь, все будет в порядке, мистер Хансен. Этот курс проведет нас через огненные горы. Мы не будем приближаться к ним, по крайней мере настолько, чтобы подвергать себя опасности.

Ничего не сказав, Хансен нервно посмотрел на него. Первоначальное беспокойство Манфреда, казалось, прекратилось. Он с любопытством смотрел на багровеющий горизонт.

— Горящие горы! — воскликнул он.— Что за чудо мы нашли, капитан?

— Я буду счастлив оставить его позади себя,— попытался шутить Арфлейн.

Его внимание привлекло испуганное лицо рулевого. Забыв о своей нервозности, он рассмеялся и хлопнул матроса по плечу.

— Выше голову, приятель! Если эта карта не врет, мы оставим ближайшую гору в нескольких милях от себя.

Рассмеялся и Манфред. Даже Хансен улыбнулся.

— Если хотите, я встану к штурвалу, сэр,— предложил он.

Согласно кивнув, Арфлейн обратился к рулевому.

— Отлично, парень. Отправляйся вниз, если не хочешь ослепнуть.

Он вышел на мостик, напряженно вглядываясь в горизонт. Вскоре в отдалении можно было различить силуэты отдельных гор. Из их кратеров вырывались языки красно-желтого пламени и клубы черного дыма, по склону катилась отливающая пурпуром лава. Жара была невыносимой, отравленный воздух забивал легкие. Изредка облако дыма проходило над кораблем, отбрасывая

причудливые тени на палубу и паруса. Земля чуть дрожала, надо льдом разносился далекий гул вулканов.

Окружающее было настолько незнакомо путешественникам, что они едва верили в его реальность. Ночь была светлая как день, а видимость была на несколько миль. Сквозь разрывы в тучах они увидели луну и звезды.

Арфлейн отметил про себя, что остальные потели точно так же, как и он. Он искал глазами Уркварта. Спустившись с мостика, он направился к нему, отбрасывая на палубу громадную изогнутую тень.

Не дойдя до гарпунщика нескольких шагов, он увидел, как тот опустился на колени. Рядом с ним лежал огромный гарпун. Подбежав к нему, Арфлейн увидел, что лицо Уркварта стало белым, как лед. Он что-то шептал про себя, его тело била жестокая дрожь, глаза были закрыты. Изумленный Арфлейн дотронулся до его плеча.

— Уркварт, вам плохо?

Веки дрогнули, открыв вращающиеся зрачки. Суровые черты лица, отмеченные печатью ветра, снега и мороза, передернулись.

Арфлейн яростно тряс Уркварта за плечи.

— Уркварт, возьмите себя в руки!

Глаза гарпунщика закрылись, вновь раздался странный шепот. Арфлейн тыльной стороной ладони сильно ударил его по лицу.

— Уркварт!

Гарпунщик дернулся от удара, но по-прежнему хранил молчание. Затем он упал лицом на палубу, широко разведя руки, как бы поклоняясь огню. Повернувшись, Арфлейн быстро направился к мостику. На палубе появились матросы, они выглядели сильно испуганными, распознав источник света и запаха.

Арфлейн поднес мегафон к губам:

— По местам, ребята. Мы уходим прочь от гор, и к рассвету оставим их за кормой. Спускайтесь вниз. Я хочу, чтобы к утру вы были свежими.

Переговариваясь вполголоса, матросы неохотно покинули палубу. Когда удалился последний, на мостик выскочил Янек Ульсенн. Через несколько секунд к нему присоединился Потчнефф.

— Вернитесь на свое место, мистер Потчнефф,— закричал в мегафон Арфлейн.— Сейчас не ваша вахта. Пассажиры могут делать все, что им заблагорассудится, вы же должны помнить свои обязанности.

Помедлив, офицер вызывающе посмотрел на Арфлейна.

— Благодарю, нам не нужна ваша помощь! — вновь прокричал Арфлейн.— Возвращайтесь в каюту!

Потчнефф повернулся к Ульсенну, как будто ожидая его указаний. Ульсенн сделал знак рукой, и Потчнефф неохотно ушел с палубы. Вскоре за ним отправился и Ульсенн.

Чуть позже, сменив людей на вахте, Арфлейн приказал новым дозорным внимательно следить за разводами на льду, а также за струями пара, исходящими из подводных гейзеров, которых, несомненно, здесь было предостаточно. Сделав это, он решил немного поспать.

Прежде чем открыть дверь в свою каюту, Арфлейн еще раз осмотрел палубу. Красивый мерцающий свет играл на распластанной фигуре Уркварта. Почесав бороду, Арфлейн вошел в каюту, крепко закрыв за собой дверь. Сбросив плащ, он положил его на крышку сундука и, налив в таз воды, смыл с себя пот и грязь. Образ Уркварта стоял у него перед глазами: он никак не мог понять, почему огненные горы так подействовали на гарпунщика. Конечно, поскольку огонь был их врагом номер один, все они боялись его, но страх Уркварта перешел в истерику.

Сняв ботинки и носки, он вымыл ноги и лег на широкую койку. Сон долго не приходил к нему. Наконец он уснул. Проснувшись, он вновь умылся, оделся и вышел на палубу, тотчас же заметив, что Уркварт исчез.

Утреннее небо было затянуто тучами, далекие огненные горы были едва видны, в свете дня они уже не казались такими впечатляющими. Паруса от сажи стали черными, а всю палубу покрывал легкий клейкий пепел.

Скорость корабля была минимальной, скольжению полозьев сильно мешал пепел, усыпавший лед на многие мили вокруг. Чувствуя себя усталым и разбитым, Арфлейн поднялся на мостик. Матросы на палубе и вантах, также, как и он, едва передвигали ноги. Несомненно, причиной их слабости был дым вулканов.

На мостике его встретил Потчнефф. Первый офицер даже не делал попытки приветствовать его. Не замечая Потчнеффа, Арфлейн вошел в рубку и снял со стены мегафон. Вновь вернувшись на мостик, он позвал к себе боцмана.

— Привести корабль в порядок, боцман. Очистить грязь с каждого дюйма парусов, и как можно быстрее!

Файдур принял приказ.

— Слушаюсь, сэр!

— Абордажные крючья за борт, — приказал Арфлейн. — Будем стоять на месте, пока не соскоблим грязь. Где-нибудь должны быть теплые водоемы. Пошлем партию на поиски, может быть, вернутся с тюленьим мясом.

В предвкушении свежего мяса Файдур буквально расцвел.

— Есть, сэр, — радостно ответил он.

После очередной стычки Файдур избегал компании Ульсenna и Потчнсффа, так что теперь Арфлейн был полностью уверен в надежности боцмана.

По приказу Файдур паруса спустили, а на лед выбросили abordажные крючья.

Едва начались работы по очистке судна, вызвали добровольцев на поиски водоемов и свежего мяса. Арфлейн спустился вниз и постучал в каюту Урквarta. Оттуда раздались какие-то звуки, затем сильный удар, но дверь осталась закрытой.

— Уркварт,— подождав, позвал Арфлейн.— Разрешите войти. Это Арфлейн.

Дверь открылась. На пороге стоял раздетый по пояс Уркварт. Его длинные мускулистые руки были покрыты татуировкой, на крепком торсе виднелись многочисленные белые шрамы. В верхней части руки Арфлейн заметил свежую рану. Нахмурившись, он указал на нее.

— Как это случилось?

Помрачнев, Уркварт отступил в каюту, по размерам не превосходящую шкаф. Одну стену каюты занимал сундук с вещами гарпунщика, другую — койка. На полу валялись разбросанные меха. На крышке сундука, рядом с наполненным кровью тазом, лежал нож.

Внезапно Арфлейн понял, что Уркварт пустил себе кровь во имя Ледовой Матери. Обычай этот ныне был почти забыт. Когда святотатством либо чем другим человек оскорблял Ледовую Мать, он пускал себе кровь и выливал ее на лед, отдавая эту часть своей жизни.

Арфлейн вопросительно кивнул в сторону таза. Уркварт пожал плечами. Казалось, хладнокровие вновь вернулось к нему.

— Что случилось сегодня ночью? — спросил Арфлейн, сев на койку.— Чем вы оскорбили Мать?

Отвернувшись, Уркварт принялся собирать меха.

— Я был слаб,— проворчал он.— И отступил перед страхом к врагу.

— Это не причинило нам вреда,— ответил Арфлейн.

— Я знаю, какой вред причинила моя слабость,— произнес Уркварт.— Поэтому я сделал то, что должен был сделать. Надеюсь, этого достаточно.

Он открыл иллюминатор и, подняв таз, вылил кровь на лед.

Закрыв окно и швырнув таз на сундук, он поднял гарпун.

— Я спрашиваю вас только из чувства товарищества,— вновь заговорил Арфлейн.— Если бы вы рассказали мне о сегодняшней ночи...

— Вы сами должны знать,— перебил его Уркварт.— Вы ее избранник, а не я.

Повернувшись, Арфлсйн вышел в коридор. За ним последовал гарпунщик. Они вышли на палубу. Молча пройдя вперед. Уркварт забрался на такелаж. С верхних рей он принялся разглядывать оставшиеся далеко позади огненные горы.

С чувством недоумения Арфлейн махнул рукой и вернулся на мостик.

К вечеру корабль был полностью вычищен от пепла, но люди, посланные за мясом, не вернулись. Арфлейн пожалел, что не приказал им вернуться до наступления темноты. Однако он не думал, что отыскать водоем окажется такой трудной задачей. Они взяли с собой небольшой бот и могли передвигаться с приличной скоростью. Теперь «Ледовый дух» вынужден был дожидаться их возвращения. Вряд ли поисковая партия решится идти ночью, а это значит, что завтрашнее утро будет потеряно. Поскольку придется стоять на вахте, Арфлейн решил, пока есть время, отоспаться за предыдущую бессонную ночь. Вечер был тихим. Обойдя корабль, Арфлейн прислушался к приглушенным разговорам матросов, но ничего подозрительного не услышал.

Подойдя к фордеку, он посмотрел наверх. Уркварт по-прежнему сидел на вантах. Понять странного гарпунщика оказалось сложнее, чем думал Арфлейн. Но сейчас он слишком устал, чтобы думать об этом. Вернувшись на мостик, он прошел в свою каюту. Вскоре он уже крепко спал.

Г л а в а 1 6

НАПАДЕНИЕ

Арфлейн проснулся за полчаса до начала вахты. Умывшись и одевшись, он направился было к выходу, когда раздался стук в дверь.

— Войдите,— бросил он.

Дверь открылась, и в каюту вошла Ульрика Ульсенн. Ее лицо пылало краской, однако она смотрела ему прямо в глаза. Улыбнувшись, он протянул ей руки. Она покачала головой и закрыла дверь.

— Мой муж и Потчнефф собираются убить тебя, Конрад.— Она прижала ладони ко лбу.— Я слышала их разговор. Они хотят убить тебя сегодня ночью и похоронить во льду.

Она твердо взглянула на него.

— Я пришла рассказать тебе это,— почти вызывающе добавила она.

Сложив руки на груди, Арфлейн улыбнулся.

— Благодарю. Потчнефф знает, что скоро моя вахта. Несомненно, они попытаются сделать это, когда я буду совершать обход

корабля. Что ж... — Подойдя к сундуку, он достал пояс с висящим на нем клинком.— Может быть, это положит конец всему.

— Ты убьешь его? — тихо спросила она.

— Их будет двое. Так что все будет по-честному.

Арфлейн шагнул к ней. Она отшатнулась. Положив руку ей на шею, он прижал Ульрику к себе. Она обвила его руками, он же молча перебирал ее волосы.

— Я не предполагал, что зайдет так далеко,— наконец произнес он.— Я думал, что у него есть хоть какое-то чувство собственного достоинства.

Она подняла на него глаза, полные слез.

— Ты отнял у него все,— ответила Ульрика.— Ты унизил его.

— Но не из злых побуждений,— попытался оправдаться Арфлейн.— Простая самозащита.

— Это с твоей точки зрения, Конрад.

Он пожал плечами.

— Возможно. Но если бы он открыто бросил мне вызов, я бы отказался принять его. Силы слишком неравны. Но теперь...

Застонав, она оторвалась от него и села на койку.

— В любом случае это будет убийство, Конрад. Ты довел его до этого!

— Он сам довел себя до этого. Оставайся здесь!

Выйдя из каюты, он чуть слышно пошел по палубе, поднялся на мостик и огляделся. На мостике его приветствовал Манфред Рорсейн.

— Час назад я отослал Хансена отдохнуть. Он очень устал.

— Хорошо,— произнес Арфлейн.— Не знаете, вернулась охотничья группа?

— Еще нет.

Что-то прошептав про себя, Арфлейн взглянул на трос.

— Пожалуй, я тоже отправлюсь к себе,— сказал Рорсейн.— Спокойной ночи, капитан.

— Спокойной ночи.— Арфлейн проводил Рорсейна взглядом. Ночь была тихой. Под легкий шелест ветра до Арфлейна доносились шаги вахтенного матроса на фордеке.

Свой второй обход он совершит через час. Он подумал, что именно тогда и начнут нападение Потчнефф и Ульсенн.

Он вошел в рубку. Поскольку корабль стоял на якоре, рубка была пуста. Несомненно, эта ночь была выбрана ими в расчете избежать присутствия нежелательных свидетелей.

Спустившись на палубу, Арфлейн посмотрел в сторону далеких, но еще видимых огненных гор. Они напомнили ему Уркварта. Подняв глаза, он увидел гарпунщика, по-прежнему висящего на вантах. Сегодня ночью помощи от него ждать не приходится.

Вдалеке от корабля Арфлейн заметил какое-то движение. Подбежав к ограждению, он увидел несколько фигур, бегущих к кораблю. Приглядевшись, он узнал в них людей из охотничьей партии. Они бессвязно кричали на бегу, отчаянно размахивая руками. Подойдя к ближайшему ящику с канатами, он выудил оттуда веревочную лестницу. Он перебросил ее через борт и закричал что было силы:

— Сюда!

Первый из матросов подбежал к лестнице и начал подниматься на борт. Услышав его тяжелое дыхание, Арфлейн протянул ему руку и помог перебраться через борт. Человек был вымотан до предела, мех на нем был разорван в клочья, на правой руке кровоточила глубокая рана.

— Что случилось? — спросил Арфлейн.

— Варвары, сэр. Ничего подобного я никогда не видел. Они вовсе не похожи на нормальных людей. Их лагерь рядом с теплым водоемом. Они заметили нас раньше, чем мы их. Они пользуются огнем, сэр.

Сжав зубы, Арфлейн хлопнул матроса по плечу.

— Спускайся вниз и предупреди команду.

В это мгновение огненная полоса разрезала ночь и поразила вахтенного прямо в горло. Это была горящая стрела. Матрос дернулся и мертвым рухнул на палубу.

Тут же еще несколько стрел пронеслось в воздухе. Китобои на палубе в ужасе бросились вниз, ощущая вековой страх перед огнем. Стрелы, упавшие на палубу, не причинили вреда, однако те, что попали в свернутые паруса, легко подожгли полотнища.

Мимо Арфлейна промчался объятый пламенем матрос. Небольшие пожары возникали по всему кораблю.

Рванувшись на мостик, Арфлейн в ярости забил в колокол, крича через мегафон:

— Все на палубу! Достать оружие! На защиту корабля!

С мостика он видел приближающихся варваров. Внешне они напоминали людей, но были полностью покрыты серебристой шерстью, казалось, что они обнажены. Некоторые из них несли в руках горящие куски дерева, у каждого через плечо был перекинут колчан со стрелами, а в руках они держали костяные луки, довольно мощные на вид.

На палубе появились матросы, вооруженные луками, гарпунами и ножами, Арфлейн приказал лучникам целиться в варваров с горящими деревьями в руках. Дальше по палубе Потчнефф выстроил в цепь группу моряков с ведрами в руках: они должны были тушить пожары.

Перегнувшись через ограждение, Арфлейн прокричал пробегавшему мимо Файдуру с луком в руках:

— Боцман, один лук сюда!

Боцман на бегу бросил ему лук и колчан со стрелами. Поймав оружие, Арфлейн перекинул колчан через плечо и мгновенно сразил стрелой одного из варваров.

В плечо Арфлейна вонзилась горящая стрела, но он не почувствовал боли. Дрожащими руками он вытащил стрелу и отбросил ее от себя, затушив затем загоревшийся было плащ. Чтобы не упасть, он ухватился за ограждение, его мутило.

Мгновение спустя лук снова был в его руках. К тому времени на льду оставалось лишь два или три огонька. Казалось, что варвары отступают. Арфлейн выпустил стрелу в варвара с головешкой в руке, но промазал. Из ночи к кораблю по-прежнему летели стрелы, большинство из них были незажженными. Серебристые плащи делали варваров прекрасными мишенями, стрелы матросов поражали их в огромном количестве.

Атака шла по левому борту, однако неясное предчувствие заставило Арфлейна оглянуться на правый борт.

Около десятка варваров незамеченными поднялись на палубу. Рыча и вращая налитыми кровью глазами, они бежали к нему. Бросив лук, Арфлейн выхватил клинок и прыгнул с мостика на палубу.

Один из варваров выстрелил в него, но промахнулся. Ударив его клинком и повернувшись к другому, Арфлейн почувствовал, как острая сталь вонзилась ему в шею. В это время к нему присоединились остальные матросы, накинувшись на варваров, чьи луки в тесноте стали бесполезными. Рядом с собой Арфлейн увидел улыбающегося Манфреда.

— Вот это дело, капитан!

Бросившись к варварам, Арфлейн пронзил ножом грудь ближайшего к ним. Повсюду китобои добивали оставшихся варваров.

Шум постепенно утих. Справа от Арфлейна кто-то неистово закричал. Это был Потчнефф. Две огненные стрелы поразили его в пах и в грудь. Еще несколько огоньков плясало на его одежде. Лицо почернело от ожогов. Когда Арфлейн подбежал к нему, тот был уже мертв.

Арфлейн вернулся на мостик.

— Поднять все паруса! Прочь отсюда!

Часть команды поспешно бросилась поднимать уцелевшие паруса. Остальные выбрали якоря, и корабль тронулся с места.

Несколько запоздалых стрел упало на палубу. Вскоре варвары исчезли из виду.

Тяжело дыша, Арфлейн оглянулся, держась за раненое плечо. Боль почти не чувствовалась. Тем не менее раной следовало заняться.

— Принимайте командование, мистер Хансен, — обратился он к проходящему по палубе офицеру. — Я иду вниз.

У двери своей каюты Арфлейн остановился и, мгновение помедлив, пошел по коридору к каютам пассажиров. У двери Ульсенна он остановился.

Подергав ручку, он убедился, что дверь заперта. Шагнув назад и ударив в дверь ногой, Арфлейн почувствовал, как болезненно заныло плечо. Рана была намного серьезнее, чем ему казалось.

Его встретил Ульсенн:

— Как вы посмели...

— Я арестую вас, — морщась от боли, отрезал Арфлейн.

— За что? Я...

— За попытку убить меня.

— Это ложь!

— Потчнефф все рассказал мне, — не желая выдавать Ульрику, произнес Арфлейн.

— Потчнефф мертв.

— Он сделал это перед смертью.

Ульсенн пожал плечами.

— В таком случае он солгал. У вас нет доказательств.

— Они мне не нужны. Я капитан.

Лицо Ульсенна сморщилось, как будто он хотел заплакать.

— Что вам от меня нужно, Арфлейн? — едва слышно произнес он.

На мгновение Арфлейна охватила жалость и чувство вины перед ним.

Янек умоляюще посмотрел на него.

— Где моя жена? — спросил он.

— Она в безопасности.

— Я хочу увидеться с нею.

— Нет.

Закрыв лицо руками, Ульсенн сел на койку.

Арфлейн вышел из каюты и закрыл дверь. Он позвал двух матросов.

— Каюта лорда Ульсенна — третья справа, он арестован. Подоприте дверь брусом и стойте на страже, пока вас не сменят.

Арфлейн отправился к себе.

Там, на его койке, спала Ульрика. Он прошел в ее каюту, сложил вещи в сундук и под любопытными взглядами часовых поволок его по коридору. Занеся сундук в свою каюту, он разделся и осмотрел плечо. Кровотечение остановилось. К утру все будет в порядке.

Он лег рядом с Ульрикой.

Утром боль в плече усилилась, он открыл глаза. Ульрика уже встала, открыв кран в большой бочке с водой, она намочила тряпку. Подойдя к койке, она приложила тряпку к раненому плечу. Однако это только усилило боль.

— Лучше найди Хансена,— сказал ей Арфлейн.— Он знает, как лечить раны.

Она молча направилась к выходу. Он схватил ее за руку.

— Ульрика, знаешь ли ты, что произошло сегодня ночью?

— Набег варваров? — сухо спросила она.— Я видела огонь.

— Я имею в виду твоего мужа.

— Ты убил его,— ровным голосом произнесла она.

— Нет, он не смог напасть на меня, как планировал. Помешал набег. Он в своей каюте, закрыт там до конца путешествия.

Она иронично улыбнулась.

— Ты милосерден,— наконец произнесла она и вышла из каюты.

Чуть позже она вернулась с Хансеном и помогла офицеру обработать рану Арфлейна. В ледовой стране инфекции бывали чрезвычайно редко.

— Сегодня ночью погибло тридцать человек, сэр,— доложил капитану Хансен,— и еще шестеро раненых. Такие потери затруднят дальнейшее путешествие.

Арфлейн согласно кивнул.

— Я поговорю с вами позднее, мистер Хансен. Нам нужен совет Файдура.

— Он погиб, сэр.

— Понятно. В таком случае, теперь вы — первый офицер «Ледового духа», а Уркварт — второй. Найдите на место боцмана подходящего человека.

— У меня есть на примете, сэр,— Рорченоф. Он был боцманом на «Ильдико Ульсенне».

— Прекрасно. Где Уркварт?

— На такелаже, сэр. Он был там во время боя, сидит там до сих пор. Он не захотел ответить мне, сэр, когда я позвал его. Если бы я не заметил его дыхания, можно подумать, что он замерз.

— Попробуйте заставить его спуститься. В противном случае я займусь им сам.

— Слушаю, сэр.

Хансен вышел.

Ульрика задумчиво стояла рядом со своим сундуком.

— Чем ты так расстроена? — спросил Арфлейн, глядя прямо ей в глаза.

Она вздохнула и села, сложив руки.

— Я думаю, что мы сами виноваты в том, что случилось.

— Что ты имеешь в виду?

— Янека. То, как он себя вел. Мы заставили его сделать то, что он сделал.

— Я с самого начала не хотел брать его. Ты знаешь это.

— Но у него не было выбора. Он вынужден был присоединиться к нам, благодаря нашим же действиям.

— Я не просил его убивать меня.

— Возможно, ты заставил его решиться на это.

— Что ты хочешь от меня, Ульрика?

— Ничего.

— Мы вместе?

— Да.

— Случилось то, что случилось, — сев на койку, произнес Арфлейн. — Теперь ничего не изменишь.

Ветер бросал в иллюминаторы хлопья снега. Слегка покачиваясь на неровном льду, корабль шёл вперед. Позже они лежали и слушали, как воет на палубе буря.

В полдень Арфлейн вышел на палубу и под обрушившимся на него шквалом снега поднялся по скользкому трапу на мостик, где уже стоял Рорсейн.

— Как вы, капитан? — спросил Манфред.

— Прекрасно. Где офицеры?

— Мистер Хансен наверху, а Уркварт спустился вниз. Я же управляюсь на мостике.

— Как корабль слушается руля?

— Вполне прилично для таких условий.

Рорсейн указал на такелаж. Темные, закутанные в меха фигуры двигались по реям. Паруса были зарифлены.

— Вы выбрали хороший экипаж, капитан Арфлейн. Как моя кузина?

Вопрос был задан осторожно, но Арфлейн без труда уловил в нем скрытый подтекст.

Корабль начал останавливаться. Прежде чем ответить, Арфлейн посмотрел в рубку.

— С ней все в порядке. Вы знаете, что произошло?

— Я ждал этого. — Рорсейн улыбнулся и поднял голову.

— Вы... — Арфлейн не решался задать вопрос. — Как?

— Это не мое дело, капитан, — перебил его Рорсейн. — Кроме того, все обитатели шхуны полностью в вашей власти.

Ирония была очевидна. Поклонившись Арфлейну, юноша осторожно спустился с мостика.

Арфлейн проводил его взглядом. Погода ухудшалась с каждым часом. Они шли к северу навстречу зиме. Без трети экипажа им

придется нелегко на пути в Нью-Йорк. Арфлейн чувствовал себя измотанным как физически, так и духовно.

Как только погасли последние огни, на мостике появился Уркварт. Похоже, что гарпунщик пришел в себя. Держа гарпун на согнутой руке, он приблизился к Арфлейну.

— Теперь вы с этой женщиной, капитан? — безучастно спросил он.

— Да.

— Она уничтожит вас. — Сплюнув на ветер, Уркварт отвернулся. — Я прослежу, чтобы очистили крышки люков.

Внезапно Арфлейн подумал, что предостережение гарпунщика основано на обыкновенной ревности, которую он испытывал к Ульрике. Ведь она приходится ему сводной сестрой. Это объясняло и сильную неприязнь Уркварта к Ульсенну.

Прежде чем спуститься вниз, Арфлейн еще около часа простоял на палубе.

Глава 18

ТУМАН

По мере продвижения корабля к северу осень быстро сменялась зимой. С каждой неделей погода становилась все хуже. Из-за непрекращающихся снежных бурь скорость упала почти до нуля. До Нью-Йорка оставалось несколько сотен миль.

Видимость сократилась до предела. Если прекращался снег, корабль окутывал туман, такой плотный, что уже на расстоянии двух ярдов предметы полностью терялись из виду.

В каюте Арфлейна любовники тесно прижимались друг к другу, объединенные не столько страстью, сколько общими бедами. Манфред Рорсейн посетил Ульсенна, доложив Арфлейну, что узник переносит заключение с определенной стойкостью и даже с юмором.

Арфлейн никак не отреагировал на эту новость. Его природная молчаливость настолько усилилась, что в отдельные дни он не произносил ни слова, с утра до ночи лежа на койке в каюте. В такие дни он ничего не сл. Ульрика лежала рядом с ним, положив голову ему на плечо и прислушиваясь к ударам полосьев о лед, скрипу рей, шуму падающего на палубу снега. Временами казалось, что каюта движется отдельно от корабля. В эти моменты к Арфлейну возвращалась страсть. Он с каким-то отчаянием предавался любви, как если бы это было в последний раз. После этого он выходил на затянутый туманом мостик и молча выслушивал от офицеров отчет. Для экипажа он сделался зловещим призраком, и все они, за исключением Уркварта, чувствовали себя неловко в его присутствии. Они замечали, как резко соста-

рился Арфлейн. Его лицо избороздили морщины, плечи поникли. Он редко смотрел на своих матросов, безразлично наблюдал за падающим на палубу снегом, тяжело вздыхал, нервно теребя бороду. В то время как Хансен и Рорсейн были удручены состоянием капитана, Уркварт намеренно не замечал его. Со своей стороны Арфлейн не обращал внимания ни на Хансена, ни на Рорсейна. Уркварта же он старательно избегал. Не раз, стоя на мостике, он быстро спускался к себе в каюту, едва заведя гарпунщика. Обычно Уркварт не замечал его бегства, но однажды легкая улыбка скривила его губы.

Хансен часто разговаривал с Рорсейном. Юноша был для него единственным человеком, которому он мог доверить свои опасения. Экипаж охватила апатия, вызванная вынужденным бездельем.

— Мне часто кажется, что когда-нибудь мы остановимся окончательно, — признался как-то Хансен, — и проведем остаток жизни среди этого тумана...

Рорсейн понимающе кивнул.

— Выше голову, мистер Хансен. Все образуется. Судьбе угодно, чтобы мы добрались до Нью-Йорка.

— Я хотел бы, чтобы капитан сам сказал об этом команде, — мрачно ответил Хансен. — Я хотел бы, чтобы он сказал им хоть что-нибудь...

Рорсейн вновь задумчиво кивнул.

Глава 19

СВЕТ

На следующее после этого разговора утро Арфлейна разбудил стук в дверь. Медленно поднявшись, он прикрыл тело Ульрики мехами, оделся и открыл дверь.

Окутанный туманом, в коридоре стоял Манфред. Руки юноши были горделиво сложены на груди, голова высоко поднята.

— Могу я поговорить с вами, капитан?

— Позже, — проворчал Арфлейн, бросив взгляд на лежащую в постели Ульрику.

— Это очень важно, — настаивал Манфред.

Пожав плечами, Арфлейн шагнул в сторону, пропуская Рорсейна. Ульрика, открыв глаза, увидела юношу и отвернулась.

— Манфред...

— Доброе утро, кузина, — произнес Рорсейн. В его голосе прозвучали веселые нотки, причины которых ни Арфлейн, ни Ульрика не поняли. Они выжидающе смотрели на молодого человека.

— Сегодня утром я говорил с мистером Хансеном. Он думает, что скоро туман рассеется. Если он прав, мы сможем увеличить скорость.

Подойдя к сундуку, Рорсейн уселся на него.

— Почему он так думает? — безучастно спросил Арфлейн.

— Туман стал менее плотным. За последние дни снега выпало очень мало, воздух стал суше. Думаю, что мистер Хансен достаточно опытен в этом вопросе.

Арфлейн кивнул головой, гадая об истинной причине визита Рорсейна.

— Как ваше плечо? — вежливо осведомился Манфред.

— Нормально, — проворчал Арфлейн.

— По-моему, с вами что-то происходит, капитан.

— Со мной все в порядке, — выпрямив согнутую спину, Арфлейн подошел к стоящему рядом с бочонком с водой тазу. Повернув кран, он налил в него воды и вымыл лицо.

— У команды подавленное настроение, — продолжал Рорсейн. — Уркварт пытается расшевелить их, но ему не хватает опыта.

— Мне кажется, что Уркварт отлично управляется с ними, — произнес Арфлейн.

— Так думает он, а не я.

Удивленный настойчивостью Рорсейна, Арфлейн повернулся к нему, вытирая рукавом лицо.

— Это не ваше дело, — сказал он.

— Я просто напоминаю вам, капитан.

— Это все, что хотел ваш дядя. Мне кажется, что он прекрасно предвидел все, что произойдет во время путешествия. Перед смертью он чуть ли не предложил мне свою дочь, Рорсейн.

При этих словах Ульрика еще глубже зарылась в подушки.

— Я знаю, но не думаю, что он полностью понял ваши характеры. К тому же, он не думал, что Янек отправится с нами. Сомневаюсь, что он мог предвидеть, как чувство вины капитана приведет его к апатии и самоуничтожению.

— Сначала мы обсуждали настроение экипажа, теперь добрались и до нас с Ульрикой, — защищаясь произнес Арфлейн. — Зачем вы пришли сюда?

— Одно связано с другим. Вы прекрасно понимаете это, капитан. — Рорсейн поднялся на ноги. — Вы больны как физически, так и морально. Команда понимает это, хотя пока молчит. У нас не хватает рук. Там, где нужно работать за двоих, матросы едва успевают выполнить лишь свои обязанности. Они уважают Уркварта, но и боятся его. Он чужой среди них. Им нужен человек, которого они могли бы принять за своего. Этим человеком были вы. Теперь они начинают думать, что вы для них чужак, как и Уркварт.

Арфлейн потер лоб.

— Какое это имеет значение? В такую погоду управлять кораблем почти невозможно. Чего вы ждете от меня? Чтобы я вышел к ним и наполнил их сердца уверенностью? Заверил их, что туман скоро рассеется? Что еще я должен сделать?

— Ничего. Говорю вам, Хансен чувствует, что погода улучшается,— терпеливо гнул свое Рорсейн.— Кроме того, вы сами знаете, как много в такой ситуации зависит от капитана. Вам следует взять себя в руки, капитан.

Рорсейн шагнул ему навстречу.

— Обойдите корабль, капитан Арфлейн. Посмотрите, довольны ли вы его состоянием. Паруса провисли, на палубе кучи грязного снега, крышки люков открыты. Корабль болен, как и вы. Он вот-вот начнет гнить.

— Оставьте меня,— отвернувшись, произнес Арфлейн.— Мне не нужны ваши советы. Если бы вы знали...

— Меня не волнует это. Я забочусь о корабле, его обитателях и его задаче. Кузина полюбила вас, потому что вы были лучше Ульсенна. У вас была сила, которой у него не было. Теперь же вы сравнялись с ним. Вы потеряли право на ее любовь. Неужели вы не чувствуете этого?

Выйдя из каюты, Рорсейн с силой захлопнул за собой дверь. Сев на кровати, Ульрика вопросительно посмотрела на Арфлейна.

— Ты думаешь так же, как и он? — спросил Арфлейн.

— Я не знаю. Все гораздо сложнее...

— Это верно,— с горечью пробормотал Арфлейн. Гнев наполнил его, казалось, в движениях появилась какая-то живость.

— Он прав,— задумчиво сказала Ульрика,— что напомнил тебе об обязанностях капитана.

— Он пассажир, бесполезный балласт, он не имеет права указывать мне.

— Мой кузен — образованный человек. К тому же ты нравишься ему.

— Это не очевидно. Он критикует меня, не понимая...

— Он делает это ради твоей же пользы. Он заботится не о себе. Жизнь для него — игра, которую, как он говорит, он должен доиграть до конца.

— Меня не интересует характер твоего кузена. Я хочу, чтобы он оставил меня в покое.

— Он видит, что ты губишь себя и меня,— с неожиданной силой произнесла Ульрика.— Он видит больше, чем ты.

Помолчав, Арфлейн смущенно сказал:

— Значит, ты думаешь то же самое?

— Да.

Опустившись на край кровати, он посмотрел на нее — в глазах женщины стояли слезы. Он протянул руку и погладил ее лицо. Взяв его руку обеими ладонями, Ульрика поцеловала ее.

— О, Арфлейн, что произошло?

Молча он обнял ее и, поцеловав в губы, увлек на кровать.

Спустя час он в задумчивости признался:

— Твой кузен прав. Зря я рассердился. Я был слаб. Я не знаю, что мне делать, Ульрика. Следовало ли мне соглашаться на эту экспедицию? Должен ли я поддаваться своему влечению к тебе и арестовывать Ульсенна?

— Это личные вопросы, — мягко сказала она, — и это не должно никого касаться, кроме нас.

— Похоже, что так и есть. — Сжав губы, Арфлейн распрямился. — Но, так или иначе, Манфред прав. Мне стыдно...

— Смотри, — прервала его Ульрика, указывая на иллюминатор. — Становится светлее. Пойдем на палубу.

К этому времени туман уже почти рассеялся, сквозь облака робко пробивались первые солнечные лучи. Корабль медленно продвигался вперед, треть парусов была поставлена.

Взявшись за руки, Арфлейн и Ульрика пошли по палубе. Солнечный свет смягчал коричневые и белые краски корабельных мачт и такелажа, желтизну кости. Изредка в воздухе слышались удары полозьев о лед и приглушенные крики матросов. Даже небубранная палуба придавала кораблю какой-то лихой вид. Солнечные лучи пробили тучи, и вскоре горизонт почти очистился. Корабль пересекал белое ледяное поле, окаймленное по краям разорванными цепями глетчеров. Схватив Арфлейна за руку, Ульрика показала на правый борт. Оттуда к кораблю приближалась стая птиц.

— Посмотри на их цвет! — удивленно воскликнула она.

Арфлейн с изумлением рассматривал ярко-зеленое оперение необычных птиц. В своей жизни он еще не встречал ничего подобного: все звери в стране льда были бледной окраски, что помогало им вести борьбу за выживание. Цвет этих птиц поразил его. Пролетев над кораблем, птицы исчезли за горизонтом.

С мостика раздалась команда:

— Поднять паруса! Все вверх!

Это был Уркварт.

Осторожно высвободив руку, Арфлейн быстро поднялся на мостик и взял мегафон из рук удивленного гарпунщика.

— Все в порядке, мистер Уркварт. Принимаю командование на себя.

Заворчав себе под нос, Уркварт поднял гарпун и спустился с мостика.

— Мистер Хансен! — Арфлейн попытался вложить в голос всю свою силу и уверенность. — Позовите боцмана.

Хансен закричал матросу, находящемуся на вантах главной мачты. Вскоре они оба поднялись на мостик. Матрос оказался крепкого телосложения, с такой же, как у Арфлейна, рыжей, аккуратно подстриженной бородой.

— Ты Рорченоф, боцман «Ильдико Ульсенна»?

— Так точно, сэр, был им, пока не ушел в китобои.

В голосе Рорченофа чувствовался характер.

— Хорошо, значит, когда я говорю «Поднять все паруса», ты знаешь, что это значит?

— Да, сэр, — кивнул Рорченоф.

Хансен хлопнул моряка по плечу, и тот побежал занимать свой пост. Офицер недоверчиво посмотрел на Арфлейна.

Увидя, что матросы уже поднялись на ванты, Арфлейн поднес к губам мегафон.

— Поднять все паруса! — закричал он.

Вскоре корабль окутало белое облако трепещущих парусов, и он за считанные минуты почти вдвое увеличил скорость, летя над сверкающим льдом.

Проходя по палубе, Хансен принялся подтягивать ослабевший трос. Теперь, когда туман рассеялся, хорошо было видно, что многие узлы развязались. До наступления ночи это нужно было исправить.

Чуть позже, когда он приступил ко второму узлу, к нему подошел Уркварт.

— Ну, мистер Уркварт, с капитаном вновь полный порядок?

Хансен внимательно наблюдал за реакцией Уркварта. Легкая улыбка тронула лицо гарпунщика. Красными когтистыми пальцами он погладил зубцы на гарпуне и показал головой в сторону мостика. Хансен увидел, что с капитаном на мостике появился Манфред Рорсейн. Не понимая, что Уркварт хочет этим сказать, Хансен нахмурился.

— Если вы спрашиваете меня, что там делает Рорсейн, я скажу, что мы должны быть благодарны ему за исцеление капитана.

Уркварт сплюнул в тающую на палубе кучу снега.

— Теперь они оба управляют кораблем, — произнес он. — Капитан подобен игрушке, которую делают детям. Вы пропускаете через ее пасть струну и, дергая за нее, заставляете игрушку на-супливаться или улыбаться. Каждый из них тянет за свой конец. Один заставляет его улыбаться, другой — хмуриться. Иногда, впрочем, они меняются местами.

— Вы имеете в виду Ульрику Ульсенн и Манфреда?

Уркварт задумчиво провел рукой по тяжелому дереву гарпуна.

— С помощью Ледовой Матери он еще избавится от них,— произнес он.— Наш долг сделать все, что в наших силах.

Хансен почесал голову:

— Что-то я плохо понимаю вас, мистер Уркварт. Вы полагаете, что настроение капитана вновь испортится?

Пожав плечами, Уркварт прыгающим шагом отошел в сторону.

Г л а в а 2 0

ЗЕЛЕННЫЕ ПТИЦЫ

Несмотря на необычный ландшафт, корабль развил приличную скорость и стремительно приближался к гряде глетчеров. За глетчерами находился Нью-Йорк. Судно поменяло курс с иста на норд, а это значило, что конец путешествия близок. Погода по-прежнему держалась хорошая, хотя Арфлейн и понимал, что вряд ли она простоит до Нью-Йорка.

Счастливо избегнув нескольких разломов во льду, «Ледовый дух» шел все дальше и дальше по ледовой равнине. Несколько раз в поле зрения попадали отдельные группы завернутых в серебристые меха варваров, но, не причинив вреда, они оставались за кормой.

Уркварт вновь занял место на мостике возле капитана, хотя отношения двух мужчин были уже не те, что раньше.

Стаю первым заметил Уркварт. Она была едва видна справа от них, но ошибиться было невозможно. Уркварт показал копьем в направлении китов, и Арфлейн, прищурив глаза, различил на светло-голубом льду темные очертания животных.

— Точно,— проворчал Уркварт, тербя серьгу.— Приказать рулевому изменить курс, капитан?

Арфлейн подумал, что неплохо бы разжиться мясом. Кивнув Уркварту, он вошел в рубку.

Ульрика смотрела на него с палубы. Улыбнувшись ей, Арфлейн жестом пригласил ее на мостик. Чувствуя антипатию Уркварта, она неохотно поднялась и подошла к Арфлейну.

— Конрад, похоже, что Янек заболел. Сегодня я разговаривала с часовыми: они утверждают, что он ничего не ест.

Арфлейн рассмеялся:

— Наверное, голодает от злости.— Заметив выражение беспокойства на ее лице, он добавил: — Хорошо, как только я смогу, я увижусь с ним.

Корабль повернул к китовому стаду. Животные были намного меньше тех, которых Арфлейн видел до этого, с более короткими головами, желто-коричневого окраса. Они прыгали по льду, отталкиваясь от него необычно большими задними плавниками. И все же они не казались опасными для людей.

Захватив по дороге веревку. Уркварт направился к носу корабля. Он привязывал конец линя к кольцу гарпуна, остальную часть веревки обмотал вокруг пояса. Матросы тотчас же отправились в кубрик за оружием. Уркварт перелез через бортовое ограждение и встал на маленькой площадке, выдававшейся из корпуса судна.

Странного вида киты рассыпались перед украшенной черепом громадной шхуной.

Одной рукой Уркварт вцепился в ограждение, другой поднял гарпун. На лице его была улыбка. Корабль следовал за большим быком, бешено скакавшим в сторону от приближающегося «Ледового духа». Уркварт бросил гарпун, который вонзился животному в основание ши. Линь, привязанный к копыю, натянулся, животное прыгнуло на плавниках и завертелось на месте, широко раскрыв пасть. Зубы зверя оказались намного крупнее, чем ожидал Арфлейн.

Натянувшаяся веревка грозила сбросить Уркварта с занятой им маленькой площадки.

Еще несколько китобосов метнули свои копыя, как только корабль вновь приблизился к стае. Охота проходила в полной тишине, не считая шума движения корабля и хлопанья плавников.

Уркварт снял с себя остатки веревки и привязал ее к ближайшей стойке. Оглянувшись, Арфлейн увидел, как гарпун Уркварта тащит за кораблем умирающего, но все еще сопротивляющегося кита.

Вскоре больше десятка китов волочили по льду следом за кораблем. Их тела сталкивались, обильно обмывая лед кровью.

Корабль вновь повернул, на лед упали якоря. Шхуна остановилась, на лед спустились оснащенные разделочными ножами матросы.

С ними сошел и Уркварт. Стоя у ограждения, Арфлейн и Ульрика наблюдали за людьми, взбирающимися на трупы животных. Их ножи методично взлетали, разделявая добычу. Уходящее за горизонт красное солнце отбрасывало длинные прыгающие тени. В вечернем воздухе резко пахло кровью, растекавшейся по льду.

Китобои все как один были измазаны густой кровью, многие из них вымокли до нитки и с удовольствием слизывали кровь с губ.

Рорсейн показал на Уркварта, который, вытащив из своей жертвы гарпун, чертил им в воздухе таинственные знаки.

— Похоже, Уркварт в своей стихии, капитан, — сказал он. — лед. Да и остальные в приподнятом настроении. Нам повезло, что мы нашли стаю.

Кивнув, Арфлейн стал наблюдать, как Уркварт разделяет кита. То, как яростно гарпунщик врубался в тушу животного,

вновь сделало его похожим на полубога, стародавнего обитателя пантеона Ледовой Матери.

Понаблюдав за этой сценой, Рорсейн отошел прочь со словами извинения. Вероятно, подумал Арфлейн, юноше не доставляло удовольствия это зрелище.

До наступления темноты мясо отделили от костей, а ворвань и жир закачали в бочки, подвесив их на концах нижних рей.

Внезапно Арфлейн уловил в воздухе какое-то движение. Взглянув на начинающее темнеть небо, он увидел множество приближающихся к кораблю зеленых птиц, которых они видели несколькими днями раньше.

По виду они напоминали альбатросов с большими изогнутыми клювами и широкими крыльями. Покружив, они сели на лежащие на льду кости и принялись жадно пожирать потроха и клочья мяса, оставленные моряками.

Ульрика, не в силах смотреть на мерзких птиц, схватила Арфлейна за руку. Один из падальщиков, держа в клюве свисающие кишки повернул голову и пристально посмотрел на людей.

На этот раз птицы прилетели с севера. Когда Арфлейн впервые увидел их, они летели с юга на север. Интересно, подумал он, где же все-таки их гнезда? Может быть, в протянувшейся перед ними гряде глетчеров, той самой гряде, которую им нужно будет преодолеть, чтобы достигнуть Нью-Йорка.

Мысль о горах повергла его в уныние. Не просто им будет найти узкий проход, обозначенный на карте Рорсейна. Солнце зашло, но птицы продолжали свое пиршество.

Г л а в а 21

КРУШЕНИЕ

На рассвете Арфлейн вышел из каюты и отправился к Ульсенну. В этот момент на корабль обрушился удар. Капитан был сбит с ног.

Поднявшись, с разбитым в кровь лицом, он поспешил к Ульрике. Она сидела на кровати, на ее лице была тревога.

— Что это, Конрад?

— Пойду посмотрю.

Он выбежал на палубу, наполненную матросами. Те, кто сорвались с троса, разбились о палубу, другие были просто оглушены и теперь понемногу поднимались на ноги.

Взглянув вперед и не увидев никакого препятствия, он подбежал к носу и перегнулся через украшенный черепом бушприт.

Передние полозья попали в едва заметную неглубокую расщелину около десяти футов шириной и всего ярд в глубину, она

едва не послужила причиной крушения корабля. Спустившись по канату к краю расселины, Арфлейн осмотрел полозья.

Похоже было, что они пострадали, но не сильно. Край одного из них треснул, от него откололся небольшой кусок, упал на дно ямы. Но поломка не могла воспрепятствовать дальнейшему движению корабля.

Арфлейн подметил, что расселина кончалась всего в нескольких ярдах от правого борта. Им просто не повезло. Отвернув полозья, шхуну можно будет легко оттащить назад и вновь идти вперед.

Над бортом показалась голова Хансена.

— Что там, сэр?

— Ничего страшного, мистер Хансен, хотя команде придется потрудиться. Необходимо оттащить корабль назад. Пошлите боцмана поставить нижние паруса, это должно облегчить буксировку.

— Слушаюсь, сэр! — Хансен исчез.

Подойдя к борту, Уркварт помог Арфлейну перебраться через ограждение. При этом он молча указал на северо-восток. Посмотрев туда, Арфлейн выругался.

Около пятидесяти варваров, оседлав похожих на медведей животных стремительно приближались к ним. Варвары сидели на широких спинах животных, вытянув перед собой ноги, держа в руках идущие от головы зверей поводья. Их оружие составляли костяные дротики и мечи. Они были закутаны в меха и разительно отличались от встреченных ранее варваров.

Взлетев на мостик, Арфлейн дал команду вооружиться и приготовиться к защите корабля.

Первые варвары почти достигли корабля. Один из них выкрикивал какие-то слова, которые Арфлейн, несмотря на странный акцент кричащего, разобрал сразу:

— Вы убили последних китов!

Приблизившись к кораблю, всадники разъехались в стороны, явно намереваясь атаковать с обоих бортов.

Арфлейн успел различить тонкие, с орлиными чертами, лица под капюшонами.

Потеряв трех матросов и убив стрелами около половины нападавших, экипаж «Ледового духа» отбил первую атаку.

Арфлейн с луком в руках, Хансен и Манфред Рорсейн стояли рядом в ожидании нового нападения. Чуть дальше по борту стоял Уркварт. На время отложив свой гарпун, он разложил рядом с собой около полудюжины дротиков.

Мощные лапы животных пришли в движение, и, оглушительно крича, варвары бросились к кораблю. На волну дротиков ответила волна стрел. Двое варваров были сражены Урквартом, еще четверо оказались тяжело раненными. Остальные отступили. Улыбаясь,

Арфлейн повернулся к Хансену. Но тот уже был мертв: костью дротик пронзил его навыворот. Широко открыв остекленевшие глаза, первый офицер выпустил из рук оружие и рухнул на палубу.

— Кажется, Уркварт ранен,— прошептал Рорсейн на ухо Арфлейну.

Арфлейн повернул голову, ожидая увидеть гарпунщика лежащим на палубе. Тот уже вытащил ранивший его дротик и, увлекая за собой моряков, перепрыгнул через ограждение.

Крича, варвары вновь перестроились, но теперь лишь пятеро из них оставались невредимыми. Еще несколько повисли в сетях, пронзенные стрелами. Уркварт бросился к оставшимся в живых врагам. Правой рукой он угрожающе потрясал своим гарпуном, в левой зажал пару дротиков. Варвары остановились, один из них вытащил меч. Затем, развернув своих странных животных, они бросились прочь от ликующе кричащего Уркварта.

В результате набега около десяти матросов было ранено и четверо, включая Хансена, погибли. Взглянув на тело старика, Арфлейн вздохнул. Он не ощущал злости к варварам. Насколько он понял из их криков, недавняя охота оставила их без мяса.

Увидев проходящего по палубе нового боцмана, Арфлейн дал ему знак приблизиться. Заметив труп Хансена, боцман мрачно покачал головой и посмотрел на Арфлейна с грустью.

— Он был хорошим моряком, сэр.

— Да, боцман. Я хочу, чтобы ты взял людей и похоронил мертвых в расселине под нами. Это сэкономит время. Начиная прямо сейчас.

— Слушаюсь, сэр.

С борта шхуны Арфлейн увидел, как Уркварт и его люди рубили раненых варваров почти с таким же удовольствием, с каким они разделявали туши китов вчера вечером. Пожав плечами, он вернулся в каюту.

Там он рассказал Ульрикс, что произошло. Облегченно вздохнув, она сказала:

— Ты говорил с Янеком? Ты собирался сделать это.

— Я поговорю с ним сейчас.

Выйдя из каюты, он подошел к стоящему на страже матросу и дал ему знак снять замок с цепи, привязанной к брус. Дверь открылась, и он увидел лежащего Ульсенна. Тот был бледен, но вполне здоров на вид.

— Мне сказали, что вы ничего не едите,— сказал Арфлейн. Он не стал входить, а перегнулся через брус, перегородивший проход.

— Здесь мне не нужна пища,— ответил холодно Ульсенн.— Как моя жена?

— С ней все в порядке,— произнес Арфлейн.

Ульсенн горько улыбнулся. Выражение слабости на его лице исчезло. Арест, казалось, смягчил его характер.

— Хотите чего-нибудь? — спросил Арфлейн.

— Да, капитан, но не думаю, что вы сделаете это для меня.

Арфлейн понял намек. Коротко кивнув, он закрыл дверь и снова повесил замок.

С приходом рассвета Арфлейн приказал поднять паруса. Корабль приближался к гряде глетчеров.

Изгибы и складки ледовых гор блестели на солнце. Вскоре показался и проход, узкая щель между огромными скалами. Согласно карте Рорсейна, проход через нее займет несколько дней.

Погода явно портилась. Но Арфлейн решил преодолеть проход с ходу. Как только они пройдут через ущелье, от Нью-Йорка их будет отделять какая-то сотня миль.

Арфлейн приказал убрать большинство парусов и выставить на носу шестерых дозорных.

По мере приближения «Ледового духа» к ледяным горам впечатление сказочности и нереальности все усиливалось. Крики дозорных эхом разносились по ущелью, казалось, весь мир наполнялся этими призрачными голосами.

Широко расставив ноги, Арфлейн крепко ухватился за ограждение борта. Справа от него, одетая в свои лучшие меха, стояла Ульрика Ульсенн. Рядом с ней находился, как всегда, улыбающийся Манфред Рорсейн. Слева от Арфлейна, с неизменным гарпуном в руках, внимательно разглядывал скалы Уркварт.

Войдя в ущелье, корабль двигался между нависших над ним скал, уходящих вверх почти на четверть мили. Лед у подножия скал был ровным, и корабль тут же увеличил скорость. Потребованные шумом движения шхуны, со скал посыпались куски льда. Достигнув дна, они с шумом разбивались на множество мелких осколков.

— Боцман,— обратился Арфлейн к стоящему на юте Рорченофу,— пусть дозорные разговаривают как можно тише, иначе нас засыплет, прежде чем мы успеем заметить это.

Боцман отправился на нос. Он казался сильно обеспокоенным.

Да и Арфлейн сам был бы рад поскорее выскочить из ущелья. На фоне гор он чувствовал себя карликом. Решив, что проход достаточно широк, чтобы без особой опасности увеличить скорость, он вновь обратился к боцману.

— Поднять все паруса!

Рорченоф принял приказ с удивлением, но спорить не стал.

Подняв паруса, «Ледовый дух» устремился вперед мимо странных узоров, прорезанных ветром в стенах каньона.

К вечеру несколько ударов потрясли корабль, сего движение замедлилось.

— Это полозья, сэр! — воскликнул Рорченоф. — Должно быть, они повреждены больше, чем мы думали.

— Беспокоиться не о чем, боцман, — глядя вперед, спокойно сказал Арфлейн.

Становилось все холоднее, и поднимался ветер.

— Мы можем легко свернуть в сторону и врезаться в скалу, сэр, обрушив ее на себя.

— Чем быстрее шхуна пройдет ущелье, тем лучше. Я сам буду оценивать опасность, боцман.

Стоявшая рядом с ним тройца с удивлением посмотрела на Арфлейна, но не было произнесено ни слова.

С наступлением сумерек корабль начал опасно дрожать, но Арфлейн даже не пытался уменьшить скорость судна: оно по-прежнему шло под полными парусами.

К мостику подошла группа моряков во главе с Рорченофом.

— Капитан Арфлейн!

Арфлейн спокойно поглядел вниз. Теперь корабль постоянно сотрясали быстрые короткие удары, он все труднее слушался руля.

— Что, боцман?

— Нужно бросить якорь и починить полозья, сэр. Такая скорость убьет нас!

— До этого не дойдет, боцман!

— А мы чувствуем, что это может случиться!

— Возвращайтесь на свои места, — спокойно произнес Арфлейн. — Вы еще не поняли, в чем заключается наше путешествие.

— Зато мы понимаем, когда нашим жизням грозит опасность, — закричал один из матросов.

— Вы в безопасности, — уверенно сказал Арфлейн.

Едва в небе появилась луна, ветер взвыл еще с большей силой, туго натянув паруса, он еще больше разогнал корабль.

Дико оглядевшись, боцман закричал:

— Это безумие! Дайте нам шлюпки! Можете вести корабль, куда хотите, а мы уходим!

Уркварт поднял гарпун.

— Если вы не вернетесь на свои места, я угощу вас этой штукой. Будьте уверены, Ледовая Мать хранит нас!

— Ледовая Мать! — сплюнул боцман. — Вы все сумасшедшие. Мы хотим вернуться назад.

— Но мы не можем вернуться! — закричал Уркварт и дико засмеялся. — Нам не хватит пространства для разворота.

Рыжий боцман потряс кулаком перед гарпунщиком.

— Тогда бросьте якорь! Остановите корабль, дайте нам шлюпки, и мы сами отправимся домой.

— Вы нужны нам для управления кораблем, — резонно заметил Арфлейн.

— Вы все просто рехнулись! — в отчаянии закричал Рорченоф. — Что случилось с кораблем?

Манфред Рорсейн перегнулся через борт.

— У вас не выдержали нервы, боцман, вот в чем дело.

— Но полозья...

— Говорю тебе — нет! — отрезал Арфлейн, улыбнувшись Уркварту, и обнял Ульрику за плечи.

Рорченоф молча спустился вниз.

Рорсейн нахмурился.

— Это не было их последним словом, капитан.

— Возможно.

Рулевой едва успел отвернуть корабль от стены. Арфлейн схватился за борт и, обернувшись к рубке, ободряюще закричал рулевому, старающемуся удержать штурвал. Лицо матроса перескочило от страха.

Тут же на палубе вновь появились Рорченоф и компания. В рубках они держали ножи и гарпуны.

— Вы глупцы! — закричал Арфлейн. — Сейчас не время для мятежа.

— Спускай паруса, ребята! — обратился боцман к матросам на вантах.

Внезапно он вскрикнул и рухнул на палубу — из его груди торчал массивный гарпун Уркварта. Остальные с ужасом уставились на своего вожака.

— Достаточно, — начал Арфлейн. — Возвращайтесь по местам.

Закричав, матросы бросились к мостику. Схватив Ульрику, Арфлейн протолкнул ее в рубку, закрыл дверь и, оглянувшись, увидел, что Уркварт с Рорсейном сбсжали с мостика на палубу.

Чувствуя, что его предали, Арфлейн приготовился встретить мятежников. Но он был безоружен.

Корабль оказался во власти шквала. Снежные вихри обрушивались на трос, шхуну качало на поврежденных полозьях. По трапу осторожно поднимались матросы. Дождавшись, когда первый из них оказался на мостике, Арфлейн ударил его в лицо, вырвал из рук клинок и обрушил его на череп мятежника.

Арфлейн принялся наносить удары налево и направо. Обливаясь кровью, матросы отступили.

Внезапно за их спинами показались Уркварт и Рорсейн с клинками и луками в руках. Они принялись хладнокровно посылать стрелы в спины матросов.

Корабль сильно качнуло. Рорсейна отбросило в сторону, Уркварт успел ухватиться за поручни и устоять на ногах. Матросов разбросало в разные стороны. Бросив клинок, Арфлейн спустился по трапу.

— Рорченоф обманул вас! — закричал он. — Теперь вы сами видите, что необходимо пройти ущелье как можно быстрее, иначе с кораблем будет покончено.

Матросы дико посмотрели на Арфлейна.

— Но почему, капитан?

— Снег! Буря ослепит нас, зажмет в тиски! Упавший со скал лед заблокирует путь. Если даже мы не разобьемся о него, дальше пути не будет!

Над их головами с грот-мачты сорвало парус. Вой ветра усилился, корабль бросило на скалу, ударившись бортом о стену каньона, корабль вновь вышел на середину прохода.

— Но тогда нас разобьет о скалы! — закричал один из моряков. — Чего мы добиваемся?

Усмехнувшись, Арфлейн развел руками.

— Если нам действительно не повезет, то быстрая смерть лучше всего. Но вы знаете, что удача на моей стороне. К утру мы выйдем из ущелья и окажемся всего в нескольких днях пути от Нью-Йорка. Вам остается только верить в мою звезду. Бросайте оружие, ребята!

— Пусть ветер вынесет нас отсюда, — вмешался Уркварт. — Это наш единственный шанс.

— Возвращайтесь на ванты и займитесь парусами, — перекрывая шум ветра, закричал Манфред.

— Но полозья! — начал было матрос.

— Мы сами займемся ими, — сказал Арфлейн. — За работу, ребята. Обещаю, что, если пройдем ущелье, наказаний не будет. Либо мы выйдем отсюда, либо погибнем.

Моряки начали расходиться со следами страха и сомнения на лицах.

Выйдя из рубки, Ульрика по опасно накренившейся палубе добралась до Арфлейна.

Она схватила его за руку. Ветер рвал на ней одежду, в лицо бил снег.

— Ты уверен, что они не правы? — спросила она. — Может быть, лучше...

Он мягко улыбнулся.

— Не в этом дело, Ульрика. Иди вниз и попробуй отдохнуть. Я приду к тебе позже...

Проводив ее, он отправился на нос шхуны и увидел лишь скалы, обступившие корабль. Арфлейн забрался на бушприт, одной рукой ухватившись за лень стакселя, другой принялся гладить китовый

череп, будто хотел перенять от него силу, которой животное об- ладало при жизни.

Пелена снега впереди корабля расступилась. Казалось, что ска- лы еще ближе подступили к «Ледовому духу», пытаясь зажать его.

Это встревожило Арфлейна. Проход начал сужаться.

Спрыгнув на палубу, Арфлейн бросился к сальнику рулевого вала и, схватив тяжелую кувалду, стал выбивать аварийный штифт.

Истощенным голосом он закричал Уркварту:

— Бросайте якорь! Ради Ледовой Матери, бросайте якорь!

Арфлейн поднял голову. Сердце его замерло. Они уже достигли бутылочного горла, надежд спасти корабль почти не было.

Штифт сдвинулся с места. Поднимая и опуская кувалду, Ар- флейн снова и снова бил по нему.

Штифт наконец вылетел, полозья развернуло под углом друг к другу. С ужасающим скрежетом корабль завертело на месте.

Арфлейн сделал все, что было в его силах. Теперь его беспо- коила только Ульрика.

Влетев в каюту, он увидел Ульрику и рядом с ней ее мужа.

— Я освободила его,— сказала она.

— Пошли на палубу,— проворчал Арфлейн.— Шансов остать- ся в живых не так уж много.

Раздался последний страшный удар — упав на лед, якоря остановили корабль.

Выбравшись на палубу, Арфлейн с изумлением увидел, что они остановились всего в десяти ярдах от того места, где корабль неминуемо разбился бы о скалы.

Огромная шхуна начала валиться на левый борт. Не выдержав напряжения, полозья лопнули с оглушительным треском. Судно легло на борт, паруса наполнил ветер, закрутив «Ледовый дух».

Схватив Ульрику, Арфлейн свободной рукой вцепился в бук- сировочный трос.

Теперь единственное, что владело его мыслями,— это покинуть корабль и спасти себя и женщину. Спустившись на лед, они по- бежали прочь от шхуны. «Ледовый дух» врезался в скалу, сверху на него посыпались глыбы льда.

Им посчастливилось найти укрытие в стене ущелья. Они бро- сили взгляд на корабль. Спасется ли кто-нибудь кроме них, сказать было трудно.

Ветер донес до них чей-то голос. Похоже, что кричал Ульсенн: — Он хотел этого! Он хотел этого!

Вновь взревел ветер, и лавина льда обрушилась на корабль.

Они заползли под выступ в скале и стали смотреть, как умирает «Ледовый дух». Корпус его треснул, мачты, лопнув, раскололись.

В глазах Арфлейна стояли слезы. Смерть корабля означала конец и его надеждам. Он прижал к себе Ульрику, больше думая о себе, чем о ней.

Г л а в а 2 2

ПЕРЕХОД

Несмотря на то, что утром снегопад прекратился, тяжелое серое небо нависло над самыми вершинами глетчеров. Шторм прекратился сразу же после гибели «Ледового духа». Можно было подумать, что гибель корабля — единственное, что составляло цель бури.

Через завалы снега и льда Арфлейн и Ульрика добрались до места, где ущелье, сузившись, служило последним пристанищем для корабля. Там к ним присоединились Рорсейн и Ульсенн. Они оба не пострадали, не считая того, что меха на них были изодраны в клочья, а сами они были измотаны до предела. Рядом с искореженными остатками корабля молча стояли семеро оставшихся в живых истрепанных матросов, будто надеясь на его чудесное воскрешение. По обломкам, подобно падальщику, бродил Уркварт.

Повернувшись к Рорсейну, Арфлейн показал на зажавшие проход скалы.

— Этого не было на карте, не так ли? — произнес он, обращаясь больше к матросам, чем к юноше.

— Ни малейшего упоминания, — улыбаясь, согласился Манфред. — Должно быть, произошла сдвигка скал. Я слышал, что такое случается. Что будем делать, капитан? Не осталось ни одной шлюпки. Как мы доберемся домой?

Арфлейн мрачно посмотрел на него.

— Домой?

— Вы хотите идти дальше? — безразличным голосом спросил Ульсенн.

— Это самое разумное, — ответил Арфлейн. — От Нью-Йорка нас отделяет около пятидесяти миль, а от дома — несколько тысяч...

Уркварт поднял со льда несколько больших костяных обломков, бывших когда-то крышкой люка.

— Лыжи! — произнес он. — Мы доберемся до Нью-Йорка меньше чем за неделю.

Рорсейн рассмеялся:

— Неутомимый! Я с вами, капитан!

Спустя два дня проход остался позади, экспедиция начала путь по широкой ледовой равнине. Погода не баловала их, часто шел снег, они промерзли до мозга костей.

Люди вымотались до предела, даже во время привала они почти не разговаривали. Небольшой компас, найденный Манфредом на месте крушения, указывал им путь.

Время, казалось, перестало существовать для Арфлейна. Его лицо, руки и ноги были прихвачены морозом, борода обросла льдом, под воспаленными красными глазами появились мешки. Он шел вперед чисто механически, за ним, подобно роботам, двигались остальные.

По привычке Арфлейн и Ульрика держались вместе, но никаких эмоций по отношению друг к другу они уже не испытывали.

К этому времени умерло двое матросов, их оставили лежать там, где они упали.

Единственным, кто еще держался бодро, был Уркварт.

К тому времени никто из них не догадывался, что компас неисправен: они пересекали равнину, обходя по широкой дуге предполагаемое местоположение Нью-Йорка.

Арфлейн увидел их только тогда, когда с мечами и дротиками в руках варвары встали на его пути. Внешне варвары выглядели так же, как и те, что напали на них после ледовой охоты. Они были одеты в белые меха и ехали на белых, похожих на медведей животных.

Качаясь от усталости, он смотрел в ухмыляющиеся орлиные лица наездников. Защищаясь, он ослабевшими руками поднял гарпун.

Уркварт метнул в них два гарпуна один за другим, которые он использовал в качестве лыжных палок. Двое варваров рухнули на снег.

Вождь махнул рукой, и варвары, подняв дротики, помчались к остановившейся экспедиции.

Пытаясь защитить Ульрику, Арфлейн выставил свой гарпун, но страшный удар в лицо опрокинул его на лед. Еще один удар пришелся в голову, и он потерял сознание.

Г л а в а 2 3

ОБРЯД ЛЕДОВОЙ МАТЕРИ

От полученного удара кровь яростно пульсировала в висках, голова раскалывалась от боли. Арфлейн в неудобной позе лежал на льду, руки его были крепко связаны за спиной. Открыв глаза, он увидел лагерь варваров.

На остовы из костей были натянуты шкуры — жалкое подобие палаток, ездовых животных согнали в один конец лагеря. Между палаток ходили женщины. Это не было постоянным местом их обитания, поскольку варвары кочевали с места на место. Вокруг собралась большая группа мужчин. Разговаривая с ними, вождь

бросал взгляды на лежащих на льду пленников, запястья каждого из которых были связаны за спиной общей веревкой.

Повернув голову, Арфлейн с облегчением увидел, что Ульрика находится в безопасности, она слабо улыбнулась ему... Здесь же были Манфред, Янек Ульсенн и три матроса.

Уркварта не было видно. Может, его убили, подумал Арфлейн.

Тут же он увидел, как из палатки в сопровождении маленького жирного человека вышел гарпунщик и направился к общей массе людей. Похоже было, что каким-то образом он сумел завоевать доверие варваров. Арфлейн вздохнул с облегчением: Уркварт найдет способ освободить их. Вождь, представительный темнокожий юноша с загнутым книзу носом и яркими надменными глазами, показал на пробирающегося сквозь толпу Уркварта. Подойдя к нему, Уркварт заговорил. Вероятно, он просит сохранить жизнь друзьям, подумал Арфлейн, гадая, каким образом гарпунщик попал в милость к кочевникам. Несомненно, что он был намного выше любого из них, а его грубая внешность произвела на них впечатление, впрочем, как и на всякого другого, кто хоть раз видел Уркварта. К тому же он единственный из них атаковал варваров. Возможно, им импонировала его храбрость. Независимо от этого, они внимательно слушали его, в то время как он указывал своим длинным копьём на пленников.

Затем вождь, толстяк и Уркварт отошли от остальных и приблизились к Арфлейну.

Молодой вождь был одет в прекрасные белые меха, лицо его было чисто выбрито, держался он прямо, положив руку на рукоять костяного меча. Толстяк был закутан в рыжие меха незнакомого Арфлейну зверя. Задумчиво хмурясь, он теребил длинные, заляпанные салом усы. Лицо Уркварта было лишено всякого выражения.

Остановившись перед Арфлейном, вождь положил руки на бедра и заговорил со странным акцентом.

— Ха! Как и мы, ты идешь на север? Ты пришел оттуда? — Большим пальцем он показал на юг.

— Да, — согласился Арфлейн, обнаружив, что едва может шевелить распухшими губами. — У нас был корабль. Он разбился.

Замолчав, он вопросительно посмотрел на юношу, не зная, что ему рассказал Уркварт.

— Большие сани, обтянутые кожей. Мы видели их много дней назад. Да, — улыбнулся вождь и бросил на Арфлейна быстрый умный взгляд. — Их много на большом холме в нескольких месяцах пути отсюда.

— Ты знаешь плато Восьми Городов? — удивился Арфлейн. Он взглянул на Уркварта, но тот, опершись на гарпун, смотрел в сторону.

— Мы шли гораздо дальше с юга, чем ты, мой друг,— улыбнулся вождь варваров.— Там стало слишком тепло. Лед исчезает, а под ним находится что-то мягкое и неестественное. Мы ушли на север, где все как обычно. Я — Донал из Камфора, и это мой народ.

— Арфлейн из Брершилла,— представился Арфлейн.

— Лед на юге тает? — впервые вступил в разговор Манфред.

— Это так,— кивнул Донал из Камфора.— Никто не может там жить. Зверь бежит из плохих мест.

Покачивая головой, он скривился.

Арфлейн почувствовал, что от этих слов ему становится не по себе.

Засмеявшись, Донал показал на него.

— Ха! Тебе это тоже не нравится! Куда ты шел?

Арфлейн вновь посмотрел на Уркварта, но гарпунщик упорно избегал его взгляда. Храня в секрете цель их путешествия, он ничего не добьется. С другой стороны, на варваров это может произвести впечатление.

— Мы идем в Нью-Йорк,— сказал он.

Донал был потрясен.

— Ты ищешь дворец Ледовой Матери? Никто не может пройти туда...

Уркварт жестом указал на Арфлейна.

— Он может. Он избранник Матери. Я говорил тебе, что одному из нас предначертано судьбой встретиться с нею и молиться за нас. Она помогает ему добраться к ней. Когда они встретятся, лед не будет таять.

Теперь Арфлейн понял, как Уркварт завоевывал расположение варваров. Несомненно, они были намного суевернее жителей Восьми Городов. Однако Донала не просто было одурачить.

— Сделаем то, что говорил нам Уркварт, и проверим справедливость его слов,— облокотившись локтем на плечо толстяка, произнес он.

Бросив быстрый взгляд на Арфлейна, толстяк пожевал губу.

— Я жрец,— обратился он к Доналу.— Я это решил.

Пожав плечами, Донал отошел назад.

Жрец перевел взгляд на Арфлейна и Ульрику, а затем на Манфреда Рорсейна. Подергав себя за ус, он подошел к Уркварту.

— Эти двое? — спросил он, указывая на Ульрику и Манфреда. Уркварт кивнул.

— Хорошая порода,— произнес жрец.— Ты был прав.

— Представители высшей знати Восьми Городов,— стал объяснять Уркварт с гордостью.— Нет лучшей крови, и они — мои родственники. Это обрадует Ледовую Мать и принесет нам удачу.

Арфлейн ответит нас в Нью-Йорк, где мы будем желанными гостями.

— О чем вы говорите, Уркварт? — обеспокоенно спросил Арфлейн. — Какую сделку вы заключили за нашими спинами?

Уркварт улыбнулся:

— Это разрешит все наши проблемы. Моя цель будет достигнута. Ледовая Мать будет задобрена, вы избавитесь от своего бремени, мы обретем помощь и дружбу этого народа. Наконец-то сбудется то, о чем я мечтал все эти годы. Я верил в Ледовую Мать, служил ей, молился ей. Она послала вас, и вы помогли мне. Теперь она дает мне то, что принадлежит мне по праву.

Арфлейн содрогнулся. Голос гарпунщика был пугающе холоден.

— Что вы имеете в виду? — спросил он. — Как я помог вам?

— Вы спасли жизнь членам клана Рорсейнов — моему отцу, его дочери и племяннику.

— Я думал, что именно поэтому вы испытываете ко мне чувство дружбы...

— Я увидел в этом вашу судьбу. Я понял, что вы исполнитель воли Ледовой Матери, хотя вы сами не догадывались об этом. — Уркварт откинул капюшон. — Вы спасли им жизнь, Конрад Арфлейн, чтобы я распорядился ею по собственному усмотрению. Пришло время моей мести. Единственное, о чем я сожалею, — что моего отца нет здесь.

Арфлейн вспомнил похороны во Фризгальте и странное поведение Уркварта, когда он с яростью бросил ледяную глыбу в могилу старого Рорсейна.

— Почему вы ненавидите их? — спросил он.

— Он хотел убить меня. Моя мать была женой хозяина гостиницы и любовницей Рорсейна. Когда она принесла меня к нему и согласно обычаю просила взять под его покровительство, он велел слугам отнести меня на лед и оставить там. Я слышал эту историю из ее уст много лет спустя. Меня нашли китобои, и я стал их талисманом. Об этом рассказали в городе, и мать поняла, что произошло. Она принялась разыскивать меня и наконец нашла, когда мне было уже шестнадцать лет. Тогда я поклялся отомстить роду Рорсейнов. Я дитя льда, любимец Ледовой Матери. То, что я жив, доказывает это.

Глаза Уркварта вспыхнули огнем.

— Так вот что заставило этих людей слушать вас! — прошептал Арфлейн. Он попробовал развязать узлы на руках, но тщетно.

Не обращая на него внимания, Уркварт достал из ножен длинный нож и, наклонившись, разрезал ремни, связывающие Манфреда и Ульрику. Ульрика побледнела, в ее глазах появился ужас.

Поставив дрожащую женщину на ноги, он схватил Манфреда за изодранный плащ. Юноша поднялся, всем своим видом выражая чувство собственного достоинства. Красн глаза Арфлейн заметил рядом с собой какое-то движение. Повернув голову, он увидел, что руки Ульсенна свободны. Разрезав ремни, Уркварт случайно освободил и его. Донал молча указал на Ульсенна, но Уркварт с отвращением повел плечами.

— Он ничего не может сделать.

Арфлейн, все еще не веря, посмотрел на гарпунщика.

— Уркварт, вы потеряли рассудок. Вы не можете убить их!

— Могу, — тихо произнес Уркварт.

— Он должен, — добавил жирный жрец. — Мы договорились об этом. Нам не везло на охоте. Ледовой Матери нужно жертвоприношение. Жертва должна быть лучших кровей. Если Уркварт совершит этот обряд, остальные будут освобождены.

— Он безумен! — Арфлейн отчаянно пытался встать на ноги. — Ненависть затуманила его разум!

— Я не вижу этого, — спокойно произнес жрец. — Даже если это так, какое нам до этого дело? Умрут эти двое, ты останешься жить. Будь благодарен за это.

Приподнявшись, Арфлейн снова рухнул на лед.

Пожав плечами, Донал пошел прочь. За ним, толкая перед собой Ульрику и Манфреда, последовал жрец. Замыкал шествие Уркварт. Ульрика обернулась к Арфлейну, ужас в ее глазах сменился выражением безысходного отчаяния.

— Ульрика! — закричал Арфлейн.

— Я сниму с вас оковы, — не глядя на него, произнес Уркварт. — Освобождая вас, я возвращаю вам долг.

Арфлейн тупо наблюдал, как варвары сооружают из костей рамы и привязывают к ним пленников. Выйдя вперед, Уркварт принялся срезать с Манфреда остатки одежды, пока юноша не остался совершенно голым. Затем, подойдя к Ульрике, он проделал с ней то же самое.

Арфлейн с ужасом увидел, как Уркварт занес нож над гениями Манфреда. Он увидел взмах ножа и услышал адский крик юноши. По его ногам потекла кровь. Свесив голову, Рорсейн затаих. Помахав в воздухе своим трофеем, Уркварт отбросил его в сторону. Арфлейн вспомнил древний дикий обряд своего народа, не совершавшийся уже много столетий.

— Уркварт, нет! — закричал он. — Нет!

Казалось, что Уркварт не слышит его. Внимание гарпунщика было приковано к Ульрике, которая с безумным от страха взглядом пыталась отодвинуться от угрожавшего ее грудям ножа.

Из-за спины Арфлейна выскочил человек, выхватил у стражника дротик и заколол его. Быстро повернувшись, человек раз-

резал ремни, связывающие руки Арфлейна. Вскочив на ноги, Арфлейн в мгновение ока свернул шею опешившему от изумления второму охраннику.

Рядом с ним, тяжело дыша и держа в руке окровавленное копье, стоял Ульсенн. Подняв дротик, Арфлейн бросился к Ульрике и Уркварту.

Вскочив на ноги, жрец закричал и показал на Арфлейна. Несколько варваров бросились ему наперерез, но были остановлены Доналом. Повернувшись, Уркварт удивленно посмотрел на Арфлейна.

Арфлейн бросился на гарпунщика, но тот отпрыгнул в сторону, так что дротик едва не вонзился в тело Ульрики. Тяжело дыша, Уркварт поднял нож и бросил быстрый взгляд на лежащий на льду гарпун, которым он собирался добить свои жертвы.

Метнув копье, Арфлейн ранил Уркварта в руку.

Уркварт по-прежнему остался недвижим.

Подбежав к гарпуну, Арфлейн поднял его. Уркварт изумленно смотрел на него.

— Арфлейн?

Зажав копье обеими руками, Арфлейн вонзил его в широкую грудь гарпунщика. Ухватившись руками за древко, Уркварт попытался вытащить оружие из своего тела.

— Арфлейн! — выдохнул Уркварт. — Вы глупец! Вы все погубили!

Уркварт отшатнулся, его глаза затуманила боль. Арфлейну показалось, что, убив гарпунщика, он убил все, чем дорожил.

Уркварт со стоном упал на лед, попытался было подняться, но забился в агонии и испустил дух.

Арфлейн повернулся к варварам, но те стояли неподвижно. Вперед выбежал Ульсенн.

— Двое! — закричал он. — Двое благородных кровей. Уркварт был кузеном мужчины и братом женщины.

Зашептавшись, варвары вопросительно посмотрели на вождя. Поднявшись на ноги, Донал почесал подбородок.

— Да, — объявил он. — Двое. Это справедливо. Кроме того, мы получили неплохое развлечение. Освободите женщину и займитесь мужчиной, если он еще жив. Завтра мы отправимся во дворец Ледовой Матери.

Пока Ульрику отвязывали, она рыдала, как ребенок. Арфлейн завернул ее в остатки мехов и взял женщину на руки. Проходя мимо окоченевшего трупа Уркварта, он почувствовал облегчение. За ними шел Ульсенн, держа на руках бесчувственное тело Манфреда Рорсейна.

Когда Ульрика уснула, а рану Манфреда перевязали, Арфлейн и Ульсенн молча сидели в тесной палатке. Наступила ночь, но ни тот ни другой не спали, они оба думали о связывающих их узах, понимая, что долго так продолжаться не может.

Глава 24

НЬЮ-ЙОРК

На следующий день Манфред Рорсейн мирно скончался и был похоронен во льду.

Арфлейн, Ульрика и Янек, сопровождаемые Доналом и его жирным жрецом, двигались к Нью-Йорку. Они быстро научились управлять огромными медведями. Скорость передвижения была невысокой, поскольку с собой варвары взяли женщин и палатки. Погода стояла на удивление прекрасная.

Увидев вдалеке изящные башни Нью-Йорка, все в изумлении остановились. Арфлейн понял, что Петр Рорсейн пожалел краски, описывая город. Башни сияли, как бы излучая вокруг себя волшебную таинственность.

Интересно, думал Арфлейн, какова истинная высота башен?

И все же что-то беспокоило его. Возможно, что он не хотел знать всю правду, не хотел встречаться с Ледовой Матерью, поскольку во время путешествия не однажды согрешил против ее воли.

— Ну,— тихо произнес Донал.— Поехали дальше!

Они медленно направились к возвышающемуся над ледовой равниной многооконному городу. Арфлейн наконец понял, что беспокоило его. От города исходило неестественное тепло, тепло, могущее растопить лед. Неужели это город Ледовой Матери? Этот город был символом мечтаний и надежд, однако от него исходила неуловимая опасность.

— Не нравится мне все это,— проворчал Донал.— Это тепло намного хуже того, что было на юге.

Арфлейн кивнул.

— Но почему здесь так жарко? Почему лед не плавится?

— Давайте вернемся,— предложил Ульсенн.— Я знал, что не надо было идти сюда.

Арфлейн в душе согласился с ним, но он твердо решил добраться до Нью-Йорка. Он должен идти, он погубил людей и разбил корабль, чтобы прийти сюда. Теперь, будучи всего в миле от города, он не мог повернуть. Покачивая головой, он пришпорил животное. За ним послышался гул голосов.

Подняв руку, он показал на изящные башни.

— Пойдем поприветствуем Ледовую Мать!

Варвары последовали за ним, подбадривая себя дикими криками. Ветер сорвал с головы Ульрики капюшон и разметал волосы. Арфлейн улыбнулся ей.

Башни стояли так близко друг к другу, что между ними оставался лишь небольшой проход. Достигнув гигантского леса из

металла и стекла, люди поняли, что, кроме тепла, еще что-то было необычным в этом городе.

Когда лапы животного под ним начали разъезжаться, Арфлейн закричал:

— Это не лед!

Вещество, по которому они ехали, искусно имитировало лед до мельчайших деталей. Теперь, когда они стояли на нем, они могли со всей определенностью сказать, что это не лед. Вещество было прозрачным, сквозь него виднелись уходящие вниз башни.

Это открытие повергло Арфлейна, впрочем, как и остальных, в замешательство. Он покачал головой. Вперед выехал Ульсенн, потрясая кулаком перед лицом Арфлейна.

— Вы завели нас в ловушку!

— Я шел курсом Петра Рорсейна.

— Это недоброе место, — твердо произнес жрец. — Нужно сейчас же уходить отсюда.

Арфлейн разделял чувства жреца. Он ненавидел атмосферу города. Вместо того, чтобы найти здесь Ледовую Мать, они встретились с ее врагами.

— Что ж, — сказал он. — Поворачиваем назад.

Едва он произнес эти слова, земля начала опускаться под ними. Вся громадная равнина медленно погружалась вниз.

Посмотрев на Донала и Ульсенна, Арфлейн понял — они собираются сделать из него козла отпущения.

— Ульрика! — позвал он и устремился к скоплению башен, сопровождаемый державшейся рядом с ним женщиной. Чем дальше они мчались по извилистому лабиринту, тем тусклее становился свет. За собой они слышали крики варваров, Ульсенна и Донала. Арфлейн понимал, что в страхе перед неизвестным они изрубят в куски и его и Ульрику. Он смотрел в лицо сразу двум опасностям, и обе они казались непреодолимыми. Он не надеялся выиграть бой с варварами и не мог остановить опускание города.

В одной из башен он увидел вход, оттуда лучился мягкий свет. В отчаянии он направил туда свое животное, за ним последовала Ульрика.

Они оказались в галерее с несколькими изгибающимися вокруг башни спусками, ведущими к ее подножию. В конце спуска они увидели несколько фигур, с головы до ног закутанных в красные одежды. На их лицах были маски. Услышав шум, они посмотрели вверх, и один из них рассмеялся, указывая на Арфлейна.

С мрачным видом Арфлейн направил животное по одному из спусков. Оглянувшись, он увидел, что Ульрика, заколебавшись, последовала за ним. К тому времени, когда они очутились внизу, люди в масках уже исчезли.

Ульрика со страхом рассматривала стены с висящими на них устройствами. Несомненно, это были приборы. Некоторые из них напоминали хронометры и компасы, другие мигали светящимися буквами, ничего не говорящими Арфлейну. Неужели это действительно дворец Ледовой Матери?

Откуда-то вновь послышался тихий смех. В это время над их головами раздался крик. Обернувшись, он увидел мчащегося на него Ульсенна, который держал в руке тесак. Арфлейн был вооружен только дротиком.

Повернувшись, Арфлейн посмотрел в лицо Ульрики. Она закрыла глаза.

Направив медведя на Ульсенна, он заблокировал копьем его удар, однако лезвие тесака начисто срезало острие дротика, оставив Арфлейна безоружным. Ульсенн вновь нанес удар, но промахнулся и потерял равновесие. Арфлейн воткнул древко копья в его горло.

К ним подъехала Ульрика, молча наблюдая, как Ульсенн схватился за рану и медленно сполз на пол.

— Теперь все кончено,— сказала она.

— Он спас тебе жизнь,— напомнил Арфлейн.

Кивнув, она заплакала.

— Отличная драка, незнакомец, добро пожаловать в Нью-Йорк.

Они обернулись. Часть стены исчезла, на ее месте стояла фигура худого человека. Его длинный череп прикрывала красная маска. Сквозь щели насмешливо блестели глаза.

Арфлейн поднял руку с копьем.

— Это не Нью-Йорк, а дьявольское место.

Человек рассмеялся.

— Это действительно Нью-Йорк, хотя и не город из ваших легенд. Тот город был разрушен почти две тысячи лет назад. Новый город стоит почти на том же месте. Однако он во многом превосходит своего предшественника, в чем вы смогли убедиться.

— Кто вы?

— Если вы искренне интересуетесь этим, я расскажу вам,— произнес человек в маске.— Идите за мной.

Г л а в а 2 5

ПРАВДА

Арфлейн хотел знать правду, именно поэтому он согласился на предложение. Однако теперь, когда они с Ульрикой стояли в ярко освещенной комнате, он чувствовал, что его разум может оказаться не в состоянии принять всю правду. Человек в красной маске исчез. Стены ослепительно завертелись, и в дальнем конце

комнаты появился сидящий в кресле мужчина. На нем были все те же красные одежды, но по сравнению с остальными обитателями города он казался карликом, одно его плечо было выше другого.

— Я Питер Баллантайн,— сказал он, тщательно произнося слова, как если бы говорил на лишь недавно выученном языке.— Прошу вас, садитесь.

Осторожно сев на мягкие стулья, Арфлейн и Ульрика изумленно наблюдали, как кресло с мужчиной мягко скользнуло по полу, остановившись лишь в нескольких футах от них.

— Я все объясню вам,— начал он.— Буду краток...

Мир пришел в упадок. Люди утратили силу духа, а следовательно, способность к выживанию. Природа, выведенная из равновесия войнами в Азии и Африке, начала покрывать разрушенную поверхность Земли ледяными покровами. Именно бомбы и внезапный скачок радиации в атмосфере послужили причиной нового оледенения. Люди разделились на два полярных сообщества. Одно сформировалось в Южно-Антарктической зоне, другое — в регионе Гренландии. Некоторое время обитатели двух полярных лагерей общались друг с другом по радио, однако высокая радиация не позволяла им вступать в непосредственный контакт.

Они избрали различные пути приспособляемости к новым условиям. Те, кто жили в Антарктиде, приспособились к окружающему их льду, научились строить корабли, способные двигаться по поверхности без затрат топлива, и жилища без специальных обогревательных установок.

Как только лед покрыл планету, они ушли из Антарктики, направляясь к экватору. Вскоре они наткнулись на плато Матто Гроссо и решили устроить там постоянный лагерь.

Приспосабливаясь к новым условиям, они забросили науки, и в последующие несколько столетий учение Ледовой Матери заменило им логику второго закона термодинамики, в котором логично доказывалось, во что люди верили чисто интуитивно,— будущее принадлежит вечному льду.

Возможно, что адаптация южан представляла собой более здоровую реакцию на новые условия, чем то, как реагировали на них обитатели Арктики. Северяне все глубже и глубже зарывались в свои подледные пещеры, проводили время в научных поисках, способах сохранить свою жизнь такой, какой они знали ее.

В последних сообщениях, посланных северянами в Антарктику, говорилось, что они достигли такого уровня развития, который позволит им передвинуть свой город дальше на юг, и что они собираются установить его на месте Нью-Йорка. Они предложили свою помощь южанам, на что те ответили отказом и разобрали радиоприемники на детали. Жизнь, которую южане вели в Ан-

тарктике, вполне устраивала их. Таким образом, северяне продолжали совершенствовать свои науки и условия жизни, результатом их трудов стал Нью-Йорк. Теперь же быстрый рост льда сменился таким же быстрым его разрушением.

— Пройдет, по крайней мере, двести лет, прежде чем ото льда освободится значительная часть суши — объяснял Питер Баллантайн. — Таким образом, жизнь возвращается из восточных и западных районов Земли, которые никогда не были полностью скованы льдом.

Арфлейн и Ульрика слушали его почти без всякого выражения. Арфлейну казалось, что он тонет, тело и разум отказывались повиноваться ему.

— Мы рады гостям, в особенности из Восьми Городов, — продолжал Баллантайн.

Арфлейн поднял голову:

— Вы лжете. Лед не тает, вы говорите ересь...

— Это проверенные факты. И что в этом плохого?

— Я верю в вечный лед, — медленно произнес Арфлейн, — верю в то, что все должно замерзнуть, в то, что лишь милосердие Ледовой Матери дарует нам жизнь.

— Но вы сами можете убедиться, что эта доктрина неверна, — мягко возразил Баллантайн. — Ваше общество придумало ее, чтобы оправдать свой образ жизни. Но теперь она не нужна вам.

— Я понимаю, — произнес Арфлейн. Им овладело непродолимое отчаяние, казалось, что вся его жизнь, с тех пор, как он спас Рорсейна, вела его к этому моменту. Постепенно он предал все свои принципы, позволил себе поддаться эмоциям, вступив в греховную связь с Ульрикой, забыв учение Ледовой Матери. Живи он согласно своему внутреннему закону, Ледовая Мать успокоила бы его сейчас. Послушайся он Уркварта, последнего из верных последователей Ледовой Матери, отправься он с ним вместе, они нашли бы настоящий Нью-Йорк. Но, спасая жизнь Ульрики, он убил Уркварта. Теперь Арфлейн понимал, что тот имел в виду. Уркварт пытался направить его по истинному пути Ледовой Матери, если бы только он мог найти ее...

Ульрика взяла его за руку.

— Он прав, — произнесла она, — именно поэтому жители Восьми Городов меняются, они чувствуют, что что-то происходит с миром. Они приспособляются к этому, как приспособляются животные, киты, например.

— Адаптация сухопутных китов была вызвана искусственно, — с гордостью сообщил Баллантайн. — Это был эксперимент, по счастью случайности принесший пользу вашему народу.

Арфлейн вновь удрученно вздохнул. Потерев вспотевший лоб, он обернулся к Ульрике и нежно коснулся ее руки.

— Ты приветствуешь это,— сказал он.— Приветствуешь и понимаешь. Ты — само будущее.

Она нахмурилась.

— Я не понимаю тебя, Конрад. Ты говоришь так таинственно.

— Извини.— Он отвел взгляд и посмотрел на сидящего в кресле Баллантайна.— Я принадлежу прошлому. Думаю, вы понимаете это.

— Да,— с сожалением произнес тот.— Я понимаю, но...

— Но вы должны уничтожить меня.

— Конечно нет.

— Я простой человек,— вздохнул Арфлейн.— И старомодный.

— Мы найдем способ приучить вас к новой жизни,— обратился к нему Баллантайн.— Ваши друзья-варвары все еще гоняют по поверхности, словно испуганные тараканы. Нужно подумать, как мы можем помочь им.

Г л а в а 2 6

СЕВЕР

На следующий день Питер Баллантайн вел Ульрику по городскому искусственному саду. Взглянув на сад, Арфлейн отказался сопровождать их. Теперь, сидя в галерее, он рассматривал машины, которые, по словам Баллантайна, были сердцем города, дающим ему жизнь.

— Точно так же, как ваши предки приспособились ко льду,— говорил Баллантайн Ульрике,— вы должны привыкнуть к его исчезновению. Вы интуитивно шли к северу, понимая, что там ваша родина. Все это понятно. Но теперь вы должны вновь вернуться на юг, вернуться ради себя и своих детей. Вы должны передать вашему народу знания, полученные от нас, хотя потребуется много времени, прежде чем они смогут принять их. Если же ваш народ не переменится, он обратится в дикарей.

Ульрика кивнула. Со все возрастающим восторгом она смотрела на множество ярких цветов вокруг, вдыхая их чудесный аромат. С сияющими глазами она улыбнулась Баллантайну.

— Я понимаю, что Арфлейн встревожен,— продолжал тот.— Он чувствует себя виноватым, хотя его вины нет. Все ограничения, существовавшие в вашей жизни, были вызваны суровой реальностью, но теперь надобность в них отпала. Вот почему вы должны идти на юг и передать вашему народу новые знания.

Ульрика показала на цветы.

— Этим вы замените лед? — спросила она.

— Этим и многим другим. Ваши с Арфлейном дети смогут увидеть это, если только пожелают идти дальше на юг. Они смогут

жить там, где эти цветы растут сами по себе.— Он улыбнулся, тронутый ее детской радостью.— Вы должны убедить его.

— Он поймет,— убежденно произнесла Ульрика.— А что будет с варварами, Доналом и остальными?

— Мы были вынуждены применить к ним более примитивные методы. Но и они помогут распространить наши идеи.

— Я хотела бы, чтобы Арфлейн пришел сюда,— сказала Ульрика.— Я уверена, ему бы понравилось здесь.

— Возможно. Вернемся к нему?

Увидев подходящих к нему Ульрику и Питера, Арфлейн поднялся.

— Я хотел бы вернуться на поверхность,— холодно произнес он.

— У меня не было ни малейшего намерения держать вас здесь против вашей воли,— сказал Баллантайн.— Теперь вы останетесь одни.

Он вышел из галереи. Арфлейн отправился к отведенным им комнатам. Рядом с ним шла Ульрика.

— Когда мы вернемся во Фризгальт, Конрад, мы сможем пожениться,— взяв его за руку, сказала Ульрика.— Это сделает тебя Главным корабельным лордом. Ты поведешь наш народ в будущее, как того хочет Баллантайн. Ты станешь героем, Конрад, легендой!

— Я не верю в это,— осторожно сняв ее руку, ответил он.

— Конрад?

Он покачал головой.

— Возвращайся во Фризгальт,— сказал он.

— А что будешь делать ты? Ты должен вернуться со мной.

— Нет.

Он нагнулся было поцеловать ее, но внезапно отшатнулся.

— Наша любовь...— Ее голос дрожал.— О, Конрад!

— Наша любовь преступна. Мы уже расплатились за нее. Все кончено. Я...— Он нахмурился, как будто впервые слышал свой голос.— Я отдаю себя во власть Ледовой Матери. Теперь она может быть уверена в моей верности.

Поцеловав его в плечо, Ульрика вернулась в сад.

ЭПИЛОГ

Город поднялся к поверхности льда, и они разжали объятия. Над ледовой равниной занимался шторм. В высоких башнях города завывал ветер. Питер Баллантайн помог Ульрике подняться в кабину вертолета, который улетал во Фризгальт.

Оседлав зверей, варвары с оглушительными криками направили их на юг. Помахав на прощание рукой, Донал повел своих людей через равнину.

Арфлейн проводил их взглядом. На его ногах были лыжи, в руках — два копия, над глазами козырек, за плечами мешок.

Из кабины высунулась Ульрика.

— Конрад...

Он улыбнулся.

— До свидания, Ульрика.

— Куда ты направляешься? — спросила она. Арфлейн показал куда-то вдаль.

— На север, искать Ледовую Мать.

Как только двигатели машины заработали, он развернулся и, отталкиваясь копиями, устремился прочь.

Поднявшись с оглушительным шумом в воздух, вертолет взял курс на юг. Через стекло иллюминатора Ульрика следила за уменьшающейся фигурой Арфлейна. Метель временами закрывала его.

Вскоре он окончательно исчез из виду.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИЛОГИЯ О МАЙКЛЕ КЕЙНЕ

ГОРОД ЗВЕРЯ

Роман

5

ПОВЕЛИТЕЛЬ ПАУКОВ

Роман

109

ХОЗЯЕВА ЯМЫ

Роман

213

ЛЕДОВАЯ ШХУНА

Роман

313

Литературно-художественное издание

Муркок Майкл

ГОРОД ЗВЕРЯ

Фантастические романы

Ответственный редактор *Н.А. Лазарев*

Редактор *Н.К. Попова*

Художник *Е.Ю. Малышкова*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректор *И.В. Лебедева*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 05.07.93.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.
Уч.-изд. л. 30,69. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4146

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Набрано и сверстано в АО "Сиринга".
129090, Москва, ул. Гиляровского, 10.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП "Нижеполиграф".
603006 г. Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

предлагает полный комплекс туристического обслуживания

◆ **ОТПРАВКА ТУРИСТИЧЕСКИХ ГРУПП** по отлаженным маршрутам:

В Европейские страны - Англия, Франция, Италия, Греция, Швейцария, Испания, Голландия, Германия, Болгария, Венгрия, Египет и другие страны Европы.

Страны Азии, Африки и Латинской Америки - ОАЭ, Таиланд, Малайзия, Сирия, Сингапур, Филиппины, Израиль, Кипр, США, Каир, Танзания и др. страны.

◆ **ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ТУРЫ ДЛЯ СОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ**

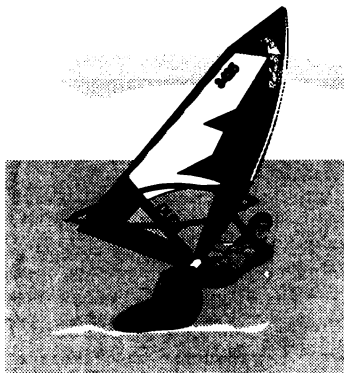
Дорогостоящие туры с размещением в высококлассных 5-ти звездочных гостиницах и отдых на престижных курортах по всему миру.

◆ **ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТУРЫ**

Любой желаемый маршрут, учитывая требования клиентов по сервису. Обеспечение бронирования гостиниц и туристическое обслуживание в странах Западной Европы, Америки и Азии.

**АГЕНТСТВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ УСЛУГИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ
ВИЗ И ЗАГРАНПАСПОРТОВ ПО УМЕРЕННЫМ ЦЕНАМ.**

- ◆ Увлекательные путешествия и отдых
- ◆ Деловые поездки, бизнес- и шоп-туры
- ◆ Индивидуальный и семейный туризм
- ◆ Групповые туры по льготным тарифам
- ◆ Оформление паспортов и виз
- ◆ Бронирование билетов на международный транспорт по льготным тарифам

Все это ИНТЕРАГЕНТСТВО «ДЕПОЛЬ»

Мы всегда рады выполнить любые Ваши пожелания!

ГОРОД
ЗВЕРЯ
ПОВЕЛИТЕЛЬ
ПАУКОВ
ХОЗЯЕВА
ЯМЫ
ЛЕДОВАЯ
ШХУНА